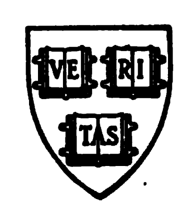

VE
RI
TAS

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин., 7.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1874.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—XXII стр.

АЛЬБОМЪ

Группы и портреты.

Главную улицу города N. пересѣкаетъ коротенькій переулокъ, дома въ два-три, кончающійся крутымъ спускомъ, почти оврагомъ, внизу котораго ручей. Хотя этотъ ручей считается рѣчкою и даже упоминается въ учебникахъ географіи, но полонъ бываетъ только въ весенній разливъ; лѣтомъ его воды едва достаетъ на поливку огородовъ на отлогой сторонѣ оврага. Съ большой улицы, прохожему, который, тоскуя отъ пыли, спотыкался на изрытомъ кирпичномъ тротуарѣ, не видя впереди ничего, кромѣ еще бо́льшихъ клубовъ пыли, — отрадно бросалась въ глаза зелень въ самой глубинѣ переулка, у самаго спуска. Тамъ былъ садъ съ большими липами, съ цвѣтущей сиренью, съ стѣною акацій. Къ саду примыкалъ домъ, непохожій на N—скіе дома, уютный, красивый, маленькій съ большими окнами, съ мезониномъ въ родѣ стеклянной башенки, — скорѣе дачный, нежели городской, но безъ пестрыхъ украшеній, какія принято налѣпливать на постройки, чтобъ придать имъ видъ сельской простоты. Правда, по карнизу шла вывѣска, огром-и сіяющими буквами по черному фону, но она не портила аго впечатлѣнія, а только обращала вниманіе издали: *Atelier ographique,* — и помельче, надъ дверью подъѣзда, поясненіе большинства N—ской публики: *Рудольфъ Либмейеръ, фотоѳъ.*—Въ садъ выходилъ балконъ, у стеклянной башенки былъ е балконъ; ихъ соединяла наружная, тонкая лѣсенка; въ домъ воздухѣ, въ зелени, это было граціозно.

Балконы были убраны тоже зеленью и цвѣтами въ горшкахъ. На нижнемъ, у стола съ газетами и журналами, двое господъ пили кофе и курили. Одинъ изъ нихъ былъ хозяинъ, бѣлокурый, высокій, красивый, очень разговорчивый и веселый; онъ носилъ волосы съ проборомъ на двѣ стороны и что-то черное бархатное, въ родѣ блузы безъ пояса, какое-то подражаніе костюмамъ средневѣковыхъ художниковъ. Онъ помнилъ, что онъ красивъ и нѣсколько рисовался. Ему было лѣтъ тридцать. Гость казался старше, можетъ быть отъ усталости, замѣтной на его неровно-блѣдномъ лицѣ. Когда онъ улыбался на безпрестанный смѣхъ хозяина, это выходило какъ-то машинально, разсѣянно, и его глаза не смѣялись. Онъ былъ одѣтъ изящно, нѣсколько небрежно, съ сумкой черезъ плечо, по дорожному. Его звали Аяровъ. Съ Либмейеромъ они были знакомы давно, но не близко, и въ послѣдній разъ видѣлись семь лѣтъ назадъ, когда Аяровъ, оставляя N., проѣхалъ черезъ Москву.—Теперь, Либмейеръ напоминалъ эту послѣднюю встрѣчу.

— Видите ли, вы говорили, что уѣзжаете навсегда!—восклицалъ онъ весело.—Загадывать впередъ ничего нельзя. Я вѣрить не хочу, будто вы здѣсь только до вечера, будто съ первымъ ночнымъ поѣздомъ вы укатите и опять «навсегда». Изъ чего же вы пріѣзжали?

— Посмотрѣть, на мѣстѣ ли вашъ N.,—отвѣчалъ Аяровъ.

— Невозможно! Конечно, хотите видѣть прежнихъ знакомыхъ...

— Сохрани Господи, никого.

— Такъ исключеніе сдѣлано для меня?

— Какъ васъ сюда занесло?

— Вы виноваты!—отвѣчалъ Либмейеръ еще веселѣе и смѣясь еще громче.

У него въ самомъ дѣлѣ былъ веселый характеръ, но онъ еще пріучился смѣяться, чтобъ оживлять физіономіи своихъ заказчиковъ.

— Вы виноваты, вы, мой любезнѣйшій! Въ наше послѣднее свиданіе, въ Москвѣ,—вы уѣзжали отсюда, изъ N., и кляли его, несчастнаго, на чемъ свѣтъ стоитъ, — помните? Мнѣ въ то время жилось плохо, — нечего таить. Я подумалъ: не поискать ли счастья тамъ, откуда люди бѣгутъ?

— Фантазія,—замѣтилъ Аяровъ.

— Дикая фантазія, — повторилъ Либмейеръ; — но дикости, крайности, странности,—это еще неизвѣданное, загадочное; это—судьба! Я вздумалъ запустить руку въ таинственный кладезь и...

какъ видите, пріѣхалъ я сюда очень налегкѣ, почти ни съ чѣмъ, а въ семь лѣтъ—свой домикъ, свой садикъ, экипажъ, думаю... нужно только счастье.

— Неужели можно такъ много заработать на карточкахъ?

— Счастье нужно. Опять — надо угодить публикѣ. Я тутъ засталъ одного фотографа... и надо отдать ему справедливость: знающій, въ Лондонѣ былъ. Но чтобъ понять здѣшнюю публику— никакой опытности. Ну, тутъ я изъ послѣдняго бился, какъ только могъ. Онъ и убрался. И инструменты я у него купилъ, какъ мнѣ бы въ Москвѣ не удалось... потому, кому-жъ онъ ихъ могъ сбыть, кромѣ меня? Счастье! Вотъ какъ я одинъ остался, я себя и показалъ. Здѣшняя публика этого отъ роду не видала: пріемъ, разговоръ... Да къ этому еще дядя у меня во Франкфуртѣ умеръ...

— На счастье?—повторилъ Аяровъ.

— На счастье!—повторилъ, захохотавъ, Либмейеръ... Нѣтъ, чтó же? я его даже не зналъ; я родился въ Россіи... Досталось мнѣ отъ него немного; конечно, все-таки поддержка. И, какъ я вамъ сказалъ, я здѣсь одинъ; меня знаютъ, полюбили... Вы, право, слишкомъ были требовательны къ здѣшнему обществу; я его засталъ какъ разъ вслѣдъ за вами; оно, право, ничего...

— Совершенно ничего, я съ вами согласенъ, — отвѣчалъ Аяровъ.—Но наше положеніе разное: вы только снимаете портреты, а мнѣ приходилось имѣть дѣло съ самими людьми. Вотъ, тотъ баринъ, напримѣръ, чтó виситъ у васъ въ золотой рамкѣ, въ гостиной; я неважная особа, а увѣренъ, что ему не было непріятно, когда мнѣ вздумалось бросить здѣшнюю службу и уѣхать. Кстати, чтó онъ еще у васъ творитъ?

Либмейеръ торопливо оглянулся въ цвѣтникъ. Гость касался щекотливаго вопроса. Господинъ начальникъ губерніи, изобразившись во всѣхъ своихъ украшеніяхъ, оставилъ фотографу экземпляръ портрета съ собственноручной надписью: «въ знакъ сочувствія къ искусству и художнику» и что-то далѣе, довольно длинное, менѣе понятное, но исполненное дружелюбнаго благоволенія, просвѣщеннаго покровительства и начальнически-вѣской шутки. Этотъ портретъ занималъ видное мѣсто въ гостиной, и никогда никто не осмѣлился произнести предъ нимъ ничего подобнаго тому, чтó сейчасъ выговорилъ этотъ *ex*-судебный слѣдователь, кажется, во всемъ отечествѣ не находящій себѣ мѣста по нраву... Либмейеръ, впрочемъ, не нашелъ нужнымъ возражать, а вопроса будто не разслышалъ. Въ короткій промежутокъ молча-

нія, Аяровъ, казалось, и самъ забылъ, что «спрашивалъ». Хозяину показалось неловко молчать.

— Нѣтъ, здѣсь право не скучно, — началъ онъ снова: — въ послѣднее время особенно. Знаете, общество опять оживляется. Лѣтъ шесть-семь назадъ ужъ очень серьёзничали. Теперь, какъ-то все это въ порядокъ приходитъ. Танцуютъ. Театръ есть, оперетки. Съ дамами есть о чемъ поговорить. А то, бывало, помните, неприступности... Ахъ, забавно: когда я только-что здѣсь обзавелся, ко мнѣ приходили двѣ дѣвицы, просили, чтобъ я училъ ихъ снимать, да еще мало этого: читай я имъ химію... Мало ли такихъ затѣй бывало. Теперь вспомнить забавно, а что я, въ крайности, въ первое время выносилъ! Препараты, бывало, имъ снимаешь, жуковъ разныхъ... Право! что-жъ дѣлать! нужда!.. Но всего бывало непріятнѣе — женскіе портреты: все черный люстринъ, ни бантика, ни позы, ни выраженія. Все «строгая простота», а художнику это наказаніе. Только-только хочешь освѣтить какъ-нибудь, посадить,—кричатъ: «не естественно!» Какое ужъ тутъ искусство и какъ себя заявить...

— А теперь?—спросилъ Аяровъ.

— О, теперь, нѣтъ никакого сравненія! Дамъ не узнаешь; ожили, опять красота, опять наряды. Теперь художнику раздолье. Я вамъ покажу...

— Вы сохраняете портреты, которые дѣлаете? — спросилъ поспѣшно Аяровъ.

— То-есть, замѣчательные, для коллекцій.

— Для какихъ коллекцій?

— Для продажи.

— Коллекцій? Для продажи?

— Ну, да. Вы знаете, новая мода? Да знаете! Альбомы хорошенькихъ головокъ?

— Понятія не имѣю.

— Неужели? Невозможно! Помилуйте... Ну, замѣтно, что вы съ азіатской границы!.. Помилуйте, ныньче для кабинета молодого человѣка это обязательно. Стереоскопы,—ну, то интимное, а это— альбомы для всѣхъ...

— Не видалъ,—возразилъ Аяровъ.

— Это прелесть! Прежде, давно, бывали литографіи,—Греведона, что-ли? — но то была фантазія, а это настоящія, живыя. Раскрой и любуйся — десятки!

— Откуда-жъ вы ихъ набираете?

— Да просто: знакомыя, незнакомыя, хорошенькія, эффектныя лица. Напримѣръ, я снимаю портретъ, вижу—подходящая,—

и заготовляю такихъ побольше. Мы, художники-фотографы, размѣниваемся, поставляемъ одинъ другому. Нарасхватъ разбираютъ.

— И это такъ явно, откровенно?

— Такъ чтó-же?.. Ахъ, да! Ну, знаете, будто подъ секретомъ!

— А между тѣмъ—на весь свѣтъ?

— Такъ чтó же?

— И никто не вступится?

— Кому же вступаться?

— Какъ кому? Отцамъ, мужьямъ, братьямъ...

— Э, они сами покупаютъ себѣ чужихъ женъ, сестрицъ, дочекъ!

— Но сами женщины? Каково же знать, что ихъ лица достаются кому попало?

— Женщины? Помилуйте! Не тѣ времена! Это прежде, бывало, снимается остриженная, да, этакъ, повелительно: «прошу васъ уничтожить негативъ»; а я и намѣренія не имѣлъ его сохранять, и снималъ потому только, что—ремесло, платятъ мнѣ... Хорошенькая сама предчувствуетъ, для чего я ее эффектно сажаю, освѣщаю; еще сама мнѣ поможетъ, поправится, выраженіе приметъ, чтó-нибудь придумаетъ; она сама рада... И какъ удачно выходитъ, очарованіе! Неужели вы никогда не видали? Я вамъ сейчасъ покажу...

Онъ обрадовался не то случаю похвастаться работой, не то возможности чѣмъ-нибудь занять гостя.

— Это моя спеціальность, женскія лица и эти коллекціи,— продолжалъ онъ съ гордостью, остановясь въ дверяхъ балкона.— Вы такихъ немного найдете и въ Петербургѣ. Соперничаю съ заграничными. Посмотрите, какова отдѣлка, да порекомендуйте... Не хвалюсь... Но, вотъ, увидите...

Аяровъ остался одинъ и прошелся по балкону. Съ этой высоты, между деревьями, было видно далеко. За рѣчкой свѣтились главы церквей; пролетѣли голуби, сверкнувъ крыльями. Было тихо, какъ въ деревнѣ... Аяровъ, казалось, крѣпко задумался. Но онъ ничего не думалъ, хотя многое могъ бы напомнить ему городъ, гдѣ онъ провелъ первые четыре года своей свободной молодости. Все прошедшее, всѣ воспоминанія, вся молодость, вся жизнь кончилась для него вчера вечеромъ. Этому не было еще сутокъ. Онъ еще лежалъ подъ ударомъ, подъ тяжестью этого конца...

Вчера онъ ѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ одного далекаго города въ Петербургъ. Вечеромъ, за обѣдомъ, на станціи, откуда вѣтвь дороги идетъ въ N., онъ услышалъ, какъ одинъ проѣзжій господинъ сказалъ другому:

— Новоселовъ овдовѣлъ.

Аярову показались эти слова какъ-то странными, будто не по-русски; ему показалось, будто у него охолодѣли колѣни, а изъ груди кто-то вытянулъ воздухъ. Совершенно ничего не понимая, ни говора кругомъ, ни предметовъ, онъ обратился къ незнакомому господину:

— Кто овдовѣлъ?

Господинъ оглянулъ его вопросительно. То же въ эту минуту сдѣлали многіе другіе.

— Мой хорошій пріятель, Иванъ Петровичъ Новоселовъ,— отвѣчалъ онъ отчетливо и не безъ нѣкотораго внушенія незнакомому, который позволилъ себѣ вмѣшаться въ чужой разговоръ:— Новоселовъ.

— Не можетъ быть!

— Дѣлать нечего-съ, такъ есть!—подтвердилъ прохожій, улыбаясь и пожимая плечами. — Я самъ провожалъ его супругу въ послѣднее жилище, въ Духовской монастырь... Еще въ мартѣ умерла, — прибавилъ онъ, обращаясь къ своей компаніи: — на-дняхъ поставятъ памятникъ; ужъ привезли....

Аяровъ всталъ изъ-за стола, расплатился, подошелъ къ кассѣ, взялъ себѣ билетъ и пошелъ садиться въ вагонъ N—скаго поѣзда, готоваго отойти. Онъ самъ не зналъ, какъ и за чѣмъ это дѣлалъ, но дѣлалъ все очень спокойно. Онъ только забылъ свой дорожный мѣшокъ въ петербургскомъ поѣздѣ; его догналъ съ нимъ услужливый кондукторъ.

— Благодарю васъ.

Онъ вспомнилъ, что за услугу надо заплатить, потомъ поискалъ себѣ мѣста поудобнѣе, въ углу вагона, чтобы ночью лучше выспаться. Было прохладно; что-то сырое, въ родѣ дождя, провеслось мимо оконъ. Пассажиры кругомъ спали крѣпко. Аяровъ, впрочемъ, не зналъ, былъ ли кто-нибудь въ его вагонѣ. Рядомъ съ нимъ не сидѣло никого. Ему не спалось, онъ смотрѣлъ въ окно. Поля молодой ржи лежали сизыя, какъ сталь; полосы лѣса раздвигались, одна назадъ, другая впередъ; какъ кусокъ отбитаго стекла, отражая темное облако на желтомъ отсвѣтѣ неугасающей зари, мелькалъ изгибъ рѣчки; надъ болотами стоялъ туманъ, черные камыши, бѣлыя вербы. Даль волнистой, мягко-синей равниной рѣзко отдѣлялась отъ блѣднаго неба. Вдругъ

все скрывалось за стѣной насыпи; наверху ея, точно пугала, появлялись и бѣжали кустарники; роща подступала къ самой дорогѣ; клубы дыма скатывались до земли, разметывались, и длинными призраками уплывали подъ деревья; вертясь и дрожа, пролетали искры...

Что-то загремѣло особенно громко, мостъ или встрѣчный поѣздъ...

— Oh! Hélène, où es-tu? — раздался спросонка испуганный голосъ за подушкой сосѣдняго диванчика.

— Елена...—проговорилъ Аяровъ, бросаясь головой въ свою подушку.

Въ восемь часовъ утра показался городъ N. Солнце было ярко, небо розовое, тѣни голубыя; въ полѣ сверкали золотомъ полосы желтыхъ цвѣтовъ, звенѣли жаворонки; въ городѣ темнѣли сады, перекликались протяжные ранніе колокола. Пассажиры суетились. При концѣ пути усталость чувствовалась сильнѣе; еще противнѣе казались пыль и копоть, запахъ гари, грязи, сала, ржаваго желѣза, еще скучнѣе однообразіе дороги и кругомъ нея — ворохá мусора и камней, лужи, рытвины, пустыри, разоренье...

Машина еще разъ отчаянно крикнула; послѣдніе клубы буросѣраго дыма выкинулись въ сіяющій воздухъ; пассажиры вышли на платформу большого каменнаго вокзала.

Аяровъ вышелъ тоже. Семь лѣтъ назадъ, когда онъ оставлялъ N., тамъ еще не было желѣзной дороги. Онъ не узнавалъ мѣста и въ окружающей толпѣ не видѣлъ ни одного знакомаго лица. Но ему никого не было нужно. Онъ помнилъ только, за чѣмъ пріѣхалъ; все остальное кружилось передъ нимъ, какъ одинъ изъ отрывочныхъ сновъ этой ночи.

— Не изволите ли остановиться? Нумера хорошіе. Вотъ-съ, близко, напротивъ? — раздалось подлѣ него, когда онъ вышелъ на крыльцо.

Содержатель гостинницы указывалъ ему на большой деревянный домъ съ раззолоченной вывѣской.

— Хорошо, — отвѣчалъ Аяровъ, машинально уступая ему свой мѣшокъ.—А когда здѣсь отходятъ поѣзды?

— Вамъ куда желательно?

— Въ Петербургъ.

— Московская машина теперь пойдетъ не раньше, какъ въ часъ ночи... У насъ чай, кофе, обѣды, чтó угодно можете получить. А угодно вамъ будетъ ѣхать—на вокзалъ рукой подать...

— Хорошо. Дайте мнѣ комнату...

— Пожалуйте-съ. Гостинница «Казбекъ». Нумера у насъ есть всякіе...

— Хорошо. Мнѣ еще прежде нужно въ городъ. Я возвращусь...

Онъ сѣлъ на дрожки.

— Въ Духовской монастырь.

Онъ проѣзжалъ знакомыя улицы, узнавалъ постарѣвшіе дома. Онъ не былъ въ томъ странномъ настроеніи, которое дѣлаетъ человѣка будто постороннимъ зрителемъ, насмѣшливымъ судьею собственныхъ поступковъ, собственныхъ чувствъ, собственнаго прошедшаго. Для Аярова прошедшее только-что настало; жизнь только-что погасла, была еще тепла. Онъ мучился нетерпѣливой, рѣзкой болью, смертной мукой... какъ та мука, которая, говорятъ, *была*... чему онъ не хотѣлъ вѣрить, чему онъ вѣрилъ, въ чемъ ему было нужно убѣдиться...

Онъ ѣхалъ къ *ней*.

Входя въ ограду, онъ подумалъ, что вѣдь не знаетъ, гдѣ *она*. Но ему не хотѣлось разспрашивать. Все равно искать, хоть цѣлый день...

«*Она* покличетъ»...

Онъ улыбался и шелъ...

Должно быть, въ самомъ дѣлѣ, *она* кликнула...

Низенькая насыпь въ густой травѣ, деревянный крестъ и на немъ—*ея* имя...

Теперь онъ уже рѣшительно не вѣрилъ, чтобы не было на свѣтѣ *ея*, когда все цѣло, все на мѣстѣ, все въ своемъ глупомъ порядкѣ, когда все свѣтитъ, растетъ, кричитъ, а *она*... Нигдѣ нѣтъ *ея*. Нигдѣ, нигдѣ, нигдѣ...

Онъ поднялся...

Семь лѣтъ назадъ, онъ оставилъ ее счастливой женой любимаго человѣка; ушелъ съ глазъ долой, думая, что вдали будетъ легче; безтолково влюблялся въ другихъ, полюбилъ все-таки ее одну; берегъ въ себѣ это хорошее, честное чувство, и оно, въ свою очередь, берегло его, не давало мельчать, напоминало обязанности, поддерживало мужество... Романическая забава! сказалъ бы кто-нибудь, еслибы объ этомъ зналъ кто-нибудь...

Онъ стоялъ и смотрѣлъ, не вспоминая, не тупо-равнодушно, а спокойно. Все кончено. *Ея* имя у него передъ глазами; *она* точно тутъ. Теперь онъ убѣжденъ совсѣмъ. Пора уходить. Въ церкви, слышно, поютъ; неравно найдетъ сюда народу...

Онъ отошелъ и воротился. Ему хотѣлось схватить этотъ холмикъ и унести съ собою.

«Что-жъ такъ бѣдно?.. Да, правда: на-дняхъ поставятъ памятникъ; ужъ привезли»...

«А къ *ней* лучше идетъ, вотъ такъ, просто»...

Ему стало вдругъ жалко, болѣзненной, робкой жалостью, въ которой милое является чѣмъ-то безпомощнымъ, меньшимъ... Вспоминалось, какая *она* была бѣленькая... Онъ тихо и горько заплакалъ.

— Прощай,—сказалъ онъ вслухъ, и остановился опять.

«Какъ бы, въ самомъ дѣлѣ, унести *это?..*»

Ему вдругъ пришла мысль. Конечно, есть здѣсь какой-нибудь фотографъ. Привезти его сейчасъ сюда, велѣть снять, увезти негативъ...

Онъ взглянулъ на часы: десять! Самая пора.

Онъ скоро нашелъ фотографію. Но тутъ случилась нечаянная встрѣча съ забытымъ знакомымъ, который, какъ нарочно, хорошо его помнилъ. Знакомый несимпатичный, пустой, теперь несносный вдвое. Чужому можно было бы просто заказать. Этотъ не отвяжется, пустится въ догадки, станетъ набиваться на откровенность... И вести его туда? выдавать ему душу? Еще осмѣлится, подшутитъ... Ну его, къ чорту!.. И что́ за выдумка—фотографія съ могилы! Что за великосвѣтски-сентиментальная прихоть!..

Мелкая житейская досада возмутила его чувство; оно оставалось, какъ было, полно въ душѣ, но ему ужъ нашлась помѣха. Видно, такая судьба всякаго чувства. Прятать его изъ необходимости, изъ приличія, изъ собственной ревнивой злости, чтобы не смѣли заглядывать въ него тѣ, кого мы знать не хотимъ; притворяться спокойными, заниматься дѣломъ, заниматься вздоромъ, покуда отговорки *«не время»*, *«не мѣсто»*, — отговорки, созданныя чужимъ равнодушіемъ и нашимъ собственнымъ трусливымъ нежеланіемъ поглубже и побольнѣе взворочать свое сердце, покуда онѣ покажутся намъ логичны, покуда имъ не обрадуется нашъ тайно-взлелѣянный эгоизмъ, покуда и дѣло, и вздоръ втянутъ и поглотятъ не только чувство, но и память, что мы когда-нибудь были способны чувствовать...

Либмейеръ воротился, таща огромную папку.

— Вотъ вамъ,—воскликнулъ онъ торжественно.—И уговоръ: если какія полюбятся, берите ихъ для начала вашего альбома. Что это, вы отъ вѣка отстали, помилуйте! Позвольте васъ просвѣтить.

Онъ суетился, сбросилъ газеты на полъ и раскинулъ папку.

— Тутъ всякія: кабинетныя, альбомныя, группы. Это — образцы, для выбора. Какую выберете, — видите, нумеръ? Сейчасъ вамъ по немъ принесутъ изъ мастерской сколько угодно. Ну-съ, какъ вы находите?

Восхищаясь, онъ разбрасывалъ портреты по столу. Ихъ было безъ числа. Это множество производило странное впечатлѣніе. Точно будто вбѣжала и обступила толпа, въ которой наблюдатель могъ только потеряться, не успѣвая разсматривать, смущаясь отъ сотни взглядовъ, устремленныхъ на него со всѣхъ сторонъ. Все женщины, женщины. Молоды онѣ или стары, красивы или безобразны, — кто ихъ разберетъ! Ихъ много; отъ нихъ тѣсно; фасы, профили, затылки, и лица и затылки вмѣстѣ, съ ихъ отраженіемъ въ зеркалахъ. Клубы мрака и изъ нихъ выступающіе, будто обломки чего-то каменнаго,—носы, лбы, бороды, охваченные электрическимъ свѣтомъ. Невѣроятное множество огромныхъ глазъ и невѣроятно-длинныхъ рѣсницъ. Все бѣлыя плечи, локти, спины; руки, скрещенныя на груди, руки, протянутыя для объятій, пальцы, кокетливо грозящіе, пальцы, указующіе въ небеса; соотвѣтствующіе этому, взоры удивленные, умиленные, обѣщающіе, вызывающіе, предостерегающіе, гордые, томные, лукавые, мрачные; сосредоточенно-сжатыя губы; ротики, свертывающіеся въ поцѣлуй; гнѣвно-нахмуренный лобъ, съ глазомъ, вывороченнымъ вбокъ; кончикъ круглаго носа, торчащій изъ-за поднятаго жирнаго плеча; улыбка, обнажившая зубы; запрокинутая голова, закаченные глаза; ротъ, неизвѣстно для чего раскрытый; голова въ прядяхъ распущенныхъ волосъ, склоненная благоговѣйно съ выраженіемъ молитвы и съ безконечной шеей, открытой до половины спины. Стоги волосъ взбитыхъ и плетеныхъ; косы, букольки, хохолки, рожки, шиньоны и фризоны; вязанки цвѣтовъ, колосьевъ, виноградныя лозы съ листьями и ягодами; перья всѣхъ птицъ, мѣха всѣхъ звѣрей, чучелы птицъ и звѣрей на шапочкахъ и уборахъ; горы драпировокъ, простыни, кружева, изгороди плоеныхъ оборокъ и стоячихъ фрезъ; шлейфы, уходящіе въ безпредѣльность; туники въ обтяжку; ожерелья, медальоны, пряжки, цѣпи, короны, развѣвающіяся покрывала...

— Какъ вы находите?—повторилъ художникъ.

У Аярова мутилось въ глазахъ.

— Откуда вы ихъ набрали?—повторялъ онъ.

— А-а, откуда!! Въ самомъ дѣлѣ, трудно повѣрить! Все мои-съ, моя практика. Я называю: «мои гуріи». Вотъ надо будетъ къ проѣзду восточныхъ гостей, въ вокзалъ желѣзной до-

роги заготовить выставочку, какая получше... Откуда?—Здѣшнія, пріѣзжія изъ деревень. Нынче ужъ деревни—не глушь; развитіе проникло... Но вы все-таки удивляетесь, что ихъ такъ много? Нечего дѣлать, — вамъ я секретъ открою. Вглядитесь: тутъ есть одни и тѣ же лица въ разныхъ позахъ. Да-съ. То же лицо, а его не узнаешь. Перемѣнилъ нарядъ, выраженіе другое, подрисовалъ,—изъ безобразной выходитъ хорошенькая.

— Что-жъ это за комедія?—сказалъ Аяровъ.—Стало быть, онѣ снимаютъ свои портреты только для вашей коллекціи?

— Зачѣмъ же? Нѣтъ, я имъ дѣлаю оба,—три, четыре, сколько случится. Вотъ, тутъ, у меня одна блондиночка въ четырехъ видахъ. Очень пріятно видѣть себя разнообразно.

— Но если портреты не похожи между собою, стало быть, они не похожи и на оригиналъ?

— Какъ не похожи? Вѣдь они сняты съ лица! Фотографія не лжетъ!

— Не понимаю... Стало быть, вотъ эти—одна и та же?

— Которыя?.. Что вы! Или не видите? Одна — дѣвочка, а другая — дама въ сорокъ лѣтъ. Да вы профанъ, профанъ, мой дорогой! Вы, видно, въ женщинъ никогда не вглядывались?

— Такъ это мать съ дочерью? Сестры?

Либмейеръ захохоталъ и замахалъ руками.

— Даже не родня! И въ чемъ вы нашли сходство? Въ выраженіи? Но выраженіе можно принять какое угодно...

— Развѣ это актрисы?

— Конечно, нѣтъ. Тѣ у меня особенно, — я вамъ покажу, въ костюмахъ, въ позахъ своихъ ролей...

— Но эти-то изъ чего же ломаются?

— Какъ, ломаются?—повторилъ художникъ, нѣсколько обиженный.

Аяровъ чуть не засмѣялся, искренно, въ первый разъ; желаніе было тѣмъ сильнѣе, что его было нужно скрыть.

— Я хотѣлъ сказать...—началъ онъ:—вообще, всѣ наши женщины, и въ особенности провинціалки, средняго круга... Вѣдь у васъ здѣсь, бо́льшею частью, средній кругъ?

— Здѣсь всѣ слои общества, — отвѣчалъ съ достоинствомъ Либмейеръ.

— Такъ я и говорю... Вообще, русская женщина въ жизни рѣдко рисуется, рѣдко имѣетъ случай рисоваться; ея обстановка, занятія—все просто. Зачѣмъ же на портретѣ, который она оставитъ семьѣ...

— Эти изящные портреты дѣлаются совсѣмъ не для семьи,—

строго прервалъ Либмейръ: — вотъ, напримѣръ, эта шикарная брюнетка...

Онъ показалъ на красивую даму въ беретѣ, или въ шлемѣ, на которомъ торчали два пѣтушьи пера, какъ пишутъ Мефистофеля. Закинувъ повелительно голову, какъ-будто допрашивая, она обѣими руками распускала роскошный вѣеръ genre Régence. Амурчики этого вѣера отлично вышли на фотографіи.

— Вотъ, напримѣръ, это дочь просвирни, замужемъ за участковымъ надзирателемъ. Позвольте спросить, что̀ пойметъ ея семья въ такомъ портретѣ? Такъ, чтобы имъ было доступно,— не засучить ли ей рукава, подоткнуть юбку, и такъ далѣе, и въ такомъ видѣ изобразиться?.. Полноте, милѣйшій! Не унижайте женщину, не осуждайте на вѣчный сонъ ея стремленіе къ прекрасному! Хоть разъ въ жизни блеснуть, показаться чѣмъ-нибудь лучше...

— Лучше того, что̀ она на самомъ дѣлѣ?

— О, полноте, съ вашимъ реализмомъ! Вы имъ весь міръ опошлите; вѣдь ужъ было повѣтріе... Ну, извольте, она оставитъ *это* своей семьѣ; хоть дѣти ея подумаютъ объ изящномъ!

— Но, помилуйте, они не узна̀ютъ родной матери. До̀ма, она, конечно, не гуляетъ такъ декольте...

— Конечно. Она нарочно дѣлала себѣ это платье, — отвѣчалъ Либмейеръ, очень серьёзно, а вѣеръ — мой. У меня множество готовыхъ всякихъ аксессуаровъ. Что̀ понадобилось—сейчасъ подъ рукою. Безъ нихъ нельзя. Дорого стоило мнѣ обзавестись, но дѣлать нечего. Мебель, декораціи. Группы безъ нихъ не расположишь... Правда, другіе фотографы объ этомъ не заботятся, но что̀-жъ и выходитъ! Однообразіе. Я ихъ такъ и узнаю издали; покажутъ мнѣ карточку, вижу — торчитъ фикусъ-ластикусъ, — а, говорю, такого-то работа!... Вы полюбуйтесь на мои группы. Вотъ, это одно купеческое семейство. Самъ, видите, жена, сынъ, дочки...

— Здѣшніе?

— Конечно.

— Гдѣ же они сидятъ? Вдали какія-то пальмы...

— И верблюды. Караванъ. Мысль-то не дурна-съ.

— Послушайте...—сказалъ Аяровъ.

— Что прикажете?

— Это комедія.

— Вы это ужъ говорили.

— Что̀ за охота—не быть самимъ собою? Жёны кварталь-

ныхъ въ видѣ герцогинь, старухи—въ образѣ младенцевъ... Вамъ бы ужъ этихъ—въ чалмы, въ бурнусы...

— Ну, вамъ угодно насмѣшничать!

— Нѣтъ, но я не могу понять...

— Я вамъ удивляюсь!—вскричалъ художникъ. — Какъ, не можете понять отрѣшенія отъ насущной прозы? Не понимаете, что женщина любитъ свою красоту? Что она не должна прятать эту красоту...

— И потому—пускать ее въ продажу?

— Да-съ. Этимъ женщина доставляетъ эстетическое наслажденіе! Что?.. Попробуйте сами, окружитесь вотъ этакими прелестями—жизнь покажется свѣтлѣе!

— Какъ для кого, а для меня—нѣтъ,—возразилъ Аяровъ: —ужъ одно то—знать, что это дѣлалось назаказъ, что это прикрашено, что женщина ломалась, наряжалась напрокатъ, знала, что ея лицо будетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продаваться всякому встрѣчному фату, и тотъ будетъ наслаждаться — вовсе не эстетически, потому что прекраснаго тутъ на волосъ нѣтъ, а только упадокъ вкуса и нравственнаго чувства...

— Какъ вы, право, хотите идти наперекоръ общему мнѣнію!—вскричалъ Либмейеръ.—Вамъ тоже могутъ сказать, что у васъ нѣтъ вкуса!

— Позволяю.

— Потому что странно, чего вы требуете... Еще нравственное чувство какое-то! Что тутъ безнравственнаго, скажите пожалуйста? Такой альбомъ можете положить въ любомъ салонѣ. Это принято-съ. Если вы не знали — никто не виноватъ... извините. А костюмы—что-жъ особеннаго? Съ самыми небольшими измѣненіями, нынче всѣ такъ, самыя образованныя, серьёзныя женщины....

— Не могу я признать серьёзной женщину, которая вертитъ у себя на головѣ вавилонскую башню.

— Почему же-съ?

— Серьёзной женщинѣ некогда этимъ заниматься.

— Такъ остричься подъ гребенку?

— Крайность, не легче: все-таки можно что-нибудь дѣлать. А тутъ—полпуда на маковкѣ, всѣ движенія стѣснены, — нельзя ни думать, ни работать. Остается только улыбаться на всѣ лады. Женщина, которая только улыбается...

— Позвольте, вотъ вамъ не улыбающаяся,—прервалъ художникъ, вынимая листъ большого размѣра, работу, которой онъ, очевидно, особенно гордился:—это, я вамъ даже назову,—m-lle

[illegible]

[illegible]

[illegible]

— [illegible]

[illegible]

[illegible]

При всей сдержанности [illegible] его движеніе было порывисто. Карточки [illegible]. Изъ-подъ нихъ вылетѣлъ на полъ [illegible] листокъ съ [illegible] портретомъ.

— Извините...—сказалъ Аронъ, наклонившись его поднять:—вотъ еще...

Онъ не договорилъ. Если-бъ Либмейеръ взглянулъ ему въ лицо, то увидѣлъ бы, что оно помертвѣло. Но Либмейеръ гнѣвно убиралъ свою коллекцію.

— Это брошенное, ненужное... Не знаю, какъ сюда попало,—отвѣчалъ онъ отрывисто, не оборачивая головы.

Отъ досады, какъ отъ поспѣшности, все изъ рукъ валится. Либмейеръ скидывалъ въ кучу и опять раскидывалъ свои произведенія, не оглядываясь и не говоря ни слова, между тѣмъ какъ Аронъ, тоже молча, крѣпко, машинально сжалъ въ пальцахъ брошенный листокъ и глядѣлъ передъ собою, ничего не видя...

Стукъ экипажа и звонокъ прервали эту сцену.

Либмейеръ заметался, заглянулъ въ дверь гостиной, бросилъ карточки, обдернулъ свою блузу, мгновенно принялъ привѣтливо-сіяющій видъ и побѣжалъ встрѣтить посѣтителей.

Аяровъ тоже всталъ съ мѣста, будто его позвали, почти сошелъ со ступенекъ въ цвѣтникъ и воротился. Онъ хотѣлъ уйти. Въ гостиной раздались голоса. Уйти невозможно, некуда. Онъ сѣлъ опять и положилъ передъ собою неотдѣланный портретъ.

Это *она*. Ея кротко-пытливый взглядъ, невинная ласка на губахъ; вся *она*, будто полная тихаго, вечерняго свѣта...

Онъ закрылъ глаза. Черное пятно портрета носилось предъ нимъ бѣлой тѣнью...

Какъ похудѣла. Закутана; ручекъ не видно!

— Madame,—разсыпáлся Либмейеръ предъ госпожей, которая стояла среди его гостиной:—я не знаю, какъ васъ благодарить за вниманіе; вы изволили заѣхать сами...

— Нѣтъ, напротивъ, я не знаю какъ извиниться, — возразила дама:—мы пріѣхали васъ поторопить...

Въ гостиной царствовалъ пріятный полусвѣтъ отъ полуопущенныхъ драпировокъ и широколиственныхъ растеній. Дама была полна, высока, нарядна и величава, и смягчала свое величіе любезностью во взорѣ и нѣжной граціей, какъ держатся, большею частью, женщины старшаго поколѣнія, въ укоръ и наученіе рѣзкимъ манерамъ молодежи. Это была госпожа Бѣлушева. Дочь ея, оригиналъ знаменитаго портрета, не поднимая черной узорчатой вуалетки, которою было завязано ея лицо, разсматривала въ лорнетъ все, чтó висѣло на стѣнахъ, цвѣты на окнахъ, бездѣлки на этажеркахъ, ноты на открытомъ роялѣ. Она дѣятельно занимала сама себя. Переходя по комнатѣ, она освѣщала отблескомъ своего ярко-розоваго платья предметы, къ которымъ приближалась.

— Мы васъ торопимъ, потому что всѣ наши знакомые, всѣ, кому мы говорили, жаждутъ видѣть вашъ chef d'oeuvre, — продолжала m-me Бѣлушева:—вчера одинъ молодой человѣкъ клянется: «Если это въ половину такъ совершенно, — я готовъ похитить, отнять...» А мы даже сами не видали! Покажите, cher monsieur Либмейеръ... Тáля, попроси хорошенько!

— Конечно, покажите, — отозвалась дѣвица, взявъ аккордъ на роялѣ.

Либмейеръ сдѣлалъ серьёзную мину.

— Увѣряю васъ, madame,—началъ онъ:—я не могу. У меня правило. Я себѣ, madame, предоставилъ только одно право, одну, такъ сказать, поблажку. Я весь къ услугамъ публики, madame; на меня никогда не жаловались, кого угодно спросите, чтобъ я задержалъ работу. Закажутъ мнѣ три, четыре, хоть десять дюжинъ,—какъ срокъ—готово!... Но большія работы, madame, вы меня извините, мое правило—не показывать, покуда я самъ не убѣжденъ...

— Ахъ, Боже мой, неужели не удалось? Та̀ля! Слышишь?

— Слышу, я такъ и ждала.

— Напротивъ, madame, удалось вполнѣ...

— Такъ покажите!

— Мое правило, madame... У меня готовъ только одинъ экземпляръ, а мнѣ нужно два, чтобы лучше видѣть сходство, отдѣлку... Я вамъ предоставлю лучшій, madame, но войдите въ мое положеніе: вѣдь это не портретъ, а картина, такъ сказать! Тутъ одной ретуши... Вы этого дѣла не знаете...

— О, конечно мы профаны! Но наше нетерпѣніе, наше любопытство... Mais, Та́ля, parlez donc!

— Скажите лучше правду: это никуда не годится? — спросила дѣвица.

— Ахъ, не будьте такъ строги къ самому себѣ!—вскричала мать.

— Madame! — воскликнулъ, рисуясь, Либмейеръ:—если бы вы могли понять. чт́о чувствуетъ художникъ, когда желаетъ угодить публикѣ! Но, madame, я теперь одинъ. У меня былъ помощникъ, я ему платилъ тридцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ—по здѣшнимъ цѣнамъ это не шутка—его отъ меня сманили въ Москву. Теперь я долженъ все самъ. А если поручить неопытному... вонъ, у меня новый!—то надо за нимъ наблюдать. Вы не повѣрите, madame, желаешь угодить, вкусы разные...

— Да! И артисту дорога его идея...

— Бьешься, ретушь, то, другое... столько ихъ перепортишь; просто работаешь въ убытокъ себѣ...

— Чтобъ, наконецъ, самому быть довольнымъ,—подсказала m-me Бѣлушева.

— Э, полноте,—прервала m-lle Бѣлушева:—ну, что вы заставляете себя просить? Одинъ экземпляръ у васъ готовъ, вы имъ довольны, а намъ только одинъ и нуженъ...

— Но, madame...

— Давайте. Онъ вамъ въ убытокъ не будетъ. Только успѣвайте дѣлать; на него найдется много охотниковъ.

— Какъ, Таля, ты позволяешь?—спросила мать, будто удивленная.

— Продавать? Почему же нѣтъ?

— Ахъ, m-r Либмейеръ, это она для васъ...

Либмейеръ раскланивался.

— Да для чего же, вы думаете, ему нуженъ другой экземпляръ! На выставку! Вѣдь такъ?

— Признаюсь... — отвѣчалъ Либмейеръ съ улыбкой и смущеніемъ.—Это такъ хорошо, что... что...

— Видите, я по вашему лицу отгадала. Чтó вы кокетничаете?.. Снялись бы сами когда-нибудь... Давайте портретъ; нечего съ вами толковать.

Она приподняла свою вуалетку, какъ забрало шлема, и оставила ее такъ,—толстой повязкой на лбу. Это придало ей еще болѣе гордый видъ. Будто чувствуя это и сжалясь надъ провинившимся смертнымъ, m-lle Бѣлушева прищурила глазки и подарила его улыбкой.

— Повинуюсь...—покорно выговорилъ художникъ, снова кланяясь, и вышелъ на балконъ.

— Ты его съ ума сводишь,—сказала между тѣмъ мать.

— Еще бы!

— Il y a quelqu'un là-bas.

— Ахъ, вы, съ вашимъ французскимъ языкомъ... Гдѣ?

— На балконѣ.

— Его помощникъ.

— Нѣтъ...

Либмейеръ возвратился съ портретомъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ скромно, подавая его матери и бросая дочери бѣглый взглядъ.

Тутъ случилось нѣчто странное. Казалось, при первомъ взглядѣ мать не узнала своей дочери, а дочь—самоё себя. Было минутное изумленіе, недоумѣніе, колебаніе, но все благополучно скоро разсѣялось, и лица обоихъ дамъ прояснились.

— Выраженіе...—замѣтила вполголоса мать.—Да, выраженіе много значитъ,—прибавила она успокоительно.

— Да,—подтвердила дочь и, держа фотографію въ отдаленіи, раскрыла лорнетъ.

Мать изъ-за ея спины смотрѣла въ кулакъ. Либмейеръ опустилъ голову и ожидалъ.

— Великолѣпно!—вырвалось изъ груди m-me Бѣлушевой.

Она отвернулась къ балкону, чтобы перевести дыханіе, стѣс-

нежное восторгомъ. Либмейеръ позволилъ себѣ приблизиться къ ручкѣ.

— Льстецъ,—сказала она тихо, отчетливо и выразительно.

— О, нѣтъ, никогда я такъ не ошибался въ моемъ искусствѣ...—возразилъ онъ съ грустью и также тихо.

— Льстецъ,—повторила m-lle Бѣлушева, бросая ему свою ручку чрезъ паспé.

Художникъ осмѣлился поцѣловать ручку. Маменька не видала. Быстрѣе, нежели свѣтъ отпечатываетъ предметы, фотографъ сообразилъ, что m-lle Бѣлушева достигаетъ своего тридцатилѣтія, съѣздила ужъ и за-границу и безнадежно занимается литературой.

«Имѣніе у нихъ подгородное...», заключилъ онъ, и повторилъ поцѣлуй.

М-me Бѣлушева подошла, убѣдившись, что господинъ, сидѣвшій на балконѣ—не помощникъ Либмейера. Мгновеннымъ взглядомъ она сообщила это дочери.

— Вы меня обязали выше всѣхъ словъ... благодарю васъ, какъ мать, — сказала она съ чувствомъ, пожимая руку художника.

Онъ пріятно взволновался.

— Вы заказывали одинъ экземпляръ... позвольте предложить вамъ два...

Дамы переглянулись.

— Въ ту же цѣну,—поспѣшилъ онъ прибавить.

М-me Бѣлушева колебалась, совѣстясь или не понимая; дѣвица была рѣшительнѣе.

— Презентъ? Давайте! Вы наведете это на продажѣ,—сказала она, засмѣявшись.—Но, мамаша, я устала, здѣсь жарко... У васъ тамъ цвѣтникъ, m-er Либмейеръ?

Она выпрыгнула на балконъ. Стеклянная дверь слегка дрогнула. Но m-lle Бѣлушева не обратила вниманія на цвѣтникъ, а бросилась къ столу, будто обрадовавшись тому, чтó нашла на немъ, оглянула въ упоръ съ головы до ногъ Аярова, который всталъ, и защелкала карточками, откидывая ихъ одну за другою.

М-me Бѣлушева, снисходительно улыбаясь, величаво слѣдовала за дочерью. За ней слѣдовалъ Либмейеръ, наклонивъ голову, въ почтительномъ удовольствіи.

— Mais, Таля, vous abusez... Боже мой,—воскликнула она протяжно.—Вотъ неожиданность, вотъ судьба! М-r Аяровъ, est-ce bien vous? Не узнаете? Не помните? Вашъ старый другъ, Olympe Бѣлушева! Въ Москвѣ, въ доброе студентское время...

Аяровъ раскланялся.

— Вѣдь мы сверстники, мы знаемъ другъ друга съ дѣтства,—объясняла m-me Бѣлушева, обращаясь къ Либмейеру.— Правда, я немного постарше васъ, но мы, женщины, всегда старше мужчинъ: жить начинаемъ раньше!.. Я была уже замужемъ. А этой особы вы, конечно, не помните?

Аяровъ ничего не помнилъ въ дѣтствѣ, а зналъ только, что эта барыня старше его около двухъ десятковъ лѣтъ и что, въ его студентское время, у нея была уже взрослая дочка, которую она прятала въ институтѣ. Чтобы спросить что-нибудь, онъ спросилъ о супругѣ.

— Я вдова, — отвѣчала m-me Бѣлушева съ мгновенной грустью, отъ которой также быстро перешла въ растроганно-шутливый тонъ.—Теперь я всецѣло принадлежу вотъ этой дурочкѣ. Но позвольте же вамъ ее представить: ma fille Natalie.

Аяровъ еще разъ раскланялся. Дѣвица притихла и смотрѣла строго.

— Я въ ея волѣ. Облетали Европу и, вотъ два года, поселились въ N. Сестра Annete здѣсь замужемъ. Помните?

Эту Аяровъ помнилъ; она была, въ самомъ дѣлѣ, его сверстница.

— Такъ чтобъ ужъ быть всѣмъ въ одномъ гнѣздѣ, я купила домъ и живемъ съ ними вмѣстѣ... Mais, venez nous voir! Давно ли вы пріѣхали? Зачѣмъ? На долго ли?

— Ѣхалъ мимо и вздумалъ заѣхать,—отвѣчалъ Аяровъ: — сегодня же уѣзжаю.

— Ахъ, да, вѣдь вы когда-то здѣсь служили. Сколько перемѣнъ, Боже, Боже! Къ лучшему ли...

Она слегка покачала головою.

— Во всей этой бурѣ перестроекъ, toutes ces innovations, одно спасеніе—домашній очагъ,—продолжала она задумчиво.— И вы тоже—скиталецъ по свѣту?

— Да, побывалъ въ разныхъ концахъ.

— И, какъ видно, сдѣлались записнымъ туристомъ, если вздумали заглянуть и въ N. Видѣли многихъ знакомыхъ?

— Никого. Я ни у кого не былъ.

— Нашли кого-нибудь здѣсь?

Она указала на портреты.

— И здѣсь никого.

— Ахъ, это грустно! Неужели вы такъ перемѣнились, все исчезло? Я не испытывала, но, вы скажите, это должно быть ужасное чувство—находить вокругъ себя все чужое?.. Да... Но

скажите же мнѣ... Какъ я счастлива, что васъ вижу! Вы не повѣрите,—говорю вамъ это прямо, отъ души...

— Благодарю васъ за память. Я самъ очень радъ...

— Знаете, какъ на половинѣ жизни встрѣтишь товарища молодыхъ убѣжденій, молодыхъ глупостей... Вѣдь это все было! Скажемъ съ благодарностью: *было!..* Разскажите... Но нѣтъ, не время...

Она оглянулась на дочь; та перебирала карточки, обращаясь къ Либмейеру, что̀ доставляло всѣмъ занятіе.

— Приходите ко мнѣ... Не правда ли, замѣчательныя красавицы?—спросила она, слѣдя за его взглядомъ.—Вотъ, взгляните, эта?

— Да,—сказалъ Аяровъ.

— Вы равнодушны? Красота не дѣлаетъ на васъ впечатлѣнія?.. Вы непремѣнно ко мнѣ придете! Надо столько переговорить...

— Не знаю, не могу,—отвѣчалъ Аяровъ, и всталъ, пользуясь минутой возможности прервать бесѣду.—Еще разъ благодарю васъ...

— Нѣтъ, я не хочу думать....

Аяровъ подалъ руку Либмейеру.

— Не сердитесь, что я не умѣлъ оцѣнить вашихъ красавицъ,—сказалъ онъ.—Виноватъ. Но вы хотѣли дать мнѣ что-нибудь вашей работы; позвольте взять—это...

— Если вамъ угодно,—отвѣчалъ Либмейеръ съ состраданіемъ:—но это брошенное...

— Что̀?—полюбопытствовала m-me Бѣлушева.—А, Новоселова. Когда же она снималась?

— Какъ-то въ началѣ весны.

— Да, ужъ замѣтно: щеки впали, глаза. Впрочемъ, она никогда не была хороша. Она никому не давала своихъ карточекъ. Вы ее знали, m-r Аяровъ?

— Нѣтъ.

— Что-жъ вамъ вздумалось взять это. Elle est donc morte... Вы много сдѣлали этихъ портретовъ, m-r Либмейеръ?

— Только одинъ.

— А негативъ?..—спросилъ Аяровъ.

— Уничтоженъ, по ея желанію,—отвѣчалъ художникъ, сохраняя свое гордое спокойствіе.

— Стало быть, это рѣдкость,—прибавила m-me Бѣлушева.—Для кого же это она... У мужа я не видала.

— Вѣроятно, онъ бережетъ ея портретъ про себя,—выговорилъ Аяровъ.

— О!.. Вѣдь вы ее не знали!—отвѣчала m-me Бѣлушева съ улыбкой, которая нашла свое отраженіе на губахъ дочери и въ лукавомъ взглядѣ фотографа.—Романъ! Впрочемъ, довольно обыкновенный, даже избитый,—продолжала она презрительно, и небрежно отдала Аярову листокъ, который до этой минуты держала въ рукахъ.—Сначала страсть, потомъ охлажденіе—со стороны мужа, совершенно справедливое. Новоселовъ est un homme de bien, любезенъ, образованъ... Вотъ чтó значитъ первый шагъ!

— Первый шагъ?—повторилъ Аяровъ.

— Да. Ихъ бракъ былъ съ похищеніемъ,—отвѣчала она, снова освѣтивъ мгновенной улыбкой свое величавое лицо и снова придавая ему выраженіе оскорбленной добродѣтели.—Она бѣжала съ Новоселовымъ; родители не простили до сихъ поръ...

— Такъ что же...

— О, я не стану читать морали! Нѣтъ, я не навязываю своихъ убѣжденій, увѣряю васъ!—вскричала m-me Бѣлушева, какъ будто съ нею спорили.—Я только замѣчу, что есть что-то выше насъ... что въ молитвѣ матери, когда она провожаетъ дочь подъ чужую кровлю...

Голосъ m-me Бѣлушевой прервался; она сдѣлала надъ собою усиліе, какъ женщина, вполнѣ обладающая свѣтскимъ тактомъ, и продолжала наставительно.

— Тутъ другое и совершенно естественное... Мы, женщины, понимаемъ васъ лучше, нежели вы сами себя понимаете, господа!.. Мужчина не можетъ любить ту, которая ему слишкомъ много пожертвуетъ, не можетъ уважать ее. Это всячески вѣрно, это логично, это законно: обманула родныхъ—обманетъ мужа. Въ обманѣ, въ преступленіи есть какая-то притягивающая сила. Женщина была виновата, и еще будетъ виновата,—это неизбѣжно! Мужъ это чувствуетъ. Онъ начинаетъ ревностью; онъ въ правѣ! Ему на каждомъ шагу являются очень естественныя подозрѣнія. Онъ не въ силахъ себя воздерживать; можетъ быть, онъ и ошибается, но какъ же узнать правду? А женщина тутъ всегда бываетъ такъ глупа! Оправданія, слезы,—она только раздражаетъ, надоѣдаетъ; она становится ему всячески непріятна. Развѣ это не истина? Ссылаюсь на васъ самихъ, господа!—прибавила она, поднимая торжествующій взглядъ.—Въ наше время, мы не щепетильничаемъ, мы называемъ вещи по имени... А когда жена противна, кто-жъ осмѣлится упрекнуть мужа, если онъ забудется, если... однимъ словомъ, семейный адъ...

— Вы сказали, что... этотъ... мужъ—честный человѣкъ?—сказалъ Аяровъ.

— Прелестный человѣкъ!—грустно и убѣдительно отвѣчала m-me Бѣлушева.—Онъ страдалъ! Все есть: и состояніе, и положеніе, но... Сколько лѣтъ жизни потеряно! Ужасно! И дѣтей нѣтъ, которыя могли бы утѣшить...

— А знаете,—сказалъ Либмейеръ таинственно, осторожно, колеблясь и вмѣстѣ чѣмъ-то довольный:—Новоселовъ былъ у меня на-дняхъ; выбиралъ для стереоскопа... Онъ, кажется, женится...

Глаза дѣвицы Бѣлушевой приняли выраженіе ея портрета.

— Женится...—какъ-то беззвучно повторила мать.

Аярову хотѣлось расхохотаться: его душило. Онъ взялъ шляпу.

— Но приходите же къ намъ!—вскричала m-me Бѣлушева, схватывая его руку.—Venez diner, или вечеромъ.

— Постараюсь...—сказалъ онъ, уходя.

M-lle Бѣлушева бросилась покойнѣе на диванчикъ.

— Мамаша, здѣсь такъ хорошо, что я не хочу уходить. M-r Либмейеръ, дайте мнѣ стаканъ холодной воды и апельсинъ...

Аяровъ расхаживалъ изъ угла въ уголъ по скрипучему полу своего нумера.

Гостинница у вокзала была почти пуста. Это былъ домъ, сколоченный нá-скоро, въ видахъ барышей, но разсчетъ не удался: путешественники продолжали предпочитать «отель» въ центрѣ города, у бульвара, гдѣ по вечерамъ могли слушать музыку и видѣть все N—ское общество. Въ комнатѣ Аярова было тихо, какъ-то особенно свѣтло, какъ бываетъ въ новоотстроенныхъ домахъ, пахло свѣжей сосной и свѣжимъ сѣномъ: маленькія окна затворялись неисправно. Въ нихъ была видна улица слободы, трава по краямъ проѣзда, большія ветлы, колеса колодезей, скворечни; подальше—краснокирпичный вокзалъ съ зеленой крышей; надъ нимъ клубы и полосы дыма; слышалось, какъ пѣли пѣтухи и свистѣли поѣзды.

Лѣтній день тянулся долго.

Въ свѣтѣ длиннаго жаркаго дня, въ усталости, во всякой житейской living вознѣ, въ необходимости обращать вниманіе на то, чтó мелькаетъ кругомъ,—есть свойство отвлекать отъ нравственной заботы. Какая-то несносная, отупляющая сила беретъ волю надъ мыслью и не даетъ ей сосредоточиться; чувство, замирая, уходитъ глубоко, лежитъ гдѣ-то на днѣ сердца, щемитъ; вдругъ

взволновавшись, обдаетъ будто огнемъ, и прячется опять, будто испуганное. Оно становится какое-то несвязное. Человѣкъ страдаетъ отъ неполноты страданія.

Аяровъ вынесъ это поутру. Ему хотѣлось, какъ говорится, дорваться горевать, быть одному, на свободѣ.

Оставшись, наконецъ, одинъ, онъ положилъ портретъ передъ собою и опять смотрѣлъ, не отводя глазъ,—какъ дѣлалъ это цѣлый часъ, на балконѣ Либмейера... Черты, и безъ того памятныя, воображались еще яснѣе, недостатки небрежной пожелтѣлой, смятой фотографіи дѣлались все замѣтнѣе... Досадно. И другого портрета нигдѣ не достанешь.

А у кого-то онъ есть...

Вотъ и все, что́ осталось отъ лучшаго впечатлѣнія, лучшихъ годовъ. Лоскутъ бумаги. Опоздать, можетъ быть, однимъ днемъ,— не осталось бы и его: полетѣлъ бы въ печку...

Chefsd'oeuvre Либмейера завертѣлись въ его глазахъ, черные на бѣломъ, какъ стая галокъ въ ненастье...

Боже, какой вздоръ... *Она* жила среди этого общества. Она была не по немъ, и оно не по ней. Такъ ли?

Больная, умирающая; конечно, было не до того, чтобъ взбивать шиньонъ... Ея волосы порѣдѣли.

Некогда наряжаться для портрета, которой дѣлается потихоньку. Онъ непремѣнно сдѣланъ потихоньку. Можетъ быть тотъ, для кого онъ назначался, не любитъ нарядовъ...

Почему же *тотъ*, а не *та?* Можетъ быть, портретъ для матери, которая до сихъ поръ не простила. Пусть старуха посмотритъ, что́ сталось изъ красавицы... Сама-то забыла свое? Въ молодости вѣдь было не безъ грѣшковъ, а теперь... До сихъ поръ не простила, добродѣтель! Ну, и любуйся, вотъ твоя дочь...

Нѣтъ, голубка, нѣтъ, ангелъ, нѣтъ! Ты не послала матери этого укора!.. Нѣтъ, непорочная прелесть, ты во всемъ вѣрна себѣ! Среди самодовольнаго невѣжества, среди тупой наглости, среди дряблаго, лицемѣрнаго разврата, ты осталась на своей высотѣ; ты даже мелочью—нарядомъ—не захотѣла быть за-одно съ тѣми, что́ клянутъ твой «первый шагъ!» Вотъ ты, какъ была, какъ ты есть вѣчно для того, кто тебя любитъ... А тебя нѣтъ!..

Милая, кого-жъ ты любила?.. Не его, не мужа, этого прелестнаго человѣка, что устроилъ тебѣ адъ за то, что ты слишкомъ много ему пожертвовала. Не его, образованнаго любезника... Всѣ дурные люди любезны... На кого ты оглянулась, когда такъ страшно опомнилась... А ты опомнилась: ты не вынесла, ты умерла. Кто онъ, тотъ счастливецъ...

Но точно ли *онъ?* можетъ быть, подруга?.. Благословеніе надъ тобою, добрая женщина!.. Если только сантиментальничая, сплетничая, добродѣтельничая, или такъ, какъ-нибудь, отъ нечего дѣлать, съ улыбочкой, съ ужимочкой, со вздохомъ, съ воззваніемъ къ небесамъ, ты не бросаешь на всѣ четыре стороны исповѣдь этого застывшаго сердца... А ты, неизвѣстный, ты какъ оцѣнилъ это сердце?..

Любила! Да, точно, она кого-то любила. Ея глаза не лгутъ: она любитъ. Нельзя иначе. Какъ же, чѣмъ же жить? Вѣдь у этой груди не ласкался ребеночекъ; крошечныя ручки не цѣплялись за эти щеки, за эти волосы... Одинока, — ну, и полюбила.

Кого?.. Кому ты отдала себя, вотъ, такимъ лоскутомъ бумаги на память, или... или больше?.. И *онъ* переживетъ тебя?..

Гробъ заколоченъ, книга закрыта; никто больше не развернетъ, не прочтетъ ни строчки... Но и кому охота читать? Всякому свое...

И у того, у пережившаго, конечно, тоже своя забота. Кто знаетъ какая. Можетъ быть, тоже *«изъ равнодушныхъ устъ услышалъ вѣсть»*... Какъ это читается-то? *«И равнодушно внималъ»*... Почему же нѣтъ? Почему не равнодушно? Ошиблась на первомъ шагу — всѣ шансы ошибаться и на слѣдующихъ; тоже слишкомъ много пожертвовала... Fatum! Праведное возмездіе, рѣшать добродѣтели въ вырѣзныхъ корсажахъ... Смѣшно!

Смѣшно!.. Благоговѣть предъ нею... Ну, въ самомъ дѣлѣ, молиться! горѣть какъ въ горячкѣ,—чтó называется—хлѣба лишиться, и для того, чтобъ покончить разомъ, чтобъ не навести подозрѣній, чтобъ тѣнью не смутить ея счастья,—изломать свою жизнь, бѣжать въ самомъ дѣлѣ на край свѣта къ полудикимъ уродамъ; бросить общество, растерять друзей, разсердить родныхъ; отказаться отъ простыхъ удобствъ житья-бытья, толкаться изъ стороны въ сторону, наконецъ испортить свою карьеру, какая-бы она ни была, сбиться съ колеи и нигдѣ не установиться... И все это для того только, чтобъ уступить мѣсто другому...

Кто-жъ этотъ другой?

Аяровъ съ злостью взглянулъ на нее... Она спокойно, терпѣливо отразила этотъ взглядъ. Онъ безумно припалъ губами къ измятой бумагѣ...

— Все-таки, не меня-жъ ты полюбила... Ну, прости! Во всю жизнь только и былъ я виноватъ предъ тобою, что въ эту минуту,—прости!.. Но что-жъ остается? Въ семь лѣтъ скитанья, въ половинѣ жизни, ужъ все извѣдано, все извѣстно по паль-

цамъ, и люди, и веселье, и цѣна людямъ, и цѣна веселью... Была ты одна, первая святыня жизни!.. Искать больше нечего. Ну, и пошлѣть, черствѣть, наживаться. Отчего это, говорять, спасеніе—домашній очагъ? Отъ какой нравственной или умственной болѣсти?..

Вечеръ. Посмотрѣть, каково ей тамъ, вечеромъ...

Сумерки вызываютъ гуляющихъ; Аяровъ не разсчелъ этого. Возвращаясь, онъ спуталъ улицы, попалъ на бульваръ и пошелъ тихо, отдыхая, разсѣянно осматривая, чтó перемѣнилось въ эти годы. Вдругъ его окликнули по имени. Передъ нимъ стояла m-me Бѣлушева.

Аяровъ не совсѣмъ справедливо предалъ мысленно проклятію судьбу встрѣчъ, посылавшую ему эту госпожу два раза въ сутки: m-me Бѣлушева явилась не случайно, хотя минутой позднѣе встрѣча бы не состоялась. М-me Бѣлушева съ своей Талей много разъ обошли бульваръ въ теченіе этого вечера. Мать имѣла цѣль, и не говорила ее дочери. Дочь предчувствовала, и ничего не спрашивала. Каждая притворялась равнодушною, но вовсе не для того, чтобы пощадить другую. Къ концу прогулки, m-me Бѣлушева впала въ необъяснимое уныніе, а m-lle Natalie стала ко всему относиться саркастически. Онѣ рѣшились уйти, и уже уходили. Вдругъ, m-lle Natalie, сквозь вуалетку и безъ помощи лорнета, увидѣла—и сказала, не выдержавъ характера:

— Вотъ вашъ Аяровъ.

— Гдѣ?

— Прошелъ въ аллею налѣво, къ выходу.

— Иди домой. Чай приготовьте... освѣтить. Я сейчасъ... я приведу его... Deux lampes, Natalie,—выговорила мать поспѣшно вслѣдъ дочери, соображая сама, гдѣ тутъ поближе перекрестокъ.

Она скоро нашла перекрестокъ и пересѣкла дорогу тому, кого хотѣла настичь.

— Добрый вечеръ... Merci, я вижу, вы сдерживаете обѣщаніе; вы шли къ намъ? да?.. утромъ, когда мы разстались, я вспомнила, что свѣтренничала, не сказала вамъ своего адреса. Вы, вѣроятно, справились и вамъ сказали; да? Мой домъ знаютъ. Онъ тутъ, напротивъ бульвара, à deux pas. Но вы сейчасъ чуть не ошиблись дорогой, повернули мимо. C'est par ici.

Она повела его въ дальній обходъ; надо же было дать время Талѣ дойти, и прочее.

— Пріятно имѣть домъ противъ бульвара; деревья передъ

окнами, можно гулять во всякое время. Natalie пользуется сосѣдствомъ: утромъ среди дня, какъ вздумается, увидитъ что-нибудь оригинальное, беретъ шляпу и идетъ. Ей это необходимо; природа, шумъ листвы, это располагаетъ... И потомъ, для наблюденій. Она такъ живо схватываетъ... Еще нѣтъ девяти часовъ; въ девять намъ сыграютъ *зарю*. Любите вы военную музыку? Она опять воротилась въ моду. А помните... Много мы пережили съ вами, mon cher Аяровъ! Que d'illusions, bon Dieu, et que de folies! Блаженъ, кто устоялъ!.. Вотъ *прошло и не стало мило,* можно сказать о нашемъ прошедшемъ, и какое счастье, что мы видимъ, по крайней мѣрѣ, нашихъ молодыхъ, которые умнѣе насъ берутъ свое время! Знаете, когда вотъ такъ вглядываешься въ нихъ... Напримѣръ, обратите вниманіе на эти группы...

Мимо нихъ пробѣжали три дѣвицы и два кавалера. Они громко смѣялись, спѣша занять скамейку, и, опережая другъ друга, толкали встрѣчающихся. Аяровъ успѣлъ посторониться, но шлейфъ m-me Бѣлушевой нѣсколько пострадалъ. Кавалеры первые захватили мѣсто и не давали сѣсть дѣвицамъ; тѣ ужъ не смѣялись, а кричали и гнали.

— Какъ это учтиво! Пустите! Мы устали!

— Мы сами устали!

Восклицанія еще долго перекрещивались.

— Замѣчайте это,—продолжала m-me Бѣлушева, отряхнувъ свой шлейфъ.—Я покоряюсь!—прибавила она, прослѣдя за взглядомъ Аярова: я—покоряюсь,—это неизбѣжное. Я — другое поколѣніе и уступаю мѣсто съ радостью: это жизнь кипучая, полная надеждъ, полная будущаго. Это безпечно, это ровно ничего не думаетъ, не затѣваетъ, не перестроиваетъ, не сушитъ себя педантствомъ; это — живетъ! Живетъ и наслаждается, беретъ свое право, свою долю и умѣетъ крѣпко ихъ отстоять. О, они сильны! Тутъ есть характеръ. Прислушайтесь, вотъ хоть эти сейчасъ. *Наши* бы непремѣнно тутъ устроивали вселенную, или что-нибудь въ этомъ родѣ, — а эти просто смѣются... Прислушайтесь, вездѣ только веселый говоръ, безъ задней мысли, безъ стремленій этихъ Богъ-вѣсть куда, безъ вопросовъ, которые ни къ чему не ведутъ, а только пачкаютъ воображеніе. А между тѣмъ эта молодежь благоразумнѣе, дѣльнѣе насъ; она умѣетъ устроиться; она понимаетъ, что химерами не живутъ; она разборчива въ выборѣ друзей, она не дастъ себя компрометтировать... О, это люди!.. А мы-то? Грустно вспомнить! Милый мой, въ нашей молодости (вѣдь она была общая у насъ!) мы не слыхали смѣха. Весна безъ розъ, небо безъ лучей, вотъ наша молодость. Чего мы хо-

тѣли?.. Чего *вы* хотѣли, это вѣрнѣе! Не правда ли, вы не съумѣете сказать? А между тѣмъ все было омрачено, все возмущено, всѣ связи порваны... Другъ мой, и вы, вы тоже прикладывали къ этому руки!

Съ какимъ-то прощающимъ восторгомъ она пожала его руку и продѣла свою подъ его локоть.

— Laissez moi prendre votre bras. Все-таки я немного старше васъ и—дама!—разсмѣялась она, не замѣчая, что произноситъ монологи.—Ахъ, теперь мы легче вздохнули. Теперь у насъ возрожденіе, renaissance. Я радуюсь, я счастлива, что молодость моей дочери пришлась въ это, а не въ то время. Я говорю ей: ты умна, что опоздала родиться. Мы съ нею понимаемъ другъ друга. Je suis une heureuse mère, Аяровъ!.. Я молюсь... мы молимся съ нею вмѣстѣ,—а этого, въ наше время, были лишены многія матери!.. У нея столько талантовъ. Мы изучаемъ вмѣстѣ природу, искусство... Ахъ, нѣтъ, я не хочу думать, чтобы мы встрѣтились только на какіе-нибудь два-три часа. Нѣтъ, вы пробудете еще, вы останетесь здѣсь, вамъ надо видѣть... Но, вотъ мы дома. Милости просимъ.

Домъ m-me Бѣлушевой сіялъ всѣми окнами. Сквозь кружевныя занавѣски виднѣлись разные плющи и кактусы. На всю улицу раздавалось отчаянное tremolo и речитативъ:

Пой! Ужъ пора намъ проститься;
Рогъ капитана трубитъ...

— Таля...—прошептала m-me Бѣлушева.—Ахъ, она и не ждетъ васъ... Тутъ часто останавливаются ее слушать...

— Continuez, mademoiselle,—произнесла она, появляясь въ гостиной въ сопровожденіи Аярова.

— Я кончила,—сказала m-lle Natalie, вставая.—Чтò вы такъ долго? Чай готовъ.

— Я привела тебѣ гостя,—отвѣчала мать.

— А, это вы... Пожалуйста, давайте пить чай; я ужасно голодна. Такъ вы сегодня не уѣзжаете, m-r Аяровъ—спросила она, садясь къ круглому столу, освѣщенному, заставленному пирожнымъ и прочимъ.

— Уѣду,—повторилъ Аяровъ въ десятый разъ.

— Уѣзжайте, пожалуйста. Я на васъ пари держу съ мамашей; она увѣряетъ... Да гдѣ же Авдотья Андреевна?—обратилась она къ лакею.

Тотъ не успѣлъ отвѣчать, какъ вошла еще особа и, мелькомъ обмѣнявшись поклономъ съ гостемъ, принялась хозяйничать

у самовара. Она была уже не молода, дѣвица, судя по прическѣ и наряду. То и другое было съ претензіями, какъ вообще все въ этомъ домѣ, но носило замѣтные слѣды заботъ, соображеній, сбереженій и передѣлокъ. Все было бѣдно и все по модѣ, все не ново и все тщательно выправлено. Черные негустые волосы были туго стянуты съ висковъ, чтó придавало какое-то странное выраженіе красивымъ бровямъ и глазамъ, тоже красивымъ, хотя поблекшимъ; губы были сухи и сжаты; худощавое, смугло-блѣдное лицо было слегка напудрено. Дѣвушка была когда-то хороша собою и потому было замѣтнѣе, что она завяла. Маленькія руки были страшно худы; на одной, чуть видное на прозрачной бѣлизнѣ, свѣтилось золотое колечко безъ камня, тонкое, какъ нитка. Дѣлая свое дѣло, услуживая другимъ, дѣвушка какъ-то никуда не смотрѣла, казалось, никого не видѣла. Кругомъ было шумно, пестро, ярко отъ лампы и бѣлой скатерти,—это лицо безъ взгляда, эти беззвучныя движенія составляли рѣзкую противоположность. Аяровъ былъ настроенъ на фантастическое; ему вспомнились сказки о мертвецахъ, лицо привидѣнія въ какой-то картинѣ. Вглядываясь, онъ узналъ: это была кузина m-me Бѣлушевой. Десять лѣтъ назадъ она считалась «славной барышней» въ молодомъ кружкѣ Аярова.

— Не узнаете ли вы меня, Авдотья Андреевна?—обратился онъ къ ней.

— Да, узнала,—отвѣчала она и, почти закрывая глаза, предложила ему сахару.

— Прошлой осенью,—продолжалъ Аяровъ:—я встрѣтилъ въ Перми двухъ *нашихъ*, Елецкаго и Иванова,—помните? Говорили, говорили о васъ,—все перебрали! и никто изъ насъ не зналъ, гдѣ вы, чтó съ вами...

— Но она же всегда и жила, и живетъ у меня!—прервала m-me Бѣлушева, возвращаясь изъ другой комнаты и усаживаясь къ столу.—Какъ жаль, Таля... M-r Аяровъ, сестра Annette такъ жалѣетъ, что не можетъ видѣть васъ сегодня; она надѣется, что вы подарите ей завтра. Она брала ванну; постоянно нездорова. Съ вида,—вѣдь вы ее помните?—ничего, полна, и цвѣтъ лица,—mais les nerfs! Ужасно!.. Ну, а когда семья... У Annette четверо дѣтей... Они живутъ совсѣмъ отдѣльно; даже другой подъѣздъ; нашъ домъ огромный... Когда семья—мы обязаны о себѣ заботиться. Какъ жаль, мужа Annette нѣтъ въ городѣ; онъ на ревизіи, il sert dans l'octroi. Нынѣшній годъ его дѣла такъ сложились, что невозможно, но на будущій мы всѣ укатимъ за-

границу. Для Annette это необходимо, да вотъ для этой особы... Укатимъ, Таля?

Она прислонила голову m-lle Natalie къ своему плечу.

— Для меня рѣшительно все равно,—возразила та, выпрямляясь:—за-границей ли, здѣсь... Мамаша все еще при старинныхъ восхищеніяхъ,—обратилась она къ Аярову:—воображаетъ, что и у другихъ не прошла охота восхищаться.

— Ахъ, мой ангелъ, но какъ же можетъ пройти охота у того, кто еще не видалъ...

— Память у нея необыкновенная,—продолжала m-lle Natalie:—что ни увидитъ, тотчасъ стихи читаетъ. Право. И откуда она ихъ столько беретъ: на все у нея есть.

— Mais, mon enfant...

— Чтó-жъ, развѣ не правда? Одинъ только остался не воспѣтымъ водопадъ...

— Таля, quelle folie! воскликнула мать, смѣясь.—Но, мой другъ, у всякаго свой вкусъ:—я люблю природу, ты изучаешь людей, а когда красоты природы, эти горы, эти бездны... Не правда-ли, m-r Аяровъ?

— Я не былъ за границей,—сказалъ онъ.

— Неужели? Невозможно! Это такъ легко. Вы должны доставить себѣ это наслажденіе...

— Почему вы не были?—серьёзно спросила m-lle Natalie.

— Денегъ нѣтъ,—отвѣчалъ Аяровъ.

— Ахъ, но это такъ дешево!—вскричала m-me Бѣлушева, и спохватилась, не былъ ли непріятенъ гостю нецеремонный вопросъ дочери.—Вѣрнѣе, другая причина: вы привязаны къ своему, родному, и такъ исключительно, что не хотите дѣлать сравненія. Не бойтесь; сравненіе не разочаруетъ васъ въ вашей привязанности. Родина—всегда родина... Но всего лучше примѣръ: Таля была въ такомъ восторгѣ, когда увидѣла опять нашъ снѣгъ. Дѣтскій восторгъ! она увлекла и меня...

— Ахъ, я была, просто, рада, что мы, наконецъ, куда-нибудь пріѣхали на мѣсто, прервала m-lle Natalie.

— Шалунья!—вскричала, смѣясь, мать.—M-r Аяровъ, любуйтесь противорѣчіями!... Какъ, Таля: тебѣ ли желать усѣсться на мѣсто? Съ твоимъ пылкимъ воображеніемъ, съ твоимъ любящимъ сердцемъ.... Ты-ли это?.. M-r Аяровъ, будьте судьею. Вы не можете вообразить разнообразія занятій этой молодой особы: рояль, кисть, перо. Тутъ, не правда-ли, необходима и быстрая перемѣна мѣста, обстановки людей, необходимы блескъ свѣта, произведенія

искусства, красота моря, лѣсовъ... чтобъ мысль могла, такъ-сказать, свободно... Тутъ нужна роскошь впечатлѣній, не правда-ли?

— Не знаю,—сказалъ Аяровъ:—это, вѣроятно, зависитъ отъ характера. Я слыхалъ, что многіе любятъ уединяться, чтобъ лучше собраться съ мыслями.

— Вы слыхали?.. Повторила m-lle Natalie вполголоса и слегка насмѣшливо.

— Вы слыхали!—повторила съ лукавой улыбкой m-me Бѣлушева.—Вы, однако, уклончивы; надо поймать васъ! «Вы слыхали»—но ваше собственное, личное мнѣніе? Посудите по себѣ.

— Тутъ я еще больше затрудняюсь,—отвѣчалъ онъ:—мои способности очень неразнообразы, занятія тоже; это выходитъ очень скучно.

— И у васъ не является желаніе разнообразія?—выговорила m-lle Natalie по прежнему насмѣшливо.

— Когда одолѣваетъ скука? Да.

— Что-жъ вы тогда дѣлаете?

— Да ничего,—отвѣчалъ онъ.—Впечатлѣнія назаказъ не приходятъ.

— И вы такъ апатично покоряетесь?—продолжала m-lle Natalie уже съ пренебреженіемъ.

— Беру, что́ есть подъ рукою, а нѣтъ, такъ нѣтъ.

— И тогда?

— Опять за дѣло. Что́-жъ больше?

— Но вѣдь это сушитъ, это мертвитъ!—воскликнула съ горестью m-me Бѣлушева. — Нѣтъ, скажите откровенно, неужели вы такъ проводите вашу жизнь?

— Но такъ почти всѣ ее проводятъ,—возразилъ онъ.

— Всѣ, но вы... Нѣтъ, это не должно быть! Нѣтъ, вы обязаны предъ самимъ собою... Таля, ты меня поддержишь... Куда вы были намѣрены ѣхать отсюда?

— Въ Петербургъ.

— Зачѣмъ?

— Что́-нибудь дѣлать.

— Вы служите?

— Нѣтъ.

— Недавно оставили службу?

— Да, недавно.

— И будете опять искать мѣста?

— Не думаю.

— Хотите отдохнуть? Это понятно. Но и внѣ государственной службы... Вы юристъ?

— Юристъ.

— Ахъ, какая непростительная разсѣянность! Я же знаю васъ съ университета, я же такъ хорошо помню ваши споры, бывало, съ товарищами... Vous aviez cette exquise finesse d'analyse, которая дается немногимъ. Помню, какъ вы пробовали ваши силы, а мы-то, мы-то восторженно заслушивались!.. Такъ въ Петербургъ?.. Но вы рискуете сдѣлать большую ошибку. Выслушайте меня... Вы не будете въ претензіи, что я берусь давать вамъ совѣты? Простите меня, мой добрый Аяровъ! C'est donc pour votre bien...

Онъ поблагодарилъ.

— Вы слишкомъ долго жили въ слишкомъ глухихъ углахъ. Не бросайтесь въ крайность, въ Петербургъ. Тамъ будетъ слишкомъ шумно для васъ. Какъ это объяснить? Рѣзкій переходъ. Васъ сомнетъ эта толкотня жизни. Вамъ нужно поспокойнѣе... Не правда ли, Таля?.. Вы свободны располагать собою?

— Совершенно.

— Ахъ, какъ же я разсѣянна!—повторила она, смѣясь съ волненіемъ:—знаю, что вы не зависите отъ родныхъ, но, на радости, что увидѣла васъ, я и не успѣла спросить: вы не женаты?

— Нѣтъ.

— Стало быть, можете производить надъ собою всякіе эсперименты?—продолжала она весело. — Прекрасно. Довѣрьтесь же мнѣ. Скука, апатія, дѣловая сухотка, сомнѣніе въ своихъ способностяхъ,—это все какъ-разъ пройдетъ... Хотите?

— Кто-жъ отъ добра отказывается,—отвѣчалъ Аяровъ.

— Прекрасно. Такъ не ѣздите въ Петербургъ. Случай завелъ васъ сюда; оставайтесь здѣсь.

— Здѣсь?

— Ну, да. Вѣдь вы свободны? Разбейте здѣсь вашу палатку и посмотрите, чтó будетъ. Я вамъ не шутя говорю, продолжала она серьёзно и понижая голосъ:—вы всегда знали, какъ я васъ искренно люблю... Entre nous: здѣсь нѣтъ ни одного хорошаго присяжнаго повѣреннаго...

Аяровъ давно ждалъ этого.

— Таля... elle est au courant; она постоянно слушаетъ вездѣ...

M-me Бѣлушева говорила все тише.

— *Они* всѣ—здѣшніе, и, знаете, aucun préstige, ни увлеченія, ни наружности...

— Бездарности...—выговорила m-lle Natalie, задумчиво глядя въ сторону.

— Вы имѣли-бы громадный успѣхъ! продолжала m-me Бѣлушева восторженнымъ шопотомъ.—Васъ-бы забросали дѣлами. Подумайте: это состояніе! Одно какое-нибудь благодарное дѣло, но и всякія, маленькія...

Она спохватилась и опустила свои разгорѣвшіеся глаза; укротить ихъ она была не въ силахъ. M-lle Natalie, не оглядываясь, замѣтно передохнула. Аяровъ смотрѣлъ на нихъ.

Прошла минута молчанія.

— Да, пожалуй, это стóитъ подумать,—сказалъ Аяровъ, улыбнувшись.

— О, чтó тутъ думать!—вскричала m-me Бѣлушева.—Здѣсь все это открыто недавно; надо, напротивъ, захватить скорѣе... Поступайте по увлеченію, это лучше, это вѣрнѣйшее; одна свѣтлая идея... Разочтите: вы выигрываете все. Вмѣсто гадательнаго «чтó-нибудь» въ Петербургѣ... Петербургъ такъ полонъ! Здѣсь вы найдете и общество, и развлеченіе...

Она спохватилась опять.

— Если будетъ много дѣла, то развлекаться ужъ некогда,— возразилъ, все улыбаясь, Аяровъ.

— Да... А вы любите работу?—продолжала она съ удовольствіемъ... Но не все же дѣла, будетъ и досугъ. Чѣмъ онъ рѣже, тѣмъ пріятнѣе. Не правда-ли, Таля? Вы это знаете, вы, занятые люди!.. Вы отдадите намъ ваши досуги... А на будущій годъ мы увеземъ васъ отдыхать за-границу...

M-lle Natalie бросила на нее мгновенный, но гнѣвный взоръ. Искушеніе выходило шито бѣлыми нитками; впрочемъ, искушаемый, казалось, не замѣчалъ этого.

— Надо подумать,—повторилъ онъ.

— Вы нерѣшительны?—спросила m-lle Natalie.

— Да.

— Стало быть, можете подчиняться чужому вліянію?

— Сознаюсь, да.

— Это дурно. Я не люблю слабости характера.

Мать взглянула на нее какъ-то испуганно. M-lle Natalie спокойно щипала пирожное.

— Не понимаю, какъ можетъ человѣкъ свободный позволять, чтобъ имъ другіе распоряжались... Право,—прибавила она рѣзко, обернувшись къ Аярову:—мнѣ обидно за его самолюбіе.

— Въ такомъ случаѣ, онъ долженъ быть вамъ благодаренъ,— сказалъ Аяровъ, слегка наклоняя голову, будто принося благодарность.

— Мнѣ все равно,—возразила она хладнокровно...—Я ду-

маю тутъ о самомъ человѣкѣ, а не о томъ, чтò онъ обо мнѣ думаетъ.

— За это онъ благодаренъ вдвое,—повторилъ Аяровъ;—но если онъ спрашиваетъ ваше мнѣніе и готовъ ему подчиниться не отъ недостатка силы воли, а потому, что дорожитъ имъ...

М-me Бѣлушева встала и отошла. Она сдѣлала это незамѣтно, не зашелестивъ платьемъ, не торопясь, не ища предлога, какъ-будто даже не прерывая своего участія въ разговорѣ и отдаваясь только на минуту наслажденію ночной прохлады, колебавшей занавѣски. Но m-me Бѣлушева промедлила съ своимъ наслажденіемъ, и не невольно. По троттуару еще проходили гуляющіе. М-me Бѣлушевой пріятно мелькнула мысль, что, вотъ, они видятъ, освѣщено, сидитъ гость. Она посмотрѣла на гостя... Она думала, что, конечно, молодое поколѣніе не такъ изящно берется за дѣло, какъ-то грубовато,—но вѣдь въ результатѣ выходитъ то же. Стало быть, надо уступить, покориться духу времени, оставить *ихъ* дѣйствовать, какъ знаютъ... *Они* лучше понимаютъ другъ друга...

М-me Бѣлушева пожелала помечтать о минувшемъ и настоящемъ, настроиться на нѣжность, которой бывали всегда полны ея рѣчи съ посторонними и при постороннихъ, — но наединѣ съ собою, это у нея никогда не удавалось. Ее, какъ нарочно, сбивали съ пути мечтаній внезапныя идеи совсѣмъ другого свойства. Въ настоящую минуту въ головѣ ея вертѣлось необыкновенное множество цифръ,—въ особенности цифры расходовъ и годовъ дочери. Она взглянула на дочь. M-lle Natalie сидѣла, положивъ оба локтя на столъ. Изящное чувство матери какъ-то встревожилось видомъ пепельнаго шиньона и пепельнаго платья, соединявшихся въ одно цѣлое. По сердцу m-me Бѣлушевой прошло что-то острое, въ родѣ отчаянія. Ей вспомнилось, что когда она сама, дѣвицей, достигала возраста Тали и встрѣтила господина Бѣлушева,—одна родственница посовѣтовала ей наложить на себя постъ въ извѣстные дни. И это подѣйствовало: не прошло шести недѣль, Бѣлушевъ былъ объявленъ женихомъ, дѣлалъ подарки...

«Вѣра много значитъ»...

М-me Бѣлушева неопредѣленно вздохнула объ этой утратѣ, скользнула мыслью, — но ужъ не покорно, а нетерпѣливо, — опять о духѣ времени, перенесла взоръ опять на свою Талю и отчетливо подумала о наказаніи Господнемъ...

Взволнованная, она прислушалась: говорили о современныхъ вопросахъ: школы, женскій трудъ...

«Наказаніе Господне...» повторилось въ сердцѣ матери еще съ бóльшимъ убѣжденіемъ.

Но кто ихъ знаетъ? Можетъ быть, такъ скорѣе...

Однако что-нибудь одно: если пойдетъ хорошо, онъ засидится, а онъ, можетъ быть, ужинаетъ...

M-me Бѣлушева вышла. Ей сопутствовали призраки многихъ прошлыхъ подобныхъ заботъ, отчего ея походка сдѣлалась почти стремительна. Но, почти скрывшись въ дверь, m-me Бѣлушева вдругъ припомнила, остановилась, обратилась и кликнула:

— Eudoxie!

Она не имѣла никакой надобности въ кузинѣ, но сообразила, что ей незачѣмъ тутъ оставаться. Это было совершенно справедливо. Чай былъ оконченъ давно, а столъ не убирался потому, что полчаса назадъ, на безмолвный вопросъ кузины, m-me Бѣлушева отвѣтила пожатіемъ плечъ и замѣчаніемъ вполголоса:

— Можетъ быть, будетъ еще угодно...

Вслѣдствіе чего, кузина вынула изъ кармана крошечный крючекъ, крошечный клубочекъ нитокъ и принялась вязать что-то прозрачное. Она дѣлала это также не глядя, какъ все остальное, и также не шевелясь; только слегка вздрагивали ея пальцы. Аяровъ смотрѣлъ на нее, ихъ взгляды встрѣтились; она, казалось, этого не замѣчала. Онъ былъ готовъ обратиться къ ней и заговорить, — и вдругъ удержался; ему стало какъ-то невольно странно, неловко. Вскорѣ, m-lle Natalie, облокотясь, совсѣмъ положила преграду между кузиной и гостемъ; но кузина и этого не замѣтила и осталась невозмутима, только какъ будто еще выпрямилась и стала еще худѣе. Аяровъ примѣтилъ въ эту минуту, что на маковкѣ у нея былъ голубой бантикъ.

На голосъ m-me Бѣлушевой, она вдругъ поднялась, взглянула испуганно, заторопилась; о полъ щелкнула деревянная подмотка ея клубочка. Она наклонилась за нею, съ какимъ-то ужасомъ приняла ее изъ рукъ Аярова, сказала что-то совсѣмъ неслышное и скрылась.

M-lle Natalie оставалась на своемъ мѣстѣ, не мѣняя положенія и показывая этимъ, что ждетъ возвращенія своего собесѣдника.

Аяровъ не спѣшилъ возвращаться, прошелся по комнатѣ и взглянулъ на часы. M-lle Natalie подмѣтила это движеніе, а потому поспѣшила продолжать, не прерывая нити разговора.

— Въ здѣшней библіотекѣ получается все...

— Извините, я прерву васъ, — сказалъ неловко Аяровъ: — я хотѣлъ спросить вашу кузину...

— О чемъ?

— Пожалуй, о многомъ... О ней самой. Мы такъ давно видѣлись...

— Что-жъ вы не спрашивали?

— Не знаю... Это вышло какъ-то неудобно...

M-lle Nataliе улыбнулась.

— Я думаю. Съ ней всегда выходитъ неудобно. Чтó-жъ вы хотѣли знать?

— Она очень перемѣнилась.

— Вы были влюблены въ нее?.. Что-же, вѣдь о давнопрошедшемъ можно говорить свободно! Вы, или кто-нибудь изъ тѣхъ господъ, которые,— вы сейчасъ называли,—вспоминаютъ о ней? Это было бы любопытно. Ну, говорите, кто же?

— Никто,—отвѣчалъ съ досадой Аяровъ.—Я, просто, хотѣлъ спросить, отчего эта живая, милая, умная дѣвушка такъ... печальна—нельзя сказать, но...

Онъ остановился, мысленно разбранивъ себя, что началъ говорить, но собесѣдница не была намѣрена оставлять этотъ предметъ разговора.

— «Живая, милая, умная»... — повторила она. — Вы мнѣ чудеса разсказываете! Я этого ничего не застала и потому, полагаю, что вы заблуждались.

— Заблуждался?

— Да, вы и ваши друзья. Вы тогда все фантазировали и создавали себѣ идеалы живыхъ, милыхъ, мыслящихъ и прочее, а госпожи, которыхъ вы наряжали въ эти совершенства... Ахъ, бѣдный m-r Аяровъ, какое разочарованіе!

Она мило, нецеремонно смѣялась.

— Простите меня... Скажите пожалуйста, чтó же, кáкъ это было? И Авдотья Андреевна тоже тогда съ вами вмѣстѣ читала, ораторствовала, строила всякіе планы общества? Прелесть, я думаю, чтó это выходило!.. Ахъ, m-r Аяровъ, зачѣмъ никто изъ васъ не писалъ своихъ записокъ... Или, можетъ быть, есть онѣ, да еще нельзя ихъ печатать?.. Но когда вы собираетесь вмѣстѣ,—кто-нибудь изъ вашего поколѣнія,—и припоминаете, признаетесь искренно, безъ ложнаго стыда, — воображаю, какъ выходитъ забавно! Кàкъ, вы другъ на друга безъ смѣха смотрите? Воображаю! Если ваши женщины были въ родѣ Авдотьи Андреевны... Ахъ, да, еще! Вѣдь и тетушка Annette тоже фигюрировала, какъже! Эту тоже вы помните?

— Помню и ее.

— Эта чтó же была?

— Хорошенькая, добрая дѣвушка.

— А, значитъ, не первый сортъ!.. Pardon, m-r Аяровъ, я умру со смѣха! На первомъ планѣ—Авдотья Андреевна!.. Грустно мнѣ, а дѣлать нечего, приходится еще васъ разочаровывать. Тетушка Annette... Маменька моя ее поэтизируетъ, но это у маменьки привычка. Теперь тетушка Annette—расплывшаяся, апатичная барыня, хозяйка, мать семейства, — то-есть, окружилась чадами, не знаетъ, что съ ними дѣлать, а потому кормитъ ихъ всякую минуту. Во времена ὄны, — она мнѣ сама пренаивно разсказывала — ей было до смерти скучно отъ васъ и вашихъ мудреныхъ рѣчей; она была кисейная барышня, на людяхъ сентиментальничала, за угломъ съѣдала по десятку пироговъ. Изъ *вашихъ* самые грóзные презирали ее за неразвитость. Такъ ли?

— Не припомню.

— Ахъ, не лукавьте! Вѣдь мы вспоминаемъ прошлое, будьте искренни... Или *тѣ*, ваши, были подальновиднѣе васъ... Не виновата же я, если напоминаю вамъ не совсѣмъ пріятное...

— Откуда вы все это знаете?

— Я-то?

— Вѣдь вы были тогда—дѣвочка.

— Да, дѣвочка,—подтвердила она серьёзно:—но дѣвочка думала крѣпче взрослыхъ. Преданія свѣжія; я добавляю ихъ по догадкамъ, по наведенію, и выходитъ все ясно. И притомъ, что же? Не Богъ знаетъ какая премудрость была все ваше развитіе, ваши знанія, ваши планы, чтобъ не постичь ихъ, господа! Я и не извиняюсь, что выражаюсь непочтительно. Это ужъ оцѣнено и сдано въ архивъ. Для васъ ужъ тоже настало молодое поколѣніе, какимъ вы были тогда сами, и, не гнѣвайтесь, мы васъ поняли. Но мы не ведемъ съ вами борьбы, мы—народъ мирный. Мы только позволяемъ себѣ иногда, вотъ такъ, пошутить немножко. Вы не сердитесь?

— Покоряюсь,—сказалъ Аяровъ.

— Охъ, не подражайте моей маменькѣ! Она тоже твердитъ и нисколько не покоряется... Но я говорю безъ злобы, а почему-жъ мнѣ не имѣть моего мнѣнія?

— Конечно.

— Еще бы! Я хочу написать объ этомъ. Вотъ, когда-нибудь... Нѣтъ, знаете... согласитесь, гораздо лучше, если люди разныхъ поколѣній, какъ мы съ вами, подаютъ другъ другу руки и прямо смотрятъ на вещи? Вдвоемъ, откровенно и безъ досады, можно до чего-нибудь договориться...

— До чего-же?

— Ну... Хоть разобрать, чтó такое было ваше прошлое. Его подробности вы мнѣ когда-нибудь разскажете, а о дальнѣйшемъ я буду имѣть удовольствіе вамъ сейчасъ сообщить. Васъ интересуетъ Авдотья Андреевна. Позвольте ужъ къ этому образу присоединить и другой — тетушку Annette. Онѣ нераздѣльны — въ самой исторіи; онѣ дополняютъ одна другую... Вотъ-съ, когда покончились ваши сборища, ваши затѣи, — мой папаша покойникъ даже любезно предложилъ молодому поколѣнію позабыть, какъ отворяется дверь въ его домъ, — ну, тогда вашимъ развитымъ дѣвицамъ, проводя васъ, ничего больше не осталось, какъ влюбляться и ловить жениховъ. Вѣдь въ вашемъ уставѣ это воспрещалось. Такъ ли?

— Не помню.

— Ахъ, какой лукавый! А я знаю: и предписывалось «искать человѣка».—Это было вообще нѣсколько неудобопонятно, а для нашихъ двухъ барышень — и подавно. Потому, вы не вообразите, какъ онѣ обрадовались, что отъ васъ избавились; все полетѣло—всѣ ваши литографіи, ваши рукописи,—а *онѣ* сами —по баламъ, по моднымъ магазинамъ. Радость-то какая: вѣдь все равно, что возвратъ въ лоно родительское, въ лоно церкви...

— И Авдотья Андреевна?

— Упрямый, невѣрующій!!. Она первая. У нея пречувствительное сердце: сейчасъ влюбилась, и не въ шутку. Слезы, блаженство, взаимность. Ужъ соображала себѣ приданое. Annette— повѣренная. И вдругъ, въ одинъ прекрасный день, Annette спокойно, патріархально приняла предложеніе руки этого самаго господина, своего настоящаго супруга...

— Зная, что его любила Авдотья Андреевна?

— Мало того: зная, что онъ самъ объяснялся въ любви Авдотьѣ Андреевнѣ, — отвѣчала, хохоча, m-lle Natalie. — Какъ вамъ это нравится?

— И Авдотья Андреевна осталась жить у васъ?

— Annette приняла это безобидно: вѣдь она — законная супруга...

— Нѣтъ, сама Авдотья Андреевна, какъ она могла...

— Куда-жъ ей уйти?

— Куда-нибудь, куда глаза глядятъ!

— Зачѣмъ?

— Позвольте... разсказавъ мнѣ все это, вы мнѣ дали тоже право высказаться. Она любила этого человѣка, она вынесла его обманъ, вынесла обманъ подруги, и не бросить ихъ...

M-lle Natalie смѣялась.

— M-r Аяровъ, какъ вы принимаете къ сердцу!.. Но знайте только, что это въ васъ прелестно! Это такъ горячо, такъ молодо... Но, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вы не маменькинаго поколѣнія, а моего!... Но будемъ благоразумны. Раньше насъ съ вами было сказано, что «вѣчно любить невозможно». Неужели вы были бы въ состояніи бросить, бѣжать... Ай, какой смѣхъ!.. И, въ самомъ дѣлѣ, куда бы она ушла? Вѣдь надо жить; люди питаются не воздухомъ.

— Знаю-съ! Можно какъ-нибудь себя устроить, можно работать...

M-lle Natalie засмѣялась еще громче.

— Работать? Кто это? Авдотья Андреевна? Но развѣ она способна что-нибудь дѣлать?.. Но, нѣтъ, я понимаю васъ, — продолжала она вдругъ спохватившись и будто съ порывомъ чувства: — понимаю! Вы хотѣли узнать, что̀ сталось съ особой, которая... которую вы когда-то знали, и вамъ грустно найти, что она—ничто. Но, къ несчастью, такъ оно есть. Вотъ она—всегда, какъ вы ее видѣли. Съ крючкомъ, за пяльцами; купаетъ дѣтей, варитъ варенье—и все тутъ. Ахъ, m-r Аяровъ, не воображайте, что этимъ женщинамъ много нужно! Такъ, спокойно удовлетворяются пустяками! Великія заботы о туалетѣ, о своей красотѣ,— подъ предлогомъ приличія, а въ самомъ дѣлѣ потому, что все еще помнятъ поклоненія прежнія... Когда супругъ Annette тутъ, на лицо, выходятъ уморительныя сцены. Для меня это такой источникъ наблюденій. Ревности, размолвки. Annette еще сноснѣе. Знаете, въ женщинѣ, исполнившей свое назначеніе, въ женщинѣ-матери есть что-то уже установившееся: брюжжитъ, ревнуетъ, но это все-таки проявленіе характера; это хоть что-нибудь. Но та—дѣвица.

— И такъ прожить десять лѣтъ!—прервалъ Аяровъ.

— Неужели вы думаете, что она ихъ замѣтила? Но хотя бы и бывало непріятно,—пора привыкнуть. Вы, юристъ, знаете, что десятилѣтняя давность...

— Няньчить его дѣтей, а онъ тутъ, на глазахъ...

— Она охотница до куколъ... Но кто это *онъ*? Супругъ Annette? *Онъ!* Великолѣпно! Какъ это къ нему идетъ, этотъ „*онъ!*" Да вы примѣтили ли, что даже моя мамаша называетъ его только «мужъ Annette?» Вотъ еще идеалъ!.. Но если у нея осталось къ нему что-нибудь, такъ это аномалія, страсть старой дѣвы, и выражается тѣмъ, что она всякій разъ наложитъ ему сахару въ стаканъ, а онъ всякій разъ выкинетъ. Судьба особенно осчастливила этого барина: пожелалъ пройтись по чувствамъ—Авдотья

Андреевна; пожелалъ подругу жизни—Annette. Ему достались обѣ удивительные образца женщины: насѣдка и пустоцвѣтъ.

— Пустоцвѣтъ?

— Ну, да. Вполнѣ вѣрное опредѣленіе подобныхъ особъ, и найдено давно; развѣ вы не помните?.. Правда, вы не обязаны, по ремеслу, все это помнить. *„Война и Миръ“* тамъ... Совершенно вѣрно. Невозмутимо, спокойно, живетъ-себѣ. Она—ничего, потому что ничѣмъ быть не можетъ. Пустоцвѣтъ.

— Кто ее такою сдѣлалъ?

— Ахъ, собственная ея натура!

— А не десять лѣтъ, въ которыя тратились ея способности?

— Позвольте, m-r Аяровъ, позвольте: какія?

— Всякія,—умственныя, нравственныя...

— И такъ далѣе. Но если ихъ никакихъ не было? Въ десять лѣтъ онѣ могли бы въ чемъ-нибудь проявиться...

— Да, еслибы она за что-нибудь взялась...

— Ахъ, какое счастіе, что не взялась! Подумайте объ окружающихъ: тоскующая дѣятельность въ домѣ, — пощадите! Къ счастью нашему, неповинна она ни въ какомъ стремленіи, ни въ какомъ общественномъ недовольствѣ, ни даже въ размышленіи. Это только вы ее поэтизируете...

— Нѣтъ, я только думаю, что ей живется не легко.

— Почему не легко?—поспѣшно спросила m-lle Natalie.— Конечно, у нея нѣтъ состоянія, но моя мать такъ внимательна...

— Не сомнѣваюсь.

— Такъ чего-жъ ей больше? Вы сожалѣете о ея запропавшихъ способностяхъ, но дайте же васъ убѣдить, что это—извините,—фраза. Вотъ такъ вы фразировали во времена оны, а ваши дѣвицы, ровно ничего не смысля, фразировали вслѣдъ за вами. Это особый видъ кокетства; онъ былъ въ ходу въ ваше время. И послѣдствія—такая погоня за дѣятельностью, что не знаешь, куда отъ нея дѣваться. Только и слышишь: экзаменъ туда, экзаменъ сюда. Скоро, право, можно будетъ всю Россію покрыть одной крышей:—«женская академія»... А какая цѣль этого...

— Она вамъ не нравится?

— Она мнѣ не мѣшаетъ,—возразила она рѣзко.—Я не сижу сложа руки; я вправѣ судить и быть строгой. Ваши идеи,— не прогнѣвайтесь, господа,—наплодили великое множество женскаго самолюбія. Я ничего не имѣю противъ женскаго труда, но какого? Нужно прежде оцѣнить себя, а потомъ рваться впередъ. Таланты, увѣряю васъ, не такъ обильно на землѣ разсы-

паны... Необходимость трудиться,—о ней я не спорю. Иногда, конечно, бываетъ нужда. Ну, пусть *онѣ* и идутъ трудиться въ буквальномъ смыслѣ...

— То-есть, какъ же, въ горничныя, въ кухарки?

— М-r Аяровъ, вы хотите меня поймать на словѣ и сказать, что я... Но это было ужъ когда-то сказано печатно, что женщины занятыя—безсердечны. Вы ошибетесь... Но я спрошу васъ: развѣ не нужны кухарки и горничныя? Развѣ это не дѣятельность? Развѣ, еслибы за нее взялись толкомъ, она не была бы полезна обществу?

— Въ смыслѣ новыхъ открытій въ гастрономіи?

— Нѣтъ, прошу васъ, безъ шутокъ. Въ смыслѣ экономіи, гигіены. Увѣряю васъ, это очень важно... Важно еще въ другомъ, въ нравственномъ отношеніи: воля не сдѣлала нашъ народъ умнѣе; это доказывается фактами:—не найдешь порядочной прислуги. Вотъ случай поучить народъ собственнымъ примѣромъ... Кстати, проводился бы и принципъ равенства, о которомъ вы такъ хлопотали.

— И кстати, вводился бы новый видъ крѣпостного права для образованныхъ женщинъ.

— М-r Аяровъ, что за парадоксы... Ахъ, но это прелестно! Ахъ, вы прелестно спорите!.. Какъ я люблю... такъ ярко, неожиданно! Такъ живо! Вѣкъ бы такъ спорила! Но вы меня парадоксами не собьете... Я, знаете, чтó начинаю подозрѣвать? Признаться вамъ? Хотите?

— Если для васъ это не затруднительно.

— Для меня-то нѣтъ, я откровенна до глупости. Но я боюсь, какъ вамъ покажется.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ любопытно. Признавайтесь.

— Я подозрѣваю, что вы никогда внимательно не изучали женщинъ...

— Только-то?

— Развѣ этого мало? Я говорю, что вы новичекъ, а вы не обижаетесь!.. Ну, можетъ быть, какъ-нибудь давно, вы были какъ-нибудь влюблены,—но это еще больше повергало васъ въ заблужденіе, а теперь вы фантазируете на вашу прежнюю тэму, между тѣмъ какъ въ жизни поется совсѣмъ другое.

— Можетъ быть,—сказалъ Аяровъ.

— Какъ «можетъ быть?»—совсѣмъ такъ и есть!—вскричала она:—женскія натуры очень разнообразны. Да вотъ, я, напримѣръ: вы меня сейчасъ узнали, не правда ли? Осторожности во мнѣ—ни на волосъ. Лукавства—я его боюсь. Я всего боюсь.

Нечего на меня смотрѣть, что я смѣла на слово; это такъ, когда говорится отъ души, когда вдругъ покажется, что поймутъ, сочувствуютъ, извинятъ... Вотъ Богъ знаетъ какъ случилось, что я, на первое свиданіе, все вамъ выдала о семьѣ, о себѣ... Какъ это случилось...

Она выговорила и вдругъ постаралась смутиться. Аяровъ далъ ей на это время и не сказалъ ни слова. Молчаніе продолжалось съ минуту.

— Послушайте,—сказала будто нерѣшительно m-lle Natalie, положивъ голову на локти и выглядывая изъ-за нихъ:—вы примете совѣтъ мамаши? Вы останетесь здѣсь?

— Вы этого хотите?

— Хочу.

Аяровъ смотрѣлъ на нее пристально.

— Ну, чтó же?

— Можетъ быть.

Она опять помолчала.

— Это было бы славно, — сказала она наконецъ, будто про себя.—Можно было бы... Ахъ, еще сказалось бы много,— прибавила она также тихо, но порывно, и тряхнула головой, будто пробуждая себя отъ мечтаній.—Надо бы что-нибудь дѣлать, m-r Аяровъ. Правда ваша—въ бездѣльи тратиться не надо. Да я этого и не люблю... Мамаша вамъ разсказываетъ... вы ей не вѣрьте. Я и сама не знаю, нужна ли мнѣ перемѣна мѣста, или—чтó тамъ. Я пойду, куда меня повернутъ. Нѣжностей мнѣ не надо, а жить я хочу...

— Чтó такое, чтó такое...—томно и протяжно произнесла m-me Бѣлушева, появляясь и кладя руку на плечо дочери.— Чего ты хочешь, мой тиранъ?.. Чего она вамъ наговорила, m-r Аяровъ? Я вижу, она ужъ совсѣмъ безъ церемоніи. Когда она принимаетъ вотъ эту позу... Это поза ангела въ *Сикстинской Мадоннѣ*,—помните?

— Вотъ, снимитесь такъ,—сказалъ Аяровъ, вставая.

— Для васъ? Хорошо, пойдемте завтра,—отвѣчала m-lle Natalie, не поднимая головы.

— Завтра?..—повторила m-me Бѣлушева.

— Да. М-r Аяровъ не уѣдетъ.

Счастливая мать съ секунду не нашла слова.

— Стало быть, мы кончаемъ вечеръ вмѣстѣ, ужинаемъ...— заговорила она торопливо.

— Благодарю васъ, нѣтъ, — отвѣчалъ Аяровъ, схватывая шляпу.—Извините, но я такъ усталъ...

— Устали? Отчего же... Ахъ, правда, вы сегодня съ дороги... Но завтра?.. Мы будемъ ждать завтра?

M-lle Natalie поднялась тоже; обѣ шли за нимъ.

— Мы будемъ ждать съ утра?

— Если вамъ угодно.

Это выходило похоже на бѣгство. Его останавливали, съ нимъ десять разъ прощались, его провожали. На порогѣ прихожей Аяровъ почти столкнулся съ кузиной, сжалъ ея руку и принялъ лицомъ къ лицу ея прямой, неподвижно удивленный взглядъ. Она отстоpонилась, какъ тѣнь, и дала ему дорогу.

— Какая ночь!..—вздыхала на крыльцѣ m-me Бѣлушева.

«Что-жъ это такое»... вертѣлось въ головѣ Аярова, покуда онъ сидѣлъ въ залѣ дебаркадера, ожидая отъѣзда.

По полу бѣгали круги тѣней отъ лампъ, перекрещивались тѣни проходящихъ. Вдали, у накрытаго стола, толстый баринъ бесѣдовалъ съ буфетчикомъ. Въ другой комнатѣ, слышалось, щелкали пробки. Двѣ дамы, съ панье, съ сумками черезъ плечо, постукивая каблучками, полсотни разъ прошли залу изъ конца въ конецъ, разговаривая безъ умолку.

«Спать-то имъ не хочется», подумалъ Аяровъ, самъ не зная, чѣмъ онѣ ему мѣшали.

Рядомъ съ нимъ, у шкапчика съ книгами, господинъ торговалъ «Огненную Женщину». *Библіотекарша* увѣряла, что самимъ дороже стóитъ. Она была въ волненіи: изъ шкапчика исчезло нѣсколько нумеровъ газеты; денегъ за нихъ не заплатили, а поѣздъ сейчасъ отойдетъ. Господинъ покупщикъ, ужъ сойдясь въ цѣнѣ, вдругъ сталъ колебаться между «Огненной женщиной» и «Золотой Шайкой».

— Чортъ знаетъ чтó... — проговорилъ себѣ подъ носъ Аяровъ.

Все это безсвязное, постороннее, все, чтó было за полчаса и чтó стояло предъ глазами, усталость и ожиданіе новой усталости, дорожная скука и нравственная, далекая, ужъ не называемая боль, глупая досада на всѣхъ, и на самого себя, смѣхъ, вытекающій изъ этой самой досады,—и за нимъ сознаніе подавляющей, мертвящей пошлости во всѣхъ и въ самомъ себѣ... Все это слилось какъ-то въ одно ощущеніе, изъ котораго выхода не было, которое (онъ это зналъ) не забудется и во снѣ, потому что и сонъ повторитъ тѣ же одолѣвшіе óбразы и впечатлѣнія... Что за тоска!

День конченъ... А вѣдь это рѣшительный день въ жизни: схоронена молодость. Она лежитъ тамъ, подъ низенькой грядкой, подъ травой, которая теперь такъ славно, крѣпко поднялась въ въ росѣ, упругая, холодная. Мѣсяцъ не высоко. Все должно быть въ тѣни отъ церкви... Почему было не остаться тамъ вотъ до этихъ поръ?

Да, покуда бы запирали ворота и полуночнаго героя свели въ полицію. Духъ времени!..

Но точно ли, въ самомъ дѣлѣ, нашлась бы охота пробыть тамъ до этихъ поръ?.. Мѣры охраненія общественной безопасности, кажется, совершенно соотвѣтствуютъ размѣрамъ чувствительности общества.

Аяровъ хотѣлъ засмѣяться, и опустилъ голову.

Кончено. Ну, провести ночь надъ *нею*, ну, вынести все ужасное и все смѣшное, чтó только встрѣтится въ этомъ приключеніи... Не возвратишь, — это извѣстно, — но ничего больше не узнаешь, не отгадаешь. Книга захлопнулась. Тайна. Ревнуй, прощай, презирай, хохочи или рви на себѣ волосы,—ты не знаешь, на чтó ты въ правѣ. Покорись и...

Забудь? Такъ, что ли?

Бѣлый свѣтъ полóнъ забывшихъ. Говорятъ, разсчитано, что, еслибъ не пропадали сѣмена травъ, деревьевъ, всякихъ растеній, они засѣяли бы не только весь шаръ земной, но ужъ какое-то такое пространство, что и не выговоришь. Люди, должно быть, тоже разочли и боятся, что въ ихъ сердцѣ будетъ тѣсно, если тамъ, рядомъ съ насущнымъ, останется память тѣхъ, чтó отошли. Будь эта память въ тысячи разъ чище, возвышеннѣе, прекраснѣе всего, чтó даетъ настоящее—она занимаетъ мѣсто, которое нужно для чего-то другого, ну, и прочь ее.

Но люди забываютъ не назáказъ, а невольно: утѣшеніе льнетъ къ нимъ легко, граціозно, какъ осенняя паутина... Забываютъ не вдругъ, а понемногу;. у нихъ нѣтъ даже грубой силы оторваться разомъ, проститься и отойти, не обращаясь назадъ сентиментально, нервически, натянуто, лицемѣрно... Понемножку!.. Чувствовать, какъ нѣкогда дорогое все уходитъ, уходитъ изъ сердца; какъ прелестный милый образъ все погружается, все заплываетъ во тьмѣ; куда мы его—не бросили, нѣтъ! —но уронили невольно... Послѣ сотни всякихъ разныхъ мелкихъ чувствицъ и колебаній, дойти до того, что дѣлается непріятно и жутко, когда случайно, какъ-нибудь вызванное пустымъ напомнившимъ словомъ, обстоятельствомъ, — блѣдное лицо съ своимъ золотымъ вѣнчикомъ выглянетъ на насъ изъ пучины... Дойти до

того, что, торопясь, отворачиваясь и все еще наряжая въ любовь нашъ испугъ, нашу досаду, мы говоримъ: «сокровище, проваливайся скорѣе!»

Говорятъ, *ея* мужъ женится. Что-жъ, это лучше. Это честнѣе, нежели ставить памятники... нежели проводить вечеръ погребальнаго дня съ пошлыми барынями.

«А вѣдь меня ловили женить...», вдругъ вспомнилъ Аяровъ, разсмѣялся и всталъ.

Мысль пришла невольно,—невольно позабавила и вывела его изъ себя...

— Скоро ли мы поѣдемъ! Десять минутъ второго,—обратился онъ къ кондуктору, перебѣгавшему залу.

— Задержка, тамъ... Впереди поѣздъ... Сейчасъ пойдетъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Чтó такое? Чтó случилось?—вскричали дамы, и побѣжали за нимъ.

Аяровъ прошелся и взглянулъ на нихъ поближе. Модные наряды оказывались очень старенькими, молодыя лица очень озабоченными. Вопросъ—опоздаютъ онѣ, или пріѣдутъ вó-время—волновалъ этихъ особъ очень серьёзно. Онѣ невесело зашептали, отходя дальше. Одна заплакала, другая утѣшала; обѣ повѣсили головы.

«Кто знаетъ, чтó тутъ рѣшается, какая тутъ забота?.. Закрытая книга!..» подумалось Аярову.

Женскія лица, видѣнныя въ теченіе дня, замелькали предъ нимъ опять, какъ нелѣпый, неотвязный сонъ.

А любопытная выдумка этотъ продажный альбомъ. Знаменіе времени, подъ пару тому объявленію, что какъ-то было въ газетахъ: *Въ такомъ-то магазинѣ, по сбавленной цѣнѣ, продаются дѣтскія игрушки, вышедшія изъ моды*... Это—семейное достоинство, семейное счастіе...

«Судьба женщины, трудъ женщины, уваженіе къ женщинѣ» —и эта выставка празднаго тщеславія на потѣху полусонной чувственности. И женщина это допускаетъ, и еще потворствуетъ, несчастная... глупая. Какъ-будто мало ей дѣла, какъ-будто мало ей горя, мало униженія, что она еще сама охотно унижается! Какъ-будто такъ ей много во всемъ вѣрятъ, что она безъ страха шутитъ собою, ломается, лжетъ сама на себя... Потому что, вѣдь, она лжетъ на себя. Потому что половина ихъ на этой отвратительной выставкѣ, не куклы, не презрѣнныя, а такъ, — не думаютъ, чтó творятъ!.. Еслибъ подумали!

Но кто ихъ знаетъ!

Дѣйствительность такъ тускла, такъ надоѣла; молодость хочетъ забавы, внутренняя боль ищетъ забытья, заботы много, а дѣлать нечего; время бѣжитъ, а пустыхъ часовъ не сочтешь... Вотъ и играются комедіи предъ людьми и предъ собою. И какія *онѣ* выказываются ничтожныя, безсмысленныя, испорченныя...

А, за всѣмъ тѣмъ, что̀ выставляется, что̀ выдается безобразной насмѣшкѣ, что̀ не цѣнится и не щадится, за всей этой комедіей— тьма настоящей жизни и въ ней все скрытое, забытое, непонятое, непризнанное, обойденное безъ вниманія, истолкованное ложно; мысль, чувство, порывы къ счастью, къ знанію, къ свѣту, заботы, слезы, память усопшихъ, томленіе за живыхъ, утраты, уступки пожертвованія; баюканья чужого ребенка, кусокъ хлѣба изъ чужихъ рукъ, унижающая нужда, скука, заѣдающая душу; жалкое подбиранье крохъ счастья, роскошно разсыпаннаго другимъ; забитая покорность, забывающая свои права; далекая, гаснущая память о лучшихъ дняхъ, ожесточающее одиночество, отупляющая пошлость... Образы, образы безъ числа. Красота, дарованія, молодость, любовь. Самоотверженіе безъ нарядныхъ подмостокъ, терпѣніе, благородство, прощеніе безъ оскорбленій и укора, мужество, даже не сознающее, что оно—мужество... Страшная, переполненная, кипящая тьма, съ страстями, преступленіемъ, отчаяніемъ и позоромъ, съ клеветой и обманомъ, съ борьбой и трудомъ, съ ношей не подъ силу, съ неволей, убивающей достоинство, съ безумной волей, налагающей руки на самое себя... Проникнуть въ это безконечное, вызвать этихъ труженицъ, страдалицъ, виноватыхъ... Пусть онѣ дадутъ не выставку своихъ лицъ, а правду своей жизни,—правду безъ прикрасъ, безъ великодушія, безъ самооправданій, безъ страха, безъ ложнаго стыда. Пусть признаются, какъ имъ жилось, какъ имъ живется...

Пожалуй, не скажутъ ничего... А тамъ, смотришь, кончено, насыпана грядка земли... Тайна!..

Онъ встрепенулся на рѣзкій звонокъ.

— Наконецъ-то!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Было еще темно; набѣжали тучи, шелъ дождь. Рядъ черныхъ вагоновъ предъ платформой; фонари, свѣтъ изъ оконъ, бѣготня, крики...

— Не ходите дальше, ангелъ мой, мамаша, затолкаютъ. Прощайте, — слышалось у самой двери, гдѣ толпа остановила Аярова.

Мелькнулъ пучекъ пестрыхъ перьевъ, молодое личико.

— Прощайте. Буду писать, буду непремѣнно... Что-жъ дѣлать! Ну, дасть Богъ, какъ-нибудь на будущій годъ... Что-жъ дѣлать, вѣдь нужно...

Слышались поцѣлуи, рыданія. Рыдало что-то слабое, невидимое, почти на землѣ.

— Воротитесь, мое сокровище... О, Господи!

— Проходите! Третій классъ! Дальше, дальше проходите!

— Ольга Петровна...

Она обращалась къ кому-то въ толпѣ.

— Ольга Петровна, голубушка, ужъ вы ее не оставьте, не забудьте... Я, какъ доѣду, сейчасъ напишу, сейчасъ вышлю...

— Позвольте! Проходите! Третій классъ. Проходите!

— Родная, прощайте, прощайте...

Пестрое перышко мелькнуло въ полосѣ свѣта.

— Вѣрочка, Вѣрочка...—отчаянно раздалось вслѣдъ.

Ляровъ бросился въ свой вагонъ.

В. Крестовскій.
Псевдонимъ.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ

Опытъ біографіи.

VI *).

Первые годы въ Петербургѣ. 1839—1841.

«Въ мысли о Петербургѣ для меня есть что-то горькое, сжимающее грудь тоскою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и что-то, дающее силу, возбуждающее дѣятельность и гордость духа»—писалъ Бѣлинскій, мы видѣли, еще въ ноябрѣ 1837 къ одному изъ друзей, когда занятъ былъ первыми планами своего переселенія въ Петербургъ. Тѣ же ощущенія владѣли имъ и теперь, когда наконецъ эти планы исполнялись. Въ самомъ дѣлѣ, предчувствіе было вѣрно: переѣздъ въ Петербургъ былъ настоящимъ переломомъ въ жизни Бѣлинскаго. Онъ самъ чувствовалъ, что долженъ вступить въ какую-то новую сферу, которая должна разрушить многое изъ того, чѣмъ онъ жилъ, что̀ стало привычной принадлежностью его существованія—его дружескій кругъ, его идеальныя мечтанія и самый взглядъ на вещи, выработываемый съ такими усиліями ума и души; это «сжимало его грудь тоскою». Но въ то же время упорное предчувствіе говорило ему (и онъ это не разъ высказывалъ), что только Петербургъ откроетъ его настоящую дорогу, что тамъ разовьется дѣятельность, составлявшая глубочайшую потребность его природы; что, испытавши тяжелый нравственный переломъ, онъ найдетъ себѣ внутреннее удовлетвореніе, и его трудъ наполнитъ его гордымъ сознаніемъ.

---

*) См. выше: мартъ, 205; апр., 602; іюнь, 573; октябрь, 469; ноябрь, 68 стр.

Петербургъ прежде всего отрывалъ Бѣлинскаго отъ тѣснаго кружка́, въ которомъ до тѣхъ поръ сосредоточивалась его жизнь, и внѣшняя и внутренняя, и который такъ способствовалъ развитію и укрѣпленію его крайне-идеалистическаго настроенія. Эта жизнь въ кружкѣ уже исчерпывала себя къ концу пребыванія Бѣлинскаго въ Москвѣ; личные раздоры были признакомъ, что въ кружкѣ дѣлается что-то ненормальное, натянутое; нужно было освѣженіе отъ душнаго воздуха идеалистической экзальтаціи, выходъ въ простую дѣйствительную жизнь. Переселеніе въ Петербургъ было кризисомъ. Онъ былъ мучителенъ для Бѣлинскаго, потому что надо было отказаться отъ давней привычки, становившейся второю природою, отказаться отъ постоянныхъ личныхъ связей, гдѣ, кромѣ пищи идеализму, Бѣлинскій находилъ себѣ и искреннее сочувствіе, въ которомъ такъ нуждался. Въ Петербургѣ его окружили новые люди; онъ встрѣчалъ и отъ нихъ много самаго теплаго расположенія, но для дружбы съ ними не было у него тѣхъ «историческихъ основаній», которыя онъ считалъ необходимыми и которыя дѣйствительно для нея необходимы. Нужно было время, чтобы онъ освоился съ новой обстановкой.

Съ другой стороны, Петербургъ произвелъ на него свое впечатлѣніе. Вообще, онъ поразилъ Бѣлинскаго какъ новое явленіе русской жизни, невольно приковывавшее къ себѣ вниманіе [1]). Та «дѣйствительность», которой съ такой ревностью доискивался Бѣлинскій въ своихъ кабинетныхъ теоріяхъ, представала передъ нимъ во всей своей реальности и—была рѣшительно непохожа на теорію. Эта дѣйствительность сама бросалась въ глаза; отъ нея нельзя было укрыться, какъ въ Москвѣ, въ своемъ кружкѣ, гдѣ друзья жили какъ въ укромномъ захолустьѣ, не видя и не слыша той машины, которая управляла ихъ теоретической дѣйствительностью. Здѣсь сама машина была на лицо, и Бѣлинскій, какъ ни избѣгалъ встрѣчъ съ чужимъ ему міромъ, не могъ ея не видѣть и не чувствовать на себѣ ея толчковъ... Здѣсь въ первый разъ «общество» является ему не какъ отвлеченное представленіе, а какъ живое собраніе извѣстныхъ сословій, разрядовъ людей, типовъ, характеровъ; онъ долженъ былъ увидѣть и настоящій характеръ этого «общества», и вліяніе этого общества, тяготѣющее надъ нимъ самимъ и его дѣятельностью. Ему надо было только отложить на минуту въ сторону теоретическія от-

---

[1]) Ср. первыя статьи, писанныя Бѣлинскимъ въ Петербургѣ (театральные отчеты; Соч. III, 168 и слѣд.), статью „Петербургъ и Москва“, 1845 г. (Соч. т. XII) и др.

влеченности, чтобы жизнь явилась передъ нимъ въ совершенно иномъ свѣтѣ... Передъ нимъ настоятельно тѣснятся вопросы, какихъ онъ не задавалъ себѣ прежде, и для его правдиваго чувства не могли не представляться рѣшенія, которыя никакъ не укладывались въ рамки прежняго идеализма...

Всѣ эти новыя впечатлѣнія и испытанія подѣйствовали на Бѣлинскаго тяжелымъ, подавляющимъ образомъ, и его нравственное состояніе было тѣмъ труднѣе, что онъ чувствовалъ себя совершенно одинокимъ. Правда, въ первое же время, и послѣ, онъ встрѣтилъ въ Петербургѣ и нѣкоторыхъ друзей московскаго круга; онъ нашелъ преданныхъ друзей въ Панаевѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ лицахъ этого кружка; онъ былъ совершенно доволенъ редакціей «Отеч. Записокъ», о которой отзывался съ великими похвалами; онъ съ перваго раза сталъ много работать,—но прежняго кружка не было, онъ оставался одинокимъ, когда его мучила эта внутренняя борьба, эта «раздѣлка съ прошлымъ»... Потребность высказаться, подѣлиться своимъ страданіемъ и возникавшими новыми идеями обращаетъ его къ старой дружбѣ: съ пріѣзда въ Петербургъ Бѣлинскій начинаетъ дѣятельную переписку съ Боткинымъ, которая составляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ и значительнѣйшихъ фактовъ нашей новѣйшей литературной исторіи. Разлука завязала вновь разстроенную дружбу; друзья, оба въ одно время, посылаютъ одинъ другому первыя посланія, которыя вновь скрѣпили ихъ отношенія. Боткинъ былъ въ эти годы ближайшимъ изъ его друзей московскаго круга; теперь онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, которому онъ могъ высказывать вполнѣ волновавшія его чувства, тревоги и сомнѣнія: петербургскіе друзья были еще чужды ему,—при всей ихъ привязанности къ нему Бѣлинскій видѣлъ въ нихъ много «петербуржества», которое онъ находилъ даже въ самыхъ серьёзныхъ между ними. Боткинъ одинъ имѣлъ въ прежнее время его полное сочувствіе и довѣріе; ему извѣстно было все прошлое, ему одному знакома была вполнѣ та «рефлексія», черезъ которую проходила у Бѣлинскаго всякая мысль, всякое ощущеніе, и которая теперь овладѣвала Бѣлинскимъ съ особенной силой. Нѣсколько позднѣе, въ іюнѣ 1840, Бѣлинскій говоритъ Боткину:... «есть у меня на душѣ многое, чего я никому не скажу и никому не имѣю охоты сказать, кромѣ тебя. Не говоря уже о моихъ внутреннихъ скорбяхъ и терзаніяхъ, которыя, кромѣ тебя, никому не понятны, у меня и объ искусствѣ какъ-то мало охоты говорить съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ тебя»... И въ началѣ своей петербургской жизни, въ первомъ приступѣ внутренней борьбы Бѣлинскій

въ особенности чувствовалъ эту тѣсную близость съ старымъ другомъ. Это первое время ознаменовано и наибольшей плодовитостью переписки: за первымъ письмомъ слѣдуетъ рядъ длинныхъ посланій, гдѣ Бѣлинскій дѣлится съ Боткинымъ всѣми разнообразными впечатлѣніями своей новой жизни, повѣряетъ ему свои самыя задушевныя мысли, всю борьбу прошлаго съ новымъ, встрѣтившимъ его теченіемъ идей. Въ письмахъ Бѣлинскаго остался для насъ цѣлый дневникъ его внутренней жизни, исполненный историческаго интереса.

Основная черта этой внутренней жизни заключается именно въ томъ, что для Бѣлинскаго все больше и больше разъясняется фантастическое преувеличеніе его прежней точки зрѣнія и раскрывается иной взглядъ на вещи, который наконецъ и становится его господствующимъ воззрѣніемъ. Этотъ переворотъ обнимаетъ и взгляды философскіе, и эстетическіе, и общественные. Первыя работы его въ Петербургѣ (статьи по поводу «Бородинской Годовщины», начатыя въ Москвѣ, «Менцель», задуманный также еще въ Москвѣ; статья о «Горѣ отъ ума») писаны еще согласно его московскимъ понятіямъ, и эти понятія высказаны даже съ рѣзкостью, возбужденной услышанными въ Москвѣ противорѣчіями; но мало по-малу Бѣлинскій убѣждается, что гегеліанская философія не есть столь абсолютная истина, какъ онъ думалъ прежде; что прежняя исключительная эстетическая точка зрѣнія не даетъ полной оцѣнки искусства и способна приводить къ крайнему заблужденію, и онъ мучится воспоминаніемъ о своихъ заблужденіяхъ, какъ угрызеніемъ совѣсти. Весь этотъ переломъ произошелъ въ теченіи перваго же года его пребыванія въ Петербургѣ, и произошелъ въ немъ самостоятельнымъ развитіемъ: постороннія вліянія, которыя дѣйствовали до извѣстной степени, были только поводомъ, а главной причиной было его собственное развитіе, встрѣча съ непосредственной дѣйствительностью, которой до того времени онъ не видѣлъ изъ-за философскихъ фантасмагорій московскаго кружка́. На него подѣйствовали не столько теоретическія возраженія, сколько сама жизнь, и, разъ ее увидѣвъ, разъ надъ нею задумавшись, онъ самъ передѣлалъ всю систему своихъ понятій... Въ одно прекрасное утро его новые петербургскіе друзья, и сама редакція «Отеч. Записокъ», повторяя вещи, слышанныя ими отъ самого Бѣлинскаго, увидѣли, къ своему изумленію, что Бѣлинскій говоритъ совсѣмъ иное; они не замѣтили совершавшейся перемѣны...

Въ письмѣ къ одному пріятелю, Бѣлинскій такъ разсказы-

ваетъ о началѣ своей переписки съ Боткинымъ изъ Петербурга [1]). Бѣлинскій разстался съ Боткинымъ холодно, уѣзжая изъ Москвы: прежняя ссора еще тяготѣла надъ нимъ...

„Я уѣхалъ въ Питеръ,—разсказываетъ Бѣлинскій.—Внутреннія страданія мои обратились въ какое-то сухое ожесточеніе: для меня никто не существовалъ, ибо я и самъ для себя былъ мертвъ. Наконецъ Б. (Боткинъ) снова воскресъ для меня. Полтора мѣсяца писалъ я къ нему, полтора мѣсяца душа моя рвалась къ нему и всякая сколько-нибудь теплая минута неразрывно связывалась съ тоскливою думою о немъ. Я ощущалъ его въ себѣ: мнѣ казалось, что каждая капля крови моей полна имъ. И что-жъ? посылаю къ нему письмо; а дня черезъ два получаю отъ него: мы сошлись въ потребности говорить другъ съ другомъ, сошлись, не сговариваясь. Въ каждой строкѣ его, въ каждомъ словѣ я видѣлъ, чувствовалъ, что́ такое для меня этотъ человѣкъ и что́ я для него. Получаю отъ него отвѣтъ на письмо мое — начинаю читать — нѣтъ, у меня нѣтъ словъ, чтобы выразить это впечатлѣніе. Я былъ и взволнованъ, и восторженъ, и умиленъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ—пораженъ и изумленъ: я никогда не могъ предполагать въ человѣкѣ столько любви и такой любви".

Обращаемся къ самой перепискѣ Бѣлинскаго съ Боткинымъ. Эта переписка сохранилась, къ сожалѣнію, не вполнѣ; но сохранилась бо́льшая доля (которую мы, кажется, имѣли въ рукахъ въ полномъ ея составѣ), и это собраніе, все-таки очень обширное, составляетъ важнѣйшій матеріалъ для біографіи Бѣлинскаго въ первые годы его петербургской жизни. До сихъ поръ онъ оставался въ литературѣ неизвѣстенъ, и мы постараемся познакомить читателя съ этой любопытной перепиской рядомъ цитатъ, которыя лучше всякаго изложенія представятъ тогдашнее настроеніе Бѣлинскаго и всѣ волненія его внутренней жизни его собственными словами въ задушевной дружеской бесѣдѣ [2]). Первое письмо изъ Петербурга, намъ извѣстное, помѣчено 22-го ноября 1839 г. Не знаемъ, было ли это именно то письмо, о которомъ упоминаетъ Бѣлинскій въ приведенномъ отрывкѣ; но вѣроятно Бѣлинскій разумѣлъ другое нѣсколько позднѣйшее письмо, очень длинное, писанное въ нѣсколько пріемовъ, отъ 16-го декабря до начала февраля слѣдующаго года, и которое, по своему задушевному тону, по

[1]) Отъ этого письма мы знаемъ только отрывокъ, безъ означенія времени; но, кажется, отъ начала 1840 г.

[2]) Переписка Бѣлинскаго съ другими лицами за это время извѣстна намъ только частію, и мы воспользуемся изъ нея нѣсколькими подробностями; относительно многихъ писемъ, недостающихъ въ нашемъ собраніи, мы не знаемъ даже, сохранились ли они вообще. Но письма къ Боткину, во всякомъ случаѣ, занимаютъ въ этомъ матеріалѣ самое важное мѣсто.

глубокой потребности сочувствія, дѣйствительно могло бы считаться полнымъ возстановленіемъ ихъ дружбы.

„Виноватъ, другъ Василій,—пишетъ Бѣлинскій, отъ 22-го ноября,—ты писалъ ко мнѣ, спрашивалъ, безпокоился—одно мое слово—и ты былъ бы спокоенъ... Чтó дѣлать! Я нахожусь въ какой-то апатіи, въ которой, впрочемъ, есть все, кромѣ участія ко всему тому, чтó не я. Я и чувствую, и мыслю, порою даже и страдаю; но ни до тебя и ни до кого изъ васъ мнѣ дѣла нѣтъ, какъ будто вы всѣ не существуете и никогда не существовали. Или, видно, настало время разсчета съ самимъ собою, или чортъ знаетъ чтó — но вотъ вамъ фактъ: понимайте и толкуйте его какъ хотите. Богъ да благословитъ васъ, а я не виноватъ.

„Питеръ—городъ знатный, Нева-рѣка пребольшущая, а петербургскіе литераторы—прекраснѣйшіе люди послѣ чиновниковъ и господъ-офицеровъ. Мнѣ очень, очень весело: о чемъ ни заговоришь—столько сочувствія. Однимъ словомъ: Петербургъ—молодой, молодой человѣкъ, но говоритъ совсѣмъ такъ, какъ старикъ“... [1]).

Въ Петербургѣ онъ встрѣтился съ М. Б., съ которымъ у него уже и до этого времени не было прежнихъ дружныхъ отношеній. Теперь Бѣлинскій то мирился, то снова враждовалъ съ нимъ. Къ прежнимъ причинамъ раздора присоединилась еще новая—вмѣшательство М. Б. въ извѣстныя отношенія, гдѣ былъ заинтересованнымъ лицомъ Боткинъ. Впослѣдствіи (въ 1840 г.) это вмѣшательство окончательно перессорило Бѣлинскаго съ М. Б. Но теперь, въ концѣ 1839 года, эти обстоятельства еще не выяснились, Бѣлинскій вновь принималъ участіе въ своемъ бывшемъ другѣ, и думалъ объяснять его характеръ и поступки его неустановившимся развитіемъ, трудными для него «процессами духа». Нѣчто подобное Бѣлинскій находилъ и въ своемъ тогдашнемъ состояніи: оно уже теперь представляется ему такимъ труднымъ процессомъ,—бываютъ минуты, когда человѣку бываетъ не до другихъ, а только до себя...

„Я теперь собственнымъ опытомъ узналъ возможность такого состоянія,—говоритъ Бѣлинскій, обращаясь къ своему состоянію.—Мнѣ теперь ни до кого нѣтъ дѣла, я никого не люблю, ни въ комъ не принимаю участія,—потому что для меня настало такое время, когда я увидѣлъ ясно, что или мнѣ надо стать тѣмъ, чѣмъ я долженъ быть, или отказаться отъ претензіи на всякую жизнь, на всякое счастіе. Для меня одинъ выходъ—ты знаешь какой; для меня нѣтъ выхода въ Jenseits, въ мистицизмѣ и во всемъ томъ, чтó составляетъ выходъ для полу-богатыхъ натуръ и полу-павшихъ душъ. Я теперь еще больше понимаю, отчего на святой Руси такъ много пьяницъ, и почему у насъ *спиваются съ кругу* все умные, по обще-

[1]) Фраза Бобчинскаго о Хлестаковѣ.

ственному мнѣнію, люди; но я не могу и спиться... Мнѣ остается одно: или сдѣлаться дѣйствительнымъ, или, до тѣхъ поръ, пока жизнь не погаснетъ въ тѣлѣ, пѣть вотъ эту пѣсенку —

Я увялъ и увялъ
Навсегда, навсегда,
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!
Всѣмъ постылый, чужой,
Никого не любя,
Въ мірѣ странствую я
Какъ вампиръ гробовой" и проч. [1]).

Бѣлинскій замѣтилъ, нѣсколько неожиданно для себя, что, несмотря на вражду, которая ихъ раздѣляла еще съ Москвы, философскій другъ очень цѣнилъ Бѣлинскаго и пропагандировалъ его имя вездѣ, гдѣ могъ: «гдѣ бы онъ ни явился (замѣчаетъ Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину), съ кѣмъ бы ни познакомился, тамъ и тотъ уже знаетъ Бѣлинскаго». Бесѣды съ М. Б., когда не касались личныхъ вопросовъ, продолжали имѣть для Бѣлинскаго прежній интересъ. «Я немного побылъ съ нимъ въ Питерѣ,—разсказываетъ Бѣлинскій,—но много узналъ отъ него новаго, много уяснились мнѣ и собственныя мои идеи. Это одинъ человѣкъ, съ которымъ побыть вмѣстѣ, значитъ для меня сдѣлать большой шагъ впередъ въ мысли—дьявольская способность передавать! Да, я вновь познакомился съ М....»

На первое время, вопросы, тревожившіе Бѣлинскаго, повидимому, были тѣ же старые вопросы «абсолютной» жизни, теоретической «дѣйствительности». Онъ начиналъ видѣть, что извѣстная формула не приложима въ томъ смыслѣ, какъ онъ до сихъ поръ ее разумѣлъ, но все еще старался оградить теоретическую «разумность дѣйствительности», признавая практическія исключенія. Первыя впечатлѣнія «общества» въ Петербургѣ были отталкивающія, но на первый разъ онъ видитъ въ немъ только —profanum vulgus: его раздраженіе и иронія высказаны еще въ смыслѣ прежнихъ понятій (включавшихъ вражду къ отсутствію «абсолютныхъ» интересовъ).

Въ письмѣ слѣдуютъ опять первыя впечатлѣнія петербургской жизни, въ которыхъ еще проглядываетъ иногда сожалѣніе о покинутомъ московскомъ кружкѣ, и среди желчныхъ замѣчаній сказывается оскорбленный идеализмъ московскихъ временъ. Въ первыхъ письмахъ еще только легкими чертами закрадывается сомнѣніе въ вѣрности старыхъ теорій...

---

[1]) Извѣстные стихи Полежаева.

„Несмотря на мое рѣшеніе избѣгать всякихъ знакомствъ, я завелъ ихъ бездну. Разумѣется, я прежде всего познакомился съ К — скимъ. Чрезвычайно добрый, теплый и умный человѣкъ! Въ немъ есть даже и чувство изящнаго, но оно не развито... Плетневъ добрый и простой человѣкъ, но онъ теперь на покоѣ у жизни. Князь Одоевскій принялъ и обласкалъ меня, какъ нельзя лучше. Онъ очень добрый и простой человѣкъ, но повытерся свѣтомъ и жизнью, и потому безцвѣтенъ, какъ изношенный платокъ. Теперь его больше всего интересуетъ мистицизмъ и магнетизмъ. Очень также хорошо отзывался онъ и о моемъ „Пятидесятилѣтнемъ Дядюшкѣ“ [1]). У Панаева есть закадычный другъ Я.—это, братъ, московскій человѣкъ, и я выключаю его изъ числа знакомыхъ... Да, и въ Питерѣ есть люди, но это все москвичи, хотя бы они и въ глаза не видали Бѣлокаменной. Собственно Питеру принадлежитъ все половинчатое, полуцвѣтное, сѣренькое, какъ его небо, обтершееся и гладкое, какъ его прекрасные тротуары. Въ Питерѣ только поймешь, что религія [2]) есть основа всего, и что безъ нея человѣкъ — ничто, ибо Питеръ имѣетъ необыкновенное свойство оскорбить въ *человѣкѣ* все святое и заставить въ немъ выйти наружу все сокровенное. Только въ Питерѣ человѣкъ можетъ узнать себя — человѣкъ онъ, полу-человѣкъ или скотина: если будетъ страдать въ немъ—человѣкъ; если Питеръ полюбится ему—будетъ или богатъ или дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Самъ городъ красивъ, но основанъ на *плоскости*, и потому Москва — красавица передъ нимъ. Въ театрѣ я былъ два раза (т.-е. въ Александринскомъ) и въ третій страхъ не хочется идти... Публика—господа офицеры и чиновники—......позоръ и оскорбленіе человѣчества и общества...

Бѣлинскій посылаетъ поклоны всѣмъ своимъ московскимъ друзьямъ, проситъ писать, жалѣетъ, что безъ Кудрявцева ему не съ кѣмъ читать ни «Иліады», ни Пушкина... Далѣе:

„Булгаринъ, встрѣтясь съ Панаевымъ на Невскомъ, на другой день послѣ выхода 11 № О. З., сказалъ—почтеннѣйшій, почтеннѣйшій—бульдога-то это вы привезли меня травить?

„Скажи Грановскому, что чѣмъ больше живу и думаю, тѣмъ больше, *кровнѣе* люблю Русь, но начинаю сознавать, что это съ ея субстанціальной стороны, но ея опредѣленіе [3]), ея дѣйствительность настоящая, начинаютъ приводить меня въ отчаяніе—грязно, мерзко, возмутительно, нечеловѣчески,—я понимаю *Фроловыхъ*...

„Твой переводъ „Ряса Монаха“ я читалъ и перечитывалъ, упивался самъ и упоевалъ другихъ—теперь онъ въ рукахъ у кн. Одоевскаго. Гоголя видѣлъ два раза, во второй обѣдалъ съ нимъ у Одоевскаго. Хандритъ, да есть отъ чего, и все съ ироническою улыбкою спрашиваетъ меня, какъ мнѣ понравился Петербургъ. Невскій про-

---

[1]) Замѣчаніе, сдѣланное какъ будто иронически.

[2]) Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, это слово надо понимать не въ теологическомъ, а въ философскомъ значеніи.

[3]) Т.-е. внѣшнія, частныя выраженія ея сущности.

спектъ чудо, такъ что перенесъ бы его, да Неву, да нѣсколько человѣкъ—въ Москву.

„Бога ради о моихъ отзывахъ о Питерѣ и его литераторахъ—никому нигугу, особенно объ Од. Каково я отдѣлалъ Загоскина? Статейки о Зотовѣ, Повѣсѣ, Иліадѣ—тоже мои—очень хорошія статейки“... [1]).

Вскорѣ послѣ того, Бѣлинскій снова пишетъ къ Боткину, отъ 30-го ноября. «Мой милый, добрый и бѣдный Василій,—начинаетъ онъ,—письмо твое къ Панаеву поразило меня страннымъ впечатлѣніемъ. Какъ? неужели дѣло приняло такой дурной оборотъ? Я никакъ не ожидалъ этого»... Рѣчь идетъ объ упомянутой сердечной исторіи Боткина. Бѣлинскій упрекаетъ себя, что не писалъ ему раньше, но отвергаетъ, какъ нелѣпость, подозрѣніе его Боткинымъ въ «желаніи мстить за старое»,—въ которомъ они оба «равно виноваты»,—и опять ссылается на свое тяжелое внутреннее состояніе:

„Чортъ знаетъ, словно какой демонъ овладѣлъ мною: не могъ руки поднять, не могъ приневолить себя написать къ тебѣ хоть двѣ строки, хотя и чувствовалъ, что въ твоемъ положеніи мои двѣ строки для тебя безцѣнны, потому что могли бы избавить тебя отъ мучительныхъ безпокойствъ. Несмотря на всю мою неохоту говорить о себѣ и на твое несостояніе думать обо мнѣ, не могу не повторить, что нахожусь въ странномъ состояніи духа: и чувствую, и мыслю, и страдаю, даже тяжело страдаю, пишу много для журнала, и пишу съ жаромъ, интересомъ, но не могу ни писать къ друзьямъ, ни заниматься ими даже въ мысляхъ и принимать въ нихъ задушевное участіе. Это также относится и къ новымъ моимъ друзьямъ, какъ и къ старымъ. Думай объ этомъ чтó хочешь. Со стороны внѣшнихъ обстоятельствъ терплю крайнюю нужду—весь обносился, денегъ ни копѣйки даже на извощиковъ; къ довершенію всего, и у Панаева тоже“...

Въ концѣ письма, Бѣлинскій между прочимъ проситъ передать поклонъ Ог—вымъ.

Въ это время, въ послѣднихъ книжкахъ «Отеч. Записокъ» 1839 года и въ первой книгѣ 1840-го, печатались статьи Бѣлинскаго, которыя были крайнимъ выраженіемъ его прежней московской точки зрѣнія, высшимъ пунктомъ примиренія съ «дѣйствительностью». Это примиреніе было еще для него его формальнымъ убѣжденіемъ; онъ не только еще признавалъ его въ теоріи, и считалъ долгомъ высказывать, но высказывалъ

[1]) Шуточная фраза, опять по Гоголю. Упоминаемыя статьи находятся въ 11 № „От. Зап.“ 1839; но не помѣщены въ „Сочиненіяхъ“ и (кромѣ романа Зотова „Шапка юродиваго“) не упомянуты и въ спискѣ статей (т. III, 2-е изд., стр. 658).

его съ необычной настоятельностью, которая должна была дать отпоръ противникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и заглушить свое собственное колебаніе...

Какая противоположность между увѣреннымъ тономъ этихъ статей, гдѣ шла послѣдняя открытая борьба за признаваемое убѣжденіе, и письмами къ Боткину, гдѣ невольно высказывалось внутреннее страданіе отъ возникшихъ сомнѣній.

Слѣдуетъ длинное замѣчательное письмо, гдѣ раскрывается этотъ рядъ нравственныхъ страданій, которыя переживалъ Бѣлинскій въ то самое время. Внутренній разладъ доходитъ до послѣдней степени; убѣждая себя теоретически въ «разумной дѣйствительности», Бѣлинскій не находитъ въ себѣ и тѣни спокойнаго, удовлетвореннаго, нормальнаго отношенія къ жизни; онъ винитъ себя, свою испорченную «рефлексію», но теряетъ вѣру и въ философскія общности, противъ которыхъ начинаетъ возставать непосредственное сознаніе и жизненное право человѣческой личности... То, въ чемъ нѣкогда онъ былъ убѣжденъ, начинаетъ казаться ему горькимъ и безплоднымъ заблужденіемъ. Длинное письмо, о которомъ мы говоримъ, писано въ нѣсколько пріемовъ, съ 16-го декабря до первыхъ чиселъ февраля 1840 года [1]. «Спасибо, другъ Василій, за письмо твое отъ 30-го ноября: оно доставило мнѣ много сладостныхъ ощущеній, и возбудило во мнѣ желаніе писать къ тебѣ, но по множеству работы не могъ я до сихъ поръ собраться»... Рѣчь начинается о московскихъ новостяхъ кружкà, сообщенныхъ Боткинымъ,—о романическихъ похожденіяхъ одного изъ друзей, которыя Бѣлинскій осуждаетъ, изъ-за ихъ предмета, но и завидуетъ имъ, какъ способности увлечься хоть чѣмъ-нибудь *безъ рефлексіи*. Слѣдующія далѣе разсужденія посвящены преслѣдованію этой давнишней черты кружкà, и самого Бѣлинскаго въ особенности.

„Отчего же я никогда не могъ предаться весь и вполнѣ никакому чувству... Я знаю, что, пораженный благородствомъ и *нравственностію* моего слога, NN [2]) выронитъ изъ длинныхъ рукъ трубку, разсыплетъ на полъ табакъ и нелѣпо марая и загребая ими, зареветъ: „это оттого, что у Б. (Бѣлинскаго) глубокая натура, которая можетъ

[1]) Въ этомъ промежуткѣ писалъ онъ къ своему родственнику Д. П. И.; и въ этомъ письмѣ (занятомъ ихъ домашними дѣлами) Бѣлинскій также жалуется на „особенное расположеніе духа", которое дѣлало его „равнодушнымъ ко всему и ко всѣмъ, даже къ себѣ"... „Питеръ навелъ на меня апатію, уныніе и чортъ знаетъ чтó. Счастливъ, кто можетъ жить въ Москвѣ, и особенно можетъ не жить въ Петербургѣ!"

[2]) Въ подлинникѣ имя одного изъ друзей.

удовлетвориться только истиннымъ чувствомъ и любить только разъ въ жизни"! Если онъ это сдѣлаетъ, Боткинъ, наплюй ему, пожалуйста, въ рожу и скажи, что онъ—дуракъ... Нѣтъ, это вздоръ: въ каждомъ моментѣ человѣка есть *современныя* этому моменту потребности и полное ихъ удовлетвореніе.

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ!
Блаженъ, кто во время созрѣлъ!

„Я понимаю необходимость, разумность, а слѣд. и достоинство рефлексіи, какъ момента самаго разума, какъ движителя жизни, не дающаго человѣку убаюкаться на какой-нибудь низенькой ступенькѣ жизни, но дѣло въ томъ, что есть двѣ рефлексіи — нормальная и болѣзненная"...

Одна есть условіе глубокой натуры; другая есть слѣдствіе натянутаго болѣзненнаго развитія, резонерство, сердечная гниль, отравляющая всякое полное наслажденіе жизнью. Эта рефлексія сдѣлала его собственную участь—печальнѣйшею и горестнѣйшею изъ всѣхъ участей... «Я недавно догадался, что есть два рода идеальности, — здоровая и резонерская, и теперь понимаю ожесточеніе противъ идеальности. Чтó дѣлать, кругомъ себя я видѣлъ все резонерскую идеальность и самъ пребывалъ въ ней... Чѣмъ особенно восхищался я въ Станкевичѣ? Тѣмъ, чтó онъ ненавидѣлъ въ себѣ»... Бѣлинскій прерываетъ свое разсужденіе эпизодомъ самыхъ матеріалистическихъ отношеній къ женщинѣ, разсказаннымъ съ намѣренной рѣзкостью выраженій, и продолжаетъ:

„Боткинъ, Боткинъ! не сердись и не презирай, но пойми... (Подъ этимъ) скрывается нѣчто похожее на судорожное сжатіе сердца, на глубоко-болѣзненное стѣсненіе груди, въ которыхъ простая, глубокая потребность любви и сочувствія. Нѣтъ, никогда не страдалъ я такъ глубоко—силъ недостаетъ. Внутри меня что-то глубоко оскорблено. Я уже не мучусь апатіею, но страдаю цѣлые дни какою-то тяжелою болѣзнію. Ну, да что объ этомъ говорить! Ты и безъ словъ поймешь меня"...

Онъ согласится съ тѣмъ, кто говоритъ, что надо стремиться къ «общему», трудиться и бороться, чтобы считать себя въ правѣ на личное блаженство; но онъ не станетъ слушать того, кто бы сталъ доказывать, что жить должно только въ общемъ, презирая личное и субъективное:

„Всякая односторонность уже не бѣситъ, а глубоко оскорбляетъ меня. Одинъ кричитъ о высокомъ, прекрасномъ и идеальномъ; другой, съ ироническою усмѣшкой человѣка, постигшаго мудрость мудрости, говоритъ о паровыхъ машинахъ и комфортѣ; одинъ уважаетъ общее и презираетъ личное, другой не вѣритъ общему и лакомится только частнымъ: все это ограниченности и односторонности. Міръ

древній жилъ въ исторіи и искусствѣ и пускалъ въ трагедію только царей, героевъ и боговъ; а новый міръ начался словами: „пріидите ко мнѣ всѣ страждущіе и обремененные“,—и тотъ, кто сказалъ ихъ, возлежалъ съ мытарями и грѣшниками, Бога назвалъ отцомъ людей, а людей—братьями другъ другу. Отъ того въ новую трагедію вошли и плебеи, и шуты, ибо героемъ ея сталъ человѣкъ, какъ субъективная личность. Смѣшно и досадно; любовь Ромео и Юліи есть общее, а потребность любви или любовь читателя есть частное и призрачное. Жизнь въ книгахъ, а въ жизни—ничто...

„Всѣ эти аллегоріи и „придворные экивоки“ клонятся къ тому, что права личнаго человѣка также священны, какъ и міроваго гражданина, и что кто на вопль и судорожное сжатіе личности смотритъ свысока, какъ на отпаденіе отъ общаго, тотъ или мальчикъ, или эгоистъ, или дуракъ,—а мнѣ тотъ, и другой, и третій равно несносны. Говорить о себѣ, да о себѣ, или все о моихъ, да своихъ страданіяхъ, забывши, что и другой также думаетъ о себѣ и также богатъ страданіями,—не хорошо и не умно; но тяжело и давить въ себѣ все и не имѣть никого, кто бы дружески откликнулся на наши стоны... Ахъ, мой добрый Василій, такъ тяжело, какъ еще никогда не бывало! Моя одинокость въ мірѣ терзаетъ меня: никогда такъ мучительно не жаждала душа груди, которая отвѣтила бы вздохомъ на ея вздохъ, которая съ любовью приняла бы на себя усталую отъ горя голову... Великое благо въ сей жизни дружба, и особенно великое для меня, потому что оно одно, которое я вполнѣ вкусилъ; но—знаешь ли что́? мужская грудь и холодна, и жестка, а пожатіе грубой мужской руки, хотя бы и дружней, даетъ только жизнь, а не смерть, ту сладкую и блаженную смерть, о которой говоритъ Гёте въ своемъ божественномъ „Прометеѣ“. А мнѣ хотѣлось бы хоть на мгновеніе умереть отъ избытка жизни, а послѣ этого, пожалуй, хоть и умереть въ буквальномъ смыслѣ. И что-же? Каждый новый день говоритъ мнѣ: это не для тебя—пиши статьи и толкуй о литературѣ, да еще о русской литературѣ... Это выше силъ—глубоко оскорбленная натура ожесточается—... и хочетъ оргій, оргій...

„Вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва!“ [1]).

„Грудь физически здорова—противъ обыкновенія—я даже не

---

[1]) У Гофмана есть разсказъ объ удивительномъ и полу-фантастическомъ музыкантѣ Крейслерѣ,—гдѣ Гофманъ, самъ замѣчательный музыкантъ и композиторъ, главнымъ образомъ высказалъ свою эстетику музыки (часть этого разсказа была переведена Боткинымъ въ „Наблюдателѣ“). Однажды этотъ капельмейстеръ Крейслеръ, въ кружкѣ своихъ друзей, вздумалъ фантазировать на испорченномъ фортепіано, гдѣ остался цѣлъ только басъ,—онъ беретъ аккорды, и „подъ трепетъ звуковъ“ декламируетъ слова, которыя должны были выразить смыслъ музыки. При одномъ изъ этихъ аккордовъ, Крейслеръ говоритъ о „дикомъ, бѣшеномъ безумствѣ“, „судорожномъ упоеньи“ „пляскѣ вкругъ зіяющихъ могилъ и разрытыхъ гробовъ“:—„Вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣтъ отзыва!“ и проч. („М. Наблюд.“ 1838, іюль, кн. 2, стр. 186.

Можетъ быть, на музыкальныхъ вечерахъ Боткина были воспроизведены эти фантазіи капельмейстера Крейслера; по крайней мѣрѣ Бѣлинскій не одинъ разъ повторялъ въ письмахъ приведенныя слова.

кашляю; но она вся истерзана—въ ней нѣтъ мѣста живого. Да, земля вспахана и обработана—каковы-то плоды будутъ?..

„Питеръ принялъ меня хорошо и ласково, но мнѣ отъ этого только грустнѣе... А, впрочемъ, душа моя Тряпичкинъ, я жуирую... у князя Одоевскаго по субботамъ встрѣчаюсь съ посланниками...“ [1]) и проч.

Эта мучительная жажда личнаго счастія, любви и дружбы охватывала его тѣмъ сильнѣе, что въ немъ именно нарушено было нравственное равновѣсіе. Его старыя идеи были видимо потрясены; онъ еще не хочетъ въ томъ сознаться, но онъ рѣзче, нежели когда-нибудь прежде, нападаетъ на свою недавнюю «болѣзнь», рефлексію и идеальность, возстаетъ противъ «общаго» въ защиту личности, и стараясь сохранить внѣшнюю связь съ своимъ недавнимъ образомъ мыслей, онъ больше и больше отклоняется отъ него,—иногда уже вырываются отдѣльныя фразы совсѣмъ иного смысла. Пока онъ успѣлъ кончить это письмо къ своему старому другу, онъ уже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ новомъ направленіи... Въ тяжкую минуту этого внутренняго процесса, онъ съ болью искалъ сочувствія, опоры въ своей трудной борьбѣ съ самимъ собою...

„*30-го декабря.*—Вотъ другъ Василій, какой промежутокъ въ моемъ письмѣ—почти половина мѣсяца! А въ эту половину много во мнѣ измѣнилось, хотя и все то же осталось, что̀ и было,—мучительное и безотрадное страданіе. Не хочу и перечесть написаннаго—стыдно будетъ. Боже мой! скоро ли настанетъ время, когда я перестану стыдиться написаннаго или сказаннаго мною, перестану переходить отъ одной дѣтскости къ другой... Скоро ли мое слово будетъ мыслію, а не фразою, скоро ли ощущенія, производимыя на меня объективнымъ міромъ, будутъ формироваться во мнѣ мыслями, а не случайными порывами“...

Въ Петербургѣ Бѣлинскій встрѣтился съ кѣмъ-то изъ того кружка̀, съ которымъ онъ еще въ Москвѣ сталъ во враждебное отношеніе; быть можетъ, это была встрѣча съ самимъ главою кружка̀. Но встрѣча была еще очень враждебная. «Съ однимъ (членомъ враждебнаго кружка̀) я видѣлся въ Питерѣ,—пишетъ Бѣлинскій:—умный, добрый, прекрасный человѣкъ; но еслибъ Богъ привелъ больше не видѣться, хорошо бы». Въ Москвѣ, съ этимъ кружкомъ сблизился одинъ изъ ихъ молодыхъ друзей. Бѣлинскій недоволенъ этимъ сближеніемъ; онъ продолжаетъ относиться непріязненно къ этому кружку̀, и въ оправданіе непріязни дѣлаетъ оговорку относительно терпимости, которую еще недавно

---

[1]) Гоголевскія фразы.

считалъ необходимой: «обыкновенная терпимость разумна только въ отношеніи къ низшей дѣйствительности, а не къ высшей призрачности». Затѣмъ онъ говоритъ о кружкѣ:

„Ты правду говоришь, что кружокъ... — не твой: и не мой, ей-Богу, не мой, братъ. Знакомые—нештó, разъ-другой въ мѣсяцъ сойтись съ ними (и то въ толпѣ) не мѣшаетъ—люди честные, благородные, но неразумные, и даже не разсудочные. Я уважаю людей съ сильнымъ разсудкомъ—это народъ дѣльный, полезный, безъ претензій, словомъ—дѣйствительный... Будь каждый изъ этихъ людей—математикъ, статистикъ, агрономъ—каждый изъ нихъ былъ бы лучше и меня и тебя. Но они глубоко оскорбляютъ *духъ*, о которомъ хлопочатъ и которому они не родня... Я теперь въ такомъ состояніи, что оскорбленіе духа грубымъ непониманіемъ при поползновеніи резонерствовать о немъ—приводитъ меня въ остервенѣніе. Г. былъ восторженъ и упоенъ Каратыгинымъ въ роли Гамлета: эхъ, заняться бы статистикой-то—славная наука! Знаешь ли чтó: въ комъ сильный разсудокъ, тотъ не можетъ быть призракомъ и попасть въ чуждую себѣ сферу. Право, мы оскорбляемъ разсудокъ, приписывая его резонерамъ...“

Восхищеніе Каратыгинымъ было, какъ видимъ, лишнимъ преступленіемъ въ глазахъ Бѣлинскаго. Правда, на первый разъ, Каратыгинъ произвелъ, въ нѣкоторыхъ роляхъ (Велизарій, Людовикъ XI), впечатлѣніе и на самого Бѣлинскаго, который съ удивленіемъ говоритъ о немъ въ первыхъ статьяхъ о театрѣ, писанныхъ въ Петербургѣ [1]; но и въ этихъ статьяхъ (которыхъ все-таки онъ послѣ не одобрялъ) Каратыгинъ въ «Гамлетѣ» кажется ему невозможнымъ и невыносимымъ (по сравненію съ Мочаловымъ): Каратыгина онъ вообще не любилъ и предоставлялъ ему только «внѣшнюю сторону» искусства [2].

Бѣлинскій не хотѣлъ кончать этого письма, начало котораго ему уже не нравилось, и послалъ его съ другимъ, которое началъ съ 3-го февраля 1840 года и которое также разрослось въ длинное посланіе. Здѣсь онъ опять начинаетъ изображеніемъ своего тяжелаго нравственнаго состоянія:

„Не только давно сбираюсь и сбирался я писать къ тебѣ, мой милый и безцѣнный Боткинъ, но уже давно писалъ и пишу, какъ покажетъ это куча вздору, приложеннаго къ сему посланію, и выставленныя на ней числа. Причина моего молчанія—состояніе моего духа, страждущее, рефлектирующее, резонерствующее. Да, я не знаю свѣтлыхъ минутъ... Въ душѣ моей сухость, досада, злость, желчь, апатія, бѣшенство и проч. и проч. Вѣра въ жизнь, въ Духа, въ дѣй-

---

1) Соч. III, стр. 179, 199 и слѣд.

2) Соч. III, 177.

ствительность—отложена на неопредѣленный срокъ—до лучшаго времени, а пока въ ней—безвѣріе и отчаяніе. Не могу завидовать блаженству пошляковъ — ненавижу и презираю его всѣми силами моей дико-страстной натуры, но, право, часто жалѣю, зачѣмъ я не рожденъ однимъ изъ этихъ господъ: по крайней мѣрѣ, зналъ бы хоть какое-нибудь довольство и удовлетвореніе. А теперь не знаю никакого... И между тѣмъ мое мученіе нисколько не однообразно: каждая минута даетъ мнѣ новое, и потому я не могу кончить къ тебѣ ни одного письма: начавъ вчера, ныньче вижу, что не то. Петербургъ былъ для меня страшною скалою, о которую больно стукнулось мое прекраснодушіе. Это было необходимо, и лишь бы послѣ стало лучше, я буду благословлять судьбу, загнавшую меня на эти гнусныя финскія болота. Но пока это невыносимо, выше всякой мѣры терпѣнія... Насъ губилъ китаизмъ... Мы весь божій свѣтъ видѣли въ своемъ кружкѣ. Появилось стихотвореніе, повѣсть — восхитили тебя, меня, К—ва и прочихъ чудаковъ, а мы и говоримъ, что публика поняла это сочиненіе. Чтобъ узнать, что такое русская читающая публика, надо пожить въ П. Представь себѣ, что двое литераторовъ приняли мою ругательную, наглую статью о романѣ Кам—го за преувеличенную похвалу и наглую лесть Кам—му, и упрекали за то Краевскаго [1]). Вотъ вамъ и публика! Что́ же сказать о моихъ дѣльныхъ статьяхъ? Для кого онѣ пишутся? Что же сказать о моемъ нелѣпѣйшемъ и натянутомъ вступленіи въ разборъ брошюрокъ о бород. битвѣ, которымъ всѣ восхитились [2])? Дорого далъ бы я, чтобы истребить его"...

Отнынѣ Бѣлинскій намѣревается писать не для себя и не для друзей, какъ бывало прежде, а для публики; онъ чувствуетъ, что «совсѣмъ не авторъ для *немногихъ*».

Обращаясь къ Боткину, Бѣлинскій вспоминаетъ, что простился съ нимъ «ледовито-холодно»; онъ не думалъ о немъ; ему казалось, что онъ и не помирился съ Боткинымъ; дружба сдѣлалась ему ненавистна. Но 15-го декабря онъ обѣдалъ съ своими пріятелями; тогда только-что вышла 12-я книжка «Отеч. Записокъ» со статьей Боткина («Итальянская и германская музыка»). «Послѣ обѣда П. (Панаевъ) прочелъ вслухъ твою статью— и все во мнѣ воскресло, и я вновь принялъ тебя въ себя, и какъ будто кора спа̀ла съ меня, мнѣ стало и легко и больно, какъ выздоравливающему. П. читалъ съ неистовымъ восторгомъ (дня въ два послѣ онъ перечиталъ ее человѣкамъ десяти и знаетъ наизусть)... Въ самомъ дѣлѣ, какая глубокость смысла, и какъ

---

[1]) Этой рецензіи („Отеч. Зап." 1839, кн. 12, стр. 15—23 „Искатель сильныхъ ощущеній") нѣтъ въ изданіи сочиненій, а также и въ спискѣ статей (т. III).

[2]) Восхитился вѣроятно и ближайшій кружокъ редакціи журнала; но впослѣдствіи Бѣлинскій говоритъ, что статья произвела и совершенно иное впечатлѣніе — на нее: „негодовали", или смѣялись надъ ней, по его словамъ.

поэтически и опредѣленно выразилась она!» Чтеніе статьи воскресило въ немъ всю силу его старой дружбы.

Слѣдуетъ рядъ поклоновъ въ Москву, просьбы къ друзьямъ работать въ «Отеч. Зап.»; характеристика новыхъ друзей въ Петербургѣ, которыхъ очень полюбилъ...; литературныя новости. «Статья моя о Менцелѣ искажена ценз., особенно мѣсто о различіи нравственности и морали — недостаетъ почти страницы, и смыслъ выпущенъ весь». Безденежье продолжается, но онъ надѣется заплатить свой долгъ: «вѣроятно, я скоро получу отъ Кр. мои 2,000 за прошлый годъ—тогда съ тобою съ первымъ расквитаюсь»... Далѣе:... «мысли мои объ Unsterblichkeit снова перевернулись: П. (Петербургъ) имѣетъ необыкновенное свойство обращать къ христ—у. Миш.... много тутъ участвовалъ. Нѣтъ, объективный миръ — страшенъ, и мы съ тобою скоренько порѣшили важный вопросъ». Объ этомъ Боткинъ долженъ былъ прочесть въ другомъ письмѣ, къ К—ву, которое Бѣлинскій собирался тогда же послать [1]).

Письмо продолжается 9-го февраля. Онъ говоритъ о Лермонтовѣ. «Каковъ его Терекъ? Чортъ знаетъ—страшно сказать, а мнѣ кажется, что въ этомъ юношѣ готовится *третій* русскій поэтъ, и что Пушкинъ умеръ не безъ наслѣдника. Во 2-мъ № «О. З.» ты прочтешь его колыбельную пѣсню казачки — чудо!» Бѣлинскій выписываетъ пьесу: «Въ минуту жизни трудную»—: «какъ безумный, твердилъ я дни и ночи эту чудную молитву,— но теперь я твержу, какъ безумный, другую *молитву* —

И скучно, и грустно!... И некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды!... (и проч.).

«Эту *молитву* твержу я теперь потому, что она есть полное выраженіе моего моментальнаго состоянія» [2]).

Въ разладѣ съ жизнью и самимъ собой Бѣлинскій ищетъ «полноты», какъ избавленія отъ своихъ мученій. «Полнота, полнота, великое слово! Блаженство не въ абсолютѣ, а въ полнотѣ, какъ отсутствіи рефлексіи при живомъ ощущеніи въ себѣ того участка абсолютной жизни, какой данъ тому или другому человѣку. Что̀ моя абсолютность: я отдалъ бы ее, еще съ придачею послѣдняго сюртука, за полноту, съ какою иной офицеръ спѣшитъ на балъ, гдѣ много барышень и скачетъ штандартъ...»

Ему казалось, что онъ нашелъ примѣръ «полноты» въ одномъ изъ новыхъ петербургскихъ знакомыхъ, еще молодомъ че-

---

[1]) Этого, и вообще писемъ Бѣлинскаго къ К—ву мы не имѣли въ рукахъ.

[2]) Т.-е. его состояніе въ томъ „моментѣ"—по ихъ терминологіи.

ловѣкѣ, упомянутомъ выше Н. Б., съ которымъ онъ сталъ въ самыя дружескія отношенія и въ которомъ его восхищало соединеніе молодой благородной идеальности, съ полной и спокойной естественностью. Этотъ новый знакомецъ сталъ для Бѣлинскаго идеаломъ здороваго, свѣжаго развитія. Свою собственную жизнь Бѣлинскій считалъ испорченной и погибшей.

„Я давно уже пересталъ ожидать перемѣны въ судьбѣ отъ чуда, а въ дѣйствительности вижу—гибель свою...

„Жизнь ловушка, а мы—мыши, инымъ удается сорвать приманку и выйти изъ западни, но большая часть гибнетъ въ ней, а приманку развѣ понюхаетъ... Будемъ же пить и веселиться, если можемъ, нынѣшній день нашъ — вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва! Живетъ одно общее, а мы — китайскія тѣни, волны океана—океанъ одинъ, а волнъ много было, много есть и много будетъ, и кому дѣло до той или другой? Да, жизнь—игра въ банкъ, сорвалъ—твое, сорвали—бросайся въ рѣку, если боишься быть нищимъ...“

Бѣлинскій еще разъ повторяетъ старое самообвиненіе въ отдаленіи отъ дѣйствительности, отъ общества. «Горе человѣку, если онъ ограничивается быть только человѣкомъ, не присовокупляя къ этому абстрактному и громкому званію, званія ни купца, ни помѣщика, ни офицера, ни чиновника, ни артиста, ни учителя. Общество покараетъ его. Эту кару я уже чувствую на себѣ...»

Это были минуты крайняго упадка духа и отчаянія въ себѣ. Онъ хочетъ безусловно подчиниться той «дѣйствительности»,—которая уже начинаетъ возмущать его; онъ винитъ себя, что не можетъ угодить ей,—полагая, что въ этомъ полномъ согласіи съ ней найдетъ свое спокойствіе. Онъ забываетъ и то, что званіе, которое онъ носилъ, званіе писателя, также должно бы было составлять нѣчто въ «обществѣ», стоющемъ этого имени...

Онъ пишетъ Боткину о литературныхъ дѣлахъ, проситъ его позаботиться, чтобы доставлена была статья ихъ философскаго друга, которая должна была явиться въ «Отеч. Запискахъ» [1]; поручаетъ добыть отъ Кронеберга «Ричарда II» Шекспира; жалуется на цензуру: «питерская цензура очень добра, но и глупа—изъ рукъ вонъ. Въ статьѣ о Менцелѣ мѣсто о нравственности и морали лишено смысла. Стихи Лермонтова и Красова не пропущены въ «О. З.», а въ «Л. Г.» [2]), у которой другіе цензора,

---

1) Она появилась въ 4-й кн. „От. Зап.“ 1840 г.: „О философіи“ (статья первая,—отдѣлъ Наукъ, стр. 55—78; второй статьи не было).

2) „Литературная Газета“, которая смѣнила „Литерат. Прибавленія“ съ 1840 г. и издавалась подъ редакціей г. Краевскаго (до конца сентября), а потомъ Ѳ. Кони.

пропущены. Во 2-мъ № «О. З.» стихи Ключникова «Знаете-ль ее?» напечатаны подъ названіемъ «Поэзія», ибо безъ этого условія цензура ихъ не пропускала, а какъ они были уже набраны, то и нельзя было ихъ выкинуть...»

Онъ видѣлъ «Роберта», и музыка на этотъ разъ произвела на него впечатлѣніе. «Вообще, я немножко подвинулся въ музыкѣ: въ «Робертѣ» не дремалъ, но отъ многаго былъ въ удовольствіи, самъ не зная почему... Бываютъ минуты, когда душа моя жаждетъ звуковъ. Дорого бы я далъ, чтобы послушать въ твоей комнатѣ Leiermann; мнѣ кажется, я зарыдалъ бы, еслибы, проходя по улицѣ, услышалъ подъ окномъ его чудные, граціозные звуки, которые глубоко запали въ мою душу. Когда Одоевскій при мнѣ заигралъ Лангерову: «Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу» — во мнѣ душа заболѣла тоскою и радостью, услышавъ знакомые и милые звуки. Пожми руку доброму Лангеру»... Это былъ извѣстный въ то время музыкантъ, участникъ вечеровъ и квартетовъ Боткина, и черезъ него другъ кружка... «Leiermann», одна изъ немногихъ любимыхъ пьесъ Бѣлинскаго, есть пѣсня Шуберта изъ его «Winterreise», дѣйствительно граціозная, немного меланхолическая, и по музыкѣ крайне несложная и доступная...

Онъ видѣлъ Тальони: она лучше Санковской, но «больше видѣть нѣтъ ни охоты, ни силъ».

Черезъ нѣсколько дней, 18 февраля, Бѣлинскій пишетъ новое длинное письмо. Боткинъ въ своемъ письмѣ 9—12 февраля затронулъ его больную и чувствительную струну, — потребность въ сочувствіи, — разсказомъ о дѣвушкѣ изъ нѣсколько имъ извѣстнаго семейства, но, впрочемъ, никогда Бѣлинскимъ не виданной, которая была его великой и горячей почитательницей. Это даетъ Бѣлинскому поводъ еще разъ высказать свои самыя интимныя ощущенія...

Онъ переходитъ потомъ къ литературѣ, Боткинъ писалъ ему по поводу статьи объ очеркахъ Бородинскаго сраженія въ 12-й книжкѣ «От. Зап.» 1839 г. [1]:... «ужасно скучно—есть нѣсколько страницъ прекрасныхъ,—но въ цѣломъ чрезвычайно апатическое произведеніе»...

„Тебѣ не понравилась моя статья въ XII № „От. Зап.". Я это впалъ: Въ самомъ дѣлѣ, не вытанцовалась [2]). А странное дѣло, писалъ съ такимъ увлеченіемъ, съ такою полнотою, что и сказать нельзя—напишу страницу, да и прочту Панаеву и Я. Въ разбить-то

[1]) Соч. III, стр. 209—252.

[2]) Гоголевское слово.

они больно восхищались, а какъ потомъ прочли въ цѣломъ, такъ не понравилась. Я самъ думалъ о ней, какъ о лучшей моей статьѣ, а какъ напечаталась, такъ не могъ и перечесть. Какъ нарочно, это случилось тотчасъ послѣ прочтенія твоей статьи. Признаюсь въ грѣхѣ—я было крѣпко пріуныл. Хотѣлось мнѣ въ ней, главное, намекнуть яснѣе на субстанціальное значеніе идеи общества, но какъ я писалъ къ сроку и къ спѣху, сочиняя и пиша въ одно и то же время, и какъ хотѣлъ непремѣнно сказать и о томъ, и о другомъ,—то и не вытанцовалось. Теперь я ту же бы пѣсенку, да не такъ бы спѣлъ. Что она тебѣ не понравилась — это такъ и должно быть: ты понимаешь дѣло и смотришь на него не снизу вверхъ; но досадно, что и людъ-то божій ей недоволенъ"...

Должно, впрочемъ, замѣтить, что статья не понравилась Боткину не столько своимъ содержаніемъ, сколько изложеніемъ, — потому что другая статья той же тенденціи ему очень понравилась; въ томъ же письмѣ отъ 9—12 февраля онъ пишетъ: «сейчасъ дочиталъ твою статью о Менцелѣ — одна изъ самыхъ живыхъ, одушевленныхъ статей, какія я когда-либо читалъ. Спасибо тебѣ, ты мнѣ ею доставилъ много пріятныхъ минутъ»...

„Очень радъ, что тебѣ понравилась статья о Менцелѣ — отвѣчаетъ Бѣлинскій.—Въ самомъ дѣлѣ, въ ней есть цѣлость, и еслибы о.... Фрейгангъ не надѣлалъ въ ней выпусковъ и не лишилъ ее смысла на стр. 53 и 54 (замѣть это), — она была-бы очень и очень не дурна [1]). Во многихъ мѣстахъ Фрейгангъ зачеркнулъ „*всеобъемлющій* Гёте", говоря, что этотъ эпитетъ — божій, а не человѣческій. Вотъ тутъ и пиши. Съ твоимъ мнѣніемъ о статьѣ о „Горе отъ ума" я совершенно согласенъ: много хорошаго въ ней, но въ цѣломъ — уродъ... Что жъ ты не сказалъ мнѣ ни слова о моей статейкѣ объ „Очеркахъ" Полевого? Ею я больше всѣхъ доволенъ [2])... Повѣришь ли, Боткинъ, что Полевой сдѣлался гнуснѣе Булгарина... Статья о Марлинскомъ тебѣ не понравится, но именно такія-то статьи я и буду отнынѣ писать, потому что только такія статьи и доступны и полезны для нашей публики [3]). Но статья о дѣтскихъ книжкахъ — надѣюсь—будетъ такъ недурна, что понравится и тебѣ, и ты смѣло можешь сказать, что ты виноватъ въ ней. Въ самомъ дѣлѣ, если она будетъ хороша, то потому, что твое письмо воззвало меня отъ смерти къ жизни, и что, пиша статью, я перечитывалъ его, особенно одно мѣсто... Смѣйся, Б., оно въ самомъ дѣлѣ смѣшно"... [4]).

Бѣлинскій разумѣетъ то мѣсто въ письмѣ Боткина, гдѣ встрѣтилъ намекъ на разумное женское сочувствіе...

---

[1]) Страницы 53—54 „От. Зап." 1840, № 1, соотвѣтствуютъ стр. 326—327, т. III Сочиненій (2-е изд.).

[2]) „Отеч. Зап." 1840, № 1, Сочин., т. IV, стр. 11—42.

[3]) Эта статья явилась во 2-мъ № „Отеч. Зап." 1840; Сочин. III, стр. 438—487.

[4]) Эта статья о дѣтскихъ книгахъ была помѣщена въ № 3-мъ „От. Зап." 1840; Сочин. III, стр. 487—547.

Отвѣчая на вопросы Боткина, Бѣлинскій возстаетъ на его мысль—издать переводъ «Ричарда II» Кронеберга не въ журналѣ, а отдѣльной книжкой, — потому что противъ журналовъ Боткинъ имѣлъ какое-то предубѣжденіе. Бѣлинскій былъ убѣжденъ, что отдѣльное изданіе не имѣло бы ни малѣйшаго успѣха въ публикѣ, дивится наивности своего друга и пишетъ цѣлую филиппику противъ русской публики того времени, отчасти справедливую, но отчасти и странную, по его тогдашнему образу мыслей.

„Вѣдь ты вѣрно для того желаешь видѣть „Ричарда" въ печати, чтобы его читали и прочли? Знаешь ли ты, что „Макбета", переведеннаго *извѣстнымъ* литераторомъ — Вронченко, разошлось ровно пять экземпляровъ?... Я того и гляжу, что премудрый синедріонъ, состоящій изъ московскихъ душъ, вздумаетъ перевести всего Шекспира и великолѣпно издать его для удовольствія россійской публики. Смотрите же, господа, печатайте больше — экземпляровъ 100,000: россійская публика просвѣтится, а вы настроите себѣ каменныхъ домовъ и накупите деревень. Въ Питеръ бы васъ, дураковъ—тамъ-бы вы поумнѣли, тамъ-бы вы узнали, что такое россійская дѣйствительность и россійская публика. Въ журналѣ она прочтетъ и Шекспира: за журналъ она платитъ деньги, и за свои деньги читаетъ все сплошь..."

Онъ дѣлаетъ тривіальное сравненіе, и замѣчаетъ потомъ, что, говоря объ этой публикѣ, нельзя не быть тривіальнымъ. «Кого она (эта публика) поддерживаетъ, кого любитъ? Или людей по плечу себѣ, или плутовъ и мошенниковъ, которые ее надуваютъ». Увлекаясь обличеніями, Бѣлинскій винитъ публику и за ея страсть «ко всему, запрещенному цензурой», приводитъ слова Пушкина, что «съ прекращеніемъ его запрещенныхъ стиховъ, прекратилась и его слава». Бѣлинскій бранитъ и «всѣхъ» либераловъ: «они не умѣютъ быть подданными, они холопы: за угломъ любятъ побранить правительство, а въ лицо подличаютъ не по нуждѣ, а по собственной охотѣ». Въ его разсужденіяхъ еще отзывается раздражительность «Бородинской Годовщины» и вражда къ либерализму; затѣмъ онъ продолжаетъ:

„Чѣмъ взялъ Сенковскій?—спрашиваетъ онъ.—Основною мыслію своей дѣятельности, что учиться не надо, и что на все въ мірѣ надо смотрѣть шутя. Русскій человѣкъ любитъ жить на шеромыгу... Потомъ, кого любитъ наша публика?—Греча, Булгарина,—да, они, особенно первый, въ Питерѣ, даже при жизни Пушкина, были важнѣе его и доселѣ сохраняютъ свой авторитетъ. О публичныхъ лекціяхъ Греча и теперь говорятъ, какъ о чудѣ, съ восторгомъ и благовѣніемъ. Вотъ наша публика: давайте-жъ, о невинныя московскія души, скорѣе давайте ей Шекспира—она жаждетъ его. Нѣтъ, пере-

ведите-ка лучше всего В. Гюго съ братіею, да всего Поль-де-Кока, да издайте великолѣпно съ романами Булгарина и Греча, съ повѣстями Брамбеуса и драмами Полевого: тутъ успѣхъ несомнителенъ; а бѣднаго Шекспира печатайте въ журналахъ — только въ нихъ и прочтутъ его"...

Наконецъ, онъ споритъ противъ предубѣжденій Боткина относительно журнала: литература имѣетъ великое значеніе для воспитанія общества, и журналистика въ наше время есть одно изъ лучшихъ средствъ къ этому воспитанію...

Боткинъ, говоря въ своемъ письмѣ о внутреннемъ состояніи Бѣлинскаго, высказывалъ увѣренность, что Бѣлинскій найдетъ нѣкогда сочувствіе, котораго такъ жаждетъ, и счастіе, — «но думаю,—говорилъ онъ,—что это тогда можетъ совершиться, когда ты больше и глубже разовьешь въ себѣ таинственное Entsagung [1]), этотъ высокій актъ нравственнаго духа, о которомъ ты, къ сожалѣнію, ничего не упомянулъ и который, какъ красная тоненькая, часто совсѣмъ незамѣтная снаружи ниточка въ снастяхъ англійскаго королевскаго флота [2]), проходитъ сквозь всѣ почти большія произведенія Гёте, и которой апотеоза такъ поразительно и могущественно представлена въ Wahlverwandtschaften». Эго мнѣніе было совершенно въ тонѣ ихъ прежнихъ теоретико-поэтическихъ построеній жизни, — но Бѣлинскій уже начиналъ отвыкать отъ теорій, и отвѣчалъ ему слѣдующими словами:

„Ты говоришь, что я мало развилъ въ себѣ Entsagung. Можетъ быть, его и совсѣмъ нѣтъ во мнѣ. Такъ какъ я понимаю его въ другихъ и высоко цѣню, то недостатокъ его въ себѣ и считаю ограниченностію, въ которой однакожъ не стыжусь признаться. Кажется, что для меня настаетъ время такихъ *простыхъ* признаній. По крайней-мѣрѣ, теперь онѣ для меня очень не трудны. Я этому радъ. Вообще я уже много посбавилъ себѣ цѣны въ собственномъ мнѣніи, и надѣюсь, что скоро сознàю себя тѣмъ, чтó я есть—безъ пошлаго смиренія и пошлой гордости. А можетъ быть, во мнѣ и кроется возможность этого таинственнаго Entsagung; но какъ это *мнѣ* узнать. Вообрази себѣ мужика, который всю жизнь свою не ѣдалъ ничего, кромѣ хлѣба, пополамъ съ пескомъ и мякиною, и, пришедъ въ большой городъ, увидѣлъ горы и калачей, и кандитерскихъ издѣлій, и плодовъ: можно сказать, что у него нѣтъ самообладанія и человѣческой воздержности, если онъ на эти вещи будетъ смотрѣть глазами тигра... а захватившн что-нибудь, начнетъ пожирать съ звѣрскою жадностію, а когда у него станутъ отнимать, онъ въ бѣшен-

---

[1]) Самоотверженіе, самоотрицаніе, о которомъ не мало говорилось въ кружкѣ, между прочимъ и по поводу Шиллерова Resignation.

[2]) Сравненіе, сдѣланное Гёте въ Wahlverwandschaften и повторенное въ „Серапіоновыхъ братьяхъ" Гофмана.

ствѣ разобьетъ себѣ черепъ? Какъ же отъ него требовать Entsagung? У всякаго есть своя исторія, мой добрый Василій"...

Письмо оканчивается 20-го февраля разсужденіями о личныхъ отношеніяхъ Бѣлинскаго съ нѣкоторыми друзьями кружка̀, и о сердечной исторіи Боткина. Эта исторія, начавшаяся около 1839 года, происходила совершенно въ духѣ романтической идеальности прежняго московскаго кружка́: чувство затуманивалось идеальными фантазіями и, съ одной стороны, ими, кажется, и ограничивалось. Особа была извѣстна Бѣлинскому, внушала восторгъ ему самому, и потому онъ вдвойнѣ былъ заинтересованъ этимъ дѣломъ. Но романтическая несостоятельность отношеній не могла наконецъ не обнаружиться. Исторія принимала неблагопріятный оборотъ, и, огорчая друзей, давала имъ по старой привычкѣ обильные поводы къ философскимъ рефлексіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ исходъ исторіи наводилъ ихъ и на болѣе реальное пониманіе жизни...

Въ это же время Бѣлинскій пишетъ къ своему родственнику Д. П. И. письмо, занятое его домашними денежными дѣлами въ Москвѣ. Онъ получилъ наконецъ возможность послать Д. П. И. около 1500 р. асс., для расплаты съ московскими долгами. Главнымъ изъ кредиторовъ былъ Боткинъ, потомъ Нащокинъ (пріятель Пушкина), о которомъ Бѣлинскій говоритъ съ большой симпатіей... И въ этомъ письмѣ Бѣлинскій жалуется на «тяжелое состояніе духа»:

„О себѣ... ничего не скажу, кромѣ того, что Питеръ мнѣ ненавистенъ и жить мнѣ въ немъ тяжело и мучительно. Впрочемъ, и кромѣ него много причинъ для моихъ страданій. Недостатокъ воли, лѣнь, безпорядочный образъ жизни, разныя огорченія, и внутреннія, и внѣшнія — все это дѣлаетъ мнѣ жизнь не слишкомъ-то веселою. Люди въ Питерѣ не тѣ, что въ Москвѣ, образованность лаковая, внѣшняя, а внутренняго—одно: корысть, мелкодушіе и невѣжество. Впрочемъ, вездѣ не безъ добрыхъ людей, и въ Питерѣ есть хорошіе люди, которыхъ я называю *московскими колонистами*, хотя иные изъ нихъ и въ глаза не видали Москвы... Внѣшнія мои обстоятельства пока еще ни то, ни сё, и больше худы, чѣмъ хороши, но все во сто разъ лучше, чѣмъ когда жилъ въ Москвѣ. Улучшеніе ихъ зависитъ отъ участи „О. З"... [1]).

[1]) Вспоминая свои московскія дѣла, Бѣлинскій, между прочимъ, говоритъ о „Наблюдателѣ". Надобно замѣтить, что издатель этого журнала Степановъ выставлялъ Бѣлинскаго причиной прекращенія журнала и безцеремонно злоупотреблялъ его именемъ. Бѣлинскій разсказываетъ, что̀ было дѣйствительной причиной паденія „Наблюдателя". Степанову хотѣлось издавать журналъ, который, ничего ему не стоя, давалъ бы работу для его типографіи, и онъ думалъ сдѣлать Бѣлинскаго своимъ ору-

Февраля 24-го, Бѣлинскій начинаетъ новое длинное посланіе къ Боткину. Наканунѣ онъ получилъ отъ Боткина письмо, еще разъ убѣдившее его въ ихъ тѣсной, неразрывной дружбѣ, и онъ прочиталъ письмо съ восхищеніемъ... Въ письмѣ опять много говорится о личныхъ отношеніяхъ ихъ обоихъ. Бѣлинскій въ это время окончательно расходится съ философскимъ другомъ: его до послѣдней степени раздражаетъ постоянная рефлексія или резонерство, которое иной разъ служитъ подкрѣпленіемъ фальшивыхъ положеній въ жизни. И онъ, и Боткинъ имѣли причины быть недовольными философскимъ другомъ, и Бѣлинскій въ февральскихъ письмахъ, между прочимъ и здѣсь, даетъ полный просторъ своему враждебному настроенію. Очень вѣроятно, что это разстройство романтической дружбы и извѣданная на опытѣ Боткина несостоятельность романтической любви съ своей стороны способствовали тому, что Бѣлинскій все больше приближается къ давно желанной «простотѣ», и даетъ все больше мѣста внушеніямъ столь презираемой прежде «разсудочности».

„Ты пишешь,—говоритъ онъ между прочимъ Боткину,—что онъ [1]) любитъ одно общее. О, пропадай это ненавистное общее, этотъ Молохъ, пожирающій жизнь, эта гремушка эгоизма!.. Лучше самая пошлая жизнь, чѣмъ *такое* общее, чтобъ чортъ его побралъ! Пусть лучше данъ будетъ моему разумѣнію маленькій уголокъ живой дѣйствительности, чѣмъ это пустое, лишенное всякаго содержанія, всякой дѣйствительности, сухое и эгоистическое (общее). Ты пишешь, что у меня такая же способность отвлеченія, какъ у М.: такъ да не такъ, я резонеръ и рефлектировщикъ, правда,—но за то какъ скоро представали передъ меня дивныя явленія дѣйствительности, въ искусствѣ и жизни, я посылалъ къ чорту свою рефлексію, и никогда не мѣнялъ *человѣка* на *книгу*“...

Письмо продолжается 27-го февраля, потомъ 1-го марта. Эстетическіе вопросы постоянно имѣли свое мѣсто въ ихъ перепискѣ, какъ прежде въ ихъ бесѣдахъ, и Бѣлинскій съ жаромъ опровергаетъ здѣсь мнѣніе Боткина объ отсутствіи рефлексіи въ поэзіи Пушкина. Далѣе мы еще встрѣтимся съ этой темой.

„...Каждое письмо твое—пишетъ Бѣлинскій—свѣтлый праздникъ для меня, день счастія и даже полноты, поколику она для меня возможна. А о Пушкинѣ ты врешь, хотя, по своему обыкновенію, и мило врешь. Шекспиръ не зналъ новѣйшей германской рефлексіи, но міросозерцаніе его оттого не пострадало, не съузилось, равно

діемъ въ этомъ благомъ предпріятіи: по его милости журналъ началъ страшно отставать, такъ что изданіе стало невозможно... Бѣлинскій говоритъ о немъ съ негодованіемъ.

[1]) Философскій другъ.

какъ и обиліе нравственныхъ идей. У Пушкина то и другое безконечно, только труднѣе въ то и другое проникнуть, чѣмъ у нѣмцевъ. Вспомни, чтó ты самъ такъ глубоко и вѣрно подмѣтилъ въ „Онѣгинѣ"—какое безконечное міросозерцаніе, какой великій нравственный урокъ — и въ чемъ же — въ нашей частной жизни, среди помѣщиковъ! А тамъ еще „Цыганы", „Борисъ Годуновъ", „Русалка" (обрати на нее вниманіе), „Скупой Рыцарь", „Каменный Гость". Въ послѣднее время мнѣ открылся „Бахч. Фонтанъ": мнѣ кажется, я въ состояніи написать объ этой крошечной пьескѣ цѣлую книгу — великое, міровое созданіе! Присовокупи ко всему этому, что Пушкинъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, въ порѣ возмужалости своего генія, умеръ, когда великій, міробъемлющій Пушкинъ уже кончился, и начинался въ немъ великій, міробъемлющій Шекспиръ. Да, міръ увидѣлъ бы въ немъ новаго Шекспира"...

Бѣлинскому удалось тогда прочесть извѣстное стихотвореніе «Памятникъ», которое издатель «Утренней Зари», Владиславлевъ, выпросилъ тогда для своего альманаха у опеки, которой порученъ былъ разборъ и изданіе рукописей Пушкина. Бѣлинскій передаетъ содержаніе стихотворенія, и продолжаетъ:

„О, какъ дѣйствуютъ на меня подобныя самосознанія въ такихъ простыхъ цѣлостныхъ людяхъ, какъ Пушкинъ! Нѣтъ, Б., надо радоваться, что ядовитое дыханіе рефлексіи (ядовитое для поэзіи) не коснулось Пушкина, и тѣмъ не отняло у человѣчества великаго художника. Я понимаю цѣну, значеніе и необходимость рефлектированной поэзіи — я самъ безъ ума отъ символическаго „Прометея" Гёте; но, во-первыхъ, я настаиваю на то, что когда говорится объ истинной (непосредственной) поэзіи,—о рефлектированной можно и помолчать; а во-вторыхъ, — я вижу нравственную идею только въ *нерукотворныхъ*, *явленныхъ* óбразахъ, которые одни есть абсолютная дѣйствительность, а не тѣ, гдѣ хитрила человѣческая мудрость. Воля твоя, а послѣ Вертера и Вильгельма Мейстера—твое удивленіе къ Wahlverwandschaften мнѣ очень подозрительно. Я увѣренъ, что это тоже, что Вильг. Мейстеръ: вино пополамъ съ водою. Такія произведенія, много давая въ частяхъ, цѣлымъ своимъ только усиливаютъ болѣзненность духа и рефлексію, а не выводятъ изъ нихъ въ полноту созерцанія. А что Егоръ Ѳедорычъ [1]) восхищается рефлектированностію поэзіи Шиллера—брешетъ, собачій сынъ [2])... Еще разъ — счастіе наше, что натура Пушкина не поддалась рефлексіи: отъ того онъ и великій поэтъ"...

Онъ радуется, что у Лермонтова также мало рефлексіи: «есть надежда, что будетъ поэтъ!» Онъ восхищается его стихотвореніями: «1-е января» и «Казачьей колыбельной пѣсней»...

---

[1]) Гегель.

[2]) Опять гоголевская фраза.

„Пиши мнѣ, пиши о каждомъ стихотвореніи Лермонтова—иначе я не хочу съ тобою знаться. Какъ, мой добрый и лысый Василій,— „На смерть Одоевскаго“ тебѣ больше нравится, чѣмъ „Терекъ“? Сіе мнѣніе, о Боткинъ!—еслибы ты его напечаталъ,—я бы печатно отрекся даже отъ того, что когда-либо гдѣ встрѣчалъ тебя. Неужели на святой Руси только одному мнѣ суждено было добраться (съ грѣхомъ пополамъ) до тайны поэзіи, и носиться съ нею среди васъ, подобно Кассандрѣ съ ея зловѣщею тайною, осуждавшею ее на отчужденіе и одиночество среди ликующаго народа въ свѣтломъ Иліонѣ! Нѣтъ, — Кудрявцеву, вѣрно, „Терекъ“ лучше нравится, чѣмъ „На см. Од.“ — вѣдь не даромъ же я такъ люблю его... Спроси его и тотчасъ же увѣдомь или заставь его при себѣ же написать нѣсколько словъ объ этомъ—буду ждать этого съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ будто и Богъ знаетъ чего“...

„...Да, кстати: чтó съ тобою... дѣется? Ты безъ меня потерялъ всякое чутье къ поэзіи. Новогреческія пѣсни я замѣтилъ—онѣ превосходны и переводъ хорошъ [1]). Но, ради Аллаха, съ чего ты взялъ, что переводы Аксакова положительно хороши, а не положительно дурны? Неужели это Гёте? — Чѣмъ же онъ выше Семена Егоровича Раича? А Вецелевскаго стихотворенія я не понимаю: должно быть, рефлектированное. Струговщикова переводъ тоже не изъ лучшихъ его переводовъ. И вообще стихотворная часть въ „Одесск. Альманахѣ“—плоховата. Стихи Лермонтова недостойны его имени“...

Лучшимъ стихотвореніемъ въ альманахѣ онъ считаетъ «Сонъ», подписанной буквой М.. Это стихотвореніе, говоритъ онъ, не было замѣчено никѣмъ, кромѣ его и Панаева, въ которомъ Бѣлинскій вообще видѣлъ большое чутье къ изящному...

Въ томъ же письмѣ находится отрывочная замѣтка, гдѣ Бѣлинскій возвращается къ вопросу о безсмертіи, который очень его тревожилъ. Онъ высказывается такъ:

„Что, другъ, ты ужъ говоришь, что лучше піэтизмъ, чѣмъ пантеистическія построенія о безсм.? Я самъ тоже думаю. Для меня Ев.—абсолютная истина, а безсмертіе индив. духа есть основной его камень. Временемъ тепло вѣрится—

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко,
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко.

Да, надо читать чаще Евангеліе—только отъ него и можно ожидать полнаго утѣшенія. Но объ этомъ или все или ничего“.

Около того же времени (вѣроятно нѣсколько ранѣе) Бѣлинскій писалъ другое длинное письмо Боткину, отъ котораго мы имѣемъ только отрывокъ. Московскіе друзья передавали ему, что

[1]) Рѣчь идетъ объ „Одесскомъ Альманахѣ“ 1840, Надеждина.

Станкевичъ недоволенъ его нападеніями на Шиллера и сердится на нихъ. Бѣлинскій жалуется, что за нимъ не хотятъ оставить свободы его мнѣнія, — продолжаетъ защищать свой взглядъ на Шиллера, но теперь онъ все-таки выражается мягче прежняго. «Дѣло ясно,—говоритъ онъ:—кто-нибудь изъ насъ не понимаетъ дѣла; понять же его зависитъ отъ средствъ духовныхъ и времени, слѣд. сердиться смѣшно. Уважаю Шиллера за его духъ, но драмы его, въ художественномъ отношеніи, для меня — хоть бы ихъ и не было. Вру я, рѣжусь, не понимаю: положимъ такъ, но моя ли то вина. Говорю, какъ вижу, а вижу, какъ говорю». Тамъ же онъ говоритъ о Гоголѣ: «желалъ бы что-нибудь знать о Гоголѣ, да К. Аксаковъ не отвѣчаетъ на мои письма—видно сердится на меня—что-жъ дѣлать. Вполнѣ понимаю страданія Г. (Гоголя) и сочувствую имъ. Понимаю и его Sehnsucht къ Италіи. Родная дѣйствительность ужасна»... Будь у него средства, онъ ушелъ бы отъ нея въ глушь, въ деревню, — но, впрочемъ, она найдетъ и тамъ. «Страшная и гадкая дѣйствительность!»

Въ письмѣ 14 марта Бѣлинскій, между прочимъ, останавливается на печальномъ положеніи своихъ журнальныхъ дѣлъ, зависѣвшемъ отъ труднаго положенія самаго журнала. Въ первые годы положеніе «Отеч. Записокъ» было, въ самомъ дѣлѣ, очень неблагопріятное. Первоначально онѣ были основаны въ видѣ небольшого общества на акціяхъ [1]), изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Одни внесли свою долю, другіе не вносили вовсе; нѣкоторые изъ участниковъ вмѣшивались въ самое веденіе дѣла, ставили условія, крайне стѣснительныя для журнала, — такъ что изданіе, на первый годъ, конечно, не имѣвшее много подписчиковъ, стѣсненное этими домашними препятствіями и наконецъ встрѣченное враждебно компаніей «Библ. для Чтенія» и «Сѣверной Пчелы» (имѣвшими тогда большое вліяніе на публику) — могло удержаться только при большомъ упорствѣ редакціи. Въ этомъ упорствѣ недостатка не было, и Бѣлинскій, самъ крайне непрактическій, не могъ довольно надивиться твердому характеру

---

[1]) Ср. „Литер. Воспом.“ Панаева, „Совр.“ 1861, февр. стр. 651. По словамъ Панаева. акціонерами или „вкладчиками“ при основаніи „Отеч. Записокъ“ были, кромѣ г. Краевскаго—редактора: кн. Одоевскій, А. В. Всеволожскій, Н. П. Мундтъ и Владиславлевъ, извѣстный издатель альманаховъ, жандармскій офицеръ; Панаевъ также долженъ былъ быть въ этомъ числѣ,—но онъ не вносилъ своихъ денегъ.—Бѣлинскій, въ письмѣ отъ 16 апрѣля, называетъ также Враскаго, (родственникъ кн. Одоевскаго, быть можетъ, представлявшій его въ дѣлахъ журнала); этотъ Враскій и Владиславлевъ, по его словамъ, были „лютѣйшіе“ изъ вкладчиковъ по вмѣшательству въ дѣла „Отеч. Записокъ“.

редакція, ея самоотверженію (о которомъ послѣ сталъ судить иначе). Это состояніе журнала отражалось, конечно, и на дѣлахъ Бѣлинскаго.

Бѣлинскій разсказываетъ о трудныхъ обстоятельствахъ изданія. Для него сдѣлано было все: редакція трудится безъ устали, все отлично устроено; порядочные люди пристали къ журналу, дали ему характеръ и единство (чтó есть, изъ другихъ журналовъ, только въ «Библіотекѣ»), мысль, жизнь, одушевленіе (которыхъ нѣтъ ни въ одномъ журналѣ), а между тѣмъ дѣло нейдетъ...

„И добро бы Сенковскій мѣшалъ?—Нѣтъ, Гречъ съ Булгаринымъ—хвала и честь расейской публикѣ..... Живя въ Москвѣ, я даже стыдился много и говорить о Гречѣ, считая его призракомъ; но въ Питерѣ онъ авторитетъ больше Сенковскаго. Лекціи свои онъ началъ читать, чтобы уронить „О. З."—онъ говоритъ это публично. Вотъ тебѣ и дѣйствительность!.. Но еслибы и не это, если бы у меня и были деньги, мнѣ все не легче: я теперь понимаю саркастическую желчность, съ какою Гофманъ нападалъ на идіотовъ и филистеровъ; я связанъ съ расейскою публикою страшными узами, какъ съ постылою женою... О, я теперь лучше бы сошелся съ Грановскимъ, лучше бы понялъ и оцѣнилъ эту чистую, благородную душу, эту здоровую и нормальную натуру, для которой слово и дѣло—одно и тоже"...

Замѣчаніе о Грановскомъ относится безъ сомнѣнія къ тѣмъ спорамъ о предметахъ общественнаго свойства, которые Бѣлинскому пришлось имѣть въ концѣ его московской жизни, когда онъ встрѣтился съ враждебнымъ кружкомъ. Грановскій въ этомъ случаѣ былъ, конечно, на сторонѣ мнѣній этого кружкà и не былъ защитникомъ «дѣйствительности». Продолженіе письма указываетъ, что Бѣлинскому припоминаются эти споры, и онъ начинаетъ замѣчать справедливость мнѣній, которыя до тѣхъ поръ такъ рѣшительно отвергалъ:

„Да, по прежнему брезгаю французами... но *идея общества* обхватила меня крѣпче,—и пока въ душѣ останется хоть искорка, а въ рукахъ держится перо,—я дѣйствую. Мочи нѣтъ, куда ни взглянешь—душа возмущается, чувства оскорбляются. Чтó мнѣ за дѣло до кружкà—во всякой стѣнѣ, хотя бы и не китайской, плохое убѣжище. Вотъ уже нашъ кружокъ и разсыпался, и еще больше разсыплется, а куда приклонить голову, гдѣ сочувствіе, гдѣ пониманіе, гдѣ человѣчность? Нѣтъ, къ чорту всѣ высшія стремленія и цѣли! Мы живемъ въ страшное время, судьба налагаетъ на насъ схиму, мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ было легче жить... Умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку „О. З." Я литераторъ—говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ расейской моя жизнь и моя кровь. Теперь стараюсь поглупѣть, чтобы расейская публика

лучше понимала меня: благодаря одуряющему вліянію финскихъ болотъ и гнусной плоскости, на которой основанъ Питеръ, надѣюсь вполнѣ успѣть въ этомъ"...

Онъ разсказываетъ далѣе, что редакторъ «Отеч. Записокъ» получилъ изъ Москвы предостереженіе о вредномъ вліяніи, какое Бѣлинскій можетъ возымѣть на журналъ. Предостереженіе исходило отъ Н. Ф. Павлова. Бѣлинскій бывалъ съ нимъ знакомъ въ Москвѣ, и Павлову случилось разъ или два «одолжать» Бѣлинскаго, который (какъ выше упоминалось) вскорѣ долженъ былъ очень этимъ отяготиться,—потому что Павлову казалось, и онъ говорилъ это, что «одолженіе» обязывало Бѣлинскаго ничего не говорить противъ его сочиненій. Эти слова дошли до Бѣлинскаго... Надобно сказать, что первыя повѣсти Павлова, появившіяся передъ тѣмъ, произвели большое впечатлѣніе, не соотвѣтствовавшее ихъ дѣйствительному значенію; Шевыревъ написалъ имъ панегирикъ въ «Наблюдателѣ»; въ «Отеч. Запискахъ» 1839, до вступленія Бѣлинскаго въ журналъ, помѣщенъ былъ также восхвалительный отзывъ... Бѣлинскій и московскіе друзья думали иначе о повѣстяхъ Павлова, и Боткинъ прилагалъ къ нимъ довольно язвительный эпитетъ, означавшій насильственное возбужденіе и аффектацію, которыхъ и въ самомъ дѣлѣ было довольно въ повѣстяхъ Павлова. По всей вѣроятности эти мнѣнія кружка́ были Павлову извѣстны, и Бѣлинскій сталъ ему казаться писателемъ, вреднымъ для журнала. Редакторъ «Отеч. Записокъ», по словамъ Бѣлинскаго, въ письмѣ къ Павлову отказался понимать его намеки.

Въ письмѣ Бѣлинскаго не забыты и литературныя новости. «Въ 3 № «О. З.» славная повѣсть Соллогуба: чудесный беллетрическій талантъ. Это поглубже всѣхъ Бальзаковъ и Гюговъ, хотя сущность его таланта и родственна съ ними». Далѣе, извѣстіе о дуэли Лермонтова съ Барантомъ: «Л. слегка раненъ, и въ восторгѣ отъ этого случая, какъ маленькаго движенія въ однообразной жизни»; просьбы къ московскимъ друзьямъ и знакомымъ о присылкѣ статей, къ К—ру о переводахъ изъ Гофмана, къ Грановскому, К—ву и пр. «Гоголь доволенъ моею статьею о «Ревизорѣ» — говоритъ — многое подмѣчено вѣрно. Это меня обрадовало».

Опускаемъ коротенькое письмо отъ 19-го марта, наполненное горячимъ выраженіемъ сочувствія къ сердечнымъ бѣдствіямъ друга, которыя все еще не разрѣшались.

Затѣмъ новое длинное посланіе отъ 16-го апрѣля. Бѣлинскій опять жалуется на томительную апатію:—«Не повѣришь, что

за апатія, что за лѣнь овладѣли мною—истинное замерзаніе души и тѣла. Да, и тѣла, ибо и оно ничего не проситъ, и если исправно ѣстъ, то больше для порядка, чѣмъ для удовольствія. А душа совсѣмъ расклеилась и похожа на разбитую скрипку—однѣ щепки, собери и склей — скрипка опять заиграетъ, и, можетъ быть, еще лучше, но пока—однѣ щепки. Большею частію лежу на кровати и думаю объ испанскихъ дѣлахъ... Только фантазія и жива, но это къ моему горю, ибо фантазія первый мой врагъ»... Въ этомъ апатическомъ настроеніи онъ сомнѣвается въ самомъ себѣ, отказывается отъ надеждъ на личное счастіе, считаетъ ничтожнымъ содержаніе своихъ работъ, — но въ литературѣ для него остается и возбуждаетъ его одна задача —борьба противъ той пошлости, которую усердно распространяла ненавистная ему клика и которою такъ наслаждалось отупѣлое большинство «расейской» публики...

„...Мнѣ остается одно: объективный интересъ моей литературной дѣятельности. Только тутъ я самъ уважаю себя... потому что вижу въ себѣ безконечную любовь и готовность на всѣ жертвы; только тутъ я и страдаю и радуюсь не о себѣ, и не за себя, только тутъ моя дѣятельность торжествуетъ надъ лѣнью и апатіею. И потому я больше горжусь, больше счастливъ какою-нибудь удачною выходкою противъ Булг., Гр. и подобныхъ ......, нежели дѣльною критическою статьею... Видно и въ самомъ дѣлѣ я нуженъ судьбѣ, какъ орудіе (хоть такое, какъ помело, лопата или заступъ), а потому долженъ отказаться отъ всякаго счастія, потому что судьба жестока къ своимъ орудіямъ — велитъ имъ быть довольными и счастливыми тѣмъ, что они орудія, а больше ничѣмъ, и употребляетъ, пока не изломаются, а тамъ бросаетъ. Такъ и я: въ жизни... помучусь, поколочусь..., а тамъ... погружусь въ міровую субстанцію, и въ ней заживу на славу. Лестная перспектива впереди!..."

Онъ разсказываетъ Боткину о матеріальномъ положеніи «Отеч. Записокъ», которыя едва могутъ существовать, обремененные долгомъ, и должны вести борьбу съ противниками, какъ Гречъ, Булгаринъ, Сенковскій и Полевой. «Чтó это за міръ!—восклицаетъ Бѣлинскій.—Берутъ взятки открыто»... Гречъ, по словамъ Бѣлинскаго, «владычествуетъ» въ публикѣ. «Безъ «Пчелы», «О. З.» имѣли бы вѣрныхъ 3000 подписчиковъ», а за первый годъ они имѣли только 1800... «Портретъ Панаева [1]) и всѣ выходки въ «Литер. Газетѣ» противъ Греча производятъ сильный эффектъ —онъ рветъ волосы и неистовствуетъ. Но если-бъ ты зналъ,

[1]) Бѣлинскій разумѣетъ статьи Панаева въ „Литер. Газетѣ", подъ названіемъ „Портретная Галлерея". Въ одной изъ этихъ статей („Лит. Газ." № 12, 10 февраля) читатели должны были угадывать Сеньковскаго, Греча, Булгарина, Полевого.

чего, какой борьбы, какихъ усилій стоятъ намъ эти выходки!.. При этомъ всегда бываетъ цѣлая исторія». Цензура еще пропускала на половину ихъ выходки, только благодаря связямъ князя Одоевскаго...

Эти представленія о «владычествѣ» Греча могутъ показаться теперь преувеличенными. По всей вѣроятности, Бѣлинскій въ этомъ случаѣ говоритъ отчасти подъ вліяніемъ того, что̀ слышалъ отъ редакціи журнала, которая придавала большую важность Гречу и компаніи, между прочимъ опасаясь отъ нихъ вреда для подписки, и постоянно противъ нихъ ратовала. Но и не одна редакція «Отеч. Записокъ» имѣла такое мнѣніе о «владычествѣ» Греча. Напомнимъ статью кн. Одоевскаго о «польской» литературной партіи конца тридцатыхъ годовъ [1]), которую онъ изображаетъ какъ цѣлую злонамѣренную стачку, приписывая ей систематическіе замыслы и тонкую интригу. Въ сущности, дѣло было безъ сомнѣнія гораздо проще. Не было, конечно, недостатка въ интриганствѣ, какое изображаетъ кн. Одоевскій и которое иной разъ могло быть очень опасно; «Сѣверная Пчела» пользовалась особеннымъ довѣріемъ генерала Дуббельта..., но кн. Одоевскій тѣмъ не менѣе, вѣроятно, преувеличилъ силу «систематической» интриги: съ *этой* стороны опасность являлась уже нѣсколько позднѣе. Въ литературномъ смыслѣ, писателямъ «Отеч. Записокъ» не было никакого особеннаго труда бороться съ ихъ противниками; каждый успѣхъ публики въ литературномъ пониманіи былъ паденіемъ этихъ противниковъ; но на первое время они могли казаться противниками серьёзными именно потому, что имѣли великій авторитетъ въ массѣ полуобразованной публики, считавшей Греча великимъ знатокомъ русскаго языка, Булгарина — прекраснымъ романистомъ и нравоописателемъ, Сенковскаго—образцомъ остроумія и т. д. Вопросъ былъ, слѣдовательно, не столько въ борьбѣ съ этой литературной партіей, которая сама по себѣ не представляла никакого содержанія, сколько въ воспитаніи самой публики, въ то время еще такъ мало развитой, что она способна была подпасть подъ это «владычество». Въ письмахъ этого времени, Бѣлинскій не находитъ достаточно сильныхъ эпитетовъ для этой пошлости читающей публики и предметовъ ея почитанія...

Изъ разсказа Бѣлинскаго о дѣлахъ журнала видно, что, хотя, по его мнѣнію, и сдѣлано было нѣсколько ошибокъ, но журналъ уже съ перваго года произвелъ хорошее впечатлѣніе на

---

[1]) „Р. Архивъ“, 1864.

публику, а противники начинають терять въ ея мнѣніи. Бѣлинскій возлагаетъ большія надежды на твердый характеръ редакціи, хвалитъ редакцію и за то, что она нисколько не мѣшается въ его собственную дѣятельность и предоставляетъ ему полную свободу. Затѣмъ онъ продолжаетъ:

„...Мы еще не безъ надеждъ. Несмотря на промахи К—ва (ст. о снахъ), на мои (глупая статейка о брошюркахъ Жук. и Глин., надъ которою смѣялся весь Питеръ и публично тѣшился Гречъ), на Кр. (рецензія о повѣстяхъ Павлова, на которую роптал весь Питеръ), и пр., и пр.; несмотря на новое и неперевариимое для нашей публики направленіе „О. З.", нынѣшній годъ, вмѣсто того, чтобы убавиться стами тремя подп., ихъ прибавилось сотни три... (На слѣдующій годъ онъ еще ожидаетъ прибавки)... Это тѣмъ вѣроятнѣе, что „конкретности" и „рефлексіи" исключаются рѣшительно, кромѣ ученыхъ статей... и вообще нынѣшній годъ популярнѣе и живѣе, а между тѣмъ публика уже и привыкаетъ къ новости... „Библ. для Чтенія" падаетъ, См. (Смирдинъ) ее продаетъ съ публичнаго торгу... „Сынъ Отечества" во всеобщемъ презрѣніи и позорѣ..."

Но въ данную минуту матеріальное положеніе журнала было очень плохо, и Бѣлинскій проситъ Боткина устроить для редакціи заемъ въ Москвѣ у одного изъ ихъ знакомыхъ... Кромѣ того, онъ опять проситъ о присылкѣ статей,—которыя, впрочемъ, по указанной причинѣ не могли быть тогда оплачены. Онъ проситъ Боткина прислать свой «Римъ», К—ра о переводѣ «Цахеса» и «Мейстера Фло» изъ Гофмана, Грановскаго, Кудрявцева и проч. Онъ желаетъ, чтобы изъ Гофмана переведено было все, чего еще не было на русскомъ языкѣ,—ему пришла мысль, что нужно перевести «Вильг. Мейстера», что интересны были бы записки Гёте, переписка его съ Шиллеромъ.

„Все читалъ „Серапіоновыхъ братьевъ", Гофмана,—пишетъ онъ вслѣдъ затѣмъ.—Чудный и великій геній этотъ Гофманъ! Въ первый еще разъ понялъ я мыслію его фантастическое [1]). Оно—поэтическое олицетвореніе таинственныхъ враждебныхъ силъ, скрывающихся въ нѣдрахъ нашего духа. Съ этой точки зрѣнія болѣзненность Гофмана у меня исчезла—осталась одна поэзія. Много объяснилъ я себѣ и самого себя чрезъ это чтеніе. Вспомни повѣсть о трехъ друзьяхъ—это злая сатира на меня, и именно въ лицѣ того, которому отецъ мнимо-возлюбленной его явился, въ колпакѣ, съ букетомъ, читая его письмо. Вообще, Серапіоновскій кругъ напомнилъ мнѣ нашъ московскій — и много сладкихъ и грустныхъ ощущеній прошло по моей душѣ. Чтó за чудесная вещь—„Синьоръ Формика"! Да, все хорошо,

[1]) Выше было приведено прежнее мнѣніе Бѣлинскаго о Гофманѣ, когда его фантастическое казалось Бѣлинскому только поэтическимъ произволомъ или болѣзненностью.

даже и любовь свеклы къ дочери астронома—прелесть. Это не художественная поэзія, какъ Шекспира, Вальт. Скотта, Купера, Пушкина, Гоголя, но и не совсѣмъ рефлектированная, а что-то среднее между ними... Скажи, какъ тебѣ кажется мое мнѣніе. Вообще, я страстно полюбилъ Гофмана, не разстался бы съ нимъ, а о драмахъ Шиллера—такъ и вспомнить тошно..."

Онъ вспоминаетъ при этомъ о старыхъ временахъ. «Смѣшно вспомнить, какіе мы были (и отчасти есть и теперь) дѣти, и какими словами мы злоупотребляли. Болѣе всего досталось отъ насъ *художественному*». Онъ вспоминаетъ, какъ К. Аксаковъ наговорилъ имъ о «божественныхъ» переводахъ К. К. Павловой, какъ самъ Бѣлинскій провозглашалъ это въ «Наблюдателѣ», К—въ и Аксаковъ въ «Отеч. Запискахъ». «Славный стихъ, славные переводы—только перечесть ихъ нѣтъ силы», замѣчаетъ Бѣлинскій.

„Молодецъ Кудрявцевъ! Какъ ни распѣвалъ я ему на разные голоса эти дивные переводы, онъ ничего въ нихъ не видѣлъ. Теперь я вполнѣ созналъ, что слово *художественный*—великое слово, и что съ нимъ надо обращаться осторожно и вѣжливо, даже въ приложеніи и къ Пушкину съ Гоголемъ [1]), и въ ихъ твореніяхъ отличать поэтическое отъ художественнаго и даже беллетрическаго. Напр. „Капитанская Дочка" Пушкина, по-моему, есть не больше какъ беллетрическое произведеніе, въ которомъ много поэзіи и только мѣстами пробивается художественный элементъ. Прочія повѣсти его—рѣшительная беллетристика. Кстати: вышли повѣсти Лермонтова. Дьявольскій талантъ! Молодо-зелено, но художественный элементъ такъ и пробивается сквозь пѣну молодой поэзіи, сквозь ограниченность субъективно-салоннаго взгляда на жизнь".

Бѣлинскій разсказываетъ затѣмъ о свиданіи своемъ съ Лермонтовымъ, томъ самомъ, которое описано въ «Литер. Воспоминаніяхъ» Панаева [2]). Бѣлинскаго въ высокой степени интересовала личность Лермонтова, но извѣстно, что ему не удавалось ни разу говорить съ нимъ серьёзно. Лермонтовъ никакъ не поддавался на сближеніе, старательно скрывалъ свою интимную внутреннюю жизнь, отчасти по гордому самолюбію, лежавшему въ его характерѣ, отчасти по дурной манерѣ свѣтскаго фата и по

---

[1]) Замѣчаніе, которое было бы очень полезно запомнить современнымъ „художественнымъ" критикамъ.

[2]) „Совр." 1861, февр., стр. 661. Въ біографіи Лермонтова, при послѣднемъ изданіи его сочиненій (1873), мы назвали разсказъ Панаева не вполнѣ достовѣрнымъ, на основаніи словъ лица, бывшаго свидѣтелемъ разговора. Но, какъ видно изъ приводимыхъ здѣсь собственныхъ словъ Бѣлинскаго, Панаевъ очень вѣрно передалъ сущность дѣла,—конечно, по впечатлѣніямъ Бѣлинскаго тотчасъ послѣ свиданія.

той причинѣ, вслѣдствіе которой Пушкинъ хотѣлъ быть стариннымъ дворяниномъ и свѣтскимъ человѣкомъ, и никакъ не литераторомъ. На этотъ разъ Бѣлинскому удалось услышать отъ него нѣсколько словъ искреннихъ и серьёзныхъ; вотъ его впечатлѣнія:

„Недавно былъ я у Лермонтова въ заточеніи [1]) и въ первый разъ поразговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій духъ! Какъ онъ вѣрно смотритъ на искусство, какой глубокій и чисто-непосредственный вкусъ изящнаго! О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго! Чудная натура! Я былъ безъ памяти радъ, когда онъ сказалъ мнѣ, что Куперъ выше В. Скотта, что въ его романахъ больше глубины и больше художественной цѣлости. Я давно такъ думалъ и еще перваго человѣка встрѣтилъ, думающаго также. Передъ Пушкинымъ онъ благоговѣетъ, и больше всего любитъ „Онѣгина". Женщинъ ругаетъ: однихъ за то ....., другихъ за то ..... Мужчинъ онъ также презираетъ, но любитъ однихъ женщинъ, и въ жизни только ихъ и видитъ. Взглядъ—чисто-онѣгинскій. Печоринъ—это онъ самъ какъ есть. Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого. Я это сказалъ ему—онъ улыбнулся и сказалъ: дай Богъ! Боже мой, какъ онъ ниже меня по своимъ понятіямъ, и какъ я безконечно ниже его въ моемъ передъ нимъ превосходствѣ. Каждое его слово —онъ самъ, вся его натура во всей глубинѣ и цѣлости своей. Я съ нимъ робокъ—меня давятъ такія цѣлостныя, полныя натуры, я передъ нимъ благоговѣю и смиряюсь въ сознаніи своего ничтожества. Понимаешь ли ты меня... о московская душа!"

Далѣе, Бѣлинскій опять говоритъ о Лермонтовѣ, по поводу одной повѣсти гр. Соллогуба [2]):

„Къ повѣсти Соллогуба ты черезчуръ строгъ: прекрасная беллетрическая повѣсть—вотъ и все. Много вѣрнаго и истиннаго въ положеніи, прекрасный разсказъ, нѣтъ никакой глубокости, мало чувства, много чувствительнности, еще больше блеску. Только Сафьевъ—ложное лицо. А, впрочемъ, славная вещь, Богъ съ нею! Лермонтовъ думаетъ также. Хоть и салонный человѣкъ, а его не надуешь—себѣ на умѣ."

По мнѣнію Бѣлинскаго, Лермонтовъ въ образованіи подальше Пушкина, и его не проведетъ не только Катенинъ (котораго Пушкинъ, какъ извѣстно, считалъ, не совсѣмъ основательно, великимъ критикомъ и по совѣту котораго выбросилъ 8-ю главу «Онѣгина»), но и «нашъ братъ». «Вотъ это-то и хорошо».

Слѣдуетъ сужденіе Бѣлинскаго о московскихъ друзьяхъ, о К—вѣ, котораго въ то время онъ очень высоко цѣнилъ. Бѣлин-

---

[1]) На гауптвахтѣ послѣ дуэли съ Барантомъ.

[2]) „Большой Свѣтъ, повѣсть въ двухъ танцахъ", „От. Зап." 1840, № 3.

скій приходилъ въ восхищеніе отъ его статей въ «Отеч. Записках» [1]). Въ концѣ письма Бѣлинскій говоритъ о своемъ собственномъ состояніи, которое продолжало быть крайне тягостнымъ:

„... Плохо, братъ, плохо, такъ плохо, что не зачѣмъ бы и жить. Въ душѣ холодъ, апатія, лѣнь непобѣдимая... И не люблю, и не страдаю. Однакожъ внутри что-то дѣется само собою... И чѣмъ хуже вижу себя, тѣмъ лучше понимаю дѣйствительность, вижу вещи простѣе, а слѣд. и истиннѣе. Не подумай, чтобы опять бросился въ крайность самоуниженія. Нѣтъ, я вижу (себя)... обыкновеннымъ, каковъ я есть въ самомъ дѣлѣ, но какимъ я себѣ еще не представлялся. Лучшее, чтó есть во мнѣ—отъ природы наклонное къ добру сердце, которое не можетъ не биться для всего человѣческаго, но которое бьется для всего дѣйствительнаго не ровно, не постоянно, а вспышками. Я привязался къ литературѣ, отдалъ ей всего себя, т.-е. сдѣлалъ ее главнымъ интересомъ своей жизни, мучусь, страдаю, лишаюсь для нея, но... дѣлать изъ себя сильное и дѣйствительное орудіе для ея служенія... я объ этомъ пересталъ уже даже и мечтать. Однимъ словомъ, я вижу, что я — добрый малый, съ добрымъ, горячимъ (т.-е. способнымъ къ вспышкамъ) сердцемъ, съ неглупою головою, съ хорошими способностями, даже не безъ дарованія, но тутъ и все. Въ герои рѣшительно не гожусь, и необыкновеннаго во мнѣ нѣтъ ничего, а необыкновеннымъ я могъ казаться себѣ и даже другимъ потому только, что современная русская дѣйствительность ужъ черезчуръ отличается обыкновенностію. Дюжинная дѣйствительность!... Надежды на счастіе—нѣтъ... не для меня счастіе. Отъ него отказалась ужь и услужливая моя фантазія"...

Вотъ еще черта характера, о которой намъ случалось упоминать, объясняемая самимъ Бѣлинскимъ:

„... Одно меня ужасно терзаетъ: робость моя и конфузливость не ослабѣваютъ, а возрастаютъ въ чудовищной прогрессіи. Нельзя въ люди показаться:... истинное Божіе наказаніе! Это доводитъ меня до смертельнаго отчаянія. Что это за дикая странность? Вспомнилъ я разсказъ матери моей. Она была охотница рыскать по кумушкамъ...; я, грудной ребенокъ, оставался съ нянькою, нанятою дѣвкою: чтобъ я не безпокоилъ ее своимъ крикомъ, она меня душила и била. Можетъ быть — вотъ причина. Впрочемъ, я не былъ груднымъ: родился я больнымъ при смерти, груди не бралъ и не зналъ ея..., сосалъ я рожокъ, и то, если молоко было прокислое и гнилое — свѣжаго не могъ брать. Потомъ: отецъ меня терпѣть не могъ, ругалъ, унижалъ, придирался, билъ нещадно и площадно—вѣчная ему память. Я въ семействѣ былъ чужой. Можетъ быть — въ этомъ разгадка дикаго явленія. Я просто боюсь людей; общество ужасаетъ меня"...

---

[1]) О „Пѣсняхъ" Сахарова, „Отеч. Зап." 1839, № 6—7; объ „Исторіи древней рус. словесности" Максимовича, 1840, № 4.

Далѣе, говоритъ онъ о перепискѣ съ однимъ изъ друзей московскаго кружка́, которая снова подняла въ немъ воспоминаніе о разныхъ прежнихъ дрязгахъ и столкновеніяхъ... Наконецъ, онъ заключаетъ:

„Вотъ тебѣ и весь я въ настоящемъ моемъ положеніи. Одно надо еще прибавить: россійская дѣйствительность ужасно гнететъ меня. Я теперь понимаю раздражительность Гофмана при сужденіи глупцовъ объ искусствѣ, его готовность язвить ихъ сарказмами. Но язвить я не умѣю, а въ иныя минуты..... Съ другой стороны, становлюсь какъ-то терпимѣе къ слабости, ничтожеству и ограниченности людей. Нѣтъ силъ сердиться на человѣка, который, ради денегъ, ковыляетъ по проселочнымъ дорожкамъ жизни"......

Въ приведенной цитатѣ мы опустили нѣсколько фразъ, написанныхъ съ той полной искренностью, какая возможна только въ интимной дружеской бесѣдѣ. Смыслъ этихъ фразъ — крайнее ожесточеніе противъ «дѣйствительности», еще очень недавно признаваемой разумною и цѣлесообразною. Въ понятіяхъ Бѣлинскаго уже готовъ былъ тотъ поворотъ, съ котораго должно считать окончательное образованіе его характера, какъ писателя. Его раздраженіе все еще связано съ первостепенными для него интересами искусства: онъ негодуетъ на непониманіе искусства, на неуваженіе къ нему; но негодованіе противъ «филистерства» и противъ пошлой литературы, питающей это филистерство, обращается потомъ противъ болѣе общихъ явленій дѣйствительности, которыя служатъ источникомъ и того и другого. Бѣлинскій, какъ мы видѣли прежде, давно былъ исполненъ этой вражды къ отсутствію высшихъ духовныхъ интересовъ, олицетворявшихся въ искусствѣ; теперь, послѣ нѣскольких лѣтъ дѣятельности, посвященныхъ разъясненію этихъ высшихъ интересовъ и мало удовлетворявшихъ его своими результатами, онъ ищетъ причинъ явленія, и находитъ его въ условіяхъ дѣйствительности. Живя прежде въ исключительномъ кружкѣ, не зная практической дѣйствительности, которую видѣлъ только черезъ философскія отвлеченности, онъ не отдавалъ себѣ отчета въ общественномъ положеніи искусства. Но теперь онъ былъ въ иныхъ условіяхъ: жизнь въ Петербургѣ всякими путями наталкивала его на практическую дѣйствительность; она произвела на него тягостное впечатлѣніе; и какъ только онъ задалъ себѣ опредѣленный вопросъ о ней, онъ увидѣлъ, какъ ошибочны были его прежнія теоретическія разсужденія о ней, и наконецъ, эта дѣйствительность сама стала предметомъ его изученія, — интересы искусства были освѣщены для него болѣе широкими интересами жизни. Передъ нимъ явилась «идея общества». Такъ, самъ со-

бою совершался этотъ поворотъ въ его мнѣніяхъ,—и внимательное изученіе фактовъ біографіи убѣждаетъ, что этотъ поворотъ неизбѣжно совершился бы въ Бѣлинскомъ и безъ всякихъ постороннихъ личныхъ вліяній, собственнымъ развитіемъ его взглядовъ, по свойствамъ самой его природы и условіямъ окружавшей дѣйствительности. Постороннія вліянія, которыми иные критики хотятъ объяснить этотъ поворотъ, были при этомъ только второстепеннымъ возбужденіемъ...

Черезъ нѣсколько дней, 24 апрѣля, Бѣлинскій снова пишетъ къ Боткину, напоминая ему о «главномъ пунктѣ» своего прежняго письма, т.-е. о просьбѣ добыть денегъ для «Отеч. Записокъ».—Въ письмѣ Боткина, на которое Бѣлинскій здѣсь отвѣчаетъ [1]), — сообщались московскія новости: оказывалось, что въ московскомъ кружкѣ, съ которымъ сближались теперь его антагонисты, были споры изъ-за Бѣлинскаго; глава послѣднихъ, повидимому, возставалъ противъ него, защитникомъ Бѣлинскаго явился М. Б.—Бѣлинскій, въ которомъ еще не прошло раздраженіе прежнихъ споровъ съ этимъ кружкомъ, съ пренебреженіемъ отзывается на то, что «господинъ Г. его не жалуетъ», но вмѣстѣ съ этимъ очень враждебно говоритъ и о защитникѣ... [2]). Но повидимому, эти извѣстія снова его разстроивали:

„...Еще просьба — пишетъ онъ къ Боткину: — если что́ тебя непріятно поразитъ въ моихъ письмахъ, не обращай никакого вниманія... помни, что я боленъ, тяжко боленъ, только самъ будь со мною поосторожнѣе—по той же причинѣ. Впрочемъ, я и физически очень плохъ — одышка доводитъ меня до отчаянія — не даетъ ничего дѣлать...

„Ты познакомился съ Гоголемъ—вотъ такъ поздравляю и даже завидую. Чертовски досадно, что онъ ѣдетъ не черезъ Питеръ, и что я его не увижу, — хоть бы изъ окна въ улицу посмотрѣть на него“...

---

[1]) Этого письма, къ сожалѣнію, нѣтъ въ находящемся у насъ собраніи писемъ Боткина къ Бѣлинскому.

[2]) За нѣсколько дней передъ тѣмъ, 16 апрѣля, Бѣлинскій писалъ къ одному изъ московскихъ друзей, общему пріятелю обоихъ кружковъ, и по тону письма надо думать, что онъ уже начиналъ примиряться съ враждебнымъ кружкомъ. Онъ проситъ передать его поклоны новымъ знакомцамъ изъ этого кружка. „Мой усердный поклонъ Николаю Платонову, который улыбается (вѣроятно молча и медленно), Николаю Михайловичу (Сатину)—да исправитъ Господь пути его! Александру Ивановичу—да омрачитъ Всевышній его память, чтобъ онъ не говорилъ больше латинскихъ пословицъ, которыхъ я терпѣть не могу, какъ и всего на чужихъ мнѣ языкахъ“. Бѣлинскій предоставляетъ своему пріятелю острить надъ этой его слабостью, сколько угодно.

Въ тотъ же день, 24 апрѣля, Бѣлинскій писалъ Кудрявцеву. Письмо его свидѣтельствуетъ о той мягкой, нѣжной привязанности, какую онъ питалъ къ Кудрявцеву, который, послѣ Боткина, оставался его ближайшимъ другомъ въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, приводимое ниже письмо — единственное, какое мы знаемъ изъ переписки съ нимъ Бѣлинскаго. Оно было отвѣтомъ на два длинныя письма Кудрявцева, отъ 7 января и 3 апрѣля. Кудрявцевъ въ то время только-что оканчивалъ курсъ въ университетѣ (ему былъ тогда 24-й годъ), но его имя уже пріобрѣтало извѣстность: въ университетѣ на него возлагали надежды, Грановскій относился къ нему съ самымъ дружескимъ сочувствіемъ, которымъ еще стѣснялся Кудрявцевъ-студентъ, скромно считая его не заслуженнымъ. Участіе Бѣлинскаго въ «Отеч. Запискахъ» привлекло въ этотъ журналъ и работы Кудрявцева: здѣсь стали печататься его повѣсти (подъ прежними буквами А. Н.), которыя продолжали нравиться Бѣлинскому, хотя вѣроятно и не въ прежней степени, и уже обращали на себя вниманіе своей мягкой, меланхолической задушевностью; въ критическомъ отдѣлѣ журнала помѣщались его рецензіи, отличавшіяся умомъ и тонкимъ эстетическимъ пониманіемъ, — ихъ нерѣдко смѣшивали съ рецензіями Бѣлинскаго[1]). Въ письмахъ къ Бѣлинскому Кудрявцевъ разсказывалъ ему о своихъ университетскихъ занятіяхъ, говорилъ объ ихъ эстетическихъ дѣлахъ, разспрашивалъ Бѣлинскаго объ его петербургской жизни, обращаясь къ нему съ выраженіями самаго теплаго сочувствія.

„Стыдно было бы мнѣ, любезнѣйшій П. Н., читать ваши извиненія передо мною въ молчаніи—пишетъ Бѣлинскій.—Вотъ уже второе письмо отъ васъ ко мнѣ, а отъ меня къ вамъ—ни одного. Но оставимъ это. Мы любимъ другъ друга и знаемъ это безъ всякихъ доказательствъ. Чтó письма—письма вздоръ,—помнить и думать о миломъ человѣкѣ легче, чѣмъ писать къ нему—ей-Богу. А я стражду такою лѣностью, что иногда мнѣ лѣнь дойти до стола обѣденнаго, хоть ѣсть и хочется. За то, еслибы вы знали, съ какою дѣятельностію и жизнію читаю и перечитываю я ваши милыя письма, гдѣ вы такъ и стоите передо мною въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ, въ вашемъ студенческомъ сюртукѣ, съ трубкою въ рукахъ и съ невозмущаемымъ спокойствіемъ въ лицѣ. О, мой чернокудрявый и молчаливо созерцающій поэтъ, еслибы ваше обѣщаніе пріѣхать въ Питеръ[2]) сбылось и я бы обнялъ васъ въ своей комнатѣ и торже-

[1]) Для тѣхъ изъ читателей, которые мало знакомы съ личностью Кудрявцева, могутъ служить воспоминанія Ешевскаго, „Совр. Лѣтопись“, 1858, № 2, и Галахова, „Р. Вѣстникъ“, того же года, кн. 4.

[2]) По окончаніи курса.

ственно усадилъ на свои мягкія кресла, какъ бы нарочно для васъ купленныя! Какая бы это была для меня радость. Чтó вы не пишете, долго ли пробудете въ Питерѣ. Еслибы подольше—да нѣтъ!—во всякомъ случаѣ вы должны пріѣхать прямо ко мнѣ на квартиру и жить со мною—и тогда да благословенъ вашъ путь, а въ противномъ случаѣ—чортъ съ вами. Впрочемъ, что за вздоры—вѣдь вамъ надо же будетъ имѣть квартиру, такъ почему же вамъ не жить со мною... Вотъ запируемъ-то вмѣстѣ съ вами и съ К—вымъ... Перечелъ вашу повѣсть, окрещенную въ „Недоумѣніе" [1])—прекрасная повѣсть. Перечелъ „Катеньку Пылаеву" и „Флейту"—все хорошо и прекрасно, какъ и было. Привезите „Антонину"—у меня ея нѣтъ, а я хочу непремѣнно имѣть все ваше. Батюшка, что вы это творите съ вашимъ Сулье? Господь съ вами! [2]) „Влюбленный Левъ" прекрасная беллетрическая повѣсть, а „Призракъ любви"—чортъ знаетъ что такое, насилу я дочелъ, и не радъ, что прочелъ. Право, вы заставите меня перечесть эту сказку. Ну, да объ этомъ мы съ вами потолкуемъ и поспоримъ въ Питерѣ. Васъ посылаютъ за-границу—доброе дѣло! Вижу, что университетъ моск. начинаетъ умнѣть, если выбираетъ такихъ людей. А вы отбросьте-ка пустую совѣстливость и недовѣрчивость къ себѣ. Посмотрите на себя не безусловно, а сравнительно съ окружающею васъ россійскою дѣйствительностію, и вы, при всей своей дѣвственной скромности, увидите, что, посылая васъ за-границу, вамъ отдаютъ только должное и дѣлаютъ пользу университету столько же, какъ и вамъ. Вы рождены для кабинетной жизни—ваша тихая, дѣвственная натура только и годится, что для каѳедры; вы не для треволненій жизни, не для уроковъ и не для службы. О, мой милый будущій профессоръ, еслибъ Богъ привелъ меня послушать васъ и поучиться у васъ! Подвизайтесь, друзья мои, идите впередъ, всѣ къ одной возвышенной цѣли! А я, старый инвалидъ, которому судьба не даетъ сдѣлаться даже и филистеромъ, я буду смотрѣть на васъ, благословлять васъ, гордиться и радоваться, смотря на вашъ гордый полетъ, мои юные, благородные орлы! Судьба сдѣлала меня мокрою курицею—я принадлежу къ несчастному поколѣнію, на которомъ отяжелѣло проклятіе времени, дурного времени!.. Да, меня радуетъ новое поколѣніе—въ немъ полнота жизни и отсутствіе гнилой рефлексіи. Вотъ я въ Питерѣ сошелся съ Н. Б.—то-то юноша-то.

„Бога ради, увѣдомьте меня обстоятельно—пріѣдете ли, когда, на долго ли, какъ и проч. Если вамъ лѣнь или некогда, скажите Боткину—онъ напишетъ ко мнѣ. Жду вашего пріѣзда, какъ праздника. Шутка ли—вы и К—въ,—да это Москва цѣлая. Еслибы судьба какъ-нибудь еще занесла лысаго Боткина,—но нѣтъ, съ тѣмъ мнѣ долго не видаться"...

Лѣтомъ 1840 года Бѣлинскій дѣйствительно увидѣлся съ

---

[1]) „От. Зап." 1840, кн. 4.

[2]) Это эстетическое препирательство возбуждено было словами Кудрявцева (въ его письмѣ), которому очень нравились повѣсти Сулье, напечатанныя тогда въ „От. Зап.", и одна, напечатанная еще въ „М. Наблюдателѣ".

Кудрявцевымъ, который по окончаніи курса пріѣзжалъ не на долго въ Петербургъ...

Слѣдующее письмо къ Боткину, отъ 16-го мая, опять свидѣтельствуетъ, что Бѣлинскій мало успокоивался отъ своихъ внутреннихъ тревогъ. Онъ благодаритъ Боткина за письмо, очень его утѣшившее. «Простыя, но вылившіяся прямо изъ души слова утѣшенія пали на мое сердце, какъ теплый весенній дождь на засохшую землю». Въ это время уѣхалъ за-границу одинъ изъ близкихъ пріятелей Бѣлинскаго въ Петербургѣ, П. Ѳ. З—нъ; его тревожили опять личныя исторіи Боткина, отношенія съ М. Б., съ которымъ онъ совершенно разошелся («онъ для меня рѣшеная загадка», писалъ Бѣлинскій)... Наконецъ, онъ обращается къ литературнымъ предметамъ, которые, по обыкновенію, принимаетъ къ сердцу, какъ личные вопросы. Онъ возобновляетъ споръ съ Боткинымъ, по поводу истинной, непосредственной и «рефлектированной» поэзіи, который онъ велъ съ нимъ раньше по поводу Пушкина.

„Не могу выразить тебѣ всей радости, какую возбудили во мнѣ строки твои по случаю „С. Р. Водъ“ В. С. [1]). Чтó—не правъ ли я? Ты не хотѣлъ мнѣ и отвѣчать на мою филиппику противъ твоего пародокса о Пушкинѣ [2]). О! вы все тѣ же, о, московскія души! Кто не согласенъ съ вами да съ нѣмецкими книжками, съ тѣмъ нечего и толковать—тотъ ничего не понимаетъ. Ты, Б.,—тебѣ всѣхъ стыднѣе,— ты судилъ объ искусствѣ, не зная его, ибо, къ стыду и сраму твоему, „С. Р. Воды“ В. С. для тебя—новость. Ты видѣлъ искусство въ нѣмецкихъ рефлектировщикахъ, и только Шекспиръ еще производилъ въ тебѣ разумную рефлексію и не давалъ тебѣ твердо стать въ ложномъ убѣжденіи. Ты жалѣешь, что я не могу прочесть Wahlverwandschaften: а я такъ очень радъ этому, ибо и не читавши знаю, что это за нѣщечко такое, не только не художественное, но даже не поэтическое, а превосходное бельлетрическое произведеніе съ поэтическими мѣстами и художественными замашками. И если когда я буду въ состояніи прочесть его, прочту, но не для себя, а для тебя, точно также, какъ пойду для пріятеля смотрѣть игру Каратыгина. Я убѣдился теперь, что Кар. дивный актеръ, а видѣть его все-таки не могу. Что В. С. въ обрисовкѣ характеровъ и еще въ чемъ-то Богъ знаетъ кáкъ выше Гёте, — не согласенъ: какъ между романистами, между ними ничего нѣтъ общаго,—одинъ—великій художникъ, другой—бельлетристъ. Можно сказать, что Гёте, Богъ знаетъ, какъ выше В. Гюго, потому что, несмотря на все ихъ неравенство, какъ романисты они принадлежатъ къ одному роду. Чтó не отъ Бога, то

---

[1]) „Сенъ-Ронанскія Воды“, Вальтеръ-Скотта.

[2]) Парадоксъ заключался въ мнѣніи Боткина о недостаткѣ рефлексіи у Пушкина, чтó, по его мнѣнію, было недостаткомъ его поэзіи, а по мнѣнію Бѣлинскаго, великимъ достоинствомъ. См. выше письмо отъ 24 февраля—1 марта.

отъ рукъ человѣка: паровая машина есть торжество человѣческаго ума, но какъ же ее сравнивать или подводить подъ одинъ разрядъ съ растущимъ деревомъ? Не думай, чтобы я отрицалъ необходимость и достоинство рефлектированной поэзіи: напротивъ, я теперь почитаю ее для нашей дикой публики необходимѣе произведеній истиннаго творчества. Она скорѣе ввела бы въ сознаніе нашего общества идею искусства, ибо реф. (рефлектированная поэзія) для толпы доступнѣе, чѣмъ истинное искусство,—и самъ Булгаринъ драмы Шиллера ставитъ выше шекспировскихъ"...

Онъ прочелъ еще новые романы Вальтеръ-Скотта «Пертскую Красавицу» и «Ниджели», и въ восторгѣ отъ нихъ:—

„Дивный геній! А ты еще не знаешь Купера, который если не равенъ Вальтеръ-Скотту, то ужъ непремѣнно выше его, какъ художникъ. Досадный человѣкъ, такъ бы и прибилъ тебя. Совѣстно и говорить съ тобою объ искусствѣ. Я было ужъ и махнулъ рукою и замолчалъ, да послѣднее письмо твое расшевелило. И это ты, съ которымъ съ однимъ изо всѣхъ мнѣ такъ отрадно было говорить о Шекспирѣ, и—помнишь—кажется, мы понимали другъ друга. По крайней мѣрѣ, я причисляю эти разговоры къ блаженнѣйшимъ минутамъ моей жизни. А все нѣмцы сбили тебя съ толку. Хорошіе люди — говорятъ объ искусствѣ превосходно, но понимаютъ его плохо"...

Въ концѣ этой тирады, Бѣлинскій забавно вызываетъ Боткина на полемическую переписку, по поводу искусства, «общаго», и проч.: «—Скучно, душа моя, хочешь заняться чѣмъ-нибудь высокимъ, а свѣтская чернь не понимаетъ. Если не согласишься со мною до послѣдней запятой, на колѣняхъ прошу тебя—сцѣпимся—право, мнѣ веселѣе будетъ жить, вѣдь безъ войны скучно, да и силы слабѣютъ». Бѣлинскій проситъ Боткина прочесть въ одной изъ его рецензій о «Бурѣ» Шекспира: — «въ ней есть ругачка на тебя и на всѣхъ васъ, нѣмецкихъ спиритуалистовъ-идеалистовъ» [1]). Онъ восхищается статьей К—ва [2]): «статья К—ва—прелесть: глубоко, послѣдовательно, энергически, и вмѣстѣ спокойно, все такъ мужественно, ни одной дѣтской черты».

„Нѣтъ ли какихъ слуховъ о Кольцовѣ? Въ 5 № „О. З." стихи Лермонтова (онъ ужъ долженъ быть на Кавказѣ) прелесть [3]), но у насъ есть въ запасѣ еще лучше; пѣсня Кольцова [4]) — объядѣніе. Стихи Красова мнѣ рѣшительно не нравятся, особенно „Къ Дездемонѣ"—чортъ знаетъ что̀ такое. Огарева „Старый Домъ" очень по-

---

1) Сочин. IV, стр. 111 и слѣд.

2) Вѣроятно — критической статьей о книгѣ Максимовича, въ 4-й кн. „От. Зап." 1840.

3) „Воздушный корабль" (изъ Зейдлица).

4) „Дума Сокола".

нравился, и Сатина — водевильные куплеты на манеръ Requiem [1]). Прочти повѣсть Панаева „Бѣлая горячка“ — славная вещь; обрати все свое вниманіе на лицо Рябинина—это живой во весь ростъ портретъ Кукольника (Вопросы о переводахъ „В. Мейстера“ и „Ричарда II“)... „Цахеса“ нельзя и подавать въ цензуру: еще съ годъ назадъ онъ былъ прихлопнутъ цѣлымъ комитетомъ. Премудрый синедріонъ рѣшилъ, что не прежде 10 лѣтъ можно его разрѣшить, ибо-де много насмѣшекъ надъ звѣздами и чиновниками [2])... Нечего печатать по части переводныхъ повѣстей, а оригинальныхъ нѣтъ во всей расейской quasi-литературѣ“...

Письмо отъ 13-го іюня опять чрезвычайно любопытно по признаніямъ, раскрывающимъ внутреннюю жизнь Бѣлинскаго. Ему начинаетъ выясняться его тягостное настроеніе; среди тревожныхъ волненій его жизни, ему все больше открывается связь личной жизни съ жизнью общества, и его взгляды постепенно склоняются на другую дорогу. Онъ еще и теперь не вполнѣ сознаетъ это положеніе, но чувствуется, что онъ уже подходитъ къ этому сознанію...

„Письмо твое, отъ 21-го мая, любезный Б., и обрадовало и глубоко тронуло меня. Я хотѣлъ-было разразиться на него отвѣтомъ листовъ въ пятнадцать, даже уже началъ-было, но статья о Лермонтовѣ отвлекла меня. Не могу дѣлать вдругъ двухъ дѣлъ... Другъ, понимаю твое состояніе, и не виню тебя за то, что ты тяготишься людьми и требуешь уединенія и природы... Страданіе твое болѣзненно, въ немъ много слабости и безсилія, но не вини въ этомъ ни себя, ни свою натуру. Мы, въ этомъ отношеніи, всѣ какъ двѣ капли воды: по жизни ужасные дряни, хотя по натурамъ и очень не пошлые люди... На насъ обрушилось безалаберное состояніе общества, въ насъ отразился одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ общества, силою отторгнутаго отъ своей непосредственности и принужденнаго тернистымъ путемъ идти къ пріобрѣтенію разумной непосредственности, къ *очеловѣченію*. Положеніе истинно трагическое! Въ немъ заключается причина того, что наши души походятъ на дома, построенные изъ кокоръ — вездѣ щели. Мы не можемъ шагу сдѣлать безъ рефлексіи, беремся за кушанье съ нерѣшимостью, боясь, что оно вредно. Чтó дѣлать? Гибель частнаго въ пользу общаго — міровой законъ. Въ утѣшеніе наше (хоть это и плохое утѣшеніе) мы можемъ сказать, что хоть Гамлетъ (какъ характеръ) и ужасная дрянь, однакожь онъ возбуждаетъ во всѣхъ еще больше участія къ себѣ, чѣмъ могущій Отелло и другіе герои шекспировскихъ драмъ. Онъ слабъ и самому себѣ кажется гадокъ, однако только пошляки могутъ называть его пошлякомъ и не видѣть проблесковъ великаго въ его ничтожности. Воспитаніе лишило насъ религіи, обстоятель-

---

[1]) Стих. Сатина—De profundis.

[2]) Послѣ онъ былъ напéчатанъ въ „Отеч. Запискахъ“, но вѣроятно уже въ исправленномъ и сокращенномъ видѣ.

ства жизни (причина которыхъ въ состояніи общества) не дали намъ положительнаго образованія и лишили *всякой* возможности сродниться съ наукою; съ дѣйствительностію мы въ ссорѣ и по праву ненавидимъ и презираемъ ее, какъ и она по праву ненавидитъ и презираетъ насъ. Гдѣ-жъ убѣжище намъ?—На необитаемомъ островѣ, которымъ и былъ нашъ кружокъ. Но послѣднія наши ссоры показали намъ, что для призраковъ нѣтъ спасенія и на необит. островѣ. Я разстался съ тобою холодно (дѣло прошлое!), безъ ненависти и презрѣнія, но и безъ любви и уваженія, ибо потерялъ всякую вѣру въ самого себя. Въ Петербургѣ, съ необитаемаго острова я очутился въ столицѣ, журналъ поставилъ меня лицомъ къ лицу съ обществомъ,—и Богу извѣстно, какъ много перенесъ я! Для тебя еще не совсѣмъ понятна моя вражда къ *москводушію* [1]), но ты смотришь на одну сторону медали, а я вижу обѣ. Меня убило это зрѣлище общества, въ которомъ властвуютъ и играютъ роли подлецы и дюжинныя посредственности, а все благородное и даровитое лежитъ въ позорномъ бездѣйствіи на необитаемомъ островѣ... Отчего же европеецъ въ страданіи бросается въ общественную дѣятельность и находитъ въ ней выходъ изъ самаго страданія?"...

Онъ приводитъ нѣсколько стиховъ изъ Лермонтовской «Думы» и продолжаетъ:

„А кстати: я несогласенъ съ твоимъ мнѣніемъ о натянутости и изысканности (мѣстами) Печорина: онѣ разумно-необходимы. Герой нашего времени долженъ быть таковъ. Его характеръ—или рѣшительное бездѣйствіе, или пустая дѣятельность. Въ самой его силѣ и величіи должны проглядывать ходули, натянутость и изысканность. Лермонтовъ—великій поэтъ: онъ объектировалъ современное общество и его представителей...

„Да, наше поколѣніе—израильтяне, блуждающіе по степи, и которымъ никогда не суждено узрѣть обѣтованной земли. И всѣ наши вожди—Моисеи, а не Навины. Скоро ли явится сей вождь?"...

Эти слова очень характеристичны. Они ясно указываютъ, гдѣ, по признанію самого Бѣлинскаго, былъ главнѣйшій толчокъ, опредѣлившій его идеи: —онъ «сталъ лицомъ къ лицу съ обществомъ»; отсюда и шло его внутреннее страданіе. Въ теченіе этого періода внутренней борьбы и цѣной этого страданія и совершился въ немъ тотъ переломъ, съ какого начинается его новая мысль. Далѣе, въ этихъ словахъ въ особенности можно видѣть, какъ въ этой личной исторіи Бѣлинскаго отражалось внутреннее развитіе цѣлаго поколѣнія, и становится понятно, почему это поколѣніе съ такимъ увлеченіемъ приняло Лермонтова: въ томъ, чтó для нашего времени кажется иногда натянутымъ или аффектированнымъ, люди того поколѣнія видѣли

---

[1]) Бѣлинскій называлъ такъ идеалистическое простодушіе.

полное и глубокое выраженіе ихъ собственной мысли и страданія. Бѣлинскій иногда чувствовалъ эту аффектацію у Лермонтова, но ему всегда хотѣлось найти ей разумное истолкованіе. Мысль объ обществѣ начинаетъ такимъ образомъ становиться прочнымъ интересомъ Бѣлинскаго, отчасти уже освѣщаетъ ему и прошлое. Въ слѣдующихъ словахъ ему очевидно вспоминаются прежніе московскіе споры, Бѣлинскій начинаетъ отдавать справедливость своимъ противникамъ:

„Живу я ни хорошо, ни слишкомъ худо. Къ Питеру притерпѣлся. Спасибо ему. Я уже не узнаю себя и вижу ясно, чтó надо въ себѣ бить: это его дѣло. Въ письмѣ нельзя высказать этого. Больше всего меня радуетъ, что я узналъ наконецъ, что чужія мысли, какъ бы ни противорѣчили нашимъ, должно выслушивать съ уваженіемъ и любопытствомъ, если только говорящій ихъ понимаетъ самъ себя. Недавно я поймалъ себя въ двухъ или трехъ случаяхъ, принявши за явную нелѣпость чужое мнѣніе (потому только, что оно противорѣчило моему), и потомъ, увидѣвъ, что оно имѣло основаніе и заставляло меня отступиться отъ кровнаго убѣжденія, принялъ въ него новую сторону, новый элементъ. Всякая индивидуальность есть столько же и ложь, сколько и истина—человѣкъ ли то, народъ ли, и только ознакомляясь съ другими индивидуальностями, они выходятъ изъ своей индивидуальной ограниченности. Но объ этомъ послѣ. Съ французами я помирился совершенно: не люблю ихъ, но уважаю. Ихъ всемірно-историческое значеніе велико. Они не понимаютъ абсолютнаго и конкретнаго, но живутъ и дѣйствуютъ въ ихъ сферѣ. Любовь моя къ родному, къ русскому стала грустнѣе: это уже не прекраснодушный энтузіазмъ, но страдальческое чувство. Все субстанціальное въ нашемъ народѣ велико, необъятно, но опредѣленіе гнусно, грязно, подло".

Онъ проситъ Боткина непремѣнно прочесть «Краснаго морского разбойника» Купера, которымъ тогда восхищался. Но и В. Скоттъ и Куперъ, какъ ни велики сами по себѣ, въ сравненіи съ Шекспиромъ они малы и обыкновенны. Бѣлинскій еще разъ прочиталъ «Ричарда II»... «Нѣтъ, братъ, чтó ни говори, а на счетъ Шиллера кто-нибудь изъ насъ грубо не понимаетъ одного. Все, чтó ты о немъ пишешь—правда, да только трагедій-то его читать нѣтъ мочи».

Къ Петербургу онъ «притерпѣлся»; онъ сдѣлалъ новыя знакомства, именно съ кружкомъ Комарова, гдѣ бываетъ по субботамъ: «разъ въ недѣлю мнѣ надо быть въ многолюдствѣ молодомъ и шумномъ». Но ему все еще памятенъ старый московскій кружокъ, и Бѣлинскій пришелъ-было въ восторгъ, когда Боткинъ написалъ ему о своемъ намѣреніи ѣхать въ Петербургъ,—намѣреніи однако не состоявшемся: «Ты сбирался въ Питеръ... Боже

мой, да отъ одной мысли объ этомъ свиданіи выступаютъ у меня слезы на глазахъ. Недѣля, проведенная съ тобою, была бы вознагражденіемъ за восемь мѣсяцевъ тяжелаго страданія. Сколько бы надо было сказать другъ другу, какъ бы каждое слово было полно души и значенія, каждый разговоръ живъ, споръ интересенъ! Ахъ, Б., зачѣмъ ты написалъ мнѣ объ этомъ несбывшемся намѣреніи, лучше бы мнѣ было не знать о немъ...»

Это письмо отправлялось съ П. В. А — вымъ, съ которымъ Бѣлинскій незадолго передъ тѣмъ познакомился. Бѣлинскій говоритъ о немъ съ самымъ теплымъ сочувствіемъ, какъ о близкомъ человѣкѣ, посвященномъ въ его интимную жизнь, который можетъ разсказать Боткину и то, чего онъ не помѣщаетъ въ письма...

Затѣмъ, въ нашемъ матеріалѣ перерывъ въ письмахъ на два мѣсяца, до середины августа.

Лѣтомъ была въ Петербургѣ «цѣлая Москва». Пріѣхалъ, какъ упомянуто, Кудрявцевъ; жилъ въ Петербургѣ прежній философскій другъ, собиравшійся ѣхать за границу, гдѣ его цѣлью былъ Берлинъ и его философія; наконецъ пріѣхалъ К—въ. Боткинъ былъ по своимъ торговымъ дѣламъ на нижегородской ярмаркѣ.

Когда уѣзжалъ за границу П. Ѳ. З—нъ, Бѣлинскій поручалъ ему отыскать въ Берлинѣ профессора Вердера, и узнать отъ него, чтó дѣлается съ Станкевичемъ. Вердеръ, наставникъ Станкевича въ Гегелевской философіи, сталъ его близкимъ другомъ, и послѣ около него собиралась обыкновенно небольшая колонія русскихъ искателей философіи. Въ письмѣ отъ 13-го іюня, З—нъ сообщалъ Бѣлинскому неутѣшительныя извѣстія [1]): Вердеръ говорилъ, что здоровье Станкевича очень плохо, и что онъ едвали поправится; то же подтвердилъ и Тургеневъ, постоянно видѣвшій Станкевича въ Неаполѣ...

Только въ августѣ дошло до Бѣлинскаго извѣстіе о смерти Станкевича—человѣка, который по справедливости считался главой московскаго кружкá, пользовался въ его средѣ неоспариваемымъ авторитетомъ и горячей привязанностью друзей; степень привязанности къ нему Бѣлинскаго читатель увидитъ изъ слѣ-

---

1) „По пріѣздѣ въ Берлинъ,—писалъ З.,—я тотчасъ отыскалъ Вердера и, конечно, первый вопросъ былъ о Станкевичѣ. Въ одну минуту всѣ мои надежды рушились: онъ давно выѣхалъ изъ Берлина и живетъ теперь въ Неаполѣ; что же касается до его здоровья, то, кажется, плохо и очень плохо, едвали онъ поправится; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ сказалъ Вердеръ, и очень жалѣетъ его", и проч.

дующаго здѣсь письма. Бѣлинскій, по его словамъ, принялъ равнодушно извѣстіе объ его смерти. Изъ письма видно, что это равнодушіе было тупое подчиненіе страшной судьбѣ, что горесть скрывалась за ожесточеніемъ.

„...Письмо мое доставитъ тебѣ не радость и утѣшеніе, а горесть и страданіе,—пишетъ Бѣлинскій.—Ни слова больше объ утѣшеніи и радости — это слова обманчивыя и безсмысленныя, понятія отрицательныя, а не положительныя! Я все думалъ, что горе и страданіе даны человѣку для того, чтобы онъ лучше зналъ радость и блаженство; но теперь, какъ опытъ заставилъ меня глубже заглянуть въ жизнь, я вижу, что радость и блаженство даны человѣку для того, чтобы онъ сильнѣе страдалъ, жесточае мучился, — и жалокъ тотъ, кто ищетъ въ жизни не минутъ счастія, а прочнаго счастія, кто видитъ въ жизни не рядъ бивуаковъ, а постоянный домъ съ филистерскимъ халатомъ! Еще есть въ немъ смыслъ, если онъ чувствуетъ въ себѣ благородную рѣшимость и божественную способность сдѣлаться филистеромъ во всемъ значеніи этого слова, т.-е. скотиною вполнѣ... Но если онъ неспособенъ сойтись съ прозою жизни и довольствоваться прѣсною водою съ нѣсколькими каплями вина, — нѣтъ ему счастія на землѣ, хотя онъ и болѣе, чѣмъ кто другой, и желаетъ счастія, и стремится къ нему, и достоинъ его!

„Знаешь ли, Боткинъ, — ну да что за эффектныя предисловія— къ чорту ихъ и прямѣе къ дѣлу. Боткинъ—Станкевичъ умеръ!

„Боже мой! Кто ждалъ этого? Не былъ ли бы, напротивъ, каждый изъ насъ убѣжденъ въ невозможности такой развязки столь богатой, столь чудной жизни? Да, каждому изъ насъ казалось невозможнымъ, чтобъ смерть осмѣлилась подойти безвременно къ такой божественной личности и обратить ее въ ничтожество. Въ *ничтожество,* Боткинъ! Послѣ нея ничего не осталось, кромѣ костей и мяса, въ которыхъ теперь кишатъ черви. Онъ живетъ, скажешь ты, въ памяти друзей, въ сердцахъ, въ которыхъ онъ раздувалъ и поддерживалъ искры божественной любви. Такъ, но долго ли проживутъ эти друзья, долго ли пробьются эти сердца? Увы! ни вѣра, ни знаніе, ни жизнь, ни талантъ, ни геній не безсмертны! Безсмертна одна смерть: ея колоссальный, побѣдоносный образъ гордо возвышается на престолѣ изъ костей человѣческихъ, и смѣется надъ надеждами, любовію, стремленіями!...

О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

сказалъ старикъ Державинъ“...

Онъ приводитъ нѣсколько стиховъ изъ стихотворенія «На смерть кн. Мещерскаго»,—и продолжаетъ:

„Видишь ли, какая разница между прошлымъ и настоящимъ вѣкомъ? Тогда еще употребляли слова *тамъ* и *туда*, обозначая ими какую-то terram incognitam, которой существованію сами не вѣрили; теперь и не вѣрятъ... и не употребляютъ даже въ шутку этихъ пустыхъ словъ...

„Общее—это палачъ человѣческой индивидуальности. Оно опутало ее страшными узами: проклиная его, служишь ему невольно.

„Смерть Ст. не произвела на меня никакого особеннаго впечатлѣнія. Я принялъ извѣстіе о ней довольно равнодушно. Думаю, что причина этого отчасти и долговременная разлука: Ст. оставилъ меня совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ я сталъ теперь и былъ безъ него. Онъ поѣхалъ въ Европу, я въ Азію—на Кавказъ. Духовную жизнь мою я считаю съ возвращенія съ Кавказа,—и все это развитіе до сей минуты (лучшее, по крайней мѣрѣ примѣчательнѣйшее время моей жизни) совершалось безъ него. Разлука—ужасная вещь... Но это не главное. Главная причина — состояніе моего духа, апатическое, сухое, безотрадное, причины котораго и во внѣшнихъ обстоятельствахъ и внутри. Внѣшнія мои обстоятельства худы до нельзя, до послѣдней крайности. А внутри—не умѣю и сказать. Мысль о тщетѣ жизни убила во мнѣ даже самое страданіе. Я не понимаю, къ чему все это и зачѣмъ: вѣдь всѣ умремъ и сгніемъ—для чего-жъ любить, вѣрить, надѣяться, страдать, стремиться, страшиться? Умираютъ люди, умираютъ народы,—умретъ и планета наша, — Шекспиръ и Гегель будутъ ничто. Извѣстіе о смерти Ст. только утвердило меня въ этомъ состояніи. Смерть Ст. показалась мнѣ тѣмъ болѣе естественна и необходима, чѣмъ святѣе, выше, геніальнѣе его личность:

Все великое земное
Разлетается какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ.

„Все вздоръ—калейдоскопическая игра китайскихъ тѣней. О чемъ же жалѣть!..

„Ст. умеръ въ Нови, между Миланомъ и Генуею, въ ночь съ 24 на 25 іюня“...

Обращаясь къ своимъ дѣламъ, Бѣлинскій разсказываетъ Боткину о своемъ новомъ чтеніи, между прочимъ и вмѣстѣ съ К—вымъ. Въ Москвѣ К—въ читывалъ ему Гегеля; теперь чтенія возобновлялись въ другомъ направленіи, — гдѣ для нихъ «исчезала всякая достовѣрность въ жизни и знаніи». Новыя впечатлѣнія совпадали съ настроеніемъ самого Бѣлинскаго.

„К—въ читалъ мнѣ отрывки изъ Фрауенштета (пишетъ Бѣлинскій)—молодецъ Фрауенштетъ! Послѣ его брошюрки пропадетъ охота не только резонерствовать, или мыслить, но и что-нибудь утверждать. Очень радъ, что тебѣ понравилась 2-я ст. моя о Лермонтовѣ [1]). Кроткій тонъ ея — результатъ моего состоянія духа: я не могу ничего ни утверждать, ни отрицать, и по неволѣ стараюсь держаться середины. Впрочемъ, будущія мои статьи должны быть лучше прежнихъ: 2-я ст. о Лермонтовѣ есть начало ихъ. Отъ теорій объ искусствѣ я снова хочу обратиться къ жизни и говорить о жизни.

---

[1]) „От. Зап.“ 1840, № 7; Соч. III, стр. 592 и слѣд.

Въ „Набл." и „От. Зап." я доселѣ колобродилъ, но это колобродство полезно: благодаря ему, въ моихъ ст. будетъ какое-нибудь содержаніе, не такъ какъ въ Телескопскихъ"...

Бѣлинскій уже давно смотрѣлъ на свою дѣятельность въ «Наблюдателѣ» какъ на «дѣло прошлое», какъ на увлеченіе. Такъ онъ говоритъ объ этомъ журналѣ еще въ одной изъ статей апрѣльской книжки «От. Записокъ» [1]).

Въ припискѣ къ этому письму, онъ припомнилъ, что читаетъ «Антонія и Клеопатру» Шекспира, и восклицаетъ: «Творецъ небесный, неужели и Шекспиръ сгнилъ — и только? Бога ради, Боткинъ, скажи мнѣ, есть ли у Шекспира хоть что-нибудь, не говорю—дрянное; а не великое, не божественное?» Онъ читаетъ «запоемъ» Вальтеръ-Скотта; прочелъ пять трагедій Софокла— новыя впечатлѣнія: — «новый міръ искусства открылся передо мною. Вижу, что одно сознаніе законовъ искусства безъ знанія произведеній его—суета суетъ». По словамъ его, К—въ «много заставилъ его двинуться, самъ того не зная». Онъ опять рекомендуетъ Боткину читать романы Купера, «Послѣдній изъ Могиканъ» и другой, который готовился для «От. Записокъ»—«Путеводитель въ Пустынѣ» (The Pathfinder), служащій продолженіемъ «Могиканъ». «Глубокое, дивное созданіе»—замѣчаетъ онъ о Патфайндерѣ: — «К—въ говоритъ, что многія мѣста этого романа украсили бы драму Шекспира»...

Тѣмъ же 12-мъ августа помѣчено другое (вѣроятно ранѣе писанное) письмо Бѣлинскаго, посвященное разсказу совсѣмъ иного рода, именно подробному описанію той ссоры, происшедшей на его квартирѣ между двумя его пріятелями, — о которой говоритъ Панаевъ въ «Литер. Воспоминаніяхъ» [2]). Ссора приняла столь сильные размѣры, что результатомъ ея былъ вызовъ на дуэль. Бѣлинскій перетревожился до послѣдней степени, и, описывая событіе нѣсколько времени спустя и успокоившись, съ добродушнымъ комизмомъ изображаетъ свою собственную роль въ этой исторіи. Для дуэли были необходимы секунданты — приходилось выбирать ихъ между пріятелями, и Бѣлинскій, при всей малой способности къ такимъ воинственнымъ вещамъ, рѣшился-было быть секундантомъ у одного изъ пріятелей. Но дѣло не состоялось затѣмъ, что противники рѣшили—для бо́льшаго удоб-

---

[1]) Статья о „Репертуарѣ", Соч. IV, стр. 86.

[2]) „Современникъ", 1861, № 11, стр. 46—47. Поводомъ къ ссорѣ были вовсе не „разсужденія о разныхъ философскихъ вопросахъ", какъ говоритъ Панаевъ, а чисто личныя отношенія.

ства — произвести свою дуэль за границей, куда вскорѣ одинъ изъ нихъ уѣхалъ; другой выѣхалъ изъ Петербурга осенью 1840... Дуэль однако не состоялась и за границей.

Въ письмѣ отъ 5-го сентября развиваются темы, затронутыя прежде—о тщетѣ жизни, о невѣріи въ дѣйствительность, о недостовѣрности знанія. Боткинъ, въ письмѣ къ Бѣлинскому, жаловался съ своей стороны, что его благія стремленія не находятъ осуществленія, что отъ нихъ остается только «дымъ фантазій и мечтаній». Бѣлинскому также слишкомъ извѣстенъ этогъ дымъ.

„...Но я въ томъ разнюсь отъ тебя,—говоритъ онъ, — что дымъ и называю дымомъ, не стою за нашъ вѣкъ, за который ты ратуешь съ такимъ донъ-кихотскимъ задоромъ! Другъ, это все слова и фразы, это тотъ дымъ, которымъ испарилась наша молодость. Ты переживаешь себя, заживо умираешь, а все по старой привычкѣ кричишь о разумности жизни. Если какой-нибудь гегеліанецъ (кажется, Фрауенштетъ), подкапываясь подъ основаніи гегелизма, доходитъ до результата, что мысль (которую мы приняли за критеріумъ бытія) насъ надуваетъ, надѣвая на наши глаза очки, сквозь которыя мы видимъ все какъ ей угодно, а не какъ должно, — и восклицаетъ съ отчаяніемъ: „спасите меня, погибаю",—такъ намъ ли, о Боткинъ, не вопить, или, по крайней мѣрѣ, намъ ли защищать дѣйствительность, если она, столь безконечно могущественнѣйшая насъ, такъ плохо защищаетъ сама себя? Что до личнаго безсмертія, — какія бы ни были причины, удаляющія тебя отъ этого вопроса и дѣлающія тебя равнодушнымъ къ нему, — погоди, придетъ время, не то запоешь. Увидишь, что этотъ вопросъ—альфа и омега истины, и что въ его рѣшеніи—наше искупленіе. Я плюю на философію, которая потому только съ презрѣніемъ прошла мимо этого вопроса, что не въ силахъ была рѣшить его. Гегель не благоволилъ ко всему фантастическому, какъ прямо противоположному опредѣленно-дѣйствительному. К—въ говоритъ, что это—*ограниченность*. Я съ нимъ согласенъ"...

Онъ вспоминаетъ опять о смерти Станкевича: «чтó же стало съ нимъ? А развѣ это пустой вопросъ? Развѣ безъ его рѣшенія возможно примиреніе?... Нѣтъ, я такъ не отстану отъ этого Молоха, котораго философія назвала Общимъ, и буду спрашивать у него: куда дѣлъ ты его и чтó съ нимъ стало?»

Между извѣстіями и вопросами о друзьяхъ, онъ говоритъ объ А. И. Кронебергѣ, извѣстномъ переводчикѣ Шекспира. Онъ говоритъ о немъ съ уваженіемъ, жалѣетъ, что не очень поладилъ съ нимъ въ прежнее время (вѣроятно еще въ Москвѣ). Бѣлинскому очень нравится его статья [1]); въ ней онъ видитъ хорошее пониманіе Шекспира, — «а это много»;—ему нравится

---

[1]) Шекспиръ. Обзоръ мнѣній о Шекспирѣ, высказанныхъ европейскими писателями въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. „От. Зап." 1840, № 9.

и переводъ «Ричарда II», обнаруживающій глубоко-поэтическую натуру.

Письмо, отъ 4 октября, высказываетъ уже въ опредѣленной, рѣшительной формѣ тотъ поворотъ въ мнѣніяхъ Бѣлинскаго, который совершался въ немъ съ его переселенія въ Петербургъ такимъ медленнымъ, мучительнымъ процессомъ сомнѣній, недовольства самимъ собой, борьбы, отчаянія и ожесточенія. Мы видѣли уже, что дѣйствительность давно перестала быть для него тѣмъ, чѣмъ была прежде; онъ все чаще возвращается къ мысли объ обществѣ, чаще вспоминаетъ о своихъ прошлыхъ мнѣніяхъ, какъ идеалистическомъ заблужденіи... Мы видѣли, какъ постоянно видоизмѣнялись въ новомъ направленіи его мысли о дѣйствительности, «общемъ», о «французахъ», о Шиллерѣ, объ Entsagung, о любви, —каждое видоизмѣненіе было шагомъ къ новой системѣ понятій... Теперь онъ споритъ противъ словъ Боткина, который считалъ свою натуру непроизводительною въ литературномъ смыслѣ; по мнѣнію Бѣлинскаго, причина этой малой производительности заключается въ томъ, что самъ Боткинъ знаетъ, какъ мало можетъ онъ встрѣтить себѣ сочувствія въ обществѣ, которое скорѣе всего отвѣтитъ на его трудъ пренебреженіемъ или чѣмъ-нибудь хуже.

„Но чортъ съ нимъ (съ обществомъ)—наша участь — схимничество. Проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностію! Да здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, эманципаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія! Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма! какъ восклицалъ великій Пушкинъ. Для меня теперь *человѣческая личность* выше исторіи, выше общества, выше человѣчества. Это мысль и дума вѣка! Боже мой, страшно подумать, что́ со мною было—горячка или помѣшательство ума — я словно выздоравливающій. Да, Б., ты ничего путнаго не сдѣлаешь, хотя и доказалъ, что ты много-много прекраснаго могъ бы сдѣлать; но ни ты, ни твоя натура въ томъ не виноваты. Это общая наша участь,—и на этотъ счетъ я спою тебѣ славную пѣсенку —

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ, безъ шума и слѣда (и проч.).

Ну, а пока будемъ что-нибудь дѣлать хоть для забавы, разсѣянія отъ скуки или отъ безполезныхъ думъ объ испанскихъ дѣлахъ“...

Въ дальнѣйшихъ письмахъ мы встрѣтимъ еще болѣе рѣшительныя выраженія новаго взгляда на вещи...

Боткинъ упрекалъ «Отеч. Записки» въ недостаткѣ живыхъ историческихъ статей и иностранной критики (самъ онъ приготовилъ переводъ изъ Ретшера, который назначался въ 1-ю книжку «Отеч. Зап.» 1841 года); — Бѣлинскій отвѣчаетъ на это: «да

гдѣ же ихъ взять? Вѣдь «О. З.» издаются трудами *трехъ* только человѣкъ — Кр., К—ва и меня—не разорваться же намъ, а другіе всѣ, могущіе дѣлать, отговариваются тѣмъ, что у нихъ не производящія натуры». Мы видѣли, что такъ говорилъ о себѣ Боткинъ.

Бѣлинскій получилъ наконецъ отъ своего друга отзывъ о Куперѣ. Они совершенно сошлись во мнѣніи объ этомъ писателѣ. «Величайшій художникъ! — восклицаетъ Бѣлинскій: — я горжусь тѣмъ, что давно его зналъ и давно ожидалъ отъ него чудесъ, но это чудо [1]), признаюсь, далеко превзошло всѣ усилія моей бѣдной фантазіи. «Сенъ-Ронанскія Воды» торжественно признаю лучшимъ романомъ В. Скотта,—но куда до «Патфайндера!»

Онъ возвращается снова къ вопросу о безсмертіи,—который занималъ Боткина меньше и иначе. Бѣлинскій мирится съ этимъ разнорѣчіемъ ихъ интересовъ, потому что идеи нельзя навязать другому; пусть Боткинъ думаетъ объ этомъ иначе, за то у него есть свои, поглощающія его идеи, и, дѣлясь своими идеями и своими страданіями, они будутъ дополнять другъ другу созерцаніе жизни, — тогда у нихъ не будетъ пустыхъ споровъ, и возникнетъ живое пониманіе и симпатія. «Увидимся, потолкуемъ и поспоримъ»; ...но, замѣчаетъ онъ, «не могу пока умолчать объ одномъ, что меня теперь всего поглотила идея *достоинства человѣческой личности* и ея горькой участи—ужасное противорѣчіе!» Онъ дѣлится съ Боткинымъ и слѣдующимъ замѣчаніемъ: «М. Б. [2]) пишетъ, что Станк. вѣрилъ личному безсмертію, Штраусъ и Вердеръ вѣрятъ. Но мнѣ отъ этого не легче: все также хочется вѣрить и все также не вѣрится».

Бѣлинскій обрадованъ былъ новыми разсужденіями своего друга объ Entsagung, отъ котораго онъ такъ упорно, почти съ ненавистью отрекался [3]).

„Именно, оно (Entsagung) есть свободное, вслѣдствіе нравственнаго понятія, отрѣченіе отъ блага жизни и принятіе на себя страданія; а не невольное. Вотъ я и правъ былъ, что это слово и бѣсило и оскорбляло меня. У меня отнимали то, чего я не имѣлъ еще и случая выказать. Можетъ быть, во мнѣ этого и нѣтъ, а можетъ быть и есть—кто знаетъ? Я самъ не могу знать. Ты пишешь, что опять сошелся съ самимъ собою, что призракъ счастія разбитъ — признаюсь въ грѣхѣ—плохо вѣрю... Я вообще съ тобою въ одномъ страшно и дико разошелся: читаю и не вѣрю глазамъ своимъ, когда

---

[1]) „Патфайндеръ".

[2]) Находившійся уже за границей.

[3]) Ср. выше письмо отъ 18—20 февраля 1840.

ты говоришь о жизни и счастіи, съ уваженіемъ и не шутя, съ какою-то вѣрою. Я не сойдусь, не помирюсь съ пошлою дѣйствительностію, но счастія жду отъ однихъ фантазій и только въ нихъ бываю счастливъ. Дѣйствительность—это палачъ"...

Въ концѣ письма Бѣлинскій пишетъ:

„Недавно со мною (съ мѣсяцъ назадъ) случилась новая гисторія, которая до основанія потрясла всю мою натуру, возвратила мнѣ слезы и безконечное, томительное, страстное порываніе, и кончилась *ничѣмъ*, какъ и прежде. Долго ли это продолжится. Видно, такова уже моя натура, какъ говоритъ Патфайндеръ. Всякому своя доля, но право, сквернѣе моей ничего нельзя вообразить"...

Намъ ничего неизвѣстно объ этомъ эпизодѣ.

Новое длинное письмо, отъ 25 октября, посвящено почти исключительно той интимной исторіи Боткина, которая вообще занимаетъ много страницъ въ письмахъ Бѣлинскаго за это время. Бѣлинскій принимаетъ самое горячее участіе въ этой исторіи, высказываетъ свои взгляды на нее, старается опредѣлить и характеризовать дѣйствующія лица, успокоить своего друга и отвести его отъ экзальтированнаго чувства къ болѣе простому, спокойному и разумному пониманію вещей. То, чтó происходило тогда съ его другомъ, было ему знакомо по собственному опыту; это были «сильныя, но ложныя тревоги», «рефлексія». Затрудняясь высказать свою настоящую мысль, Бѣлинскій хочетъ намеками указать сущность дѣла. Онъ проситъ своего друга оставить на время все нѣмецкое и особенно то, чтó ему всего больше нравится, и читать Купера, В. Скотта, Шекспира, или оторваться «на время» отъ идеальнаго міра и войти въ интересы міра положительнаго и практическаго.

Эстетическое лекарство Бѣлинскій очевидно считалъ очень дѣйствительнымъ, — такъ глубоко онъ, да и его другъ, воспринимали поэтическія изображенія жизни, и чтеніе высокихъ художниковъ, какими были въ его глазахъ, кромѣ Шекспира, Вальтеръ-Скоттъ и Куперъ,—казалось Бѣлинскому, столь же сильнымъ средствомъ противъ фальшиваго идеализма и романтики, какъ обращеніе къ интересамъ практической жизни. Въ подтвержденіе необходимости выдти изъ идеальнаго, фантастическаго міра въ практическій, Бѣлинскій приводилъ собственный примѣръ:

„Я не умѣю тебѣ этого хорошо растолковать, но я хорошо это знаю по себѣ: нѣтъ въ мірѣ мѣста гнуснѣе Питера, нѣтъ поганѣе питерской дѣйствительности, но я отъ нея не потерялъ, а пріобрѣлъ— я глубже чувствую, больше понимаю, во мнѣ стало больше внутренняго и духовнаго. Если бы не журналъ, я бы съ ума сошелъ. Если бы

гнусная дѣйствительность не высасывала изъ меня капля по каплѣ крови,—я бы помѣшался. Оторваться отъ общества и затвориться въ себѣ—плохое убѣжище"...

Убѣждая своего друга смотрѣть на происшедшее съ нимъ, какъ на опытъ, на воспитаніе, и сохранить воспоминаніе о лучшихъ минутахъ, Бѣлинскій снова нападаетъ на прежній идеализмъ, отъ котораго Боткинъ еще не излечился:

„Тебѣ стыдно и больно было признаться мнѣ, что чувство твое убито, умерло: о, Боткинъ, ты все еще живешь въ мірѣ героизма и тебѣ трудно увѣриться, что всѣ люди — не больше какъ люди. Для меня такъ человѣческая природа есть оправданіе всего. Событіе— вздоръ, чортъ съ нимъ... Важна личность человѣка, надо дорожить ею выше всего"...

Онъ опять приводитъ, въ видѣ эстетическаго аргумента, стихотвореніе Пушкина—«Подъ небомъ голубымъ страны своей родной» и пр., и продолжаетъ:

„Неужели намъ и теперь быть дѣтьми, которыя такъ жарко вѣрили вѣчности человѣческихъ чувствъ и, утирая кулакомъ кровавыя слезы, повторяли, что жизнь — блаженство, и что намъ чудо какъ хорошо жить. Вчера любилъ, нынче нѣтъ — моя ли вина. Худо и стыдно становиться на ходули, а за все остальное пусть отвѣчаетъ человѣческая натура"...

Въ концѣ октября, Бѣлинскій былъ обрадованъ пріѣздомъ Кольцова, какъ разскажемъ далѣе. К—въ около того же времени уѣхалъ за-границу. Въ октябрьской книгѣ «От. Записокъ» только-что была напечатана статья его о сочиненіяхъ Сары Толстой, надѣлавшая въ то время шуму въ петербургскомъ кружкѣ. Эта книга [1]), изданная въ началѣ 1839 г. и не бывшая въ продажѣ, возбудила тогда особенное вниманіе, какъ оригинальное литературное явленіе, и по личности ея автора. Графиня Сара Толстая была дочь извѣстнаго Ѳ. И. Толстого-Американца; мать ея была цыганка. Это была чрезвычайно талантливая дѣвушка, съ блестящимъ, конечно свѣтскимъ образованіемъ, но фантастическая, нервная до страшно-болѣзненныхъ экстазовъ и ясновидѣній; она умерла въ 1838 г., едва семнадцати лѣтъ отъ роду. Ея сочиненія казались поэтическимъ откровеніемъ женственной природы, въ самой ея сущности, природы, еще нетронутой страстью и опытами жизни. Бѣлинскій былъ также заинтересованъ этимъ явленіемъ. По первымъ впечатлѣніямъ, Бѣлинскій былъ въ вос-

[1]) „Сочиненія въ стихахъ и прозѣ графини С. Ѳ. Толстой". Переводъ съ нѣмецкаго и англійскаго. Москва. Двѣ части.

торгѣ отъ статьи К—ва, и проситъ Боткина написать, какъ ему показалась эта статья и какъ о ней говорятъ въ Москвѣ. «По мнѣ чудесная статья, но есть, особенно вначалѣ, какая-то тяжеловатость». Тутъ же онъ совѣтуетъ Боткину прочесть «Тарантасъ», гр. Соллогуба—«премиленькая вещица»; восхищается «Ночнымъ сторожемъ», Огарева [1]).

Въ слѣдующемъ письмѣ (помѣченномъ 31-го ноября, ошибкой вм. 31 октября), Бѣлинскій въ восторгѣ отъ извѣстій Боткина, который собирался дѣятельно работать для журнала и побуждать къ тому же другихъ московскихъ пріятелей. Бѣлинскій высказываетъ по этому поводу свое мнѣніе о значеніи журнала для нашей публики. Припомнимъ, что онъ разъ уже спорилъ объ этомъ предметѣ съ своимъ другомъ, у котораго было предубѣжденіе противъ журналовъ—объяснявшееся вѣроятно тогдашнимъ характеромъ большинства нашихъ журналовъ.

„Не повѣришь, Боткинъ, я съ ума схожу отъ радости—ты вдвое началъ существовать для меня теперь. Не думай, чтобы это выходило изъ моей *журналоманіи* — увѣряю тебя, что она давно уже прошла, уступивъ мѣсто разумному сознанію и глубокому убѣжденію, что для нашего общества журналъ — все, и что нигдѣ въ мірѣ не имѣетъ онъ такого важнаго и великаго значенія, какъ у насъ. Не болѣе пяти сочиненій разошлось у насъ, во сто лѣтъ, въ числѣ 5000 экз.,—и между тѣмъ есть журналъ съ 5000 подписчиковъ! Это что-нибудь значитъ! Журналъ поглотилъ теперь у насъ всю литературу—публика не хочетъ книгъ — хочетъ журналовъ,—и въ журналахъ печатаютъ цѣликомъ драмы и романы, а книжки журналовъ — каждая въ пудъ вѣсомъ. Теперь у насъ великую пользу можетъ приносить, для настоящаго, и еще больше для будущаго, каѳедра, но журналъ бо́льшую, ибо для нашего общества, прежде науки, нужна человѣчность, гуманическое образованіе“...

Бѣлинскій радуется, «до сумасшествія», что Боткину понравился 10-й № «Отечеств. Записокъ»; онъ проситъ московскихъ друзей работать для журнала, жалуется на Грановскаго, который до сихъ поръ не прислалъ ни строки въ «От. Записки», и не пишетъ ничего ему,—«а я (говоритъ Бѣлинскій) право такъ люблю его, такъ часто думаю о немъ, особенно въ послѣднее время, когда я въ нѣкоторыхъ пунктахъ нашихъ московскихъ съ нимъ споровъ такъ измѣнился, что, при свиданіи, ему нужно будетъ не подстрекать, а останавливать меня». Это—все тѣ споры, которые велъ Бѣлинскій въ Москвѣ, въ концѣ 1839, съ противнымъ кружкомъ, гдѣ Грановскій также былъ противъ Бѣлинскаго.

---

[1]) Семь главъ изъ „Тарантаса“ — въ „От. Зап.“ 1840, № 10; „Деревенскій сторожъ“, Огарева, № 9.

„Чуть было не забылъ, — говоритъ онъ въ концѣ письма: — разсказъ Кольцова о пріемѣ, сдѣланномъ московскою публикой Мочалову, измучилъ меня завистью къ вамъ, свидѣтелямъ его, — и въ Москвѣ не нашлось человѣка, который бы написалъ объ этомъ въ журналъ!..“

Мы говорили прежде о томъ, съ какимъ теплымъ, можно сказать, нѣжнымъ чувствомъ Бѣлинскій относился къ Кольцову. По переѣздѣ Бѣлинскаго въ Петербургъ, они продолжали мѣняться письмами. Кольцовъ по прежнему обращался къ Бѣлинскому какъ моральному авторитету, разсказывалъ ему о своей интимной жизни, которой ни передъ кѣмъ не открывалъ съ такимъ глубокимъ довѣріемъ, отдавалъ на его полный, окончательный судъ свои новыя работы, и съ скромнымъ деликатнымъ чувствомъ ожидалъ его отзыва на свои симпатіи. Мы должны считать извѣстной біографію Кольцова, написанную Бѣлинскимъ; надо только прибавить, что упоминаемый тамъ «московскій другъ» Кольцова (жившій послѣ въ Петербургѣ) былъ самъ Бѣлинскій. Письма Кольцова къ Бѣлинскому остаются еще неизданными, и по ихъ совершенно интимному характеру не могутъ быть изданы въ цѣлости. Нѣкоторые отрывки изъ нихъ включены въ біографію; мы прибавимъ еще нѣсколько выдержекъ, въ особенности такихъ, которыя опредѣляютъ свойство ихъ дружескихъ отношеній и горячую привязанность Кольцова къ Бѣлинскому—недосказанную послѣднимъ.

Приводя письма Кольцова, Бѣлинскій замѣчаетъ однажды: «такъ писалъ онъ всегда, и почти такъ говорилъ. Рѣчь его была всегда нѣсколько вычурна, языкъ не отличался опредѣленностью, но за то поражалъ какою-то наивностью и оригинальностью» [1]). Прибавимъ, что недостатокъ опредѣленности происходилъ отъ непривычки Кольцова къ литературному языку, котораго онъ никогда не слышалъ въ своемъ обыкновенномъ кругу; онъ самъ нерѣдко признавалъ, что ему трудно высказать свою мысль, когда требовалась нѣсколько отвлеченная форма выраженія; а въ той «наивности и оригинальности», которыя затруднялся опредѣлить Бѣлинскій, участвовало между прочимъ удивительное мастерство въ настоящемъ *народномъ* языкѣ, которое даетъ такую силу выраженія поэзіи Кольцова, и нерѣдко выдается «наивными и оригинальными» оборотами рѣчи въ его перепискѣ. Эта черта его языка вѣроятно была еще не совсѣмъ привычна для тогдашняго

---

[1]) Сочин., т. XII, стр. 103.

литературнаго круга, когда въ самой литературѣ было еще немного образчиковъ этого народнаго склада...

Извѣстіе о переѣздѣ Бѣлинскаго въ Петербургъ порадовало Кольцова, но онъ жалѣлъ, что не увидитъ его въ Москвѣ, куда собирался. Первое письмо въ Петербургъ, Кольцовъ писалъ уже въ февралѣ 1840 г. «...Въ Питерѣ вы — часъ добрый! Жить поживать припѣваючи. Каковъ Петербургъ?—Сѣръ, и воздухъ мутенъ, и дни грустны;—на первый разъ онъ, кажется, для всѣхъ таковъ, а обживешься съ нимъ, и получшаетъ, и чѣмъ ужь дальше, тѣмъ лучше, да лучше, а наконецъ и вовсе полюбится... Какъ бы мнѣ хотѣлось теперь хоть маленькую получить отъ васъ вѣсточку!.. Я терплю и думаю, что у васъ шли все такія обстоятельства, что вамъ было не до меня и, можетъ быть, порою часто не до себя, иначе я не могу и думать объ вашемъ долгомъ долгомъ молчаньи. Если и теперь не до меня,—не пишите еще, справляйтесь съ своими внутренними и внѣшними требованіями; Богъ дастъ, придетъ время лучшее, тогда можно поговорить и со мною... Я знаю васъ, и это сознаніе всегда говоритъ мнѣ, также какъ и прежде»... Онъ посылаетъ Бѣлинскому нѣсколько стихотвореній, отдавая на его рѣшеніе — чтó получше напечатать, чтó не хорошо—оставить. О своихъ стихотвореніяхъ Кольцовъ вообще самъ не рѣшался судить, и спрашивалъ обыкновенно мнѣнія Бѣлинскаго, чтó хорошо и чтó дурно. Онъ проситъ дать что-нибудь изъ его пьесъ Плетневу для «Современника»: ему «стыдно» передъ Плетневымъ и редакторомъ «Отеч. Записокъ», которые посылаютъ ему свои книжки, и онъ думаетъ, что мало отплачиваетъ имъ за то своими стихами: «они, положимъ, люди добрые и хорошіе, а все-таки за бумагу и въ типографію, и иногда и (за) пьесы платятъ, я думаю, деньги» (!).

Въ другихъ письмахъ (отрывкахъ) начала 1840 года онъ разсказываетъ Бѣлинскому о своей домашней и дѣловой жизни, которая начинала крайне тяготить его—ему становилась невыносима «матеріальность», торговыя дѣла, какъ они велись въ его кругу, и полное одиночество въ его нравственныхъ интересахъ. Онъ не жалуется, но разсказываетъ, и съ раздраженіемъ сознаетъ, что ему даже становится трудно писать къ Бѣлинскому, съ которымъ такъ хотѣлось бы бесѣдовать; онъ винитъ себя въ недостаткѣ воли, въ малодушіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ думаетъ, что не могъ бы ничего сдѣлать противъ окружающаго, еслибы и захотѣлъ.

«Вотъ и теперь — пишу, а о чемъ? Думать тошно, а силы нѣтъ горю пособить: мнѣ даны отъ Бога море желаній, и съ

кузовокъ души. Я очень знаю, что̀ вы такое, да вамъ надобно того, что̀ часто у меня не дома... Еще и то порою приходило въ мысль, чтобы васъ не безпокоить слишкомъ черезчуръ мелкою дрязгою...; хоть я и давно замѣчалъ въ васъ болѣе во сто разъ (расположенія), чѣмъ въ другихъ, но все-таки боялся: душа темна... Мнѣ возвыситься до вашей дружбы мудрено... я вашъ давно, но вы мои еще недавно». Письмо, полученное отъ Бѣлинскаго, рѣшило въ немъ много сомнѣній и успокоило его; совѣты Бѣлинскаго угадывали то, что̀ было ему нужно... «Вы въ своемъ кружкѣ переродили меня,—говоритъ онъ дальше. Въ послѣднюю поѣздку [1]) много добра захватилъ я у васъ; прежде только и зналъ, что людей проклиналъ, теперь благодарю Бога за жизнь свою. Одно измѣнило мнѣ. Жаль Серебрянскаго; вы одни замѣтили его. Какая прекрасная душа была! Какъ онъ васъ любилъ и уважалъ».

Въ слѣдующемъ письмѣ опять разсказъ о той подавляющей жизни, изъ которой Кольцовъ не зналъ выхода. Петербургскіе друзья думали вызвать Кольцова изъ Воронежа, думали, что онъ можетъ заняться книжной торговлей; редакторъ «Отеч. Записокъ» предлагалъ ему переѣхать въ Петербургъ и взять на себя управленіе конторой журнала [2]). Въ другомъ письмѣ Кольцовъ объясняетъ, отчего ему невозможно было принять этихъ предложеній: всякая, и книжная торговля, безъ большихъ средствъ, по его мнѣнію, непремѣнно связана съ обманомъ, съ тѣми торговыми продѣлками, которыя были ему ненавистны; но, кромѣ того, ему нельзя было покинуть Воронежа, гдѣ отецъ связалъ его денежными обязательствами по своимъ дѣламъ.

Въ концѣ апрѣля 1840 онъ пишетъ Бѣлинскому длинное письмо. Онъ угадалъ причину молчанія Бѣлинскаго—и теперь горячо благодаритъ его за письмо. Онъ смущается тѣмъ, что посланныя имъ пьесы не понравились Бѣлинскому: «вы мною теперь такъ владѣете, что ваше слово—приговоръ». Осенью онъ думалъ быть въ Петербургѣ... Теперь онъ надѣялся отдохнуть недѣли на три; въ Воронежъ пріѣхалъ Мочаловъ: — «и у насъ въ Воронежѣ большой праздникъ, у театра шумъ и давка, — онъ пробудилъ нашъ сонный городъ». Съ Мочаловымъ Кольцовъ былъ знакомъ еще по московскому кружку, и они встрѣтились дружески. Кольцовъ восхищается «Отеч. Записками»: «журналъ — чудо! критика — небывалая; у насъ всѣ хватились читать его, и критику

---

[1]) Въ Москву, въ 1838.

[2]) Ср. Сочин. Бѣл., XII, стр. 110.

преимущественно»; онъ самъ находитъ, что критика въ журналѣ всего лучше. Онъ въ восторгѣ отъ разсказовъ и стихотвореній Лермонтова [1]); находитъ, что Клюшниковъ (—ѳ—) «началъ поправляться, и шибко пошелъ впередъ»; «а К — ва изъ Гейне—Ратклифъ—я не понимаю»... Онъ посылаетъ Бѣлинскому еще рядъ своихъ стихотвореній, съ замѣчаніями, иногда оригинально высказанными [2]). Бѣлинскій думалъ тогда сдѣлать изданіе его стихотвореній; Кольцовъ пишетъ: «но только буду васъ просить при сборѣ книги выбирать однѣ добрыя. (пьесы); а кой-какія слабыя, хотя бы онѣ и были ужъ напечатаны, въ книгѣ не печатать... Людямъ не много толку, что я мѣщанинъ, а надобно, чтобы книга стояла сама за себя, безъ уменьшенія и увеличенія»... Изъ его литературныхъ мнѣній любопытенъ отзывъ о Далѣ: ему пришла мысль передѣлать въ оперу, хоть для чтенія, пьесу Даля «Ночь на распутьи»:—«она писана, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, языкомъ варварскимъ, а матеріалъ драмы—русскій, превосходный»; Кольцовъ видимо не выносилъ искусственно-народнаго языка Даля, и думалъ, что въ передѣлкѣ пьесу Даля, «по крайней мѣрѣ можно было бы прочесть, а то ее теперь и прочесть нельзя».

Въ письмѣ 15 августа, опять очень длинномъ, Кольцовъ радуется на дѣятельность Бѣлинскаго. «Не шутя и не льстя говорю вамъ: давно я васъ люблю, давно читаю ваши мнѣнія, читаю и учусь, но теперь читаю ихъ больше..., и понимаю лучше. Много ужъ они сдѣлали добра, но болѣе сдѣлаютъ... Ваша рѣчь—высокая, святая рѣчь убѣжденія»... О переселеніи изъ Воронежа теперь ему поздно думать; это нужно было сдѣлать, когда былъ помоложе, притомъ у него «нѣту голоса въ душѣ быть купцомъ»; его задушевное желаніе—учиться, прочитать многое, и поѣздить года два по Россіи,—но желаніе это несбыточно. Онъ говоритъ въ этомъ письмѣ подробно, почему нельзя ему взяться за книжную торговлю; онъ объясняетъ, что книжная торговля у насъ ведется обыкновенно на небольшія средства, всякимъ сначала, безъ опыта и образованія—«вотъ основная причина, отчего ваши петербургскіе книгопродавцы все ..... и ....; имъ другими и быть нельзя»... Его отношенія съ отцомъ были, какъ

---

[1]) Тогда печатались въ „Отеч. Зап.“ отрывки изъ „Героя нашего времени“.

[2]) „Пѣсня „Такъ и рвется душа“. Посмотрите на нее: конецъ что-то въ одномъ стихѣ у меня *заломился*“; „Дума 12-я“. Она у меня выскочила въ минуту; если она не изъ чего-нибудь, то пусть будетъ моя. Какъ-то такимъ образомъ у меня не писалось, хоть я и не охотникъ на чужбинку“.

извѣстно, очень тяжелыя, и занятія его литературой давали только лишній поводъ къ привязкамъ и попрекамъ. «Мнѣ отъ него и такъ достается довольно, — говоритъ Кольцовъ [1]). Чуть маломальски, чтó не такъ, такъ ворчитъ и сердится. Вы—говоритъ—все по книжному, да по печатному, народъ грамотный, ума палата... Вы боитесь за меня, — продолжаетъ далѣе Кольцовъ, — чтобы я скоро не потерялся [2]); это правда, и такая правда, какою она лишь можетъ быть. Не только черезъ пять лѣтъ, даже скорѣе, живя такъ—и въ Воронежѣ. Но что-жъ дѣлать? буду жить, пока живется»... «А что въ 1838 году я въ Москвѣ написалъ такъ много и хорошо, — это потому, во-первыхъ, что я былъ съ вами и съ людьми, которые собою меня каждый день настраивали; во-вторыхъ, я почти не дѣлалъ ничего и былъ празденъ, тяготило до смерти одно дѣло, но одно дѣло не больше... А живя въ Воронежѣ, кругомъ меня другой народъ, татаринъ на татаринѣ... а дѣлъ беремя... и я кàкъ еще пишу, и для чего пишу? Только для васъ для однихъ. А здѣсь я за писаніе терплю больше оскорбленій, чѣмъ снисхожденій; всякій подлецъ такъ на меня и лѣзетъ: дескать, писакѣ-то и крылья ошибить... А что я пишу не все хорошо, вы объ этомъ сказали правду тоже. Почему же у меня идутъ пьесы не всѣ хороши? Онѣ всегда шли такъ, но прежде былъ Серебрянскій: онъ дурныя рвалъ, а теперь онѣ всѣ идутъ къ вамъ». Онъ приходитъ къ мысли, что ему недостаетъ въ особенности впечатлѣній искусства; ему хотѣлось бы послушать музыки, повидать живописи и скульптуры; Петербургъ и Москва (т.-е. единственные города, гдѣ можно было бы найти умственную жизнь и впечатлѣнія общества), какъ ему казалось, «своимъ величествомъ способствуютъ силамъ человѣка»; наконецъ, театръ... Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ свиданія съ Бѣлинскимъ: «ахъ, дай-то Богъ, чтобъ оно скоро исполнилось; рвется моя душа видѣть васъ и слушать васъ»... «Въ Москвѣ не засижусь»,—прибавляетъ онъ въ концѣ письма; тамъ онъ думалъ видѣть только Боткина, Мочалова и Щепкина:—«да еслибъ Богъ далъ увидѣть Гоголя: застану въ Москвѣ — и не знакомъ, а ужъ пойду къ нему»...

Къ этому письму приложена извѣстная прекрасная пѣсня: «Въ непогоду вѣтеръ воетъ, завываетъ»;—припомнивъ ее, читатель можетъ увидѣть, какъ близко она передавала его собственное страданіе и тяжкую борьбу «съ горемычной долей».

---

[1]) Ср. далѣе выписку у Бѣлинскаго, XII, стр. 110—111.

[2]) Т.-е. что жизнь въ Воронежѣ окончательно надломитъ его.

Бѣлинскій также съ нетерпѣніемъ ждалъ своего поэта.

„Бѣдный Кольцовъ, какъ глубоко страдаетъ онъ,—пишетъ Бѣлинскій къ Боткину отъ 5 сентября.—Его письмо потрясло мою душу. Все благородное страждетъ — одни скоты блаженствуютъ, но тѣ и другіе равно умрутъ: таковъ вѣчный законъ Разума. Ай да разумъ! Какъ пріѣдетъ въ Москву Кольцовъ, скажи, чтобы тотчасъ же увѣдомилъ меня; а если поѣдетъ въ Питеръ, чтобы прямо ко мнѣ и искалъ бы меня на Васильевскомъ острову (слѣдуетъ адресъ)... У меня теперь большая квартира, и намъ съ нимъ будетъ просторно“...

Къ началу октября Кольцовъ, кажется, былъ уже въ Москвѣ. Бѣлинскій пишетъ къ Боткину отъ 4 октября:

„Кольцова разцалуй и скажи ему, что жду не дождусь его пріѣзда, словно свѣтлаго праздника. К—въ умираетъ отъ желанія хоть два дни провести съ нимъ вмѣстѣ. Скажи, чтобъ пріѣзжалъ прямо ко мнѣ, нигдѣ не останавливаясь ни на минуту, если не хочетъ меня разобидѣть“. (Слѣдуетъ подробный адресъ).

Кольцовъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ октябрѣ и пробылъ, кажется, до конца ноября; онъ прожилъ это время у Бѣлинскаго [1]). Въ письмѣ къ Боткину, отъ 25 окт., Бѣлинскій замѣчаетъ: «Кольцовъ живетъ у меня—мои отношенія къ нему легки, я ожилъ немножко отъ его присутствія. Экая богатая и благородная натура!»

По возвращеніи въ Москву, на обратномъ пути домой, Кольцовъ писалъ Бѣлинскому отъ 15 декабря:—«Вамъ до послѣдней степени кажется невѣроятнымъ мое долгое молчанье. 18 дней я живу въ Москвѣ и къ вамъ еще ни слова. Да, мнѣ самому это ужъ показалось очень страннымъ. Но или такъ у меня въ натурѣ, или поѣхавши изъ Питера мнѣ было очень горько: разстаться съ вами прежде было дѣломъ обыкновеннымъ, теперь не такъ. Я какъ долго не могъ привыкнуть, что уѣхалъ, ѣду, въ Москвѣ—и васъ со мною нѣту». Петербургъ на этотъ разъ мало его занималъ, и ничего въ немъ не оставилъ; проигрышъ дѣла сильно отяготилъ его; но въ Москвѣ посѣтила «полная жизнь», онъ сталъ писать, и написанное посылалъ съ письмами... Онъ разсказываетъ ему московскія новости, о Боткинѣ, Красовѣ, Аксаковыхъ, Щепкинѣ, родныхъ Бѣлинскаго. Въ Боткинѣ онъ замѣтилъ нѣкоторую перемѣну—онъ сталъ мягче и ближе къ Кольцову; послѣдній понялъ, что вѣроятно это происходило отъ писемъ Бѣлинскаго, и жалѣлъ, что Бѣлинскій это сдѣлалъ, т.-е.

1) Въ біографіи Кольцова, Бѣлинскій считаетъ три мѣсяца, но по письмамъ этого не выходитъ. Соч. XII, стр. 111.

писалъ къ Боткину о немъ: онъ не хотѣлъ никакого натянутаго чувства. «И я сначала бывалъ у него не очень часто, несмотря на то, что онъ былъ ко мнѣ всегда хорошъ; но потомъ увидѣлъ, что... есть у него свое для меня мѣстечко особенное, тутъ мнѣ стало легче, и я бывать началъ чаще». Боткину очень понравилась статья Бѣлинскаго о театрѣ [1]): «онъ ее прочелъ пожирая». «За критику о Ломоносовѣ въ Москвѣ люди стараго времени васъ бранятъ на чемъ свѣтъ стоитъ»... [2]). Наконецъ, Кольцовъ опять обращается къ Бѣлинскому, разспрашиваетъ объ его дѣлахъ. «У васъ теперь, я думаю, самая головоломная работа и много непріятностей, это я особенно представляю. И дай Богъ, чтобъ обманулся. Какъ ни вспомню я о васъ, все мнѣ что-то дѣлается грустно, и на что ни смотрю, все темно, кромѣ— если сладили съ Плетневымъ»... Повидимому, Бѣлинскій думалъ тогда искать себѣ черезъ Плетнева уроковъ. «Мнѣ какъ-то теперь вы все сдѣлались ближе, и каждая ваша боль больна и мнѣ. Когда же прояснится вашъ горизонтъ? Или онъ чистъ и теперь? Напишите, вы меня обрадуете. А мое долгое молчаніе простите... Ахъ, еслибъ къ вамъ скорѣе! Еслибъ знали, какъ не хочется мнѣ ѣхать домой, — такъ холодомъ и обдаетъ при мысли ѣхать туда»...

Другое письмо Кольцовъ писалъ Бѣлинскому, отъ 10-го января 1841. Кольцовъ встрѣтилъ новый годъ у Боткина, въ кругу его московскихъ друзей, гдѣ былъ и Грановскій, Щепкинъ, К—ръ, Красовъ, Ключниковъ, Лангеръ, Крюковъ, Сатинъ и др. Встрѣча была шумная и веселая. Но это не развлекло тоски въ Кольцовѣ, и онъ снова обращается къ Бѣлинскому съ выраженіями своего сочувствія, которое все сосредоточилъ на немъ. «Да, милый В. Г., гдѣ вы, тамъ для меня жизнь всегда теплѣе, а гдѣ васъ нѣтъ—другое дѣло. Чѣмъ больше проходитъ время, тѣмъ больше эта истина доказывается опытомъ. Я теперь яснѣй началъ чувствовать, какъ цѣлый міръ иногда можетъ сосредоточиваться въ одномъ человѣкѣ. Кажется, скоро придетъ пора, что вы для меня замѣните всѣхъ и все. Моя душа часто начала говорить про это и никуда не просится жить, какъ къ вамъ. Когда-то придетъ это время, когда можно будетъ мнѣ это сдѣлать не словами, а дѣломъ! Боже сохрани, если Воронежъ по-

---

[1]) Соч. IV, стр. 151 и слѣд. „От. Зап.“, 1840, № 10 и 11.

[2]) Эта была небольшая библіографическая статья по поводу изданія сочиненій Ломоносова,—гдѣ Бѣлинскій рѣшился сказать, что „Ломоносовъ не поэтъ“ (Сочин. IV, стр. 46 и слѣд. „От. Зап.“ 1840, кн. 11).

чему-нибудь меня удержитъ у себя еще надолго — я тогда пропалъ». Нѣкоторыя изъ его новыхъ стихотвореній Бѣлинскому понравились, и онъ въ восторгѣ: «получилъ ваше письмо, прочелъ, и подо мной земля загорѣлась».

Еще одно длинное письмо изъ Москвы Кольцовъ писалъ 27 января. Въ его біографіи приведена выписка изъ этого письма, гдѣ Кольцовъ говоритъ о своемъ безвыходномъ положеніи и страшной необходимости ѣхать домой [1]). Прибавимъ къ этому еще два-три отрывка. Письмо это любопытно, между прочимъ, одной чертой привязанности Кольцова къ Бѣлинскому. Проживъ у него въ Петербургѣ довольно долго, Кольцовъ видѣлъ всѣ подробности его образа жизни, его домашняго холостого быта. Теперь Бѣлинскій упомянулъ въ письмѣ, что ему въ послѣднее время измѣнило здоровье. Кольцовъ принялъ извѣстіе съ большой заботой, и, гораздо болѣе Бѣлинскаго привычный къ практическимъ сторонамъ жизни, онъ посвящаетъ большую долю письма домашнимъ интересамъ Бѣлинскаго, даетъ ему практическіе совѣты и о хозяйствѣ, и о нужной ему гигіенѣ и т. д., все это самымъ серьёзнымъ образомъ, какъ заботливый дядька. Это — почти трогательно, и иногда немного забавно. Онъ принимался даже лечить Бѣлинскаго... Относительно своихъ дѣлъ, онъ продолжаетъ думать, что ему нельзя сдѣлаться книгопродавцемъ, какъ ему предлагали это друзья его въ Петербургѣ [2]).

Боткинъ въ это время уѣхалъ по дѣламъ въ Харьковъ. Кольцовъ безъ него скучалъ еще больше. Въ письмѣ онъ высказываетъ слѣдующее сужденіе о Боткинѣ: — «Москва въ литературной жизни совсѣмъ устарѣла, выжилась. Можетъ, и есть кружки молодыхъ людей, но я ихъ не знаю. Въ ней остается одинъ Василій Петровичъ (Боткинъ). Забрось онъ и послѣдніе обломки, — стараго, талантливаго, горячаго, вдохновеннаго кружка какъ не бывало. Все разсыпится врозь и едва ли когда опять соберется. Кажется, никогда». Другими словами, Кольцовъ думалъ, что Боткинъ остался въ Москвѣ единственнымъ человѣкомъ, около котораго могъ со-

---

[1]) Сочин. XII, стр. 112—113.

[2]) Говоря, что ему рѣшительно нельзя жить дома, въ своемъ кругу, онъ замѣчаетъ: „... Даже жить въ Петербургѣ, быть книгопродавцемъ, значитъ, быть Поляковымъ, а иначе нельзя. Каковы люди, таковъ и купецъ. Онъ не самъ по себѣ гадокъ и плутъ, а такимъ его выработываютъ люди, съ которыми онъ имѣетъ сдѣлки. Кто въ Петербургѣ честенъ? Кто въ Москвѣ честенъ изъ нихъ? — Никто“... и проч. Поляковъ — тотъ самый книгопродавецъ, который держалъ тогда контору „От. Записокъ“ и живо изображенъ въ „Воспоминаніяхъ“ Панаева. „Соврем.“ 1861, кн. II, стр. 47—48.

бираться старый кружокъ и тѣмъ поддерживать нравственную солидарность и единство дѣятельности. Это было до извѣстной степени справедливо. Любопытны и другія его мнѣнія. «До смерти радъ,—пишетъ онъ,—что «От. Записки» идутъ хорошо. Первый нумеръ хорошъ, и здѣсь его читаютъ, и даже кой-кто не говорятъ, что́ читаютъ:—мы еще не видали, а дальше, смотришь, и проговорятся, что это въ немъ ни на что не похоже... О вашей статьѣ [1]) ходятъ сужденія разныя. Одни, и весьма немногіе, говорятъ, что первая половина хороша, а вторая ужъ очень нахальна; другіе удивляются, какъ ее напечатали, и видятъ въ ней вещи небывалыя; ну, а все,—критику, библіографію и смѣсь читаютъ исключительно».. Въ Москвѣ былъ тогда слухъ, будто бы Бѣлинскій отказывается отъ «От. Записокъ»; многимъ этотъ слухъ былъ очень пріятенъ. Повидимому, что-то подобное такому намѣренію дѣйствительно было, и Кольцовъ, узнавши источникъ слуха, жалѣетъ, что Бѣлинскій подалъ къ нему поводъ. «Напрасно вы Савельеву говорили, что вы отъ «От. Записокъ» отказались; это вездѣ разнеслось; вы человѣкъ сдѣлались теперь такой, котораго втайнѣ всѣ любятъ и боятся. Ваши мнѣнія всѣ читаютъ, и они стали приговоромъ; противъ нихъ скоро никто выйтить не захочетъ, да и не сможетъ. Ну, а въ случаѣ, если вы себѣ сломите шею, то многіе будутъ очень рады, и въ ихъ сожалѣніи будетъ выражаться душевная радость. На васъ глаза всѣхъ обращены, и ваше мѣсто торжественно и шатко. Одно мнѣ больше всего у васъ нравится, особенно теперь,—что вы можете безпощадно мстить людямъ за ихъ эгоизмъ. Особенно—гнили стараго вѣка. Они всѣ стоятъ на важныхъ ступеняхъ, а пользы отъ нихъ ни на алтынъ. Они чужое право присвоили себѣ. Если человѣкъ завладѣлъ общимъ интересомъ, то и выполняй дѣло, какъ оно требуетъ, или откажись, или передай его другимъ, когда нѣтъ силъ дѣлать пользу»...

Затѣмъ новыя письма Кольцова были писаны уже изъ Воронежа. Свиданіе его съ Бѣлинскимъ было послѣднее.

Съ декабря 1840 до января 1841, идетъ рядъ длинныхъ писемъ, которыми завершается переломъ въ понятіяхъ Бѣлинскаго, и съ которыхъ можно считать новый періодъ его литературной жизни. Всѣ старые вопросы, занимавшіе его мысль, являются предъ нимъ

[1]) „Русская литература въ 1840 году", „От. Зап." 1841, кн. 1; Сочин. т. IV, стр. 195 и слѣд.

совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ; онъ остается идеалистомъ,—такова была его природа,—но его идеализмъ перестаетъ уже быть чисто отвлеченнымъ и, покидая область полу-фантастическихъ мечтаній о полнотѣ «абсолютной жизни», находитъ болѣе серьёзныя задачи въ дѣйствительномъ мірѣ, въ обществѣ. Первые шаги въ этомъ направленіи были до послѣдней степени тяжелы для Бѣлинскаго. Та дѣйствительность, относительно которой онъ чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ, которую считалъ «разумной»,—почему и находилъ себя вправѣ думать только о высшихъ интересахъ личной жизни и отвлеченныхъ интересахъ искусства,—эта дѣйствительность, при ближайшемъ знакомствѣ, ужаснула его, и весь тотъ запасъ нравственныхъ стремленій къ высокому, пламенной любви къ правдѣ, обратился теперь на скорбь объ этой дѣйствительности, на борьбу съ ея зломъ, на защиту достоинства человѣческой личности, безпощадно попираемаго этой дѣйствительностью. Новая задача была еще труднѣе прежней; Бѣлинскому былъ неясенъ самый путь, которымъ слѣдовало идти къ ея опредѣленію,—и здѣсь открывается рядъ колебаній, постоянной работы мысли, порывовъ чувства, увлеченій, ошибокъ,—но онъ не пугался трудностей, не устрашался никакими послѣдствіями мысли, и—увлекалъ за собой современное ему поколѣніе. Въ ряду дѣятелей того времени, собравшихся въ новомъ дружескомъ кружкѣ, было немало людей высоко-талантливыхъ,—но руководящей силой былъ именно Бѣлинскій. Его внутренняя исторія этого времени есть психологическая исторія цѣлаго поколѣнія. Страсть, съ которой онъ воспринималъ идею, и буквально «болѣлъ» ею, дѣлала его самымъ энергическимъ ея представителемъ, и дала ему его глубокое нравственное вліяніе.

Указанное время было исполнено особеннаго нравственнаго возбужденія, и потому опять особенно обильно письмами. Чѣмъ сильнѣе была внутренняя работа, тѣмъ больше была потребность высказаться; можно сказать, что этимъ самымъ Бѣлинскій уяснялъ самому себѣ внутренніе процессы своей мысли: излагая мысль, онъ долженъ былъ давать ей опредѣленность, завершалъ ее такъ сказать, и шелъ далѣе, къ новымъ примѣненіямъ и послѣдствіямъ; при постоянной работѣ надъ опредѣленіями, случалось, что доканчивая письмо, онъ уже не былъ доволенъ началомъ,—мысль его уже успѣла измѣниться, пока онъ писалъ свои длинныя посланія...

Приводимъ опять лишь существенныя мысли, по необходимости оставляя множество частныхъ и личныхъ подробностей.

Въ письмѣ 10-го декабря Бѣлинскій начинаетъ изъявленіемъ

своей радости «скорому свиданію», о которомъ писалъ ему Боткинъ: «у меня всѣ жилки задрожали отъ этой мысли». Но онъ не знаетъ, говоритъ ли Боткинъ о Рождествѣ или о Пасхѣ, когда долженъ былъ онъ пріѣхать въ Петербургъ: «если ты разумѣешь Пасху,—то, Боткинъ, ради всѣхъ святыхъ, не напоминай мнѣ объ этомъ *скоромъ* свиданіи, до котораго мы успѣемъ съ тобою сто разъ умереть. Вѣдь это передъ окончаніемъ зимы въ Питерѣ—да это цѣлая вѣчность!»

Бѣлинскій поздравляетъ своего друга съ «воскресеніемъ». Боткинъ писалъ ему, что преодолѣлъ упадокъ духа, навлеченный неблагопріятнымъ концомъ своей сердечной исторіи, чувствуетъ въ себѣ свѣжесть, потребность дѣятельности, и Бѣлинскій въ восторгѣ, что онъ вышелъ изъ царства фантазіи и призраковъ, и совѣтуетъ ему окончательно разорвать всѣ нити, связывающія его съ этимъ прошлымъ. Ихъ тѣсная нравственная связь дѣлала то, что личная жизнь каждаго была общимъ опытомъ, и исторія Боткина давала свой результатъ и Бѣлинскому:—

„Твоя исторія довершила давно уже начавшійся во мнѣ переворотъ. Я наконецъ сбросилъ съ себя всѣ идиллическія и буколическія пошлости... я уже потерялъ всякую охоту толковать (и даже мечтать) о любви и женщинѣ... Я понимаю теперь любовь очень просто. Ея основа — разность половъ, а причина выбора—гармонія натуръ и капризъ субъективности. Черезъ это я нисколько не исключаю ни мистики сердечной, ни лиризма чувства, ни сладкаго и таинственнаго волненія надеждъ, сомнѣній, предчувствій и т. п.“...

Но женщина — не есть только женщина, и мужчина — не только мужчина; каждый изъ нихъ при этомъ человѣкъ, существо духовное, и потому соединеніе ихъ есть «тайна, но тайна свѣтлая, какъ лучъ солнечный, здоровая и не расплывающаяся въ пустотѣ мистическихъ призраковъ и Аксаковскаго идеализма». Онъ уже не вѣритъ предопредѣленію въ любви...

„Некогда много толковать объ этомъ, да въ письмѣ не выскажешь и вполовину того, что́ хочешь, но только я понимаю это дѣло *очень просто* и вмѣстѣ съ тѣмъ очень *человѣчески*. Я уже не покloняюсь женщинѣ, какъ рабъ деспоту, какъ дикарь божеству своему. Если я возьму отъ нея любовь ея, то не какъ милость божества недостойной его твари, а какъ слѣдующее мнѣ по праву, и за что я могу заплатить еще съ лихвою, дать гораздо больше. Мужчина, когда женится, теряетъ много—свою свободу, энергію своей борьбы съ дѣйствительностію, которой тогда принужденъ бываетъ уступать иногда, прирастаетъ, какъ улитка, къ одному мѣсту... Женщина, выходя за-мужъ, ничего не теряетъ, но все выигрываетъ: изъ семейства, гдѣ съ каждымъ годомъ становится болѣе и болѣе чужою... тягостнымъ бременемъ, переходитъ она въ свой домъ, госпожою,

свободно и законно предается влеченію сердца и требованіямъ натуры... Далѣе: женщина слабѣйшій организмъ, низшее существо, чѣмъ мужчина. Лучшая изъ женщинъ хуже лучшаго изъ мужчинъ. Въ женщинѣ какъ-то нѣтъ середины — или глубока, или совсѣмъ мелка и ничтожна. Въ самыхъ лучшихъ изъ нихъ много чего-то ничтожнаго."

Онъ приводитъ въ примѣръ одну женщину — «чудное созданіе, брилльянтъ своего пола», — которая однако, не принявъ любви человѣка достойнаго, предпочла человѣка ничтожнаго, съ которымъ и была несчастна. Свой идеалъ Бѣлинскій указываетъ въ дѣвушкѣ, видѣнной имъ въ прежнія времена.

„...Лучшей я не встрѣчалъ. Красота, грація, женственность, гуманизмъ, доступность изящному и всему человѣческому въ жизни и въ искусствѣ, стыдливость, готовность скорѣе умереть, чѣмъ перенести безчестіе, способность къ простой, дѣтской, но безконечной преданности къ избранному — вотъ стихіи, изъ которыхъ она была составлена и лучше этого ничего нельзя вообразить.

„...Да, я наконецъ созналъ, что быть мужчиною чего-нибудь да стоитъ. Каковъ бы я ни былъ, но я борюсь съ дѣйствительностію, вношу въ нее мой идеалъ жизни... Ей-Богу не лгу — меня теперь больше мучитъ одиночество, чѣмъ мечта о любви и женщинѣ. Борьба съ дѣйствительностію снова охватываетъ меня и поглощаетъ все существо мое.

„Чтобы дополнить тебѣ мой теперешній взглядъ на любовь и женщину, скажу тебѣ, что абсолютное осуществленіе того и другого вижу въ „Патфайндерѣ". Мабель—вотъ истинная женщина, чуждая всякой мелочности, нормальная и простая въ глубокости своей. Колоссальное величіе Патфайндера и его глубокая любовь къ ней не заслонили отъ нея добраго, простого и возвышеннаго Джаспера; понявъ перваго, оцѣнивъ его чувство и отдавъ ему полную дань женскаго состраданія, она отдалась Джасперу безъ всякаго сценизма и эффектовъ. Въ ней нѣтъ мечтательности, магнетизма и мистицизма, —она почти ничего не говоритъ во всемъ романѣ, — но, Боже мой, что́ же это за созданіе! Оно такъ божественно, что не смѣю вѣрить, чтобы могло существовать и въ дѣйствительности, а не быть только мечтою великаго художника. Что передъ нею всѣ нѣмки и всѣ обожательницы Жанъ-Поля, Гофмана и Шиллера?"

Письмо продолжается на слѣдующій день въ шутливомъ тонѣ, въ которомъ Бѣлинскій очень часто говорилъ съ своимъ другомъ, и который можетъ быть указанъ для образчика.

„Вотъ тебѣ, Б., цѣлая диссертація о любви и женщинѣ. Желаю, чтобы ты прочелъ ее съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ я писалъ ее. Повѣришь ли: вчера былъ прекрасный вечеръ для меня— я забылъ все, и видѣлъ только тебя, читающаго эти строки и помавающаго лысою главою во знаменіе того, какъ твой неистовый другъ перепрыгиваетъ изъ одной крайности въ другую. Но диссер-

тація еще не кончилась, она должна быть длинна, потому что она послѣдняя объ этомъ предметѣ, — и крайность еще только начинается. Смѣйся надо мною, лукаво улыбайся и качай во всю ивановскую лысымъ вмѣстилищемъ своего разума, но вотъ те Христосъ, а я чуть ли ужъ не презираю женщину. Скудельный сосудъ, исполненный лукавства—орудіе слабаго, мелкаго тщеславія, кокетства. Онѣ не оцѣняютъ любви и презираютъ тѣхъ, кто искренно, беззавѣтно ихъ любитъ, преклоняется предъ ними, какъ предъ божествами. Онѣ любятъ, чтобы ихъ обманывали, льстя имъ и въ то же время тиранствуя надъ ними. „Чѣмъ меньше женщину мы любимъ, тѣмъ больше нравимся мы ей", сказалъ Пушкинъ. Вотъ причина, почему съ лучшими изъ нихъ такъ часто удается наглецамъ и фатамъ. Часто, чтобы обратить на себя любовь женщины, надо сдѣлать видъ, что любишь другую: оскорбленное мелкое самолюбіе, вѣрнѣе твоей любви, предастъ ее въ твою волю и полное распоряженіе... Мнѣ кажется, что греки лучше насъ понимали жизнь и женщину... Право, если чѣмъ можно упиться въ жизни, такъ это греческія отношенія въ любви. Римскія элегіи Гёте — самый лучшій катихизисъ любви, и за нихъ я люблю Гёте больше, чѣмъ за все остальное, написанное имъ..."

Онъ ждетъ, что Боткинъ разбранитъ его за все это, и впередъ обѣщаетъ, что нисколько не будетъ сердиться на то. Другими словами, онъ сознаетъ, что передаетъ ему только минутное настроеніе, которое не останется его окончательнымъ взглядомъ. Далѣе, послѣ перерыва сюжета, онъ продолжаетъ уже въ другомъ, болѣе серьезномъ тонѣ размышленія свои о жизни и о своемъ прошедшемъ. Онъ рѣшается высказать свой окончательный разрывъ съ прошедшимъ и новое направленіе своей мысли:

„Однакожъ, чортъ возьми, я ужасно измѣняюсь; но это не страшитъ меня, ибо съ пошлою дѣйствительностію я все болѣе и болѣе расхожусь, въ душѣ чувствую больше жару и энергіи, больше готовности умереть и пострадать за свои убѣжденія. Въ прошедшемъ меня мучатъ двѣ мысли: первая, что мнѣ представлялись случаи къ наслажденію, и я упускалъ ихъ, вслѣдствіе пошлой идеальности и робости своего характера; вторая: мое гнусное примиреніе съ гнусною дѣйствительностію. Боже мой, сколько отвратительныхъ мерзостей сказалъ я печатно, со всею искренностію, со всѣмъ фанатизмомъ дикаго убѣжденія! Болѣе всего печалитъ меня теперь выходка противъ Мицкевича, въ гадкой статьѣ о Менцелѣ [1]: какъ! отнимать у великаго поэта священное право оплакивать паденіе того, чтó дороже ему всего въ мірѣ и въ вѣчности — его родины... И этого-то благороднаго и великаго поэта назвалъ я печатно крикуномъ, поэтомъ риемованныхъ памфлетовъ! Послѣ этого всего тяжелѣе мнѣ вспомнить о „Горѣ отъ ума", которое я осудилъ съ художественной

---

[1]) Сочин., ч. III, изд. 2-е, стр. 315—316. „От. Записки", 1840, № 1, Науки.

точки зрѣнія и о которомъ говорилъ свысока, съ пренебреженіемъ [1]), не догадываясь, что это—благороднѣйшее, гуманическое произведеніе, энергическій (и при томъ еще первый) протестъ противъ гнусной расейской дѣйствительности, противъ чиновниковъ, взяточниковъ, баръ-развратниковъ, противъ... свѣтскаго общества, противъ невѣжества, добровольнаго холопства *и пр. и пр. и пр.*"

Онъ вспоминаетъ другія подобныя идеи, которымъ нѣкогда придавалъ абсолютное значеніе, и восклицаетъ: «неужели *я* говорилъ *это?*»

„Конечно, идея, которую я силился развить въ ст. по случаю книги Гл. „О Брд. Ср.", вѣрна въ своихъ основаніяхъ, но должно было бы развить и идею отрицанія, какъ историческаго права, не менѣе перваго священнаго, и безъ котораго исторія человѣчества превратилась бы въ стоячее и вонючее болото,—а если этого нельзя было писать, то долгъ *чести* требовалъ, чтобы ужъ и ничего не писать. Тяжело и больно вспомнить! А дичь, которую изрыгалъ я въ неистовствѣ... противъ французовъ—этого энергическаго, благороднаго народа, льющаго кровь свою за священнѣйшія права человѣчества...? Проснулся я — и страшно вспомнить мнѣ о моемъ снѣ... А это насильственное примиреніе съ гнусною расейскою дѣйствительностію..."

Опускаемъ еще страстную тираду объ этой дѣйствительности, которая теперь представала предъ Бѣлинскимъ. Теперь онъ совершенно иначе думаетъ о либерализмѣ, который считалъ прежде только крикливымъ легкомысліемъ...

„Идея либерализма въ высшей степени разумная и христіанская, ибо его задача—возвращеніе правъ личнаго человѣка, возстановленіе человѣческаго достоинства, и самъ Спаситель сходилъ на землю и страдалъ на крестѣ за *личнаго человѣка*. Конечно, французы не понимаютъ абс. (абсолютнаго) ни въ искусствѣ, ни въ религіи, ни въ знаніи,—да не это ихъ назначеніе; Германія—нація абсолютная, но государство позорное... Конечно, во Франціи много крикуновъ и фразеровъ, но въ Германіи много гофратовъ, филистеровъ, колбасниковъ и другихъ гадовъ. Если французы уважаютъ нѣмцевъ за науку и учатся у нихъ, за то и нѣмцы догадались наконецъ, что́ такое французы,—и у нихъ явилась эта благородная дружина энтузіастовъ свободы, извѣстная подъ именемъ „юной Германіи", во главѣ которой стоитъ такая чудная, такая прекрасная личность, какъ Гейне, на котораго мы нѣкогда взирали съ презрѣніемъ, увлекаемые своими дѣтскими, односторонними убѣжденіями. Чортъ знаетъ, какъ подумаешь, какими зигзагами совершалось мое развитіе, цѣною какихъ ужасныхъ заблужденій купилъ я истину, и какую горькую истину,—что все на свѣтѣ гнусно, а особенно вокругъ насъ... Ты помнишь мои первыя письма изъ Питера — ты писалъ ко мнѣ,

---

[1]) Сочин., III, стр. 341—438. „От. Зап." 1840, № 1, Критика.

что онѣ производили на тебя тяжелое впечатлѣніе, ибо въ нихъ слышался скрежетъ зубовъ и вопли нестерпимаго страданія: отъ чего же я такъ ужасно страдалъ?—отъ дѣйствительности, которую называлъ разумною и за которую ратовалъ... Странное противорѣчіе! Къ пріѣзду К—ва я былъ уже приготовленъ,—и при первой стычкѣ съ нимъ, отдался ему въ плѣнъ безъ противорѣчія. Смѣшно было; хотѣлъ спорить, и вдругъ вижу, что ужъ нѣтъ ни силъ, ни жару, а черезъ $^1/_4$ часа, вмѣстѣ съ нимъ, началъ ратовать противъ всѣхъ, сбитыхъ съ толку мною же...“

Изъ этихъ словъ становится между прочимъ ясно, что Бѣлинскій приходилъ къ своему новому образу мыслей совершенно самостоятельно, безъ постороннихъ вліяній. К—въ, если не ошибаемся, пріѣхалъ въ Петербургъ лѣтомъ 1840 года. Но въ чемъ Бѣлинскій былъ «приготовленъ» къ его пріѣзду, и какой именно былъ предметъ ихъ «стычки», намъ не совсѣмъ ясно...

Конецъ письма занятъ литературными предметами, и здѣсь упоминается уже объ одномъ изъ главныхъ его антагонистовъ, который въ 1840 году поселился въ Петербургѣ, и бесѣдахъ съ нимъ, такъ что повидимому между ними уже произошло объясненіе и примиреніе...

Бѣлинскій заинтересованъ былъ въ это время сочиненіемъ г-жи Джемсонъ, заключавшимъ характеристики и портреты Шекспировскихъ героинь, которое Боткинъ думалъ изложить для «Отеч. Записокъ» [1]. Его интересуютъ также, хотя меньше нежели Джемсонъ, статьи извѣстнаго въ свое время нѣмецкаго критика Рётшера о Шекспирѣ, и объ извѣстномъ романѣ Гёте, Wahlverwandschaften, о которомъ шли тогда у нашихъ друзей большіе толки. «Г. кричитъ противъ ст. Рётшера о Wahlverwandschaften и—знаешь ли что? — мнѣ хочется съ нимъ согласиться». Бѣлинскому не нравится въ Рётшерѣ его уваженіе къ «субстанціальнымъ элементамъ жизни»—«можетъ быть потому, прибавляетъ онъ, что я теперь въ другой крайности». Въ одной статьѣ Рётшера о Шекспирѣ Бѣлинскаго даже оскорбилъ взглядъ Рётшера на Люцію, которая, не любя Флоуэрдаля, гоняется за нимъ въ качествѣ вѣрной жены [2]. «Для меня,—говоритъ Бѣлинскій,—баядерка и гетера лучше вѣрной жены безъ любви», и взглядъ

---

[1]) Онѣ появились въ „Отеч. Зап.“ 1841, № 2: „Женщины, созданныя Шекспиромъ“—изъ сочиненій г-жи Джемсонъ (Shakspear's female Characters, by Mrs. Jameson).

[2]) Бѣлинскій разумѣетъ статью Рётшера, взятую, кажется, изъ Hallische Jahrbücher; „Четыре новыя драмы, приписываемыя Шекспиру“, перев. въ „От. Зап.“ 1840, кн. 11. Здѣсь рѣчь идетъ о драмѣ: „Лондонскій Блудный Сынъ“.

сенъ-симонистовъ на бракъ кажется ему лучше взгляда гегелевскаго, или того, который онъ принималъ за гегелевскій.

Онъ даже готовъ согласиться съ своимъ прежнимъ антагонистомъ, что Рётшеръ не понялъ романа Гёте, что этотъ романъ—не апологія, а скорѣе протестъ противъ брака; и припоминаетъ возраженіе Баумана Рётшеру, что коллизія, здѣсь изображенная, произошла именно потому, что бракъ былъ не дѣйствителенъ въ смыслѣ разумности... Такъ завершался для Бѣлинскаго давнишній вопросъ о Рётшерѣ и романѣ Гёте.

Онъ пишетъ Боткину, чтобы тотъ убѣдилъ Кронеберга перевесть «Лира», который былъ «опозоренъ» у насъ переводомъ Якимова и передѣлкою Каратыгина. На извѣстіе Боткина, что онъ «погрузился въ греческій міръ», Бѣлинскій отвѣчаетъ, что онъ самъ блаженствовалъ цѣлый вечеръ за греческой поэзіей, и выписываетъ длинный отрывокъ изъ гимна Гезіода къ музамъ [1]), изъ разсужденія Платона о красотѣ, которыя привели его въ восторгъ. Онъ завидуетъ «счастливцу Кудрявцеву», которому далась греческая грамота.—Далѣе, снова любопытный отзывъ о его прежнемъ противникѣ.

„Бога ради, Б., пиши скорѣе о Прометеѣ — это у насъ и ново, и полезно, а я просто съ ума сойду отъ твоей статьи — даю тебѣ впередъ честное слово... Не можешь представить, какъ я радъ, что ты согласился съ моими понятіями о журналѣ... [2]) На счетъ историческихъ статей взяты мѣры, — и Г. уже переводитъ изъ кн. Тьерри о Меровингахъ, и будетъ обработывать другія вещи въ этомъ родѣ. Его живая, дѣятельная и практическая натура въ высшей степени способна на это. Кстати: этотъ человѣкъ мнѣ все больше и больше нравится. Право, онъ лучше ихъ всѣхъ [3]): какая воспріимчивая, движимая, полная интересовъ и благородная натура. Объ искусствѣ я съ нимъ говорю слегка, потому что оно и доступно ему только слегка, но о жизни не наговорюсь съ нимъ. Онъ видимо измѣняется къ лучшему въ своихъ понятіяхъ. Мнѣ съ нимъ легко и свободно. Что онъ ругалъ меня въ Москвѣ за мои *абсолютныя* статьи, — это новое право съ его стороны на мое уваженіе и расположеніе къ нему. Въ XII № „От. Зап." прочтешь ты отрывокъ изъ его записокъ—какъ все живо, интересно, хотя и легко!"... [4]).

Къ ноябрю или декабрю 1840 года относится отрывокъ (быть можетъ, принадлежащій къ предыдущему письму), гдѣ есть также

[1]) Переведеннаго въ книгѣ Шевырева, Ист. поэзіи, стр. 17—19.

[2]) О чемъ былъ прежде споръ между ними.

[3]) Кого? Людей московскаго, противнаго ему кружка, или петербургскихъ пріятелей Бѣлинскаго,—или и тѣхъ и другихъ?

[4]) Конца письма недостаетъ.

любопытныя подробности тогдашнихъ отношеній и взглядовъ Бѣлинскаго. Въ началѣ отрывка идетъ рѣчь о петербургскихъ друзьяхъ его. Они — прекрасные люди (и большей частью, это были люди, въ самомъ дѣлѣ глубоко привязанные къ Бѣлинскому), онъ ихъ очень любитъ, но въ это первое смутное время своей петербургской жизни онъ все еще къ нимъ не привыкъ, въ нихъ есть что-то чуждое, даже непріятное ему, что̀ называетъ онъ ихъ «петербуржествомъ». Ихъ раздѣляла, конечно, прежде всего, разница въ ихъ развитіи. «Всѣ эти люди, — замѣчаетъ Бѣлинскій,—не истекали кровью при видѣ гнусной дѣйствительности, или созерцая свое ничтожество». Бѣлинскій былъ уже очень далекъ отъ тѣхъ идей, которыми жилъ его московскій кружокъ, но этотъ кружокъ вспоминается ему, какъ свѣтлая черта его жизни, — по тому нравственному единству, по глубокой преданности идеѣ, какими онъ отличался и какихъ еще не образовалось въ средѣ его петербургскихъ друзей. Въ Бѣлинскомъ пробуждается, едва ли не въ послѣдній разъ, мысль о московской старинѣ, но рядомъ съ этимъ, очевидно, уже завязанъ новый узелъ, который скрѣпитъ новыя отношенія въ не менѣе тѣсную связь...

„Да, Б., только въ Питерѣ... созналъ я, что я человѣкъ, и чего-нибудь да стою: только въ Питерѣ узналъ я цѣну нашему человѣческому святому кружку. Мнѣ милы теперь и самыя ссоры наши: они выходили изъ того, что мы возмущались гадкими сторонами одинъ другого. Нѣтъ, я еще не встрѣчалъ людей, передъ которыми мы могли бы скромно сознаться въ своей незначительности. Многихъ людей я отъ души люблю въ П., многіе люди и меня любятъ тамъ больше, чѣмъ я того сто̀ю; но, мой Б., я одинъ, одинъ, одинъ! Никого возлѣ меня! Я начинаю замѣчать, что общество Г. доставляетъ мнѣ больше наслажденія, чѣмъ ихъ [1]): съ тѣми я или говорю о вздорѣ, или тщетно стараюсь завести общій интересный разговоръ, или проповѣдую, не встрѣчая противорѣчія, и умолкаю, не докончивши; а эта живая натура вызываетъ наружу всѣ мои убѣжденія, я съ нимъ спорю, и даже когда онъ явно вретъ, вижу все-таки самостоятельный образъ мыслей“...

То, что̀ «вѣетъ Москвою», радуетъ Бѣлинскаго, напоминая ему прежнее. Но онъ мало встрѣчаетъ такихъ людей, и только пріѣздъ Кольцова доставилъ ему наслажденіе, какого онъ давно не испытывалъ.

---

[1]) Очевидно, въ Бѣлинскомъ, не смотря на примиреніе съ противникомъ, еще оставался слѣдъ прежняго недовѣрія; и во всякомъ случаѣ, отношеніе къ нему было независимое.

„Когда пріѣхалъ Кольцовъ, я *всѣхъ тѣхъ* забылъ, какъ будто ихъ и не было на свѣтѣ. Я точно очутился въ обществѣ нѣсколькихъ чудеснѣйшихъ людей. Кудрявцевъ промелькнулъ тѣнью, ибо видѣлся со мною урывками... съ К—вымъ мнѣ было какъ-то не свободно...; но и съ нимъ у меня были чудныя минуты. И вотъ опять никого со мною, опять я одинъ—и пуста та комната, гдѣ еще такъ недавно мой милый Алексѣй Васильевичъ съ утра до ночи упоевался чаемъ и меня поилъ!

Увы! нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ:
Кто въ гробѣ спитъ, кто дальній сиротѣетъ.

Спѣши свиданіемъ, а то, можетъ быть, и увидимся, да не узнаемъ другъ друга...

„Да, если таковы у насъ лучшіе люди, объ остальныхъ нечего и говорить. Чтожъ дѣлать при видѣ этой ужасной дѣйствительности? Не любоваться же на нее, сложа руки, а дѣйствовать елико возможно, чтобы другіе потомъ лучше могли жить, если намъ никакъ нельзя было жить. Какъ же дѣйствовать? Только два средства: каѳедра и журналъ — все остальное вздоръ. О, еслибы у „О. З.“ нынѣшній годъ зашло тысячи за три [1]): тогда было бы изъ чего забыть даже и Моросейку [2]), и женщину, и свою краткую безотрадную жизнь, и поратовать, и костьми лечь, если нужно будетъ. О, еслибы, при этомъ, можно было печатать хоть то, чтó печаталось назадъ тому десять лѣтъ въ Москвѣ!.. Кстати, о писаніи. Я бросаю абстрактныя общности, хочу говорить о жизни *по факту*, о которомъ идетъ дѣло. Но это такъ трудно: мысль не находитъ слова,— и мнѣ часто представляется, что я... дюжинная посредственность. Особенно лѣтомъ преслѣдовала меня эта мысль. Эхъ, если бы мнѣ занять у К—ва его слогъ: я бы лучше его воспользовался имъ. Кстати: скажи откровенно: какъ тебѣ понравилась его ст. о Саррѣ Толстой?“...

Конецъ отрывка занятъ отдѣльными литературными замѣчаніями, мыслями, вопросами. Боткинъ, вѣроятно въ отвѣтъ на убѣжденія Бѣлинскаго, писалъ ему, что можетъ взять на себя составленіе небольшихъ статей, извлеченій и т. п. Бѣлинскій отвѣчаетъ, что Боткинъ слишкомъ скромничаетъ, и высказываетъ слѣдующую свою оцѣнку его заботъ:

„Я такъ дорого цѣню твои статьи, и особенно вотъ за чтó: за отсутствіе амфаза, кротость тона, простоту, и еще за то, что ты въ нихъ высказываешь именно то, чтó хотѣлъ высказать, тогда какъ (я) или ничего не выскажу (хоть иногда и удается) или ударюсь въ общности... Напр., съ какимъ живымъ наслажденіемъ я прочелъ твою

[1]) Подписчиковъ, т.-е. еслибы журналъ установился прочно.

[2]) Въ Москвѣ, гдѣ жилъ Боткинъ и гдѣ было центральное мѣсто ихъ дружескаго круга.

статейку о выставкѣ [1]): все такъ просто, не натянуто, и все сказано, чтó слѣдовало сказать—трудъ читателя не потерянъ"...

„Аксаковъ сказывалъ [2]), что Гоголь пишетъ къ нему, что онъ убѣдился, что у него чахотка, что онъ ничего не можетъ дѣлать. Но это, можетъ быть, и пройдетъ, какъ вздоръ. Важно вотъ что: его начинаетъ занимать Россія, ея участь, онъ груститъ о ней; ибо въ послѣдній разъ онъ увидѣлъ, что въ ней есть люди! А я торжествую: субстанція общества взяла свое—космополитъ поэтъ кончился и уступаетъ свое мѣсто русскому поэту".

Бѣлинскій не ожидалъ разумѣется, что интересъ къ Россіи и ея «участи» можетъ принять то морализирующее направленіе, противъ котораго онъ вскорѣ самъ возсталъ, замѣтивъ его въ нѣкоторыхъ лирическихъ эпизодахъ «Мертвыхъ Душъ», и которое наконецъ подорвало самый талантъ: теперь онъ радовался, ожидая отъ Гоголя сознательныхъ изображеній русской жизни...

Когда Бѣлинскій убѣдился наконецъ, что шелъ до сихъ поръ по ложной дорогѣ въ своихъ представленіяхъ о дѣйствительности, это отразилось тотчасъ и на его эстетическихъ понятіяхъ. Онъ увидѣлъ, что субъективное, личное отношеніе поэта къ дѣйствительности, его пониманіе общественной жизни и отрицаніе ея недостатковъ имѣютъ полное право участвовать, проявляться въ его художественной дѣятельности; что вслѣдствіе того элементъ «рефлексіи» не есть нѣчто, совершенно разрушающее поэзію, какъ онъ думалъ объ этомъ прежде; что наконецъ поэзія вовсе не должна быть непремѣнно безстрастно объективна, но что присутствіе общественной мысли можетъ придать ей особую нравственную цѣну. Пробнымъ камнемъ эстетическихъ теорій Бѣлинскаго былъ въ особенности Шиллеръ. Въ предыдущихъ письмахъ уже встрѣчались эстетическія замѣчанія, въ которыхъ отражалась возникавшая у Бѣлинскаго новая точка зрѣнія. Въ настоящемъ отрывкѣ есть и выводъ, къ которому онъ приходилъ теперь по этому вопросу.

„Я рѣшилъ для себя важный вопросъ,—пишетъ Бѣлинскій:—Есть поэзія художественная (высшая — Гомеръ, Шекспиръ, В. С., К., Б., Ш., Гёт., П. Г.) [3]); есть поэзія религіозная (Шиллеръ, Ж. П. Рихтеръ, Гофманъ, самъ Гёте) [4]); есть поэзія философская („Фаустъ", „Прометей", отчасти „Манфредъ" и пр.). Между ними нельзя поло-

---

[1]) Рѣчь идетъ вѣроятно о небольшой статейкѣ: „Выставка картинъ въ Моск. архитектурномъ училищѣ", „От. Зап." 1840, № 11, Смѣсь, стр. 23—27.

[2]) Онъ былъ тогда въ Петербургѣ, кажется, на возвратномъ пути изъ-за границы.

[3]) Буквы означаютъ: Вальтеръ-Скоттъ, Куперъ, Байронъ, Шиллеръ, Гёте, Пушкинъ, Гоголь.

[4]) Религіозная—въ широкомъ смыслѣ этого слова.

жить опредѣленныхъ границъ, потому что онѣ не пребываютъ одна къ другой въ неподвижномъ равнодушіи, но, какъ элементъ, входятъ одна въ другую, взаимно модифицируя другъ друга. Слава Богу, наконецъ *всѣмъ нашлось мѣсто.* Вотъ отчего въ „Фаустѣ“ есть дивныя вещи (т.-е. даже во 2-й части), какъ, напр., „Матери“ (въ выноскѣ къ пер. К. ст. Рётшера въ „Набл.“)—не могу безъ священнаго трепета читать этого мѣста. Даже есть поэзія общественная, житейская—французская,—и такой человѣкъ, какъ Гюго, несмотря на всѣ его дикости, есть большой талантъ, и заслуживаетъ великаго уваженія, даже и прочіе очень и очень примѣчательны, кромѣ Ламартина—сей ..... рыбы, сей водяной элегіи“...

Въ этомъ новомъ состояніи мысли, Бѣлинскому предстояла нелегкая задача: ему приходилось передѣлывать свои понятія на каждомъ шагу; отказываясь отъ старыхъ представленій, вырабатывать новыя; оставаться въ этой заботѣ одинокимъ, потому что одни изъ его петербургскихъ друзей были вовсе не такой натуры, чтобы раздѣлить съ нимъ это неустанное броженіе мысли и сердца; другіе, приглядѣвшіеся къ жизни въ Петербургѣ, и вообще не питали никакихъ преувеличеній о разумной дѣйствительности; съ иными онъ еще не довольно сблизился, или еще какъ-будто нѣсколько опасался сближаться (какъ съ главнымъ своимъ противникомъ), боясь еще разъ болѣзненнаго толчка. Какъ въ началѣ петербургской жизни, такъ и теперь, онъ переселялся мыслью къ своему другу, и потребность высказываться производила массу посланій, на десяткахъ страницъ... Онъ кончаетъ письмо подъ впечатлѣніями московскихъ воспоминаній: ему захотѣлось музыки, — той музыки, которую онъ такъ мало понималъ...

„Посмѣйся надо мною,—говоритъ онъ въ самомъ концѣ письма:— иногда умираю отъ жажды слышать музыку — иногда слышу около себя занахъ такихъ №№ изъ „Роберта“, на которые не обращалъ никакого вниманія. О Фрейш. нечего и говорить — иной разъ хоть умереть, а услышать... Хочу зарядить ходить въ оперу. Одно воспоминаніе о Лейерманѣ исторгаетъ слезы. Услышу ли когда? О меломанъ!“

Къ концу декабря 1840, идетъ новый рядъ писемъ. Вотъ отрывки изъ письма 26-го декабря, гдѣ продолжается тоже настроеніе.

„Боткинъ, да что-жъ ты ничего не пишешь ко мнѣ—мнѣ становится досадно и больно. Я писалъ къ тебѣ мое послѣднее большое письмо окостенѣлою отъ пера рукою—сто разъ бросалъ и сто разъ принимался вновь и съ бóльшимъ жаромъ, воображая, какъ обрадуешься ты толстому письму и съ какой веселой улыбкой будешь его перечитывать. Получа твое письмо, я всегда бываю полонъ дня

два,—а полнота для меня рѣдкій гость, Ахъ, Боткинъ, Боткинъ! какъ жить-то становится мнѣ все гаже и гаже!

И съ міра, и съ время
Покровы сняты,
Загадочной жизни
Прожиты мечты!

Осталось чортъ знаетъ чтó, и приходится вопить:

Давайте веселья!
Давайте печаль!
Давно насъ не манитъ
Волшебница даль!

Жизнь страшно надула меня — безсовѣстно и предательски: назади фантазіи, въ настоящемъ медленная смерть,—впереди—гніеніе и смрадъ. Гадко! Зачѣмъ не умеръ я хоть за полгода передъ этимъ, когда еще могъ мечтать—и о чемъ же?—о дѣйствительности!"

Боткинъ писалъ ему о переводахъ «Ромео и Юліи» и «Бури» Шекспира (послѣдній — Сатина); первый, по его словамъ, не былъ вѣренъ; второй ему не нравился. Бѣлинскій возражаетъ, что къ переводчикамъ Шекспира можно быть и поснисходительнѣе — благо переводятъ. Онъ жалѣетъ, что Кудрявцевъ отказывается писать рецензіи для «Отеч. Записокъ». Эти рецензіи вообще очень нравились Бѣлинскому, и здѣсь Бѣлинскій очень хвалитъ статью Кудрявцева о «Лирическомъ Пантеонѣ», [1])—если не ошибаемся, первомъ изданіи, съ какимъ г. Фетъ вступилъ на литературное поприще. «А г. Ф. много обѣщаетъ».

„Ну чтó у васъ дѣется въ Москвѣ?—спрашиваетъ Бѣлинскій.—А какова статья И—ра? [2]) Вѣдь живой человѣкъ-то! Въ 1 № выкинули преинтересную статью о Пугачевѣ—не знаемъ, чтó и дѣлать съ цензурою—самая...

„Каковы послѣднія-то стихотворенія Кольцова—а? Экой чортъ—коли размахнется—такъ посторонись—ушибетъ. А „Ночь?" Да это просто—и словъ нѣту [3]).

„Если Красовъ кончилъ своего „Ворона", пришли не для печати, а прочесть мнѣ—жажду".

Послѣднее письмо 1840 года, на которомъ и остановимся въ настоящей главѣ, начато 30-го декабря и окончено уже въ концѣ

---

[1]) „От. Зап." 1840, № 12, Библ. Хрон., стр. 40—42. „Лирич. Пантеонъ" изданъ былъ подъ буквами А. Ф.

[2]) „От. Зап." 1840, № 12, стр. 267—288. „Записки одного молодого человѣка".

[3]) Онъ могъ указывать стихотворенія: „Дуютъ вѣтры, вѣтры буйные", „Лѣсъ" (о чемъ шумитъ сосновый лѣсъ), „Разлука", „Такъ и рвется душа изъ груди молодой" (въ 11 и 12 кн. „От. Зап." 1840); „Ночь" („От. Зап." 1841, кн. 2).

января 1841. Бо́льшая доля этого письма, опять очень длиннаго, занята разсказомъ и опредѣленіемъ личныхъ отношеній Бѣлинскаго съ различными его друзьями, самимъ Боткинымъ, К., К—вымъ; послѣднему посвящено особенно много мѣста. Трудность изложенія подобныхъ вещей заставляетъ насъ ограничиться внемногими извлеченіями, болѣе общаго характера и литературнаго содержанія... Примиреніе съ Шиллеромъ—окончательное и восторженное:—

„Спасибо тебѣ, друже, за письмо — я даже испугался, увидѣвъ такое толстое посланіе, которое совсѣмъ не въ духѣ твоей лѣности...

„Все, что́ написалъ ты о Гёте и Шиллерѣ—прекрасно, и много пояснило мнѣ насчетъ этихъ двухъ чудаковъ. Признаться ли тебѣ въ грѣхѣ...: о Шиллерѣ не могу и думать не задыхаясь, а къ Гёте начинаю чувствовать родъ ненависти, и ей-Богу у меня рука не подымется противъ Менцеля, хотя сей мужъ и по прежнему остается въ глазахъ моихъ идіотомъ. Боже мой—какіе прыжки, какіе зигзаги въ развитіи! Страшно подумать.

„Да, я созналъ наконецъ свое родство съ Шиллеромъ, я—кость отъ костей его, плоть отъ плоти его,—и если что́ должно и можетъ интересовать меня въ жизни и въ исторіи, такъ это—онъ, который созданъ, чтобъ быть моимъ богомъ, моимъ кумиромъ,—ибо онъ есть высшій и благороднѣйшій мой идеалъ человѣка. Но довольно объ этомъ. Отъ Шиллера перехожу къ Полевому...

„Нѣтъ, никогда не раскаюсь я въ моихъ нападкахъ на Полевого, никогда не признаю ихъ ни несправедливыми, ни преувеличенными“...

Его вражда къ Полевому дошла теперь до крайняго ожесточенія. Онъ не можетъ простить Полевому его новой литературной дѣятельности, союза съ Гречемъ, и проч.

Письмо продолжается 15-го января. Бѣлинскій получилъ письмо отъ Кольцова, который, между прочимъ, описывалъ, какъ его московскіе друзья встрѣчали новый годъ, собравшись у Боткина, и Бѣлинскій завидуетъ имъ... Самъ онъ былъ подъ новый годъ у Одоевскаго, ужиналъ и за то два дня его била лихорадка... Слѣдуетъ длинное разсужденіе объ одномъ изъ ихъ друзей, о которомъ Боткинъ выразилъ мнѣніе болѣе хладнокровное, чѣмъ выражалъ Бѣлинскій. «Признаюсь—огорошилъ ты меня!—замѣчаетъ Бѣлинскій:—я странная натура—никогда не смѣю высказать о человѣкѣ, что́ думаю, и часто натягиваюсь на любовь и дружбу къ нему, чтобы примирить свое чувство къ нему съ понятіемъ о немъ».

Статья о Саррѣ Толстой, которой сначала Бѣлинскій очень восхищался, теперь возбуждаетъ въ немъ недоумѣніе; «читаю — прекрасно, положу книгу — не помню ничего. Твое письмо до-

вершило». Отдѣльныя мѣста онъ и теперь находитъ прекрасными; но въ цѣломъ статья ему не нравится...

Далѣе, среди перебора разныхъ случаевъ въ ихъ кружкѣ, заходитъ рѣчь о бракѣ. Мы видѣли, что онъ уже отказывается отъ своихъ прежнихъ (гегеліянскихъ) понятій объ этомъ предметѣ; на этотъ разъ онъ съ сочувствіемъ говоритъ о Жоржъ-Зандѣ, которой прежде не любилъ, и дѣлаетъ замѣчаніе, въ которомъ уже намѣчена руководящая нить дальнѣйшаго развитія его мнѣній: «вообще, всѣ общественныя основанія нашего времени требуютъ строжайшаго пересмотра и коренной перестройки, чтó и будетъ рано или поздно. Пора освободиться личности человѣческой, и безъ того несчастной, отъ гнусныхъ оковъ неразумной дѣйствительности—мнѣнія черни и преданія варварскихъ вѣковъ. Ахъ, Боткинъ, чувствую, что при свиданіи мы подеремся: письма мои не могутъ дать тебѣ и слабаго намека на то, какъ ужасно перемѣнился я». Это шутливое замѣчаніе указываетъ, что со стороны Боткина Бѣлинскій не ожидалъ согласія съ своими настоящими мнѣніями; Боткинъ, какъ сейчасъ увидимъ, поздравлялъ его съ «выходомъ на широкое поле дѣйствительности»,—но вѣроятно еще не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ значеніи этого выхода.

На другой день, 10-го января, Бѣлинскій продолжаетъ о томъ же новомъ фазисѣ своей внутренней жизни:

„Ты поздравляешь меня, что я „вышелъ на широкое поле дѣйствительности, на животрепещую почву исторической жизни“ и что „и груди и душѣ моей будетъ легче“. Отчасти это справедливо: искусство задушило-было меня, но при этомъ направленіи я могъ жить въ себѣ и думалъ, что для человѣка только и возможно что жизнь въ себѣ, а вышелъ изъ себя (гдѣ было тѣсненько, но за то и тепло), я вышелъ только въ новый міръ страданія, ибо для меня дѣйствительность и историческая жизнь не существуютъ только въ прошедшемъ—я хочу ихъ видѣть въ настоящемъ, а этого-то и нѣтъ и не можетъ быть... Я теперь совершенно созналъ себя, понялъ свою натуру: то и другое можетъ быть вполнѣ выражено словомъ That, которое есть моя стихія. А сознать это, значитъ сознать себя заживо зарытымъ въ гробу, да еще съ связанными назади руками. Я не рожденъ для науки, ни даже для того тихаго кабинетнаго занятія любимыми предметами, которое такъ сродно твоей натурѣ. Да, я уже сказалъ себѣ: умирай—для тебя ничего нѣтъ въ жизни, жизнь во всемъ отказала тебѣ. Чтó до женщины — это тоже грустная исторія“....

Онъ уже не вѣритъ прежнимъ мечтамъ, и той любви, «которая еще такъ недавно была первымъ догматомъ его катихизиса». Авторитеты Пушкина и другихъ подобныхъ натуръ утвер-

дили въ немъ это невѣріе. «Твоя исторія, Боткинъ,—прибавляетъ онъ,—окончательно добила во мнѣ всякую вѣру въ чувство»...

Къ сожалѣнію, въ нашемъ матеріалѣ не было письма Боткина къ Бѣлинскому—съ тѣми литературными разсужденіями, о которыхъ Бѣлинскій упоминаетъ въ слѣдующихъ словахъ своего письма:

„Сейчасъ прочелъ въ письмѣ твоемъ о Гёте и Шиллерѣ—умнѣе и истиннѣе этого ничего не читалъ — просто не могу начитаться. Какъ хочешь, а вклею въ статью, подъ видомъ выписки изъ нѣкоего частнаго письма.

„О „Запискахъ одного молодого человѣка" не хочу съ тобою спорить, ибо не вижу никакой возможности ни согласиться съ тобою, ни тебя согласить со мною. Ты просто несправедливъ къ нему, какъ къ лицу и не любишь его, какъ личность. А для меня это — человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ, какихъ у насъ, къ несчастію, мало...

„На счетъ Гейне тоже остаюсь при своемъ мнѣніи. То, чтó ты называешь въ немъ отсутствіемъ всякихъ убѣжденій, въ немъ есть только отсутствіе системы мнѣній, которой онъ, какъ поэтъ, создать не можетъ, и, не будучи въ состояніи примирить противорѣчій, не можетъ и не хочетъ, по нѣмецкому обычаю, натягиваться на систему. Кто оставилъ родину и живетъ въ чужой землѣ, по мысли, того нельзя подозрѣвать въ отсутствіи убѣжденій. Гейне понимаетъ ничтожность французовъ въ мышленіи и искусствѣ, но онъ весь отдался идеѣ *достоинства личности*, и неудивительно, что видитъ во Франціи цвѣтъ человѣчества. Онъ ругаетъ и позоритъ Германію, но любитъ ее истиннѣе и сильнѣе всевозможныхъ гофратовъ и мыслителей, и ужъ, конечно, побольше защитниковъ и поборниковъ дѣйствительности, какъ она есть... Гейне — это нѣмецкій французъ — именно то, что для Германіи теперь всего нужнѣе".

Приводимъ еще нѣсколько литературныхъ подробностей, которыми занято окончаніе письма:

„О стихахъ Пушкина въ альманахѣ [1]) нельзя и говорить обыкновеннымъ человѣческимъ языкомъ, а другого у меня нѣтъ. Я понялъ ихъ насквозь. Такого глубокаго и граціозно-деликатнаго чувства нельзя выразить, какъ перечтя эти же самые стихи. Но каковы его „Три ключа" въ 1 № „О. З."? Они убили меня, и я твержу безпрестанно: „Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ"...

Онъ восхищается стихотвореніемъ Лермонтова въ 1 № «Отеч. Записокъ» 1841 года («Есть рѣчи»...) и съ видимымъ удовольствіемъ разсказываетъ Боткину, что 2-я книга будетъ еще лучше: тамъ будутъ помѣщены, въ отдѣлѣ наукъ, двѣ статьи, — одна о

---

1) Рѣчь идетъ вѣроятно объ „Утренней Зарѣ" Владиславлева, на 1841 годъ, гдѣ было помѣщено стихотвореніе Пушкина: „Для береговъ отчизны дальней — ты покидала край чужой".

женскихъ лицахъ Шекспира, изъ книги г-жи Джемсонъ, и другая, изъ исторіи Меровинговъ Тьерри [1]):—«что глава изъ историческаго романа Вальтера Скотта!» Повѣсть Одоевскаго «Саламандра» [2]) ему не нравится; онъ считаетъ ея фантастику слабой и натянутой.

Наконецъ онъ говоритъ о своихъ работахъ. Онъ писалъ тогда критическую статью о стихотвореніяхъ Лермонтова [3]). Она казалась ему не дурной, «живой, одушевленной, если не хитрой»; но онъ убѣждается, что «нѣтъ никакой возможности писать хорошо для журнала», потому что срочность работы не даетъ обработать статью, какъ слѣдуетъ, въ ней являются повторенія, недостатокъ соотвѣтствія между частями, многое остается необдуманнымъ, выраженнымъ слабо и пр. «Дай мнѣ написать въ годъ три статьи, дай каждую обработать, передѣлать — ручаюсь, что будетъ стóить прочтенія... Хорошо какому-нибудь Рётшеру издать въ годъ брошюрку, много двѣ. А тутъ напишешь 5 полулистовъ, да и шлешь въ типографію»... Это конечно было справедливо; такова почти всегда подобная журнальная работа, и труды Бѣлинскаго также надо почти всегда разсматривать какъ импровизацію, быстро произведенную,—но остается несомнѣннымъ то, что эти импровизаціи тѣмъ не менѣе были лучшимъ, чтó только могла представить наша литературная критика тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ... Бѣлинскій начинаетъ даже сомнѣваться въ своей способности къ работѣ: «я было недавно пришелъ въ отчаяніе отъ своей неспособности писать: вижу — есть мысль, глубоко понимаю, чтó хочу сказать, а сказать не могу— слова не повинуются, нужны óбразы, ихъ не нахожу»... Онъ думаетъ, что опять виновата срочная спѣшность работы; но онъ забылъ еще одно постороннее обстоятельство, которымъ онъ самъ уже тогда началъ тяготиться. Онъ задумалъ теперь большую статью о Петрѣ Великомъ: «она лежитъ у меня на сердцѣ, давитъ его и просится вонъ»... Впослѣдствіи, когда эта статья печаталась, ему пришлось горько жаловаться на цензуру...

Бѣлинскому все больше разъясняется давнишній вопросъ о «рефлектированной» поэзіи:

„Чѣмъ больше читаю отрывки изъ „Фауста" (Струговщ., Веневитинова и др.), тѣмъ болѣе увѣряюсь, что это—величайшее созда-

---

[1]) „Женщины, созданныя Шекспиромъ"—первая статья Боткина, явившаяся съ его полнымъ именемъ („О. З." 1841 г., № 2); „Разсказы о временахъ Меровингскихъ", изъ Тьерри, съ предисловіемъ И—ра (№ 2, стр. 45—63).

[2]) „Отеч. Зап." 1841 г., кн. 1.

[3]) „От. Зап." 1841, кн. 2; Соч., IV, стр. 252 и д.

ніе міроваго генія. О 2-й ч. не говорю: явно, что она вышла изъ подгнившей рефлексіи, полна аллегоріями, но и въ ней должны быть дивныя частности. Понялъ я наконецъ, что такое *рефлектированная* поэзія—великое дѣло! Мы не греки: греческій міръ существуетъ для насъ, какъ прошедшій (хотя и величайшій) моментъ развитія человѣчества, но онъ не можетъ дать намъ полнаго удовлетворенія. Младенчество прекрасное время, время полноты, но кому 30 лѣтъ, наскучитъ быть съ одними дѣтьми, какъ бы ни любилъ ихъ".

Приводимъ еще замѣтку, въ концѣ этого письма, объ отношеніяхъ съ К—вымъ.

„Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что пребываніе въ Питерѣ К—ва дало сильный толчокъ движенію моего сознанія. Личность его проскользнула по мнѣ, не оставивъ слѣда; но его взгляды на многое, — право, мнѣ кажется, что они мнѣ больше дали, чѣмъ ему самому".

Въ томъ же письмѣ, выше, Бѣлинскій говоритъ о К—вѣ: «онъ много разбудилъ во мнѣ, и изъ этого многаго бóльшая часть воскресла и самодѣятельно переработалась во мнѣ уже послѣ его отъѣзда. Ясно, что немного прошло у него черезъ сердце, но живетъ только въ головѣ, и потому отъ него пристаетъ и понимается съ трудомъ». Въ примѣръ Бѣлинскій указывалъ, какъ мы видѣли, статью о Саррѣ Толстой, сначала его восхитившую, потомъ оставившую его совершенно равнодушнымъ... К—въ, при помощи котораго Бѣлинскій въ прежнее время знакомился съ подробностями гегелевской философіи, и теперь оказывалъ Бѣлинскому подобное содѣйствіе; Бѣлинскій, по всей вѣроятности, принялъ отъ него теперь болѣе точное пониманіе нѣкоторыхъ отвлеченныхъ, между прочимъ эстетическихъ вопросовъ; но судя по выраженіямъ Бѣлинскаго, нельзя, кажется, думать, чтобы онъ приписывалъ К—ву вліяніе въ томъ измѣненіи своихъ понятій «о дѣйствительности», какое мы теперь старались представить. Наконецъ, для должнаго пониманія этихъ отношеній слѣдуетъ имѣть въ виду замѣчаніе, сдѣланное Бѣлинскимъ въ томъ же письмѣ. «Не забудь, — говоритъ Бѣлинскій полушутя, — что мы съ К. соперники по ремеслу, а я по моей натурѣ способенъ всегда видѣть въ соперникѣ Богъ знаетъ что, а въ себѣ меньше чѣмъ ничего». Другими словами,—съ свойственной ему правдивостью и скромностью, Бѣлинскій всегда готовъ былъ не только признать чужое достоинство, но и преувеличить его... Сказавъ, что взгляды К—ва принесли тогда ему, Бѣлинскому, больше, чѣмъ самому К—ву, Бѣлинскій какъ будто предчувствовалъ, что впослѣдствіи, при новой встрѣчѣ, они разойдутся между прочимъ и изъ-за этихъ взглядовъ...

Такимъ образомъ, къ началу второго года петербургской жизни въ умѣ Бѣлинскаго совершился переворотъ, установившій его дальнѣйшее развитіе. Путемъ долгихъ колебаній, онъ приходилъ наконецъ къ точкѣ зрѣнія, которая мало давала ему утѣшенія — уничтоженіемъ любимыхъ мечтаній старой романтики и разрывомъ съ внѣшней дѣйствительностью, но мирила его съ самимъ собой — указывая для его идеализма болѣе серьёзное содержаніе, и для его дѣятельности указывая цѣль, которой онъ могъ служить съ полнымъ внутреннимъ удовлетвореніемъ какъ писатель, и какъ членъ общества. Въ общихъ чертахъ эта цѣль была указана вѣрно имъ самимъ, въ одномъ изъ приведенныхъ писемъ—гуманическое образованіе общества; средствомъ было истолкованіе нравственнаго достоинства человѣческой личности, путемъ объясненія произведеній искусства въ связи съ ихъ общественнымъ смысломъ.

Приведенныя письма наглядно изображаютъ это постепенное измѣненіе взглядовъ Бѣлинскаго. Изъ нихъ можно видѣть, что оно было его *самостоятельнымъ* дѣломъ; потому-то, что оно было самостоятельно, оно и совершалось такъ медленно, съ такими усиліями ума и души. Та встрѣча съ людьми противоположнаго образа мыслей, о которой мы упоминали, нисколько не подѣйствовала на него на первый разъ; напротивъ, только усилила его тогдашніе взгляды; подъ впечатлѣніемъ этой встрѣчи именно написаны самыя рѣзкія статьи Бѣлинскаго въ идеально-консервативномъ направленіи. Правда, эта встрѣча дала лишній поводъ Бѣлинскому пересмотрѣть свою прежнюю систему мнѣній; но нѣтъ сомнѣнія, что еслибы и не было этого повода, Бѣлинскій пришелъ бы къ тому же результату. Мнѣнія противниковъ вспоминались ему и онъ признавалъ ихъ справедливость только тогда, когда самъ приходилъ къ тому же взгляду: мы видѣли, какъ, даже сблизившись потомъ съ своимъ главнымъ противникомъ, онъ очень умѣрялъ свою солидарность съ его мнѣніями. Главнымъ источникомъ новаго направленія Бѣлинскаго была сама жизнь, «россійская дѣйствительность». Переселеніе въ Петербургъ играло при этомъ наиболѣе важную роль. Во-первыхъ, разставшись съ московскимъ кружкомъ, онъ вышелъ изъ заколдованнаго круга, гдѣ онъ до тѣхъ поръ держался въ искусственномъ идеализмѣ. Во-вторыхъ, въ новой обстановкѣ, онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ дѣйствительностью жизни, которая подѣйствовала прямо въ противоположномъ смыслѣ; охладила фантазію и поразила его рѣзкими наглядными опроверженіями теоріи «разумности». Этимъ было сдѣлано все: онъ былъ

болѣзненно потрясенъ тягостными впечатлѣніями, которыя все глубже проникали его и наконецъ произвели полный разрывъ съ прошедшимъ. Этотъ процессъ былъ для него временемъ тяжкаго страданія, потому именно, что это была внутренняя борьба съ самимъ собой, и съ прошедшимъ, которую онъ велъ собственными силами, въ нравственномъ одиночествѣ. Петербургскіе друзья не были въ состояніи раздѣлить его внутреннюю жизнь — между прочимъ потому, что она была еще мало имъ знакома; Боткинъ поддерживалъ его теплымъ участіемъ къ его страданію, но очевидно оставался чуждъ самому содержанію процесса; съ Г. Бѣлинскій былъ въ совершенной враждѣ послѣ московскихъ столкновеній, и сошелся съ нимъ въ Петербургѣ только тогда, когда перемѣна въ немъ самомъ уже совершилась...

Понятно, что когда въ Бѣлинскомъ произошла эта перемѣна, прекратилась сама собою его вражда къ людямъ и мнѣніямъ московскаго кружка́, что, напротивъ, между ними должна была явиться солидарность. О томъ, когда именно произошло сближеніе, есть опять различныя показанія [1]). Дѣло было, кажется, такъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по переѣздѣ въ Петербургъ Бѣлинскаго, пріѣхалъ туда и главный его противникъ. Раздраженный словами и статьями Бѣлинскаго, онъ не хотѣлъ имѣть съ нимъ сношеній, но наконецъ увидѣлся съ нимъ по убѣжденіямъ одного изъ своихъ друзей, который относился къ Бѣлинскому мягче, понимая, что его крайности—переходная болѣзнь [2]). Когда слуга доложилъ Бѣлинскому о его приходѣ, онъ вспыхнулъ.—«Вотъ вы увидите наконецъ его,—говорилъ онъ Панаеву,—это человѣкъ замѣчательный и блестящій»... Встрѣча была холодна и натянута, разговоръ долго не вязался, но не могъ наконецъ не попасть на предметы, которые заставили высказаться обоихъ. Когда разговоръ попалъ на «Бородинскую годовщину», Бѣлинскій былъ взволнованъ и разсказалъ извѣстный случай, какъ одинъ господинъ отказался отъ знакомства съ Бѣлинскимъ потому, что онъ авторъ этой статьи. Это было на обѣдѣ или вечерѣ у одного знакомаго; Бѣлинскій слышалъ отказъ и горячо пожалъ руку этому господину... Разсказъ былъ достаточно убѣдителенъ, и противники сошлись. «У меня какъ гора съ плечъ свалилась», говорилъ Бѣлинскій Панаеву [3]).

По словамъ того же Панаева, при свиданіи противниковъ, объясненіе между ними послѣдовало тотчасъ: по характеру обо-

---

[1]) Такъ, въ воспоминаніяхъ Панаева указывается январь или мартъ 1840, и 1842 годъ. Указанія другихъ авторовъ также хронологически не ясны.

[2]) Бѣлинскій жилъ въ это время у Панаева, и свиданіе произошло здѣсь.

[3]) См. „Воспом.“ Панаева, „Совр.“ 1860, № 1, стр. 351—352, и 1861 № 10, стр. 455.

нхъ, это иначе и быть не могло. Бѣлинскому было прямо высказано, что онъ идетъ по ложной и опасной дорогѣ, и Богъ знаетъ до чего можетъ по ней дойти. Было даже сказано—до чего... Бѣлинскій былъ глубоко уязвленъ, почувствовалъ, что въ словахъ противника было много правды, но тѣмъ не менѣе упорно отстаивалъ свой образъ мыслей, успокоивая себя тѣмъ, что взгляды его противника узки и проч. [1]).

Это первое сближеніе въ Петербургѣ, какъ очевидно изъ приведенныхъ выше писемъ, еще не примирило ихъ вполнѣ. По словамъ Панаева, оно сильно подѣйствовало на Бѣлинскаго: онъ впадаетъ въ тоску и апатію — предвѣстницу внутренняго переворота, и только при второмъ свиданіи въ Петербургѣ, онъ окончательно и тѣсно сблизился съ своимъ противникомъ. Но это пріуроченіе не совсѣмъ точно: тоска и апатія въ Бѣлинскомъ начались ранѣе этой встрѣчи,—именно съ первыхъ дней петербургской жизни, и имѣли свои болѣе широкія причины. Во всякомъ случаѣ, только къ началу 1841 года между прежними противниками была уже прочная дружеская связь...

О своихъ статьяхъ конца 1839 и начала 1840 года Бѣлинскій впослѣдствіи не могъ слышать равнодушно. Еще въ томъ же 1840 году онъ отрицается отъ нихъ въ письмахъ къ Боткину. Панаевъ разсказываетъ, что однажды Бѣлинскій пришелъ къ нему въ очень хорошемъ расположеніи духа, но, подойдя къ столу и увидѣвъ старую книжку «Отеч. Записокъ», случайно развернутую на статьѣ о «Менцелѣ», Бѣлинскій измѣнился въ лицѣ, схватилъ книжку и бросилъ ее на полъ.

— Что вы это нарочно хотите поддразнивать меня, подсовывая мнѣ на глаза эту статью?—сказалъ онъ. Вы знаете, что я не могу безъ негодованія вспоминать о моихъ статьяхъ этого времени. Сдѣлайте одолженіе, я прошу васъ не дѣлать со мною такихъ вещей...

Онъ задыхался и почти упалъ на диванъ. Панаеву стоило большого труда нѣсколько его успокоить.

Итакъ, къ концу 1840 года Бѣлинскій окончательно отрѣшился отъ идеалистическихъ воззрѣній стараго московскаго кружка. Философская отвлеченность уступила мѣсто живому взгляду на жизнь и искусство; вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣятельность его получаетъ общественное значеніе.

А. Пыпинъ.

[1]) См. Восп. о Бѣлинскомъ, „Совр.“ 1860, I, 351.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ

И

НОВЫЕ ЕЯ МАТЕРІАЛЫ

Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями В. Антоновича и М. Драгоманова. Томъ первый.

Если мы оглянемся на ученую дѣятельность нашу въ области русской исторіи, то окажется, что у насъ сдѣлано болѣе всего по части собранія и изданія матеріаловъ всякаго рода. Нѣтъ сомнѣнія, что это дѣло важное и полезное; желательно было бы, чтобъ оно не останавливалось, а расширялось, такъ какъ, несмотря на громадную массу уже напечатаннаго, мы все-таки не издали и трети того, что́ слѣдуетъ издать. Съ другой стороны, однако, возникаетъ вопросъ: не окажется ли во многихъ отношеніяхъ трудъ нашъ мало полезнымъ, такъ какъ многое изъ изданнаго до сихъ поръ остается необслѣдованнымъ, необъясненнымъ? Дѣйствительно, не отнимая охоты издавать голые матеріалы, въ надеждѣ, что они къ чему-нибудь со временемъ пригодятся, едва ли не важнѣе будетъ поработать надъ изданнымъ и вновь издавать неизвѣстное такъ, чтобы оно оказалось вполнѣ яснымъ и получило свое опредѣленное значеніе для науки. Къ числу историческихъ матеріаловъ, не менѣе важныхъ, какъ лѣтописи и акты, принадлежатъ изустные памятники народной поэзіи; ихъ у насъ собрано достаточно, хотя сокровищница этого богатства также далеко не исчерпана, какъ и письменные архивы. Но

этого рода матеріалы едва ли не болѣе, чѣмъ самые письменные памятники, нуждаются въ ученой разработкѣ, чтобъ сдѣлаться пригодными для исторической науки. Сознавая эту потребность, нельзя безъ особеннаго удовольствія встрѣтить недавно отпечатанную въ Кіевѣ книгу: «Историческія пѣсни малорусскаго народа», которой первый томъ изданъ профессорами университета св. Владиміра, гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ. Это—первая, сообразно современнымъ требованіямъ науки, правильно поставленная попытка ученаго изданія памятниковъ малорусской поэзіи. Издатели не довольствуются только возможно бóльшимъ собраніемъ матеріаловъ, но стараются дать читателямъ возможность понять ихъ смыслъ и видѣть ихъ значеніе въ исторіи народной жизни. Они снабжаютъ каждую пѣсню объясненіями, стараются опредѣлить ея относительную древность и принадлежность ея содержанія къ той или другой эпохѣ, открыть элементы, изъ которыхъ пѣсня сложилась, сопоставить былевыя и бытовыя черты, заключающіяся въ пѣсняхъ, съ сказаніями лѣтописей и другихъ письменныхъ памятниковъ, указать на сходные мотивы и признаки въ пѣсняхъ другихъ народовъ, какъ славянскихъ, такъ и иноплеменныхъ. Къ сожалѣнію, въ этихъ объясненіяхъ мало обращено вниманія на языкъ — не указаны оттѣнки говоровъ, архаизмы словъ и оборотовъ, и нѣкоторыя старыя слова, намъ непонятныя, оставлены безъ объясненія (напр. до мелюсівъ, переі?).

Всѣхъ пѣсенъ 70 нумеровъ, а варіантовъ въ нихъ 198; изъ варіантовъ мы сосчитали 56, еще нигдѣ неизданныхъ, включая сюда и такіе, которые отличаются отъ прежде изданныхъ только какими-нибудь двумя-тремя стихами, прочіе перепечатаны изъ прежнихъ изданій. Такимъ образомъ, издаваемый томъ «Историческихъ пѣсенъ» не представляетъ большого богатства еще неизвѣстныхъ памятниковъ; быть можетъ, сокровищница такого рода народныхъ произведеній, какой нуженъ былъ издателямъ для ихъ перваго тома, уже до того исчерпана прежними собирателями, что новое найти стало трудно. Намъ кажется, однако, что издатели (какъ показываютъ отмѣтки подъ издаваемыми пѣснями о мѣстѣ и способѣ пріобрѣтенія каждой пѣсни) ограничивались преимущественно центральнымъ краемъ по близости Кіева, а если бы сдѣлали поиски за пѣснями въ Екатеринославской губерніи и на Кубани, то вѣрно нашли бы еще достаточно любопытныхъ неизвѣстныхъ памятниковъ въ этомъ родѣ.

Подъ именемъ историческихъ пѣсенъ гг. издатели разумѣютъ такія пѣсни, въ которыхъ, по ихъ словамъ, «отразились измѣненія общественнаго строя народа, какъ другія пѣсни отразили на себѣ

исторію его религіозно-обрядовой, другія—семейной и экономической жизни. Отобравъ въ печатныхъ и рукописныхъ сборникахъ пѣсни, въ этомъ смыслѣ слова историческія, какъ бы онѣ ни назывались по ихъ формѣ, мы (говорять издатели) получили поэтическую исторію общественныхъ явленій въ Южной Руси по крайней мѣрѣ отъ XIX вѣка до такихъ современныхъ событій, какъ прекращеніе панщины и венгерское возстаніе въ Австріи въ 1848 году и какъ освобожденіе крестьянъ и польское возстаніе въ 1861—1863 годахъ».

Нельзя не сочувствовать такому опредѣленію, насколько оно уничтожаетъ узкій, обветшалый взглядъ, признававшій историческимъ только то, что относилось къ какимъ-нибудь лицамъ или событіямъ, удостоившимся быть упомянутыми въ лѣтописяхъ и какихъ-нибудь другихъ письменныхъ источникахъ. Но мы думаемъ, что опредѣленіе историческаго для памятниковъ народнаго творчества надлежитъ расширить еще болѣе и вмѣстѣ уточнить, включая въ кругъ исторической пѣсенности и такія пѣсни, которыя отражаютъ на себѣ, какъ выражаются издатели, исторію религіозно-обрядовой, семейной и экономической жизни. Съ одной стороны не всегда легко разграничить явленія общественнаго строя отъ явленій религіозной, семейной и экономической жизни, съ другой—религіозность, семейственность и экономія народа, по собственному опредѣленію издателей, имѣютъ свою исторію, а потому пѣсни, выражающія эту исторію, будутъ все-таки историческими, и слѣдовательно опредѣленіе историческаго, данное для пѣсенъ, не будетъ согласоваться со взглядомъ самихъ гг. издателей. Въ ихъ сборникѣ много пѣсенъ, несомнѣнно и прямо относящихся къ семейному быту, однако эти пѣсни помѣщены между историческими. Намъ кажется, гораздо точнѣе и правильнѣе принять за основное правило — считать между народными пѣснями историческими всѣ тѣ, гдѣ выражается движеніе народной жизни въ какой бы то ни было вѣтви ея. Исторія имѣетъ дѣло съ жизнію человѣка въ обществѣ себѣ подобныхъ, а жизнь проявляется движеніемъ, послѣдствіемъ же движенія бываютъ измѣненія жизненныхъ признаковъ и условій. Какъ матеріалъ для исторіи, могутъ, поэтому, назваться историческими всѣ пѣсни, представляющія всякія измѣненія, выражающія собою движеніе жизни; всякое явленіе народнаго быта и жизни народа, не существующее въ наше время, но существовавшее прежде, служитъ признакомъ движенія, и слѣдовательно принадлежитъ исторіи. Въ ея кругъ непосредственно не входятъ только тѣ явленія, въ которыхъ мы не усматриваемъ ни возникновенія, ни прекращенія, или когда

идетъ дѣло о такомъ способѣ выраженія общечеловѣческихъ свойствъ, который не пріурочивается исключительно къ такому или иному періоду народной исторіи, и не служитъ характернымъ признакомъ извѣстнаго состоянія, пережитаго народомъ. Пѣсни съ такимъ характеромъ должны быть признаны достояніемъ одной этнографіи и могутъ относиться къ исторіи настолько, насколько этнографія со всѣми своими данными служитъ для исторіи вспомогательною наукою.

Пѣсни народныя могутъ быть раздѣляемы на разряды, сообразно ихъ формамъ и содержанію, но независимо отъ этихъ дѣленій, по отношенію къ исторической наукѣ, онѣ должны подлежать иной классификаціи. Тѣ, которыя выражаютъ въ себѣ измѣненія, какъ признаки движенія народной жизни, могутъ быть отнесены къ періодамъ, на какіе историкъ вправѣ раздѣлить теченіе народной исторіи,—ихъ надобно считать историческими. Не представляющія этихъ чертъ пѣсни слѣдуетъ назвать этнографическими. Затѣмъ однако, кромѣ чисто-этнографическихъ, выражающихъ черты современнаго намъ быта, но безъ признаковъ, указывающихъ на возникновеніе этихъ чертъ, надобно отмѣтить въ народной поэзіи еще отдѣлъ пѣсенъ, которыя мы на первый разъ назовемъ архаическими, предоставляя, впрочемъ, другимъ найти для нихъ болѣе удачно измышленное названіе. Это тѣ пѣсни, гдѣ изображаются черты уже не существующія или черезчуръ исключительныя для настоящаго времени, но явно указывающія на свою принадлежность къ иному складу жизни или быта, однако — такія черты, которыя мы, при нашихъ средствахъ, не въ силахъ будемъ отнести къ опредѣленному періоду прошлой народной исторіи; такъ напр., возьмемъ пѣсню, гдѣ разсказывается, какъ двое молодцовъ, поссорившись за дѣвицу, вышли на поединокъ. Пѣсня эта не заключаетъ въ себѣ чертъ, сродныхъ настоящему времени; выходить на поединокъ—совсѣмъ не въ нравахъ народа; очевидно, пѣсня эта, если не заимствованная, то старая; однако пріурочить ее, только на основаніи одного такого признака, къ тому или иному изъ періодовъ народной исторіи, едва ли можно.

Неполнота взгляда гг. издателей на историческое въ памятникахъ народной поэзіи дала себя почувствовать въ ихъ же сборникѣ: они выбросили изъ него всѣ пѣсни, представляющія слѣды язычества, «для избѣжанія натяжекъ, неизбѣжныхъ (какъ они говорятъ) въ изслѣдованіяхъ, касающихся сѣдой древности». Это выходитъ по русской пословицѣ: «волка бояться, въ лѣсъ не ходить». Издатели однако не избѣжали того, чего хотѣли избѣ-

жать, какъ показываютъ нѣкоторыя ихъ объясненія къ пѣснямъ вѣка дружиннаго и княжескаго; а между тѣмъ, изъ пѣсенъ, относящихся къ язычеству, довольно найдется такихъ, о которыхъ безъ натяжекъ можно сказать, особенно при сравненіи съ пѣснями другихъ народовъ, что въ нихъ видны остатки языческихъ временъ; и такимъ образомъ изъятіе ихъ изъ историческаго сборника не доставляетъ исторіи очень важной части матеріала.

Издатели дѣлятъ историческія пѣсни малорусскаго народа на пять отдѣловъ, сообразно признаваемымъ ими пяти періодамъ или вѣкамъ народной исторіи: 1) пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго, 2) пѣсни вѣка казацкаго, 3) пѣсни вѣка гайдамацкаго, 4) пѣсни вѣка рекрутскаго и крепацкаго, 5) пѣсни про волю. Намъ кажется дѣленіе это не совсѣмъ удачнымъ. Гайдамацкій вѣкъ есть тоже казацкій вѣкъ, и можетъ составлять только подраздѣленія послѣдняго. Гайдамаки въ XVIII вѣкѣ были люди изъ народа правой стороны Днѣпра, хотѣвшіе быть казаками, продолжавшіе тѣмъ самымъ общія стремленія всего народа въ прежніе годы вѣка казацкаго, такъ какъ сущность всего этого такъназываемаго казацкаго вѣка въ томъ и состояла, что всѣ хотѣли быть казаками, то-есть вольными людьми, независимыми собственниками земли и свободными защитниками своего отечества. Печальные удары судьбы, постигшія Малороссію, парализовали это всеобщее стремленіе народа, но не могли долго уничтожить его: гайдамаччина была послѣднимъ бурнымъ проявленіемъ этого общенароднаго стремленія; вся дѣятельность гайдамаковъ сосредоточивалась въ борьбѣ съ польскимъ и ополяченнымъ панствомъ, но эта борьба составляетъ важнѣйшій признакъ и казацкаго вѣка. Едвали правильно будетъ допустить въ народной малорусской исторіи гайдамацкій вѣкъ и потому, что гайдамаччина играла роль не на всемъ протяженіи земли, занимаемой малорусскимъ народомъ, не захватывала собою всѣхъ силъ народа, а была частнымъ явленіемъ въ одной части малорусскаго края. По нашему мнѣнію, жизнь народа, выраженная въ памятникахъ его поэзіи, можетъ заключаться въ слѣдующихъ періодахъ: 1) первобытная языческая древность, 2) вѣкъ дружинный и княжескій, 3) вѣкъ казацкій, 4) вѣкъ крестьянскій или мужицкій: народность малорусская въ этотъ послѣдній періодъ опустилась исключительно до класса низшаго, класса поселянъ, иначе мужиковъ. Пѣсни про волю, о которыхъ говорятъ издатели, должны быть отнесены къ четвертому отдѣлу или періоду, такъ-какъ они касаются исключительно мужицкаго быта и могутъ составлять только одинъ изъ отдѣловъ пѣсенъ мужицкаго вѣка.

Начиная народную исторію съ вѣка дружиннаго, издатели отнесли къ нему двадцать пѣсенъ въ различныхъ варіантахъ. Собственно въ малорусской народной поэзіи не найдено еще ни одной пѣсни о событіяхъ или бытовыхъ признакахъ дружиннаго вѣка, выраженныхъ такъ положительно, чтобы сами поющіе пѣсню сознавали, о чемъ поютъ они, по крайней мѣрѣ настолько, насколько они сознаютъ, когда поютъ о временахъ казацкихъ. Хотя свѣжесть и яркость представленій о казацкомъ вѣкѣ значительно ослабла въ воспоминаніи народа, но все еще народъ въ общихъ чертахъ помнитъ объ этомъ вѣкѣ, а о дружинахъ и старыхъ князьяхъ удѣльно-вѣчевого строя не имѣетъ онъ и тѣни представленія. Это, однако, не мѣшаетъ въ его пѣсняхъ, безсознательно для него самого, оставаться слѣдамъ давней старины, подобно тому, какъ и объ язычествѣ своихъ предковъ народъ забылъ совершенно, однако, не только въ его пѣсняхъ и обрядахъ, но и въ его нравахъ и понятіяхъ найдется много языческаго, понятнаго только для наблюдателя, вооруженнаго наукою.

Черты дружиннаго и княжескаго вѣка сохранились, главнымъ образомъ, въ обрядныхъ пѣсняхъ, преимущественно въ колядкахъ и щедривкахъ. Хотя древніе мотивы этихъ пѣсенъ слышатся повсюду въ малорусскомъ краѣ, но несравненно живѣе можно замѣтить ихъ въ варіантахъ Червонной Руси, именно въ томъ краю, гдѣ продолжительнѣе пребывалъ древній княжескій и дружинный строй и гдѣ, кромѣ того, не было постояннаго жительства казаковъ, отчего народъ менѣе подвергался вліянію новыхъ переворотовъ, изглаживавшихъ изъ народнаго чувства и народной памяти воспоминанія о давно минувшей старинѣ. Смыслъ большей части колядокъ состоитъ въ томъ, что, колядуя кому-нибудь (хозяину, хозяйкѣ, сыну-молодцу, дочери-красавицѣ) изъявляютъ этому лицу желаніе счастливыхъ положеній жизни. Въ колядкахъ (преимущественно по галицкимъ варіантамъ), обращенныхъ къ молодцу, встрѣчаются желанія такихъ положеній, которыя приличны дружинному и княжескому строю народной жизни: молодецъ представляется въ образѣ, ярко напоминающемъ князя или боярина удѣльно-вѣчевого періода, и совершаетъ такіе подвиги, которые свойственны этому періоду. Въ этомъ случаѣ необходимо отличать именно такіе признаки, которые, будучи несомнѣнно свойственны означенному періоду, были бы невозможны въ періодѣ казацкаго вѣка. Такіе признаки мы дѣйствительно находимъ. Есть колядки, въ которыхъ изображается образованіе древней дружины. Молодежь сходится на совѣтъ, собирается купить или построить суда, плыть по Дунаю (по боль-

шой рѣкѣ — (рѣки были обычнымъ путемъ сообщенія въ древности) и поступить на службу къ доброму господину, который будетъ имъ хорошо платить, дастъ каждому сѣдло, оружіе и, сверхъ того, по хорошей дѣвицѣ. Несомнѣнно нужно признать эти черты принадлежащими дружинному вѣку, когда князья давали дружинникамъ деньги, оружіе, содержали ихъ и ласкали. Въ пѣсняхъ есть даже почти тѣ же выраженія, какія мы встрѣчаемъ по этому поводу въ извѣстіяхъ древнихъ лѣтописей. Такъ, напримѣръ, лѣтописецъ, похваляя старыхъ дружинниковъ, говоритъ, что они «*не кладяху* на свои жены злотыхъ обручей, не хожаху жены ихъ въ серебрѣ», а въ колядкѣ молодцы, собирающіеся идти на службу къ господину, говорятъ:

Ой не справляймо на жони шуби
На жони шуби, на дочки злато...

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ эти молодцы называются *мужами*, а это названіе, какъ извѣстно, давалось княжескимъ дружинникамъ, а не казакамъ впослѣдствіи. Въ иныхъ варіантахъ эти молодцы собираются идти въ Царьградъ на службу; и это тоже черта древности, когда русскіе опредѣлялись въ службу византійскихъ императоровъ. Вождь изображается въ колядкѣ посреди своей дружины въ богатомъ нарядѣ, въ шатрѣ они сидятъ за столами, покрытыми коврами, на столахъ полные кубки; они пируютъ и веселятся, и тутъ же собираются идти войною въ невѣрную землю, хотятъ пустить по ней стрѣлы, какъ громъ по небу, заблистать своими саблями, какъ солнце блистаетъ изъ тучи (стр. 9). Другая утѣха господина колядокъ—охота; коня держитъ онъ за поводъ, борзыхъ собакъ на цѣпи, соколъ у него на рукѣ и пускаетъ онъ борзыхъ по темнымъ лѣсамъ, а сокола по поднебесью (стр. 7). Отправляется онъ за добычею въ разныя земли: изъ одной земли гонитъ воловъ, изъ другой несетъ деньги на заплату своимъ воинамъ, изъ третьей ведетъ коней, чтобы на нихъ снова биться (стр. 6). Образъ этотъ сильно напоминаетъ Святослава, исчисляющаго какія сокровища получаетъ онъ изъ разныхъ странъ, сидя въ Переяславцѣ Дунайскомъ. По окончаніи счастливаго похода, вождь въ колядкахъ дѣлится добычею со своею дружиною и лучшее изъ ней беретъ себѣ (стр. 9 — 13). Княжеское добываніе столовъ и городовъ отразилось въ очень распространенной повсюду и развѣтвленной на множество варіантовъ колядкѣ, гдѣ герой съ своею дружиною осаждаетъ городъ, приводитъ всѣхъ въ страхъ, заставляетъ жителей нести себѣ всякіе дары и въ концѣ-концовъ удовлетворяется и мирится, когда ему приводятъ красавицу (стр.

14—20). Этотъ старопѣсенный мотивъ, какъ мы уже замѣчали въ нашей статьѣ о преданіяхъ первоначальной лѣтописи, виденъ въ нашихъ лѣтописныхъ разсказахъ: о Святославѣ, воюющемъ съ греками, а особенно о Владимирѣ, добывающемъ Херсонесъ, и напослѣдокъ примиряющемся съ греками на условіи брака съ греческой царевной. Господинъ колядокъ — судья и правитель; онъ ѣздитъ «суды судить», какъ дѣйствительно разъѣзжали князья, и за то беретъ себѣ села,—онъ славенъ тремя сынами (которые посажены) въ трехъ городахъ (стр. 22). Онъ защитникъ своей земли, онъ стращаетъ иноплеменниковъ (стр. 31), опустошавшихъ его страну и приступавшихъ даже къ его (стольному) городу, а потомъ исправляетъ разоренія, нанесенныя врагами (стр. 33). Онъ заселяетъ опустошенныя села людьми, съ тѣмъ, чтобы старые люди творили между собой судъ, а молодцы служили бы на войнѣ; онъ укрѣпляетъ города стѣнами (стр. 31), строитъ и украшаетъ церкви съ тремя верхами (стр. 35)—(33); все это такія дѣянія, которыми отличались наши древніе князья.

Подъ № 6 (стр. 23) помѣщена въ нѣсколькихъ варіантахъ колядка, изображающая поединокъ предводителя дружины, господина, съ турскимъ царемъ. Русскій герой беретъ въ плѣнъ турскаго царя и, въ насмѣшку надъ его высокомѣріемъ, обѣщаетъ посадить его королемъ въ русской (въ одномъ галицкомъ варіантѣ—въ чешской) землѣ, потомъ—привязываетъ его къ своему коню и влечетъ по сожженной степи. Издатели въ своихъ объясненіяхъ справедливо замѣчаютъ, что турскій царь здѣсь позднѣйшая замѣна другихъ иноплеменныхъ предводителей, воевавшихъ въ древнія времена съ русскимъ народомъ; издатели указываютъ на половецкихъ хановъ, которыхъ русскіе князья не разъ брали въ плѣнъ. Мы прибавимъ къ этому, что не одни случаи плѣна половецкихъ хановъ были поводомъ усвоенія народною поэзіею такого образа; при безпрестанномъ, обычномъ еще въ незапамятныя времена столкновеніи съ разными кочующими ордами, должно было глубоко внѣдриться въ народное воображеніе представленіе о взятіи въ плѣнъ враждебнаго предводителя,—это было событіе, неоднократно повторявшееся. Древность мотива этой пѣсни несомнѣнна, такъ какъ событіе, въ ней описываемое, въ древнѣйшія времена было обычнѣе, чѣмъ въ позднѣйшія. Очень замѣчательна колядка о какомъ-то князѣ (княгня) Иванкѣ, который участвуетъ въ танцѣ (хороводѣ), отправляемомъ вокругъ «терноваго огня». Господинъ приказываетъ схватить его, засадить въ тюрьму, овладѣваетъ его конемъ, соколомъ и гуслями (стр. 37). Гг. издатели находятъ въ немъ сходство съ княземъ Иваномъ Берладникомъ и

сыномъ его Ростиславомъ. Сходство дѣйствительно замѣтно, но едва ли можно предполагать, чтобы эта колядка относилась именно къ одному изъ двухъ вышеупомянутыхъ князей, или даже къ обоимъ, возникши изъ свѣжихъ въ свое время впечатлѣній, произведенныхъ судьбою этихъ личностей. Вообще трудно допустить, чтобы какое-нибудь подобное событіе, хотя бы и усвоенное въ свое время народною поэзіею, могло послужить основою обрядной пѣсни. Скорѣе можно здѣсь видѣть вообще бытовыя черты тѣхъ усобицъ, которыя были присущими юному, грубому и неустроенному обществу, остатки тѣхъ временъ, когда сильнѣйшій хваталъ своего соперника и лишалъ свободы, мало разсуждая о честности способовъ, которыми могъ овладѣть имъ; въ междоусобіяхъ нашихъ древнихъ князей достаточно было такихъ примѣровъ. Въ другой, сходной съ предыдущею колядкѣ, въ плѣнъ захватываютъ дѣвушку и у нея, также какъ у князя Иванки, отнимаютъ гусли, сажаютъ ее въ темницу (стр. 46). Древній смыслъ занесенія такихъ образовъ въ колядки вѣроятно былъ тотъ, что въ ряду различныхъ пожеланій счастія и успѣха въ дѣлахъ тому, кому колядовали, было и желаніе, чтобы онъ овладѣлъ своими соперниками какимъ бы то ни было способомъ и обогатился посредствомъ наѣздовъ и насилій. Въ параллель съ этими колядками гг. издатели привели кстати еще одну (стр. 32), гдѣ господинъ приказываетъ своимъ слугамъ схватить работавшихъ при постройкѣ церкви мастеровъ, волоховъ, засадить ихъ въ тюрьму и забрать у нихъ серебро и золото на господина:

Въ темницю всадіте, срібро заберите,
Срібро золото—пану на славу.

И это—черта древнихъ временъ, когда владѣлецъ нерѣдко не считалъ дурнымъ дѣломъ схватить на своей землѣ чужихъ людей и ограбить ихъ для своего обогащенія. Подобные примѣры, столь обычные въ феодальной западной Европѣ, можно отыскать и въ исторіи нашихъ князей. Такъ подъ 6682 г. значится, что Ярославъ Изяславичъ «слышавъ яко стоитъ Кыевъ безъ князя пограбленъ Ольговичи, и прїѣха опять Кыеву на гнѣвѣхъ замысли тяготу кыяномъ, реки: подвели есте вы на мя Святослава, промышляите, чимъ выкупити княгиню и дѣти. Онѣмъ же не умѣющимъ что отвѣщати ему, и попрода вся Кыевъ, игумены и попы и черньцѣ и черницѣ, *латину и гость* и пр.» (Нест. сп. стр. 393). Въ болѣе позднія времена московскій великій князь Иванъ Васильевичъ поступилъ съ нѣмецкими купцами въ Новѣгородѣ такъ, какъ господинъ въ колядкѣ поступаетъ съ

волохами-мастерами. Заключались договоры, которыми пытались оградить себя иноземные торговцы и промышленники (договоры эти уже даже своимъ содержаніемъ указываютъ на господствовавшія въ обществѣ дикія наклонности къ насилію), нравственныя правила объ уваженіи къ гостю и чужеземцу проповѣдывались лицами болѣе развитыми по своему времени, но старинная дикость нравовъ долго давала себя знать, и вообще пріобрѣтеніе добычи, безъ разбора средствъ, для многихъ было безукоризненнымъ молодечествомъ. Приведенныя колядки служатъ памятниками такихъ понятій. Достопочтенные издатели подъ № 13-мъ приводятъ въ четырехъ варіантахъ (стр. 43—46) колядку, гдѣ госпожа, названная въ двухъ изъ этихъ варіантахъ княгинею (которой нарядъ при томъ описывается пространно съ признаками старины), [1]) говоритъ, что отдыхающій съ дороги ея мужъ пріѣхалъ съ войны, изъ угорской земли, и сообщаетъ господамъ, его братіи, что угорская земля златомъ засѣяна, павлинымъ перомъ заборонена, ясными мечами ограждена (символическое описаніе богатства земли). Въ одномъ изъ варіантовъ этой колядки господинъ названъ «панъ перемисльный», а лицо, которое, по другимъ варіантамъ, есть несомнѣнно хозяйка, княгиня, названо здѣсь въ среднемъ родѣ: «молоде паня». Издатели, по этому поводу, сближая образъ перемисльнаго пана и «молоде паня» съ мѣстомъ лѣтописи подъ 1208 г. (по ипатскому списку), полагаютъ, что этотъ панъ перемисльный есть Володиславъ, сынъ кормильца княжескаго, который привелъ изъ Венгріи отрока Данила (около 10 лѣтъ возрастомъ) съ вспомогательнымъ войскомъ, склонилъ бояръ, сидѣвшихъ въ Перемышлѣ, отдать городъ Данилу и возвратить ему отчину, захваченную тогда князьями Игоревичами. «Наша колядка — (выражаются достопочтенные издатели),—которая поется столь различнымъ людямъ и потому подверглась такимъ измѣненіямъ, какія можно видѣть въ вышепри-

---

[1]) На тій княгині кований поясъ,
На тімъ поясі золоті ретязьки (цѣпочки),
На тихъ ретязькахъ золоті ключи—

въ другомъ:

На тімъ паняті рудая сукня (платье),
На ножейкахъ матъ (имѣетъ) шнуровані бітки (полусапожки),
На бочейкахъ матъ кований поясъ,
На тімъ поясі жовті ретязьки,
На тихъ ретязькахъ золоті ключи,
На голові матъ павяний (павлиный) вінокъ,
На ручейкахъ матъ золотий перстень.

веденныхъ варіантахъ, могла первоначально пѣться въ честь этого событія. Достойно вниманія, что «молоде паня» упоминается въ въ томъ варіантѣ, въ какомъ сохранилось и имя панъ перемисльный, чтó еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что это «молоде паня» первоначально могло быть мальчикъ—Данило».

Мы беремъ на себя смѣлость сдѣлать по этому поводу возраженіе многоуважаемымъ профессорамъ.

Во-первыхъ, только съ большою натяжкою, пользуясь неопредѣленнымъ употребленіемъ средняго рода вмѣсто женскаго, единственно въ одномъ варіантѣ, могли гг. издатели утверждать, что означенное лицо есть мальчикъ, а не женщина; въ остальныхъ, изданныхъ ими же варіантахъ, лицо это—несомнѣнно жена господина, воротившагося изъ угорской земли, княгиня. Колядка эта, по своему главному мотиву, не есть достояніе одной Червонной Руси: она поется, хотя въ разныхъ варіантахъ, по всему пространству, заселенному малорусскимъ племенемъ; повсюду содержаніе ея таково: жена представляется ходящею съ ключами по своему дому; она говоритъ, что мужъ ея отдыхаетъ, пріѣхавши съ дороги изъ далекой, богатой земли, что онъ привезъ ей разные подарки, которые обыкновенно и исчисляются различно (при чемъ иногда вводятся и предметы новѣйшіе, какъ объ этомъ знаютъ и гг. издатели).

Такъ, въ одномъ извѣстномъ намъ варіантѣ поется:

Наша княгинька господинонька
Ключами дзвонить, до нихъ говорить:
Ой ключи мои срібні, золоті,
Ой не дзвоніте, не голосіте,
Ой мого пана та не збудіте,
Бо мій панъ теперъ зъ гіръ прийшовъ,
Привізъ вінъ мині дороги дари,
Ой перший даръ—лисова шуба,
Ой другой даръ—шовкова хустка,
Ой третій даръ—золотий перстень.

Въ другомъ варіантѣ, вмѣсто жены — дѣвица; къ ней пріѣхалъ братъ съ войны и также обрадовалъ ее подарками:

Теперь мій братикъ зъ войни прийшовъ,
Привізъ вінъ мині та три радощи:
Першая радощъ—перловий вінокъ,
Другая радощъ—золотий перстень,
Третяя радощъ—дорога суконька.

Есть варіанты, въ которыхъ привезшій гостинцы господинъ есть купецъ и пріѣзжаетъ изъ «Москвы» и изъ «Одесы».

Вездѣ—женское лицо, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія, чтобы, какъ думаютъ гг. издатели, въ первоначальномъ варіантѣ нашей колядки «молоде паня» могло быть ясно—мальчикъ. Скорѣе можно объяснить перемѣну «княгини или пани» на «молоде паня» въ варіантѣ съ перемисльнымъ паномъ, такъ: колядки поются съ примѣненіемъ ихъ смысла къ личности того, кому колядуютъ; мы видѣли, что одинъ и тотъ же мотивъ колядки примѣняется къ женѣ хозяина и къ дѣвицѣ—ихъ дочери; въ варіантѣ съ паномъ перемисльнымъ онъ примѣненъ къ хозяину съ дочерью: лицо средняго рода подъ именемъ «молоде паня» очевидно дѣвица, когда на головѣ этого молодого паняти «павяний вінокъ»; вѣнокъ принадлежность дѣвицы, а не юноши; да и названіе «сукня», сколько намъ извѣстно, употребляется только тогда, когда идетъ рѣчь о женской одеждѣ, а не о мужской. Гг. издатели замѣчаютъ, что кованый поясъ напоминаетъ древне-русскій мужской костюмъ, знакомый намъ по раскопкамъ и по Изборнику. Но развѣ у почтенныхъ ученыхъ есть данныя, которыя бы уполномочивали ихъ дѣлать заключенія, что кованый поясъ не могъ быть принадлежностью женской одежды? Народная поэзія говоритъ противное. Въ другомъ варіантѣ, напечатанномъ въ томъ же, разбираемомъ нами, изданіи, мы читаемъ:

На тій княгині кований поясъ.

Такимъ образомъ, по смыслу самой пѣсни, о которой идетъ у насъ рѣчь, нельзя предполагать въ ней князя Данила уже потому, что нельзя заключить, чтобы въ ея первоначальномъ варіантѣ мальчикъ замѣнялъ женское лицо.

Во-вторыхъ, слѣдуетъ разрѣшить вопросъ: можетъ ли въ самомъ дѣлѣ пѣсня, сложенная первоначально о какомъ-либо лицѣ или относившаяся нѣкогда исключительно къ одному какому-нибудь событію изъ жизни этого лица, сдѣлаться колядкою, и примѣняться впослѣдствіи къ разнымъ лицамъ, въ родѣ церковнаго тропаря въ честь извѣстнаго разряда святыхъ угодниковъ, куда вмѣсто *имкъ* стóитъ только вставить собственное имя, чтобы тропарь былъ пригоденъ къ лицу съ этимъ собственнымъ именемъ? Составъ пѣсенъ не представляетъ ничего подобнаго для утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, а наблюденіе надъ духомъ пѣсенъ и способомъ ихъ составленія склоняетъ насъ скорѣе къ отрицательному, чѣмъ къ утвердительному отвѣту. Въ колядкахъ, которыя поются въ смыслѣ пожеланія благополучія тѣмъ, къ кому обращаются, естественно избираются такіе образы благополучія, которые могутъ быть примѣнительны и къ этимъ послѣднимъ

лицамъ, и заключать понятныя имъ идеальныя представленія счастія въ разныхъ положеніяхъ. Мы это и видимъ въ бóльшей части колядокъ, имѣющихъ смыслъ желанія благополучія; такъ какъ онѣ поются въ сельскомъ быту, то въ нихъ господствуютъ такіе образы благополучія, которые свойственны быту поселянина: желаютъ, напримѣръ, чтобы у хозяина былъ урожай хлѣба, изобиліе скота, пчелъ, пророчатъ веселую и счастливую сватьбу его дѣтямъ и т. п. Если въ такихъ пѣсняхъ встрѣчаются образы, сами по себѣ не только чуждые сельскому быту, но даже невозможные въ дѣйствительности, въ родѣ прибытія въ гости къ хозяину солнца, мѣсяца и звѣздъ, то это—символическія выраженія счастія, теперь уже утратившія прежнюю живость, но въ старинныя времена для всѣхъ понятныя и обычныя. Обрядность держится долго, хотя и видоизмѣняется въ частностяхъ подъ вліяніемъ жизни; главные мотивы въ поэзіи обряда переживаютъ свою дѣйствительность и сохраняются болѣе или менѣе замѣтно, смотря по меньшему или бóльшему вліянію разрушающихъ ихъ силу впечатлѣній новой дѣйствительности. Поэтому-то въ наше время въ малорусскихъ пѣсняхъ—въ однихъ мѣстахъ болѣе, въ другихъ менѣе—еще сохранились мотивы древняго, недавно уже пережитаго народомъ вѣка; но въ свое время эти мотивы возникали и укрѣплялись въ народной жизни подъ вліяніемъ тогдашней дѣйствительности, общей для всѣхъ; и въ старыхъ колядкахъ, какъ и въ тѣхъ, которыя вполнѣ примѣнимы, по своему содержанію, къ условіямъ настоящаго вѣка, приводились, конечно, такіе образы благополучія, которые составляли идеалъ народныхъ понятій, и могли быть примѣнительны къ желаніямъ и воззрѣніямъ тѣхъ лицъ, къ которымъ были обращены, образы, всѣмъ знакомые, глубоко свойственные нравамъ народа. Какимъ же способомъ и чего ради могла примѣняться въ свое время ко всякому пѣсня, сложенная о такомъ исключительномъ событіи, какъ прибытіе Володислава кормильчича съ малолѣтнимъ Даниломъ изъ угорской земли къ Перемышлю? Пѣсня объ этомъ событіи могла существовать въ свое время, но едвали она могла обратиться въ колядку; думаемъ наоборотъ: скорѣе колядка могла бы обратиться въ пѣсню о какомъ-нибудь событіи, какъ уже готовый матеріалъ, по сходству общихъ чертъ съ обстоятельствами случившагося событія. Пѣсня объ исключительномъ событіи могла естественно примѣняться только къ подобному же событію. Если колядки слагались первоначально объ отдѣльныхъ лицахъ, примѣнительно къ чертамъ ихъ жизни, а по нимъ удобно примѣнялись къ другимъ, то надобно предполагать, что такія черты, примѣняясь къ отдѣль-

нымъ лицамъ, были общими для всѣхъ или для многихъ; но тогда нѣтъ основанія считать подобнаго рода пѣсню сложенною сначала по поводу единичныхъ лицъ и событій, потому что черты, примѣнительныя для всѣхъ или для многихъ впослѣдствіи, должны были существовать также примѣнительными ко многимъ, прежде чѣмъ, какъ мы предполагаемъ, онѣ послужили содержаніемъ колядки, сложенной въ честь исключительно одного лица; слѣдовательно, эти черты, какъ уже знакомые народу и часто повторявшіяся въ народной жизни, могли войти и гораздо ранѣе въ пѣсенность. Однимъ словомъ, мы думаемъ, что черты древняго дружиннаго и княжескаго вѣка, нѣкогда пережитаго народомъ, входили въ колядки не по воспоминаніямъ о томъ или другомъ лицѣ, въ которомъ, по лѣтописямъ нашимъ, мы можемъ эти черты подмѣтить, а потому, что эти черты были вообще присущими нравамъ народа, складу его жизни, условіямъ его общественнаго строя, его нравственнымъ воззрѣніямъ и поэтическому вкусу.

При охотѣ отыскивать въ пѣсняхъ извѣстныя по лѣтописямъ лица княжескаго званія, достопочтенные издатели нашли тамъ и Романа Галицкаго. Въ Подлясьи, въ бѣльскомъ уѣздѣ сѣдлецкой губерніи, учитель г. Остюкъ записалъ такую пѣсню.

— Володарь, Володарку, отчинь ворота!
«Чого хочете, чого клинете? (кричите).
— Пускайте въ городъ, пускайте въ городъ!
«А щожъ за людзі, а щожъ за людзі?
— Кнізя Романа нашого пана.
«Нітъ его въ дома, нітъ его въ дома.
— А де поіхавъ, а де поіхавъ?
«До Львова на торгъ, до Львова на торгъ.
— Коли поіхавъ, коли поіхавъ?
«Вчора зъ вечора, вчора зъ вечора.
— Коли приіде, коли приіде?
«Завтра къ обіду, завтра къ обіду.
— Що за даръ даете, що за даръ даете?
«Мизине дзецко, мизине дзецко.
— А въ чімъ то дзецко, а въ чімъ то дзецко?
«У срібру въ злоті, въ ткацькій роботі».

Въ другомъ варіантѣ, галицкомъ, поется такъ:

«Воротаре, воротаре,
Вітвори ворітечка!
— А хто у ворітъ кличе?—
«Князеві служейки.
— А що за даръ везуть?
«Яриі пчолоньки.

— Ой щожъ бо намъ мало,
«А ми вамъ додамо.
— А що намъ додаете?
«Молоду дівоньку
Въ рутянімъ віночку!»

Гг. издатели говорятъ: «должно думать, что князь Романъ называется въ подляссквхъ пѣсняхъ не случайно, и что пѣсни эти относятся къ князю Роману Мстиславичу Галицкому. Данники пѣсенъ нашихъ должны быть древніе обитатели Подлясья—ятвяги, въ землѣ которыхъ Романъ владѣлъ городами, входы въ которые должны были оберегаться воротарями; часть ятвяговъ была у Романа въ подданствѣ и платила ему дань». При этомъ гг. издатели ссылаются на Тейлора и Маколея, приводящихъ примѣры, какъ иногда въ играхъ дѣти представляютъ битвы, взятіе крѣпостей, принятіе въ вассалы, похищеніе женъ и проч. Пѣсня, приведенная здѣсь, сопровождается игрою.

Это—весенняя пѣсня, сопровождаемая игрою; она извѣстна повсюду, гдѣ обитаютъ малоруссы, подъ названіемъ «Воротаря». Слово это, теперь не употребительное уже въ текущей рѣчи, иногда, по незнанію, передѣлывается въ Володаря. Дѣвушки, составляя хороводъ, раздѣляются на два ряда, одинъ рядъ становится противъ другого; одинъ рядъ поетъ стихъ вопроса, другой стихъ отвѣта. На правой сторонѣ Днѣпра игра эта отправляется такъ: двѣ дѣвушки берутся за руки; на руки имъ садится мальчикъ и онѣ носятъ его кругомъ церкви, а остальныя дѣвушки поютъ. По окончаніи послѣдняго стиха, второй рядъ разступается, и, раздѣляясь на двѣ половины, дѣлаетъ подобіе воротъ, черезъ которыя проходитъ первый рядъ. Помѣнявшись такимъ образомъ мѣстами, дѣвушки начинаютъ игру сначала. (См. Труды этнограф. стат. экспед. въ юго-зап. кр. юго-зап. отд. III. 38).

Пѣсня эта, какъ мы слышали ее и записывали въ восточной части малорусскаго края, поется такъ:

— Воротарю, воротарю.
«А хто у ворітъ кличе?
— Панськиі служечки.
«А якого пана?
— Нашого пана *имкъ* (Ивана, Николая и т. п. смотря, по тому, какъ назывался баринъ, или же *нашои пані имкъ*).
«Що ви намъ принесли?
— Мизильнее дитя.
«А въ чимъ воно посажене?
— Въ золотімъ креслі.
«А чимъ воно покриване?

— Дорогимъ оксамитомъ.
«А чимъ воно цятается?
— Срібними оріщками.
«А чимъ воно підкидаеться?
— Золотимъ яблучкомъ.

(Въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ варіантахъ пропускается первый стихъ и начинается пѣсня со второго. Въ другихъ—выпускаются стихи 4 и 5 вовсе, въ третьихъ нѣтъ стиховъ 11 и 12, въ четвертыхъ же недостаетъ 13 и 14).

Въ варіантѣ, записанномъ въ васильковскомъ уѣздѣ (см. Труды этногр. ст. эксп. III. 39) пѣсня эта существуетъ въ такомъ видѣ:

«Володаръ володаречку,
Одчини да ворітечки.
— Хто у ворітъ кличе?
«Царськіи служечки.
— А якого царя?
«Царя Александра.
— Що-жъ намъ за даръ везуть?
«Срібло та злото.
— Ще-жъ намъ цёго мало!
«Ще-жъ ми вамъ придамо.
— Що-жъ ви намъ придаете?
«Мезинее дитя.
— А въ чимъ тее дитя?
«У сриблі та злоті.
— На чимъ воно сидить?
«На золотімъ креселку.
— А чимъ воно грае?
«Червонимъ яблучкомъ.
— А чимъ воно крае!
«Золотий ножикъ мае,
«Дорогую тарілочку;
«Цілуй білую ручку!»

Въ другомъ варіантѣ, изъ подольской губерніи, послѣ вопроса: какого пана слуги, поется:

— Чи дома вашъ панъ?
«Нема его въ дома,
«Поіхавъ по дрова.
— Церковъ замикана?
«Церковъ одмикана».
— А хто въ тій церковці?
«Мезинее дитя?» и пр.

Въ волынской губерніи послѣ стиха 16:

— Чим воно накрите?
«Чорнимъ оксамитомъ».

Въ другомъ варіантѣ той же губерніи:

— Володаре, володаре!
— Одчини вороти.
«Хто ворітъ потребуе?
— Михайлови слуги:
«У сріблі злоті,
«По коліна въ болоті.
— Що-жъ намъ за даръ везуть?
«Мезиннее дитя.
— А въ чимъ тее дитя?
«У сриблі та злоті,
»Въ червонімъ чоботі.
— Що же воно виробляе?
«Шие, вишивае.
— Що воно ідае?
«Весь пшенишний хлібъ.
— А що воно пивае?
«Все сладкий медъ.
— А въ чимъ воно сипляе?
«Въ пуховихъ подушкахъ. (ibid 41).

Въ иномъ варіантѣ также изъ волынской губерніи:

— Воротарю, воротарю,
— Одчини ворота!
«Хто тамъ кличе?
— Паньскиі служечки.
«Що, що везете?
— Ярні пчілочки.
«Що-жъ намъ цего мало.
— А ми вамъ додамо.
«Що намъ додасте?
— Дочку мизиночку.
«Де вона взялася?
— Въ вишневимъ садочку.
«Въ чимъ вона наряжена?
— У сріблі та злоті.
«Въ чимъ вона посажена?
— Въ золотімъ креслі.
«Чимъ ся вона грае?
— Золотимъ яблучкомъ.

Изъ этихъ варіантовъ можно удостовѣриться, что имя Романа, вставленное въ подлясскій варіантъ, не есть необходимая принадлежность этой пѣсни; въ разныхъ мѣстахъ вставляли имя того господина, кому принадлежали крестьяне, а царь Александръ, замѣнившій другія имена въ варіантѣ сборника г. Чубинскаго, есть не кто иной, какъ нынѣ царствующій государь императоръ; крестьяне, освобожденные отъ крѣпостной зависи-

мости, вмѣсто прежняго своего владѣльца, назвали господиномъ, которому они служатъ, государя. Почему бы ни поставленъ былъ въ подлясскомъ варіантѣ Романъ—по имени ли владѣльца того села, гдѣ пѣлась пѣсня, или по какому-нибудь воспоминанію, во всякомъ случаѣ нѣтъ ни малѣйшаго основанія подозрѣвать здѣсь знаменитаго князя XII вѣка, отца Данилова. Пѣсня о воротарѣ безспорно глубокой древности, и крошечный ребенокъ, о которомъ въ ней говорится, вѣроятно, означалъ символическое изображеніе наступающаго земледѣльческаго года, считавшагося съ весны; образъ — замѣчаемый во многихъ миѳологіяхъ; едва ли не болѣе близкій къ древнимъ формамъ этой пѣсни варіантъ есть тотъ, (о которомъ упоминаютъ почтенные издатели историческихъ пѣсенъ), гдѣ, вмѣсто стиховъ въ другихъ варіантахъ, описывающихъ, что ребенокъ сидитъ на золотомъ креслѣ, поется:

На місяцю та посажено.
А чимъ воно обгорожено?
Зірками обгорожено.

Въ числѣ пѣсенъ, отнесенныхъ къ разряду пѣсенъ дружиннаго и княжескаго вѣка, нѣтъ ни одной, о которой можно было бы сказать положительно, что она относится къ такому-то лицу или такому-то событію, извѣстнымъ намъ по лѣтописямъ. Если основываться на сходствѣ подмѣченныхъ нами въ пѣсняхъ чертъ съ чертами, какія мы нарочно станемъ для этого отыскивать въ лѣтописяхъ, то можно одну и ту же пѣсню примѣнять къ разнымъ древнимъ князьямъ, подобно тому, какъ издатели примѣнили двѣ пѣсни изъ своего сборника къ Данилу Романовичу и къ Роману Мстиславичу.

Неприложимость этихъ пѣсенъ къ единичнымъ лицамъ и событіямъ древней русской исторіи не умаляетъ ихъ важнаго значенія для нашей бытовой исторіи. Древность чертъ въ этихъ пѣсняхъ, признаваемая нами вмѣстѣ съ почтенными издателями, едва ли можетъ быть оспорена замѣчаніемъ, что многія черты, считаемыя нами достояніемъ дружиннаго вѣка, могутъ встрѣчаться и въ казацкомъ вѣкѣ. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ опираться не на единичные случаи, а на то, чтó въ извѣстный періодъ народной жизни составляло внутренніе характеристическіе признаки духа своего времени. Во внѣшнихъ признакахъ можно отыскать довольно сходнаго, какъ въ дружинномъ, такъ и въ казацкомъ вѣкѣ, но въ духѣ, проникающемъ тотъ и другой вѣкъ —окажется не только большое различіе, но противоположность; вѣкъ казацкій явился отрицаніемъ вѣка дружинно-княжескаго, и

это отрицаніе ярко и наглядно выразилось въ борьбѣ съ панствомъ—наслѣдіемъ, хотя и перерожденнымъ, дружинно-княжескаго вѣка. Казачество оставило намъ богатую поэзію; ея образчиковъ довольно въ разсматриваемомъ сборникѣ; пусть любопытный наблюдатель сравнитъ пѣсни вѣка дружиннаго съ пѣснями вѣка казацкаго, и онъ увидитъ тамъ и здѣсь совсѣмъ иное, и въ содержаніи и въ духѣ, и въ пріемахъ поэтическаго выраженія мысли. Въ пѣсняхъ перваго разряда вездѣ на первомъ планѣ господинъ, гордый и величавый, повсюду образы возвышенія лица надъ своею средою, пышность, богатство, блескъ, золото, серебро, дорогія одежды; его окружаютъ мужи, служащіе ему, они не рабы его, они его пособники, но все-таки не равны ему; онъ безъ нихъ не можетъ обойтись, и они безъ него, они, однимъ словомъ, то, чѣмъ была дружина. Все вращается около лица, господина, пана, такъ какъ и въ нашихъ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ все вращается около князей; господинъ, подобно древнимъ князьямъ, забавляется соколиною и псовою охотою, пируетъ и веселится въ богатомъ шатрѣ, съ нимъ неразлучно его мужи, какъ неразлучны они съ нимъ и на полѣ битвы, съ нимъ дѣлятъ они и труды и забавы, но вездѣ выказывается его первенство, его господская знатность. Ничего подобнаго не представляютъ казацкія пѣсни. Герой-казакъ не родовитъ, часто безроденъ и безплемененъ, не богатъ, а часто ободранъ, голъ (казакъ голота), не господинъ, а товарищъ; ему не служатъ, а онъ всей братіи служитъ, не чванится онъ блескомъ богатства, напротивъ (какъ Ганджа Андыберъ въ думѣ), щеголяетъ равенствомъ съ бѣдняками, не гордъ, не величливъ, напротивъ, иногда самъ надъ собою подтруниваетъ, не выдается онъ изъ среды кромѣ какъ только личными подвигами, признанными товариществомъ, и если онъ глава, предводитель, то въ немъ виденъ выбранный, излюбленный батько казацкій, а не князь, не гордее паня древнихъ пѣсенъ. Поэтическій способъ выраженія въ пѣсняхъ, въ которыхъ отразилось стародавнее время дружинно-княжескаго вѣка, отличается цвѣтитостію особаго пошиба, пареніемъ, встрѣчаемымъ въ поэтическихъ мѣстахъ южно-русскихъ древнихъ лѣтописей или въ пѣснѣ объ Игорѣ; поэзія казацкая гораздо проще: она не щеголевата, менѣе услаждаетъ воображеніе, менѣе заботится о роскошныхъ образахъ, гораздо задушевнѣе, болѣе говоритъ чувству, болѣе реальна, болѣе правдива. При такомъ различіи духа и пріемовъ поэзіи двухъ вѣковъ исторіи, прожитой малорусскимъ народомъ, какой вѣсъ могутъ имѣть, напримѣръ, такія замѣчанія, какія на 3-мъ археологическомъ съѣздѣ сдѣланы

были насчеть этихъ пѣсенъ: «въ колядкахъ говорится о сборѣ молодцовъ, готовящихся вступить въ службу къ доброму пану, а въ нѣкоторыхъ варіантахъ этотъ панъ названъ паномъ Петромъ; мы же знаемъ, что нѣкогда изъ Южной Руси была оказана помощь молдавскому господарю Петру, и такъ, вѣроятно, что подъ Петромъ въ колядкѣ надобно понимать óнаго молдавскаго господаря?» Какъ-будто могло такое единичное событіе, какъ помощь, оказанная молдавскому господарю, отразиться въ обрядныхъ пѣсняхъ! Допускать это — значитъ не имѣть точнаго и правильнаго понятія о томъ, чтó значитъ народная обрядность. Нѣтъ; источника чертъ, встрѣчаемыхъ въ общихъ, по основѣ, всему народу обрядахъ и въ сопровождающихъ эти обряды пѣсняхъ, надобно искать въ чемъ-нибудь поглубже, чѣмъ какое-нибудь мимолетное событіе; этого источника надобно искать во всей массѣ признаковъ духовной и общественной жизни народной, выработанныхъ или усвоенныхъ народомъ и твердо въ немъ укрѣпленныхъ. Въ обрядныя пѣсни вошли только такія черты, которыя уже прежде вошли въ душу и воображеніе всего народа; óбразы и событія, упоминаемыя въ обрядныхъ пѣсняхъ, могли въ свое время относиться вообще къ народному человѣку въ данныхъ положеніяхъ народной жизни и передача ихъ въ пѣсняхъ заключала ли способъ общаго выраженія народныхъ представленій о такихъ положеніяхъ.

У насъ ученые призадумывались надъ вопросомъ: отчего преданія о древнемъ періодѣ нашей исторіи сохранились у великоруссовъ и, повидимому, совсѣмъ не сохранились у малоруссовъ: у великоруссовъ были, и до сихъ поръ еще не вездѣ исчезли, такъ-называемыя, былины съ именами князя Владимира и его богатырей, съ именами, знакомыми намъ по лѣтописямъ; у малоруссовъ же ничего подобнаго нѣтъ, несмотря на то, что самыя тѣ лица, о которыхъ поютъ великорусскіе сказатели, жили на югѣ? Это обстоятельство, между прочимъ, объясняли тѣмъ, что въ Малороссіи бурная и плодовитая событіями эпоха казацкая вытѣснила изъ народной памяти и народнаго чувства время, ранѣе прожитое народомъ. При болѣе глубокомъ изученіи народныхъ памятниковъ, окажется, что если въ малорусской народной поэзіи нѣтъ тѣхъ полу-сказокъ, полу-пѣсенъ, которыя называются въ великорусской поэзіи былинами, за то слѣды давней жизни очень ощутительны въ народныхъ пѣсняхъ, даже обрядныхъ, а эта черта, присущая малорусской народной поэзіи, важнѣе старинныхъ собственныхъ именъ, въ великорусскихъ пѣсняхъ часто пришитыхъ къ вымысламъ, носящимъ отпечатки позднѣй-

шихъ временъ и иныхъ странъ. Не показываетъ ли это, что духъ, проникавшій политическій строй дружинно-княжескаго вѣка, не былъ чуждъ народной души? Если въ колядкахъ, которыя спокон вѣковъ обращались въ народной массѣ, величаемое, славимое, поздравляемое лицо не находили приличнѣе представить, какъ въ такомъ образѣ, который напоминаетъ намъ князя съ его дружиною, то не значитъ ли это, что и въ жизни народной массы происходили такія явленія, которыя были единосущими съ явленіями, происходившими въ бытѣ князей и дружинъ? На глубокое присутствіе дружинно-княжескаго начала въ древней всенародной жизни указываютъ довольно наглядно до сихъ поръ еще въ извѣстной степени сохранившіеся свадебные обряды въ Малороссіи. До сихъ поръ женихъ называется княземъ, невѣста —княгинею, сопутники жениха—боярами, сопутницы невѣсты—дружками (слово, напоминающее дружину), распорядители свадебнаго пиршества—старостами; князь-женихъ воображается воиномъ на конѣ съ мечо́мъ; онъ овладѣваетъ невѣстою, подобно тому, какъ князь добывалъ свой столъ; его прибытіе въ домъ невѣсты представляется воинственнымъ наѣздомъ; сторона невѣсты готовится къ защитѣ: берутся за палки, знаменующія оружіе, но, вмѣсто ожидаемой битвы, происходитъ сдѣлка, напоминающая ряды, которые должны были заключить съ землями князья, добывавшіе столы; братъ невѣсты, какъ представитель своей стороны, беретъ съ жениха деньги и уступаетъ ему свое мѣсто близъ сестры; жениха сажаютъ на *посадъ*, что́ напоминаетъ посаженіе князей на столѣ; близъ жениха садится лицо, называемое «світилкою», держитъ *мечъ*, знакъ княжескаго достоинства и княжеской власти. Все здѣсь дышитъ тѣмъ міросозерцаніемъ, при которомъ возникъ дружинно-княжескій строй, хотя и становившійся въ противоположность съ земскимъ, вѣчевымъ строемъ, но тутъ же разомъ вступавшій съ нимъ въ соглашеніе до того, что дѣлался для послѣдняго неизбѣжнымъ. Всѣ эти черты, напоминающія въ народной поэзіи существенные признаки дружинно-княжескаго строя, убѣждаютъ насъ, что начала этого строя, составлявшаго въ продолженіи многихъ вѣковъ суть нашей исторіи, слѣдуетъ искать скорѣе въ нѣдрѣ всенародной русско-славянской жизни, чѣмъ въ какомъ-нибудь изъ постороннихъ элементовъ, чужеядно вторгавшихся въ область этой жизни или скользившихъ по ней. Къ разряду пѣсенъ вѣка дружинно-княжескаго издатели отнесли плясовую пѣсню о Журилѣ (№ 18, стр. 54). Она уже въ новой одеждѣ, но ея старинная основа видима въ сходствѣ собственнаго имени Журила съ име-

немъ Чурила Плёнковича великорусскихъ былинъ. Вдобавокъ и характеры того и другого лица сходны: Журила такой же типъ любителя женскаго естества, какъ и Чурило Плёнковичъ. Во всей области малорусской поэзіи здѣсь намъ указали первый разъ на сходную черту съ великорусскими былинами. Пѣсня о Журилѣ (иначе Джурилѣ), помѣщенная въ сборникѣ гг. Антоновича и Драгоманова—галицкая, но она поется по всей Малороссіи въ различныхъ варіантахъ, съ разными прибаутками, при плясках, напр.:

Йшовъ Джурило по улицi,
За Джурилом молодицi,
Йшовъ Джурило зъ мiста, зъ мiста,
За Джурилом дiвокъ триста; и пр.

или

Ишовъ Джурило льодомъ,
Нiсъ горiлку съ медомъ,
Сину, Джурило, сыну,
Не толочъ мого ячмiню;
Сидiла на колодцi,
Моргала на хлопцi; и пр.

Пѣсни вѣка казацкаго издатели дѣлятъ на пять разрядовъ: 1) борьба съ татарами и турками; 2) борьба съ поляками при Хмельницкомъ; 3) о гетманщинѣ 1709 г.; 4) о паденіи казачества; 5) пѣсни безъ ясныхъ слѣдовъ опредѣленнаго времени.

По нашему мнѣнію, удобнѣе было бы раздѣлить пѣсни этого вѣка на четыре отдѣла: 1) борьба съ мугаммеданскимъ міромъ; 2) борьба съ польскимъ панствомъ; 3) казачество подъ властію россійской державы и паденіе его; 4) пѣсни внутренняго быта безъ ясныхъ слѣдовъ принадлежности къ одному изъ трехъ предшествующихъ отдѣловъ. Что касается до перваго изъ этихъ отдѣловъ, помѣщеннаго издателями въ первомъ томѣ ихъ сборника, то, по своему содержанію, пѣсни эти, такъ сказать, просятся быть раздѣленными на двѣ половины: 1) борьба на сухопутьѣ, 2) борьба на морѣ.

Отличительный признакъ пѣсенъ этого отдѣла чрезвычайно грустный тонъ; за исключеніемъ немногихъ, пѣсни о сухопутной борьбѣ изображаютъ несчастныя событія: одни представляютъ разоренія селъ татарами и турками, другія—страданіе плѣнниковъ и плѣнницъ, третьи, разные óбразы смерти раненаго казака въ степи. Между пѣснями, относящимися къ морской борьбѣ, встрѣчаемъ также пѣсни о горькой судьбѣ невольниковъ на турецкихъ галерахъ. Встарину такихъ пѣсенъ было много. Русскіе плѣнники въ XVI—XVII в. были самымъ повседневнымъ явленіемъ въ Крыму и въ Тур-

ціи. Пѣсни о судьбѣ ихъ слушались съ особеннымъ участіемъ южно-русскимъ народомъ, такъ какъ въ тѣ времена въ средѣ народа немало было такихъ, которые въ числѣ безвѣстно пропавшихъ молодцовъ насчитывали своихъ родственниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, эти пѣснопѣнія возбуждали слушателей и къ мѣрамъ отысканія плѣнныхъ и къ ихъ выкупу. Извѣстно, что выкупъ плѣнныхъ былъ въ тѣ времена совершенною ярмаркою; мухаммедане сами иногда извѣщали о находившихся у нихъ плѣнникахъ, привозили ихъ на условленное мѣсто, объявляли цѣну за ихъ выкупъ, и когда не находились охотники выкупать, то увозили назадъ. Самое безнадежное положеніе плѣнника было, когда иногда его продавали куда-нибудь въ далекую землю. Въ прекрасной думѣ, которую гг. издатели сообщили въ новомъ варіантѣ (отличномъ отъ заимствованнаго ими въ свой сборникъ изъ напечатаннаго въ 1836 г. сборника подъ названіемъ «Малороссійскія червонорусскія думы и пѣсни»), бѣдный невольникъ посылаетъ птицу (по одному варіанту сокола, по другому голубя) на родную сторону и поручаетъ птицѣ просить родителей сбывать имущество, чтобы выкупать сыновей своихъ. Тогда братъ, находящійся съ нимъ въ неволѣ, говоритъ: «не зачѣмъ посылать съ поклономъ въ христіанскіе города, и только наносить большое горе отцу и матери. Хотя бы они продали свои земли и все свое имущество на нашъ выкупъ, то не узнаютъ, въ какой тяжелой неволѣ искать своихъ сыновей; сюда никто не заходитъ, народъ крещеный не заѣзжаетъ; только ясные соколы прилетаютъ и, садясь на темницѣ, жалобно кричатъ, насъ, невольниковъ, добрымъ здоровьемъ навѣщаютъ». Въ другой думѣ невольники изъявляютъ желаніе, чтобы буря сорвала съ якорей турецкія каторги. Положеніе плѣнныхъ описывается очень сходно съ извѣстіями итальянскихъ реляцій XVI и XVII вѣка о состояніи турецкой морской силы. Бѣдные невольники посажены въ три ряда, по два и на три скованы вмѣстѣ, двое кандаловъ на ногахъ у нихъ, сырою кожею связаны руки назадъ... Паша турецкій бусурманскій, недовѣрокъ (ренегатъ) христіанскій, кричитъ своимъ туркамъ янычарамъ: приказываю я вамъ, ходите между рядами и сѣките невольниковъ по три раза въ одномъ мѣстѣ терновою розгою и красною таволожкою (деревцо, котораго ударъ наноситъ нестерпимую боль); турки-янычары исполняли приказаніе, бѣлое казацкое тѣло обрывали около желтой кости, проливали безъ вины христіанскую кровь; невольники, страдая отъ истязаній, произносятъ проклятія турецкой землѣ! Дума эта, какъ вообще невольницкія думы, оканчивается моленіемъ къ Богу объ освобожденіи

бѣдныхъ невольниковъ. Безъ сомнѣнія, такія думы, распѣваемыя пѣвцами-бандуристами между казаками, возбуждали сострадание къ участи невольниковъ, побуждали молодцовъ къ браннымъ подвигамъ противъ невѣрныхъ для освобожденія страдающихъ земляковъ и единовѣрцевъ, для отмщенія за ихъ печальную участь. При сочувствіи народа къ судьбѣ невольниковъ, естественно возникли и съ наслажденіемъ слушались думы болѣе отраднаго содержанія, гдѣ описывались образы народныхъ героевъ, которые какимъ-либо необычнымъ способомъ избавлялись отъ ужасной неволи. Такой образчикъ представляетъ дума о Самойлѣ Кошкѣ или Кішкѣ; замѣчательная какъ по своему объему, такъ и по своимъ поэтическимъ достоинствамъ, дума эта была записана первой разъ въ Полтавской губерніи и напечатана въ 1836 году въ сборникѣ, подъ названіемъ «Малорусскія и червоннорусскія думы и пѣсни». Издатели сборника, нами разсматриваемаго, помѣстили ее цѣликомъ по прежде напечатанному варіанту; значитъ, имъ не привелось найти другого варіанта. Но у насъ есть два отличные варіанта этого въ высшей степени замѣчательнаго произведенія народной поэзіи. Одинъ сообщенъ былъ мнѣ профессоромъ дерптскаго университета А. А. Котляревскимъ, другой профессоромъ новороссійскаго университета г. Зайкевичемъ. Варіантъ, принадлежащій г. Котляревскому, былъ записанъ очень давно, судя по бумагѣ рукописи, и по почерку,—можетъ быть въ концѣ прошлаго вѣка или въ первыхъ годахъ текущаго; онъ представляетъ очевидно болѣе древнюю и болѣе правильную редакцію. Варіантъ г. Зайкевича замѣчателенъ тѣмъ, что содержитъ въ себѣ описаніе, какъ герой думы гетманъ казацкій, Самойло Кошка, попалъ въ неволю:

Ой у лузі у Базавлуці тамъ стоявъ курінь бурлацькій,
Тамъ бувъ пробувавъ Кішка Самійло, гетьманъ козацькій,
И мавъ вінъ собі товариства сорока чоловіка.
То турецке паня, молоде башя, по Чорному морю безпечно галерою гулявъ,
Та до Кішки Самійла въ гості прибувавъ,
Усіхъ козаківъ гетьманськихъ запорозькихъ на місті зоставъ,
Залізні имъ пута подававъ.

Этого вступленія нѣтъ въ обоихъ другихъ варіантахъ. Дѣйствіе въ нихъ одинаково открывается на Черномъ морѣ. Плыветъ галера—по варіанту, напечатанному въ сборникѣ, изъ Трапезонта въ Козловъ, а по варіанту Котляревскаго—изъ Козлова въ Трапезонтъ. Она красуется (по печатному варіанту) цвѣтами, обвита златосиними киндяками, уставлена пушками и сверху покрыта бѣлою турецкою габою (шерстяная матерія). На этой галерѣ

семьсотъ турокъ—все отборный народъ, а по варіанту печатному еще четыреста янычаръ, которыхъ незначится въ варіантѣ Котляревскаго [1]).

Надъ ними начальствуетъ Алканъ-паша, въ печатномъ варіантѣ названный княземъ трапезонтскимъ, а въ варіантѣ Котляревскаго онъ называется «трапезонтское дитя молодое», т.-е. просто молодой человѣкъ. По обоимъ варіантамъ на этой галерѣ триста-пятьдесятъ невольниковъ. Изъ нихъ, у Котляревскаго, двое старшинъ: гетманъ Самійло Кішка и черкасскій судья Марко Грачъ, а въ печатномъ, кромѣ Кішки: «Марко Рудий—судья військовій, Мосій Грачь — військовій трубачъ»: это, должно быть, позднѣйшія прибавки, измышленныя ради риѳмы. За ними —является въ думѣ ключникъ галерный, ренегатъ; въ печатномъ варіантѣ онъ называется ляхъ Бутурлакъ, сотникъ переяславскій; тридцать лѣтъ былъ онъ съ прочими въ неволѣ, потомъ «потурчился» и съ тѣхъ поръ прошло двадцать-четыре года; такимъ образомъ, невольники находятся въ плѣну пятьдесятъ-четыре года. Въ рукописи Котляревскаго число годовъ означено: сорокъ лѣтъ [2]), а къ нимъ приписано «многіи года»; повидимому пѣли думу на два способа: означая время пребыванія казаковъ въ неволѣ и числомъ сорока лѣтъ и неопредѣленнымъ выраженіемъ «многиі годи». Ключникъ-ренегатъ у Котляревскаго не ляхъ Бутурлакъ, а Иляшъ или Ляшъ (Илья) Бутурлака. Въ варіантѣ Котляревскаго Алканъ-паша, на пути изъ Козлова въ Трапезонтъ, дѣлаетъ истязанія невольникамъ:

Алканъ-паша [3]) трапезонтьское дитя молодое добре вінъ дбае;
На невольниківъ по два по три кайдана набивае.
Тоді березиною по голихъ рукахъ христіянськихъ затинае,
Кровь христіянськую проливае:
Добре ви, невольники, дбайте.
Скорійше галеру до города Трапезонта доганяйте! [3])

---

[1]) Въ рощѣ въ Базавлукѣ стоялъ шалашъ бурлацкій, тамъ былъ-пребывалъ Кошка Самойло, гетманъ казацкій; было у него товарищей сорокъ человѣкъ. А турецкій господчикъ, молодой пашенокъ, беззаботно гулялъ себѣ на галерѣ на Черномъ морѣ и прибылъ въ гости къ Самойлѣ Кошкѣ, засталъ на мѣстѣ всѣхъ гетманскихъ запорожскихъ казаковъ и далъ имъ желѣзныя путы.

[2]) Уже вони сорокъ літь въ неволі пробувають—многиі годы
Объ землі христіянській нічего не знають.

[3]) Т.-е. Алканъ-паша Трапезонтскій, молодой дѣтина, хорошо поступаетъ, набиваетъ на невольниковъ двойные и тройные кандалы, березовой розгой бьетъ христіанъ по голымъ рукамъ, проливаетъ кровь христіанскую. Хорошенько невольники! Скорѣе пригоняйте галеру къ городу Трапезонту.

По печатному варіанту подобныя истязанія дѣлаются позже, послѣ сновидѣнія паши. Въ обоихъ варіантахъ галера приходитъ (въ печатномъ—на пути изъ Трапезонта въ Козловъ; у Котляревскаго на пути изъ Козлова въ Трапезонтъ) въ городъ Кефу; тутъ, по печатному варіанту, они долго отдыхали, а по варіанту Котляревскаго—переночевали одну ночь.

Здѣсь-то Алканъ-паша увидѣлъ сонъ—будто невольники изрубали весь его экипажъ и его самого. Онъ обращается къ туркамъ за разгадкою сновидѣнія, турки не разгадали. Алканъ-паша обращается къ ключнику.

Разсказъ объ этомъ у Котляревскаго проще, короче и толковѣе.

То Алкану-паші трапезонтьскому
Опівночи приснився сонъ чуденъ, та причуденъ,
То Алканъ-паша одъ сна прочинае,
Промежду турками янычарами походжае:
«Который би міжъ вами турокъ могъ сей сонъ одгадати,
«Могъ бы я ёго великимъ паномъ наставляти:
«Та приснився мині сонъ чуденъ та причуденъ;
«Видиться: козаки невольники моихъ турокъ яничаръ всіхъ порубали,
«Въ Чорнее море вкидали,
«А видиться: Кішка Самійло гетьманъ Запорозькій мене на руки бравъ
«Мині зъ плечъ головку знімавъ,
«Въ Чорнее море вкидавъ».
То міжъ турками яничарами ніхто не мігъ сёго сна відгадати;
Тільки бувъ межъ ними старший старшиною
Ляшъ Бутурлака полковникъ переяславскій,
Недовірокъ християнській,
А вінъ клюшникъ галерській.
Той мігъ сей сонъ відгадати,
Ставъ словами промовляти:
— Велю я тобі, пане молодій, изъ неволниківъ старні кайдани знімати,
А новихъ по два по три набивати,
То буде твоя галера въ цілости пробувати—
Тоді турки яничари изъ неволниківъ старіи кайданы злімали,
Новихъ по два по три набивали,
Скоренько до города Трапезонта приїзджали [1]).

---

[1]) Тутъ Алкану-пашѣ трапезонтскому въ полночь приснился сонъ чудный-пречудный. Алканъ-паша отъ сна пробуждается, похаживаетъ между турками яничарами. „Кто бы изъ васъ, турки, могъ отгадать этотъ сонъ, того бы я поставилъ великимъ господиномъ. Приснился мнѣ сонъ чудный, пречудный: привидѣлось мнѣ, будто казаки невольники всѣхъ моихъ турокъ янычаръ изрубили и кинули въ Черное море. Привидѣлось мнѣ, будто Самойло Кішка запорожскій гетманъ меня взялъ на руки, мнѣ съ плечъ снялъ голову, бросилъ въ Чорное море". Никто изъ турковъ янычаръ не могъ отгадать этого сна. Но между ними былъ старшій старшиною Илья Бутурлака, переяславскій полковникъ, отступникъ отъ вѣры христіанской; былъ онъ галернымъ

Въ варіантѣ печатномъ, какъ всякій можетъ убѣдиться, прочитавши его въ разбираемомъ нами сборникѣ, это мѣсто распространено, растянуто, приняло сказочный тонъ и отступило отъ простоты вышеприведеннаго варіанта. Далѣе, въ печатномъ варіантѣ Алканъ-паша пріѣзжаетъ въ Козловъ сватать дѣвку Санджаковну (дочь санджакчія, губернатора); она приглашаетъ его въ каменную свѣтлицу, сажаетъ, угощаетъ, а также угощаетъ его войско на рынкѣ. Образъ совсѣмъ не мугаммеданскаго міра, а украинскаго: мѣсто это подверглось искаженію и, благодаря варіанту Котляревскаго, мы можемъ возстановить его правильный видъ. Алканъ-паша прибываетъ не на сватанье, а къ себѣ домой, въ свой Трапезонтъ, и дівка Санджаківна, повидимому, не болѣе, какъ его любимая одалиска:

Стали до города Трапезонта приїзжати,
Стали галеру до берега припиняти,
Ставъ Алканъ-паша молодий до дівки Санджаківни прибувати,
Усіхъ турківъ яничаръ зъ собою брати,
Тільки ключника на галері оставляти.

Затѣмъ слѣдуетъ подвигъ Самойла Кошки, разсказъ о томъ, какъ онъ перебилъ турокъ и отплылъ въ отечество. И здѣсь оказывается превосходство варіанта Котляревскаго, и явные признаки амплификаціи въ печатномъ варіантѣ. Въ этомъ послѣднемъ ляхъ Бутурлакъ убѣждаетъ Кошку отречься отъ христіанства, и когда тотъ не хочетъ, то Бутурлакъ бьетъ его по щекамъ; потомъ, ни къ селу, ни къ городу, подпивши, онъ сталъ любезничать съ Кошкою, поитъ его виномъ, а Кошка, въ свою очередь, воспользовавшись пьянымъ состояніемъ ключника, взялъ у него, соннаго, ключи. У Котляревскаго, напротивъ, Кошка притворяется отрекшимся отъ вѣры и этимъ пріобрѣтаетъ довѣріе ключника. Всякій можетъ согласиться, что послѣдній способъ сближенія ключника съ Кошкою естественнѣе. Вотъ въ какомъ видѣ описывается освобожденіе невольниковъ.

Двохъ яничаръ ставъ на підслухи посилати:
Що буде Ляшъ Бутурлака зъ гетманомъ Самійломъ Кішкою розмовляти.
Тоді Ляшъ Бутурлака до Кішки Симійла словами промовляє:
— «Коли бъ ты, Кішко Самійло, свою віру християнську поломавъ,
Уже бъ я тебе зъ кайданівъ росковавъ,
И зъ собою за однимъ столомъ сажавъ».—

ключникомъ. Онъ могъ отгадать сей сонъ. Онъ сталъ говорить такія слова: „скажу я тебѣ, господинъ молодой, надобно снять съ невольниковъ старые кандалы, а надѣть на каждаго по двое и по трое новыхъ: тогда будетъ твоя галерка въ цѣлости". Тогда турки янычары снимали съ невольниковъ старые кандалы и надѣвали на каждаго по двое и по трое новыхъ, а затѣмъ скоренько приставали къ городу Трапезонту.

То Кішка Самійло будто свою віру християнську поломае,
А Бога милосердного въ серцi собі мае!
Иляшъ Бутурлака Кішку Самiила изъ кайданівъ росковавъ,
И зъ собою за однимъ столомъ сажавъ,
Про козацьки звичаи роспитавъ,
То турки яничари тоді тее слухали,
До Алкана-паши прибували,
Словами промовляли:
«Алкане-пашо, пийте, гуляйте,
«Тільки Ляша Бутурлаку не забувайте!»
Алканъ-паша пье та гуляе,
Въ галеру напитки посилае.
Якъ ставъ Иляшъ Бутурлака підпивати,
Ставъ гетманові по три чарки давати;
То Кішка Самійло по одній чарці випивае,
А по другій въ рукавъ виливае,
А третю чарку черкаському судьи посилае.
То вже Иляшъ Бутурлака якъ испився,
То на ліжко звалился.
То Кішка Самійло одъ его пьяного зъ-за-пояса ключи одобравъ,
Усімъ неволникамъ въ руки подававъ.
— Ви, братці, сами себе одмикайте,
— Брязку не вчините,
— Иляша Бутурлаки не збудите! —
Тоді невольники сами себе одмикали,
Брязку не вчинили,
Иляша Бутурляки не збудили.
Тоді Кішка Самійло Иляшу Бутурлаці ключи до пояса привъязавъ.
Опівночноі години Алканъ-паша, дитя молодее,
Одъ дівки Санджаківни изъ турками до галери прибувавъ,
То вже самъ лягае, спочивае,
И тільки двохъ турківъ ради смотрiния кайданівъ посилае.
То тиі турки між неволниками похожали,
За кайдани руками не хватали,
До Алкана-паши прибували,
Словами промовляли:
— Теперь ты, пане нашъ молодий, почивай,
— Тільки Ляша Бутурлаки не забувай! [1]).

---

[1]) Сталъ онъ двухъ янычаръ посылать подслушивать, что будетъ говорить Илья Бутурлака съ гетманомъ Самойломъ Кошкою. А Илья Бутурлака говоритъ Самойлѣ Кошкѣ таковы слова: „еслибъ ты, Самойло Кошка, попралъ свою христіанскую вѣру, я бы тебя расковалъ и посадилъ за однимъ столомъ съ собою“. Самойло Кошка будто свою христіанскую вѣру попираетъ, а самъ держитъ въ своемъ сердцѣ милосердаго Бога. Илья Бутурлака расковалъ изъ кандаловъ Самойла Кошку, посадилъ за однимъ столомъ съ собою и разспрашивалъ о казацкихъ обычаяхъ. Турки янычары, какъ это услыхали, пришли къ Алкану-пашѣ и говорили такія слова: „Алканъ-паша, пейте и гуляйте, только Илью Бутурлаку не забывайте“. Алканъ-паша пьетъ, гуляетъ, на галеру напитки посылаетъ. Какъ сталъ Илья Бутурлака попивать, сталъ гетману по три чарки давать, а Самойло Кошка одну чарку самъ выпиваетъ, другую въ рукавъ

Все здѣсь естественно. Ренегатъ ключникъ имѣлъ поводъ попасться въ обманъ, довѣрившись мнимому обращенію Самойла Кошки въ мугаммеданство. Мусульманское запрещеніе вина не даетъ намъ повода признать ихъ попойки невозможнымъ фактомъ, такъ какъ мусульмане, относительно этого запрещенія, часто руководствовались правиломъ, выражаемымъ русскою поговоркою: «не всякое лыко въ строку». Ильяшъ Бутурлака, въ варіантѣ Котляревскаго, повидимому, не принадлежитъ къ группѣ невольниковъ, бывшихъ тогда на галерѣ; онъ, вѣроятно, попался въ плѣнъ и измѣнилъ вѣрѣ въ иное время и при иныхъ обстоятельствахъ, иначе зачѣмъ бы и о чемъ ему разспрашивать освобожденнаго Кошку о какихъ-то казацкихъ обычаяхъ?

Далѣе слѣдуетъ избіеніе турокъ.

По печатному варіанту оно происходитъ на берегу, гдѣ турки легли спать. Казаки выходили на берегъ и тамъ избивали сонныхъ, но въ варіантѣ Котляревскаго этого выхода на берегъ нѣтъ, и здѣсь опять ходъ событій естественнѣе; трудно допустить, чтобы триста-пятьдесятъ невольниковъ рѣшились выходить на берегъ избивать враговъ, превосходящихъ ихъ въ числѣ и подвергать себя опасности быть окруженными, по данной турками тревогѣ, еще бóльшею толпою вооруженныхъ мусульманъ, тогда, когда у нихъ былъ прямой разсчетъ поскорѣе овладѣть галерою и уплыть въ море. Въ варіантѣ Котляревскаго они именно такъ и поступаютъ: они торопятся расправиться съ экипажемъ галеры и хотятъ скорѣе пуститься въ море, пока въ Трапезонтѣ не узнаютъ объ ихъ освобожденіи и не предпримутъ мѣръ къ погонѣ за ними.

Вотъ какъ въ этомъ варіантѣ описывается самая важнѣйшая сцена повѣствованія:

Тоді Кішка Самійло до неволників словами промовляє:
«Неволники! изъ рукъ и зъ нігъ кайдани спускайте,
«Брязку не учиніте,
«Турокъ-яничаръ не збудіте,

выливаетъ, третью посылаетъ судьѣ черкасскому. А какъ Илья Бутурлака напился, такъ и на постель повалился. Тогда Самойло Кошка у него, у пьянаго, бралъ ключи изъ-за пазухи и отдавалъ въ руки невольникамъ: — братцы, отмыкайте сами себя, только не зазвените, Илью Бутурлака не разбудите! — Невольники сами себя отмыкали, не зазвенѣли, Илью Бутурлаку не разбудили. Тогда Самойло Кошка привязалъ ключи до пояса Ильѣ Бутурлаку. Въ часъ полночный Алканъ-паша, молодой дѣтина, отъ дѣвки Санджакевны съ турками прибывалъ на галеру; онъ самъ ложится ночевать, а двухъ турокъ посылаетъ осмотрѣть кандалы. Эти турки походили между невольниками, не хватались руками за кандалы, и пришедши къ Алканъ-пашѣ говорили такія слова: теперь ты, нашъ молодой господинъ, почивай, только Илью Бутурлаку не забывай!

«Сабли булатниі въ руки хватайте,
«Туркамъ голови знімайте,
«Въ Чорнее море вкидайте,
«Тільки Иляша Бутурлаки не займайте,
«Для порядку козацкого зоставляйте.»
Кішка Самійло Алкана-пашу, трапезонтськое дитя молодее, на руки бравъ,
Зъ плечъ голову знімавъ,
Въ Чорнее море вкидалъ,
Словами промовлявъ:
«Нуможъ ми братці сюю турецькую галеру одъ пристані трапезонтськоі далі одгоняти,
«Щобъ не могли турки трапезонці насъ догоняти [1]).

Въ печатномъ варіантѣ слѣдуетъ затѣмъ плачъ Санджаковны о томъ, что Алканъ-паша такъ скоро удалился отъ ней, а она хотѣла бы съ нимъ переночевать хотя одну ночку, хотя бы за то навлекла на себя брань отъ родителей. Образъ чисто-малорусскій, даже заимствованный изъ любовныхъ пѣсенъ, совсѣмъ не идущій къ повѣствованію. Въ варіантѣ Котляревскаго его нѣтъ.

Далѣе слѣдуетъ пробужденіе Бутурлаки. Въ варіантѣ Котляревскаго:

Стало ясне сонце схожати,
Ставъ Ильяшъ Бутурлака одъ сна прочиняти,
Тоді по галері поглядае,
Що ні одного турка не мае;
Тоді до козаківъ промовляе:
— Козаки панове молодці! нехай би я мігъ знати,
— Когоміжъ вами паномъ назвати? —
Козаки словами промовляли:
«Ляше Бутурлаче, полковнику переяславській,
«Ти й самъ добре знаешъ;
«На що насъ питаешъ?»
Тоді Ляшъ Бутурлака зъ ліжка вставае,
До Кішки Самійла приступае:
— Эй, гетмане запорозскій, зрадивъ ти мене старого
И мого пана молодого! —
А Кішка Самійло словами промовляе:
«Якъ будешъ ти мині се говорити,

[1]) Тогда Самойло Кошка къ невольникамъ говоритъ такія слова: — „невольники! спускайте съ рукъ и съ ногъ кандалы, да не зазвените, не разбудите турокъ-янычаръ, хватайте въ руки булатныя сабли, снимайте головы туркамъ, кидайте ихъ въ Черное море, только одного Илью Бутурлаки не трогайте, оставляйте его для казацкаго порядка!“ Самойло Кошка Алкана-пашу трапезонтскаго, молодого дѣтину, взялъ на руки, снялъ ему съ плечъ голову, кинулъ въ Черное море и говорилъ такія слова: Ну-те, братцы, отгоняйте-ко эту турецкую галеру подалѣе отъ трапезонтской пристани, чтобы турки трапезонтцы не могли насъ догнать!“

То буду я тебе въ Чернее море живцемъ укидати,
А то я бъ тебе мігъ для порядку козацького оставляти [1]).

Въ печатномъ варіантѣ ренегатъ ведетъ себя униженно [2]), проситъ пощады и предлагаетъ свои услуги. Это мѣсто вполнѣ естественно и, какъ кажется, оно принадлежитъ древней правильной редакціи, но случайно забылось тѣмъ, кто пѣлъ варіантъ Котляревскаго.

Далѣе описывается встрѣча съ турецкими галерами и услуга, оказанная казакамъ ренегатомъ. Въ варіантѣ Котляревскаго она описывается такъ:

Въ обідній годині стали ихъ девять галеръ турецькихъ стрічати.
Ставъ Ильяшъ Бутурлака словами промовляти:
«Кішко Самійло, гетмане запорозькій,
Половину козаківъ въ кайдани забивай,
Половину въ турецькее платье наряжай!».
Тоді Кішка Самойло половину козаківъ въ кайдани забиває,
А половину въ турецькее дорогее платье наряжає.
Иляшъ Бутурлака на чердакъ вихожає,
Турецькую короговъ виставляє,
До турокъ яничаръ словами промовляє:
— Турки яничаре, не близько ви приізжайте,
Цитьте, не кричите,
Мого пана молодого не збудіте.
Бо мій панъ цілу нічъ зъ дівкою Санджаківною гулявъ,
А теперъ вінъ спочиває!—
Тоді турки яничари тее зачували,
За три версти галери турецькиі одвертали.
Тоді Ляшъ Бутурлакъ словами промовляє:
— Эй нумо, козаки, галеру—
Швиденько до Січи приізжайте,
Щобъ не могли турки того дізнати,
Назадъ галери привертати [3]).

---

[1]) Стало ясное солнце восходить, сталъ Илья Бутурлака пробуждаться отъ сна. Тогда онъ поглядываетъ на галеру и говоритъ казакамъ: „казаки, господа молодцы! Могу ли я знать, кого мнѣ изъ васъ называть господиномъ“. А казаки ему говорили такія слова: „Илья Бутурлака, переяславскій полковникъ, самъ ты хорошо знаешь, зачѣмъ же насъ спрашиваешь?“ Тогда Илья Бутурлака встаетъ съ постели и подходитъ къ Самойлѣ Кошкѣ: „Ахъ, запорожскій гетманъ, измѣнилъ ты мнѣ старику и моему молодому господину“. А Самойла Кошка говоритъ такія слова: „если ты будешь мнѣ это говорить, то я брошу тебя живьемъ въ Черное море, а иначе я могу тебя оставить для казацкаго порядка“.

[2]) У ноги впадае:
Ой Кішко Самійло, гетмане запорозькій, батько козацькій,
Не будь же ти на мене,
Яко та на останці віка моего на тебе.

[3]) Въ часъ обѣденный стали ихъ встрѣчать десять турецкихъ галеръ; сталъ Илья Бутурлака говорить такія слова: „Самойло Кошка, гетманъ запорожскій, забей по-

Въ печатномъ варіантѣ это излагается подробнѣе: турецкія галеры въ числѣ двѣнадцати плывутъ изъ Царьграда поздравлять Алкана-пашу съ сватовствомъ его. Казаки, неизвѣстно зачѣмъ, направляются къ Царьграду. Бутурлакъ подаетъ имъ знакъ бѣлымъ турецкимъ завивагомъ (чалмою), проситъ не шумѣть, не разбудить Алкана-пашу, а потомъ съ обѣихъ сторонъ раздаются пушечные выстрѣлы въ знакъ взаимной вѣжливости, чтó, разумѣется, противорѣчитъ приказанію не шумѣть и не разбудить паши. И здѣсь, какъ всякій согласится, варіантъ Котляревскаго представляетъ болѣе естественности.

Далѣе слѣдуетъ возвращеніе въ отечество. Въ печатномъ варіантѣ ихъ увидалъ на Тендровѣ островѣ гетманъ Семенъ Скалозубъ; думая, что это турецкая галера, онъ приказалъ стрѣлять въ нее. Казаки пробили три доски въ галерѣ, стала галера тонуть; но Кошка Самойло, вскочивъ на чердакъ, распустилъ красное крещатое казацкое давнее знамя, которое, повидимому, берегъ съ собою во все продолженіе неволи. Тутъ Кошка объявилъ, кто онъ. Казаки бросились спасать галеру. Въ варіантѣ Котляревскаго дѣлается здѣсь гораздо короче. Казаки прибыли прямо къ Сѣчи, тогда

Стали січовиі козаки тее зобачати,
Стали вони изъ пушокъ грімати.
— Нумо, братці, сюю турецьку галеру розбивати,
Щобъ могли турки въ Чорному морі потопати!—
Ляшъ Бутурлакъ тое зобачае,
До Кішки Самійла словами промовляе:
«Кішко Самійло, гетьмане запорозьскій,
Ти міжъ козаками пробуваешъ,
Козацькихъ звичаевъ не знаешъ!
Козацькую цвітную хрещатую корогву на чердакъ виноси;
Будуть січовиі козаки тее зобачати,
Будуть нашу галеру козацькую крюками за лавки хватати,
До берега ближче притягати,
А то намъ доведеться у Чорному морю потопати [1]).

ловину казаковъ въ кандалы, а другую половину наряди въ турецкое платье". — Тогда Самойло Кошка половину казаковъ забиваетъ въ кандалы, а другую половину наряжаетъ въ дорогое турецкое платье. Илья Бутурлака выходитъ на чердакъ, выставляетъ турецкую хоругвь и говоритъ туркамъ-янычарамъ такія слова: „турки-янычары! не подъѣзжайте близко, молчите, не кричите, не разбудите моего молодого господина: мой господинъ цѣлую ночь гулялъ съ дѣвкою Санджаковною, а теперь почиваетъ!" Турки-янычары какъ это услыхали, то за три мили уводили турецкія галеры. Тогда Илья Бутурлака говоритъ такія слова: „Ну, казаки, поскорѣе ведите галеру къ Сичѣ, чтобъ не могли турки дознаться и повернуть галеру назадъ".

[1]) Сичевые казаки это увидали, и стали они гремѣть изъ пушекъ. „Давайте-ка, братцы, разбивать эту турецкую галеру, чтобъ турки могли потонуть въ Черномъ

Печатный варіантъ описываетъ, какъ казаки дѣлили добычу, состоявшую изъ матерій (киндяковъ и златоглавовъ), серебра и золота. Матеріи подѣлены были по достоинству между казаками и атаманами; серебро и золото раздѣлено было на три части: первую дали на церкви двухъ монастырей, межигорскаго и трахтемировскаго, и на покровскую сичевую, построенныя на счетъ казачества; вторую часть добычи раздѣлили между товарищами, а третья покрыла издержки пира, устроеннаго въ честь возвращенія изъ неволи Самойла Кошки съ товарищами: «садились казаки рядами, пили, гуляли, гремѣли семипядныя пищали, поздравляли казаки Самойла Кошку, возвратившагося на свободу: здравствуй, здравствуй, Кошка Самойло, гетманъ запорожскій, не погибъ ты въ неволѣ, не погибнешь съ нами, казаками, на волѣ!»

Въ варіантѣ Котляревскаго нѣтъ этого любопытнаго мѣста, рисующаго зап...ожскіе обычаи, за то есть другія черты быта запорожскаго: ...ядіе ренегату, которому, несмотря на услуги, оказанныя каза... въ послѣднее время, Кошка не простилъ отступничества отъ вѣры и жестокаго обращенія съ единоземцами:

Стали козаки зъ галери виступати,
Семенъ Сколозубъ гетьманъ запорозькій
До галери близче приступае,
Гетьмана Кішку Самійла тамъ признавае,
И ще до его словами промовляе:
«Кішко Самійло, гетьмане запорозькій,
40 (въ рукописи число это написано и перечеркнуто) годівъ ты въ неволи пробувавъ—
Ні одного козака зъ свого війска не втерявъ».
Тоді Кішка Самійло зъ галери виступае,
Семена Скалозуба въ турецькую одежу наряжае,
До козаківъ словами промовляе:
«Козаки панове молодці,
Ляша Бутурлаку изрубайте;
А то ми тоді его не рубали,
Що для порядку козацького оставляли» [1]).

морѣ. А Илья Бутурлака это видитъ и говоритъ Самойлѣ Кошкѣ такія слова: „Самойла Кошка, гетманъ запорожскій, ты между казаками пробываешь, а казацкихъ обычаевъ не знаешь. Вынеси на чердакъ казацкую цвѣтную крещатую хоругвь: увидятъ ее сичевые казаки, будутъ хватать нашу казацкую галеру крюками за лавки, притягивать близко къ берегу, а не то—намъ придется утонуть въ Черномъ морѣ.

[1]) Стали казаки выходить изъ галеры. Семенъ Скалозубъ, гетманъ запорожскій, близко приступаетъ къ галерѣ, узнаетъ Самойла Кошку и говоритъ къ нему такія слова: „Самойла Кошка, гетманъ запорожскій, сорокъ лѣтъ ты былъ въ неволѣ и ни одного казака изъ своего войска не потерялъ“. Тогда Самойла Кошка выходитъ изъ галеры, наряжаетъ самого Скалозуба въ турецкую одежду, а казакамъ говоритъ

Затѣмъ упоминается о смерти Самойла Кошки такъ:

> Приїхавъ Кішка Самойло гетьманъ запорозькій у осені о Покрові,
> Та вмеръ у пилипівку объ Миколі.

Печатный варіантъ говоритъ, что Самойло Кошка умеръ въ Кіевѣ, въ Каневѣ (?!) монастырѣ. Варіантъ этотъ оканчивается славленіемъ, общимъ финаломъ, которымъ завершаютъ бандуристы пѣніе своихъ думъ.

Варіантъ Зайкевича скуденъ. Очевидно, бандуристъ позабылъ многое изъ думы и сообщилъ записавшему только то, чтó случайно удержалось у него въ памяти; но и по этимъ отрывкамъ, какъ по вступленію, можно догадываться, что это обломокъ редакціи, отличной отъ варіантовъ Котляревскаго и печатнаго. Пребываніе Самойла Кошки въ неволѣ не растягивается на большой періодъ; крупное число лѣтъ, измѣнившись изъ *пятидесяти четырехъ* печатнаго варіанта на *шестьдесятъ*, отнесено на возрастъ Бутурлаки, называемаго не Ильяшомъ, не ляхомъ, а Иваномъ, малороссійскимъ хрестяниномъ (позднѣйшій анахронизмъ). Послѣ вступленія, приведеннаго нами выше, описывается какъ паша, называемый Алканомъ, захватившій Самойла Кошку—

> Безпечне по Чорному морю гулявъ,
> Та до дівки Санджаковни въ гості прибувавъ,
> А коло себе мавъ вінъ шестидесяти літъ Ивана Бутурлака
> Малороссійського хрестянина:
> Той бувъ у его вірний слуга.

Этотъ Иванъ Бутурлакъ не по неволѣ, а по доброй волѣ вызывается служить казачеству:

> То вінъ (паша) у дівки Санджаківни цілий місяць гуляе,
> А Иванъ Бутурлакъ на пристані зъ Кішкою Самійломъ пробувае,
> Живность собі получае,
> Зъ Кішкою Самійломъ зъ гетьманомъ козацькимъ розмови собі хороши мае:
> Що вже, Кішко Самійлу, полно нашому пану служити,
> Християньскои віри ломати!
> Що ми есть за христіяне, що будемъ ему служити?
> Можно по Богому закону християнскому его рубити!

Затѣмъ слѣдующій обломокъ разговора паши съ Бутурлакомъ, непонятный въ томъ видѣ, въ какомъ онъ переданъ:

> Молодее паня турецькее баша одъ дівки Санджаківни на пристань прибувае,
> Та до Бутурлака словами промовляе:

такія слова: „казаки, господа молодцы! Изрубите Илью Бутурлака, а то мы его тогда не рубили, потому что оставляли его для казацкаго порядка.

«Будешъ ты до мого отця прибувати, словами промовляти,
Будешъ та одъ мого отця серебреники получати».

Затѣмъ пропускъ. Потомъ:

Бутурлакъ ключи оддавъ,
Щобъ козаки зъ себе залізні пути поздіймали
Турецькее паня, молоде баша, зъ місця брали,
Въ Чорнее море метали.

Затѣмъ снова пропускъ, заключавшій, вѣроятно, описаніе избіенія турокъ. Далѣе:

Тоді стали безпечне по Чорному морю гуляти,
Та до діда Солонки въ гості прибувати;
То дідъ Солонка у вічи Самійла Кішку зобачавъ,
Словами промовлявъ:
— Ой здоровъ, здоровъ,—каже, Кішко—Самійлу,
Якъ ти живешъ, поживаешъ,
Чи ты царя-Бога не забуваешъ?
— Я Бога милосердного не забуду,
А турецькому баші служити не буду.

Мы позволили себѣ сдѣлать это сличеніе варіантовъ, потому что оно, хотя отчасти, можетъ уяснить, какъ видоизмѣнялись вообще думы. Не будучи записанною, и переходя отъ бандуриста къ бандуристу изустно, дума наша естественно разбивались на варіанты и въ болѣе старое время, но эти варіанты не могли тогда вносить съ собою ничего чуждаго быту, духу и пріемамъ того круга, въ которомъ дума первоначально создалась. Бандуристъ, по вдохновенію, могъ внести одну-другую черту вновь или замѣнить прежнюю иною, но не могъ дѣлать грубыхъ анахронизмовъ противъ народнаго быта, пока самъ былъ близокъ къ тому жизненному кругу, которому принадлежала дума по своему содержанію. Дума приходилась по вкусу слушателей и возбуждала къ себѣ ихъ сердечное участіе; ея содержаніе и главныя черты оставались въ ихъ памяти; всякое искаженіе думы возбудило бы негодованіе въ слушателяхъ; видоизмѣненія были дозволительны только относительно способовъ выраженія, и бандуристами въ этомъ случаѣ должно было руководить только побужденіе угодить вкусу слушателей. Но, съ теченіемъ времени, условія жизни стали иныя; поэтическая потребность въ народѣ стала искать другой области; разсказы о событіяхъ, совершившихся нѣкогда въ такой средѣ, въ какой народъ уже болѣе не обращался, потеряли для него свою свѣжесть, перестали съ прежней силою дѣйствовать на сердце и дѣйствовали пока только на одно воображеніе, становясь предметомъ развлеченія. Тогда думы подверглись искаженіямъ двоякаго рода: или расширялись и, такъ сказать, надувались, те-

ряли простоту и естественность повѣствовательнаго тона, принимали анахронизмы, несообразности съ условіями того вѣка, къ которому принадлежало событіе, служившее содержаніемъ думѣ, впадали въ болтовню, набирались сухости и вялости; — или же, наоборотъ, думы сокращались; бандуристы забывали то ту, то другую часть думы, то замѣняли забытое искаженными переносами изъ другихъ думъ, то оставляли пробѣлы, зашивая ихъ такъ сказать бѣлыми нитками собственнаго изобрѣтенія. Варіанты думы о Самойлѣ Кошкѣ представляютъ намъ образчики той и другой судьбы думъ. Варіантъ, напечатанный въ сборникѣ, безъ сомнѣнія, подвергся амплификаціи; варіантъ Котляревскаго гораздо чище и ближе къ настоящему, древнему виду думы, но въ немъ кое-гдѣ, особенно къ концу, замѣтны признаки сокращенія. Что касается до варіанта Зайкевича, то онъ представляетъ образчикъ сокращенія длинной думы до небольшого обломка; онъ важенъ и въ томъ отношеніи, что показываетъ измѣненіе думы въ ея существенныхъ признакахъ: Бутурлакъ является здѣсь добровольнымъ освободителемъ невольниковъ.

Мы не станемъ входить въ разсужденія о томъ, къ какому именно историческому лицу и къ какому времени относится событіе, изображенное въ этой думѣ, ни о томъ, въ какой степени вѣрны черты, находящіяся въ ней; объ этомъ достаточно сказали гг. издатели въ своихъ объясненіяхъ; мы желали только дополнить ихъ. Укажемъ, въ тѣхъ же видахъ, еще на думу, помѣщенную на 241 стр. сборника гг. Антоновича и Драгоманова подъ именемъ Ивана Богуславца. Первые шесть стиховъ, которыми начинается варіантъ, помѣщенный ими, не принадлежатъ этой думѣ; но они любопытны, какъ образчикъ старинныхъ пѣсенныхъ прибаутокъ. Собственно дума начинается стихомъ:

Ой на морю на синёму,

Затѣмъ описывается, какъ въ темницу, гдѣ сидѣли четыреста-сорокъ невольниковъ, пришла «пані Кізлевская, віра бусурманская» и, обратившись къ Ивану Богуславцу, казаку днѣстровому, войсковому атаману, сдѣлала ему такое предложеніе:

Покидай же, Иванце Богуславче,
Віру свою християнськую підъ ноги,
Да восприймай нашу бусурманськую въ руки,
Да будемъ пити, гуляти,
Мене за себе пропивати.

Иванъ Богуславецъ далъ ей такой отвѣтъ:

Да бодай же, пані Кізлевская,
Віро бусурманськая,

Да не діждала того говорити,
Щобъ я свою віру християнськую підъ ноги підтоптавъ,
А твою бусурманськую на руки воспрійнявъ.

Въ рукописи, сообщенной мнѣ А. А. Котляревскимъ, той самой, гдѣ находится превосходный варіантъ Самойла Кішки, есть и эта дума. Въ его варіантѣ начало заимствовано очевидно изъ думы о Марусѣ Богуславкѣ, напечатанной въ сборникѣ гг. Антоновича и Драгоманова, на стр. 233. Иванъ Богуславецъ, старшина казацкій, сидя въ темницѣ съ семьюстами казаковъ, объявляетъ имъ, что пришелъ день великой субботы, а завтра будетъ великъдень: то же говоритъ казакамъ-невольникамъ и Маруся Богуславка. Казаки проклинаютъ Иванца, а онъ обѣщаетъ ихъ освободить: то же и въ думѣ о Марусѣ Богуславкѣ. Но здѣсь и оканчивается сходство. Очевидно, бандуристъ перенесъ изъ думы о Марусѣ въ думу объ Иванѣ цѣлое мѣсто, увлекшись сходствомъ образовъ и самыхъ именъ: Богуславецъ и Богуславка. Далѣе—приходитъ въ темницу турчанка, называемая Алканъ-пашовою. Она—

Одъ мужа зоставала,
Свого мужа поховала,
До темниці прихожала,
Темницю одмикала,
Поміжъ неволниками похожала,
Иванця Богуславця за білую руку брала,
Словами промовляла:
Иванче Богуславче! Колибъ ти віру християнську поламавъ,
А нашу бусурманську на себе бравъ,
Уже бъ ти въ городі Козлові паповавъ.
Ябъ твоихъ невольниківъ всіхъ зъ темниці выпущала,
Въ землю християнськую хорошенько провожала [1]).

Въ варіантѣ гг. Антоновича и Драгоманова, какъ мы видѣли, Богуславецъ отвергаетъ предложеніе турчанки; послѣдняя употребляетъ надъ нимъ насиліе; она приказываетъ своимъ мурзакамъ:

Да візьміть же Иванця Богуславця,
Козака дніпрового отамани військоваго,
Да звяжіть ёму руки сирою сирицею,
Да положіть ёго передъ праведнимъ сонечкомъ;
Якъ стало сонечко пригрівати,
Стала сирая сириця ссихати,

---

[1]) Осталась послѣ мужа, похоронила своего мужа, приходила къ темницѣ, отпирала темницу, ходила между невольниками, Иванушку Богуславца брала за бѣлую руку, говорила такія слова: „Иванушка Богуславецъ, если бы ты попралъ христіанскую вѣру и принялъ нашу бусурманскую, ты бы уже былъ господиномъ въ городѣ Козловѣ; я бы выпустила изъ темницы твоихъ невольниковъ, и проводила бы ихъ хорошенько въ христіанскую землю“.

Ставъ Иванъ Богуславецъ да на пробу кричати:
Покидаю віру християнськую підъ ноги,
А восприймаю вашу бусурманськую на руки [1]).

Въ варіантѣ Котляревскаго Богуславецъ, не испытавши пытки, но только услышавши отъ турчанки предложеніе сдѣлать его паномъ, а товарищей отпустить на волю, тотчасъ соглашается, однако съ такимъ условіемъ:

Якъ не будешъ ти мене християнською вірою урікати,
Буду я за жону тебе брати [2])!

Въ варіантѣ, напечатанномъ въ сборникѣ гг. Антоновича и Драгоманова, турчанка приказываетъ развязать Богуславцу руки и вести его въ высокій теремъ:

Да будемъ пити гуляти,
Мене за ёго пропивати.
Да гей же пропивати! [3])

Здѣсь дума и оканчивается, или, лучше сказать,—обрывается. Но въ рукописи Котляревскаго слѣдуетъ такая развязка:

Семь недѣль турчанка не употребляла ничего пьянаго и не попрекала своего мужа измѣною вѣрѣ, но на восьмой недѣлѣ она напилась пьянà,

Стала зъ молодими турецькими панами гуляти,
Стала Иванцеві Богуславцеві християнською вірою урікати:
— Дивіться, панове, який у мене мужъ прекрасний,
Та вінъ у насъ побусурманився
Для роскоши турецькоі [4]).

Не вытерпѣлъ казакъ издѣвки, онъ

До Чорного моря швиденько пробігае, въ лодку сідае.
Козаківъ середъ Чорного моря доганяе
До козаківъ въ судно вступае [5])

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе, какъ помянутая турчанка бросается къ берегу и проклинаетъ Богуславца: чтобъ Господь мило-

---

[1]) Возьмите Иванушку Богуславца, днѣстровото казака, войскового отамана, свяжите ему сырою кожею руки, положите его передъ праведнымъ солнышкомъ. Какъ стало пригрѣвать солнышко, стала сохнуть сырая кожа, сталъ Иванъ Богуславецъ отчаянно кричать: покидаю христіанскую вѣру подъ ноги, воспринимаю вашу бусурманскую...

[2]) Какъ не будешь ты меня попрекать христіанскою вѣрою, возьму я тебя женою.

[3]) Пропивать—новѣйшая южно-русская передѣлка подъ вліяніемъ великорусскаго понятія о пропитіи въ смыслѣ сватовства.

[4]) Стала гулять съ молодыми турецкими господчиками, стала попрекать вѣрою Иванушку Богуславца:—смотрите, господа, какой у меня прекрасный мужъ, только онъ у насъ побусурманился для турецкой роскоши!

[5]) Прибѣгаетъ нà-скоро къ Черному морю, садится въ лодку, догоняетъ казаковъ среди Чернаго моря, вступаетъ къ казакамъ въ судно.

сердый лишилъ тебя этого свѣта, какъ ты мнѣ, молодой, измѣнилъ! Образъ этотъ, какъ намъ кажется, перенесенъ отсюда въ думу о Самойлѣ Кошкѣ, въ томъ ея варіантѣ, который напечатанъ въ разбираемомъ нами сборникѣ. Тамъ онъ примѣненъ къ дівкѣ Санджаківнѣ и, сверхъ того, одѣтъ въ несвойственную ему малорусскую одежду; здѣсь онъ не совсѣмъ некстати и безъ тѣхъ прибавокъ, которыя слишкомъ рѣжутъ глаза въ думѣ о Кошкѣ. Далѣе дума оканчивается такъ:

Якъ стала темная нічка наступати,
Стали козаки до города Козлова назадъ прибувати,
Стали на турківъ соннихъ набігати,
Стали ихъ рубати,
Городъ Козловъ огнемъ-мечемъ воювати,
Стали турецки лёхи розбивати,
Срібро-золото, дорогую одежу забірати.
Ставъ Иванець Богуславець Алканъ-пашовую молодую рубати.
Ставъ одъ пристані козлівськои поспішати,
Ище до світу до города Січи прибувати,
Въ городі Січи сокровища турецькиі розділяти.
Стали уже козаки словами промовляти:
«Иванець Богуславець, гетьмане запорозьскій,
Десять літъ ти въ неволі пробувавъ,
Ні одного козака не втерявъ!»
Визволь, Господи, неволники изъ неволі
На край веселий, между народъ хрещений» [1]).

Достоинство сборника гг. Антоновича и Драгоманова возвышается не только отъ того матеріала, какой они помѣстили въ этомъ сборникѣ, но и отъ того, что они не помѣстили тамъ многаго такого, чтó другіе до нихъ помѣщали въ своихъ сборникахъ. Мы говоримъ о мнимо-народныхъ думахъ и пѣсняхъ, которыхъ, къ сожалѣнію, наплодилось довольно много. Вооруженные вѣрнымъ взглядомъ и основательнымъ знакомствомъ съ пріемами народной поэзіи, издатели правильно замѣтили поддѣльность этихъ мнимо-народныхъ произведеній, но не указали въ подробности чертъ этой поддѣльности. Мы считаемъ не безполезнымъ

---

[1]) Какъ наступала темная ночка, казаки стали прибывать къ городу Козлову, стали нападать на сонныхъ турокъ, стали ихъ рубить, городъ Козловъ воевать мечомъ и огнемъ, стали разбивать турецкіе погреба, забирать сребро-золото, дорогія одежды. Тогда Иванушка Богуславецъ сталъ рубить молодую вдову Алканъ-паши. Стали казаки поспѣшать отъ Козловской пристани и до свѣта прибывали къ городу Сичѣ, а въ городѣ Сичѣ стали раздѣлять между собою турецкія сокровища. Стали тогда казаки говорить такія слова: Иванушка Богуславецъ, гетманъ запорожскій, ты пробывалъ десять лѣтъ въ неволѣ и не потерялъ ни одного казака. Избавь, Господи, невольниковъ изъ неволи, въ край веселый, къ народу крещеному.

досказать, съ своей стороны, недосказанное гг. издателями. Дума о походѣ князя язычника на Царьградъ разобрана нами въ Бесѣдѣ (1871 г. № 12). Эта поддѣльная дума вышла отъ г. Шишацкаго Илича; ему же принадлежитъ сообщеніе поддѣльнаго отрывка пѣсни про Малаго Гирея, напечатаннаго въ сборникѣ Метлинскаго. Искусственно-правильный размѣръ, неестественное теченіе рѣчи, разстановка словъ, чуждая народному пѣсенному складу, выкованныя слова, какъ *згвалтовали, гвалтівно, угоди,* употребленіе словъ не въ ихъ натуральномъ сочетаніи, напр. *навіжені таборища Малою Гиреи,*—все обличаетъ поддѣлку еще неискусную, такъ что видно, какъ авторъ, сочиняя этотъ отрывокъ, еще только учился, а при составленіи думы о язычникѣ-князѣ достигъ нѣкоторой ловкости. То же можно сказать объ отмѣченныхъ издателями отрывкахъ, напсчатанныхъ у Метлинскаго на 436 страницѣ. Дума о Дмитрѣ Самійленкѣ, перепечатанная Метлинскимъ изъ «Виленскаго Атенея», гдѣ она была помѣщена г. Изопольскимъ, до такой степени показываетъ сочиненность, что удивительно, какъ могли хотя на минуту сомнѣваться въ ея фальшивости люди, сколько-нибудь знакомые съ пріемами народной поэзіи. Эта дума принадлежитъ къ разряду польскихъ поддѣлокъ. Наиболѣе вводили насъ въ заблужденіе сборники русскихъ собирателей, какъ «Запорожская Старина» Срезневскаго, сборникъ Максимовича, да и отчасти сборники другихъ собирателей. Область народной поэзіи представлялась намъ нагруженною невѣдомыми сокровищами, народный языкъ былъ недостаточно изученъ — все казалось возможнымъ, никто не чувствовалъ въ себѣ столько силъ и столько знанія, чтобы изречь приговоръ надъ тѣмъ, что̀ въ ней существуетъ и что́ можетъ существовать, и что́ противорѣчитъ ея духу, языку и пріемамъ. Поэтому неудивительно, что собиратели заносили въ свои изданія даже такія произведенія, о которыхъ положительно извѣстно кѣмъ они написаны (какъ, напр., «віють вітри» Котляревскаго, или «за Німанъ иду» Писаревскаго и т. п.). Въ послѣднее время изученіе народной поэзіи сдѣлало большой шагъ, хотя и нельзя сказать, чтобы на этомъ полѣ ничего уже не оставалось дѣлать. Наука должна быть особенно признательна г. Чубинскому, который, получивъ отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества порученіе и пособіе къ собранію народныхъ матеріаловъ въ югозападныхъ губерніяхъ, представилъ, между прочими матеріалами, такой огромный сборникъ пѣсенъ, какого еще не было въ Россіи. Къ сожалѣнію, Императорское Русское Географическое Общество только этимъ и ограничилось, тогда какъ для полноты дѣла нужно было произвести такое же

изслѣдованіе малорусской народности, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ Новороссіи и въ Черноморьи. Кромѣ сборника Чубинскаго, мы имѣемъ подъ рукою богатый сборникъ галицкихъ пѣсенъ г. Головацкаго. При этихъ пособіяхъ мы уже въ состояніи настолько познакомиться съ пріемами народной поэзіи, что теперь почти невозможны тѣ заблужденія, въ какія впадали прежніе собиратели и изслѣдователи. Тѣмъ не менѣе изданныя прежде пѣсни ненароднаго происхожденія, принимавшіяся за дѣйствительно народныя, успѣли уже оставить вредныя вліянія въ наукѣ и литературѣ. Поэтому, онѣ стóятъ того, чтобы посвятить обличенію ихъ болѣе труда, чѣмъ сколько приложили гг. издатели, намѣтивши только ихъ по названіямъ. Мы считаемъ не лишнимъ, въ видѣ дополненія къ тому, на чтó почтенные издатели указали въ предисловіи къ своему изданію, поговорить нѣсколько подробнѣе объ этихъ псевдо-народныхъ произведеніяхъ и показать тѣ черты, которыя побуждаютъ усомниться въ ихъ принадлежности къ народному творчеству.

Главное, чтó побуждаетъ подозрѣвать въ этихъ произведеніяхъ ненародное происхожденіе — это полное отсутствіе ихъ въ народномъ обращеніи въ настоящее время. До сихъ поръ не найдено было не только ни одной изъ тѣхъ думъ и пѣсенъ, которыя намъ выдавались за народныя, но даже ни малѣйшаго слѣда, указывающаго на ихъ существованіе въ прежнее время. Могутъ намъ возразить, что онѣ могли существовать прежде, но теперь забылись, тѣмъ болѣе, что были достояніемъ однихъ бандуристовъ, а не всего народа. Дѣйствительно, можно найти примѣры, какъ старинныя пѣснопѣнія исчезали. Но не страннымъ ли покажется то обстоятельство, что разомъ исчезло безслѣдно столько думъ и пѣсенъ, тогда какъ другіе до сихъ поръ продолжаютъ еще пѣться между бандуристами? Притомъ, почему исчезли именно такія, которыя такъ отличны отъ оставшихся и представляютъ черты, возбуждающія подозрѣніе въ дѣйствительно-народномъ ихъ происхожденіи?

Возьмемъ, во-первыхъ,—думу о черноморскомъ походѣ Серпяги, напечатанную нѣкогда въ «Запорожской Старинѣ» и у Максимовича. Самое содержаніе ея подозрительно. Оно состоитъ въ томъ, что казаки, собравшись въ походъ на морѣ, принуждены нѣсколько времени прождать на берегу, пока пройдетъ гроза. Такое обыденное явленіе едвали могло послужить темою для думы, едва ли могло занимать воображеніе слушателей и оставаться въ народной памяти цѣлыя столѣтія. Тонъ, съ которымъ казацкій гетманъ обращаетъ къ казакамъ свою рѣчь, совсѣмъ не въ ка-

зацкомъ духѣ. «Слыхомъ не слыхать, видомъ не видать, чтобы такая злая буря на казаковъ такъ сильно наступала и гремѣла и блистала». Такъ говоритъ предводитель воинственнаго общества! Какъ могъ казакъ, всегда привыкшій къ непогодамъ, отзываться съ изумленіемъ о такомъ явленіи, какъ гроза! Дряблый тонъ этой думы не представляетъ подобія съ истинно-народными думами. Нельзя также не отнести къ сочиненнымъ, а не народнымъ пѣснямъ, пѣсни о Сверчовскомъ, появившихся въ тѣхъ же сборникахъ. Мы знаемъ, что походъ Сверчовскаго (а не Свирговскаго, какъ онъ названъ въ пѣснѣ) былъ дѣломъ самовольнымъ, а въ псевдо-исторіи у Конисскаго говорится, что польское правительство побуждало предводителя казаковъ идти въ походъ. Въ пѣсняхъ о Свирговскомъ говорится прежде всего о приходѣ лядскихъ коммиссаровъ, какъ бы подававшемъ поводъ къ походу. Это первый признакъ побуждающій подозрѣвать, что пѣсня сложена на основаніи фальшивыхъ источниковъ. Затѣмъ, въ той же пѣснѣ есть выраженія, едва ли возможныя въ народномъ произведеніи. Такъ, напр., говорится, что Свирговскій собралъ раду и на радѣ леталъ сизымъ орломъ, гнулся яворомъ и говорилъ казакамъ: «гдѣ теперь, милые братья, я дѣнусь?» Гнуться яворомъ—выраженіе, выдуманное неудачно; въ народной поэзіи его встрѣтить невозможно,—оно и неестественно: яворъ не такое деревцо, котораго своеобразнымъ качествомъ было бы гнуться. Что̀ можетъ быть нелѣпѣе, какъ представить себѣ казацкаго предводителя, который на радѣ восклицаетъ предъ казаками: гдѣ я дѣнусь? Казаки назвали бы такого предводителя старою бабою. Въ той же пѣснѣ попадается также выраженіе: «сподінувся въ сирій могилі»; выраженіе это не свойственно народной рѣчи; сподінувся въ могилѣ — нельзя сказать, а можно въ томъ смыслѣ, въ какомъ, повидимому, желалъ выразиться авторъ, сказать: «сховався въ сирій землі.» Кромѣ этой пѣсни есть еще три пѣсни о Свирговскомъ; ихъ также невозможно признать чисто-народными. Это показываетъ, какъ то, что народъ ихъ не знаетъ, такъ и многіе промахи противъ народнаго языка и противъ пріемовъ народной пѣсенности (напримѣръ, выраженіе «де ви нашого гетмана сподівали», въ смыслѣ—дѣли;—слово «зхоронили» вмѣсто «поховали», глаголъ жалковать въ дѣйствительномъ залогѣ вмѣсто средняго; «зростився» о цвѣтѣ, вмѣсто «вирісъ», слово «перепелиха» вмѣсто «перепелиця», что̀ выходитъ уродливо, такъ какъ перепелиха будетъ значить жена перепела и пр.).

Но вообще отдѣлъ пѣсенъ, относящихся къ борьбѣ казаковъ съ мугаммеданскимъ міромъ, не столько изобилуетъ мнимо-народ-

ными, какъ отдѣлъ тѣхъ, которые относятся къ борьбѣ съ Польшею. Читатели, быть можетъ, изумятся, когда узнаютъ, что въ малорусской поэзіи нѣтъ ни одной думы или пѣсни, относящейся до борьбы казаковъ съ поляками, происходившей до Богдана Хмельницкаго, тогда какъ въ сборникахъ, до сихъ поръ издававшихся, помѣщались они въ значительномъ количествѣ и мы всѣ были увѣрены въ ихъ существованіи. Оказывается, что всѣ эти пѣсни вовсе не народныя и неправильно признавались такими.

Пѣсни и думы, о которыхъ идетъ рѣчь, слѣдующія:

1) Дума о дарахъ Баторія.

2) Дума о чигиринской побѣдѣ, одержанной, будто бы, Наливайкомъ надъ польскимъ гетманомъ Жолкѣвскимъ.

3) Пѣсня о сожженіи Могилева.

4) Пѣсня о взятіи Наливайка.

5) Пѣсня о Лободѣ.

6) Двѣ пѣсни о Тетеренкѣ.

7) Пѣсня о Чураѣ.

8) Дума о трехъ полководцахъ, ѣдущихъ на битву съ поляками.

Первая дума описываетъ событіе, занесенное въ малорусскія лѣтописи: польскій король Стефанъ Баторій устроилъ сословіе реестровыхъ казаковъ и прислалъ казакамъ знаки достоинства ихъ сословія: знамя, бунчукъ и булаву. Событіе это могло бы казаться сомнительнымъ, потому что никакого оффиціальнаго акта о такомъ устройствѣ казаковъ нѣтъ. Однако, извѣстіе о немъ есть не только у малорусскихъ, но и у польскихъ писателей XVII вѣка, и мы не отвергаемъ его достовѣрности, но едвали можно придать поступку короля Стефана значеніе дарованія какихъ-нибудь правъ, особенно пріятныхъ для казаковъ и всего русскаго народа, какъ это думали у насъ главныхъ образомъ подъ вліяніемъ псевдо-исторіи Конисскаго. Это было, вѣроятно, не болѣе, какъ королевское распредѣленіе въ существовавшемъ уже казацкомъ сословіи и, во всякомъ случаѣ, клонилось, какъ послѣдствія показали, къ ограниченію казацкой силы, уже стремившейся тогда разлиться на весь народъ, а вовсе не было вводимо съ цѣлію расширить эту силу. Поэтому, едва ли событіе это и могло стать настолько драгоцѣннымъ для народной памяти, чтобы сдѣлаться предметомъ думы.

Дума эта начинается такимъ сравненіемъ:

«То не вѣтеръ буйный воетъ, завываетъ по степямъ, то не татарскій ханъ посылаетъ свое войско, чтобы оно опустошало невинную Украйну, родную мать нашу, забирало въ плѣнъ жен-

щинъ и дѣвицъ, брало себѣ все наше имущество, загоняло въ свои логовища лошадей, овецъ и всю божію скотину, разбивало и разоряло казацкія холивы (обиталища запорожцевъ);—то удалый Богданко созываетъ казаковъ въ громаду—всѣхъ казаковъ и служилыхъ, и простыхъ, и сосѣдей и подсосѣдковъ; и хорунжихъ, и прочихъ старшинъ храбрыхъ, сотниковъ и полковниковъ, всѣхъ созываетъ, скликаетъ, собираетъ въ громаду, а самъ выходитъ на средину, блеститъ саблею, кладетъ три поклона святымъ мѣстамъ, на четыре стороны по одному поклону и казакамъ одинъ поклонъ, и еще поклонъ сотникамъ и полковникамъ, читаетъ молитву Богу, и такъ говоритъ казакамъ, всей громадѣ: то не вѣтеръ буйный воетъ, завываетъ по степямъ, то не ханъ татарскій посылаетъ свое войско, чтобы оно опустошало невинную Украйну, родную мать нашу, забирало въ плѣнъ женщинъ и дѣвицъ, брало себѣ все наше имущество, загоняло въ свои логовища лошадей, овецъ и всю божію скотину, разбивало и разоряло казацкія холивы,—то король Польши посылаетъ намъ и вамъ подарокъ, великій даръ, уважая и почитая насъ и васъ. Хочетъ онъ, братцы, храбрые казаки, товарищи-запорожцы, чтобы вы за него, короля Польши, молили Бога и служили ему, какъ Богу, который живетъ высоко на небѣ, вѣрою и правдою, чтобы вы ляховъ не били, а жили бы съ ними, какъ съ родными братьями, нападали бы на москалей, побивали бы и воевали татаръ, а за это онъ вашему гетману удалому, Богданку, и вамъ съ нимъ даруетъ великій даръ, золотую булаву, серебряную хоругвь и бунчукъ изъ (хвоста) жеребца. Да еще король Польши пишетъ, приписуетъ: пусть, говоритъ, твои казаки-товарищи служатъ мнѣ вѣрою и правдою, какъ великому Богу, который живетъ высоко на небѣ; а какъ не будутъ мнѣ служить вѣрою и правдою, такъ я имъ тогда другой подарокъ подарю, порадую ихъ тяжелымъ недугомъ».

Въ этой части думы мы замѣтимъ слѣдующіе признаки поддѣльности:

1) При сравненіи человѣческаго дѣйствія съ явленіемъ природы (обращенія Богданка къ казакамъ съ завываніемъ вѣтра) употреблено еще другое сравненіе того же дѣйствія съ другимъ человѣческимъ дѣйствіемъ (того же Богданка съ ханомъ, опустошающимъ Украйну): такая форма двухъ сравненій чужда народной поэзіи.

2) Гетманъ, произносящій рѣчь къ казакамъ, сопоставляется съ ханомъ, опустошающимъ Украйну: такое сопоставленіе не-

сообразно съ пріемами народной поэзіи, въ которой пріязненные предметы не сопоставляются съ враждебными.

3) Нигдѣ не встрѣчали мы въ народной поэзіи случая, чтобы предметъ, приведенный разъ уже отъ лица пѣсни для сравненія съ человѣкомъ, приводился въ другой разъ въ тѣхъ же подробныхъ выраженіяхъ тѣмъ же человѣкомъ въ его рѣчи. Такой оборотъ кажется плодомъ желанія употребить обычныя въ эпическихъ народныхъ произведеніяхъ повторенія, но слагатель здѣсь промахнулся.

4) Слово войско (військо) по отношенію къ татарамъ—анахронизмъ: татарское полчище называлось ордой, а не войскомъ.

5) Выраженіе: «Украина родная мать наша» также анахронизмъ и вовсе не народный способъ выраженія. Представленіе Украины въ смыслѣ отечества и олицетвореніе ея матерью—позднѣйшій и притомъ книжный признакъ, возникшій и усвоенный письменною, а не народною литературою, тогда уже, когда раздробленіе казацкой Руси возбуждало патріотическое стремленіе къ ея цѣльности.

6) Слово «джерела» употреблено въ смыслѣ логовища. Это слово значитъ источники, ключи, а чтобы оно употреблялось въ такомъ значеніи, въ какомъ является въ думѣ—никому неизвѣстно.

7) О предводителѣ, выходящемъ на раду, сказано, что онъ «шабелькою блискае» (блеститъ саблею). Съ какой стати блистать ему саблей? Сабля, конечно, была у него въ ножнахъ: онъ былъ не въ битвѣ. Едва ли народная поэзія употребитъ такой образъ не встати для одной картинности.

Далѣе: въ думѣ казаки, въ отвѣтъ на рѣчь своего предводителя, говорятъ:

«Какой бы это былъ недугъ, которымъ король намъ грозитъ? Ужъ не свобода ли? Вотъ еслибъ этимъ недугомъ подарилъ насъ король:—ничего бы намъ и не нужно было!» Затѣмъ казаки обѣщаются служить королю, повторяя тѣ выраженія, которыя выше приводятся отъ имени короля въ рѣчи Богданка.

Насъ поражаетъ здѣсь слово «слабода» (свобода) въ смыслѣ, употребляемомъ теперь для означенія понятія о свободѣ: въ этомъ смыслѣ по-малорусски употребляется слово воля. Мѣсто, гдѣ люди пользуются льготами или куда когда-то перешли со стараго обиталища для того, чтобы пользоваться льготами, называется—слобода́, сло́боды. Слабо́ды же въ пѣсенномъ языкѣ мы нигдѣ не встрѣчали, и думаемъ, что если оно теперь встрѣтится въ разговорномъ языкѣ, то заимствовано изъ великорусскаго.

Въ старой пѣснѣ, уцѣлѣвшей до нашего времени съ XVI вѣка, вѣроятно удержалось бы старинное выраженіе этого понятія: «права, вольности», а не слабода.

Далѣе говорится:

«Сказавъ это (казаки), замолчали. Гетманъ Богданко подступаетъ къ своему писарю Хомѣ Безродному и къ куреннымъ атаманамъ, спрашиваетъ того и другого, исповѣдуетъ» и проч.

Гетману Богданку дается здѣсь писаремъ Хома Безродный, который значится писаремъ въ это же время и въ псевдо-исторіи Конисскаго. А такъ какъ вообще въ означенной исторіи вымышленнымъ именамъ даются такія должности, въ которыхъ, по вѣрнымъ источникамъ, въ описываемое ею время значатся другія имена, то сходство думы съ извѣстіями этой псевдо-исторіи даетъ болѣе основанія подозрѣвать, что дума составлена читавшимъ эту исторію. Замѣтимъ, что глаголъ исповѣдуетъ (сповідуе) могъ бы имѣть смыслъ, еслибы здѣсь Богданко хотѣлъ узнать какую-нибудь тайну, но онъ не къ мѣсту поставленъ тамъ, гдѣ Богданко только совѣтуется и хочетъ узнать желаніе атамановъ о походѣ на татаръ.

Наконецъ, въ думѣ описывается, что казаки, собравшись громадой, выступили въ походъ противъ турокъ, и хотя пограбили ихъ, но потеряли своего предводителя: его нашли убитымъ подъ густою ракитою. Его похоронили въ полѣ, и надъ нимъ насыпали высокій курганъ, а близъ кургана оставили гетманскаго турецкаго коня, потомъ съ добычею вернулись домой, Богу молились, добромъ дѣлились.

Въ этомъ мѣстѣ, по нашему мнѣнію, ненародное сочиненіе думы высказывается по слѣдующимъ признакамъ:

1) Сказано:

Такъ и такъ
Козаки громаду роскладали,
Велику пораду мали,
У походъ виступали.

Выраженіе *роскладали громаду*—несвойственно языку, а слово «порада» употребительно только въ такомъ значеніи, въ какомъ, по смыслу рѣчи, здѣсь оно непригодно. Порада значитъ утѣшительный совѣтъ и даже просто утѣшеніе, а не просто совѣтъ, какъ оно можетъ значить здѣсь.

2) Ракита—великорусское слово, не употребляемое ни въ пѣсняхъ, ни въ разговорной рѣчи.

3) Въ думѣ говорится:

Глибоку могилу копали,
На могилі курганъ насипали.

Могилы «глибокой» не бываетъ; могила сама по себѣ значитъ курганъ, а слова курганъ совершенно нѣтъ въ малорусскомъ языкѣ.

4) Оставленіе коня надъ могилой—образъ странный, чуждый казацкой жизни, насколько намъ она извѣстна. Въ несомнѣнно-народныхъ пѣсняхъ коня убитаго казака приводятъ домой или же онъ самъ прибѣгаетъ. Слагатель думы какъ будто имѣлъ въ памяти образъ погребенія коня съ умершимъ витяземъ, обычай нѣкоторыхъ язычниковъ, напримѣръ, скиѳовъ, литовцевъ и пр.

Дума о чигиринской битвѣ, напечатанная у Срезневскаго и Максимовича, могла быть написана инымъ, болѣе даровитымъ, авторомъ, но въ ней есть много очевидныхъ признаковъ, побуждающихъ не признавать ее народною. Намъ прежде всего бросается въ глаза совсѣмъ не свойственное народной поэзіи вступленіе—родъ политическаго размышленія о судьбѣ Украйны:

«Въ нашей славной Украйнѣ бывали когда-то страшные дни бѣдствій, несчастныя времена и моровыя повѣтрія и войсковые мятежи; никто не спасалъ украинцевъ, никто за нихъ не посылалъ Богу молитвъ; только Богъ святый нашихъ не забывалъ, сохранялъ на великія усилія для отвѣта!? (тільки святий Богъ нашихъ не забувавъ, на великі зусільяя на відповідья державъ). Только Богъ святый зналъ, чтó думалъ, гадалъ, замышлялъ, когда посылалъ невзгоды на украинскую землю. Но вотъ прошли, протекли злыя невзгоды, никто насъ теперь не подолѣетъ».

Сдѣлаемъ слѣдующія замѣчанія:

1) Вступленіе это могло быть составлено тогда, когда уже прежнія смутныя времена покончились, именно по совершенномъ успокоеніи Малороссіи, когда не только прекратилось ляшско-польское господство надъ народомъ, но и внутренніе безпорядки, слѣдовательно—во времена близкія къ намъ. Но при изслѣдованіи народныхъ памятниковъ, ясно открывается, что, въ близкія намъ времена, совершенно перестали твориться думы о событіяхъ болѣе недавнихъ и болѣе памятныхъ народу, чѣмъ отдаленное отъ него возстаніе Наливайка. Слѣдовательно, очень сомнительно, чтобы могла тогда уже сложиться дума объ этомъ событіи.

2) Выраженіе:

на великі зусільля на відповідья державъ,

заключаетъ въ себѣ какую-то туманную философію, которой смыслъ до крайности неясенъ: два издателя, гг. Срезневскій и Максимовичъ, трудились надъ нимъ и переводили различно. Не

является ли само собою подозрѣніе, что авторъ нарочно придумалъ такой вычурный оборотъ, чтобы ставить читателей втупикъ и возбуждать мысль, что это мѣсто стало непонятнымъ отъ его древности?

3) Выраженія:

Ніхто украинцівъ не ратовавъ,
Якъ незгодини на украинську землю посилавъ,

болѣе чѣмъ подозрительны. Въ народной рѣчи слово «украинецъ» не употреблялось и не употребляется въ смыслѣ народа; оно значитъ только обитателя края: будь онъ полякъ, іудей—все равно: онъ украинецъ, если живетъ въ Украйнѣ; все равно, какъ, напр., казанецъ или саратовецъ значитъ жителя Казани и Саратова, а не принадлежащаго къ какой-нибудь народной вѣтви, съ которою соединено было бы имя казанца или саратовца. Даже несмотря на то, что слово Украйна впослѣдствіи въ письменности начало означать отечество, въ народной рѣчи слова, «украинская земля» и «Украйна» не пріобрѣли значенія отечества южно-русскаго народа. Украйною называлась часть кіевской и подольской губерній, называлась харьковская и часть воронежской, а въ московскомъ государствѣ украйною или украинными землями назывались вообще южныя пограничныя оконечности. Украйна значила, затѣмъ, вообще всякую окраину. Ни въ Малороссіи, ни въ Великороссіи это слово не имѣло этнографическаго смысла, а имѣло только географическій.

4) Слово «незгодини» — выдуманное, скроенное по мѣркѣ великорусскаго: «невзгода»; по-малорусски есть слово «незгода», но значитъ—несогласіе, междоусобіе; слова «незгодина», въ смыслѣ бѣдствій — нѣтъ. За вступленіемъ слѣдуетъ самая дума, описывающая событіе, и здѣсь прежде всего бросается сходство съ описаніемъ того же событія изъ псевдо-исторіи Конисскаго.

Въ этой послѣдней описывается небывалая битва и побѣда Наливайка надъ польскимъ гетманомъ Жолкѣвскимъ подъ Чигириномъ, и при этомъ разсказывается слѣдующее: «Наливайко сначала выставилъ противъ нихъ (поляковъ) на возвышенномъ мѣстѣ три бѣлыхъ хоругви, т.-е. знамена со крестами, на нихъ вышитыми, и съ надписью или девизомъ: миръ христіанству, а на зачинщика—Богъ и его крестъ. Поляки насупротивъ знаменъ, миръ возвѣщающихъ, выставили на любеницѣ трехъ малороссійскихъ чиновниковъ: Богуна, Войновича и Сутилу, отъ гетмана въ городъ посланныхъ, и тогда же въ виду обоихъ войскъ повѣшенныхъ съ надписью: кара бунтовцовъ (Истор. Рус. 37)». Въ думѣ,

какъ видно изъ сравненія [1]), дѣйствіе происходитъ подъ Чигириномъ. «Поляки, перейдя рѣку, устроили шанцы, поставили пушки, а передъ пушками вбили три креста: «первый крестъ—это С минó виситъ, второй крестъ это Богунъ виситъ, Богунъ виситъ, стучитъ саблею, третій крестъ стоитъ пустой, ожидаетъ къ себѣ прочихъ казаковъ. Кто первый подойдетъ—того пушка убьетъ, кто второй подойдетъ—того ружье подцѣпитъ, кто третій подлетитъ, тотъ станетъ молиться и креститься. Крестъ изъ осоки (?!) будетъ все его пріобрѣтеніе. Казаки, увидя это, посовѣтовались между собою и поставили на видъ ляхамъ три хоругви, на которыхъ написали свой уговоръ: «вѣрному православному христіанству миръ, а врагамъ ляхамъ адскій пиръ; у кого крестъ — на того крестъ». Это сходство показываетъ, что дума составлена по псевдо-исторіи Конисскаго, если же въ ней есть кое-какія отличія отъ этой исторіи, то авторъ, очевидно, поступалъ такъ нарочно для того, чтобъ дать своему изданію вполнѣ народный видъ. Онъ въ то время не подозрѣвалъ, что сходство съ исторіею, которую онъ считалъ достовѣрною, обличитъ впослѣдствіи его поддѣлку. Битвы подъ Чигириномъ не было; битву эту и побѣду надъ Жолкѣвскимъ выдумалъ составитель исторіи Русовъ, а въ думѣ — битва подъ Чигириномъ, и Наливайко побѣждаетъ Жолкѣвскаго; у мнимаго Конисскаго три висѣлицы— въ думѣ тоже,—онѣ названы иронически крестами; въ псевдо-исторіи казаки выставляютъ знамя съ надписью, и въ думѣ тоже; наконецъ, въ псевдо-исторіи Наливайко называется Павломъ, и въ думѣ также; а Наливайка звали не Павломъ,—но Семеномъ.

Кромѣ этого, очевиднаго по нашему мнѣнію, доказательства ненароднаго происхожденія этой думы, тоже качество можетъ доказываться и слѣдующими чертами:

1) Въ ней нѣтъ свойства, обычнаго всѣмъ народнымъ думамъ безъ исключенія: нѣтъ формы разговора между дѣйствующими лицами, ни вообще приводимыхъ чужихъ рѣчей; отъ начала до конца послѣдовательный сжатый разсказъ, съ размышленіями въ началѣ и въ концѣ. Есть, напр., мѣсто, гдѣ, по неизбѣжному свойству пріемовъ народной поэзіи, непремѣнно должна бы слѣдовать чужая рѣчь, — именно, когда поляки созываютъ свое войско слушать то, чтó имъ скажетъ гетманъ ихъ Жолкѣвскій; въ неподдѣльной народной думѣ здѣсь приведены были бы слова Жолкѣвскаго.

[1]) Изъ за горы хмара виступае, вихожае, до Чигрина громомъ вигримляе.

2) Слѣдующіе четыре стиха:

То не хмари по небу громомъ святимъ вигримляють,
То не святихъ вони до Бога провожають,
То ляхи въ бубни вдаряють,
У свистілки та у трубы виграваютъ.

намъ кажутся неловкою поддѣлкою подъ народный пріемъ выраженія. Въ народной поэзіи не сопоставляются предметы, производящіе противоположныя впечатлѣнія — враги со святыми. Слагатель полагалъ, что отрицательная форма дозволяетъ ему сопоставлять то, что̀ въ сущности никакъ не сопоставимо по народному вкусу. Въ отрицательной формѣ сравненія сопоставляется то, что̀ можетъ сопоставляться и въ положительной.

3) Замѣтимъ также ненародный складъ такихъ оборотовъ:

Що вінъ за *долю товарищівъ* своихъ замишляе.

или:

Що вінъ за *незгоду* (?!) *ляхівъ замишляе.*

Рядомъ съ этою думою намъ дали еще нѣсколько пѣсенъ, относимыхъ къ эпохѣ Наливайка. Первая изъ нихъ о сожженіи Могилёва. Семь начальныхъ стиховъ въ ней, за исключеніемъ второго, могли бы еще быть признаны народными (хотя рѣзкость красокъ и здѣсь наводитъ на подозрѣніе, что поддѣльщикъ, силясь народничать, перехватилъ ужъ черезъ край), но остальные никакъ не могутъ быть сочтены народнымъ произведеніемъ. Возьмемъ, напр., стихъ:

Прилучилося, бачъ, лихо ляцькоі породі.

Слово «порода» — очень употребительно въ смыслѣ происхожденія человѣка, а не въ смыслѣ цѣлаго народа. «Лядськоі» неправильно, вмѣсто «лядській». Далѣе стихи:

Не токее ище-бъ лихо якъ тая позора,
Що ходіть по білу світу зъ двора та до двора.

Максимовичъ переводилъ слово позора — позоръ, г. Срезневскій — безславіе. Не знаемъ, существуетъ ли такое слово; мы его не слыхивали и никто, у кого мы спрашивали, также его не слыхалъ; но если оно существуетъ или существовало, то мы сомнѣваемся въ олицетвореніи этого отвлеченнаго понятія; наконецъ, еслибы и такое олицетвореніе существовало — то не зачѣмъ этому олицетворенному позору ходить отъ двора до двора? И темно, и черезчуръ хитро.

Далѣе:

Не такъ тая позора, якъ козакамъ порада,
Що Кравчину шануючи, ляхамъ далась зрада,

Далась ляхамъ зрада відъ самого рана,
Одъ гетьмана Наливайка, шановного пана.

Кравчина — запорожскій отрядъ, а никакъ не все казачество, какъ здѣсь понимать должно. «Зрада» значитъ измѣна, предательство, а не бѣдствіе.

Пѣсня объ убіеніи Наливайка (Запор. Стар. I. 39. Макс. «Укр. П. II.» 86) слишкомъ явно обличаетъ свое ненародное происхожденіе. Не говоримъ уже о такихъ выраженіяхъ, какъ употребленіе слова *зрада* въ несвойственномъ смыслѣ, не говоримъ о безсмыслицѣ въ третьемъ и четвертомъ стихѣ [1]), объ употребленіи существительнаго въ значеніи отвлеченнаго понятія, тамъ, гдѣ, по народному образу выраженія, могло быть только прилагательное [2]); здѣсь есть мѣсто, указывающее даже, какъ и по какому образцу слагалась эта пѣсня. Во многихъ спискахъ псевдо-исторіи Конисскаго (которая до своего напечатанія ходила во множествѣ списковъ, способствуя установленію неправильныхъ взглядовъ на исторію Малороссіи) разсказывается, что казаки, подъ предводительствомъ Наливайка, сошлись на берегу рѣки Случи съ поляками. Началась битва. Казаки одолѣвали. Но тутъ явились королевскіе посланники и привезли примирительное посланіе отъ короля, послѣ чего Наливайко съ своими казацкими чиновниками отправился въ Варшаву и тамъ былъ сожженъ въ мѣдномъ быкѣ. Впослѣдствіи, при печатаніи Исторіи русовъ, найдены были варіанты, гдѣ вмѣсто Случи стояло имя рѣки Сулы. Издатель принялъ за болѣе правильный способъ чтенія «Сулу», однако отмѣтилъ, что въ другихъ варіантахъ было «Случь». Слагатель пѣсни имѣлъ въ рукахъ списокъ со Случью, и ввелъ въ пѣсню эту рѣку. Затѣмъ онъ приплелъ сюда еще имя Голаго, заимствовавши его изъ пѣсни о Саввѣ Чаломъ, относящейся, по описываемому въ ней событію, уже къ XVIII-му вѣку. Въ пѣснѣ о смерти Наливайка событіе изображается такъ:

А по переду всіхъ Голий соколомъ літае,
На конику вороному *жахомъ вигравае.*
Привертали козаченьки по рану до Случи,
Та зъ гармати *густовали католиківъ* звучи,
А ляхи почули, увъ отвѣтъ ревнули,...
Бодай же имъ тяжко важко, що вони ревнули,

---

[1]) Тую зраду, тую зраду, що въ мурі въ темниці,
Зъ Наливайка поззичала (?!) якъ зъ бідной вдовиці.

[2]) Вдовинъ сину, вдовинъ сину, еще въ тебе братья,
А въ братівъ твоихъ козаківъ багацько *завзятья.*
(По малорусской рѣчи этотъ послѣдній стихъ былъ бы выраженъ:
У тебе багацько завзятихъ братівъ козаківъ).

Що вони ревнули, біду провіщали:
А козаки-гайдамаки думали-гадали,
Думали-гадали, думали-гадали,
Тяжко важко за гетьманомъ своимъ сумовали.
А въ Варшаві та на раді та судьи судили,
Та спалити Наливайка въ волу присудили.
Присудили Наливайка ляшеньки спалити;
Присудили козаченьки ляхамъ відомстити.

Кромѣ сходства со псевдо-исторіею Конисскаго, которое несомнѣнно указываетъ ненародное происхожденіе этой пѣсни, мы видимъ здѣсь еще странныя, очевидно выдуманныя слова и выраженія, какъ *жахомъ виграває* или *густовали*.

Ненародное происхожденіе пѣсни о Лободѣ («Запор. Стар.» I. 53. Максим. «Укр. П.» 88.) разоблачается также легко. Передъ казацкой радою, по смерти Наливайка, является чура (оруженосецъ) Лободы и, называя своего покойнаго господина другомъ Наливайка, проситъ казаковъ отмстить за его смерть. И эта пѣсня скомпонована подъ вліяніемъ псевдо-исторіи Конисскаго: слагатель ея былъ увѣренъ въ справедливости сказанія, найденнаго имъ въ этомъ сочиненіи, будто бы Лобода, вмѣстѣ съ Наливайкомъ, былъ взятъ поляками и казненъ сожженіемъ въ мѣдномъ волѣ. Изъ достовѣрныхъ источниковъ, напротивъ, оказывается, что Лобода былъ не другъ, а соперникъ Наливайка, и былъ умерщвленъ не поляками, а своими же казаками. Если намъ возразятъ, что народныя пѣсни и сказанія, подчиняясь вымысламъ, часто не сходятся съ историческою правдою, то мы, признавая справедливость такого возраженія въ его принципѣ, скажемъ, что народныя пѣсни и преданія, однако, не слагаются по позднѣйшимъ историческимъ фальсификаціямъ, которыхъ народъ не знаетъ. Замѣтимъ еще, что какъ въ этой пѣснѣ, такъ и въ другихъ, относимыхъ по своему содержанію къ эпохѣ Наливайка, казаки называются гайдамаками. Довѣряя этимъ пѣснямъ, мы долго находились въ заблужденіи, думая, что слово гайдамаки—старинное, но, познакомившись съ значительнымъ количествомъ историческихъ документовъ XVI и XVII вѣка, вполнѣ убѣдились, что нѣтъ повода признавать названіе гайдамаки — столь громкое въ XVIII вѣкѣ—существовавшимъ въ ту эпоху, о которой намъ говорятъ эти мнимо-народныя пѣснопѣнія.

Мы не станемъ разбирать двухъ пѣсенъ о Тетеренкѣ, помѣщенныхъ въ «Запорожской Старинѣ» Срезневскаго и не перепечатанныхъ, вмѣстѣ съ прочими, Максимовичемъ. Пѣсни эти представляютъ менѣе явныхъ чертъ, обличающихъ ненародное происхожденіе; быть можетъ, основаніемъ ихъ были дѣйствительно ка-

кіе-нибудь народные отрывки, относящіеся къ позднѣйшей гайдамаччинѣ, но онѣ попались въ печатный сборникъ, такъ-сказать, подогнанными къ эпохѣ Наливайка. Во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ, пока не найдется въ области народной поэзіи какихъ-нибудь доказательствъ существованія этихъ пѣсенъ въ народѣ, нельзя признавать ихъ въ числѣ истинно-народныхъ произведеній.

Пѣсня о Чураѣ («Запор. Стар.» I. 74. Максим. «Укр. П.» 95) принаровлена къ асаулу Чураю, по извѣстію псевдоисторіи Конисскаго, замученному въ Варшавѣ вмѣстѣ съ гетманомъ Стефаномъ Остряницею, о чемъ говорится въ слѣдующихъ стихахъ означенной пѣсни:

Ой забили тебе ляхи у чужому краю,
Ой забили тебе ляхи изъ твоимъ гетьманомъ,
Изъ твоимъ гетьманомъ що паномъ Степаномъ.

Но все сказаніе о мученической кончинѣ Остряницы (котораго фамильное прозвище было Остранинъ, но не Остряница, а имя Яковъ, а не Степанъ) и его сотоварищей есть чистый вымыселъ, и самое имя Чурая, какъ и прочія имена этихъ сотоварищей Остряницы, очевидно вымышлены; это ясно показываетъ, что пѣсня, основанная на вымыслахъ подложной исторіи, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признаваема народнымъ произведеніемъ, и мы считаемъ излишнимъ доказывать ея поддѣльность промахами противъ народнаго способа выраженія и пріемовъ пѣсенной рѣчи.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о думѣ, которую считали перломъ народнаго творчества, именно о той думѣ, которую когда-то превознесъ, какъ говорится, до небесъ великорусскій критикъ Бѣлинскій. Это—дума о трехъ полководцахъ, иначе названная: походъ на поляковъ («Запор. Ст.» I. 102. Макс. «Укр. д.» 1849 г. стр. 57).

Она раздѣлена на три части; каждая часть начинается одними и тѣми же словами: «ой пішли козаки на чотири шляхи, на пяте на Подолье». Въ первой части предводительствуетъ казацкимъ отрядомъ Сомко Мушкетъ, во-второй—Степанъ Кукуруза (почитаемый издателями въ свое время за гетмана Остряницу), въ третьей—гетманъ Карпо Півтора-Кожуха. Въ каждомъ изъ трехъ отрядовъ три тысячи казаковъ; они играютъ на коняхъ, блещутъ саблями, бьютъ въ бубны, посылаютъ молиться къ Богу и кладутъ крестное знаменіе. Каждому полководцу придается своеобразная рѣчь—и никакого дѣйствія. Сомко Мушкетъ представляетъ себѣ будущую погибель казачества: «что—говоритъ онъ — если ляхи наше казачество какъ въ аду сожгутъ, да изъ нашихъ

казацкихъ костей сварятъ пиръ себѣ на похмѣлье? Что́, какъ наши казацкія головы лягутъ на степи, на полѣ, да еще родною кровью умиются, поперерасколотыми саблями укроются. Пропадетъ, словно пороховина изъ дула, та казацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ стала, разлеглась и протянулась степью, раздалась лѣснымъ гуломъ, дала себя знать вдоволь и туреччинѣ и татарщинѣ и отдалась на копье врагамъ-ляхамъ!» и проч.

Намъ кажутся обличающими ненародное происхожденіе этой думы слѣдующія черты:

1) О предводителѣ, произносящемъ эту рѣчь, сказано, что онъ

Сизою голубкою голову свою буйную до долу закинувъ.

Во-первыхъ, сравненіе одного изъ членовъ человѣческаго тѣла съ животнымъ—оборотъ странный, чуждый, насколько намъ извѣстно, пріемовъ пѣсеннаго склада; во-вторыхъ, закинуть голову можно только назадъ, а не къ низу; въ-третьихъ, буйная голова—великорусскій, а не малорусскій образъ поэтическаго выраженія.

2) Произнесеніе молитвъ и возложеніе на себя крестнаго знаменія,—образы, несовмѣстимые съ играніемъ на коняхъ и звукомъ бубенъ въ одно и то же время.

3) Выраженіе «рідною кровью умиються» пахнетъ книжностью; слово «рідний» (родной) не имѣетъ въ народномъ языкѣ того значенія, какое оно получило въ языкѣ образованнаго общества.

4) Слово «порошина» значитъ пылинка, а не порохъ.

5) Выраженіе «дибомъ стала» не можетъ быть употреблено въ такомъ смыслѣ, въ какомъ оно является въ думѣ. «Дибати» значитъ подскакивать а также неровно, плохо ходить. Нарѣчіе «дибомъ», если бы оно существовало, означало бы не подниманіе вверхъ предмета, какъ въ великорусскомъ, а безпорядочное движеніе его.

6) Выраженіе «поперерасколотыми шаблями», вмѣсто расколотыми, намъ кажется ненароднымъ. Страненъ и очень вычуренъ для народной рѣчи образъ: «шаблями укриются».

7) Сравненіе славы со степью (простяглася степомъ по всіму світу) не укладывается въ пріемы поэтической народной рѣчи.

8) Выраженіе «луговимъ гоміномъ роздалась» не подходитъ къ народной рѣчи; слово «роздалась» неправильно замѣняетъ здѣсь слово «віддалась» или «розійшлась», которыя были бы употреблены, если бы эта дума была народною.

Вторая часть думы заключаетъ въ себѣ рѣчь другого полководца, Степана Кукурузы. Здѣсь мы встрѣчаемъ слѣдующія сомнительныя черты:

1) Выраженіе «рахованье не въ поминанье» — вычурное и непонятное.

2) Степанъ Кукуруза говоритъ:

Буде нашимъ лихо якъ зозуля (кукушка) ковала (куковала),
Степанъ летючи, лугомъ скачучи,
Що вона ковала, то правду сказала.

Образъ скачущей кукушки невозможенъ въ народной рѣчи. Кто видалъ скачущую кукушку и какъ могъ войти въ народную поэзію образъ, не подмѣчаемый въ природѣ? Если бы такой образъ былъ возможенъ въ народной пѣснѣ, то непремѣнно встрѣтился бы гдѣ-нибудь; о кукушкѣ пѣсенъ очень много, такъ какъ это самая любимѣйшая птица въ народной поэзіи; однако скачущую кукушку мы встрѣчаемъ только въ разбираемой нами думѣ, да еще въ той думѣ, которая воспѣваетъ чигиринскую побѣду Наливайка надъ поляками! Кромѣ сходныхъ образовъ кукушки, въ этихъ двухъ думахъ попадается одинаковое выраженіе: «ой пішли наши козаки на чотири шляхи, на пяте на Подолье» и это приводитъ къ догадкѣ, что обѣ думы принадлежатъ одному и тому же автору.

Въ третьей части думы гетманъ Карпо Півтора Кожуха поетъ пѣсню, дѣйствительно народную, существующую во многихъ варіантахъ, пѣсню пьяницы, старающагося заглушить виномъ гнетущее его горе. Но почему Карпо Півтора-Кожуха поетъ такую пѣсню?

Это объясняется извѣстіемъ того же Конисскаго, будто Карпо Півтора-Кожуха умеръ гдѣ-то въ степи и былъ погребенъ въ пустой горѣлочной бочкѣ. Вотъ эта-то горѣлочная бочка и подала поводъ изобразить гетмана Півтора-Кожуха въ видѣ гуляки. Авторъ думы изъ той же псевдо-исторіи Конисскаго узналъ, что Півтора-Кожуха звали «Карпо». Между тѣмъ нигдѣ это лицо такимъ именемъ не называется; не очевидно ли изъ этого одного, что дума не народнаго происхожденія? Народъ, повторимъ еще разъ, не слагалъ своихъ пѣснопѣній по фальшивымъ исторіямъ. Вообще, въ этой думѣ-трилогіи нѣтъ никакого дѣйствія, все составлено какъ будто для одного внѣшняго сценическаго эффекта!

Мы не ставимъ вопроса: были ли эти думы и пѣсни составлены нарочно для того, чтобы морочить любителей народной поэзіи, или же онѣ написаны, какъ и всякое другое поэтическое произведеніе, вовсе не съ цѣлію выдавать ихъ за народныя, а собиратели ошибочно включили ихъ въ число народныхъ; во всякомъ случаѣ онѣ долго вводили насъ въ заблужденія. Максимовичъ (въ концѣ жизни

признавшій ненародное происхожденія этихъ думъ и пѣсенъ [1]), основывалъ на нихъ сходство Слова о Полку Игоря съ южно-русскою поэзіею. Гоголь черпалъ изъ нихъ вдохновенія для своихъ созданій. Бѣлинскій ставилъ ихъ гораздо выше всѣхъ великорусскихъ пѣсенъ. Буслаевъ, Галаховъ, Перфильевъ указывали на нихъ, какъ на превосходные образчики народнаго творчества, а тѣ, которые занимались исторіей Малороссіи, довѣряя подлинности этихъ мнимо-народныхъ памятниковъ, приходили къ ложнымъ историческимъ выводамъ. Поэтому, нельзя безъ особенной признательности отнестись къ почтеннымъ кіевскимъ ученымъ, которые, въ предисловіи къ своему изданію историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа, сообщили перечень тѣхъ произведеній, которыя до сихъ поръ неправильно причислялись къ народнымъ.

Но если прежніе сборники украинскихъ пѣсенъ страдали бо́льшимъ или меньшимъ изобиліемъ ненародныхъ произведеній, выдаваемыхъ за народныя, то и сборникъ гг. Антоновича и Драгоманова, при всей проницательности издателей, не остается, однако, безъ вторженія псевдо-народныхъ элементовъ. Къ образчикамъ такого рода мы относимъ, между прочимъ, пѣсню, напечатанную подъ № 22-мъ: «Разореніе села татарами», въ которой ощутительны несвойственные народно-пѣсенному складу пріемы; притомъ эта пѣсня сложена изъ разнородныхъ пѣсенныхъ отрывковъ. Начало ея:

За річкою огні горять,
Тамъ татари полонъ ділять —

есть повтореніе начала великорусской пѣсни о тещѣ и дочери:

За рѣкою все огни горятъ,
Злы татарове полонъ дѣлятъ.

Два стиха:

Стару неньку зарубали,
А миленьку въ полонъ взяли—

---

[1]) Въ бытность его въ С.-Петербургѣ весною 1872 года, я прочиталъ ему свои замѣчанія объ этихъ думахъ и пѣсняхъ, приготовленныя для включенія въ мое сочиненіе: „Историческое значеніе русскаго народнаго пѣсеннаго творчества", которое тогда печаталось въ журналѣ „Бесѣда" и не появилось въ цѣлости до конца въ свѣтъ по случаю прекращенія означеннаго журнала. Почтенный старецъ, проживщій безвыѣздно болѣе двадцати лѣтъ въ нѣдрѣ Малороссіи, и занимавшійся постоянно народными памятниками, вполнѣ согласился со мною, сообщилъ мнѣ собственныя замѣчанія, дозволивъ ихъ присоединить къ моимъ, и сказалъ, что въ тридцатыхъ годахъ, когда изданъ былъ его сборникъ, онъ, получивши воспитаніе въ Москвѣ, былъ недостаточно знакомъ съ духомъ народной малорусской поэзіи, а потому обманулся, принявъ за чисто-народныя эти думы и пѣсни и перепечатавъ ихъ изъ „Запорожской Старины", тѣмъ болѣе, что онѣ составлены (по его мнѣнію) даровитымъ авторомъ.

цѣликомъ внесены изъ пѣсни о Богданѣ или Лиманѣ, запорожскомъ гетманѣ (см. того же сборника стр. 164). По поводу слѣдующихъ потомъ стиховъ:

А въ долині бубны гудуть,
Бо на заріз людей ведуть—

мы позволимъ себѣ замѣтить, 1) что едва ли о бубнахъ народная рѣчь выразится глаголомъ гудуть, такъ какъ этимъ глаголомъ выражается значеніе продолжительнаго тягучаго звука, напр. говорятъ: звони гудуть, голуби гудуть; 2) что выраженіе «на заріз»—не малорусское. Въ слѣдующихъ затѣмъ двухъ стихахъ:

Коло шиї арканъ вьется
И на ногахъ ланцугъ бьется—

намъ кажется очевидною та описательность, которая въ литературѣ бываетъ плодомъ намѣренія изобразить предметы съ ощутительно-присущими ему признаками, описательность, которая вообще несвойственна чисто-народнымъ произведеніямъ.

Послѣ того слѣдуютъ стихи:

А я бідний зъ діточками,
Піду лісомъ стежечками—

заимствованные изъ одной извѣстной намъ семейной пѣсни, гдѣ говоритъ о себѣ вдова, и вмѣсто «бідний», какъ здѣсь, стоитъ въ той пѣснѣ «бідна». Наконецъ, въ послѣднихъ стихахъ пѣсни:

Нехай ему изъ водою,
Ось-ось чайка надо мною!

мы не видимъ смысла. Объяснители нашли въ нихъ смыслъ. Здѣсь, по ихъ мнѣнію, рисуются способы укрывательства отъ татаръ въ водѣ, и по этому поводу издатели приводятъ извѣстное мѣсто изъ императора Маврикія о томъ, какъ славяне, спасаясь отъ погони, скрывались подъ водою, дыша посредствомъ камышевыхъ трубочекъ; въ пѣснѣ — спасающійся отъ татаръ не хочетъ прибѣгать къ такому средству, страшась, чтобы чайка своимъ крикомъ надъ водою не указала татарамъ ихъ убѣжища, и предпочитаетъ спрятаться въ лѣсу. Толкованіе слишкомъ натянутое! Быть можетъ, мы ошибаемся; предоставляемъ гг. издателямъ защищать подлинность этой пѣсни, намъ же она кажется поддѣлкою, какъ равно и пѣсня о набѣгѣ Ландскоронскаго, помѣщенная на стр. 144 подъ № 39. Эту послѣднюю сами почтенные издатели подозрѣваютъ въ незаконномъ происхожденіи, но для чего же было и помѣщать ее?

Н. Костомаровъ.

ИСКУШЕНІЕ БУДДЫ

Изъ главы XXI-й «Лалитавистары» *).

Богъ любви и смерти—Мара,
Дочерей своихъ собравши,
Имъ сказалъ: «Идите, дѣвы,
Къ древу знанья [1])—убѣдитесь,
Точно-ль Будда Шакьямуни
Недоступенъ вожделѣнью,
Точно-ль онъ мудрецъ великій
Иль безумецъ дерзновенный,—
Зорко-ль видитъ острымъ взоромъ,
Иль обвѣянъ темнотою?!»

Услыхавъ такія рѣчи
Въ путь пустилися Апшары,

---

*) Лалитавистара—одна изъ многочисленныхъ священныхъ книгъ буддизма. Она считается составленной, немедленно послѣ смерти Будды, однимъ изъ главнѣйшихъ учениковъ его, по разсказу самого Будды о происшествіяхъ его жизни. Время смерти Будды Шакьямуни съ точностью не опредѣлено до сихъ поръ; въ тибетскихъ книгахъ встрѣчается 14 чиселъ, начиная съ 2422 года и кончая 882 годомъ до Р. Х. Бюрнуфъ и Фукó признаютъ вѣроятнѣйшимъ 660 г. до Р. Х. и относятъ появленіе „Лалитавистары" въ послѣдней ея редакціи по крайней мѣрѣ за 2000 лѣтъ до нашего времени. При переводѣ этихъ, самыхъ поэтическихъ, страницъ древняго религіознаго памятника, мы пользовались переводомъ Фукó съ тибетскаго, свѣреннымъ съ санскритскимъ подлинникомъ. Избѣгая длиннотъ и повтореній, часто встрѣчающихся въ „Лалитавистарѣ", мы не отступали однако отъ текста и старались по возможности полно передать его краски.

[1]) Бодиманда — дерево, живя подъ которымъ, Будда достигъ абсолютнаго знанія (боди).

И явились къ древу знанья
Передъ Буддой Шакъямуни
Съ обаяньемъ женской ласки,
Съ чудесами женской силы:
То онѣ предъ нимъ вилися
И сплетались въ вихрѣ пляски;
То, отъ страсти замирая,
Шелкъ прозрачный разрывали
Соблазнительныхъ покрововъ
И, сверкая наготою,
Передъ нимъ въ мольбѣ склонялись;
То съ веселымъ, звонкимъ смѣхомъ
Разсыпались въ играхъ рѣзвыхъ,
То, собравшись, запѣвали
Пѣсни нѣги и желанья.

Въ этомъ вихрѣ сладострастья,
Осыпаемый цвѣтами,
Что же Будда Шакъямуни?!
Что?! Глядитъ ли онъ съ восторгомъ,
Сердца трепетъ ощущая
И волнуясь вожделѣньемъ?
Нѣтъ, какъ дискъ луны полночной,
Нѣтъ, какъ утреннее солнце,
Какъ огонь великой жертвы,
Чистъ и ясенъ ликъ прекрасный.

Видятъ дивныя Апшары
Твердость Будды Шакъямуни
И, сплетаясь въ пляскѣ снова,
Гимнъ соблазна начинаютъ:

«Время лучшее года—
Возвратилась весна,
И проснулась природа
Отъ глубокаго сна.

«Все пестрѣетъ цвѣтами;
И, въ гирляндахъ цвѣтовъ,
Предъ тобою мы сами,
Какъ созданія сновъ.

«Наслажденья мы просимъ
И, рабыни твои,
Мы съ восторгомъ приносимъ
Тебѣ ласки свои.

«Мы родились изъ свѣта,
Изъ огня и страстей,
Для любви, для привѣта
И боговъ, и людей.

«Въ насъ слилось отраженье
Неземной красоты,
Всѣ мы—перлъ воплощенья
Распаленной мечты!

«Посмотри—наши зубы
Даже снѣга бѣлѣй,
А душистыя губы
Цвѣта Бимбы краснѣй.

«Словно лотосъ прекрасны,
Наши очи блестятъ,
И, волной своей страстной,
Перси нѣгу сулятъ...

«Обладаемъ мы знаньемъ
Высшихъ таинствъ любви...
Вѣчно новымъ желаньемъ
Въ вѣчно юной крови!

«Поспѣши же—отрада
Тебя ждетъ и манитъ...
Лишь безумецъ отъ клада,
Кладъ завидя, бѣжитъ».

Но на чары пѣсни этой,
На соблазны дивной пляски,
Безъ волненья, безъ смущенья,
Непреклонный и великій,
Какъ властитель горъ высокихъ,
Рѣчью ясной и подобной

Отголоскамъ рѣчи Брамы,
Тихо Будда Шакьямуни
Отвѣчаетъ дѣвамъ Мари:

— Огонь вожделѣнья есть корень несчастья и скорби,
И похоти свойство—не быть никогда насытимой;
Я-жъ мудростью чистой насытить могу поколѣнья,
И къ избранной цѣли стремлюся богами хранимый.
Вы съ виду красивы; но глубже мой взоръ проникаетъ,
И вижу я внутренность вашу—вмѣстилище скверны;—
Одинъ лишь безумный, плѣнившись красы оболочкой,
Отъ свѣта познанья нисходитъ къ погибели вѣрной.
Я выше желаній, спокоенъ мой разумъ свободный,
И, еслибы все здѣсь цвѣтами соблазна дышало,
И еслибъ въ теченьи вѣковъ вы меня окружали,—
Мою безмятежность ничто, никогда-бъ не смущало.
Богини и боги безплотные чудно прекрасны,
Но страхъ имъ знакомъ, какъ всему, чтó на свѣтѣ не вѣчно—
Я страха не знаю, не знаю веселья и грусти,
Какъ свѣтлое небо мое бытіе безконечно!

И смутилися Апшары,—
Но, скрывая гнѣвъ и злобу,
Съ новой нѣгой, съ новой лаской
Передъ Буддой Шакъямуни
Гимнъ волшебный продолжаютъ:

«Міръ блеститъ и цвѣтетъ,
Обновленный весной,
Все безпечно живетъ
Только нѣгой одной.

«Ты въ теченьи вѣковъ
Высшій разумъ постигъ,
И межъ свѣтлыхъ боговъ
Совершенства достигъ.

«Нынѣ демона власть
Ты съумѣлъ побѣдить,
Наши чары и страсть
Смогъ въ ничто обратить.

«О, прими нашъ привѣтъ—
Будешь царь ты царей,
И преклонится свѣтъ
Передъ мощью твоей!

«Сбрось же въ сладостный часъ
Плащъ отшельника ты,
И срывай среди насъ
Наслажденья цвѣты!»

— Знаю я, что буду трехъ міровъ властитель,
Съ Колесомъ Закона [1]) путь свой совершая.
Сынъ земли и неба безтѣлесный житель
Принесутъ мнѣ жертвы, гимны воспѣвая —
Такъ неужли съ вами въ похоти обитель
Нынѣ умъ мой вступитъ, мудрость забывая?!

«Но ты старости хилой
И болѣзни не знаешь,
Полонъ юною силой
Ты красой расцвѣтаешь.

«Всѣ мы молоды тоже,
Полнымъ блескомъ сіяемъ,
И любви нашей ложе
Мы тебѣ обѣщаемъ».

— Ужъ оставилъ далёко я страсть за собою,
Вашей хитрости женской смѣшны мнѣ обманы,
И въ величьи могучемъ открытъ предо мною
Путь прямой и свободный къ блаженству Нирваны!

«Деревья въ нарядѣ
Роскошнаго цвѣта,
Высокой травою
Поляна одѣга;
Весь лѣсъ наполняется птицъ щебетаньемъ,

---

[1]) Первоначально было метафорическимъ выраженіемъ для обозначенія четырехъ главныхъ истинъ ученія Будды, а впослѣдствіи обратилось въ вещественный обрядъ верченія колеса, на которомъ были написаны эти истины.

Проносятся пчелы съ веселымъ жужжаньемъ
Туда, гдѣ душистѣй цвѣты...
Объятый любви и весны ликованьемъ
Веселью отдайся и ты!»

— Сила вешнихъ лучей и листву, и цвѣты развиваетъ,
Пчелъ одинъ только голодъ и жажда къ цвѣтамъ привлекаетъ;
Но когда и цвѣты, и трава ужъ начнутъ засыхать
Здѣсь напитокъ Безсмертія чудный я стану вкушать!

«Да взгляни-жъ—предъ тобой
Ослѣпительный рой
Совершенствъ и чудесъ красоты!
Мы, въ жилищѣ духовъ,
Восхищаемъ боговъ
И вселяемъ въ нихъ страсти мечты;
На земномъ же, пустынномъ пути
Намъ подобныхъ тебѣ не найти».

— Въ тѣлахъ вашихъ вижу я сѣмя болѣзни и тлѣнья —
А я всѣмъ недугамъ собою несу исцѣленье!

«О, скажи, не таи,
Чѣмъ, рабыни твои,
Провинилися мы предъ тобой,
Что, не внемля мольбамъ,
Дать не хочешь ты намъ
Поцѣлуя и ласки живой?»

— Змѣиному жалу, намазанной медомъ сѣкирѣ,
Желаніе плоти подобно — и смерть обѣщаетъ!
Мудрецъ, пребывая въ душевномъ покоѣ и мирѣ,
Всѣхъ хитростей женскихъ отраву легко избѣгаетъ!—

Замолкаютъ дѣвы Мары
Передъ силой мудрой рѣчи,
Убѣдясь, что чаръ соблазны
Недоступны, неопасны
Сердцу Будды Шакъямуни.
Со стыдомъ онѣ великимъ
Поклоняются въ смущеньи

Всѣ стопамъ его смиренно
И, внезапно вдохновляясь,
Гимнъ хвалебный начинають:

«Ни съ чѣмъ несравнимый души чистотой,
Подобный сіянью луны золотой
Въ часы уходящаго лѣта!
Ты, путь свой свершившій въ пространствѣ міровъ,
Стоящій превыше блаженныхъ боговъ,
Источникъ познанья и свѣта!
Свободу душѣ ты своей даровалъ —
Неси же скорѣе свободу
Земному, скорбящему роду!
Да сбудется нынѣ, чего ты желалъ!»

Всеволодъ Соловьевъ.

ГРИБОѢДОВСКАЯ МОСКВА

ВЪ

ПИСЬМАХЪ М. А. ВОЛКОВОЙ КЪ В. И. ЛАНСКОЙ

1812 — 1818 гг.

1814-ый годъ.

Второе полугодіе *).

Высокое, 18-го іюля.—Изъ письма моего къ твоему мужу ты, конечно, знаешь, почему я такъ давно не писала. Я была больна, и съ того вечера, какъ послала тебѣ послѣднее письмо, 17 дней не вставала съ постели; ужасно страдала.

Скоро намъ предстоитъ ѣхать въ Москву; я намѣреваюсь посовѣтоваться съ тамошними докторами и буду въ точности исполнять ихъ предписанія, чтобъ въ будущемъ мнѣ не приходилось обращаться къ нимъ за помощью. Пока мнѣ запрещено пѣть, и вѣрно не скоро добьюсь я разрѣшенія.

Я еще не поздравила тебя съ увеличеніемъ семейства. Желаю, чтобъ сынокъ твой всегда былъ радостью для тебя. Я очень довольна, что ты рѣшилась его кормить сама. Пріятно видѣть, когда мать сама кормитъ ребенка; въ нашъ вѣкъ женщины изъ нашего сословія пренебрегаютъ этимъ священнымъ долгомъ.

На будущей недѣлѣ ѣду въ городъ, куда мама̀ зовутъ по дѣламъ. Мы очень аккуратно получаемъ письма отъ сестры, и въ

*) См. выше: авг. 572, сент. 115, окт. 542 стр.

сентябрѣ будемъ ее ждать въ Высокое. Николинька получилъ отсрочку до января. Предстоящая зима обѣщаетъ вознаградить насъ за два тяжелыхъ года; но, по обыкновенію, не осмѣливаюсь слишкомъ предаваться сладкимъ надеждамъ.

Говорятъ и пишутъ, что въ Петербургѣ замѣтно большое оживленіе по случаю ожидаемаго пріѣзда государя. Сдѣланы были разныя приготовленія, стóившія много труда; теперь ихъ уничтожаютъ, вслѣдствіе приказа, полученнаго Вязмитиновымъ. Я искренно восторгаюсь письмомъ государя. Оно здѣсь на всѣхъ сильно подѣйствовало. Рѣдко встрѣтишь между людьми человѣка, который отказался бы отъ почестей, вполнѣ заслуженныхъ. Какъ этому удивляются, я полагаю, люди тщеславные и самимъ себѣ приписывающіе всѣ свои удачи. А чтó мы видимъ въ Вѣнѣ, смѣхъ да и только. Императоръ Францъ торжественно въѣзжаетъ въ свою столицу, его привѣтствуютъ всѣ сословія, читаютъ ему рѣчи, въ которыхъ восхваляютъ его подвиги, заботы и труды; онъ же въ свою очередь распространяется о томъ, какихъ ему стóило усилій такъ счастливо окончить войну, перебираетъ тѣ чувства, которыя возбуждали въ немъ разныя обстоятельства и, наконецъ, благодаритъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ (они другъ друга стóютъ, нечего сказать) за ихъ поведеніе въ настоящемъ случаѣ, и въ будущемъ намѣревается на нихъ разсчитывать. Не напоминаетъ ли тебѣ все это басню Лафонтена (Муха и Дорожные): какъ муха воображала, что безъ нея не двинется рыдванъ, такъ и австрійскій императоръ, равно и всѣ австрійцы полагаютъ, что весь міръ имъ обязанъ прекращеніемъ своихъ бѣдствій. Смѣшна и противна эта нація, признаюсь. Затѣмъ прощай, дружокъ.

Москва, 27-го іюля.—Какъ видишь, я пишу тебѣ изъ Москвы, необходимость искать квартиру принудила насъ покинуть милое Высокое и пріѣхать сюда глотать пыль. Проѣхавъ цѣлый день въ открытомъ экипажѣ, въ сильный жаръ, я третьяго дня явилась сюда съ страшной головной болью. Легла въ постель и проспала нѣсколько часовъ сряду, чтó однако не избавило меня отъ головной боли. Все-таки мнѣ пришлось вчера весь день провести въ большомъ обществѣ, совершенно какъ въ зимнюю пору. Во-первыхъ, здѣсь Ѳедоръ Голицынъ съ женой и дѣтьми; всѣ они, конечно, остановились у насъ, слѣдовательно и Мари Сумарокова находится въ нашемъ домѣ и пробудетъ здѣсь два-три дня.

Нашъ генералъ ужиналъ у насъ вчера, также и многіе другіе кавалеры, какимъ-то образомъ узнавшіе, что мы въ городѣ. Все это составляетъ маленькое развлеченіе послѣ той монотонной

жизни, которую мы ведемъ въ Высокомъ по желанію дяди; однако не могу я сказать, чтобъ оно мнѣ доставляло удовольствіе. Я привыкла проводить четыре или пять мѣсяцевъ въ году вдалекѣ отъ городского шума, а въ нынѣшнемъ году самое здоровье мое требуетъ спокойствія. Эти дни я чувствую себя недурно; надѣюсь совершенно поправиться къ зимѣ.

Еще будучи въ деревнѣ я прочла въ газетахъ, что г-ну де-Полиньякъ данъ отпускъ на четыре мѣсяца, но не сказано, куда онъ намѣренъ ѣхать. Не могу вообразить, гдѣ онъ проведетъ время отпуска; если онъ пріѣдетъ въ Петербургъ, ты, конечно, увѣдомишь меня объ этомъ. Неужели семья его не получала отъ него писемъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ во Франціи? Такое поведеніе было бы для меня совершенной загадкой. Онъ не забывалъ о семьѣ даже въ ту пору, когда былъ всецѣло преданъ страсти. Всѣ поступки его непонятны для меня; но мнѣ кажется, что люди, болѣе меня прозорливые, также не добились бы тутъ толку.

Здѣсь говорятъ, что положеніе Франціи очень шатко; Бурбоны стоятъ не на твердой почвѣ потому, что у Наполеона много приверженцевъ въ средѣ этой деморализованной націи. Сдѣлай одолженіе, скажи мнѣ, на чтó рѣшился герцогъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ пэръ Франціи. Не измѣнилъ ли онъ своего намѣренія по случаю торжества Бурбоновъ, которое быть можетъ продолжится не долго. Впрочемъ, повторю снова любимую свою поговорку: чтó Богу угодно, то и будетъ. Если Полиньякъ явится въ Петербургъ, я увѣрена, что ты съумѣешь повести дѣло; говори, чтó нужно и кому нужно, или молчи, смотря по обстоятельствамъ. Вполнѣ полагаюсь на твой разумъ и умѣнье.

1-го августа.—Нынче послѣ полудня уѣзжаю обратно въ Высокое. Оставляю это письмецо для тебя, хочу, чтобъ ты знала, какъ провела я время въ городѣ. Во-первыхъ, мы нашли прекрасную квартиру; въ настоящее время это вещь не легкая: хотя въ Москвѣ много строятъ, а все-таки помѣщеній мало въ сравненіи съ числомъ жителей. Квартиры ужасно дороги. Къ счастію нашему, г-жѣ Корсаковой пришло на мысль употребить въ дѣло принадлежащее ей огромное строеніе, и рядомъ съ большимъ домомъ она выстроила другой и велѣла передать матушкѣ (она съ нами близко знакома), что ежели ей понравится ея квартира, то она, кромѣ насъ, никому ее не отдастъ. Матушкѣ домъ очень понравился; тотчасъ же дѣло уладили, и теперь мы будемъ жить въ хорошемъ кварталѣ, платя въ годъ 3,500. Домъ находится

на Тверской площади противъ *Страшнаго монастыря* [1]; это одно изъ лучшихъ мѣстъ въ городѣ, мы будемъ посреди всѣхъ знакомыхъ и близко отъ всего. Мы можемъ помѣстить у себя сестру до пріѣзда свекрови; это тоже не малая выгода. Адресуй письма по прежнему, въ домъ вдовы Небольсиной, гдѣ управляющій нашъ будетъ жить до половины сентября. Я вовсе не скучала въ теченіи недѣли, которую провела въ Москвѣ. Многіе изъ нашихъ знакомыхъ были въ городѣ, я постоянно вертѣлась въ обществѣ. Третьяго дня я ужинала у Разумовскихъ въ Петровскомъ. Тебѣ вѣдь знакома эта красивая мѣстность. Мы тамъ много гуляли. Сады чудесные, ихъ каждый годъ увеличиваютъ, содержатся они прекрасно, наравнѣ съ царскими садами. Глядя на эту роскошь, не повѣришь, что два года тому назадъ все это было опустошено французами. Графъ удивительно любезенъ. Жена его такая же, какъ и была. Г-жа Щукина чуть не умерла, теперь ей гораздо легче. Сестра ея стара, худа, уродлива, и такъ забавна вмѣстѣ съ тѣмъ, что я весь вечеръ надъ ней потѣшалась, сердя ее во время мака́о. Возвратясь съ прогулки мы сѣли за карты.

Вчера я ужинала у вдовы Авраама и вернулась домой въ ужасномъ негодованіи, до сихъ поръ не могу успокоиться. Тебѣ извѣстно, что маленькая Пушкина вышла за Евреинова. Пріѣхавъ сюда, я узнала, что этотъ провинціалъ никогда не бывалъ въ Москвѣ и явился сюда лишь три мѣсяца тому назадъ по смерти стараго отца; слѣдовательно, человѣкъ онъ не свѣтскій, но повидимому порядочный. У него тридцать тысячъ годового дохода. Онъ два раза сватался за Пушкину, сперва она отказала, потомъ, вѣроятно подумавъ о грустномъ своемъ положеніи, рѣшилась выдти за него съ цѣлью обезпечить всю свою семью, начиная со старухи-матери. Кажется, въ этомъ поступкѣ ничего не должно быть смѣшного, особенно для близкихъ ея родственниковъ. Имъ извѣстно, въ какихъ она была тонкихъ обстоятельствахъ, значитъ, скорѣе слѣдуетъ пожалѣть о ней, а не поднимать ее на смѣхъ. Она пожертвовала собою, выйдя за человѣка менѣе ея образованнаго и который не можетъ быть ей парой. Между тѣмъ представь себѣ, что вдова Авраама и ея прекрасный сынокъ весь вечеръ трунили надъ бѣдной женщиной, осмѣивая ея мужа и всю его родню, пріѣзжавшую на свадьбу. Насмѣшкамъ конца не было. Ѳедоръ Голицынъ, который не прочь посмѣяться надъ ближнимъ, принялъ участіе въ шуткахъ, и они хохотали на всю

[1] Вставлено во французскомъ оригиналѣ по-русски. *Пер.*

гостиную надъ жалкимъ замужствомъ племянницы хозяйки дома, съ которой обращались, какъ съ дочерью три мѣсяца тому назадъ. Одна Гагарина молчала. Меня все это возмущало. Старуха, вдова Авраама, настоящая ехидна. Вяземскій называетъ ее «Сицилійской отравительницей» потому, что находитъ у нея сходство съ восковой куклой, изображавшей эту женщину. Куклу здѣсь показывали за деньги нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вяземскій отчасти правъ: если старуха физически не отравляетъ людей, за то рѣчи ея пропитаны такимъ ядомъ, который никого не щадитъ.

Больные наши всѣ выздоровѣли, и братъ, и племянникъ. Я тоже поправилась; но мнѣ предписаны разныя средства, чтобъ предупредить возвращеніе болѣзни, такъ что я таскаю съ собой походную аптеку. Шею и грудь мнѣ натираютъ *сивухой* [1]), и этимъ же нектаромъ должна я полоскать горло каждое утро. Ныньче я принялась за это полосканіе и совсѣмъ опьянѣла на цѣлые полчаса. Послѣ этого лекарства остается дурной запахъ во рту. Помнишь, какъ пахло отъ нашего стараго плѣшиваго лакея, который, спросонья и попивая вино, наговорилъ тебѣ такихъ пріятныхъ вещей въ тотъ день, когда ты отъ насъ уѣзжала? Ты чуть не умерла со смѣху. Я рѣшилась употреблять это средство только въ деревнѣ, въ Москвѣ же я его брошу, чтó бы изъ этого ни вышло. Прощай, дружокъ. Лошади готовы. Начала я письмо утромъ, а кончаю послѣ обѣда. На-скоро обнимаю тебя.

Высокое, 8-го августа.—Дядя ѣдетъ завтра обратно въ Петербургъ, и я пользуюсь случаемъ, чтобъ увѣдомить тебя о полученіи письма твоего отъ 27-го іюля.

Меня порадовало извѣстіе о замужствѣ m-lle де-Полиньякъ. Въ ея положеніи, конечно, не приходится быть слишкомъ разборчивой, она должна стараться пристроиться, пока еще живы Діана и герцогъ, ея единственные покровители. Если этотъ г. Собакинъ человѣкъ порядочный, то это для нея отличная партія. Онъ страшно богатъ. Между прочимъ, есть у него великолѣпное помѣстье въ 25-ти верстахъ отъ Москвы. Дядя видѣлъ это имѣнье ныньче лѣтомъ и говоритъ, что оно устроено на манеръ древнихъ французскихъ зáмковъ. Оно находится на дорогѣ въ Троицу.

Не можешь ли ты сказать мнѣ, чѣмъ объясняетъ семья молчаніе Гераклія? Кажется, онъ не писалъ имъ съ января; меня

---

[1]) Вставлено по-русски. *Пер.*

это очень удивляетъ. Нѣтъ ли тутъ какой-нибудь причины, которую ты отъ меня скрываешь? Это было-бы плохимъ разсчетомъ съ твоей стороны. Мнѣ приходилось видѣть столько страннаго въ этомъ дѣлѣ, что теперь меня ничто не озадачитъ. Ожидаю всего и чтó бы ни случилось, буду считать это за испытаніе, посланное мнѣ Господомъ. Значитъ, ты можешь мнѣ передавать все, даже вещи, которыя, по твоему мнѣнію, должны меня огорчить.

Віельгорскій пишетъ брату, что назначеніе Тормазова генералъ-губернаторомъ въ Москву, кажется, вопросъ уже рѣшенный. Чтó слышала ты объ этомъ? Еслибъ ты знала, какое вы намъ окажете одолженіе, избавивъ насъ отъ прекраснаго графа! Всѣ его считаютъ сумасшедшимъ. У него что ни день, то новая выходка. Несправедливъ онъ до крайности. Окружащіе его клевреты, не стоющіе ни гроша, дѣйствуютъ за-одно съ нимъ. Словомъ, въ Москвѣ администраторы — народъ такой отборный, что Волковъ принужденъ былъ подать въ отставку послѣ исторіи съ Брокеромъ, правой рукой Растопчина. Неизвѣстно, дадутъ ли ему выдти въ отставку, только онъ, не стѣсняясь, вездѣ разсказываетъ, что считаетъ за безчестіе служить вмѣстѣ съ Брокеромъ, который здѣсь 2-мъ полиціймейстеромъ. Графъ теперь въ Петербургѣ. Какъ его тамъ приняли? Сдѣлайте одолженіе, оставьте его у себя, повысьте еще, ежели желаете, только не посылайте его къ намъ обратно. За нѣсколько дней передъ отъѣздомъ, онъ сдѣлалъ такую штуку съ купцами, что они пришли въ отчаяніе. Онъ здѣсь всѣмъ насолилъ, и могу тебя увѣрить, что, кромѣ Спиридова и Брокера, никто о немъ не пожалѣетъ.

Прощай, милый другъ. Желаю отъ души, чтобы дѣти твои были здоровы и чтобы сынокъ твой не мѣшалъ тебѣ переписываться со мной по прежнему. Посылаю тысячу привѣтствій твоему мужу.

16-го августа.—Вѣрно ты не совсѣмъ здорова или кто-нибудь изъ дѣтей, потому ты не писала мнѣ и на прошлой недѣлѣ. Надѣюсь, что нынче мнѣ принесутъ отъ тебя письмецо: я посылаю въ городъ. Что до меня касается, я совершенно здорова въ настоящее время; но всѣ, кто ни взглянетъ на меня, повторяютъ: ахъ, какъ вы похудѣли! Мнѣ это даже надоѣло. Теперь я перестала слушаться докторовъ; мы съ Николинькой рѣшили, что не слѣдуетъ слѣпо имъ повиноваться. Ни у кого не спрашивая позволенія, я снова начала пѣть, и мнѣ это не вредитъ.

Николинька большой охотникъ до музыки и въ особенности любитъ пѣніе. Еслибъ удалось ему набрать такихъ меломановъ,

какъ онъ самъ, я думаю, онъ всю жизнь просидѣлъ бы за фортепьяно, переигрывая разныя извѣстныя оперы. Я далеко не такъ страстно люблю музыку, однако принялась пѣть и играть по вечерамъ, частію по своему желанію, частію чтобъ сдѣлать удовольствіе другимъ. Недостаетъ сестры, чтобъ дополнить нашъ семейный концертъ. Осенью авось устроются наши тріо. Могу тебя увѣрить, что они выйдутъ очень недурны, потому что мы выбираемъ для пѣнія самую лучшую музыку, все сочиненія лучшихъ композиторовъ. Если тебѣ вздумается насъ послушать, мы постараемся заучить лучшія пьесы нашего репертуара, чтобъ побаловать твой слухъ. Не шутя, если сынокъ твой позволитъ, почему бы и не пріѣхать тебѣ зимой въ Москву погостить. Вотъ былъ бы праздникъ для меня! Но къ чему мечтать. Я знаю, что это вещь невозможная, а когда начнешь представлять въ своемъ воображеніи все неосуществимое въ дѣйствительности, становится невыносимо грустно. У меня всегда была наклонность къ воздушнымъ зáмкамъ, и ни одна мечта моя не осуществилась. Большею частію я живу въ будущемъ, по-своему распоряжаюсь событіями, которыя, къ несчастію, меня вовсе не слушаются и принимаютъ оборотъ, противный моему желанію. Конечно, такое препровожденіе времени безполезно; но отъ чего же мнѣ не помечтать иногда, этимъ я никому зла не дѣлаю, а съ дѣйствительностію вѣдь я всегда мирюсь. Больше всего радуюсь я, воображая мою встрѣчу съ тобой.

Будетъ на нынѣшній разъ; прощай, дружокъ. Николинька вздумалъ везти меня на праздникъ въ сосѣднюю деревню. Значитъ я разстаюсь съ тобой, чтобъ идти въ толпу пьяныхъ мужиковъ, которыхъ я страхъ какъ боюсь. Впрочемъ, нынче мнѣ бояться нечего, меня будетъ оберегать нашъ герой. Погода чудесная, такъ и тянетъ на воздухъ.

29-го августа.—Отъ тебя отъ первой услыхала я о замужствѣ кн. Шаховской. Очень рада за нее. Меня всегда тревожитъ, когда я вижу большую семью, гдѣ много дочерей и ни одна изъ нихъ не замужемъ. Недавно говоря съ мамà о Шаховскихъ, я именно сказала ей, что какъ счастлива была бы княгиня, еслибъ удалось ей пристроить хоть одну изъ дочерей,—тогда и другія станутъ выходить замужъ. Разговоръ нашъ пришелся очень кстати. Теперь, когда я захочу, чтобъ сосватали кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ, то начну разсуждать о томъ, что пора бы имъ выдти замужъ. Мнѣ помнится, что я писала тебѣ о свадьбѣ маленькой Пушкиной, которая выходитъ за молодого

Евреинова, пріѣхавшаго сюда въ маѣ. Въ Москвѣ его никто не знаетъ, потому что онъ живетъ въ провинціи. Онъ увидалъ Пушкину у обѣдни, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, влюбился въ нее сразу, нашелъ способъ познакомиться съ ея матерью, сдѣлалъ предложеніе и женился. Все это устроилось очень быстро. Когда я ѣхала въ деревню, еще не слышно было объ этой свадьбѣ, а черезъ мѣсяцъ объявили, что Пушкина выходитъ замужъ. Бѣдной дѣвочкѣ нельзя было быть слишкомъ разборчивой, семья ея была рада-радёхонька, что нашелся богатый женихъ, который можетъ обезпечить ее и сестеръ. Этотъ молодой человѣкъ имѣетъ хорошее состояніе; но, какъ говорятъ, провинціалъ въ полномъ смыслѣ слова, что̀ такъ потѣшаетъ вдову Пушкину и ея сынка, а по-моему слѣдуетъ пожалѣть о бѣдной дѣвочкѣ. Когда я подумаю, каково бы мнѣ было, еслибъ я, какъ Катенька, должна была пожертвовать собой для семьи и выдти замужъ за г-на Арапова, который въ Тамбовѣ вздумалъ искать моей руки—при этой мысли морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, и я благодарю Бога, что Онъ поставилъ меня въ такое положеніе, что мнѣ предоставляется выборъ.

Я рѣшительно не знаю, что́ намѣреваются дѣлать Вяземскіе. Мужъ весной говорилъ мнѣ, что желаетъ имѣть такую должность, въ которой онъ могъ бы чѣмъ-нибудь отличиться. Онъ очень честолюбивый молодой человѣкъ. Я тогда подумала, что ему хорошо было бы служить гдѣ-нибудь при посольствѣ заграницей, онъ же охотникъ до путешествій. Съ наступленіемъ лѣта я потеряла изъ виду всѣхъ знакомыхъ, не знаю, гдѣ они и что́ дѣлаютъ. Однако я написала къ кн. Оболенской, чтобъ узнать про Вяземскихъ. Какъ ни говори, а кн. Петру слѣдуетъ вступить на службу, ему 22 года, нельзя же ему всю жизнь сидѣть безъ дѣла. На него будутъ смотрѣть, какъ на *недоросля* [1]).

Не завидую предстоящему вамъ счастію увидѣть графа. Мнѣ лично онъ ничего не сдѣлалъ дурного. Когда мы встрѣчались, онъ разговаривалъ со мной и шутилъ, какъ въ былое время, а между тѣмъ я очень охотно уступаю его вамъ и порадовалась искренно, узнавъ, что онъ намѣренъ покинуть Москву и предоставить ее на произволъ судьбы. Не только я, но люди старше меня не запомнятъ, чтобъ кого-нибудь такъ ненавидѣли, какъ Растопчина. Никогда еще московская знать не обращалась такъ безцеремонно съ первымъ лицомъ въ городѣ. На праздникѣ,

---

[1]) Вставлено по-русски.—*Пер.*

данномъ въ честь взятія Парижа, его такъ одурачили, что онъ уѣхалъ домой взбѣшеннымъ.

Очень рада, что хорошая погода благодѣтельно дѣйствуетъ на твое здоровье, отъ души желаю тебѣ всего хорошаго въ жизни. Если судить по внѣшности, то жизнь моя проходитъ тихо и безмятежно; но въ душѣ я часто тревожусь. Меня волнуетъ множество разнообразныхъ чувствъ, въ положеніи моемъ столько неопредѣленнаго; но говорятъ, что на свѣтѣ все бываетъ къ лучшему; предположимъ, что это правда, и постараемся успокоиться.

Сержъ съ семьей уѣзжаетъ отъ насъ 13-го числа будущаго мѣсяца; они на зиму отправятся въ Петербургъ. Предупреждаю тебя, дружокъ, что ежели невѣстка заговоритъ съ тобой о Полиньякѣ (ей извѣстно, что онъ искалъ моей руки и писалъ къ мамá), отвѣчай ей коротко безъ всякихъ подробностей. Она милая женщина, но я съ ней не пускаюсь въ откровенности, вообще я не легко довѣряюсь кому бы то ни было. Мнѣ извѣстно, что ты умѣешь молчать, потому въ настоящее время, какъ и всегда, я совершенно на тебя полагаюсь. Прощай, моя милая. Я сама не знаю, чтó я тебѣ пишу, у мамá болятъ зубы, и я усѣлась въ ея комнатѣ; вокругъ меня вся наша семья, меня безпрестанно прерываютъ.

5-го сентября.—Дня три у насъ стоитъ совершенно осенняя погода, дружокъ. Я успѣла простудиться и цѣлые сутки лежала съ сильной головной болью. Теперь я совсѣмъ поправилась. Левашовъ пріѣзжалъ съ нами проститься передъ своимъ отъѣздомъ въ Парижъ. Отъ него я узнала, что Хоненевъ, купившій имѣніе Апраксиной, тотъ самый, который женится на Шаховской. Слѣдовательно, онъ нашъ близкій сосѣдъ, потому что имѣніе его въ пятнадцати верстахъ отъ Высокаго. Я его никогда не видала, въ нашей сторонѣ онъ поселился въ маѣ; но, судя по слухамъ, въ немъ нѣтъ ничего привлекательнаго; говорятъ, что онъ совершенный провинціалъ. Вѣрно, Шаховская выходитъ за него не по любви, а потому, что онъ богатъ. Быть можетъ, онъ хорошій человѣкъ. Искренно желаю, чтобъ княжна могла его полюбить за душевныя качества, потому что наружнаго лоску въ немъ нѣтъ. Левашовъ увѣрялъ меня, что вся семья Шаховскихъ въ Москвѣ, гдѣ будетъ и самая свадьба въ октябрѣ мѣсяцѣ. Если Левашовъ правъ, то я могу надѣяться увидать всѣхъ ихъ черезъ мѣсяцъ, даже, быть можетъ, они рѣшатся провести всю зиму въ Москвѣ. У будущаго ихъ зятя есть большой домъ, въ которомъ они теперь остановились. Тебѣ должны быть лучше извѣстны ихъ

намѣренія; я основываюсь лишь на словахъ Левашова. Отъ него я также узнала, что кн. Вяземская была при смерти послѣ родовъ. У нея родилась дочь Марія. Когда Левашовъ уѣзжалъ изъ Москвы княгиня лежала въ горячкѣ. Самъ кн. Петръ тоже боленъ; боюсь, что ему не сдобровать. У него упорный кашель, который усиливается при малѣйшемъ душевномъ волненіи. Смерть ребенка усилила его хроническій недугъ.

Левашовъ говоритъ, что Вяземскіе никуда не собираются ѣхать и намѣрены всю зиму провести въ Москвѣ. Я пишу тебѣ такъ подробно о Вяземскихъ потому, что знаю, что ты раздѣляешь мою слабость къ кн. Петру. Точно, онъ прекрасно одаренъ природой, и не будь онъ съ дѣтства окруженъ людьми довольно сомнительными, изъ него вышелъ бы отличный человѣкъ. О многомъ внушили ему ложныя понятія; но его природныя добрыя качества пересилили пагубное вліяніе. Въ обществѣ онъ очень милъ и пріятенъ.

Меня увѣряютъ, будто прелестная моя подруга Давыдова выходитъ за г-на Олсуфьева. Правда-ли это? Изъ нашихъ тоже кое-кто женится. Г-нъ Булгаковъ пріѣзжалъ въ Москву недѣли на двѣ, обвѣнчался съ своей богатой невѣстой, съ которой былъ помолвленъ года два тому назадъ и, черезъ недѣлю послѣ свадьбы, уѣхалъ обратно въ Вѣну. Вѣрно зимой много будетъ свадьбъ; въ эти два года въ обществѣ появилось множество молодыхъ дѣвицъ, которыя одна другой красивѣе. Младшая Алмазова сдѣлала богатую партію. Она вышла за г-на Кобылина, двоюроднаго брата нашихъ Пушкиныхъ. Прощай, мой другъ, ты очень скупа стала на письма. Вотъ двѣ недѣли, какъ я не имѣю отъ тебя извѣстій.

8-го сентября. — Я жалуюсь, что ты не пишешь, дружокъ, а выходитъ, что виновата не ты, а безпорядокъ, господствующій въ московскомъ почтамтѣ. Представь, что мнѣ разомъ принесли твои два письма: отъ 23 и 31 августа. Первое изъ нихъ мнѣ слѣдовало получить недѣлю тому назадъ, и тогда я бы не пеняла на твое молчаніе. Не получала я до сихъ поръ 50 рублей, которые ты мнѣ послала, и даже намѣревалась попросить тебя купить мнѣ въ Петербургѣ цвѣтовъ на эти деньги. У васъ прекрасно дѣлаютъ цвѣты, и если покупать ихъ изъ первыхъ рукъ, то они обходятся не дорого. Я каждый день сержусь на почту. Вѣрно письмо съ деньгами затерялось, а я цѣлыхъ три недѣли безпокоилась о тебѣ, не зная, чему приписать твое безмолвіе. Впередъ, посылая деньги, объявляй объ этомъ въ почтамтѣ, тогда,

если пакетъ пропадетъ, почтовое управленіе обязано будетъ уплатить деньги.

Наконецъ-то отыскался Полиньякъ. Въ настоящую минуту быть можетъ онъ въ Петербургѣ. Какъ я благодарна тебѣ за участіе въ дѣлѣ, которымъ я докучаю тебѣ подчасъ; однако ты все-таки не отказываешься мнѣ помогать. Съ своей стороны я всецѣло на тебя полагаюсь. Что бы ни вышло, я знаю, что мнѣ не придется пожалѣть о полномъ довѣріи, которое я тебѣ оказала. Молю Бога, чтобъ Онъ научилъ насъ обѣихъ какъ дѣйствовать, и всѣми силами стараюсь себя успокоить. Много тревожилась я въ жизни, и что̀ же вышло изъ этихъ тревогъ? Все шло путемъ, Богомъ указаннымъ, и волненія мои ни къ чему не вели. Увидимъ, быть можетъ, успокоясь и положившись на волю Божію, я скорѣе достигну желаемой цѣли. Еслибъ ты знала, какъ меня радуетъ твое намѣреніе побывать въ Москвѣ зимой! Ты вѣришь, конечно, какъ искренно желаю я, чтобъ дѣтки твои были здоровы. Не подавай мнѣ тщетныхъ надеждъ, съ которыми мнѣ тяжело будетъ разстаться. Лучше скажи прямо, если тебѣ нельзя будетъ пріѣхать.

Меня не удивляетъ вопросъ г-жи Вилеро, почему тебя такъ интересуетъ Гераклій? Если она точно умна, какъ говорятъ, то навѣрное догадывается, что ты отъ нея что-то скрываешь. Еслибъ ты меня не вполнѣ увѣрила, что съ ней толковать безопасно, я стала бы побаиваться, чтобъ изъ этого не вышло какой-нибудь непріятности; но ты меня совершенно успокоила на этотъ счетъ. Впрочемъ, вѣдь мнѣ приходилось ошибаться. Гдѣ я надѣялась найти справедливость и скромность — тамъ встрѣтила низость и вѣроломство. Хорошо я попалась, нечего сказать, а еще воображала, что знаю свѣтъ и людей! Не лучше ли вполнѣ положиться на Бога, а не разсчитывать на себя. Горькій опытъ привелъ меня къ такому заключенію.

Всѣ радуются удаленію Растопчина. Нашего будущаго начальника восхваляютъ до небесъ; но я не очень довѣряю этимъ похваламъ. Два года тому назадъ, и «сокровище» началъ вести дѣла блестящимъ образомъ; но это продолжалось мѣсяца полтора, не больше, а тамъ все пошло вверхъ дномъ къ общему горю. Надѣюсь, что Тормазовъ оправдаетъ лестные отзывы объ его личности. Посмотримъ, что̀ будетъ черезъ годъ.

Я полагаю, что Sophie Бибиковой вовсе не хочется вернуться въ свою семью. Мнѣ говорили, что она съ матерью не ладила, и вѣрно постарается не возвращаться въ Москву.

Зачѣмъ это Бутурлина отправилась въ Петербургъ? Я слы-

шала, что она вмѣстѣ съ дочерью Бартеневой собиралась ѣхать за-границу для сына, котораго совершенно изуродовали въ Бородинскомъ сраженіи. Отчего она измѣнила свое намѣреніе? Меня все это мало интересуетъ. Семья эта вращается совсѣмъ въ другомъ кругу, чѣмъ я. Мнѣ приходится слышать объ нихъ въ полгода разъ, не больше. Г-жу Бартеневу я во весь годъ встрѣтила только однажды, и то на улицѣ; мы обѣ гуляли пѣшкомъ. Намѣрена ли она поселиться въ Петербургѣ?

12-го сентября. — Вотъ тебѣ образчики камлота, дружокъ, цвѣта хороши, но доброта плоха. Онъ хуже того, который я покупала зимой. Цѣна все та же. Въ октябрѣ я вернусь въ Москву и тотчасъ исполню всѣ твои коммиссіи.

Интересныхъ новостей у меня нѣтъ. Сержъ завтра уѣзжаетъ со всей своей семьей. Николинька отправляется въ Москву, чтобъ окончательно условиться насчетъ квартиры. Значитъ, насъ останется всего трое: мамà, Миша и я. Николинька вернется черезъ недѣлю. Соймоновы тоже покинули наши края, они уѣхали по дѣламъ въ Москву и болѣе не вернутся. Я не боюсь ни одиночества, ни скуки, лишь бы здоровье мое возстановилось. Сегодня у меня ужаснѣйшая головная боль, боюсь схватить горячку, вотъ уже мѣсяцъ, какъ у насъ въ домѣ появилась эта болѣзнь. Окончивъ письмо, брошусь на кровать, чувствую ознобъ.

Говорятъ, вся Москва ликуетъ, всѣ въ восторгѣ, что Растопчинъ убрался. Послѣдній манифестъ государя императора сдѣлалъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Надо признаться, что онъ прекрасно составленъ; упомянуто о всѣхъ сословіяхъ такъ, что каждое можетъ остаться довольнымъ тѣмъ, что до него касается. Прощай, мой другъ; при всемъ желаніи моемъ не могу продолжать письма, силъ не хватаетъ. Поклонъ твоему мужу.

16-го сентября. — Сію минуту получила твое письмецо отъ 8-го числа, дорогой мой другъ, и вижу изъ него, что мнѣ по прежнему приходится оставаться въ невѣдѣніи касательно моей будущности. Тщетной оказалась надежда моя получить хоть какія-нибудь разъясненія черезъ тебя. Не разъ ошибалась я въ своихъ ожиданіяхъ, постараюсь помириться и съ этой неудачей. Я знала, что отпускъ г-на де-Полиньяка кончится въ послѣднихъ числахъ сентября, и что полкъ его стоитъ въ Польшѣ. Слѣдовательно, теперь намъ нельзя будетъ объясниться съ Геракліемъ, и не предвижу, чтобъ могъ представиться для этого удобный случай. Если онъ вернется въ Россію, то можно будетъ написать

ему, что отвѣтъ на его письмо пропалъ, и что насъ порадовало, что посланіе его, пересланное сестрой, не подверглось одинаковой участи съ нашими письмами. Тогда же и передадимъ ему наше желаніе видѣться съ нимъ; словомъ, напишемъ ему нѣсколько фразъ, ничего не значущихъ для посторонняго лица, но которыя для него будутъ имѣть серьёзное значеніе. Признаюсь, что я бы не желала прибѣгать къ такому способу, не зная, насколько молодой человѣкъ расположенъ ко мнѣ въ настоящее время. Я не горда, Богу это извѣстно, но я знаю себѣ цѣну и никогда не сдѣлаю ничего такого, за что бы меня могли осудить другіе, а тѣмъ болѣе онъ, котораго уваженіе я старалась заслужить. Не вижу возможности выбраться изъ лабиринта, въ который попала; одинъ Богъ можетъ мнѣ въ этомъ помочь. Полагаюсь на Его милосердіе, призываю Его на помощь, и надѣюсь, что горячая молитва моя будетъ услышана.

Благодарность моя къ тебѣ безгранична. Каждое письмо твое усиливаетъ мою привязанность къ тебѣ. Ты знаешь мои чувства, къ чему повторять все одно и то же.

Касательно твоего желанія поговорить съ г-жой Вилеро, одно могу сказать: поступай, какъ внушитъ тебѣ Господь. Онъ лучше научитъ, чѣмъ я. Теперь я окончательно стала втупикъ. Одного желала бы я въ настоящее время, чтобъ г. де-Полиньякъ на возвратномъ пути заѣхалъ въ Москву, это составило бы небольшой крюкъ и никого бы не удивило. Если ты можешь навести его на эту мысль, постарайся сдѣлать это, не теряя времени. Вотъ все, что способна придумать моя бѣдная головушка въ настоящую минуту. Мысль, быть можетъ, далеко не блестящая, но вѣдь есть возможность осуществить ее. Еще разъ повторю тебѣ: дѣлай, какъ знаешь, я полагаюсь на твое благоразуміе.

Напрасно ты думаешь, что я не стараюсь розыскать твои пропавшія письма. Деньги твои, по всей вѣроятности, попали не въ надежныя руки и достались какому-нибудь мошеннику почтальону. Прежде я тоже имѣла обыкновеніе посылать банковые билеты по почтѣ, не объявляя въ почтамтѣ, но разъ со мной случилось маленькое приключеніе, въ родѣ твоего, съ тѣхъ поръ я отказалась отъ контрабанды и тщательно уплачиваю всѣ пошлины при отправкѣ денегъ.

Мы остались втроемъ, что не очень весело, когда привыкъ жить въ большой семьѣ. Что же дѣлать, приходится еще недѣлю ждать возвращенія Николиньки. Онъ занятъ уборкой нашей новой квартиры, присутствіе его тамъ необходимо, иначе намъ

нельзя будетъ переѣхать въ Москву въ началѣ октября. Покуда мы утѣшаемъ себя надеждой, что зима вознаградитъ насъ за скучную осень. Изъ насъ троихъ больше всѣхъ скучаетъ Мишель; онъ еще слишкомъ молодъ, не умѣетъ довольствоваться самимъ собой и очень откровенно жалуется намъ на скуку. Мы съ мамá цѣлый день заняты; бесѣдуемъ о предметахъ, которые не могутъ интересовать четырнадцатилѣтняго отрока, слѣдовательно онъ лишенъ этого способа коротать время. Каждый день утромъ и вечеромъ онъ читаетъ мнѣ вслухъ исторію Густава Адольфа (которая, благодаря ему, знакома мнѣ, какъ мои пять пальцевъ), потомъ мы ходимъ гулять вмѣстѣ; но все это не долго продолжается, такъ что скучать ему приходится чуть не цѣлый день. Къ счастію нашему, дней десять стоитъ прекрасная погода. Еслибъ дни были подлиннѣе, можно бы было подумать, что теперь лѣто, до того тепло и хорошо на воздухѣ.

Сейчасъ получила преглупѣйшее письмо отъ саратовской губернаторши, и приходится отвѣчать ей немедля. Француженка, бывшая при ея дѣтяхъ, уѣхала, и она проситъ меня найти ей гувернантку въ Москвѣ, говоря, что я такъ прекрасно воспитана, что она желаетъ, чтобъ я выбрала особу, которой она могла бы поручить дѣтей. Еслиж я воспитана хорошо, такъ этимъ обязана мамà; ей бы слѣдовало къ ней обратиться съ своей просьбой, а не ко мнѣ. Она этого понять не можетъ и все ко мнѣ пристаетъ, чтó немало смѣшитъ мамà, а меня выводитъ изъ терпѣнья. Прощай, дружокъ, мнѣ надо отвѣчать несносной губернаторшѣ. Объявлю ей прямо, что понятія не имѣю о томъ, какъ воспитывать дѣтей, пусть обратится къ кому-нибудь другому.

26-го сентября.—Повидимому, ты желаешь, чтобы мы вернулись въ городъ, потому что тогда намъ легче будетъ переписываться. Очень рада, что могу тебѣ сказать, — въ послѣдній разъ пишу изъ деревни. Николинька вернулся изъ Москвы въ среду вечеромъ въ ужаснѣйшую погоду. Пока мы съ нимъ здоровались, онъ все ворчалъ на дождь, снѣгъ и вѣтеръ, жалуясь, что приходится терпѣть отъ дурной погоды, когда изъ упрямства сидятъ среди полей и лѣсовъ въ такое гадкое время года. Если мы вздумаемъ еще остаться въ Высокомъ, то онъ намѣревается спать цѣлый день и съ нами видаться только за обѣдомъ да за чайнымъ столомъ. Мы посмѣялись надъ его гнѣвомъ, однако, мамà, которая любитъ его баловать и исполнять всѣ его фантазіи, нашла, что онъ правъ, и хотя наканунѣ имѣла намѣреніе остаться въ деревнѣ до половины октября, черезъ полчаса рѣ-

шила успокоить Николиньку и приказала, чтобъ завтра же отправлены были вещи въ Москву. Съ тѣхъ поръ, какъ мы по милости Наполеона ведемъ цыганскую жизнь, переѣзжая въ Москвѣ съ квартиры на квартиру каждый годъ, намъ приходится таскать въ деревню, и потомъ опять въ городъ, кучу вещей, которыя прежде оставались на мѣстѣ. Отправивъ цѣлый обозъ, мы сами тронемся. Надѣюсь быть черезъ недѣлю въ нашемъ новомъ домѣ. Кстати попрошу тебя писать по слѣдующему адресу: на площади, между Тверской и Малой *Дмитровкой* противъ *Страшнаго* [1]) монастыря въ домѣ Корсакова. Николай въ восторгѣ отъ этой квартиры, домъ не великъ, но красивъ и очень для насъ удобенъ. Я очень довольна, что мнѣ не придется вернуться въ прелестный домъ Небольсиной. Намъ понравился ея наружный видъ; но какъ вспомню я, сколько мы терпѣли въ немъ отъ холода всю зиму — для меня кажется столь же пріятнымъ возвратиться въ этотъ домъ, какъ и въ тамбовскую нашу квартиру.

Николай въ восторгѣ, что мы возвращаемся въ Москву, да и мама̀ тоже довольна: она не особенно любитъ деревню осенью; но сидитъ въ ней по какимъ-то своимъ соображеніямъ. Мнѣ же рѣшительно все равно, гдѣ бы я ни жила: у меня время летитъ, потому что я всегда занята. Недавно, для забавы я начала учить пѣнію Мишеля. Трудъ мой не пропалъ даромъ, онъ очень вѣрно поетъ тріо Моцарта, не хуже Николиньки и меня. Занимаюсь я также вышиваніемъ по канвѣ, работа эта мнѣ очень нравится. Когда я сяду за пяльцы, то во весь день не скажу двухъ словъ, что̀ ужасно сердитъ братьевъ, потому что я превращаюсь въ мебель, для нихъ безполезную. Мы безпрестанно споримъ, кончается тѣмъ, что я бросаю свое любимое занятіе, отъ страха, чтобъ одинъ изъ братцевъ не разломалъ въ дребезги моихъ пялецъ. Обыкновенно, по возвращеніи въ городъ, я откладываю въ сторону эту работу, слѣдовательно, вотъ еще новая для нихъ причина негодовать на деревню.

Эту зиму у меня будетъ очень мало свободнаго времени. Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, сестра должна пріѣхать въ октябрѣ. Родные ея мужа явятся по первому зимнему пути. Насъ соберется такое общество, что некогда будетъ заниматься своими дѣлами. Признаюсь, какъ ни люблю я занятій, а охотно отъ нихъ откажусь, и съ большимъ удовольствіемъ посвящу свое время такому пріятному обществу. Немало радуетъ меня надежда, что,

---

[1]) Курсивъ въ оригиналѣ по-русски.—*Пер.*

быть можетъ, и ты примкнешь къ нашему кружку. Авось сбудутся мои ожиданія.

Искренно благодарю тебя за переданный мнѣ разговоръ между тобой, герцогомъ и кузиной. Не знаю, какъ понять слова твоей кузины. Если она считаетъ препятствіемъ къ моему замужству то, что я когда-то была виновата передъ Геракліемъ, такъ это подаетъ мнѣ поводъ думать, что она подбила его къ ссорѣ со мной. Въ запискѣ, которую она писала тебѣ, возвращая мои письма (я только-что перечитала ее), она высказываетъ, что вовсе не считаетъ меня виноватой передъ своимъ кузеномъ, и совѣтовала ему переговорить со мной до принятія какого-либо рѣшенія. Все это противорѣчія, которыя доказываютъ мнѣ недобросовѣстность г-жи Вилеро. Объ ея неблагосклонности ко мнѣ свидѣтельствуетъ и то, что Гераклій не упомянулъ ей о письмѣ своемъ къ матушкѣ. Однако, все это довольно не ясно; Богъ знаетъ, доберемся ли мы до истины.

Къ несчастію, мнѣ извѣстно, какъ легко воспламеняется Гераклій, потому-то я долго не вѣрила людямъ, говорившимъ мнѣ, что онъ по прежнему сильно ко мнѣ привязанъ. Помнишь, что я сомнѣвалась даже въ твоихъ словахъ. Наконецъ, письмо его отъ іюля мѣсяца и поведеніе въ отношеніи къ сестрѣ моей убѣдили меня, что онъ въ ту пору еще помнилъ обо мнѣ; но вѣдь прошелъ уже цѣлый годъ, на письмо онъ не получилъ отвѣта и могъ предположить, что про чувства его и знать не хотятъ. Неизвѣстно, къ чему повело такое предположеніе; быть можетъ, въ настоящую минуту, когда мы разсчитываемъ на его постоянство — онъ сталъ легкомысленъ. Такая перемѣна была бы для меня новымъ испытаніемъ, которое я постаралась бы перенести съ покорностію. Итакъ, не досадуй, что еще нѣтъ помину о моемъ замужствѣ. Дождемся и до свадьбы, если Богу угодно, а ежели не назначено мнѣ выдти замужъ, я скажу себѣ: вѣрно такъ должно быть, и стану ждать у моря погоды.

Если Шаховскіе еще въ городѣ, дней черезъ десять я съ ними увижусь. Постараюсь встрѣтиться и съ г-жой Бибиковой. Она, кажется, не щадитъ ближняго. Сестра ея, Арсеньева, очень злорѣчива; я ее побаиваюсь и избѣгаю встрѣчи съ ней, хотя нахожу, что она остроумна, хорошо говоритъ и что манеры у нея прекрасныя. Прощай, мой другъ. Обнимаю маменьку, дочку и сынка.

* *

2-го октября.—Мы поневолѣ сидимъ въ деревнѣ и мерзнемъ. Квартира наша въ городѣ будетъ готова дня черезъ четыре, не

раньше. Всѣ наши вещи и большая часть прислуги уже въ Москвѣ, такъ что намъ приходится развлекаться, какъ знаемъ.

Фортепьяно отправлено, рукодѣлія мои окончены, книги всѣ увезены; словомъ, у насъ осталась одна шахматная доска, и мы всѣ поочереди играемъ то въ шашки, то въ шахматы. Во время этого серьёзнаго занятія вчера получила я письмо твое отъ 22-го сентября.

Полиньякъ опять исчезъ. Я полагаю, что онъ уѣхалъ обратно въ свой полкъ, потому что кончился срокъ его отпуска. Быть можетъ, онъ выхлопочетъ отсрочку, если только онъ не влюбился въ какую-нибудь красавицу въ Парижѣ. Этого только недостаетъ! Право, можно совсѣмъ сбиться съ толку.

Я давно помирилась съ твоимъ сынкомъ. Онъ славный ребенокъ, нисколько не мѣшаетъ нашей перепискѣ, потому-то мнѣ и хочется его увидать. Радуюсь, что у дочки твоей хорошія способности къ иностраннымъ языкамъ; только, пожалуйста, заставь ее прежде всего выучиться родному языку, чтобы она не говорила по-русски, какъ нѣмка. Мнѣ не разъ приходилось слышать насмѣшки иностранцевъ надъ тѣмъ, что мы, русскіе, говоримъ по-французски, да по-англійски, а по-русски никогда. Я предпочла бы другую крайность, а именно: чтобы дѣти мои говорили только по-русски, тогда по крайней мѣрѣ они не казались бы смѣшными въ глазахъ всей Европы. Благодаря матушкѣ и собственному моему старанію, я говорю и пишу по-русски такъ же, какъ и по-французски [1]). Саратовская губернаторша не хотѣла этому вѣрить; чтобы убѣдить ее, я написала ей длинное посланіе на русскомъ языкѣ, въ которомъ не употребила ни одного французскаго слова. Однако пора намъ распроститься, обнимаю тебя и дѣтей. Буду ждать свиданія съ тобою нынѣшней зимой, благо ты сама позволяешь мнѣ надѣяться на это счастіе.

Москва, 12-го октября. — У меня передъ глазами оба твои письма. Одно другому противорѣчитъ, хотя въ обоихъ говорится объ одномъ и томъ же лицѣ. Возвращаюсь къ обычному моему заключенію, котораго ты не могла измѣнить, какъ ни старалась. Родня Полиньяка и въ особенности кузина твоя — вотъ кто препятствуетъ моему замужству. По-моему, виноваты они, а не Голицынъ, на котораго они сваливаютъ всю отвѣтственность. Г-жа

---

[1]) Это письмо, какъ и всѣ прочія, писано также по-французски. Изъ нѣсколькихъ словъ, вставленныхъ авторомъ писемъ по-русски, видно однако, что М. А. Волкова, какъ и всѣ, въ то время, въ высшемъ обществѣ, трудно справлялась съ русскимъ языкомъ.—*Ред.*

Вилеро тебя морочить, я въ этомъ убѣждена. Надѣюсь, что попытка Гераклія, весьма ясная, до сихъ поръ неизвѣстна всѣмъ этимъ лицамъ, и ничего не произошло съ тѣхъ поръ такого, что̀ могло бы измѣнить его намѣренія. Если же графъ Гераклій увѣдомилъ родныхъ о своемъ поступкѣ, то, по-моему, съ ихъ стороны безчестно поселять сомнѣнія въ его умѣ и отдалять его отъ поступка важнаго, которымъ не шутятъ люди честные и добросовѣстные.

Ни мама̀, ни я, не имѣемъ ничего передать кому бы то ни было. Если ты встрѣтишься съ г. де-Полиньякъ, скажи ему, что ты отъ меня узнала, что онъ ясно высказалъ свои намѣренія въ письмѣ къ матушкѣ, которое находится въ моихъ рукахъ, и что тебѣ извѣстенъ ея отвѣтъ, и потому теперешнее поведеніе его не мало тебя удивляетъ. Если онъ захочетъ знать мое мнѣніе, покажи ему это письмо. Не считаю нужнымъ скрывать отъ него, что, по-моему, онъ поступаетъ безхарактерно, неделикатно и даже, рѣшаюсь сказать—безчестно. Вотъ и все.

Меня привезли сюда больной. Я простудилась въ тотъ день, какъ писала тебѣ въ послѣдній разъ. Сперва я думала, что у меня будетъ горячка, потомъ показалась у меня во рту сыпь, отъ которой я по-сю пору не могу избавиться. Я до того слаба, что съ трудомъ вожу перомъ по бумагѣ. Меня не удивляетъ то, что̀ сказалъ тебѣ братъ о моемъ здоровьи. Когда я хвораю, онъ вѣчно увѣряетъ, что я сама въ томъ виновата. Онъ забралъ себѣ въ голову эту мысль, и никто въ мірѣ его въ этомъ не разубѣдитъ. Онъ не терпитъ постной пищи и простить мнѣ не можетъ, что я пощусь всѣ семь недѣль великаго поста и двѣ недѣли рождественскаго. Что̀ ни случится, онъ все сваливаетъ на меня, и я никакъ не могу увѣрить его, что мнѣ вовсе не весело постоянно хворать. Всѣ, кромѣ его, знаютъ, что я берегу себя, насколько возможно, и не виновата, что болѣю.

Трудно быть постоянно здоровой физически, когда страдаешь нравственно. Прощай, дружокъ, у меня мутно въ глазахъ. Вотъ недѣля, какъ я въ городѣ, ѣхала я лежа, и прямо изъ кареты меня отнесли на кровать въ мою комнату, такъ что я вовсе не видала нашей новой квартиры.

Если увидишь мою невѣстку, не говори ей, что ты получила отъ меня письмо съ этой почтой; у меня силъ нѣтъ ей написать, а ее огорчитъ, если она узнаетъ, что тебѣ я писала. Прощай, моя милая. Обнимаю тебя. Помолись за меня.

19-го октября.—Коль скоро ты такъ близко принимаешь къ сердцу мое сомнѣніе въ добросовѣстности твоей кузины, я ис-

кренно сожалѣю, что, подъ вліяніемъ досады, нацарапала тебѣ письмо, которое ты должна получить нынче или завтра. Боюсь, какъ бы ты не разсердилась на меня и не сочла за глупое упрямство или капризъ убѣжденіе, котораго я держалась до сихъ поръ, будто кузина твоя не благоволитъ ко мнѣ. Я и сама начинаю подумывать, что, быть можетъ, я составила себѣ ошибочное мнѣніе, какъ о кузинѣ твоей, такъ и о другомъ лицѣ, о которомъ снова заведу рѣчь. Умоляю тебя простить мнѣ мое заблужденіе ради грустнаго положенія, въ которое я поставлена. Послѣднее письмо твое было довольно неясно. Ты сухо объявила мнѣ, что не желаешь болѣе вести переговоровъ съ г-жой Вилеро и что подробности о денежныхъ обстоятельствахъ семейства Полиньякъ и о причинѣ, помѣшавшей женитьбѣ Гераклія, ты узнала отъ другого лица, а не отъ г-жи Вилеро. Все это было сказано такъ неясно, а воображеніе мое было настроено враждебно къ кузинѣ твоей, мнѣ и почудилось во всемъ недоброжелательство ея къ моей особѣ.

Твои увѣренія и самыя происшествія доказали мнѣ, что виновато другое лицо, а не г-жа Вилеро. Чтобы ты не приписала вѣтренности всѣ мои поступки, прилагаю копію съ письма г. де-Полиньяка къ матушкѣ, полученнаго ровно годъ тому назадъ. Ты мнѣ скажешь откровенно, какое можно вывести заключеніе изъ этого посланія, и изъ того, что́ онъ говорилъ сестрѣ о любви своей къ матушкѣ (меня онъ не называлъ), и о томъ, какъ онъ былъ счастливъ въ нашемъ домѣ; словомъ, изъ множества пустяковъ, которымъ цѣну я теперь узнала.

Содержаніе письма матушки тебѣ извѣстно. Она отвѣчала ему, что не прочь вѣрить его исправленію, но такъ какъ вообще она недовѣрчива, то желала бы съ нимъ повидаться, чтобы на дѣлѣ убѣдиться, насколько сталъ онъ степеннѣе. Послѣдствія доказали, что сомнѣнія ея оправдались. Когда мама̀ узнала навѣрное, что ея первое письмо не дошло, она по настоятельной просьбѣ г-жи Корсаковой написала Гераклію во второй разъ, прося его не оставлять молодого Корсакова и вскользь упомянула, что отвѣчала на его письмо.

Я вовсе не желаю, чтобы г-жа Вилеро узнала, какъ непослѣдовательно поступаетъ ея кузенъ. Я ея мнѣніемъ не дорожу; но ты, дѣло другое, я желаю чтобы ты судила о моихъ поступкахъ по вѣрнымъ даннымъ. Твое мнѣніе для меня дороже, чѣмъ ты предполагаешь. Впрочемъ, если тебѣ случится говорить съ твоей кузиной объ этомъ предметѣ, покажи ей копію письма, о существованіи котораго она не подозрѣваетъ. Объ одномъ прошу

тебя, постарайся разубѣдить ее въ томъ, что мама̀ первая писала Гераклію; изъ его полу-признанія она могла вывести такое заключеніе. Я не желаю, чтобы она предполагала, что кто-либо изъ насъ дѣлалъ ему авансы; графъ очень ловко ей на это намекнулъ. Чтобы удостовѣриться въ истинѣ, пусть г-жа Вилеро возьметъ у своего кузена письмо мама̀ и сличитъ числа, въ которыя написаны были оба посланія.

Что касается до интриги, которую ты старалась передать мнѣ со всѣми предосторожностями, повѣрь, что она вовсе не оскорбляетъ меня; напротивъ, это лучшее средство, чтобы уничтожить во мнѣ всякій интересъ къ его особѣ. Человѣкъ, который посвящаетъ всю свою жизнь разнымъ авантюристкамъ, не достоинъ моей привязанности, а графа, кромѣ того, я не могу даже уважать, вслѣдствіе его поведенія въ отношеніи къ намъ. Во всѣхъ его поступкахъ проглядываетъ легкомысліе, съ которымъ благомыслящій человѣкъ не долженъ относиться къ дѣлу важному. Мнѣ приходится вернуться къ моимъ прежнимъ убѣжденіямъ, противъ которыхъ ты напрасно возставала. Мужчины не умѣютъ любить и не бываютъ постоянны. Г. Полиньякъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Тебѣ извѣстно, что я всегда такъ думала, а ты все утверждала, будто онъ любитъ меня по прежнему.

Подумай хорошенько, могу ли я тебя выдать. Судя по ходу дѣлъ, немыслимо, чтобы когда-либо пришлось мнѣ передать ему все, что я о немъ узнала — даже еслибы у меня явилась охота болтать. Къ тому же, признаюсь, дружокъ, меня огорчаетъ, что ты сомнѣваешься въ моемъ умѣньи молчать.

Однако я черезчуръ распространяюсь о предметѣ, который тебя очень мало интересуетъ. Впрочемъ, я не разъ извинялась передъ тобой въ томъ, что надоѣдаю тебѣ такъ безцеремонно.

Здѣсь нашла я Мари Сумарокову, которая ухаживала за мной во время болѣзни. Очень рада была ее видѣть.

Третьяго дня нашъ пресловутый графъ Растопчинъ провелъ съ нами вечеръ. Онъ былъ очень веселъ, не знаю, насколько непритворна была его веселость. Онъ началъ шутить по прежнему. Меня его шутки не забавляютъ; я давнымъ-давно знаю ихъ наизусть; къ тому же вообще слова его и поступки мнѣ не по нутру. Онъ страшно худъ. Удивляюсь, какъ онъ не догадывается, что я его терпѣть не могу. Со мной онъ всегда бываетъ особенно любезенъ. Мнѣ кажется, что голова у него не совсѣмъ въ порядкѣ. Въ началѣ зимы онъ насъ покинетъ и пріютится у васъ. Представь себѣ, что по возвращеніи изъ Петербурга онъ

далъ балъ и назвалъ до ста человѣкъ гостей, а пока былъ генералъ-губернаторомъ, никогда никого къ себѣ не приглашалъ. Не знаю, кому въ пику задалъ онъ этотъ праздникъ, тому ли лицу, которое его удалило, или намъ, москвичамъ, или своимъ личнымъ врагамъ.

Очень жаль, что прелестная Давыдова при смерти—быть можетъ, даже и умерла. Въ Петербургѣ много больныхъ. Пожалуйста, береги себя. Поблагодари Софи Пушкину за память обо мнѣ. Изъ всѣхъ лицъ, переселившихся изъ Москвы, я жалѣю только о г-жѣ Соллогубъ и о кузинахъ Пушкиныхъ. Передай имъ это. Куда дѣлась твоя двоюродная сестра Грибоѣдова? Я слышала, что младшая сестра ея умерла; правда ли это? Сестра гр. Разумовской, г-жа Щукина, умираетъ отъ чахотки. Графъ сказалъ намъ на-дняхъ, что почти нѣтъ надежды на ея выздоровленіе. Вотъ такъ письмецо! Я рада, что дописала его безъ головокруженія. Значитъ, силы мои возвращаются. Прощай.

Копія письма Полиньяка: «Помните ли вы, многоуважаемая... о существованіи лица, которое въ счастливое былое время осмѣливалось называть васъ *бабушкой*, а въ сердцѣ своемъ давало вамъ еще болѣе нѣжное имя. Я не рѣшился бы послать этого письма, еслибы не былъ убѣжденъ въ вашей ангельской добротѣ, которая не разъ проявлялась въ отношеніи ко мнѣ. Надѣюсь, что вы извините легкомысленный поступокъ молодого человѣка, который былъ нѣкогда вѣтренъ. Я говорю *былъ*, потому что имѣю нескромность воображать, что я исправился. Легкомысліе мое было причиной того, что я такъ долго не просилъ у васъ прощенія и не возобновлялъ нашей пріятной переписки.

«Наконецъ достигъ я двадцатипятилѣтняго возраста и понемногу становлюсь разумнѣе. О, какъ умѣлъ бы я теперь воспользоваться добрыми совѣтами, которые давали вы мнѣ въ ту пору, когда я имѣлъ счастіе проводить у васъ цѣлые вечера! Никогда не забуду я этого времени! Въ жизни моей было всего два счастливыхъ мѣсяца, и въ будущемъ жду я радости лишь отъ тѣхъ лицъ, которыя впервые меня съ ней ознакомили.

«Я имѣлъ честь быть представленнымъ г-жѣ Рахмановой. Она была такъ добра, что взялась переслать вамъ мое письмо. Надѣюсь, что вы примете его благосклонно. Прощайте, осмѣлюсь попросить васъ передать мое почтеніе m-lle Marie. Вѣрьте глубокой преданности вашего покорнаго слуги...»

25-го іюля 1813 г.

PS. Суди сама, что́ проку въ этой бурной головушкѣ, въ которой будто бы прибавилось разуму. Онъ увѣряетъ, что воспоминаніе о вечерахъ, проведенныхъ въ нашемъ домѣ, глубоко врѣзалось въ его памяти и что онъ желалъ бы назвать мама́ именемъ болѣе нѣжнымъ, чѣмъ слово *бабушка*. Куда же дѣлись всѣ эти воспоминанія и благія намѣренія? Чему же можно вѣрить, если такія явныя и добровольныя заявленія чувствъ ни къ чему не повели.

22-го октября.—Я такъ долго докучала тебѣ своими жалобами, а теперь хочу сообщить тебѣ свою радость. Третьяго дня къ намъ пріѣхала сестра. Хоть мы и ожидали ее, все-таки появленіе ея было для насъ нечаянностью; мы обрадовались, какъ только можно радоваться пріѣзду дорогой особы, которой не видѣли два года съ половиной. Мы нашли перемѣну другъ въ другѣ. Я похудѣла, а она потолстѣла; это не бѣда; дородство все-таки осталось въ нашемъ семействѣ. У меня голова такъ и кружится; я еще не успѣла вполнѣ оправиться послѣ болѣзни. Всѣ мы взволнованы и долго не придемъ въ нормальное настроеніе. Живемъ всѣ вмѣстѣ. Тѣсненько намъ, мы какъ сельди въ боченкѣ; домъ не великъ, а народу много. Съ утра до вечера возня. Вчера цѣлый день занимались музыкой, мнѣ едва не сдѣлалось дурно, такъ и трещало въ головѣ. Не постигаю, какъ удалось мнѣ настрочить эту записку; только-что взялась я за перо, слышу, что меня зовутъ во всѣ стороны. Я объявила, что не тронусь съ мѣста, пока не допишу письма. Нехотя меня оставили въ покоѣ на четверть чиса.

Письмо мое очень нескладно и не интересно; но я увѣрена, что тебѣ пріятно будетъ узнать, что я вспомнила о тебѣ даже въ минуту радости. Прощай, карета готова, меня тащатъ въ магазины, рвутъ у меня изъ рукъ перо и бумагу. Цѣлую тебя.

26-го октября.—Не бойся, мой дорогой другъ, непріятное извѣстіе не можетъ слишкомъ сильно подѣйствовать на меня въ настоящее время. Милосердый Господь послалъ мнѣ новое испытаніе въ минуту, когда я такъ счастлива пріѣздомъ сестры, что мнѣ некогда предаваться грустнымъ мыслямъ; я нахожусь подъ вліяніемъ окружающаго меня веселья и спокойствія.

Тебѣ извѣстно, что я ожидала дурного. У меня было какое-то предчувствіе; къ тому же, я въ ранней молодости имѣла случай узнать, каковы мужчины, и составила себѣ о нихъ незавидное понятіе. Было время, когда я считала гр. Полиньяка исключеніемъ изъ общаго правила, теперь я вижу, что и онъ

не лучше другихъ. Впрочемъ, поведеніе его не оставило горечи въ моемъ сердцѣ. Желаю только, для его же добра, чтобы сознавалъ онъ свои ошибки; но клянусь тебѣ, что я вовсе не сержусь на него. Уважать мнѣ его не за что, но, говорю я себѣ, другой то же бы сдѣлалъ на его мѣстѣ. Не могла же я разсчитывать, что именно мнѣ суждено будетъ встрѣтить совершенство.

Говорю съ тобой откровенно, какъ съ духовникомъ своимъ. Ты совѣтуешь мнѣ покориться волѣ Божьей,—повѣрь, что я всѣми силами стараюсь принимать съ покорностью все, чтó угодно Богу послать мнѣ. Я убѣждена, что это единственный способъ не сбиваться съ истиннаго пути, какъ въ счастьѣ, такъ и въ горѣ.

Изъ послѣдняго письма моего ты можешь видѣть, что теперь я не подозрѣваю ни кузину твою, ни другихъ членовъ семьи Полиньякъ. Въ душѣ я извиняюсь передъ ними за незаслуженное обвиненіе. Вотъ каково теперешнее мое нравственное настроеніе. Здоровье мое сносно. Со вчерашняго дня болитъ голова и показалась маленькая лихорадка; но теперь мнѣ некогда думать о себѣ.

Москва понемногу оживляется. Три дня тому назадъ Милорадовичъ упросилъ кн. Голицыну, бывшую твою сосѣдку, дать балъ. Насъ приглашали, но почему-то намъ не хотѣлось ѣхать, и мы предпочли остаться дома. Мнѣ говорили, что балъ удался. У насъ по прежнему собираются гости каждый вечеръ. Катенька и Николинька цѣлый день занимаются музыкой и заставляютъ меня пѣть до изнеможенія; время летитъ быстро, вотъ доказательство, что мы не скучаемъ. Вчера получила цвѣты, очень ими довольна. Сестра привезла цѣлый магазинъ шляпъ, чепцовъ, платьевъ и т. д. Все это стóило ей вчетверо дешевле здѣшняго. Меня заставляютъ щеголять. Катенька заказываетъ мнѣ туалеты, причесываетъ меня по-своему, мнѣ это надоѣдаетъ, но дѣлать нечего, надо ее слушаться. Завтра, если буду здорова, отправлюсь дѣлать визиты съ сестрой. Пока я хворала, матушка всюду одна съѣздила, теперь моя очередь разъѣзжать.

Знаешь ли, что ты затѣяла серьёзный процессъ, по поводу пропавшаго письма съ деньгами. Наводили справки въ почтамтѣ, оказалось, что письмо это было отдано нашему швейцару. Вѣрно догадываясь, что въ пакетѣ заключаются деньги, онъ преспокойно оставилъ его у себя. Такъ-какъ по почтовымъ правиламъ строго взыскиваютъ за пропажу писемъ, то швейцаръ этотъ, пожалуй, попадетъ въ солдаты. Нынче утромъ онъ пришелъ просить моей

защиты, увѣряя, что онъ ни въ чемъ не виноватъ. Можетъ быть, это и правда, но бѣда въ томъ, что я ровно никого не знаю изъ служащихъ въ почтамтѣ; слѣдовательно, не могу ему обѣщать своего заступничества. Зять находитъ, что глупо съ моей стороны объ этомъ сожалѣть и говоритъ, что за всякій безпорядокъ слѣдуетъ взыскивать. Онъ судитъ по военному, и я съ нимъ не могу согласиться. Вообрази, что я начала писать въ десять часовъ утра, а кончаю въ три. Мнѣ мѣшали гости, сестра прерывала меня, а Николинька едва не разорвалъ въ клочки моего посланія, находя, что я долго съ нимъ вожусь. Обнимаю тебя.

2-го ноября. — Всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, милый другъ. Теперь, мнѣ кажется, пора прекратить разговоръ о предметѣ, которымъ мы занимались болѣе года. Ты, я полагаю, будешь рада, что я перестану толковать объ немъ. Въ послѣднемъ письмѣ я передала тебѣ свое конечное сужденіе обо всемъ этомъ дѣлѣ; теперь пора мнѣ и замолчать. Дай Богъ, чтобъ другіе ко мнѣ были также снисходительны, какъ я къ г. де-Полиньякъ, которому я вовсе не желаю зла. Объ одномъ сожалѣю, что могла я такъ въ немъ ошибиться. Съ моей стороны было-бы безуміемъ горевать о томъ, что Господь разлучилъ меня съ человѣкомъ, поведеніе котораго мнѣ не обѣщало ничего хорошаго въ будущемъ. Я такъ счастлива въ своей семьѣ, что сдѣлала-бы непростительную глупость, еслибъ связала судьбу свою съ человѣкомъ, который, быть можетъ, причинилъ бы мнѣ много горя. Признаюсь, не весело ошибаться въ людяхъ и не смѣть никому довѣрять: разочарованія этого рода оставляютъ неизгладимые слѣды въ душѣ. Когда самъ не способенъ поступать безчестно, ужасно сознавать, что окружающіе насъ люди могутъ недобросовѣстно дѣйствовать. Кажется, только и есть сходства между людьми, что у всѣхъ по два глаза, по двѣ руки и по двѣ ноги. Чувствуешь себя одинокой на свѣтѣ.

Вотъ, дружокъ, какое впечатлѣніе сдѣлала на меня развязка моего дѣла. Я утратила много иллюзій своей первой молодости, стала какъ-то серьёзнѣе и менѣе общительна. Чуждаюсь людей постороннихъ, съ которыми необходимость заставляетъ видѣться. На прошлой недѣлѣ я отказалась отъ ужина у гр. Апраксиной, за то пришлось мнѣ провести вечеръ у Ѳедора Голицына. Вчера должна была ѣхать съ мама́ къ той же Апраксиной, нынче придется танцовать у гр. Маркова. Завтра съ сестрой буду обѣдать въ обществѣ дѣвицъ и молодежи у кн. Андрея Гагарина. Кромѣ того, меня каждое утро куда-нибудь тащатъ. Напримѣръ, сегодня

я начала писать въ половинѣ одиннадцатаго, теперь половина четвертаго, а письмо еще не готово, вѣрно придется кончить его послѣ обѣда. Вотъ почему мнѣ некогда предаваться грустнымъ мыслямъ. Слава Богу, что мнѣ не даютъ покою, во всякое другое время я стараюсь быть свободна на нѣсколько часовъ, а теперь, напротивъ, мнѣ не слѣдуетъ уединяться.

Мари Сумарокова бываетъ у насъ съ утра до вечера; мы живемъ почти рядомъ. Она очень доброе существо, ко мнѣ искренно привязана и я всегда рада бываю ее видѣть. Мы дружны съ дѣтства, провели вмѣстѣ много лѣтъ; тогда мнѣ въ голову не приходило, что я лишусь своего безмятежнаго счастія. Всегда пріятно бываетъ вспоминать о такомъ прошедшемъ. Конечно, еслибъ мнѣ пришлось снова начинать жизнь, я бы избрала себѣ другой путь; но я шла по той дорогѣ, по которой вело меня Провидѣніе; я думала, что приближаюсь къ блаженству, и счастлива была этой мыслію.

Прощай, моя дорогая, обѣдъ поданъ и меня зовутъ.

9-го ноября. — Еще до полученія письма твоего, дружокъ, я употребила все свое стараніе, чтобъ помочь швейцару. Но мнѣ отвѣчали, что заступничество мое ни къ чему не поведетъ; инипіатива процесса принадлежитъ петербургскому почтовому вѣдомству, и развѣ помѣшаетъ какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство, а то непремѣнно швейцара отдадутъ въ солдаты. Не разъ справлялась я у нашего управляющаго о ходѣ дѣла, онъ отвѣчалъ, что оно не двигается. Я убѣждена была, что тебя огорчитъ печальный оборотъ, который приняло это дѣло. Еслибъ я знала навѣрное, что человѣкъ затерялъ письмо, не присвоивъ себѣ чужихъ денегъ, то ужасно тревожилась бы, а теперь стараюсь не думать объ этой исторіи, коль скоро сожалѣнія мои ни къ чему не ведутъ. Я много выѣзжала всю эту недѣлю, хотя не была ни на одномъ балѣ. Обѣдъ у кн. Андрея былъ очень веселый, потомъ у Вяземскаго мы тоже обѣдали и провели время весьма пріятно. Кстати о Г.; скажи, что это за злой геній преслѣдуетъ петербургскихъ Г. въ ихъ семейной жизни?

Здѣсь пробылъ болѣе двухъ недѣль князь Григорій, который, бросивъ жену и дѣтей, поѣхалъ вслѣдъ за какой-то жалкой женщиной. Теперь свалился къ намъ, какъ снѣгъ на голову, кн. Павелъ и разсказываетъ разныя вещи о своей прелестной супругѣ, которыхъ я не желаю тебѣ передавать. Въ жизнь свою не слыхивала я ничего подобнаго. Несчастный кузенъ повторяетъ свои разсказы всѣмъ и каждому. Онъ ловитъ лицъ, которыхъ

видитъ въ первый разъ, и начинаетъ имъ говорить о своемъ приключеніи, тѣ волей-неволей должны его выслушивать.

Здѣсь всѣ его считаютъ за сумасшедшаго. У него какой-то блуждающій взглядъ, и говоритъ-то онъ несвязно. Намъ онъ близкій родственникъ, мать его была искреннимъ другомъ матушки, потому онъ каждый день является къ намъ; иногда присутствіе его намъ въ тягость, а дѣлать нéчего. Теперь идетъ рѣчь о томъ, какъ-бы узнать насколько справедливъ его разсказъ. Всѣ соглашаются съ тѣмъ, что должно быть случилось что-нибудь важное, недаромъ спятилъ онъ съ ума; но никому не вѣрится, чтобъ произошли вещи до того необычайныя, что, съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ существуетъ, не бывало ничего подобнаго. Надо правду сказать, въ вашемъ прелестномъ городѣ совершаются событія, о которыхъ въ другихъ мѣстахъ рѣдко приходится слышать. Несмотря на это, ты, какъ кажется, пустила корни въ Петербургѣ и очень спокойно объявляешь мнѣ, что я тебя не увижу нынѣшней зимой и даже не подаешь мнѣ надежды на свиданіе хотя весной. Это вовсе не мило съ твоей стороны и усиливаетъ антипатію мою къ Петербургу. Сестра не думаетъ ѣхать въ вашу сѣверную Пальмиру. Еще неизвѣстно, сколько времени останется она въ Москвѣ: это зависитъ отъ множества различныхъ обстоятельствъ; но въ Петербургъ она во всякомъ случаѣ не поѣдетъ, а Николинька будетъ тамъ къ 1-му января. Онъ поневолѣ долженъ ѣхать: кончается срокъ его отпуска. Что до насъ касается, мамá не думаетъ куда-либо переселяться, и мнѣ здѣсь очень хорошо; я весьма пріятно провожу время, вернулась къ своимъ прежнимъ привычкамъ, пользуюсь прежними удовольствіями. Война болѣе насъ не тревожитъ, всѣ не прочь повеселиться. Въ Москвѣ увеличивается народонаселеніе, городъ оживляется. Сюда наѣзжаетъ молодежь, поговариваютъ о свадьбахъ. Вчера объявили о женитьбѣ Дмитрія Давыдова на княжнѣ Лизѣ Шаховской. Вотъ образецъ обоюднаго постоянства! Они любятъ другъ друга уже четыре года. Не знаю, почему кн. Шаховской сначала былъ противъ этой свадьбы: бѣдному Дмитрію отказывали три раза въ теченіи полутора года. Между тѣмъ объявлена была война, ему посчастливилось въ производствѣ; онъ началъ кампанію прапорщикомъ, а теперь ждетъ полковничьяго чина. Какъ только миръ заключили, онъ пріѣхалъ сюда, получилъ согласіе родныхъ и назначили свадьбу. За такое постоянство я бы пожаловала ему медаль, которая въ моихъ глазахъ была бы цѣннѣе всѣхъ орденовъ, которыми онъ украшенъ. Ихъ легче заслужить, нежели остаться вѣрнымъ своему чувству въ продолженіи четырехъ лѣтъ;

замѣть, что два съ половиной года онъ не видалъ особы, которую любитъ.

Какъ здоровье Давыдовой? Здѣсь говорили, что она умерла. Вѣрно, это неправда, потому что ты объ этомъ молчишь. Одно вѣрно, что она опасно больна. Прощай, моя дорогая. Сестра тебѣ кланяется.

23-го ноября. — Надо признаться, что исторія четы Г. до того необыкновенна, что я, да и всѣ вообще не знаемъ, что́ о ней и думать. Положимъ, что кн. Павелъ помѣшанъ: всѣ этого мнѣнія, кто часто съ нимъ видится. Въ первый разъ какъ мы встрѣтились съ нимъ, за обѣдомъ у брата его, слова его и дѣйствія показались намъ до того странными, что мы вернулись домой вполнѣ убѣжденными, что голова у него не въ порядкѣ. Теперь въ Москвѣ всѣ его считаютъ за сумасшедшаго и полагаютъ, что онъ помѣшался, узнавъ о дурномъ поведеніи жены. Быть можетъ, онъ въ своихъ разсказахъ много преувеличиваетъ, но основаніе-то ихъ не вымышлено. Почемъ знать, можетъ кн. Павелъ смотрѣлъ сквозь пальцы на поведеніе жены, пока не желалъ ее бросить, а потомъ сталъ искать причины, чтобъ съ ней разстаться. Немыслимо, чтобы женщина вдругъ до того развратилась, что разомъ связалась съ тремя любовниками: и одного достаточно, чтобъ привесть мужа въ отчаяніе. Способъ удаленія слуги даетъ поводъ думать, что основа разсказа не совсѣмъ ясна. Впрочемъ, трудно добиться толку въ этомъ дѣлѣ. Я рѣшилась не произносить никакого сужденія, изъ опасенія кого-либо осудить неправильно. Всякій разъ, когда жена кн. Павла пріѣзжала сюда, она обращалась такъ дурно съ его родней, что никого къ себѣ не расположила, потому никто не намѣренъ особенно горячо за нее вступаться. Мужъ ея, по совѣту брата своего Андрея, отослалъ письма, о которыхъ ты мнѣ говоришь. Кн. Андрей ненавидитъ невѣстку свою и, слѣдовательно, не щадитъ ее. Софи Оболенская и всѣ мы узнали объ этомъ глупомъ поступкѣ черезъ три дня. Начали доказывать братьямъ, что такое обращеніе ни къ чему не поведетъ, они раскричались, какъ бѣшеные, и утверждали, что поступили, какъ слѣдовало. Ты, поэтому, можешь судить, что ихъ не урезонишь. Я не знаю мнѣнія Sophie объ этой глупой исторіи, но сужу о ней по ея дѣйствіямъ. Она въ деревнѣ, откуда должна была вернуться въ началѣ ноября. По пріѣздѣ сюда кн. Павелъ послалъ за сестрой, не говоря, зачѣмъ желаетъ ее видѣть. Она тотчасъ же явилась вмѣстѣ съ мужемъ, узнавъ, что́ и какъ было; они черезъ два часа уѣхали обратно въ

ревню и не вернутся сюда, пока кн. Павелъ будетъ здѣсь. Послѣдній говоритъ самъ, что сестра такъ поступила, чтобъ въ свѣтѣ не подумали, что она совѣтовала ему, какъ вести себя съ женой. Мнѣ говорила жена кн. Андрея, что Sophie всѣми силами старалась успокоить брата, но это ей не удалось. Такъ какъ она не разъ была свидѣтельницей сценъ между Павломъ и женой его, и видѣла, что невѣстка обращалась съ ея братомъ, какъ съ лакеемъ (мы всѣ слышали, какія она говорила ему дерзости, помнишь я писала тебѣ объ этомъ); очень понятно, что она не можетъ оправдывать невѣстки, а заступается за нее ради своихъ племянниковъ. Впрочемъ, она ровно ничего не могла сдѣлать потому, что братья никогда не спрашиваютъ у нея совѣта. Кн. Оболенскій—разумъ олицетворенный, а братья жены его—сумасбродные; очень понятно, что они не могутъ сходиться въ мнѣніяхъ. Мнѣ очень жаль бѣдную кузину. Братцы для нея настоящій крестъ. Это самая достойнѣйшая изъ женщинъ, которыхъ я знаю. Мать ея была просто совершенство, остальные же члены семьи ни на что не годны. Это выдумка, будто кн. Павелъ пріѣхалъ сюда вслѣдъ за какой-то женщиной; еслибъ это была правда, онъ не сталъ бы такъ рваться изъ Москвы. Онъ готовъ былъ уѣхать двѣ недѣли тому назадъ, но не могъ найти денегъ. Онъ старается продать имѣніе, ищетъ занять денегъ; все это ему не удается, вслѣдствіе чего онъ еще пуще бѣснуется. Очень можетъ быть, что у него есть связь, но не здѣсь, а въ Петербургѣ. Что касается до кн. Григорія, онъ самъ не разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ подобно брату: объ нихъ узнали отъ лицъ, пріѣхавшихъ изъ Петербурга или которыя пишутъ оттуда. Намъ говорила про него г-жа Апраксина и дядя нашъ Пушкинъ, который и князю приходится дядей, равно и другія лица, которымъ можно вѣрить. Видно, что ты мало бываешь въ свѣтѣ, если до сихъ поръ не слыхала о всемъ этомъ; не нахожу нужнымъ тебя просвѣщать, тѣмъ болѣе потому, что пришлось бы исписать цѣлые томы. Одно скажу тебѣ, что кн. Григорію измѣнила его возлюбленная. Онъ надѣялся встрѣтиться съ ней на границѣ, а теперь ему приходится ѣхать одному. Будетъ толковать объ этихъ гадостяхъ; вовсе не слѣдуетъ ими заниматься.

На прошлой недѣлѣ я не писала тебѣ потому, что лежала нъ постели вслѣдствіе простуды. Теперь я поправилась, нынче меду на двухъ вечерахъ, одинъ изъ нихъ танцовальный. Я такъ новъ кла отъ шума, что сама не понимаю, какъ пускаюсь я въ остать омутъ. У Өедора Голицына былъ ужинъ, а у г-жи Раби-

нинои балъ. Я гораздо болѣе веселилась бы, еслибъ не огорчалъ меня отъѣздъ зятя. Ему нужно отправляться по дѣламъ въ Херсонъ. Онъ уѣзжаетъ послѣ завтра. Сестра остается съ нами, такая грустная, недовольная. Не люблю я видѣть ее въ такомъ настроеніи, но не смѣю упрекать ее; по-моему, гораздо хуже было бы, еслибъ, разставаясь съ мужемъ на полтора мѣсяца, она даже не поморщилась.

Я встрѣтила у Апраксиной кузена твоего Одоевскаго. Говоря откровенно, дружокъ, я нашла его очень неуклюжимъ. Неужели кузина твоя Грибоѣдова на вѣки вѣковъ поселилась въ Петербургѣ? Поклонись ей отъ меня. Нынче небо прояснилось, а то представь себѣ, что цѣлыхъ двѣ недѣли стоялъ такой туманъ, что въ пяти шагахъ никого нельзя было разглядѣть. Прощай, передай мои привѣтствія мужу. Мари Сумарокова благодаритъ тебя за память и кланяется тебѣ. Меня разъ двадцать отрывали отъ письма.

30-го ноября. По нездоровью я пропустила одинъ почтовый день, милый другъ. Съ нѣкоторыхъ поръ я стала такъ часто хворать, что если ты не получаешь отъ меня извѣстій, то это значитъ, что я больна. Хотя у меня очень мало свободнаго времени, но все-таки я оставляю себѣ нѣсколько минутъ для бесѣды съ тобой. Нынче меня разбудили и заставили идти въ лавки съ Мари Сумароковой, затѣмъ должна я буду ѣхать на званый обѣдъ къ кн. Андрею Гагарину, сегодня его имянины. Вечеромъ у насъ будетъ множество гостей. Я объявила, что не стану одѣваться пока не докончу письма. Спѣшу поздравить тебя съ предстоящими имянинами и прошу принять отъ меня въ подарокъ матерію, которую я тебѣ посылаю. Мнѣ помнится, что ты любишь голубое, поэтому я сообразжалась съ твоимъ вкусомъ.

Не хорошо, дружокъ, что ты не бережешь своего здоровья, которое нужно не только тебѣ, но и ребенку твоему. Пожалуйста, будь осторожнѣе.

Очень жалѣю, что разстроилась свадьба Катеньки Шаховской; какъ я ни старалась, все-таки не могла узнать, почему это дѣло не состоялось. Говорятъ, будто Хоненевъ отказался потому, что князь не даетъ дочери того, чтó обѣщалъ въ началѣ сватовства. Если это правда, то такое поведеніе не дѣлаетъ чести жениху; счастье для княжны, что дѣло разошлось. Ежели тебѣ навѣрное извѣстно, почему не состоялась свадьба, сообщи мнѣ, чтó слышала. Княгиня въ Москвѣ и страдаетъ отъ сильныхъ спазмъ.

Не знаю, гдѣ она живетъ; впрочемъ, я полагаю, что теперь ей не до гостей, вотъ почему мы и не ѣдемъ къ ней.

Теперь разскажу тебѣ про наши увеселенія. У княженъ Шаховскихъ былъ балъ. У Ѳедора Голицына будутъ танцовать каждую субботу. Даже вдова Авраама даетъ намъ балъ въ будущій понедѣльникъ. Отъ этихъ выѣздовъ у меня кругомъ идетъ голова; я таки-порядочно состарилась. Иногда по моему взгляду на вещи и по настроенію я похожу на пятидесятилѣтнюю старуху. Кузенъ нашъ Г. уѣхалъ въ прошлый понедѣльникъ. Я этому очень рада, потому что теперь перестали толковать объ его исторіи, которая мнѣ надоѣла до тошноты. Третьяго дня вернулась сюда Sophie Оболенская, я обрадовалась ея пріѣзду. Сестра и Сумарокова привѣтствуютъ тебя. У меня вырываютъ перо. Прощай.

14-го декабря.—Все, что ты разсказываешь мнѣ о несостоявшейся свадьбѣ Шаховской, вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что я слышала объ этомъ предметѣ. Для княжны большое счастіе, что дѣло разъяснилось вó-время. Я нахожу очень страннымъ, что родители ея дѣйствовали съ такой поспѣшностью. Кн. Екатерина не была расположена къ своему жениху, отецъ и мать уговорили ее дать свое согласіе. Удивляюсь, какъ могутъ родители брать на себя такую отвѣтственность, какъ рѣшаются они выдавать дочь за человѣка, съ которымъ едва знакомы. Родственница сестры моей хорошо знаетъ этого г-на Хоненева и говорила ей, что всѣхъ удивило извѣстіе, что князь и княгиня Шаховскіе выдаютъ за него дочь свою. Онъ пользуется очень дурной репутаціей въ своемъ околоткѣ; онъ и развратный, и необтесанный, совершенный мужикъ. Понятно, какъ всѣхъ поразило, что приняли его предложеніе въ порядочной семьѣ, тѣмъ болѣе, что и наружность-то у него непривлекательная. Имѣя семь дочерей и незначительное состояніе, конечно, нельзя быть разборчивымъ; очень естественно, что Шаховскіе стараются пристроить хотя нѣкоторыхъ изъ дѣтей; все-таки слѣдуетъ дѣйствовать осмотрительно въ дѣлѣ, столь важномъ. Хорошо, что разошлась эта свадьба. Поговорили объ этомъ да и забыли. Я очень рада, что Шаховскіе проведутъ здѣсь часть зимы. Когда они совсѣмъ устроются, я надѣюсь, что они отыщутъ насъ; мнѣ пріятно будетъ повидаться съ ними. Мы вмѣстѣ вспомнимъ о веселомъ прошломъ.

Кстати о воспоминаніяхъ; многое пришло мнѣ на память вчера въ собраніи, гдѣ былъ праздникъ въ честь дня рожденія императора. Празднество происходило въ прежнемъ зданіи, которое

поновили къ этому дню. Тебѣ извѣстно, что его изуродовали года четыре тому назадъ, безобразно расписавъ главную залу. Теперь комнаты убрали попрежнему и все поновили. Главный залъ очень хорошъ, его выбѣлили на славу. Не могу тебѣ передать, до чего пріятно мнѣ было снова очутиться въ этой залѣ. Я съ восторгомъ разсматривала ее, да и не я одна, всѣ ею любовались. Можетъ быть, мнѣ болѣе не придется во всю зиму быть въ собраніи, за то третьяго дня я вдоволь насладилась вечеромъ, вспомнила о своемъ первомъ выѣздѣ въ свѣтъ и мысленно перенеслась въ ту пору, когда я была четырнадцатилѣтней дѣвочкой.

Наканунѣ праздника я провела презабавно утро. Не знаю, слышала ли ты о пріѣздѣ персидскаго посланника, котораго шахъ отправилъ къ государю, чтобъ поздравить его съ заключеніемъ мира и поднести ему обычные подарки. Между прочимъ шахъ посылаетъ ему обезьянъ, лошадей и даже слоновъ. Еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ было здѣсь объявлено о предстоящемъ пріѣздѣ посольства и велѣно было сдѣлать ему пышный пріемъ. Г. посланникъ замѣшкался, и вмѣсто сентября явился въ декабрѣ. 11-го назначенъ былъ его торжественный въѣздъ. На улицахъ, по которымъ онъ долженъ былъ ѣхать, собрались толпы народа, у всѣхъ оконъ тѣснились зрители. Тормазовъ раскошелился и пригласилъ насъ къ себѣ на завтракъ; всѣ, конечно, полетѣли къ нему стремглавъ. Къ несчастію, все шли дожди, 10-го стало морозить, а 11-го термометръ опустился до 10°. Такая температура испугала персіянъ, привыкшихъ къ своему жаркому климату. Посланникъ объявилъ, что обезьянъ и слоновъ надо укутать, и потому онъ отмѣняетъ торжественное ихъ шествіе, и животныхъ проведутъ украдкой, никому не показывая. Самъ онъ сѣлъ въ вызолоченную карету и совершенно въ ней закупорился. Его везли шесть жалкихъ клячъ, впереди шелъ эскадронъ драгунъ, а за каретой казачій отрядъ. Окна въ каретѣ замерзли и нельзя было разсмотрѣть, сидитъ ли въ ней кто. Когда шествіе удалилось, неудовольствіе выразилось на лицахъ всѣхъ зрителей, со всѣхъ сторонъ повторяли: какъ, только-то всего и было! Я хохотала отъ души. Насъ собралось большое общество, мы не скучали, и я не прочь, чтобъ еще разъ повторилась неудача такого рода.

21-го декабря.—Я перечитала всѣ твои письма, милый другъ, и убѣдилась, что ни одного изъ твоихъ вопросовъ не оставляла

безъ отвѣта. Вѣрно ты намѣревалась спросить меня о чемъ-нибудь, да и забыла. Если припомнишь, какой хотѣла сдѣлать вопросъ, тотчасъ же напиши мнѣ.

Софи Бибикова приходится сестрѣ сродни по мужу; я видала ее у Катеньки и воспользовалась случаемъ, чтобы заѣхать къ ней. Она мнѣ обрадовалась, заговорила о тебѣ. Я нашла, что она очень похудѣла; это ей вовсе не къ лицу, теперь она стала похожа на сестру свою, Арсеньеву. Она утратила свою живость, но разговоръ ея попрежнему интересенъ; я въ восторгѣ, что буду съ ней видѣться на нашихъ вечерахъ. Она медленно поправляется послѣ родовъ. Ребенокъ умеръ, и съ этой поры она все страдаетъ отъ безсонницы. Впрочемъ, она приняла съ покорностью потерю ребенка.

На этой недѣлѣ я познакомилась съ младшей сестрой кн. Туркестановой. Она живая, веселая и очень пріятна въ обществѣ. Прежде я видала ее издали, наконецъ она изъявила желаніе быть представленной матушкѣ и стала къ намъ ѣздить. Нашъ кругъ знакомства увеличивается, что̀ насъ отчасти стѣсняетъ, потому что въ нынѣшнемъ году мы занимаемъ небольшую квартиру. Въ Москвѣ танцуютъ чуть не каждый вечеръ, мнѣ приходится вездѣ бывать.

Вчера у гр. Орловой былъ великолѣпный праздникъ, который, какъ говорятъ, обошелся ей очень дорого. На Святкахъ готовятся нѣсколько танцовальныхъ вечеровъ, мнѣ вѣрно придется на всѣхъ побывать, хотя до танцевъ я небольшая охотница.

Сдѣлай милость, не спѣши такъ: ты уже совсѣмъ просватала меня за Тормазова. Я вовсе не желаю попасть въ знатныя барыни, и тебѣ, я увѣрена, показалось бы смѣшнымъ, еслибы я поселилась въ домѣ генералъ-губернатора и стала принимать гостей въ его великолѣпномъ салонѣ. Ты забыла, что моя невеличественная наружность не соотвѣтствуетъ значительности этого поста. Я желала бы занимать невидное положеніе, которое бы не обязывало меня знакомиться съ кѣмъ не желаю. Врядъ ли кто меньше моего цѣнитъ чины и знатность. За все это я и гроша не дамъ. Поэтому, для меня Тормазовъ слишкомъ важная птица. Я въ шутку говорю о немъ съ тобой. Впрочемъ, меня сватаютъ не за одного Тормазова; все въ Москвѣ устроилось попрежнему, начались и старыя сплетни. Прощай, мой милый другъ. Представь, что я вожусь съ флюсомъ. Спасибо за поздравленіе съ новорожденной племянницей. Вся семья проситъ передать тебѣ свою благодарность.

28-го декабря.—Я едва ноги таскаю отъ усталости послѣ вчерашняго бала. Мы танцовали у Ѳедора Голицына безъ отдыху до 4-хъ часовъ утра. Хотя я и разлюбила танцы, но меня продолжаютъ считать большой до нихъ охотницей и на балахъ не даютъ мнѣ духу перевести. Москва оживилась болѣе, чѣмъ когда-либо. Голицынъ захватилъ оба дня, оставшіеся свободными по случаю отъѣзда Апраксиной въ Петербургъ. Онъ хочетъ, чтобы у него танцовали по воскресеньямъ, и даже по средамъ. Онъ насъ положительно уходитъ къ концу зимы, его вечера самые оживленные. Въ четвергъ мы будемъ плясать у гр. Маркова, въ субботу у Оболенскихъ, а въ понедѣльникъ отправимся на костюмированный балъ къ г-жѣ Рябининой. Весь городъ занятъ приготовленіями къ этому дню. Я тоже готовлю нарядъ, но трачу меньше другихъ, потому что сама вышиваю платье себѣ и сестрѣ. Въ свободное время я усаживаюсь за огромныя пяльцы и вывожу такіе узоры, что любо смотрѣть. Надѣюсь, что наши костюмы съ сестрой будутъ изъ лучшихъ.

Я часто прихварываю. Въ прошлое воскресенье простудилась на балѣ у Голицына, и не выѣзжала цѣлую недѣлю до вчерашняго вечера. Мнѣ приходится быть очень осторожной при моемъ жалкомъ здоровьѣ. Нынче я отказалась отъ ужина, потому что завтра мнѣ надо ѣхать къ Голицынымъ: у нихъ будутъ освящать домовую церковь. Послѣ этого обряда будетъ обѣдъ. Вечеромъ все наше общество отправится въ собраніе. Я объявила, что проведу вечеръ дома. Не желаю уморить себя.

Такъ какъ тебя интересуетъ личность персидскаго посланника, передамъ тебѣ нѣкоторыя его сужденія. Онъ точно говоритъ по-англійски и дѣйствительно удивлялся, что Апраксина свѣжа не по лѣтамъ. Его поразила красота залы собранія и онъ, обратясь къ одному изъ старшинъ, сказалъ, что вѣрно французы умѣютъ жечь, или русскіе—искусно сглаживать слѣды разрушенія, потому что Москва вовсе не похожа на разоренный городъ. Въ самомъ дѣлѣ, наша милая столица удивительно быстро обстраивается. Не могу тебѣ сказать, насколько свѣтски образованъ знатный путешественникъ: я его видѣла издали на праздникѣ въ собраніи; такъ какъ я очень близорука, то одно только примѣтила, что у него необыкновенно высокая шапка. Мамá съ сестрой видѣли его вблизи и говорятъ, что у него замѣчательная наружность. Кажется, что сокровище это пріѣдетъ къ вамъ не раньше весны; его велѣно здѣсь забавлять до возвращенія государя. Слоновъ его привезутъ сюда въ маѣ. На-дняхъ я узнала,

что онъ оставилъ этихъ животныхъ въ Черкаскѣ, боясь, чтобы они не пострадали отъ холода. Лошади здѣсь,—на нихъ ходятъ любоваться.

Впередъ я не стану передавать тебѣ, что̀ говорятъ обо мнѣ въ городѣ. Ты слишкомъ горячо принимаешь разные толки. О Тормазовѣ я рѣшительно запрещаю тебѣ говорить. Въ послѣднемъ письмѣ я объяснила тебѣ, почему онъ мнѣ не годится. Кромѣ того, могу тебя увѣрить, что онъ о мнѣ также мало думаетъ, какъ и я о немъ. Я передала тебѣ городскія сплетни, а ты приняла ихъ за чистыя деньги. Онъ давалъ завтракъ въ честь мама̀, и повѣрь, что онъ ею гораздо больше занятъ, чѣмъ мною. Я слишкомъ почтительная дочь для того, чтобы отбивать поклонника у мама̀.

Благодарю тебя за саше́. Онъ очень хорошо пахнетъ и, кромѣ того, на немъ росписаны важнѣйшія событія 12, 13 и 14 годовъ. Это какъ-бы краткая исторія въ картинахъ. Цѣлую тебя, инфанту и наслѣдника твоего.

М. Свистунова.

ИЗЪ ГЕЙБЕЛЯ

Въ душѣ людей меня едваль
Не больше то́ смущаетъ,
Что такъ легко она печаль
И радость забываетъ.

Одинъ—посмотришь—слезы льетъ;
Но солнце ли проглянетъ,
Вблизи ли птичка запоетъ—
И сердцу легче станетъ!

Другой—весь счастье иль любовь;
Но тучка набѣжала—
И райскихъ думъ и сладкихъ сновъ
Какъ будто не бывало!

И больно мнѣ сознаться въ томъ,
И умъ не постигаетъ:
Какъ радость мчится легкимъ сномъ,
Какъ горе заживаетъ!

А. Б.

Баденъ-Баденъ, 1874.

ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ

и

ЕГО ШКОЛА

СТАТЬЯ ДЕВЯТАЯ и послѣдняя *).

Политическая экономія въ изложеніи Милля. — Въ чемъ заключается соціальная задача будущаго. — Планы Милля для разрѣшенія рабочаго вопроса въ Англіи. — Положеніе наемнаго труда. — Законы производства. — Трудъ и его успѣшность. — Значеніе капитала. — Мальтусовъ законъ. — Распредѣленіе въ современномъ обществѣ.—Принципъ частной собственности.—Соперничество и обычай.—Рабочая плата, прибыль и рента.—Опредѣленіе цѣнности вещей.—Цѣнность товаровъ.—Цѣнность денегъ.—Кредитъ и коммерческіе кризисы.—Вліяніе промышленнаго прогресса на рабочую плату, прибыль и ренту.—Неподвижное состояніе. — Мнѣніе Милля о будущемъ торжествѣ общественной справедливости въ устройствѣ промышленныхъ дѣлъ. — Общее замѣчаніе объ ученіи Милля.

Намъ остается, наконецъ, разсмотрѣть взглядъ Милля на другой важнѣйшій политическій вопросъ современной цивилизаціи: на вопросъ о богатствѣ или матеріальномъ благосостояніи человѣческихъ обществъ. Этотъ вопросъ служитъ предметомъ особой соціальной науки: политической экономіи. Милль написалъ по этой наукѣ большое сочиненіе, которое переведено теперь на всѣ европейскіе языки и удостоилось всеобщихъ похвалъ. И дѣйствительно, сочиненіе Милля самое лучшее изъ всѣхъ, какія извѣстны въ экономической литературѣ. Оно отличается отъ другихъ въ

---

*) См. выше: май, 5; іюнь, 473; іюль, 132; авг., 667, и окт. 654 стр.

особенности тѣмъ, что въ немъ, какъ то видно изъ заглавія, «основанія политической экономіи» излагаются вмѣстѣ «съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи».

Прежняя политическая экономія ограничивалась лишь простымъ описаніемъ и объясненіемъ современнаго экономическаго порядка вещей и, не предвидя никакихъ дальнѣйшихъ измѣненій въ организаціи труда, смотрѣла на свои приблизительныя обобщенія, какъ на полные и неизмѣнные законы. Милль не остановился на этомъ исключительно статическомъ описаніи экономическихъ отношеній и внесъ въ политическую экономію идею прогресса, создавъ въ своей книгѣ особый отдѣлъ о динамикѣ экономическихъ явленій. Милль отвергаетъ мнѣніе о томъ, что наемный трудъ есть послѣднее явленіе экономическаго развитія обществъ. Вооруженный массою собранныхъ изъ современной жизни доказательствъ въ пользу возможности замѣны наемнаго труда трудомъ свободнымъ и самостоятельнымъ, этотъ смѣлый мыслитель предопредѣляетъ на основаніи научныхъ данныхъ, уже признанныхъ лучшими экономистами, цѣлый рядъ новыхъ общественныхъ стремленій, которыя будутъ въ состояніи, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, оказать столь сильное вліяніе на всѣ условія наемнаго труда, что имъ придется уступить мало по-малу свою позицію условіямъ иного характера, обусловливающимъ обращеніе наемнаго труда въ трудъ болѣе или менѣе самостоятельный. Старые экономисты и самъ Милль, въ свои молодые годы, были убѣждены въ томъ, что частная собственность и наслѣдство, которыми обусловливается во многихъ отношеніяхъ настоящее существованіе наемнаго труда, должны остаться навсегда неизмѣнными, но дальнѣйшее изученіе этихъ вопросовъ и современная практика въ разныхъ отрасляхъ современной промышленности показали Миллю, что законодательныя реформы въ этихъ вопросахъ далеко еще не сказали своего послѣдняго слова.

Съ другой стороны, изученіе экономическихъ явленій навело Милля на мысль, что распредѣленіе богатствъ между производителями богатства совершается по законамъ не того свойства, по которымъ совершается производство богатства. Большинство экономистовъ постоянно представляло себѣ законы производства какъ-бы однородными съ законами распредѣленія и, потому, основываясь на томъ, что законы производства имѣютъ характеръ законовъ природы, утверждало, что и законы распредѣленія, признаваемые въ современномъ обществѣ, должны оставаться навсегда неизмѣнными. Между тѣмъ, законы распредѣле-

нія находятся, при извѣстныхъ условіяхъ, въ рукахъ человѣческой воли, и люди, поэтому, могутъ ихъ измѣнять, какъ заблагоразсудится. Политическая экономія Милля трактуетъ о законахъ распредѣленія точно также, какъ другіе экономисты, но вмѣстѣ съ тѣмъ не только оставляетъ вопросъ о неизмѣнности этихъ законовъ открытымъ, но еще показываетъ, при какихъ условіяхъ и какимъ образомъ можетъ ихъ измѣнить прогрессъ общественнаго совершенствованія. Милль научился этому взгляду на законы распредѣленія богатства у сенъ-симонистовъ; и въ наше время этотъ взглядъ принятъ уже многими экономическими школами.

Но знакомство съ соціализмомъ не закончилось однимъ вліяніемъ; оно произвело нѣкоторый переворотъ во многихъ экономическихъ соображеніяхъ Милля. Уже въ 1850 году Милль начинаетъ признавать себя соціалистомъ, хотя онъ продолжалъ отличаться отъ коммунистовъ (Оуенъ, Луи-Бланъ и Кабе) тѣмъ, что признавалъ необходимость личной собственности для дальнѣйшаго экономическаго прогресса, и отъ соціалистовъ (Сенъ-Симонъ и Фурье) тѣмъ, что возставалъ противъ ихъ нападеній на принципъ соперничества. Говоря о своемъ переходѣ изъ чисто демократическаго лагеря въ соціалистскій, Милль такъ опредѣляетъ свои соціалистскіе взгляды: «отрицая съ величайшею энергіей ту тираннію общества надъ личностью, которая входитъ въ составъ большинства соціалистическихъ системъ, мы (то-есть онъ и его жена) все-таки смотрѣли впередъ въ то будущее, когда общество перестанетъ раздѣляться на праздныхъ и трудящихся,— когда правило, что нетрудящіеся не должны ѣсть, будетъ прилагаться не къ бѣднымъ только, но безпристрастно ко всѣмъ, — когда раздѣленіе продукта труда перестанетъ зависѣть въ столь высокой степени отъ случайности рожденія, и будетъ происходить, по соглашенію, на основаніи признаннаго правила справедливости, —и когда признаютъ, наконецъ, человѣческія существа способными къ усердному стремленію приносить пользу не себѣ самимъ исключительно, но и обществу, къ которому они принадлежатъ. Соціальная задача будущаго представлялась намъ въ видѣ соединенія величайшей личной свободы дѣйствія съ общею собственностью сырого матеріала всего земного шара, и въ равномъ участіи всѣхъ въ выгодахъ соединеннаго труда». Милль очень хорошо понималъ, однако, что подобныя задачи осуществляются лишь съ большимъ и крайне продолжительнымъ трудомъ не отдѣльныхъ личностей только, но цѣлаго общества. Милль самъ говоритъ, что для осуществленія этой цѣли необходимо,

чтобы и «въ необразованномъ стадѣ, составляющемъ теперь рабочую массу, и въ громадномъ большинствѣ ихъ нанимателей» произошла сперва «соотвѣтственная перемѣна характера». Оба эти класса должны практически научиться работать и соединяться для благородныхъ или во всякомъ случаѣ для открытыхъ и общественныхъ цѣлей, а не такъ, какъ теперь: ради однихъ своихъ узкихъ интересовъ. Воспитаніе, привычка и развитіе чувствъ могутъ побуждать простого человѣка къ тому, чтобы онъ рылъ и ткалъ для своего отечества съ тою же готовностью, съ какою онъ сражается за него. Затрудненіемъ въ этомъ отношеніи представляется не существенное устройство человѣческой природы. Глубоко укорененный эгоизмъ, которымъ отличается общій характеръ существующаго общественнаго состоянія, укоренился *столь* глубоко лишь потому, что весь ходъ существующихъ учрежденій стремится упрочивать его. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ современныя учрежденія укрѣпляютъ эгоизмъ сильнѣе, чѣмъ учрежденія древнихъ государствъ, такъ какъ въ наше время лица призываются на безвозмездную службу обществу въ меньшемъ числѣ случаевъ, чѣмъ прежде. Отсюда, правда, не слѣдуетъ, что частный интересъ долженъ быть немедленно устраненъ изъ общественныхъ дѣлъ, но отсюда можно придти къ тому заключенію, что существующія учрежденія и общественные порядки не вполнѣ состоятельны и подлежатъ преобразованію или совершенствованію, и что на всякую попытку въ консервативномъ или ассоціаціонномъ родѣ, если она совершается избранными личностями, которыя руководятся побужденіями общаго блага, слѣдуетъ смотрѣть съ большимъ вниманіемъ, какъ на полезный примѣръ воспитательнаго свойства [1]).

Милль писалъ свою политическую экономію главнымъ образомъ для Англіи и для англичанъ, и потому, развертывая передъ ними свои новыя идеи, среди громадной массы чисто экономическаго матеріала, онъ могъ надѣяться на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что для практическаго осуществленія этихъ идей онъ требовалъ отъ англійскаго общества только двухъ вещей: «всеобщаго образованія и надлежащаго ограниченія числа общаго населенія». Представляя столь скромное требованіе, Милль разумѣется много надѣялся на здравый смыслъ и энергію англійскаго народа, и въ особенности на политическую свободу и громадное богатство страны. Мы ниже постараемся показать, что планъ Милля весьма хорошо прилагается къ такой странѣ, какъ Англія, и вполнѣ подтверждается всѣми выводами политической экономіи, если

---

[1]) Сравн. Autobiography, гл. VII.

только англійскій рабочій въ состояніи вынести тѣ пожертвованія, которыхъ требуетъ отъ него Милль, или если сойдутся нѣкоторыя благопріятныя обстоятельства. Двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, когда появилось первое изданіе «Основаній Политической Экономіи», Милль еще не рѣшался вызывать рабочихъ на великій подвигъ, и книга его вышла съ нѣкоторыми строгими осужденіями всякаго соціализма и безъ своей извѣстной главы: «о вѣроятной будущности рабочихъ классовъ». Французская революція 1848 года пріободрила автора; онъ вновь бросился въ изученіе соціалистовъ и затѣмъ, въ третьемъ изданіи своей книги, представилъ новыя объясненія соціалистскихъ ученій, болѣе мягкія и болѣе справедливыя (см. кн. II, гл. I: собственность), и помѣстилъ свое разсужденіе о томъ, что рабочій классъ способенъ къ политическому и общественному развитію, если его самостоятельной дѣятельности будетъ данъ равный со всѣми гражданами просторъ, и если общество и государство позаботятся охранять его человѣческія права и постараются открыть ему полный доступъ ко всѣмъ отраслямъ образованія. Еще позже, въ послѣднемъ, седьмомъ изданіи книги, новые отрывки изъ котораго переведены во второмъ русскомъ изданіи, Милль уже говоритъ, что настоящее положеніе Англіи, благодаря стеченію счастливыхъ обстоятельствъ, столь удобно для рѣшительнаго улучшенія рабочаго быта, что нѣтъ уже настоятельной надобности примѣнять къ Англіи нѣкоторые специфическіе совѣты самого автора, напримѣръ: національное веденіе колонизаціи въ большомъ размѣрѣ, или созданіе класса мелкихъ землевладѣльцевъ; — эти мѣры Милль предлагалъ для «надлежащаго ограниченія числа общаго населенія». Но переселеніе изъ Великобританіи и Ирландіи совершалось въ большихъ размѣрахъ добровольно, и оно «стремится, сверхъ того, не уменьшаться, но увеличиваться, такъ что можетъ оказаться достаточнымъ для того, чтобы произвесть существенное повышеніе заработной платы въ Великобританіи, какъ оно уже сдѣлало это въ Ирландіи, и поддержать это повышеніе неизмѣннымъ на одно или болѣе поколѣній. Эмиграція становится постояннымъ отводомъ чрезмѣрнаго населенія, и этотъ новый фактъ въ современной исторіи, вмѣстѣ съ притокомъ благосостоянія, принесеннымъ свободою торговли, дали этой переполненной странѣ время перевести духъ, и этотъ временный отдыхъ можетъ быть удобно употребленъ на совершеніе тѣхъ нравственныхъ и умственныхъ улучшеній во всѣхъ классахъ народа, включая и самый бѣднѣйшій (т.-е на введеніе всеобщаго образованія) — улучшеній, которыя дѣлали бы невѣроятнымъ какое-нибудь

возвращеніе къ этому переполненному состоянію». Все дѣло, такимъ образомъ, ждетъ лишь благоразумія англійскаго законодательства и общественнаго мнѣнія. «Въ нашей исторіи—утѣшаетъ себя Милль — еще не было времени, когда бы умственный прогрессъ зависѣлъ такъ мало отъ правительствъ, и такъ много отъ общаго расположенія народа; не было времени, когда духъ усовершенствованія распространялся на столько отраслей человѣческихъ дѣлъ, и когда всякаго рода указанія, клонящіяся къ общественному благу, во всѣхъ областяхъ, отъ самыхъ низменныхъ физическихъ до высшихъ нравственныхъ или умственныхъ, выслушивались съ такимъ отсутствіемъ предразсудка, и имѣли бы столько шансовъ сдѣлаться извѣстными и быть должнымъ образомъ разсмотрѣнными» [1]). Если сравнить эти утѣшительныя слова о нынѣшнемъ настроеніи англійскаго общества съ тѣми упреками, которые Милль расточалъ въ глаза «коллективной посредственности», въ своемъ сочиненіи «О свободѣ», написанномъ въ 1855, но обнародованномъ лишь въ 1859 году, то нельзя не подумать, что или Англія 50-хъ годовъ была нѣсколько либеральнѣе той, какою описывалъ ее Милль при своей защитѣ принципа свободы, или она сдѣлала въ эти послѣднія двадцать лѣтъ весьма значительные успѣхи въ политическомъ развитіи, благодаря мирной, но дѣятельной жизни и многимъ крупнымъ реформамъ, особенно парламентской.

Милль—ревностный сторонникъ личной собственности, но онъ знаетъ также, чего ей недостаетъ, и что ею можно злоупотреблять точно такъ же, какъ злоупотребляютъ другими общественными учрежденіями. Признавая, что въ коммунистическихъ и соціалистскихъ системахъ есть много полезныхъ мыслей для человѣческаго совершенствованія, и что нынѣшняя организація труда даже въ наиболѣе цивилизованныхъ государствахъ представляетъ явленіе не вполнѣ удовлетворительное въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ обѣщаютъ коммунисты и соціалисты,—Милль тѣмъ не менѣе остается приверженцемъ принципа частной собственности. Дѣло въ томъ, что ни соціализмъ, ни коммунизмъ не доказали пока, что въ средѣ ихъ общинъ могутъ выработываться непремѣнно люди высшаго характера; поэтому, сравненіе ихъ идеальныхъ представленій объ общинныхъ системахъ съ нынѣшнею системою собственности могло бы имѣть какой-нибудь вѣсъ, еслибъ система собственности должна была бы навсегда остаться

---

[1]) „Основанія Политической Экономіи" съ нѣкоторыми изъ ихъ приложеній къ общественной философіи. Джона Стюарта Милля. Второе полное изданіе. Томъ I, стр. 443—444. Спб. 1874 г.

такою, какою она представляется намъ теперь. Но «принципъ частной собственности—говоритъ Милль—еще ни въ одной странѣ не былъ испытанъ на дѣлѣ въ надлежащемъ видѣ», и въ Англіи меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Общественное устройство въ Европѣ началось отъ распредѣленія собственности, бывшаго результатомъ не какого-нибудь справедливаго раздѣленія, не пріобрѣтенія посредствомъ труда, а результатомъ завоеванія. Законы собственности до сихъ поръ еще не приведены въ сообразность съ своимъ принципомъ; они не были безпристрастны къ правамъ разныхъ людей, а обременили затрудненіями однихъ, давая выгоду другимъ; они покровительствовали неравенству и мѣшали каждому начинать свою жизнь съ одинаковыми шансами на успѣхъ. Но стбитъ лишь обратить серьёзное вниманіе на эти неравенства, на ихъ исправленіе, и принципъ личной собственности можетъ принять иной характеръ. Законы собственности могутъ благопріятствовать разлитію, а не сосредоточенію богатства, помогать раздѣленію крупныхъ массъ, а не удержанію ихъ въ однѣхъ рукахъ. При такомъ направленіи законодательства, принципъ частной собственности не могъ бы подвергаться обвиненію въ томъ, что онъ служитъ причиною всѣхъ матеріальныхъ и общественныхъ бѣдствій. Подъ частною собственностью слѣдуетъ разумѣть обезпеченіе за каждымъ человѣкомъ плодовъ собственнаго труда и бережливости. Когда же частному человѣку обезпечивается владѣніе плодами труда и сбереженіями другихъ, полученными отъ нихъ безъ всякой заслуги съ его стороны, то это уже не самая сущность принципа частной собственности, а только случайное послѣдствіе его, которое, достигнувъ извѣстной высоты, не способствуетъ, но препятствуетъ цѣлямъ, оправдывающимъ законность частной собственности. Чтобы судить объ окончательномъ предназначеніи принципа собственности, мы должны предположить исправленнымъ все, чтб мѣшаетъ этому учрежденію дѣйствовать согласно съ тѣмъ справедливымъ принципомъ, который требуетъ пропорціональности между вознагражденіемъ и трудомъ и служитъ основою всякой защиты собственности. Если такой принципъ частной собственности соединить съ тѣми двумя мѣрами, о которыхъ мы говорили выше: всеобщимъ образованіемъ и надлежащимъ ограниченіемъ числа общаго населенія, то вопросъ о соціализмѣ перестанетъ считаться единственнымъ убѣжищемъ отъ бѣдствій, тяготѣющихъ теперь на человѣчествѣ. Индивидуальная дѣятельность въ лучшей своей формѣ можетъ, слѣдовательно, совершить въ вопросѣ обезпеченія средствъ продовольствія то же самое, чтб и наилучшій соціализмъ. Но можетъ ли дать соціализмъ тоже

широкое развитіе другой сильной человѣческой потребности — свободѣ, это еще вопросъ, требующій изслѣдованія, а между тѣмъ свобода есть единственное орудіе прогресса. Общество, въ которомъ оригинальность служитъ предметомъ порицанія, не можетъ быть здоровымъ. И въ нынѣшнемъ обществѣ существуетъ это болѣзненное явленіе, несмотря на то, что въ его воспитаніи и занятіяхъ есть гораздо больше разнообразія, а въ отношеніяхъ лица къ массѣ гораздо меньше зависимости, чѣмъ было бы при коммунистическомъ устройствѣ.

Совсѣмъ другой выводъ получимъ мы, если станемъ сравнивать наилучшую соціалистскую организацію труда съ нынѣшнимъ наемнымъ трудомъ. Относительно устройства труда можно принять за экономическую аксіому, что только тогда получается трудъ наиболѣе добросовѣстный и успѣшный, когда самъ труженикъ лично пользуется плодами своихъ усилій. Но въ нынѣшнихъ образованныхъ государствахъ такого самостоятельнаго труда совершается весьма мало. Въ Англіи преимущественно распространенъ трудъ наемный: «отъ ирландскаго жнеца или чернорабочаго до верховнаго судьи или министра почти весь трудъ, совершаемый въ тамошнемъ обществѣ, вознаграждается поденною платою или опредѣленнымъ жалованьемъ». Между тѣмъ наемный работникъ заинтересованъ въ своемъ трудѣ гораздо меньше, чѣмъ членъ соціалистской общины, гдѣ работаютъ только на самихъ себя. Правда, можно возразить, что наемный рабочій находится подъ надзоромъ болѣе свѣдущихъ людей, лично заинтересованныхъ въ успѣшности его труда. Однако, въ дѣйствительности, и этотъ надзоръ бываетъ тоже наемный, между тѣмъ какъ въ соціалистской фабрикѣ или фермѣ за каждымъ членомъ наблюдаютъ собственные глаза всѣхъ другихъ членовъ. Но при наемномъ трудѣ можно отказать рабочему; однако отказъ останется недѣйствительнымъ, такъ какъ всѣ другіе работники трудятся не лучше своего предшественника. Въ Англіи работникъ, лишившійся своего мѣста даже вслѣдствіе своей лѣности или небрежности, подвергается въ самомъ дурномъ случаѣ лишь непріятности переносить дисциплину пріютовъ общественнаго призрѣнія. Ясно, слѣдовательно, что нанимателю приходится довольствоваться лишь *обычнымъ* количествомъ труда. Уже много разъ было доказано путемъ обширныхъ изслѣдованій, что необразованные классы наемныхъ рабочихъ небрежно относятся къ исполненію принятыхъ на себя обязанностей. Даже люди средняго и высшаго сословій, когда они служатъ на опредѣленномъ жалованьи, почти никогда не развиваютъ въ себѣ усердія къ службѣ до наивыс-

шей степени. Отсюда всѣ извѣстныя жалобы на лѣность и недобросовѣстность рабочихъ. Съ другой стороны, при нынѣшнемъ устройствѣ частной собственности, «распредѣленіе продуктовъ труда почти всегда совершается обратно пропорціонально количеству труда, такъ что наибольшія доли достаются людямъ, никогда не трудившимся; слѣдующія затѣмъ достаются людямъ, трудъ которыхъ почти номинальный, и такъ далѣе, вознагражденіе все уменьшается по мѣрѣ того, какъ трудъ становится тяжелѣе и непріятнѣе, пока не доходимъ, наконецъ, до самаго утомительнаго и изнурительнаго мышечнаго труда, который однако не можетъ разсчитывать даже па плату, достаточную на пріобрѣтеніе необходимыхъ потребностей жизни». Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что подобный способъ вознагражденія ставитъ наемнаго рабочаго почти во всей Европѣ въ недружественныя отношенія къ своимъ нанимателямъ. Только тамъ, гдѣ рабочій становится самъ самостоятельнымъ хозяиномъ или пользуется достаточною долею въ хозяйской прибыли, исчезаютъ и жалобы на рабочихъ, и антагонизмъ между ними и хозяевами. Милль полагаетъ, что нынѣшнее общество, особенно въ Англіи, могло бы уже теперь приступить къ разрѣшенію рабочаго вопроса, то-есть къ обращенію наемнаго труда въ болѣе или менѣе самостоятельный. Милль утверждаетъ, что это преобразованіе можетъ совершиться согласно съ требованіями принципа частной собственности, такъ-какъ возможность подобнаго преобразованія подтверждается научными выводами политической экономіи.

Политическая экономія имѣетъ своимъ предметомъ сущность богатства, законы его производства и распредѣленія,—то-есть дѣйствіе всѣхъ причинъ, посредствомъ которыхъ состояніе всего человѣчества или какого-нибудь отдѣльнаго общества людей улучшается или ухудшается по отношенію къ богатству—этому предмету всеобщаго желанія людей. Подъ богатствомъ разумѣются всѣ полезныя и пріятныя вещи, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть въ какомъ угодно количествѣ получены безъ труда или пожертвованія, — другими словами, всѣ тѣ вещи, которыя имѣютъ мѣновую цѣнность. Въ отдѣлѣ *производства* политическая экономія представляетъ законы, которыми объясняются различія богатства и бѣдности въ настоящемъ и прошломъ, и которыми обусловливается сбереженіе всякаго приращенія богатства на будущее время. Въ этомъ отдѣлѣ наука даетъ намъ всѣ правила наиболѣе успѣшнаго и наиболѣе быстраго накопленія богатства, имѣющія притомъ несомнѣнность и достоинство законовъ природы. Пользуясь такими правилами, политическое искусство можетъ со-

здать громадныя богатства и даже общее матеріальное довольство, если распредѣленіе богатствъ приметъ форму, соотвѣтствующую продолженію производства на самыхъ выгодныхъ для накопленія богатствъ условіяхъ. Законы производства неизмѣнны, но законы распредѣленія зависятъ отчасти отъ воли человѣческой, такъ какъ эти законы суть не что иное, какъ существующіе въ данномъ обществѣ постановленія и обычаи. Форма наемнаго труда есть основной законъ распредѣленія въ экономической дѣятельности современной цивилизаціи, но эта форма не послѣдняя, такъ какъ она не соединяетъ въ себѣ всѣхъ условій полной успѣшности труда, опредѣляемой законами производства. Такими же переходными формами труда были до наемнаго двѣ другія: крѣпостной трудъ и трудъ рабскій. Политическая экономія не должна останавливаться на изученіи лишь наемнаго труда, съ соотвѣтствующимъ ему распредѣленіемъ; пользуясь законами производства, она можетъ опредѣлять всѣ несовершенства наемнаго труда и искать средства къ уничтоженію или исправленію этихъ несовершенствъ, хотя бы такое исправленіе могло привести изслѣдователя къ правиламъ совершенно новой организаціи труда. Милль дѣлаетъ именно такую попытку.

Посмотримъ теперь, чему учатъ законы производства.

Производство богатства—это извлеченіе средствъ къ человѣческому существованію и удовольствію изъ матеріаловъ, представляемыхъ земнымъ шаромъ или, пожалуй, всей природой.

Трудъ бываетъ физическій или умственный, или—выражаясь физіологическимъ языкомъ — мышечный и нервный. Въ понятіе труда, поэтому, должны входить не только простая дѣятельность, но и всѣ ощущенія, соединенныя съ употребленіемъ мысли или мышцъ въ какомъ-нибудь занятіи. Человѣкъ дѣйствуетъ непосредственно на окружающіе его предметы исключительно одними мышцами,—онъ, значитъ, производитъ движеніе или сопротивленіе движенію, и этого совершенно достаточно для того, чтобы управлять и пользоваться силами и матеріалами природы; а такъ какъ дѣятельность самой природы заключается тоже въ движеніи и сопротивленіи движенію, то человѣкъ можетъ замѣнять ея силами свой мышечный трудъ, и онъ дѣйствительно употребляетъ для этой цѣли животныхъ, вѣтеръ, воду, паръ, съ помощью которыхъ возможно устройство такихъ предметовъ, какъ машины, посредствомъ которыхъ человѣкъ заставляетъ природу замѣнять ея силами его мышечный трудъ.

Въ политической экономіи есть нѣсколько подраздѣленій труда, но для цѣлей теоріи производства только одно изъ нихъ заслуживаетъ серьёзнаго вниманія—это *трудъ на производительное потребленіе,* и *трудъ на непроизводительное потребленіе.* Трудъ можетъ служить на производство такихъ предметовъ, потребленіе которыхъ способствуетъ дальнѣйшему производству. Но, съ другой стороны, хотя производство немыслимо безъ труда, однако оно не всегда бываетъ его результатомъ,—трудъ можетъ производить такія вещи или дѣйствія, которыя негодны для непосредственнаго обогащенія общества. Къ первому разряду вещей,—вещей, годныхъ на производительное потребленіе, причисляются всѣ предметы, какіе необходимы для успѣха производства: все, чтó потребляютъ работники для поддержанія своей жизни,—пищу, жилище, платье, и т. п., и все, чтó способствуетъ ихъ труду—матеріалы, инструменты, охрана, доступъ произведеній труда къ рынку, техническое воспитаніе и вся та сторона умственнаго образованія, которая способствуетъ успѣхамъ производства. Трудъ на непроизводительное потребленіе, напротивъ, не доставляетъ качествамъ лицъ или вещей ничего такого, чтó могло бы приспособить ихъ къ производству; предметы, имъ приготовляемые, поступивъ въ потребленіе, исчезаютъ безвозвратно. Правда, что потребленіе ихъ можетъ отвращать на извѣстное время тѣ, либо другія затрудненія или страданія, приносить услуги и удовольствіе,—но тѣмъ все и кончается, безъ всякаго увеличенія богатства страны. Сюда принадлежатъ всѣ предметы роскоши, театръ и изящныя искусства, отвлеченная наука, армія и флотъ, и правительственные агенты вообще при отправленіи ихъ обыкновенныхъ обязанностей, судьи и законодатели.

Дѣленіе труда по потребленію имѣетъ важное значеніе при распредѣленіи труда въ небогатыхъ обществахъ, гдѣ переходъ работниковъ отъ приготовленія предметовъ первой необходимости къ приготовленію предметовъ роскоши можетъ вовлечь общество въ бѣдность. Предположимъ, что въ обществѣ только половина всѣхъ работниковъ занята трудомъ на производительное потребленіе, и что труда ихъ достаточно для производства необходимаго продовольствія всего населенія страны и для поддержанія запаса всего, чтó нужно для дальнѣйшаго производства. Другую половину общества пусть будутъ составлять рабочіе на непроизводительное потребленіе или просто праздные люди. Положимъ еще, что вторая половина вовсе перестала работать. Несмотря на то, все общество все-таки имѣло бы чѣмъ существовать и продолжать свое существованіе. Но прекратите работу на одинъ

годъ первой половины работниковъ, и ваша страна въ концѣ года оказалась бы совершенно обѣднѣвшею: ей нечѣмъ было бы прокормиться.

Трудъ не можетъ быть успѣшнымъ, если ему помогаетъ только одна природа, такъ какъ работнику нужны для производства не только матеріалы и силы, но еще его собственное физическое существованіе и орудія труда: пища, платье и другое содержаніе, а также инструменты, удобное помѣщеніе и охраненіе. Всѣ эти потребности рабочаго для начала труда покрываются предварительно накопленнымъ запасомъ продуктовъ прежняго труда, предназначеннымъ на производство. Этотъ запасъ продуктовъ называется *капиталомъ*. Отсюда выходитъ, что всѣ продукты страны, назначенные на производство, составляютъ капиталъ, или что весь капиталъ страны назначенъ на производство, или что его размѣромъ ограничивается размѣръ промышленности. Меньше этого размѣра промышленность можетъ быть, если нельзя получить такого числа работниковъ, какое могъ бы употреблять на дѣло весь капиталъ. Съ другой стороны, каждое увеличеніе капитала можетъ увеличивать размѣръ промышленности, и этому увеличенію нельзя назначить предѣловъ, если есть люди, способные работать. Границею обогащенія страны можетъ служить лишь недостаточное количество производителей и производительныхъ силъ. Но какъ бы ни расширялось производство, потребители всегда найдутся. Еслибы общество отдало всю пищу, всѣ инструменты и матеріалы на поддержаніе только производительнаго труда, то и тогда не было бы затрудненія въ томъ, чтобы найти поле для занятія этому труду, потому что пока остается неудовлетворенной чья-нибудь или какая-нибудь потребность, требующая удовлетворенія матеріальными предметами, трудъ общества могъ бы обратиться на производство чего-нибудь, чтó могло бы удовлетворить этой потребности. Могутъ сказать еще, что общество, распоряжающееся такимъ образомъ своими производительными средствами, произведетъ столько предметовъ, что ихъ не раскупятъ, особенно если работники въ этомъ обществѣ были и прежде снабжены всѣми предметами необходимости. Но такъ думать ошибочно. Тогда будетъ только то, что сами работники станутъ потребителями предметовъ роскоши; и вся разница между ихъ новымъ положеніемъ и тѣмъ, когда капиталъ употреблялся въ большомъ размѣрѣ на трудъ для непроизводительнаго потребленія, будетъ состоять лишь въ томъ, что теперь предметы роскоши станутъ распредѣляться по всему обществу, между тѣмъ какъ прежде они доставались лишь немногимъ.

Капиталъ образовался изъ труда вслѣдствіе того особеннаго свойства послѣдняго, что онъ даетъ въ своемъ окончательномъ результатѣ больше произведеній, чѣмъ самъ издерживаетъ на себя во все время производства. Капиталъ накопляется, слѣдовательно, изъ излишковъ каждаго производства; онъ есть, слѣдовательно, результатъ сбереженія, но подъ сбереженіемъ не слѣдуетъ разумѣть здѣсь какое-либо ограниченіе потребленія или какое-нибудь лишеніе. Сбереженіе состоитъ въ томъ, когда потребляется меньше, нежели производится; собственно этимъ процессомъ и увеличивается капиталъ, а не однимъ лишь ограниченіемъ потребленія. Даже въ простѣйшемъ состояніи экономическихъ отношеній нужно было, для образованія капитала, чтобы люди производили больше, чѣмъ потребляли, или потребляли меньше, чѣмъ производили. Такое сбереженіе происходитъ не для того, чтобы прятать капиталъ, но для того, чтобы по полученіи его тотчасъ снова пускать въ производительное потребленіе. Правда, что въ современномъ обществѣ только немногіе понимаютъ значеніе сбереженія, какъ опредѣляетъ его политическая экономія, имѣющая своимъ предметомъ накопленіе дѣйствительнаго богатства. Обыкновенные люди полагаютъ, что сберегать значитъ приносить пользу только себѣ, а наука подъ сбереженіемъ разумѣетъ и непремѣнное потребленіе капитала на производство. Оттого мы часто видимъ, что въ обыденной жизни, человѣкъ, расходующій свое состояніе на непроизводительное потребленіе, на мотовство, считается благодѣтелемъ всѣхъ окружающихъ. Но наука доказываетъ, что отъ подобной растраты капитала страдаетъ все общество. Правда, что между сбереженіемъ (то-есть тратою на производительное потребленіе) и растратою есть большое сходство въ первомъ періодѣ ихъ дѣятельности: капиталъ тамъ и тутъ потребляется, разрушаются многія вещи. Въ первомъ случаѣ изнашиваются инструменты, уничтожается матеріалъ, также пища и одежда на содержаніе работниковъ; во второмъ случаѣ уничтожаются вина, экипажи и меблировка. Въ непроизводительномъ потребленіи тѣмъ все и кончается, а въ производительномъ работники съ излишкомъ воспроизводятъ потребленное во время производства количество продуктовъ. Отсюда ясно, что если трудъ будетъ переходить отъ работы для производительнаго потребленія на работу для потребленія непроизводительнаго, то страна будетъ бѣднѣть. Съ другой стороны, страна должна богатѣть, если капиталъ не растрачивается и не сохраняется, а постоянно воспроизводится.

Капиталъ бываетъ двухъ родовъ: *оборотный* и *основной*. Первый совершаетъ свое дѣло въ производствѣ только одинъ разъ;

это матеріалы для производства и содержанія рабочихъ: они уже не возвратятся и не могутъ содѣйствовать тому же процессу производства. Что касается до основного капитала, который состоитъ изъ зданій, машинъ и почти всѣхъ вещей, называемыхъ инструментами, онъ обладаетъ болѣе прочнымъ характеромъ и производитъ свое дѣло не тѣмъ, что̀ тратится, а тѣмъ, что̀ остается цѣлымъ. Оборотный капиталъ только ведетъ производство, а основной улучшаетъ и совершенствуетъ его: онъ строитъ фабрики, создаетъ машины, осушаетъ болота, увеличиваетъ плодородіе почвы, проводитъ дороги, и т. д. Оттого и результаты дѣйствій каждаго изъ нихъ на валовой доходъ страны различны. Оборотный капиталъ, употребляемый въ дѣло, сразу перестаетъ быть капиталомъ; употребленіе его, слѣдовательно, требуетъ, чтобы этотъ капиталъ своимъ оборотомъ далъ такое количество продуктовъ, которое покрыло бы его самого съ избыткомъ. Отъ употребленія основного капитала этого не требуется, такъ какъ онъ не исчезаетъ, но только подвергается порчѣ. Часть этого капитала, слѣдовательно, совершенно исчезаетъ изъ производства, и если его взяли изъ оборотнаго капитала, то должно сохраниться и число работниковъ, или ихъ содержаніе, настолько, насколько меньше стало оборотнаго капитала. Отсюда жалобы на внезапное и быстрое введеніе машинъ,—жалобы, впрочемъ, напрасныя, такъ какъ въ дѣйствительной жизни основной капиталъ, употребляемый на улучшенія, собирается не изъ оборотнаго капитала, а изъ возрастанія капитала страны; сами улучшенія дѣлаются въ большихъ размѣрахъ не въ бѣдныхъ и не въ отсталыхъ странахъ, да наконецъ, предпріятія, требующія затраты основного капитала, не могутъ развиваться съ такою быстротою, чтобы изсушать источники существующаго употребленія труда.

Капиталъ играетъ въ производствѣ столь важную роль, что его можно присоединить къ труду и силамъ природы въ качествѣ третьяго элемента производства. Посмотримъ теперь, чѣмъ обусловливается степень производительности всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ. Есть, во-первыхъ, естественныя выгоды: плодородность почвы, теплый климатъ, изобиліе матеріальныхъ продуктовъ, лежащихъ въ удобномъ для добыванія положеніи, судоходныя рѣки, приморское положеніе и т. п. Далѣе, для производительности страны важно, чтобы качества и способности самого общества могли снабжать трудъ наибольшей энергіей, энергіей постоянной и привычной; но рѣдко удавалось людямъ достигать совершенства въ этомъ отношеніи, то-есть если работать, то работать всею своею силою и особенно душою, не посвящать оплачиваемому

труду меньше часовъ въ днѣ, меньше дней въ году, меньше лѣтъ въ жизни. Третій элементъ производительности — искусство и знаніе самихъ работниковъ или распорядителей труда, распространенность техническихъ свѣдѣній въ народѣ, безъ которыхъ невозможно введеніе машинъ. Не менѣе важнымъ пособіемъ производительности служитъ общее распространеніе образованности въ народѣ. Умственное развитіе и нравственныя качества рабочихъ тоже имѣютъ огромное значеніе на производительность страны. Безъ довѣрія къ рабочимъ цѣлыя отрасли промышленности остаются безъ улучшеній. Возможность дружной дѣятельности пропорціональна степени довѣрія, какое могутъ питать люди между собою. Очень важна для производительности элементовъ производства — безопасность. Всѣ учрежденія, которыя такъ или иначе подвергаютъ какимъ-либо опасностямъ личность и собственность, путемъ ли непосредственныхъ насилій или налоговъ, ослабляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ производительность страны. Вообще говоря, успѣшность промышленности бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ вѣрнѣе обезпечены за производителемъ плоды его труда, и всѣ общественныя установленія благопріятствуютъ полезной дѣятельности лишь настолько, насколько вознагражденіе каждаго за его трудъ становится пропорціональнымъ приносимой имъ пользѣ. Потому дурны всѣ законы, которые благопріятствуютъ одному сословію или разряду людей насчетъ другихъ, или которые сковываютъ усилія какой-либо части общества въ ея стремленіи къ собственному благу.

Особенно важнымъ обстоятельствомъ, увеличивающимъ производительность страны, представляется сочетаніе или сотрудничество многихъ человѣческихъ силъ въ трудѣ. Разныя лица могутъ помогать другъ другу въ одномъ дѣлѣ или въ одномъ и томъ же рядѣ операцій (сотрудничество простое), или въ занятіи разными трудами, или въ раздѣленіи между собою разныхъ операцій одного и того же дѣла (сотрудничество сложное). Безъ послѣдняго сотрудничества, безъ раздѣленія занятій, нельзя было бы произвести почти никакой вещи, — безъ него даже невозможны первые зачатки промышленной цивилизаціи. Въ первыхъ земледѣльческихъ обществахъ первое раздѣленіе занятій начинается, когда въ немъ приступаютъ къ постройкѣ городовъ. Но разъ раздѣленіе занятій установилось, разъ случилось, что каждый производитель сталъ снабжать своимъ товаромъ многихъ другихъ людей, и получать отъ нихъ почти всѣ вещи, ему самому необходимыя, и этого уже достаточно, чтобы принципъ раздѣленія развивался впередъ самъ собою. Но раздѣленіе труда не ограничивается от-

дѣленіемъ одного занятія отъ другого, въ каждомъ занятіи раздѣленіе проводится все дальше путемъ раздробленія каждаго процесса производства на все бо́льшее число особыхъ операцій. Каждый работникъ, при такомъ порядкѣ въ его занятіяхъ, можетъ ограничиться изученіемъ лишь тѣхъ отдѣльныхъ операцій, къ которымъ онъ чувствуетъ себя наиболѣе способнымъ. Адамъ Смитъ находилъ, что трудъ отъ такого устройства много выигрывалъ въ трехъ отношеніяхъ: въ увеличеніи ловкости работника, въ сбереженіи времени, обыкновенно пропадающаго при переходѣ отъ одного дѣла къ другому, и въ изобрѣтательности ума, у котораго всѣ мысли сильно и постоянно обращены на одно и то же дѣло. Но Милль признаетъ только первый выгоднымъ; переходъ отъ одного дѣла къ другому онъ признаетъ, напротивъ, болѣе полезнымъ для работника, чѣмъ постоянное сосредоточеніе на одной операціи; и для изобрѣтательности онъ признаетъ общее развитіе сообразительности и привычку къ умственной дѣятельности важнѣе исключительности занятія. При раздѣленіи труда очень полезна еще классификація работниковъ по ихъ способностямъ, такъ чтобы на каждую часть процесса употреблялось лишь нужное количество ловкости и силы, и чтобы изъ инструментовъ извлекалась наибольшая полезность.

Степень раздѣленія труда находится въ нѣкоторой зависимости отъ вліянія рынка. Все, что́ стѣсняетъ спросъ на товары, можетъ ослаблять и раздѣленіе труда. Если, напримѣръ, при полномъ раздѣленіи труда мы получимъ больше товара, чѣмъ требуется рынкомъ, то, чтобы не терпѣть убытка, придется ослабить раздѣленіе труда. Но, съ другой стороны, раздѣленію труда можно придать самое широкое распространеніе лишь при производствѣ въ большомъ размѣрѣ. Это одна изъ главныхъ выгодъ большого производства надъ малымъ. Вторая выгода его заключается въ томъ, что издержки дѣла далеко не возрастаютъ пропорціонально расширенію его. Появленію большихъ фабрикъ много способствовала дороговизна нѣкоторыхъ механизмовъ. Наконецъ, на надзоръ за многими мелкими предпріятіями тратится гораздо больше труда, чѣмъ на надзоръ за однимъ большимъ, которое производитъ столько же или даже больше всѣхъ мелкихъ. Производству въ большихъ размѣрахъ много способствуютъ акціонерныя компаніи. Крупное производство, какъ въ фабричной промышленности, такъ и въ земледѣльческой, оказывается выгоднѣе для общества, чѣмъ мелкое. Мелкое можетъ имѣть только одно преимущество надъ крупнымъ: оно тщательнѣе, съ бо́льшимъ искусствомъ приготовляетъ тѣ же вещи, и никогда не пре-

небрегаетъ маленькими выгодами. Милль очень усердно защищаетъ мелкую крестьянскую собственность, доказывая, что она лучше обработываетъ землю, чѣмъ крупное землевладѣніе, но въ концѣ-концовъ ему приходится сознаться, что крупное земледѣльческое хозяйство въ состояніи вытѣснить мелкое и будетъ приносить обществу больше пользы, такъ какъ при немъ машины замѣняютъ ручной трудъ. Разумѣется, мелкіе землевладѣльцы, соединившись между собою въ акціонерное или просто рабочее товарищество, могутъ тоже обзавестись машинами, но тогда эта обработка приметъ уже характеръ крупнаго производства.

Кромѣ труда и капитала, элементомъ производства служитъ еще природа. Если изъ предметовъ природы удалить все, чтó не можетъ стать личною собственностью, чтó существуетъ въ неограниченномъ количествѣ, то, вмѣсто природы, у насъ останется только земля—она станетъ нашимъ третьимъ элементомъ. Возрастаніе производства зависитъ отъ качествъ этихъ трехъ элементовъ, такъ какъ оно бываетъ результатомъ возрастанія или самыхъ этихъ элементовъ, или ихъ производительности. Опредѣливъ законы возрастанія труда, капитала и продуктовъ отъ земли, мы вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлимъ предѣлы возрастанія производства.

Возрастаніе труда есть возрастаніе числа людей, возрастаніе населенія. Чѣмъ больше людей, тѣмъ больше работниковъ. Это вопросъ физіологическій и гигіеническій. Милль полагаетъ, что при хорошемъ гигіеническомъ состояніи народа, каждое поколѣніе можетъ быть вдвое больше предшествовавшаго. Но другіе изслѣдователи, напримѣръ, Кэри, опредѣляютъ это число на основаніи вычисленій, сдѣланныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ 30 лѣтъ. Въ нынѣшней Европѣ размноженіе людей совершается еще медленнѣе. Всего быстрѣе въ Норвегіи и Россіи, гдѣ удвоеніе происходитъ лишь въ 41 и 48 лѣтъ; всего медленнѣе во Франціи и въ Австріи, гдѣ удвоеніе совершается лишь въ 165 и 217 лѣтъ. Были попытки чисто физіологическаго опредѣленія процента размноженія, съ предположеніемъ «хорошаго гигіеническаго состоянія народа», и онѣ опредѣлили срокъ удвоенія не въ 20 лѣтъ, какъ дѣлаетъ Милль, а въ 35—40. Какъ бы то ни было, принявъ свою маленькую цифру за истинную, Милль могъ сказать, разумѣется, что не будь никакихъ препятствій въ природѣ столь быстрому размноженію, человѣкъ долженъ былъ бы даже теперь занять всю землю. Излишнее размноженіе животныхъ сдерживается врагами и голодомъ; но люди мало подвержены голоду, и ихъ истребляютъ болѣзни и войны. Сверхъ

того, люди «не плодятся какъ свиньи еще потому, что они способны воздерживаться благоразуміемъ или общественными привязанностями отъ того, чтобы не давать жизни существамъ, рождающимся лишь на нужду и преждевременную смерть. По мѣрѣ того, какъ люди все возвышаются надъ скотскимъ состояніемъ, размноженіе сдерживается не столько самою нуждою, сколько опасеніемъ нужды въ будущемъ. Точно также дѣйствуютъ многіе люди, вовсе не угрожаемые вопросомъ голода, но подъ опасеніемъ лишиться того, чтó они считаютъ приличнымъ для себя образомъ жизни». Всего меньше подобной сдержанности замѣчается именно въ самомъ многочисленномъ классѣ, въ классѣ бѣдныхъ, въ классѣ работниковъ. Если работникъ можетъ выростить своихъ дѣтей, какъ выростили его самого,—онъ уже совершенно доволенъ. Всякою выгодною перемѣною въ ихъ обстоятельствахъ рабочіе пользуются лишь для размноженія, нисколько не заботясь о судьбахъ будущаго поколѣнія. А между тѣмъ, если общее улучшеніе въ ихъ умственномъ и нравственномъ развитіи, или, по крайней мѣрѣ, возвышеніе ихъ обычнаго образа довольной жизни окажется неспособнымъ научить ихъ лучшему пользованію выгодными перемѣнами въ обстоятельствахъ, то въ судьбѣ ихъ не можетъ быть сдѣлано ничего прочнаго.

Возрастаніе капитала зависитъ отъ двухъ вещей: отъ фонда, изъ котораго дѣлается сбереженіе, и отъ силы расположенія къ сбереженію. Этотъ фондъ есть излишекъ дохода труда, остающійся за снабженіемъ жизненныхъ потребностей всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ производствѣ. Этотъ фондъ есть дѣйствительный *чистый доходъ* страны; онъ служитъ мѣриломъ ея фактической силы,—мѣриломъ того, насколько она можетъ сберегать на общественныя дѣла или на удовлетвореніе потребностей частныхъ лицъ,—мѣриломъ той части дохода, которою страна можетъ располагать какъ угодно, какъ для достиженія какихъ-либо цѣлей или для сбереженія на пользу въ будущемъ, такъ и для растраты на свои удовольствія. Въ этомъ фондѣ есть вознагражденіе всѣмъ, кто участвуетъ въ производствѣ: и труду, и капиталу, и землѣ. Чѣмъ меньше потратитъ трудъ на свое продовольствіе во время производства, тѣмъ больше продукта уйдетъ въ чистый доходъ страны, тѣмъ больше будетъ сбережено, тѣмъ больше, слѣдовательно, будетъ та часть, которая должна вознаграждать капиталъ, называемая *прибылью*. Но наклонность къ сбереженію не вполнѣ зависитъ отъ ожидаемой прибыли. Дѣятельное стремленіе къ накопленію не одинаково сильно у разныхъ лицъ: оно измѣняется по различію не только личныхъ ха-

рактеровъ, но также общаго положенія общества и его цивилизаціи. Всякое накопленіе состоитъ въ пожертвованіи настоящимъ благомъ для будущаго; но выгода подобнаго пожертвованія неодинакова въ различныхъ обстоятельствахъ, а склонность къ нему разнообразится еще больше. Вообще говоря, эта склонность усиливается тѣмъ быстрѣе, чѣмъ прочнѣе устанавливаются въ обществѣ «всѣ обстоятельства, увеличивающія вѣроятность того, что нашими сбереженіями на будущее воспользуемся мы сами». Съ другой стороны, недостатокъ въ сбереженіи происходитъ отъ собственной неосмотрительности или отъ беззаботности о другихъ. Если производство страны доходитъ до тѣхъ размѣровъ, что оно даетъ прибыль, соотвѣтствующую средней силѣ дѣятельнаго стремленія къ накопленію, то, значитъ, страна вступила въ такъ-называемое *неподвижное состояніе*, при которомъ прекращается дальнѣйшее накопленіе капитала, если не произойдетъ никакого улучшенія въ производительныхъ искусствахъ и не увеличится сила стремленія къ накопленію. Въ Китаѣ это неподвижное состояніе образовалось на 36%, а въ нынѣшней Англіи и 3% еще привлекаютъ къ себѣ капиталы. Возрастаніе капитала можетъ, поэтому, идти впередъ почти безгранично, а границу производства слѣдуетъ искать лишь въ качествахъ земли, именно въ ограниченности ея поверхности и въ ограниченности ея производительности.

Земной шаръ дѣйствительно величина ограниченная, и плодородію его почвы есть предѣлы, такъ что можно себѣ представить такое время, когда его размножившееся населеніе займетъ все пространство и станетъ вымирать отъ «скупости природы». Въ землѣ дѣйствительно заключается лишь опредѣленное количество физическихъ и химическихъ силъ и веществъ, способныхъ поддерживать и создавать организмы растеній; пища, слѣдовательно, можетъ создаваться тоже въ ограниченномъ количествѣ, и земля поэтому не въ состояніи кормить безпрестанно размножающагося населенія. Но судя по нынѣшнимъ цифрамъ размноженія людей въ цивилизованныхъ государствахъ и по тѣмъ замѣчательнымъ открытіямъ, которыя сдѣланы въ теоріи сельскаго хозяйства Либихомъ и его послѣдователями, можно утверждать, что еще долго не настанетъ роковой день для человѣчества. Многіе серьёзные изслѣдователи опредѣляли 400 лѣтъ, другіе еще больше, предполагая притомъ, что земледѣльческія улучшенія не пойдутъ дальше опредѣленій нынѣшней науки. На статистическомъ конгрессѣ въ Гагѣ въ 1869 г., представитель Соединенныхъ Штатовъ Роггисъ высчиталъ, что его отечество въ

1900 году въ состояніи будетъ кормить не только свое населеніе, которое возрастетъ къ тому времени до 75 милліоновъ, но и населеніе всей Европы. Эти факты ясно показываютъ, что дальнѣйшее размноженіе людей не должно возбуждать никакихъ опасеній въ современномъ обществѣ, покуда оно держится научныхъ правилъ въ устройствѣ своего земледѣльческаго труда. Мальтусовъ законъ справедливъ, но безусловно примѣнять его къ современному обществу невозможно и ошибочно. Съ Миллемъ въ этомъ отношеніи можно согласиться лишь въ томъ, что опасность, которую предвѣщалъ Мальтусъ, одинаково грозитъ не нынѣшней общественной организаціи только, но и всякой другой: законъ ограниченности земного шара и его плодородія созданъ не принципомъ личной собственности, а самою природою вещей. При томъ состояніи земледѣльческаго знанія и при тѣхъ громадныхъ средствахъ, которыми можетъ располагать цивилизованный міръ, Мальтусовъ законъ можетъ быть отдаленъ по крайней мѣрѣ еще на 400 лѣтъ. Если же мы, тѣмъ не менѣе, подвергаемся разнымъ бѣдствіямъ и нѣтъ почти ни одного государства, въ которомъ бы нищета не была у всѣхъ на виду, то въ этомъ виною можно ставить не одно размноженіе только, а также неправильное, ненаучное распредѣленіе труда въ общественной организаціи и нерадивость обществъ въ распространеніи земледѣльческихъ знаній и даже образованія вообще. Самъ Милль сознается, что даже въ старыхъ странахъ и въ самой Англіи есть еще цѣлыя массы вещей въ земледѣльческомъ дѣлѣ, которыя требуютъ большихъ улучшеній, и что найдись достаточный капиталъ для подобнаго предпріятія, «пропорція общаго дохода всей воздѣлываемой земли къ израсходованному на него труду стала бы больше прежней, и *общій законъ* уменьшенія выручки отъ разработки земли былъ бы на время отстраненъ».

Всѣ доказательства Милля вращаются около этого общаго закона. Милль утверждаетъ, что стóитъ только земледѣлію достигнуть нѣкоторой степени совершенства, и пуститься въ обработку земли съ энергіею и съ хорошими орудіями, какъ уже начнетъ дѣйствовать тотъ земледѣльческій законъ, что при данномъ состояніи земледѣльческаго знанія и искусства, увеличеніе труда не увеличиваетъ продукта въ равной степени: удвоеніе труда не удвоиваетъ продукта; каждое увеличеніе продукта, поэтому, пріобрѣтается больше, чѣмъ пропорціональнымъ увеличеніемъ въ приложеніи труда къ землѣ. Милль выводитъ этотъ законъ изъ того обстоятельства, что въ странѣ одновременно обработываются земли разныхъ степеней плодородія и отдаленности отъ хлѣбнаго

рынка. Земли, худшія по плодородію, даютъ, разумѣется, меньше продукта, а земли, наиболѣе удаленныя отъ рынка, доставляютъ свой продуктъ по болѣе дорогой цѣнѣ. Когда является добавочный спросъ на земледѣльческіе продукты, то его можно получить или изъ обработанной уже земли, или изъ новой, еще не обработанной. Еслибъ каждый новый спросъ покрывался простымъ усиленіемъ труда на обработанныхъ земляхъ, и еслибъ производство добавочнаго продукта стбило пропорціонально столько же, какъ и прежнее производство,—то земли менѣе плодородныя или болѣе отдаленныя отъ рынка могли бы воздѣлываться только собственниками и только для ихъ прокормленія. Между тѣмъ, въ Англіи и Шотландіи эти *худшія* земли обработываются не ради прокормленія только, но главнымъ образомъ ради прибыли. Отсюда Милль заключаетъ, что «воздѣлываніе болѣе хорошихъ земель достигло въ этихъ странахъ той степени, за которою дальнѣйшее приложеніе капитала и труда даетъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ, не больше той выручки, какую получаютъ, при тѣхъ же издержкахъ, съ менѣе плодородныхъ или болѣе отдаленныхъ участковъ». И ему кажется, поэтому, что всякая новая потребность въ пищѣ должна вызывать новое распространеніе земледѣлія на зѐмли еще болѣе худшія, причемъ добавочный продуктъ опять не дастъ пропорціональнаго вознагражденія добавочному труду. Хлѣба отъ увеличивающагося труда будетъ добываться все пропорціонально меньше, а цѣны на него должны постоянно возрастать. «Напрасно говорить, что каждый новый родъ, являющійся на свѣтъ въ размножающемся населеніи, приноситъ и новыя руки. Новые рты требуютъ столько же пищи, какъ и прежніе, а новыя руки производятъ меньше». Единственнымъ средствомъ для предотвращенія окончательной катастрофы Милль признаетъ земледѣльческія улучшенія и все, чтб ихъ усиливаетъ или поощряетъ.

Мануфактурное производство, хотя и заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю земледѣльческаго (матеріалы для производства), однако съ возрастаніемъ разныхъ улучшеній понижаетъ цѣны на свои продукты. Это происходитъ оттого, что земледѣльческій трудъ въ мануфактурной промышленности составляетъ лишь ничтожную долю (матеріалъ) всего труда, заключающагося въ каждомъ фабричномъ товарѣ. Расширеніе мануфактурнаго производства происходитъ не съ увеличеніемъ, а съ постояннымъ уменьшеніемъ пропорціональной стоимости приготовляемыхъ вещей. Благодаря этому удешевленію всѣхъ мануфактурныхъ издѣлій, постоянное вздорожаніе земледѣльческихъ продуктовъ не можетъ

препятствовать разлитію благосостоянія въ странѣ и даже на бѣднѣйшій классъ. Удешевленіе одежды и жилища можетъ вознаграждать ихъ за увеличивающуюся стоимость пищи...

Здѣсь мы заканчиваемъ наше изложеніе законовъ и условій производства. Въ этихъ законахъ нѣтъ ничего произвольнаго; они также прочны и неизмѣнны, какъ истины естествовѣдѣнія. «Чтó бы люди ни производили, они должны производить тѣми способами и подъ тѣми условіями, какія налагаются строеніемъ внѣшнихъ предметовъ и внутренними свойствами ихъ собственнаго тѣлеснаго и умственнаго организма. Желаютъ ли они, или нѣтъ,—но размѣръ ихъ производства ограниченъ размѣромъ ихъ предварительнаго сбереженія и, при данномъ размѣрѣ сбереженія, пропорціоналенъ ихъ энергіи, ихъ искусству, совершенству ихъ машинъ, и ихъ разумному пользованію выгодами соединеннаго труда. Желаютъ ли они, или нѣтъ,—но двойное количество труда, приложеннаго къ той же землѣ, не дастъ двойного количества пищи, если въ способахъ обработки не произойдетъ никакого улучшенія. Желаютъ ли они, или нѣтъ, — но непроизводительныя траты отдѣльныхъ лицъ разоряютъ общество на всю сумму этихъ тратъ, и только производительныя траты обогащаютъ его. Каковы бы ни были мнѣнія или желанія касательно этихъ различныхъ вещей, сами вещи управляются не ими... Мы не можемъ измѣнить основныхъ свойствъ ни матеріи, ни ума, но можемъ употреблять ихъ съ бóльшимъ или меньшимъ успѣхомъ на произведенія интересныхъ для насъ явленій».

Законы распредѣленія богатства совсѣмъ иного рода, это — дѣло человѣческой воли. Съ вещами люди могутъ поступать какъ имъ угодно, даже истреблять ихъ или отдавать въ чье-нибудь распоряженіе на извѣстныхъ условіяхъ или безусловно. Въ нашей современной цивилизаціи распредѣленіе происходитъ на основаніи принципа личной собственности и подъ вліяніемъ силы соперничества. Наша промышленная система основана на покупкѣ и продажѣ; въ ней почти каждый человѣкъ живетъ не тѣми вещами, въ производствѣ которыхъ онъ самъ участвовалъ, а вещами, получаемыми черезъ двойной обмѣнъ: черезъ продажу и потомъ черезъ покупку. Въ этой системѣ производства цѣль и желаніе производителя заключаются въ пріобрѣтеніи прибыли съ своего капитала, а не въ пріисканіи выгоднаго занятія своему времени и труду. Здѣсь главнымъ дѣятелемъ является капиталистъ, а рабочіе играютъ довольно пассивную роль. Вслѣдствіе этого обстоятельства и самъ принципъ частной собственности не

достигаетъ своихъ цѣлей, и принимаетъ въ разныхъ странахъ разныя формы.

Основаніемъ принципа частной собственности служитъ право производителей на то, чтó они производятъ собственнымъ трудомъ, но въ дѣйствительности мы видимъ, что люди пріобрѣтаютъ право собственности и на тѣ вещи, которыя произведены другими. Наше общество раздѣлено на капиталистовъ и рабочихъ;—послѣдніе производятъ все, но получаютъ лишь денежную плату, а весь продуктъ предоставляется капиталистамъ, которые нерѣдко не принимаютъ никакого участія въ трудѣ. Правда, что капиталистъ не можетъ ничего сдѣлать безъ работниковъ, но и работники тоже ничего не могутъ сдѣлать безъ капитала; отсюда выходитъ необходимость входить во взаимные договоры. Такимъ образомъ, изъ права лица на вещи, произведенныя имъ самимъ, вытекаетъ право лица на вещи, произведенныя другими, если эти вещи получаются по ихъ свободному согласію;—это право есть право пріобрѣтенія по договору. Для самаго упроченія правъ собственности въ нашемъ обществѣ за нимъ признали такъ-называемую «давность владѣнія». «По основной идеѣ собственности—объясняетъ Милль—все, что пріобрѣтено насиліемъ или обманомъ, или присвоено по незнанію, что право на него принадлежитъ кому-нибудь другому—все это не слѣдовало бы признавать собственностью; однако, съ другой стороны, безопасность законныхъ владѣльцевъ требуетъ, чтобы ихъ не безпокоили обвиненіями въ противозаконномъ пріобрѣтеніи, когда по давности времени свидѣтели должны были перемереть и потеряться изъ виду, и когда дѣйствительный характеръ сдѣлки не можетъ быть разъясненъ». Происхожденіе самой собственности было въ древности огромною несправедливостью, потому что она установилась путемъ войны и грабежа, причемъ люди, успѣвшіе собрать своимъ личнымъ, семейнымъ или родовымъ трудомъ первоначальный капиталъ, попадали въ полное рабство хищнаго завоевателя. Но странно было бы въ наше время заявлять претензіи на разныхъ Ксерксовъ, Аттилъ и Чингисхановъ. Теперь Милль признаетъ дѣйствительною несправедливостью въ отношеніяхъ между капиталистами и рабочими только одинъ фактъ наслѣдства: «люди—говоритъ онъ,—наслѣдовавшіе сбереженія другихъ, имѣютъ ничѣмъ незаслуженное преимущество надъ трудящимися людьми, не получившими ничего отъ своихъ предковъ». Милль предлагаетъ уничтожить эту несправедливость уничтоженіемъ права наслѣдства, независимаго отъ завѣщанія. Право завѣщанія или посмертнаго даренія входитъ въ составъ принципа частной собственно-

сти, и оно должно остаться неприкосновеннымъ; но незавѣщаннаго наслѣдства не должно быть, такъ какъ оно не истекаетъ изъ принципа собственности. Во всѣхъ образованныхъ государствахъ нашего времени собственность перестала уже имѣть родовой характеръ и стала чисто личною; поэтому и наслѣдственныя права должны измѣняться въ томъ же направленіи. Отличительною чертою нынѣшней цивилизаціи является расширеніе общественной дѣятельности лица и увеличеніе его общественныхъ связей, такъ что общественный интересъ становится для каждаго человѣка весьма важнымъ не только для общественныхъ цѣлей, но и для личныхъ. Поэтому Милль полагаетъ, что обществу нѣтъ никакой надобности заботиться о судьбахъ разныхъ родственниковъ богатыхъ людей, если послѣдніе ничего имъ не завѣщали. Милль признаетъ права только дѣтей, какъ законныхъ, такъ и незаконныхъ, но и имъ, если не было особаго завѣщанія, не должно достаться болѣе того, чѣмъ для нихъ дѣйствительно полезно. Дѣти имѣютъ право получить возможность къ хорошему устройству своей жизни, но родители не должны возбуждать въ нихъ излишнихъ ожиданій. Родитель обязанъ передъ обществомъ заботиться о томъ, чтобы его дитя становилось добрымъ и полезнымъ членомъ, а относительно дѣтей онъ долженъ доставить имъ, насколько можетъ, такое воспитаніе, такія занятія и средства, посредствомъ которыхъ они пріобрѣли бы возможность устраивать себѣ хорошую жизнь своимъ собственнымъ трудомъ. На это всѣ дѣти имѣютъ право, но дальше этого право дѣтей не должно идти: «никто не долженъ жаловаться, если средства на содержаніе жены и дѣтей принужденъ пріобрѣтать собственнымъ трудомъ». Все имущество, оставшееся незавѣщаннымъ никому, должно быть употреблено обществомъ отчасти на дѣтей умершаго, если они остались недовоспитанными, отчасти на общественную пользу.

Относительно поземельной собственности Милль держится тоже необычныхъ правилъ. Земля сама—не дѣло рукъ человѣческихъ, но почти всѣ цѣнныя качества ея—продуктъ труда. Чтобы побудить человѣка къ обработкѣ земли, нужно было дать ему вѣчное право на землю. Если землевладѣлецъ ни самъ, ни черезъ другихъ не производитъ никакихъ улучшеній на своей землѣ, то онъ долженъ, по справедливости, лишиться и своего права на землю: «ни въ одной здравой теоріи частной собственности—говоритъ Милль—никогда не предполагали, чтобы собственникъ земли былъ человѣкомъ, пользующимся своею землею лишь какъ синекурою». Общество имѣетъ столь сильную надобность въ хо-

рошей обработкѣ земли и исполненіи условій, соединенныхъ съ землевладѣніемъ, что не можетъ предоставлять это дѣло на произволъ сословія, именуемаго землевладѣльческимъ, если оно оказывается неспособнымъ къ исполненію своего дѣла. Законъ въ такихъ случаяхъ можетъ взять землю назадъ, заплативъ имъ продажную цѣнность земли: государство имѣетъ полное право распоряжаться поземельною собственностью сообразно съ требованіями общихъ интересовъ страны; оно можетъ поступить со всею землею такъ, какъ поступаетъ съ какимъ-нибудь участкомъ при проведеніи новой улицы или желѣзной дороги.

Милль находитъ, что поземельная собственность въ Англіи далеко не исполняетъ всѣхъ условій, оправдывающихъ съ экономической точки зрѣнія ея существованіе. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ былъ руководителемъ особаго агитаціоннаго общества, имѣвшаго цѣлью освободить англійское земледѣліе отъ стѣснительныхъ и несправедливыхъ законовъ, которые отдаютъ землю въ неумѣлыя или праздныя руки.

При системѣ частной собственности, дѣленіе продукта есть результатъ двухъ факторовъ: соперничества и обычая. Послѣдній господствуетъ въ огромномъ числѣ сдѣлокъ. Что касается до соперничества, оно развилось въ высшей степени только въ одной Англіи, хотя и тамъ до сихъ поръ есть еще нѣкоторые крѣпкіе обычаи. Въ Англіи же, вслѣдствіе соперничества и другихъ причинъ, устроилось и распредѣленіе продукта труда между тремя элементами производствъ, которые воплощены тамъ въ три различныя сословія: работниковъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Работники получаютъ рабочую плату, капиталисты—прибыль, а землевладѣльцы—ренту.

Рабочая плата, подъ вліяніемъ соперничества, опредѣляется спросомъ и предложеніемъ труда, или отношеніемъ между капиталомъ и населеніемъ. Подъ *населеніемъ* здѣсь слѣдуетъ разумѣть численность наемныхъ рабочихъ, а подъ *капиталомъ* одинъ оборотный капиталъ, да и то лишь ту часть его, которая затрачивается на прямую покупку труда; къ ней прибавляются еще всѣ суммы, которыя, не составляя части капитала, платятся за трудъ, напр. жалованье солдатамъ, домашней прислугѣ и всѣмъ другимъ непроизводительнымъ работникамъ. Но, вообще говоря, «фондъ рабочей платы» состоитъ почти весь изъ платы за производительный трудъ, и потому можно прямо говорить, что рабочая плата опредѣляется населеніемъ и капиталомъ. Рабочая плата можетъ подниматься не иначе, какъ чрезъ увеличеніе суммы всѣхъ фондовъ, употребляемыхъ на наемъ работниковъ, или чрезъ

уменьшеніе числа нанимающихся работниковъ; — она падаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда уменьшаются суммы, предназначенныя на плату за трудъ, или когда увеличивается число работниковъ, получающихъ плату. Рикардо опредѣлялъ *наименьшую* величину рабочей платы (минимумъ) согласно съ главною составною частью ея: пищею и ея дороговизною или дешевизною. Эта самая низкая плата даетъ населенію возможность не вымирать отъ голоду и не уменьшаться въ числѣ. Рикардо былъ увѣренъ, что общій уровень рабочей платы всегда стремится къ этому минимуму. Какъ гипотеза, выводъ Рикардо справедливъ, но въ дѣйствительной жизни онъ постоянно нарушается, такъ какъ въ обществѣ дѣйствуютъ не одни экономическія вліянія только, но также нравственныя и умственныя. Рикардо опредѣлялъ норму жизни рабочихъ однѣми физическими потребностями, но Милль убѣдился, что въ эту норму могутъ входить также нравственныя потребности.

На увѣренности въ томъ, что рабочіе могутъ удерживаться на болѣе высокой нормѣ жизни, Милль основываетъ свои планы на полное улучшеніе ихъ быта. Но повышеніе нормы рабочаго быта не можетъ совершиться безъ предварительной крупной реформы, которая могла бы произвести прочное измѣненіе въ привычкахъ и потребностяхъ работниковъ. Эта реформа должна измѣнить положеніе рабочихъ на многіе годы, хотя бы она послужила вмѣстѣ съ тѣмъ къ усиленному размноженію рабочихъ; пусть она создастъ цѣлое новое поколѣніе, съ дѣтства привыкшее къ болѣе удобной жизни. Привычки этого новаго поколѣнія въ вопросѣ собственнаго размноженія образуются тогда согласно съ высшимъ минимумомъ рабочей платы, и улучшеніе въ рабочемъ бытѣ станетъ непоколебимымъ. Такой случай былъ однажды—во Франціи послѣ революціи. Въ то время большинство крестьянскаго населенія во Франціи было внезапно переведено изъ нищеты къ независимости и сравнительному довольству, и хотя такое улучшеніе быта сопровождалось своимъ необходимымъ спутникомъ—размноженіемъ, однако новое поколѣніе все-таки выросло въ другихъ привычкахъ, такъ что теперь, когда Франція пользуется наивысшимъ благосостояніемъ, ежегодное число рожденій остается почти неподвижнымъ, а увеличеніе населенія идетъ крайне медленно. Для нынѣшней Англіи Милль тоже требовалъ мѣръ, необходимыхъ для истребленія крайней бѣдности на цѣлое поколѣніе, какъ истребила ее революція во Франціи. Милль требуетъ такихъ мѣръ потому, что безъ уничтоженія крайней бѣдности невозможно столь серьёзное образованіе народа, которое

могло бы измѣнить вредныя привычки работниковъ. Милль хочетъ сразу измѣнить и матеріальное положеніе рабочихъ, и ихъ умственныя способности, потому что новую, улучшенную норму своего быта рабочіе могутъ удержать лишь въ томъ случаѣ, когда они обладаютъ здравымъ смысломъ и становятся способными составлять здравое практическое сужденіе объ окружающихъ ихъ обстоятельствахъ. Только такое воспитаніе можетъ возбудить общественное мнѣніе къ порицанію невоздержности и непредусмотрительности всякаго рода, и въ особенности той непредусмотрительности, которая переполняетъ рабочій рынокъ. Главными мѣрами для спасенія рабочихъ изъ крайней бѣдности Милль считалъ (для Англіи) двѣ: веденіе на національныя деньги громаднаго выселенія рабочихъ въ колоніи и созданіе класса мелкихъ поземельныхъ собственниковъ на всей общинной землѣ, еще не пущенной въ обработку. Но англійскіе рабочіе сами создали огромное выселеніе въ Австралію и Соединенные Штаты и начали борьбу съ землевладѣніемъ посредствомъ широкой стачки. Самъ Милль, какъ мы сказали выше, агитировалъ противъ несправедливой организаціи великобританскаго землевладѣнія. Въ настоящее время злоупотребленія землевладѣльцевъ уже стали предметомъ англійскаго общественнаго мнѣнія и особенно политиковъ либеральной стороны британскаго парламента. Такимъ же предметомъ всеобщаго вниманія сталъ теперь вопросъ о широкомъ образованіи рабочихъ классовъ. Эти факты убѣждали Милля, что Англія можетъ выдти изъ кризиса, даже не прибѣгая къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Но эти же факты, такимъ образомъ, разрушаютъ опасенія Милля насчетъ чрезмѣрнаго размноженія рабочаго класса. Очевидно, что англійскіе рабочіе превосходно понимаютъ свое положеніе, но англійскіе законодатели еще далеко не исполнили свой долгъ относительно умственнаго образованія и матеріальнаго довольства рабочихъ.

Переходимъ къ прибыли. Она происходитъ оттого, что трудъ производитъ больше, чѣмъ нужно на его содержаніе во все время производства. По окончаніи производства капиталистъ получаетъ столько продуктовъ, что они вполнѣ вознаграждаютъ его за всѣ затраты на производство и даютъ еще излишекъ, который и есть прибыль. Отсюда выходитъ, что чѣмъ болѣе продуктовъ дастъ трудъ, тѣмъ больше будетъ прибыль. Общая прибыль страны, слѣдовательно, всегда опредѣляется производительною силою труда, все равно,—происходитъ ли въ обществѣ обмѣнъ или нѣтъ. Но выигрышъ капиталиста можетъ захватывать еще въ другую сторону, на счетъ рабочей платы въ смыслѣ *стоимости труда*

для капиталиста: чѣмъ меньше будетъ стоимость труда, тѣмъ больше будетъ прибыль. Между стоимостью труда и рабочею платою есть большая разница; подъ стоимостью труда разумѣется не только рабочая плата, какъ существенное (а не денежное) вознагражденіе, но также стоимость, по которой могутъ быть производимы или покупаемы вещи, составляющія это существенное вознагражденіе; наконецъ, третьимъ элементомъ стоимости труда считается его успѣшность. Отсюда выходитъ, что стоимость труда можетъ вліять на величину прибыли трояким образомъ. Она увеличиваетъ ее, если трудъ становится успѣшнѣе при одномъ и томъ же вознагражденіи,—или, если трудъ, оставаясь тѣмъ же, получаетъ меньшее вознагражденіе, при неизмѣнной стоимости вещей, составляющихъ вознагражденіе,—или, наконецъ, если стоимость этихъ вещей понизится, а рабочій станетъ получать все то же количество ихъ. Съ другой стороны, прибыль станетъ понижаться, если трудъ станетъ менѣе успѣшнымъ, или если рабочій станетъ получать высшее вознагражденіе, а вещи, составляющія вознагражденіе, не подешевѣютъ,—или, если рабочій останется при прежней рабочей платѣ, но вздорожаютъ вещи, ее составляющія.

Въ обществѣ наемнаго труда и обмѣна прибыль капиталиста заключаетъ въ себѣ три вознагражденія: за воздержаніе (*процентъ*), за рискъ (*страховая премія*) и за управленіе (*барышъ* предпринимателя). Подъ воздержаніемъ разумѣется право капиталиста на прибыль за то, что онъ пустилъ свой капиталъ въ производство, несмотря на то, что могъ бы растратить его на свои личныя потребности. Подъ рискомъ разумѣется право на прибыль за то, что капиталистъ самъ основываетъ производство, несмотря на то, что могъ бы отдать свой капиталъ подъ вѣрную ссуду. За управленіе капиталистъ беретъ себѣ вознагражденіе лишь въ томъ случаѣ, когда онъ самъ управляетъ своимъ предпріятіемъ. Наименьшею прибылью называется такая величина ея, которая какъ разъ удовлетворяетъ капиталистовъ, въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, за воздержаніе, рискъ и дѣятельность въ употребленіи своего капитала. Въ разныхъ обществахъ величина наименьшей прибыли бываетъ различною, смотря по силѣ дѣятельнаго стремленія къ накопленію, а также по степени безопасности собственности, и по степени привлекательности или непріятности предпріятія. Но если устранить изъ виду разныя причины неравенства въ общественномъ отношеніи, то можно сказать, что величина прибыли на капиталъ во всѣхъ занятіяхъ стремится къ равенству. Что касается до процента, онъ всегда

одинаковъ во всѣхъ занятіяхъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ въ данное время, если ему даютъ одинаковую вѣрность обезпеченія. Но относительно валовой прибыли этого нельзя сказать; правда, что она не представляетъ большой разницы въ разныхъ занятіяхъ, и бываетъ очень различною у разныхъ капиталистовъ, смотря по энергіи, бережливости, знанію и способностямъ этихъ людей; иногда въ дѣлѣ прибыли много значатъ личныя связи, и даже просто удача. Итакъ, нельзя сказать, что равные капиталы даютъ равную прибыль, но равные шансы на равную прибыль существуютъ въ дѣйствительности. Еслибы этого не было, еслибы въ одномъ дѣлѣ существовало больше шансовъ на высокую прибыль, чѣмъ въ другомъ, то всѣ капиталисты, занимавшіеся послѣднимъ дѣломъ, перенесли бы свой капиталъ въ первое. Такъ всегда дѣлается: къ невыгодному дѣлу никто не идетъ. Чтобы всѣ дѣла въ обществѣ шли вмѣстѣ и совершались единовременно, нужно чтобы во всѣхъ дѣлахъ были равные шансы на равную прибыль. И въ самомъ дѣлѣ, шансы прибыли въ различныхъ занятіяхъ стремятся къ общей средней величинѣ, хотя вообще колеблются около нея то въ ту, то въ другую сторону.

Намъ остается еще опредѣлить *ренту*. Ее платитъ фермеръ (капиталистъ) землевладѣльцу въ вознагражденіе за пользованіе землею; она есть слѣдствіе естественной монополіи: ограниченности земли. Земля, какъ даръ природы, не требуетъ ни труда, ни издержекъ для своего существованія, но, сдѣлавшись собственностью многихъ людей, она пріобрѣтаетъ при соперничествѣ владѣльцевъ цѣну всякій разъ, когда существуетъ въ количествѣ, неудовлетворяющемъ спросу. Но въ настоящее время нѣтъ еще нигдѣ ни одной страны, въ которой нужды населенія требовали бы обработки всей земли; оттого-то вездѣ существуетъ такая земля, которая не даетъ никакой ренты. Самая худшая земля, какую станетъ обработывать капиталистъ, будетъ та, которая, за вычетомъ сѣмянъ, не только кормитъ земледѣльческихъ работниковъ, но и даетъ имъ рабочую плату, иногда такого размѣра, что ею съ большимъ избыткомъ покрываются всѣ необходимыя потребности жизни, и, сверхъ того, оставляетъ фермеру, доставившему плату рабочимъ, избытокъ, равный прибыли, какую могъ бы онъ получить во всякомъ другомъ предпріятіи. Ренты эта земля не приноситъ, но она можетъ служить нормой для опредѣленія величины ренты, даваемой другими, лучшими участками земли. Насколько доходъ каждаго лучшаго участка превосходитъ доходъ съ нормальной самой худшей земли, именно столько ренты даетъ этотъ лучшій участокъ. Соперничество,

уравнивающее прибыли разныхъ капиталовъ, заставляетъ фермеровъ отдавать ренту землевладѣльцамъ. Причина ренты, какъ мы видимъ, заключается въ необходимости воздѣлывать худшую землю, по недостаточности лучшей земли для прокормленія возрастающаго населенія. Впрочемъ, даже еслибъ всѣ земли были одинаково плодородны, земли, ближайшія къ рынку, приносили бы ренту соотвѣтственно уменьшенію издержекъ перевозки.

Если сравнить ренту съ рабочею платою и прибылью, мы увидимъ, что между нею и ими нѣтъ ничего общаго; ей нѣтъ мѣста ни въ издержкахъ производства, ни въ затратахъ капиталиста. Фермеръ платитъ ренту только за то, что пользуется землею какъ орудіемъ, какъ необходимою машиною для своего предпріятія.

Въ обществѣ, гдѣ распредѣляющею силою является соперничество, вопросъ о цѣнности вещей ставится основнымъ вопросомъ, если промышленная система въ этомъ обществѣ вполнѣ основана на покупкѣ и продажѣ, — если предполагаютъ, что люди стараются тамъ покупать возможно дешевле и продавать возможно дороже. Изъ современныхъ государствъ всего ближе къ этому общественному типу подходитъ Англія.

Цѣнность вещи бываетъ внутренняя и внѣшняя. Первою обозначается полезность вещи вообще; вторая, называемая также мѣновою, изображаетъ покупательную силу вещи, то-есть власть, которую она даетъ своему владѣльцу надъ продажными товарами вообще. Подъ этою властью слѣдуетъ разумѣть возможность обмѣнивать вещь на другія вещи. Цѣнность (мѣновая)—выраженіе относительное. Цѣнность вещи — значитъ количество какой-либо другой вещи или вещей вообще, получаемое за нее въ обмѣнъ. Цѣнности всѣхъ вещей, поэтому, не могутъ ни возвышаться, ни падать всѣ единовременно. Общее возвышеніе или общее паденіе цѣнностей есть не что иное, какъ словесное противорѣчіе, такъ какъ каждое возвышеніе одной цѣнности предполагаетъ паденіе другой. Другое дѣло бываетъ съ цѣнностью вещей на деньги или съ *цѣною* вещи. Общее возвышеніе цѣнъ—явленіе возможное и обычное: оно происходитъ всякій разъ, когда дешевѣютъ деньги; тогда всѣ другіе товары поднимаются въ цѣнѣ.

Вещь становится цѣнностью (мѣновою), если она на что-нибудь полезна, приводитъ къ какой-нибудь цѣли или удовлетворяетъ какому-нибудь желанію, и если она получается не безъ нѣкотораго затрудненія. Полезность вещи, признаваемая покупателемъ, есть крайній предѣлъ мѣновой цѣнности. Трудность полу-

ченія предмета, опредѣляющая его цѣнность, не всегда бываетъ одинаковою: есть вещи, количество которыхъ физически невозможно увеличить свыше извѣстныхъ узкихъ предѣловъ (предметы искусства, рѣдкія книги, и антикварскія вещи вообще); есть другія вещи, гдѣ трудность полученія состоитъ лишь въ трудѣ и расходѣ, необходимыхъ для производства этихъ вещей; при достаточномъ трудѣ и расходѣ количество такихъ вещей можетъ увеличиваться почти безгранично (сюда принадлежатъ всѣ фабричные товары и т. п.); есть, наконецъ, третій разрядъ товаровъ, количество которыхъ можетъ увеличиваться до неопредѣленныхъ размѣровъ посредствомъ труда и расхода, но непремѣнно съ постепеннымъ возрастаніемъ труда и расхода (земледѣльческіе продукты).

Цѣнность товаровъ перваго разряда, количество которыхъ ограничено безусловно, опредѣляется уравненіемъ спроса съ предложеніемъ, поднимаясь при возвышеніи спроса и падая при возвышеніи предложенія. Подъ предложеніемъ товара разумѣется количество товара, предлагаемаго на продажу, а подъ спросомъ товара желаніе имѣть его, соединенное съ средствами купить. Но спросъ измѣняется вмѣстѣ съ цѣнностью товара, увеличиваясь при дешевизнѣ и уменьшаясь при дороговизнѣ его, а цѣнность всегда приспособляется такъ, что спросъ становится равнымъ предложенію. При возрастаніи спроса цѣнность поднимается, при уменьшеніи его — падаетъ; при уменьшеніи предложенія, цѣнность поднимается, при увеличеніи его — падаетъ; она продолжаетъ подниматься и падать до той степени, на которой спросъ и предложеніе снова становятся равны. Такимъ образомъ, цѣнность товара перваго разряда есть та цѣнность, которая даетъ на своемъ рынкѣ спросъ, вполнѣ соотвѣтствующій существующему или ожидаемому предложенію. Это цѣнность временная, рыночная. — Товаровъ перваго разряда мало; но товары другихъ разрядовъ подходятъ подъ тотъ же законъ цѣнности, всякій разъ когда ихъ предложеніе ограничиваютъ искусственнымъ образомъ (чтó и дѣлается всегда на рынкѣ); это будетъ *монопольная цѣнность*. Каждый товаръ, и самъ *трудъ*, какъ товаръ, могутъ попадать на нѣкоторое время въ такое же положеніе; иные товары бываютъ въ немъ періодически, напримѣръ, земледѣльческій продуктъ, такъ какъ онъ не можетъ быть увеличенъ до слѣдующей жатвы.

Цѣнность товаровъ второго разряда, количество которыхъ можетъ увеличиваться почти безгранично, должна имѣть извѣстный минимумъ для поощренія капиталистовъ къ безостановочному

производству. Эта наименьшая цѣнность должна, по крайней мѣрѣ, уплачивать стоимость производства товара съ прибавленіемъ обыкновенной прибыли: капиталисть не станетъ производить въ убытокъ и всегда требуетъ такой прибыли, какая необходима ему для жизни. Мы имѣемъ теперь дѣло съ товарами, предложеніе которыхъ можетъ быть безгранично; поэтому наименьшая стоимость ихъ производства можетъ, при полномъ соперничествѣ, стать ихъ наивысшею цѣнностью на рынкѣ. Итакъ, всѣ товары этого рода стремятся обмѣниваться другъ на друга по такимъ цѣнностямъ, которыя оплачиваютъ производителямъ стоимость производства съ обыкновенною прибылью, то-есть даютъ имъ одинаковый процентъ на расходы производства. При равномъ расходѣ, то-есть при равной стоимости производства, и прибыль становится равною, когда вещи въ среднемъ выводѣ мѣняются другъ на друга пропорціонально стоимости своего производства. Цѣнность предмета, пропорціональная стоимости его производства, называется естественною цѣнностью; товары второго разряда имѣютъ, слѣдовательно, естественную цѣнность. Въ товарахъ перваго разряда естественная цѣнность примѣняется лишь къ тѣмъ изъ нихъ, которые производятся промышленностью; у остальныхъ главную роль играетъ уравненіе спроса съ предложеніемъ; въ товарахъ же второго разряда (и третьяго) само уравненіе опредѣляется цѣнностью: ниже стоимости производства цѣнность не должна опускаться. Естественною цѣнностью нѣкоторыхъ вещей бываетъ цѣнность недостачи, то-есть цѣнность, получающаяся вслѣдствіе невозможности увеличивать ихъ предложеніе или доводить предложеніе до покрытія спроса. Монопольныя цѣнности — тоже цѣнности недостачи: тоже происходятъ отъ ограниченія предложенія.

Стоимость производства состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ, между которыми одни постоянны и всеобщи, а другіе—случайны. Всеобщими элементами стоимости производства служатъ рабочая плата за трудъ и прибыль на капиталъ. Случайные элементы, это—налоги и всякая лишняя стоимость, обусловливаемая цѣнностью недостачи нѣкоторыхъ потребностей производства. Если оставить въ сторонѣ случайные элементы, то товары станутъ обмѣниваться другъ на друга по сравнительному количеству рабочей платы, необходимой для употребленія на ихъ производство, и по сравнительному количеству прибыли, необходимой для капиталиста, уплачивающаго рабочимъ. Два предмета будутъ въ среднемъ выводѣ обмѣниваться другъ на друга, если они производятся однимъ и тѣмъ же количествомъ труда, оплачиваемаго одинаково, и если рабочая плата затрачивается на одинаковое

время, а само занятіе не требуетъ постоянной разницы въ процентѣ прибыли. Въ другомъ случаѣ, когда въ среднемъ числѣ одинъ предметъ становится по своей цѣнности выше другого; причина такого явленія должна заключаться въ томъ, что на его производство требуется больше труда или труда болѣе дорогого, или болѣе продолжительный срокъ, на который затрачивается капиталъ, или, наконецъ, болѣе высокій процентъ прибыли для вознагражденія капиталиста за какое-нибудь обстоятельство, присущее производству только этой вещи.

Намъ остается еще опредѣлить цѣнность товаровъ третьяго разряда, количество которыхъ всегда можетъ быть увеличено трудомъ и капиталомъ, но не однимъ и тѣмъ же количествомъ труда и капитала; извѣстное количество этихъ товаровъ можетъ быть произведено по данной стоимости, но прибавка къ этому количеству производится не безъ прибавки къ данной стоимости. Извѣстно, что въ земледѣліи удвоеніе труда не удвоиваетъ продукта; поэтому понятно, что прибавка къ прежнему снабженію пищею должна получиться по бóльшей стоимости, чѣмъ прежнее снабженіе. Такимъ образомъ равныя части снабженія будутъ имѣть разныя стоимости производства. Если производство какой-нибудь, хотя бы самой жалкой, части снабженія требуетъ себѣ необходимымъ условіемъ извѣстную цѣну на пищу, то та же цѣна будетъ получаться и за все остальное снабженіе. Отсюда выходитъ, что цѣнность подобныхъ товаровъ должна опредѣляться стоимостью той части снабженія, которая произведена и доставлена на рынокъ съ наибольшимъ расходомъ. Если часть продукта, произведенная въ наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, пріобрѣтаетъ цѣнность, пропорціональную стоимости своего производства, то всѣ части, произведенныя въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, продаваясь по той же цѣнности, пріобрѣтаютъ цѣнность болѣе, чѣмъ пропорціональную стоимости своего производства. Собственники этихъ частей получаютъ, слѣдовательно, излишнюю прибыль, которую землевладѣлецъ можетъ взять себѣ какъ ренту за пользованіе лучшею землею. Вслѣдствіе соперничества капиталистовъ она и уходитъ въ руки землевладѣльца. Въ стоимости производства земледѣльческаго продукта рента, слѣдовательно, не участвуетъ; она только уравниваетъ прибыль съ разныхъ воздѣлывающихъ землю капиталовъ, давая землевладѣльцу возможность брать себѣ у фермера всю лишнюю выгоду, происходящую отъ выгоднѣйшихъ естественныхъ условій.— Законъ ренты правиленъ не только относительно земледѣлія, но относительно всякаго производства при условіяхъ естественной

монополіи; такими монополіями служатъ рудники, рыбныя ловли, земля подъ разными строеніями, всѣ промышленныя привилегіи и т. п.

До сихъ поръ мы разсматривали всѣ основныя положенія теоріи цѣнности вещей или товаровъ, нисколько не предполагая, что мы живемъ въ обществѣ, гдѣ существуетъ цѣлый громадный классъ людей, которые живутъ на счетъ повышенія цѣнностей и цѣнъ: это торговцы, спекулянты и вообще денежные люди. Спекуляція, главнымъ образомъ, обусловливается такъ-называемымъ кредитомъ, но для уясненія значенія кредита необходимо сперва познакомиться съ ролью денегъ въ обществѣ.

Деньги, какъ монета, это особенный товаръ, служащій орудіемъ мѣны. Мѣна, впрочемъ, могла бы происходить и безъ нихъ, хотя не такъ быстро и удобно. Цѣнность денегъ опредѣляется, подобно цѣнности другихъ товаровъ: временнымъ образомъ—по уравненію спроса съ предложеніемъ, и постоянно или среднимъ числомъ—по стоимости производства. Предложеніе денегъ—это вся сумма денегъ, находящаяся въ обращеніи въ данное время, а спросъ на деньги состоитъ изъ всѣхъ товаровъ, предлагаемыхъ на продажу. Деньги и товары стремятся къ взаимному обмѣну и служатъ другъ другу спросомъ и предложеніемъ. Вся сумма товаровъ всегда обмѣнивается за всю сумму денегъ, являющуюся на рынокъ, и товары, поэтому, продаются за количество денегъ, увеличивающееся или уменьшающееся въ той пропорціи, въ какой измѣняется сумма денегъ, находящаяся на рынкѣ. Чѣмъ больше денегъ будетъ на рынкѣ, тѣмъ выше будутъ цѣны товаровъ; и наоборотъ: цѣнность денегъ измѣняется обратно пропорціонально ихъ количеству. Такъ какъ деньги, переходя изъ рукъ въ руки, дѣлаютъ свое дѣло много разъ, то цѣнность ихъ должна опредѣляться не только количествомъ ихъ, но еще среднею цифрою разъ, сколько каждая монета переходитъ изъ рукъ въ руки, во время обмѣна товаровъ на деньги. Цѣнность денегъ, поэтому, будетъ обратно пропорціональна количеству ихъ, помноженному на такъ-называемую *быстроту ихъ обращенія*, а количество обращающихся денегъ равно денежной цѣнности всѣхъ проданныхъ товаровъ, раздѣленной на цифру, обозначающую быстроту обращенія денегъ. Но и у денегъ, какъ у другихъ товаровъ, цѣнность, въ концѣ-концовъ, опредѣляется не уравненіемъ спроса и предложенія, а стоимостью производства. Цѣнность денегъ такимъ образомъ становится цѣнностью металла въ монетѣ плюсъ стоимость чеканки.

Въ современномъ обществѣ деньги весьма часто замѣняются

кредитомъ, который исполняетъ затѣмъ всѣ ихъ отправленія. Кредитъ есть не что иное, какъ разрѣшеніе одному лицу пользоваться денежнымъ капиталомъ другого. Однако, изъ того факта, что посредствомъ кредита капиталъ только переносится въ другія руки, можно все-таки заключить, что онъ переносится въ руки, болѣе способныя къ дѣятельному употребленію его на производства. Не будь кредита, масса денегъ лежала бы безъ всякаго употребленія или растрачивалась бы на непроизводительные расходы; съ другой стороны, масса способныхъ людей, обладающихъ дѣловыми свѣдѣніями, оставалась бы безъ всякаго дѣла потому только, что у нихъ нѣтъ денегъ. Кредитъ, такимъ образомъ, способствуетъ развитію промышленнаго элемента въ странѣ и вызываетъ весь капиталъ страны къ наибольшему занятію производствомъ. Но кредитъ можетъ приносить и вредъ странѣ, если его даютъ непроизводительнымъ потребителямъ. Отъ этого страдаетъ рабочій классъ, такъ какъ непроизводительное потребленіе, отклоняя капиталъ отъ производства, сокращаетъ спросъ на трудъ.

Вліяніе кредита не ограничивается производствомъ; кредитъ вліяетъ также на цѣны, какъ покупательная сила. Человѣкъ, пользующійся кредитомъ, создаетъ такой же спросъ на товары и поднимаетъ цѣны, какъ-будто покупаетъ на наличныя деньги. Кредитъ бываетъ въ четырехъ формахъ: на счетъ, въ книгу, какъ коммерческій вексель, какъ долговыя росписки, и какъ квитанціи или чеки. Но всѣ эти формы сами по себѣ не дѣйствуютъ на цѣны товаровъ, — дѣйствуетъ на цѣны только самъ кредитъ, хотя бы онъ не порождалъ никакихъ передаточныхъ документовъ. Количество покупательной силы, какое можетъ обнаруживать человѣкъ, состоитъ изъ всѣхъ его денегъ и тѣхъ, которыя онъ далъ взаймы другимъ, и изъ всего его кредита. Когда онъ идетъ на спекуляцію, онъ пускаетъ въ ходъ всѣ свои наличныя деньги и старается взять отъ производителей товара такое количество его, какое могутъ они дать, по ихъ мнѣнію объ его средствахъ. Такимъ образомъ спекулянтъ создаетъ спросъ на товаръ на всю сумму своихъ денегъ и кредита, и пропорціонально имъ поднимаетъ цѣну. Дѣйствовалъ ли онъ при этомъ посредствомъ какихъ-нибудь формъ кредита, или безъ всякихъ документовъ, фактъ повышенія цѣны все равно произошелъ бы.

Наклонность коммерческой публики къ увеличенію своего спроса на товары опредѣляется величиною прибыли, какую она ожидаетъ отъ возвышенія цѣнъ. Какъ только составится среди нея мнѣніе, что цѣна извѣстнаго товара поднимется, и тотчасъ

торговцы начинаютъ увеличивать свои запасы въ видахъ наживы на счетъ ожидаемаго возвышенія цѣны. Но уже одно устройство запасовъ, увеличивая спросъ, вызываетъ возвышеніе цѣны, хотя постепенное, но иногда значительное. Явленіе становится привлекательнымъ, и спекулянты все болѣе и болѣе увлекаются и продолжаютъ свои покупки. Цѣна идетъ еще выше, и наконецъ эти покупки увеличиваются до того, что превышаютъ первоначальный разсчетъ, который вызвалъ всю спекуляцію. Тутъ цѣна перестаетъ подниматься и всѣ спекулянты торопятся продавать. Цѣна падаетъ, и падаетъ быстрѣе, чѣмъ поднималась. Люди, купившіе дороже, и люди, не успѣвшіе продать свои запасы, платятся за всѣхъ другихъ. Кредитъ распространяетъ эти спекуляціи на всѣ товары, и можно себѣ представить такой эпидемическій припадокъ спекулятивной игры, въ которомъ всѣ торговцы, вмѣсто того, чтобы дѣлать лишь обычные свои заказы фабрикантамъ и сельскимъ хозяевамъ, начинаютъ покупать весь товаръ, какой только могутъ достать, на всю сумму своихъ денегъ и кредита. Тогда всѣ цѣны громадно поднимутся и потомъ также чрезмѣрно упадутъ, и произойдетъ явленіе, называемое коммерческимъ кризисомъ, къ которому часто присоединяется паническій страхъ: деньги занимаются тогда на короткіе сроки, по какимъ угодно процентамъ, а товары продаются за немедленную уплату, по какимъ угодно дешевымъ цѣнамъ. Причиною упадка цѣнъ въ концѣ спекуляціи, какъ и причиною повышенія ихъ въ началѣ спекуляціи бываетъ, разумѣется, не что иное, какъ положеніе кредита, который въ первой половинѣ спекуляціи раздавался легко и безпрепятственно, а во второй почти совершенно прекращается. Разумѣется, не всѣ спекуляціи оканчиваются столь дурно, но Милль замѣтилъ, что съ теченіемъ времени число кризисовъ все увеличивается: онъ приписываетъ это увеличеніе тому обстоятельству, что съ расширеніемъ производства въ богатыхъ странахъ капиталъ получаетъ все меньшую прибыль. Малая прибыль отвращаетъ капиталистовъ отъ производства и тянетъ ихъ въ игру на безразсудное повышеніе цѣнъ.

Кромѣ кредита, есть еще нѣсколько экономическихъ явленій, обусловливаемыхъ фактомъ существованія денегъ, но мы пройдемъ ихъ мимо, такъ какъ всѣ эти явленія имѣютъ особенную важность лишь въ объясненіи разныхъ видовъ торговли и торговыхъ или кредитныхъ учрежденій, но не проливаютъ свѣта на коренныя основы общественной жизни. Теперь мы замѣтимъ только, что механизмъ обмѣна и денегъ ничего не измѣняетъ въ законахъ распредѣленія продукта между рабочими, капиталистами

и землевладѣльцами. Вся особенность этого распредѣленія заключается лишь въ томъ, что главнымъ распредѣлителемъ здѣсь является капиталистъ, который выплачиваетъ деньгами двумъ другимъ участникамъ производствъ рыночную цѣнность ихъ труда и ренты. Что касается до рабочей платы, подъ нею слѣдуетъ разумѣть здѣсь получаемое рабочими количество вещей, необходимыхъ или пріятныхъ имъ по природѣ или привычкѣ; это рабочая плата натурою; ея величиною опредѣляется благосостояніе работника. Но на рабочую плату можно еще смотрѣть съ точки зрѣнія платящаго; это будетъ денежная рабочая плата, которая можетъ служить точною мѣрою *стоимости труда*, если стоимость самихъ денегъ не подвергается колебаніямъ. Въ денежной рабочей платѣ есть два элемента: плата натурою и денежныя цѣны предметовъ, составляющихъ эту плату. Пища и другіе земледѣльческіе продукты составляютъ главную статью въ денежной платѣ. Мѣновая цѣнность и денежная цѣна пищи, опредѣляется, какъ мы видѣли, стоимостью ея производства на землѣ наименѣе плодородной; слѣдовательно, денежная рабочая плата зависитъ отъ производительности наименѣе плодородной земли или наименѣе производительнаго земледѣльческаго капитала. Размноженіе рабочихъ заставляетъ хлѣбопашество опускаться все ниже, но это пониженіе задерживается успѣхами земледѣльческой науки и практики, а точнымъ выраженіемъ этой борьбы служитъ стоимость самой дорогой части земледѣльческихъ продуктовъ. Спросъ возрастающаго населенія на увеличеніе количества пищи обыкновенно поднимаетъ ея цѣнность и цѣну настолько, чтобы на прибавочную затрату капитала приходилась обыкновенная прибыль. Получится ли требуемое добавочное количество пищи съ новой земли, или посредствомъ новаго расхода на старую землю, во всякомъ случаѣ ренты тутъ не будетъ. Но на всѣхъ лучшихъ земляхъ прибыль поднимется вслѣдствіе повышенія средней цѣны земледѣльческаго продукта; этотъ излишекъ прибыли, какъ мы знаемъ, есть рента. Итакъ, ни обмѣнъ, ни деньги нисколько не измѣняютъ законовъ ренты. Но если обмѣнъ и деньги не измѣняютъ законовъ рабочей платы и ренты, то, разумѣется, и законы прибыли остаются въ нихъ тѣ же. Прибыль опредѣляется стоимостью труда; онѣ измѣняются обратно пропорціонально другъ другу. Стоимость труда—это денежная рабочая плата; она увеличивается или чрезъ возрастаніе платы натурою, или (при размноженіи рабочихъ) чрезъ повышеніе стоимости производства, или цѣнности и цѣны главныхъ предметовъ потребленія рабочихъ людей. Въ обоихъ случаяхъ прибыль падаетъ...

Здѣсь мы заключаемъ нашъ обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ законовъ и фактовъ современнаго экономическаго порядка, и здѣсь же становится передъ учеными экономистами вопросъ: указываютъ ли эти законы на возможность такихъ будущихъ улучшеній и преобразованій въ экономической жизни цивилизованныхъ обществъ, которыя могли бы разлить матеріальное благосостояніе во всей массѣ его членовъ и устранить то неравенство въ распредѣленіи труда и капитала, которымъ столь сильно страдаютъ громадныя массы людей въ наше время. Миллю не нравится общественное устройство современной жизни. «Признаюсь— говоритъ онъ,—меня не очаровываетъ идеалъ жизни, представляемый писателями, думающими, что нормальное состояніе человѣка—борьба для своего повышенія; что толкаться, карабкаться, расталкивать толпу локтями, ступить другъ другу на ноги, что этотъ нынѣшній типъ общественной жизни—прекраснѣйшая для людей участь, а не непріятный симптомъ одного изъ фазисовъ общественнаго прогресса. Это можетъ быть необходимый фазисъ въ процессѣ цивилизаціи, и тѣ европейскія націи, которыя были такъ счастливы, что доселѣ не были въ этомъ фазисѣ, могутъ еще вступить въ него. Онъ есть признакъ возвышенія, а не упадка, потому что онъ не заключаетъ въ себѣ необходимо ничего разрушительнаго для высшихъ стремленій и героическихъ добродѣтелей, какъ это доказала міру Америка, во время своей междоусобной войны, своимъ поведеніемъ какъ нація, и многими блестящими личными примѣрами. Филантропъ не почувствуетъ особенно жаркаго желанія трудиться для осуществленія общественнаго идеала такого рода. Конечно, слѣдуетъ, чтобы дорога къ богатству была, безъ всякихъ привилегій и пристрастій, открыта для всѣхъ, пока богатство есть могущество, и богатѣть какъ можно больше служитъ признакомъ всеобщаго честолюбія. Но самое лучшее для человѣческой натуры состояніе то, въ которомъ никто не бѣденъ, никто не желаетъ стать богаче и не имѣетъ причинъ опасаться, что будетъ оттолкнутъ назадъ усиліями другихъ пробиться впередъ» [1]).

Нынѣшній промышленный прогрессъ, особенно въ богатыхъ странахъ, представляетъ замѣчательное явленіе. При внимательномъ изученіи всѣхъ его сторонъ согласно съ законами политической экономіи, Милль пришелъ къ тому результату, что экономическій прогрессъ общества, состоящаго изъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и работниковъ, ведетъ ни къ чему иному, какъ

---

1) „Основанія политической экономіи". Второе полное изданіе. Т. II, стр. 282—283.

къ прогрессивному «обогащенію землевладѣльцевъ, между тѣмъ какъ стоимость продовольствія работниковъ стремится вообще къ возвышенію, а прибыль—къ паденію». Нужно замѣтить, что здѣсь подъ землевладѣльцами разумѣются не собственники-работники, а собственники-владѣльцы,—тѣ самые собственники, которые берутъ себѣ ренту просто за то, что отдаютъ свою землю въ пользованіе капиталистамъ-фермерамъ. Посмотримъ, какъ это происходитъ.

Промышленный прогрессъ, какъ показываютъ законы производства, зависитъ отъ всевозможныхъ усовершенствованій въ примѣненіи труда къ извлеченію богатства изъ предметовъ природы, и отъ самого количества и качества труда въ обществѣ. Населеніе и капиталъ—вотъ тѣ два фактора, которыми пріобрѣтаются всѣ успѣхи въ накопленіи богатства, а самый процессъ накопленія богатства заключается въ уменьшеніи стоимости производства. Такое уменьшеніе дѣйствительно происходитъ вслѣдствіе постояннаго и почти безграничнаго возрастанія власти человѣка надъ природою, а также отъ увеличенія сношеній между разными частями земного шара и отъ перемѣщенія труда и капитала въ незанятыя части разныхъ странъ свѣта. Очень много значитъ въ промышленномъ прогрессѣ постоянное возрастаніе безопасности лица и имущества, такъ какъ подобная безопасность развиваетъ въ людяхъ трудолюбіе, бережливость и взаимное довѣріе, а взаимное довѣріе пріучаетъ людей къ общему дѣйствованію, которое обнаруживается въ акціонерныхъ обществахъ, въ кооперадіяхъ и ассоціаціяхъ всякаго рода.

Но есть въ современномъ обществѣ много условій, противодѣйствующихъ уменьшенію стоимости производства. Изъ всѣхъ этихъ условій, впрочемъ, только одно грозитъ человѣчеству разными бѣдами, это—производство пищи и матеріаловъ, изъ земли извлекаемыхъ. Но и оно можетъ не мѣшать развитію матеріальнаго благосостоянія, если размноженіе людей войдетъ въ свои естественные предѣлы, а земледѣльческія улучшенія дойдутъ до своего совершенства. Милля весьма тревожитъ тотъ фактъ, что при нынѣшнемъ устройствѣ земледѣльческаго дѣла во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ существуетъ стремленіе къ постоянному возрастанію въ стоимости производства пищи. Исторія земледѣлія или успѣховъ хлѣбопашества убѣждаетъ его въ томъ, что земледѣліе можетъ двигаться впередъ лишь крайне медленнымъ шагомъ, а изъ законовъ политической экономіи выходитъ, что всякое добавочное количество хлѣба и земледѣльческихъ продуктовъ пріобрѣтается непремѣнно все съ бо́льшимъ трудомъ, и что

земледѣліе не распространяетъ своей дѣятельности иначе, какъ подъ побуждающимъ вліяніемъ возвышенія цѣны или цѣнности хлѣба. Такъ какъ послѣднее явленіе обусловливается возрастаніемъ спроса на пищу, а возрастаніе этого спроса размноженіемъ самаго населенія, то вотъ Милль и хлопочетъ о томъ, чтобы рабочіе сдерживали свое размноженіе. Его идеаломъ въ этомъ отношеніи служатъ французскіе крестьяне-собственники, которые дѣйствительно, со временъ революціи, почти перестали возрастать въ числѣ. Милль много старался о томъ, чтобъ и въ Англіи, и въ особенности въ Ирландіи, было заведено и упрочено крестьянское землевладѣніе. Правда, что послѣ длинныхъ разсужденій о прекрасныхъ качествахъ мелкаго крестьянскаго землевладѣнія (цѣлыя двѣ главы въ книгѣ о распредѣленіи), онъ въ концѣ-концовъ самъ признается, что «народъ, однажды принявшій систему производства въ большомъ размѣрѣ,—фабричнаго ли, или земледѣльческаго, все равно—едва ли отступитъ отъ нея; и что трудъ безспорно производительнѣе бываетъ при системѣ обширныхъ промышленныхъ предпріятій, и продукта получается отъ нихъ больше если не по абсолютной суммѣ, то по пропорціи къ употребленному на него труду». И тутъ же онъ еще прибавляетъ: «равное число лицъ можетъ содержаться тутъ въ равномъ благосостояніи съ меньшимъ трудомъ и бóльшимъ досугомъ» [1]). Изъ этихъ объясненій самого Милля видно, что если онъ защищалъ мелкое крестьянское землевладѣніе, то исключительно въ видахъ временнаго задержанія размноженія рабочихъ. Но отчего Милль не обратилъ своего вниманія на другую сторону дѣла: на нынѣшнее состояніе земледѣлія, и не поискалъ причинъ дороговизны пищи именно въ этомъ фактѣ? Въ разныхъ частяхъ своей книги онъ отлично указываетъ на злоупотребленія правомъ поземельной собственности, но когда ему приходится говорить о значеніи земледѣльческаго знанія въ практическомъ отношеніи, онъ говоритъ о немъ такъ, какъ будто не только наука, но и практика все уже сдѣлали въ этомъ отношеніи. Миллю, какъ видно, остались неизвѣстными всѣ открытія Либиха въ земледѣльческомъ дѣлѣ, а между тѣмъ эти открытія окончательно и рѣшительно осудили всѣ прежніе способы земледѣлія, которые вели прежде и ведутъ теперь къ истощенію почвы, и если она окончательно не истощена вездѣ, гдѣ ее обработывали, то лишь благодаря тому ея естественному свойству, что на питаніе растеній она уступаетъ вещества, содержащіяся въ ея составѣ,

---

[1]) „Основ. полит. эк.“. Книга IV гл. VII, § 4.

лишь весьма медленно и постепенно. Отъ открытій Либиха можно ожидать громадныхъ улучшеній въ земледѣліи, еслибъ только земледѣльческія знанія могли быстро распространяться въ земледѣльческой промышленности. Между тѣмъ, во всемъ цивилизованномъ мірѣ, именно земледѣльческое населеніе отличается крайнимъ невѣжествомъ, а землевладѣльческое крайнею безпечностью. Самъ Милль говоритъ, что еслибъ земледѣльческія улучшенія происходили въ обширныхъ размѣрахъ, то онѣ понизили бы цѣны и цѣнности земледѣльческихъ произведеній. Но при этомъ пониженіи понизилась бы и рента. Ясно, слѣдовательно, что выгода землевладѣльцевъ всегда бываетъ противна быстрому и всеобщему введенію земледѣльческихъ улучшеній. Что же касается до медленныхъ и ограниченныхъ улучшеній,—они увеличиваютъ количество продуктовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда поднимается рента, нисколько не удешевляя пищи, а только препятствуя ей дорожать. А такъ какъ земледѣльческія улучшенія до сихъ поръ происходили лишь медленно и въ небольшихъ размѣрахъ отдѣльныхъ хозяйствъ, то понятно, что землевладѣльцы не терпѣли никогда пониженія ренты, которая, напротивъ, постепенно повышалась по мѣрѣ размноженія населенія и возраставшаго параллельно съ этимъ размноженіемъ спроса на пищу. Землевладѣлецъ оказывается, такимъ образомъ, обезпеченнымъ въ своей выгодѣ во всѣхъ отношеніяхъ.

Не то происходитъ съ рабочею платою и прибылью. Здѣсь можетъ быть четыре разныхъ случая: 1) когда населеніе можетъ возрастать при неподвижности капитала и промышленнаго совершенствованія; 2) когда капиталъ можетъ возрастать при неподвижности населенія и промышленнаго совершенствованія; 3) когда при неподвижности промышленнаго совершенствованія возрастаютъ и капиталъ и населеніе; и 4) когда при неподвижности капитала и населенія вдругъ произведено промышленное улучшеніе.

Въ первомъ случаѣ, когда возрастаетъ населеніе, а капиталъ и совершенствованіе неподвижны, — рабочая плата должна падать, а процентъ прибыли возрастать; размноженіе, сверхъ того, потребуетъ бо́льшаго количества пищи, причемъ поднимется мѣновая цѣна хлѣба, и земледѣліе расширитъ свои предѣлы, фермеръ будетъ вознагражденъ за земледѣльческія издержки и возьметъ еще прибыль, которую получили всѣ капиталисты вслѣдствіе паденія рабочей платы; наконецъ, землевладѣлецъ возьметъ ренту, и притомъ вдвойнѣ: по хлѣбному счету—за увеличеніе земледѣльческаго продукта, и по денежному счету—отъ повышенія цѣны на хлѣбъ. Иногда увеличеніе спроса на пищу можетъ достигать

такихъ размѣровъ, что весь выигрышъ капиталиста отъ паденія рабочей платы уйдетъ въ руки землевладѣльца.

Во второмъ случаѣ, когда возрастаетъ капиталъ, а населеніе и совершенствованіе неподвижны,—рабочая плата станетъ возвышаться, а процентъ прибыли падать. И здѣсь, если рабочіе усилятъ свой спросъ на пищу, капиталистъ теряетъ еще въ пользу расширенія земледѣлія, такъ какъ стоимость труда отъ увеличенія въ цѣнѣ пищи увеличится сильнѣе рабочей платы.

Третій случай: возрастаютъ капиталъ и населеніе, а промышленное искусство неподвижно. Здѣсь работники получаютъ свои товары въ прежнемъ количествѣ, но ихъ размноженіе увеличиваетъ спросъ на пищу, цѣна на хлѣбъ повышается, землевладѣлецъ беретъ ренту вдвойнѣ, а рабочая плата увеличивается вслѣдствіе повышенія стоимости труда. Прибыль теряетъ и на рабочей платѣ, и на рентѣ.

Четвертый случай: капиталъ и населеніе неподвижны, и произведено важное улучшеніе производства. Если улучшено производство въ товарахъ, потребляемыхъ рабочими, то или они воспользуются этимъ улучшеніемъ, или прибыль капиталистовъ поднимется. Если же удешевились предметы роскоши, то прибыль останется та же самая, и капиталисты выиграютъ лишь какъ потребители, вмѣстѣ съ другими потребителями въ обществѣ и съ землевладѣльцами въ томъ числѣ.

Итакъ, какъ бы ни шелъ прогрессъ, землевладѣльцы всегда остаются въ выигрышѣ, а капиталисты терпятъ постоянное паденіе въ процентѣ прибыли; только разныя улучшенія въ производствѣ и удешевленіе посредствомъ международной торговли пищи или средствъ и принадлежностей къ производству разныхъ товаровъ могутъ увеличивать процентъ прибыли. Этотъ процентъ можетъ, впрочемъ, увеличиваться еще разрушеніемъ капитала, напримѣръ, во время коммерческихъ кризисовъ или когда капиталъ уходитъ за границу. Но всѣ другія стороны общественнаго прогресса стремятся къ пониженію прибыли до наименьшей величины. Съ увеличеніемъ общественной безопасности уменьшается *рискъ*, съ усиленіемъ наклонности къ сбереженію и производительному употребленію сбереженій уменьшается *процентъ*. Въ богатыхъ странахъ паденіе прибыли идетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ выше возрастаетъ количество капитала. Въ нынѣшней Англіи прибыль понизилась уже до 3%, и капиталистическое производство могло бы придти тамъ уже давно въ такъ-называемое *неподвижное состояніе*, еслибы англійскій капиталъ не уходилъ большими массами въ заграничное потребленіе. Милль желалъ

бы, чтобы правительство пользовалось этимъ положеніемъ для расходованія общественныхъ денегъ на предметы, существенно полезные, хотя бы и непроизводительные въ промышленномъ смыслѣ; напримѣръ, на разлитіе просвѣщенія въ народѣ, на земледѣльческія улучшенія въ громадныхъ размѣрахъ, на переселеніе рабочихъ въ колоніи, и т. п. Тогда англійскому капиталу не нужно было бы искать себѣ занятія за-границею, и уже не экономическій только, а и умственный прогрессъ сталъ бы развиваться въ ней съ бóльшимъ успѣхомъ.

Милль желаетъ неподвижнаго состоянія не только для возрастанія капитала, но и для размноженія людей. Наступаетъ пора всѣмъ богатымъ странамъ, и Англіи въ особенности, прекратить свои заботы о возрастаніи производства и накопленіи капитала; экономическая надобность состоитъ теперь въ лучшемъ распредѣленіи. Милль ждетъ лучшаго распредѣленія собственности не отъ «нивеллирующихъ учрежденій», а «отъ соединеннаго дѣйствія благоразумія и воздержности въ отдѣльныхъ лицахъ, и законодательной системы, благопріятствующей равенству состояній, насколько оно соотвѣтствуетъ справедливому требованію каждаго лица на плоды его собственнаго труда: велики ли они, или малы». Неподвижное состояніе съ подобными общественными учрежденіями и качествами отдѣльныхъ лицъ представится тогда въ такихъ главныхъ чертахъ: «работники, получая хорошую плату, живутъ привольно; громадныхъ состояній нѣтъ, за исключеніемъ заработанныхъ и накопленныхъ въ продолженіи жизни одного человѣка; но за то гораздо больше, чѣмъ теперь, будетъ тамъ людей, не только освобожденныхъ отъ грубыхъ формъ труда, но еще пользующихся достаточнымъ досугомъ отъ механическихъ мелочей — досугомъ физичекимъ и умственнымъ, позволяющемъ свободно предаваться всему изящному въ жизни и служить въ этомъ примѣромъ для классовъ, обставленныхъ въ этомъ отношеніи менѣе благопріятно». Ослабленія человѣческаго размноженія въ странахъ, наиболѣе населенныхъ, Милль желаетъ потому, что человѣку нужно не только обильное снабженіе пищею и одеждою, но также побольше простору. «Не хорошо человѣку быть во всякое время какъ бы въ насильственномъ общеніи съ другими людьми. Міръ, изъ котораго изгнано уединеніе, идеалъ весьма жалкій. Уединеніе, въ смыслѣ частаго пребыванія наединѣ, существенно необходимо для развитія глубины мышленія и характера, а уединеніе среди красоты и величія природы—это колыбель мыслей и вдохновенія, которыя не только хороши для

каждаго человѣка въ отдѣльности, но безъ которыхъ самому обществу жилось бы хуже».

Но всѣ совершенствованія въ жизни зависятъ, въ концѣ-концовъ, отъ дальнѣйшей судьбы рабочихъ классовъ: окажутся ли они способными стать самостоятельными людьми въ обществѣ, или нѣтъ. Милль считаетъ нетрудящихся людей, существующихъ теперь во всѣхъ странахъ, великимъ общественнымъ зломъ, и изъ двухъ теорій отношенія другихъ классовъ къ рабочему онъ предпочитаетъ теорію самостоятельности и свободы—теоріи зависимости и покровительства. Будущность рабочихъ—говоритъ Милль—зависитъ оттого, до какой степени могутъ они стать разумными существами, и нѣтъ никакихъ причинъ думать, что эта будущность можетъ не оправдать лучшихъ надеждъ на нее. Порукою въ этомъ могутъ служить всѣ нынѣшніе успѣхи рабочихъ людей въ самовоспитаніи, въ стремленіи къ просвѣщенію, въ пріобрѣтеніи предусмотрительныхъ привычекъ, наконецъ въ самомъ политическомъ развитіи и въ ихъ удачныхъ попыткахъ примѣненія принципа ассоціаціи къ организаціи труда. Милль съ особенною любовью останавливается на этихъ послѣднихъ попыткахъ, и онъ видитъ въ нихъ единственное средство къ примиренію и окончательному уничтоженію сословной вражды между капиталомъ и трудомъ. «Въ будущемъ и, можетъ быть, въ не столь отдаленномъ, какъ это можно предполагать, мы увидимъ — говоритъ Милль—въ кооперативномъ принципѣ тотъ способъ, какимъ будетъ произведена въ обществѣ перемѣна, которая соединитъ свободу и независимость отдѣльнаго человѣка съ нравственными, умственными и экономическими выгодами производства въ большомъ размѣрѣ, и которыя безъ насилія или конфискаціи, даже и безъ внезапнаго нарушенія существующихъ привычекъ и ожиданій осуществятъ, по крайней мѣрѣ въ промышленномъ отношеніи, лучшія стремленія демократическаго духа... Размножаясь, ассоціаціи пойдутъ къ тому, чтобы обнять собою все рабочее сословіе, кромѣ людей, по своей неразсудительности или по недостатку нравственныхъ качествъ, неспособныхъ научиться дѣйствовать по иной системѣ, кромѣ системы узкаго своекорыстія. При развитіи этой перемѣны капиталисты постепенно будутъ находить свою выгоду въ томъ, чтобы, вмѣсто усилій поддержать старую систему съ одними работниками самаго худшаго качества, отдавать свой капиталъ въ ссуду ассоціаціямъ; проценты по такимъ ссудамъ будутъ уменьшаться и, наконецъ, капиталисты вѣроятно промѣняютъ ихъ на пожизненныя пенсіи. Такимъ или инымъ подобнымъ способомъ существующія накопленія капитала могутъ

честно и натурально стать напослѣдокъ общею собственностью всѣхъ участвующихъ въ производительномъ ихъ употребленіи; такое преобразованіе было бы самымъ точнѣйшимъ осуществленіемъ общественной справедливости и самымъ благотворнымъ устройствомъ промышленныхъ дѣлъ на всеобщую пользу, какое только можно намъ теперь предвидѣть» [1]).

Въ нашихъ статьяхъ о Джонѣ Стюартѣ Миллѣ мы старались изложить всѣ его ученія о знаніи вообще и объ искусствѣ жизни въ возможно полномъ объемѣ, держась научной высоты его собственнаго изложенія. Въ нашъ обзоръ сочиненій этого замѣчательнаго писателя не вошли, правда, многія изъ его журнальныхъ статей и отдѣльно изданныхъ памфлетовъ, но мы и не имѣли намѣренія разсказывать все, о чемъ когда-либо писалъ Джонъ Стюартъ Милль. Мы имѣли въ виду изложить его ученіе о вопросахъ науки и жизни, а не мнѣнія о разныхъ предметахъ, которыми можетъ интересоваться въ наше время такой человѣкъ, какъ Милль, въ такой странѣ, какова Англія. Разумѣется, что эти мнѣнія имѣютъ свое значеніе, и несомнѣнно, что въ свое время они оказывали немаловажное вліяніе на рѣшеніе разныхъ практическихъ вопросовъ, но тѣмъ не менѣе они не могутъ играть важной роли въ опредѣленіи всего характера дѣятельности замѣчательнаго ученаго. Достоинство дѣльнаго приверженца науки опредѣляется не отдѣльными мнѣніями о томъ или другомъ случайномъ предметѣ, а цѣльнымъ образомъ его мысли или, другими словами, общими принципами, которыхъ онъ придерживается въ своихъ научныхъ изысканіяхъ и въ примѣненіи теоріи къ практикѣ.

У Милля, черезъ весь рядъ его почти всеобъемлющаго знанія проходитъ такъ-называемое опытное направленіе, въ противоположность умозрительному; опытъ даетъ знаніе и опытъ повѣряетъ его, ставитъ ему извѣстные предѣлы, — вмѣстѣ съ разсужденіемъ, основаннымъ на опытѣ же, опытъ рѣшаетъ самыя трудныя задачи и теоретически, и практически. Для процвѣтанія науки опытъ возбуждаетъ въ людяхъ охоту къ умственному развитію или стремленіе къ истинѣ, а для совершенствованія въ искусствѣ жизни опытъ предписываетъ людямъ стремленіе къ общей пользѣ во всемъ, что̀ касается до ихъ политическихъ, экономическихъ и юридическихъ интересовъ. Въ политической жизни Милль защищаетъ принципъ личной свободы; въ юридическихъ вопросахъ принципъ равной справедливости; а въ экономическихъ—право труда на свои результаты. Устанавливая всѣ

---

[1]) Основанія политич. экон. Второе полное изданіе, т. II, стр. 322—323.

эти принципы на общемъ основаніи утилитарной нравственности, Милль даетъ нынѣшнему обществу готовыя нравственныя средства для удовлетворительнаго рѣшенія всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ будущаго.

Джонъ Стюартъ Милль, какъ англичанинъ, самый видный и передовой членъ такъ-называемой просвѣщенной демократіи (или прогрессивнаго либерализма), которая постоянно стремится къ тому, чтобы принципъ равенства удерживался въ своихъ границахъ принципомъ личной свободы, чтобы талантливое меньшинство никогда не подавлялось однимъ численнымъ большинствомъ, и чтобы, такимъ образомъ, всѣ пользовались полною свободою въ своей дѣятельности и могли бы употреблять свои таланты по собственному желанію. По своимъ умственнымъ и нравственнымъ достоинствамъ и по своему научному образованію, Милль занялъ первое мѣсто среди этой партіи и вліялъ на всѣхъ, какъ вліялъ Локкъ на англійскихъ либераловъ семнадцатаго вѣка. Сравненіе Милля съ Локкомъ было, во время смерти Милля, на устахъ почти всей англійской либеральной печати, и это сравненіе дѣйствительно попадаетъ въ цѣль. Весьма можетъ быть, что нынѣшніе англійскіе либералы нисколько не ошибаются въ той овладѣвшей ихъ умами мысли, что ученіе Милля способно произвести въ нынѣшнемъ политическомъ и общественномъ бытѣ Англіи такія же широкія перемѣны къ лучшему, какое производило ученіе Локка со временъ безкровной революціи 1688 года.

Сравненіе Милля съ Локкомъ замѣчательно во многихъ отношеніяхъ, и особенно тѣмъ, что оно прекрасно характеризуетъ нравственный прогрессъ Англіи за послѣдніе два вѣка. Оба они —мыслители одного и того же направленія, и оба они писали почти объ однихъ и тѣхъ же предметахъ. Но между тѣмъ, какъ Локкъ пробирается съ своими идеями крайне осторожно и съ большими уступками своимъ противникамъ, Милль идетъ смѣло и заявляетъ свои требованія какъ нѣчто совершенно необходимое и могущее ждать лишь очень короткое время.

Когда Локкъ заговариваетъ о значеніи правительства въ его время, защищая тогдашнюю англійскую конституцію отъ нападеній приверженцевъ королевскаго деспотизма, онъ начинаетъ свой трактатъ объясненіемъ о томъ, получилъ ли нашъ праотецъ Адамъ божественную власть на управленіе, или нѣтъ, и затѣмъ, выбираясь мало-по-малу изъ этихъ трущобъ тогдашней политической мысли, приходитъ, въ концѣ-концовъ, къ тому выводу, что «политическая власть, какъ мнѣ кажется, есть право издавать законы подъ угрозою смертной казни и всѣхъ другихъ бо-

лѣе слабыхъ наказаній, въ видахъ управленія страною и охраненія собственности, и употребленія общественной силы для исполненія подобныхъ законовъ и для защиты государства отъ иностраннаго нашествія, *но все это исключительно въ видахъ общественнаго блага*». Локкъ заявлялъ также, что состояніе человѣческой природы — состояніе *равенства*. Милль, когда говоритъ о правительствѣ, говоритъ о немъ, какъ о простомъ практическомъ вопросѣ, разрѣшаемомъ при помощи науки;—онъ, правда, уважаетъ нынѣшнюю англійскую конституцію, но въ своихъ «Разсужденіяхъ о представительномъ правленіи» предлагаетъ много широкихъ поправокъ къ ней и, какъ извѣстно, многіе изъ этихъ совѣтовъ дѣйствительно были приняты парламентомъ и стали законами страны.

Локкъ, подобно Миллю, былъ защитникомъ свободы, но и свободу ему пришлось защищать прежде всего разными доводами противъ клерикальныхъ возраженій. Локкъ доказывалъ въ своихъ письмахъ «О терпимости», что политическое общество имѣетъ цѣлью охраненіе жизни, здоровья, свободы и собственности, а не спасеніе души, какъ увѣряли тогдашніе протестантскіе клерикалы. Съ другой стороны, самъ Локкъ допускалъ преслѣдованіе мнѣній и вѣрованій по тремъ пунктамъ: 1) гражданская власть не должна терпѣть мнѣній, противныхъ человѣческому обществу или тѣмъ нравственнымъ правиламъ, которыя необходимы для охраненія гражданскаго общества; 2) не должно терпѣть тѣхъ, кто приписываетъ себѣ въ гражданскихъ дѣлахъ особую привилегію или власть надъ другими смертными, или тѣхъ, кто подъ предлогомъ религіи противодѣйствуетъ установленной надъ ними власти, но не связанной съ ними въ ихъ духовномъ общеніи; 3) не слѣдуетъ терпѣть всѣхъ, кто отвергаетъ существованіе Бога. — Еслибъ нынѣшняя Англія соотвѣтствовала ученію свободы по Локку, министры Англіи имѣли бы право разгонять всѣ политическія общества, которыя имъ не нравятся и преслѣдовать людей даже за мормонизмъ; второй принципъ Локка можно было бы пустить противъ ультрамонтанства или противъ квакеровъ, а третій можно было бы направить даже противъ самого Милля за то, напримѣръ, что онъ помогъ деньгами открытому атеисту Брэдлафу выступить кандидатомъ въ члены парламента... Какое же можетъ быть сравненіе между ученіемъ Локка о свободѣ съ ученіемъ Милля, а между тѣмъ Локкъ вызвалъ тогда столь сильное негодованіе противъ себя, что принужденъ былъ искать спасенія въ Голландіи! Что же касается до Милля, онъ никогда не подвергался никакимъ преслѣдованіямъ, и его мнѣ-

нія всегда имѣли большой вѣсъ въ политическихъ сферахъ. Кто бы могъ, кромѣ Милля, внести въ англійскій парламентъ такіе мало популярные вопросы, какъ распространеніе избирательнаго права на женщинъ и представительство меньшинства, а между тѣмъ представительство меньшинства вошло уже отчасти въ составъ англійскаго избирательнаго закона, а женское избирательное право начинаетъ встрѣчать одобреніе со стороны даже вождей парламентскихъ партій: Гладстона и Дизраэли.

Возьмемъ еще одно сравненіе Локка съ Миллемъ. Локкъ, чтобы убѣдить своихъ невѣжественныхъ соотечественниковъ въ невинности его либеральныхъ ученій, пишетъ цѣлый трактатъ о «Справедливости христіанства», въ которомъ нѣтъ почти ничего, кромѣ перефразировки нѣкоторыхъ книгъ новаго завѣта и того квакерскаго взгляда, что Библія можетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ разума. Милль, напротивъ, относился къ христіанству точно такъ же, какъ ко всѣмъ другимъ религіямъ, не отдавая ни одной изъ нихъ особеннаго преимущества. Знакомый съ геологическими изслѣдованіями своего времени и съ научною критикою современныхъ изслѣдователей Библіи, Милль давалъ совершенно личныя объясненія о томъ, что́ слѣдуетъ разумѣть подъ сверхъестественнымъ и даже качествами самого Бога, и его мнѣнія въ этомъ отношеніи тѣмъ особенно замѣчательны, что они встрѣтили одобреніе даже со стороны многихъ членовъ высшаго англиканскаго духовенства. Но Милль всегда оставался вѣрнымъ и неизмѣннымъ почитателемъ разума.

Локкъ, когда писалъ свои письма о терпимости и о воспитаніи, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ нравственное благосостояніе народа; онъ пытался, правда, разъяснить нѣкоторыя стороны податной и монетной системъ, но главная сущность экономической жизни должна была ждать своего истолкователя до Адама Смита. Милль, напротивъ, основываясь на экономическихъ фактахъ, далъ новую форму политической экономіи и показалъ возможность достиженія полнаго матеріальнаго благосостоянія или уничтоженія бѣдности.

Даже въ философскихъ сочиненіяхъ нельзя сказать, чтобы Милль чѣмъ-нибудь уступалъ Локку; для этого достаточно указать на его «Систему Логики» и на «Разборъ философіи сэра Уилльяма Гамильтона», также на его примѣчанія къ новому изданію двухтомнаго сочиненія его отца: «Анализъ человѣческаго ума» [1].

Юр. Росселъ.

---

[1]) Analysis of the human mind; издано въ 1869 году.

КИРГИЗСКІЯ ПѢСНИ

I *).

Путь жизни извилистъ, путь жизни невѣренъ:
Измѣнитъ лишь счастье—конца нѣтъ бѣдамъ!
Въ стремленіи къ небу будь, смертный, умѣренъ:
Съ земли не подняться тебѣ къ небесамъ!

Кто счастливъ, тотъ счастью и смѣны не чаетъ;
Такъ конь плоховатый игривъ, пока сытъ,
Но глупое счастье лишь тылъ обращаетъ,
И горе за горемъ счастливцу грозитъ.

Настанетъ пора всѣмъ невзгодамъ, томленьямъ;
И смертный чего не изведалъ, глядишь!
Но, духъ мой, надѣйся на Бога, терпѣньемъ
Скорѣй, чѣмъ уныніемъ, жизнь облегчишь!

II.

Едва показавшись, ты скрылся изъ глазъ,
    И я лишь тогда оцѣнила,
    Насколько тебя, другъ, любила!
Тоскуя въ разлукѣ, постигнувшей насъ,
    Слагаю я пѣсенки вновь
    Про старую нашу любовь!

*) Съ подстрочнаго перевода, сдѣланнаго султаномъ Сейдалинымъ II-мъ.

День ясный еще догорѣть не успѣлъ,
Какъ я, другъ, съ тобою разсталась;
А сердце уже стосковалось,
И взоръ мой влюбленный во слѣдъ все глядѣлъ,
Знать свыклась душой я съ тобой,
Что слезы катятся рѣкой!

И все передъ взоромъ твой образъ стоитъ,
И слышится говоръ любовный,
Гляжу вдоль дороги я ровной—
Устану глядѣть—и слезами облитъ
Платокъ—твой подарокъ! Его
Цѣлую съ тоски одного!

Мой милый, такъ вотъ какъ теперь я томлюсь!
На свѣтѣ едва ли другою
Любимымъ ты будешь, какъ мною!
Безумно, какъ бабочка, къ свѣту стремлюсь,
Чтобы, какъ она, можетъ быть,
Себя на огнѣ погубить.

П. Р.

Оренбургъ.

БАШКИРІЯ и БАШКИРЫ

Путевыя замѣтки.

Лѣтомъ 1873 года я имѣлъ случай посѣтить одинъ изъ глухихъ уголковъ нашего отечества, именно Оренбургскій край. При этомъ мнѣ хотѣлось главнымъ образомъ познакомиться съ такъ-называемой *Башкиріей*, которая представляетъ весьма много любопытныхъ и слабо изслѣдованныхъ сторонъ, особенно по своей этнографіи. Въ населеніи этого края перемѣшаны и перепутаны расы: славянская, нѣмецкая, монгольская, тюркская, финская, съ ихъ подраздѣленіями и разновидностями. Въ частности, изъ славянскаго племени здѣсь обитаютъ: великоруссы, малоруссы и бѣлоруссы; изъ инородцевъ: башкиры, мещеряки, чуваши, мордва, тептяри и бобыли, татары и отчасти калмыки и киргизы [1]). Вся эта пестрая смѣсь племенъ тѣсно перемѣшана другъ съ другомъ. Не только деревни инородцевъ чередуются съ русскими, но даже въ одной и той же деревнѣ очень часто можно встрѣтить по нѣскольку разнообразныхъ народностей вмѣстѣ. При такой перемѣшанности и безпрерывныхъ столкновеніяхъ всѣхъ элементовъ населенія, помѣси естественно должны проявляться здѣсь въ самыхъ разнообразныхъ и рѣзкихъ формахъ. Оренбургскій край представляется, такимъ образомъ, въ родѣ какой-то физіологической лабораторіи, въ которой предназначается черезъ нѣсколько столѣтій, или, можетъ быть, даже десятилѣтій, формированіе изъ разнородныхъ этнографическихъ элементовъ какого-то средняго,

---

[1]) Въ Самарской губерніи изъ общаго числа жителей инородческое населеніе составляетъ 1/3 (527, 542), въ Уфимской 2/3 (833, 577), въ Оренбургской 1/4 (292,099), въ Пермской 1/12 (165,087), въ Вятской 1/5 (436,999), въ Казанской 2/3 (971,407).

новаго типа. Вообще, вопросы объ ассимиляціи, вырожденіи и преобразованіи расъ и племенъ имѣютъ здѣсь практическую почву и обильный матеріалъ для изслѣдованія. Они-то и составляли цѣль моего путешествія по Оренбургскому краю, киргизскимъ степямъ и Башкиріи.

Проникая чрезъ мало доступные проселочные тракты, я имѣлъ въ виду подробнѣе познакомиться съ характеромъ и бытомъ инородцевъ, особенно башкиръ.

Подъ словомъ «башкиры» въ оффиціальномъ мірѣ разумѣютъ не только это племя, но мещеряковъ, тептярей и бобылей, хотя послѣдніе не имѣютъ съ башкирами ничего общаго. Относительно племенного происхожденія башкиръ существующія понятія весьма сбивчивы. Одни (Страленбергъ и Гумбольдтъ) признаютъ ихъ за народъ финскаго племени, только со временемъ принявшій монгольскій типъ; киргизы называютъ ихъ *истякъ* (остякъ), изъ чего также выводятъ заключеніе о финскомъ происхожденіи; нѣкоторые историки производятъ ихъ отъ болгаръ. Въ спискахъ населенныхъ мѣстъ россійской имперіи, составленныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ мин. вн. дѣлъ (1871 г. ст. LXXXVI) говорится, что башкиры отличаются отъ татаръ и болѣе сходны съ финнами, что они занимаютъ средину между финскимъ и татарскимъ племенами. Далѣе, нерѣдко приходится читать и слышать, что башкиры причисляются къ монгольскому, или, по крайней мѣрѣ, омонголившемуся племени. Хвольсонъ производитъ башкиръ и одноплеменныхъ имъ мадьяръ отъ вогульскаго племени, составляющаго отрасль угорской группы народовъ, или часть большой алтайской семьи. Наконецъ, въ простонародіи, особенно въ пермской губерніи, башкиръ называютъ татарами и вообще не отличаютъ ихъ отъ татаръ [1]). Чтобъ лучше оріентироваться въ этомъ лабиринтѣ мнѣній, я считаю необходимымъ прежде всего обратиться къ исторіи.

Свѣдѣнія о башкирахъ относятся къ очень отдаленному времени. Объ нихъ упоминаютъ арабскіе и персидскіе писатели

[1]) Башкиръ и одноплеменныхъ ихъ мадьяръ принимаютъ также за отатарившуюся мещеру. Это можно сказать про мещеряковъ оренбургскихъ, которые, поселившись между татарами и башкирами, приняли ихъ языкъ и религію, но тѣмъ не менѣе все-таки сохранили свой финскій типъ. Въ свіяжскомъ уѣздѣ православные мещеряки тоже говорятъ потатарски, но ихъ тамъ называютъ чувашами. Настоящіе чуваши называютъ ихъ татарами, а татары—мещеряками. Татарскимъ языкомъ они говорятъ не чисто, съ примѣсью чувашскихъ звуковъ. Фонетика языка, равно какъ и типъ лица, сохранившіеся языческіе финскіе обычаи, не оставляютъ сомнѣнія, что это—отатарившееся финское племя. Ничего подобнаго мы не видимъ у башкиръ.

IX—XIII вѣка, какъ о народѣ самостоятельномъ, занимавшемъ почти ту же территорію, какъ и въ настоящее время, именно по обѣимъ сторонамъ Уральскаго хребта, между Волгою, Камою, Тоболомъ и верхнимъ теченіемъ Яика (Уралъ). Напр., персидскій писатель Ибнъ-Даста (въ началѣ X-го вѣка) говоритъ, что «между землею печенѣговъ и землею болгарскихъ эсегель лежитъ первый изъ краевъ мадьярскихъ. Мадьяры эти—тюркское племя. Живутъ они въ шатрахъ и перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, отыскивая кормовыя травы и удобныя пастьбища» [1]). Слово «мадьяръ» у старыхъ восточныхъ писателей имѣло то же значеніе, что и башкиръ, такъ какъ мадьяры и башкиры принимались за одинъ народъ. Путешественники XIII-го вѣка, посѣщавшіе страну башкиръ, находили башкирскій языкъ тожественнымъ съ мадьярскимъ. По этой причинѣ они называли страну, обитаемую башкирами «*Великою Венгріею*» (Major Hangaria). Мадьяры, какъ часть башкирскаго народа, выселились изъ при-уральскихъ странъ около 884 года, вслѣдствіе притѣсненія восточными печенѣгами. Поэтому, у старыхъ мусульманскихъ писателей имя «унгаръ» или «мадьяръ» весьма часто замѣняется словомъ *маджгаръ* или *башкиръ*. Масуди, писатель начала X-го вѣка, говоря объ европейскихъ *бадшгардахъ* (башкирахъ или мадьярахъ), упоминаетъ и о племени этого народа, обитающемъ въ Азіи, т.-е. оставшемся на родинѣ. Какъ онъ, такъ и большинство другихъ писателей, говоря о башкирахъ, обыкновенно прибавляютъ, что это тюркское племя. *Абу-Зейдъ Эль-балхи* (около 951 г.) упоминаетъ о европейскихъ мадьярахъ подъ именемъ башджардъ и говоритъ, что они подвластны болгарамъ и раздѣляются на два племени. Одно изъ этихъ племенъ, оставшееся на востокѣ, граничитъ съ печенѣгами, что оно и печенѣги-тюрки. О восточныхъ или уральскихъ башкирахъ говорится также въ сочиненіяхъ *Ибнъ-Фодлана* (922 г.), *Эдраси* (около половины XII вѣка), *Якута* (въ началѣ XIII вѣка), *Ибнъ-Саида* (около половины XIII вѣка), *Казвина* (около того же времени), *Демешки* (въ началѣ XIV вѣка) и друг. Эдраси говоритъ, что одежду башкиръ составляли длинныя куртки, подобно болгарскимъ. Ибнъ-Фодланъ отличалъ одежду хозаръ, болгаръ и печенѣговъ (длинныя куртки) отъ одежды руссовъ (короткія куртки). Такимъ образомъ, указаніемъ персидско-арабской литературы выясняется: 1) что въ такъ-называемой Башкиріи, равно какъ и южнѣе къ Каспійскому и Чер-

---

[1]) Хвольсонъ Извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ и пр. 1869 года, стр. 25.

ному морю, уже въ IX вѣкѣ обитали племена башкиръ, булгаръ, ногайцевъ, хозаръ, печенѣговъ, попавшихъ сюда, вѣроятно, во время нашествія гунновъ и составлявшихъ потомковъ этого народа. 2) Большая часть писателей прямо называетъ эти перечисленныя народности тюркскими племенами, родственными другъ съ другомъ и повидимому говорившими однимъ или по крайней мѣрѣ сходнымъ языкомъ [1]). Правда, что этнографическимъ указаніямъ старыхъ писателей нельзя придавать большой цѣны, такъ какъ они едва ли умѣли отличить монгольское и тюркское племя, но все-таки они могутъ служить историческимъ доказательствомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти указанія въ настоящее время можно подтвердить оставшимися въ народѣ національными признаками. Въ числѣ этихъ послѣднихъ языкъ служитъ самымъ стойкимъ элементомъ. Несмотря ни на какія политическія и религіозныя перемѣны, языкъ народа остается вѣрнымъ самому себѣ до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ самъ народъ путемъ ли постепеннаго вымиранія, или полнаго поглощенія другою народностью. Это мы видимъ по всему земному шару, на каждомъ шагу. Скорѣе измѣнится анатомическій типъ, народный характеръ, привычки и обычаи, народъ можетъ, такъ-сказать, совершенно переродиться, но языкъ его непремѣнно сохранитъ національные слѣды. Возьмите, напр., пермяка, вогула, черемиса. Казалось бы, при потерѣ политической жизни и при постоянномъ вліяніи чуждаго господствующаго племени въ теченіи вѣковъ, народный языкъ могъ бы утратить здѣсь національныя черты, но на самомъ дѣлѣ этого не произошло. Небольшія группы народностей, заброшенныя въ массу чуждаго народонаселенія, все-таки остаются вѣрны своему языку и черезъ многія столѣтія чуваши и черемисы также отличаются въ этомъ отъ татаръ, какъ когда-то, по свидѣтельству историковъ, отличались ихъ предки—буртасы отъ булгаръ, башкиръ и хозаръ. Сказать, что народъ утратилъ свой языкъ, это значитъ, что онъ пересталъ быть тѣмъ народомъ, какимъ былъ когда-то, говоря другимъ языкомъ, и безслѣдно перешелъ въ другую народность, слился съ ней вполнѣ. Въ этомъ случаѣ этнографическіе вопросы о происхожденіи такихъ потерянныхъ народностей уже не имѣютъ значенія.

Выходя изъ этого взгляда на языкъ, мнѣ кажется, мы нисколько не погрѣшимъ, принимая башкиръ, согласно указанію

---

[1]) Относительно печенѣговъ, Эдраси говоритъ, что языкъ ихъ отличается отъ языка башкиръ. О болгарахъ онъ говоритъ, что языкъ ихъ сходенъ съ хозарскимъ, буртаси же, живущіе по берегамъ средняго теченія Волги, говорятъ языкомъ, отличнымъ отъ двухъ упомянутыхъ народовъ, равно какъ и отъ языка руссовъ.

древнихъ историковъ, за тюркское или татарское племя. Но, кромѣ языка, есть и другіе признаки, по которымъ башкиры должны считаться потомками не финновъ и не монголовъ, а тюрковъ; эти признаки можно отыскать въ обычаяхъ и привычкахъ. Всякому извѣстно, что у народовъ не только съ патріархальнымъ складомъ жизни, но и у народовъ цивилизованныхъ, привычки и обычаи сохраняются необыкновенно стойко. Укрѣпляясь наслѣдственностью, они превращаются въ необходимость, дѣлаются второй натурой, и поэтому не только не бросаются по произволу, но даже съ трудомъ искореняются при систематическихъ, насильственныхъ мѣрахъ. Возьмемъ, напр., народную одежду. По свидѣтельству *Эдраси* и *Ибнъ-Фодлана*, башкиры, болгары, хозары и печенѣги въ IX—XII вѣкѣ носили *длинныя* куртки, вѣроятно, подобныя теперешнимъ татарскимъ рубахамъ и халатамъ, тогда какъ руссы носили короткія куртки (полушубки). Общій характеръ этого различія въ одеждѣ сохраняется и до сихъ поръ. Всѣ тюркскія племена и теперь предпочитаютъ длинныя одежды. Рубахи ихъ длинныя, съ большимъ откиднымъ воротомъ, не подпоясываются поясомъ, тогда какъ финскія племена носятъ рубахи короткія, съ узкимъ воротомъ, съ поясомъ, и вообще предпочитаютъ одежды короткія. Сбриваніе волосъ на головѣ и головная шапочка (тюбетейка) у татаръ не составляетъ этнографическаго признака, а слѣдъ мусульманства; тѣмъ не менѣе въ остальныхъ головныхъ украшеніяхъ можно найти нѣкоторые отличительные національные признаки. Тюрки, напр., покрывали свою голову тюрбаномъ, монголы конической войлочной шляпой. Эти шляпы, съ длинными, опускающимися сзади полями, вырѣзанными спереди (малахай), до сихъ поръ у монгольскихъ и омонголившихся племенъ остаются самымъ употребительнымъ головнымъ уборомъ. Киргиза и теперь бо́льшею частью вы встрѣтите въ томъ же малахаѣ, въ какомъ щеголялъ Тимуръ, тогда какъ татары и башкиры преимущественно носятъ низкія войлочныя шапки съ завернутыми кверху полями. Тюрбанъ между ними употребляютъ почти исключительно муллы. Всѣ финскія племена носятъ на головѣ мѣховую или съ мѣховымъ околышемъ шапку, или шляпу, подобно русскимъ крестьянамъ.

Относительно пищи, монголо-татарскія племена всегда предпочитали лошадиное мясо всякому другому. По свидѣтельству историковъ, современныхъ Тимуру, на его пирахъ подавали цѣлыхъ жареныхъ лошадей, и задняя часть лошади считалась самымъ лакомымъ блюдомъ. Точно также было въ обычаѣ тогда употреблять въ пищу, мелко изрубленное, лошадиное и баранье

мясо, пилавъ, мучныя блюда съ фаршемъ, фрукты и кумысъ [1]). Почти то же самое меню у башкиръ и татаръ осталось до сихъ поръ; у финскихъ же племенъ мы не видимъ ничего сходнаго съ этимъ.

Относительно жилищъ, тюрки во всѣ времена отдавали предпочтеніе жизни подъ легкой палаткой. По свидѣтельству Клавихо, бывшаго при дворѣ Тимура, въ то время большею частію ставили круглыя войлочныя палатки, въ родѣ тѣхъ, какія и до сихъ поръ мы видимъ въ киргизскихъ степяхъ и Башкиріи. Гораздо рѣже строили палатки продолговатой формы (аравійскія) или четырехугольныя занавѣсчатыя (иранскія). Эти послѣднія не составляли національной принадлежности кочевыхъ племенъ восточной и средней Азіи, и потому мы въ послѣднее время не встрѣчаемъ ихъ ни у башкиръ, ни у киргизовъ. Финскія племена никогда не жили въ палаткахъ и до сихъ поръ живутъ въ деревянныхъ домахъ или землянкахъ.

Изъ множества обычаевъ, существовавшихъ у восточно-и средне-азіатскихъ тюрокъ и существующихъ до сихъ поръ у башкиръ и киргизовъ, я укажу еще на соколиную охоту. Этотъ обычай, заимствованный отъ татаръ и русскими князьями и вельможами, до сихъ поръ въ большомъ употребленіи въ киргизской степи и Башкиріи.

Изъ всего вышеизложеннаго можно вывести, мнѣ кажется, безошибочное заключеніе, что башкиры, по всѣмъ этнографическимъ признакамъ, должны считаться тюркскимъ племенемъ. Они составляютъ звено или отрасль той большой татарской семьи, которая искони вѣковъ кочевала въ формѣ отдѣльныхъ родовъ на равнинахъ восточной и средней Азіи, и потомъ была сплочена и вызвана къ могучей, хотя и не продолжительной, политической жизни энергіей такихъ вождей, какъ Аттилла, Чингизъ-ханъ, Тимуръ и его потомки. На это указываетъ языкъ башкиръ, ихъ характеръ, обычаи и анатомическій складъ, не позволяющій думать о какомъ бы то ни было родствѣ ихъ съ племенами финскими.

Не только финскія племена, представляющія болѣе рѣзкія отличія отъ монголо-татарскихъ, но даже и эти послѣдніе до сихъ поръ сохранили свои этнографическіе признаки, по которымъ легко отличить тюрка отъ монгола. И теперь въ разбросанныхъ руинахъ когда-то многочисленной и могущественной орды мы можемъ по одному языку и внѣшнимъ признакамъ отличить мон-

[1]) Вамбери. „Ист. Бохары“ и пр. въ пер. Повловскаго, 1873 г. т. I. стр. 226.

гольскую семью отъ тюркской. Монголы до сихъ поръ остались монголами, сохранили свой языкъ, свои письмена и обычаи, свой анатомическій типъ, какъ мы это видимъ, напр., на калмыкахъ, бурятахъ и собственно монголахъ. То же самое и тюркскія племена, гдѣ бы они ни были и подъ какимъ бы названіемъ ни существовали, до сихъ поръ сохранили общія черты національности въ языкѣ, анатомическомъ типѣ и обычаяхъ. Съ монголами они не имѣютъ ничего общаго. Анатомическій типъ монгола составляютъ: угловатыя черты лица, широкія скулы, вздернутые кнаружи углы глазъ, рѣдкая борода. Изъ смѣшанныхъ племенъ такой типъ мы отчасти видимъ въ киргизахъ, въ нѣсколько смягченномъ видѣ, но въ башкирахъ нѣтъ ни одного подобнаго признака. По наружному виду башкиры ничѣмъ не отличаются отъ татаръ вообще, и слѣдовательно безъ всякаго сомнѣнія принадлежатъ къ тюркскому племени.

Поводомъ къ смѣшенію башкиръ съ монголами могли послужить: 1) неточность историческихъ понятій объ этихъ двухъ народностяхъ, и 2) значительное сходство между ними въ культурномъ отношеніи. Большая часть изъ насъ еще со школьной скамьи составили себѣ понятіе о владычествѣ татаръ надъ Россіей подъ именемъ *монгольскаго ига*. Даже многіе историки считали Тамерлана и его преемниковъ монголами. Поэтому не мудрено, что въ историческихъ воспоминаніяхъ слово «монголъ» и «татаринъ» у насъ перепутываютъ или даже отожествляютъ. Тимуръ, захвативъ въ свои руки верховную власть надъ царствомъ Чингизъ-хана, сдѣлался какъ-бы преемникомъ монгольской династіи, несмотря на то, что происходилъ не отъ монгольскаго, а отъ тюркскаго племени. Монгольское царство съ воцареніемъ Тимура осталось только по имени и по воспоминаніямъ о славѣ его основателя; по большинству же составляющихъ его народностей и по племенному происхожденію династіи это было тюрко-татарское царство, въ которомъ монгольская раса составляла меньшинство, элементъ инородческій. При преемникахъ Тимура монгольскій элементъ окончательно ослабѣлъ не только въ численности, но и въ интеллектуальномъ отношеніи. Несмотря однако-жъ на это, имя монголовъ рѣзко сохранилось въ памяти народовъ и слава ихъ завоеваній перешла къ татарамъ, вслѣдствіе чего и явилось смѣшеніе этнографическихъ понятій.

Съ другой стороны, поводъ къ смѣшенію татаръ съ монголами заключался въ единствѣ ихъ исторіи и культа. Соединенные въ одно политическое цѣлое со времени Чингиза, монголы и татары естественно должны были заимствовать другъ у друга

весьма многое, какъ относительно языка, такъ и въ привычкахъ и обычаяхъ. При политическомъ единствѣ помѣсь должна была идти еще дальше—должна была отразиться на самомъ анатомическомъ типѣ. И дѣйствительно, мы видимъ это на киргизахъ, гдѣ анатомическій типъ напоминаетъ много монгольской помѣси. То же самое можно замѣтить въ привычкахъ и обычаяхъ. Киргизская шляпа и юрта суть признаки монгольскіе, хотя, съ другой стороны, языкъ киргизовъ скорѣе приближаетъ ихъ къ тюркскому племени. Эта помѣсь анатомическихъ и этнографическихъ признаковъ у киргизовъ выражается настолько рѣзко, что они могутъ считаться чѣмъ-то среднимъ между монголами и тюрками, тогда какъ у башкиръ монгольскія черты почти не замѣтны, и вообще башкиры стоятъ гораздо ближе къ татарамъ, нежели къ монголамъ.

Послѣ того, какъ мы уже знаемъ, что башкиры принадлежатъ къ тюркскому племени и немногимъ отличаются отъ татаръ, является вопросъ: составляютъ ли они разновидность татарскаго племени, особый народъ, отличающійся отъ татаръ собственными національными признаками? По общепринятымъ понятіямъ это считается несомнѣннымъ, потому башкирскій народъ и носитъ свое имя, какъ и всѣ другіе инородцы, напр. латыши, мордва, пермяки, черемисы и пр. Эти инородцы дѣйствительно суть разновидности финновъ, такъ какъ, помимо общихъ, свойственныхъ имъ признаковъ, они имѣютъ между собою рѣзкія отличительныя черты, по которымъ латыша нельзя смѣшать съ черемисомъ, мордвина съ пермякомъ или вогуломъ, калмыка съ киргизомъ. То же самое я ожидалъ встрѣтить и относительно башкиръ, присматриваясь къ нимъ и татарамъ, и разспрашивая на мѣстѣ у всѣхъ и каждаго: чѣмъ отличаются башкиры отъ татаръ? Удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ я нигдѣ получить не могъ. Указываютъ, напр., какъ на рѣзкій отличительный признакъ, что башкиры народъ кочевой или полукочевой, а татары—осѣдлый; но это, во-первыхъ, несправедливо, какъ я покажу ниже, а во-вторыхъ, не есть племенное отличіе. Затѣмъ указываютъ на разность нарѣчія; но она настолько ничтожна, что выражаетъ собой только оттѣнокъ татарскаго говора, провинціализмъ, а не нарѣчіе. Образованные татары и башкиры ставятъ эту разницу въ такія же отношенія, какъ великороссійскіе гбворы разныхъ губерній, напр. рязанской и пермской, вологодской и тамбовской и пр. Опредѣлять народъ по такимъ оттѣнкамъ рѣчи не возможно. Далѣе указываютъ на разность нѣкоторыхъ обычаевъ и на историческое происхожденіе башкиръ.

Напр., башкирскія женщины не скрываются отъ мужчинъ и не покрываютъ лица; въ общественныхъ увеселеніяхъ у мужчинъ выражается страсть къ наѣздничеству, удальству, борьбѣ, что башкиры, наконецъ, не такіе усердные магометане, какъ татары, не настолько домовиты, экономны и разсчетливы, какъ послѣдніе. Все это такъ, но гдѣ же тутъ отличительныя черты народности? Вышеприведенные признаки опять-таки выражаютъ только провинціальный оттѣнокъ, явившійся вслѣдствіе неодинаковыхъ жизненныхъ условій,—слѣдъ недавняго кочевого быта. Сравнивъ жителей великорусскихъ губерній, напр. владимірцевъ и уральскихъ казаковъ или донцевъ, мы найдемъ между ними разницу гораздо больше; но никому не приходитъ въ голову считать по этому каждую великорусскую губернію отдѣльнымъ народомъ.

Теперь обратимся къ происхожденію и названію башкиръ. Послѣднее производятъ отъ татарскаго слова *баш* — голова и тюрко-татарскаго — *куртъ*, означающаго многихъ насѣкомыхъ, какъ, напр., пчелу, или отъ *башка-юртъ*—отдѣльное племя. Первое объясненіе считается болѣе правдоподобнымъ, на томъ основаніи, что башкиры лѣсистыхъ и горныхъ мѣстностей изстари занимались пчеловодствомъ. Исторію ихъ, какъ мы видѣли выше, возводятъ почти до первыхъ вѣковъ христіанства; но въ ней можно считать несомнѣннымъ только то, что башкиры въ числѣ другихъ тюрко-татарскихъ племенъ кочевали съ глубокой древности на обширнѣйшихъ степныхъ и луговыхъ пространствахъ Азіи. Въ скудныхъ персидскихъ и арабскихъ литературныхъ памятникахъ нѣтъ никакихъ положительныхъ указаній не только на народность, но даже на племенное происхожденіе башкиръ. Такихъ указаній и быть не могло, потому что древніе писатели этнографическимъ признакамъ или не придавали никакого значенія, или не могли отличать ихъ. Если мы теперь, при всѣхъ современныхъ способахъ научнаго изслѣдованія, находимъ возможнымъ спорить о принадлежности башкиръ въ той или другой народности, то какого же довѣрія могутъ заслуживать сказанія персидскихъ и арабскихъ писателей? Къ тому же, кочующій бытъ номадовъ и сопряженныя съ этимъ частыя переселенія родовъ цѣлыми массами съ мѣста на мѣсто, войны съ вытѣсненіемъ и замѣщеніемъ народовъ пришельцами-побѣдителями, дѣлаютъ этнографическую исторію степныхъ азіатскихъ странъ чрезвычайно трудною, если не сказать невозможною. При отсутствіи осѣдлости и культуры, при отсутствіи вещественныхъ или письменныхъ памятниковъ старины, единственною руководящею нитью для опредѣленія народности азіатскихъ племенъ остается языкъ, анато-

мическій типъ и сохранившійся народный характеръ. По этимъ признакамъ можно опредѣлить въ общихъ чертахъ племя, иногда даже видъ или народность племени; но тамъ, гдѣ не сохранилось и этихъ признаковъ, опредѣлить исторію отдѣльной народности, въ отличіе отъ другой, сходной съ ней, невозможно. Поэтому, и съ исторической точки зрѣнія едвали есть основаніе считать башкиръ въ этнографическомъ смыслѣ отдѣльнымъ народомъ, въ отличіе отъ народа татарскаго. Одно тюркское названіе башкиръ или башкуртъ нисколько не говоритъ еще за отдѣльную народность, какъ названіе казакъ, сибирякъ и пр.

На основаніи всего этого я склоненъ думать, что башкиры не представляютъ отдѣльнаго народа, какъ разновидность тюрко-татарскаго племени, а тѣ же самые татары, получившіе особое названіе или по образу ихъ жизни, или по географическому положенію своихъ кочевокъ, или по родовому раздѣленію. Извѣстно, что во времена Іоанна Грознаго остатки Золотой орды подъ именемъ трехъ царствъ: Крымскаго, Астраханскаго и Казанскаго занимали все пространство отъ береговъ Чернаго моря до Камы и Уральскаго хребта. Въ составъ Казанскаго царства входила и нынѣшняя Башкирія, населенная отчасти инородцами финскаго племени (чуваши, мордва, черемисы), но главнымъ образомъ соплеменными казанцамъ—татарами и башкирами. Послѣдне занимали азіатскія окраины царства, охраняя ихъ отъ сосѣднихъ татарскихъ и монгольскихъ ордъ. При обширности занимаемыхъ ими степей и при постоянныхъ столкновеніяхъ съ сосѣдними полудикими монголо-татарскими племенами, башкиры, естественно, гораздо долѣе сохранили кочевой или полу-кочевой бытъ, нежели татары благоустроеннаго казанскаго центра, и до сихъ поръ въ этомъ только и отличаются отъ нихъ. Послѣ покоренія Казани (1553) Башкирская область осталась неприкосновенной, благодаря своей отдаленности, неопредѣленности границъ и кочевому характеру населенія. Эта страна могла быть покорена не однимъ ударомъ, а постепенно, шагъ за шагомъ, чтó мы и видимъ на самомъ дѣлѣ. Въ 1557 г., башкиры начинаютъ вносить ясакъ русскому царю. Въ 1586 г. возникаютъ города: Уфа, Бирскъ и Мензелинскъ, и въ то же время начинаютъ надвигаться на Башкирію русскія поселенія съ сѣверо-востока, съ Шадринскаго и Челябинскаго уѣздовъ и съ низовьевъ Яика (Урала). Окончательное же водвореніе русскаго элемента произошло здѣсь не ранѣе начала XVIII столѣтія.

Я позволилъ себѣ коснуться здѣсь исторіи башкирскаго края собственно для того, чтобы было понятно, почему бытъ теперещ-

нихъ башкиръ кое-чѣмъ отличается отъ татарскаго. Послѣдніе начали осѣдлую гражданскую жизнь гораздо раньше, и двумя столѣтіями раньше подчинены были вліянію русскаго цивилизующаго элемента, тогда какъ башкиры въ это время больше оставались подъ вліяніемъ сосѣднихъ калмыковъ и киргизовъ и сохраняли въ себѣ родовыя преданія и привычки прежняго кочевого быта. Впрочемъ, повторяю опять, это обусловило въ нихъ только нѣкоторыя особенности экономическаго быта и привычекъ, но не измѣнило племенныхъ свойствъ и признаковъ. Эти послѣдніе у нихъ и теперь вполнѣ сходны съ татарскими: та же наружность, тотъ же языкъ, та же религія, тѣ же черты нравственнаго и интеллектуальнаго характера. Отступленія существуютъ только въ образѣ жизни, въ болѣе низкомъ уровнѣ умственнаго и гражданскаго развитія, въ плохомъ экономическомъ бытѣ. Но все это такія случайныя и переходныя черты, которыя не даютъ никакого права считать башкиръ особымъ, отличнымъ отъ татаръ, народомъ.

По оффиціальнымъ документамъ, башкиры считаются аборигенами занимаемой ими теперь территоріи и отчасти, въ силу этого, собственниками своей земли. Это мнѣніе едвали можно считать справедливымъ въ строгомъ историческомъ смыслѣ. Если и существуютъ кое-какія указанія, что они обитали здѣсь съ начала X-го вѣка, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что они коренные жители страны, а не пришельцы, замѣстившіе собой, напр., какой-нибудь финскій народъ. Данныя для рѣшенія этого вопроса до сихъ поръ еще не выработаны, но ихъ нужно искать не въ историческихъ сочиненіяхъ и не въ преданіяхъ, такъ какъ они не проникаютъ въ глубокую древность, а въ ископаемыхъ памятникахъ страны и названіяхъ рѣкъ, горъ, урочищъ и пр. Къ сожалѣнію, раскопка башкирскихъ и вообще сибирскихъ кургановъ до сихъ поръ производилась весьма недостаточно и не аккуратно. Несмотря однако же на это, и по тѣмъ скуднымъ раскопкамъ, какія до сихъ поръ сдѣланы, кажется, есть основаніе думать, что курганы воздвигнуты не татарскимъ племенемъ, и во всякомъ случаѣ не башкирами. Въ нихъ были находимы большею частію мѣдныя и бронзовыя, рѣже золотыя издѣлія (стрѣлы, идолы, предметы домашняго обихода и украшеній) или каменныя орудія, что̀ доказываетъ глубокую древность этихъ кургановъ, — принадлежность ихъ къ каменному или бронзовому вѣку. Къ сожалѣнію, я не знаю ни одного изслѣдованія человѣческихъ череповъ, находимыхъ въ этихъ могилахъ, которые, быть можетъ, могли бы выяснить принадлежность ихъ къ той или дру-

гой человѣческой расѣ. Въ народныхъ преданіяхъ курганы большею частію называются чудскими могилами. Въ преданіяхъ башкиръ съ ними не связывается почти никакихъ историческихъ воспоминаній, за весьма небольшими исключеніями, имѣющими легендарный характеръ и очевидно вымышленными въ позднѣйшее время.

Кромѣ кургановъ, по уральскимъ горамъ при отыскиваніи рудъ нерѣдко находили другіе памятники древнихъ обитателей этой страны, именно слѣды рудныхъ разработокъ, шахты и орудія горнаго дѣла, свидѣтельствующія о существованіи здѣсь въ древніе времена мѣднаго металлическаго производства. Эти находки были настолько обыкновенны, что въ прошломъ столѣтіи, при устройствѣ заводовъ, ими нерѣдко руководились, какъ признаками при отыскиваніи хорошихъ рудъ. Древнія шахты имѣли тотъ отличительный характеръ, что онѣ имѣли видъ узкихъ коридоровъ, едва пропускавшихъ человѣка, простиравшихся иногда на значительное пространство въ глубину. Стѣнки этихъ коридоровъ никогда не были обдѣланы и укрѣплены, поэтому, вѣроятно, нерѣдко обваливались и погребали подъ собой рудокоповъ, чтó доказывается неоднократно находимыми трупами. Руду по всѣмъ этимъ шахтамъ искали и обработывали *исключительно мѣдную* и при плавленіи ея не употребляли ни печей, ни сложныхъ приборовъ, по крайней мѣрѣ таковыхъ не было отыскано. На Уралѣ и Алтаѣ также находимы были слѣды древняго добыванія золота и серебра, но не желѣза. Послѣдняго въ обработанномъ видѣ не найдено ни въ одной шахтѣ. Горныя тяжелыя орудія, напр., молоты, оказывались или каменными, или мѣдными. Извлеченіе рудъ производилось или такими же кирками, или крѣпкими клыками большихъ животныхъ. Отсутствіе желѣза здѣсь имѣетъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что указываетъ на близкую связь, если не тождество, древнихъ рудокоповъ съ неизвѣстнымъ народомъ, насыпавшимъ по Сибири и Башкиріи большіе коническіе курганы, такъ-называемыя, по народному преданію, «чудскія могилы». Въ этихъ курганахъ тоже находили мѣдь, золото и серебро, но не желѣзо, тогда какъ, наоборотъ, въ монгольскихъ или татарскихъ небольшихъ, продолговатыхъ могилахъ никогда не встрѣчается мѣдныхъ вещей, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже.

Чудскія шахты по Уралу описывали еще академики *Лепехинъ* и *Палласъ* при своемъ путешествіи по Сибири въ 1770 году. Такъ, напр., по свидѣтельству Лепехина, подобныя шахты были найдены около полевскаго завода въ гумешевскомъ рудникѣ, въ

которомъ были отысканы горные инструменты, какъ-то: койлы, молоты и пр., сдѣланные *изъ мѣди*, сумки, рукавицы, кости, деревянныя укрѣпленія штольнъ, которыя, по его словамъ, особенную имѣли твердость, и, будучи брошены въ огонь, зеленымъ горѣли пламенемъ со смраднымъ запахомъ (Пут. Зап. Т. 2, стр. 275). По словамъ *Палласа*, рукавицы и сумки, найденныя въ этомъ рудникѣ на 9-ти-саженной глубинѣ, были сшиты изъ лосинной кожи. Рукавицы были выкроены изъ звѣриной головы, съ неочищенной шерстью, такимъ способомъ, что ухомъ надѣвались на большой палецъ и одинаково были удобны для правой и лѣвой руки. Онѣ сохранились настолько хорошо, что даже уцѣлѣла и шерсть. Лосинныя сумки были значительно попорчены. Далѣе Палласъ говоритъ, что въ этомъ рудникѣ была найдена воткнутая въ стѣну полуобгорѣвшая сосновая лучина, служившая для освѣщенія (Палласъ, Т. 2, кн. 1, стр. 199). Въ рудникѣ сангачей, по свидѣтельству того же автора, въ узкихъ круглыхъ чудскихъ каналахъ или ходахъ найдена лепешка сплавленной мѣди, много круглыхъ горшковъ изъ бѣлой глины, въ которыхъ плавили мѣдь, и кости рудокопа (Т. 1, стр. 370). По словамъ Лепехина, такая же старинная, такъ-называемая чудская копь была найдена около каноникольскаго завода, въ бурзянской башкирской волости. «Всѣ рудопромышленники», говоритъ онъ, «единогласно увѣряютъ, что жившая нѣкогда тутъ чудь самую лучшую руду отбирала. Она никогда порядочно руды не добывала, но, лазя подъ землею на подобіе кротовъ, отковыривала лучшую руду кабаньими клыками. Наша чудская копь казалась намъ быть доказательницею и того, что древнія сея страны обитатели промышляли и высокіе металлы» (Т. 2, стр. 97). Подобныя же чудскія шахты Палласомъ найдены были и на Алтаѣ, въ змѣевскомъ рудникѣ. Въ одной изъ такихъ шахтъ, на глубинѣ 10 саженъ, были отысканы, за годъ до пріѣзда Палласа, кирки и другіе горные инструменты, *литые изъ мѣди*. Вмѣсто молотовъ находили иногда продолговато-округлые, крѣпкіе камни съ высѣченнымъ кругомъ желобкомъ, вѣроятно служившимъ для укрѣпленія ремня, игравшаго роль ручки. Въ одной шахтѣ найденъ былъ скелетъ рудокопа и при немъ кожаный мѣшокъ съ богатѣйшими охрами (Палласъ, Пут. по Россіи Т. 2, кн. 2, стр. 355).

Въ гробницахъ подъ сибирскими курганами по Иртышу и Енисею, равно какъ и по самарской степи около Бузулука, по словамъ Палласа, находили наконечники стрѣлъ, ножи, кинжалы и другіе предметы, выкованные или вылитые изъ мѣди, иногда золотыя и серебряныя вещи, но ни разу не было найдено же-

лѣзныхъ, изъ чего выводятъ заключеніе, что такъ-называемой чуди не было извѣстно употребленіе желѣза.

Чудскіе курганы слѣдуетъ отличать отъ монгольскихъ или татарскихъ могилъ, во множествѣ разсѣянныхъ по самарской, оренбургской и киргизской степямъ. Они совершенно не похожи другъ на друга ни формой, ни содержаніемъ. Чудскіе курганы гораздо массивнѣе, нерѣдко въ нѣсколько саженъ вышины, конической формы, съ могилами, большею частію выложенными камнемъ или кирпичемъ и находимыми здѣсь мѣдными, золотыми и серебряными издѣліями. Монголо-татарскія могилы состоятъ изъ небольшихъ холмовъ, продолговатой формы, въ 2—3 аршина вышины и аршина въ 3—4 длины. Около нихъ нерѣдко замѣтна выемка земли въ родѣ небольшой мелкой канавы, откуда вѣроятно брали землю для насыпи надъ могилой. Эти холмы почти всегда расположены на открытыхъ высокихъ увалахъ, иногда по нѣскольку рядомъ. На вершинѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ прежде находили круглыя ямы и грубо сдѣланныя изъ камня изображенія человѣческихъ фигуръ. При раскопкѣ этихъ холмовъ на небольшой глубинѣ оказывались угли отъ сожженнаго хвороста, можетъ быть слѣды бывшихъ жертвоприношеній; а у основанія холма — могила, иногда обложенная истлѣвшими досками, и въ ней человѣческія кости. Въ числѣ вещей здѣсь находили чаще всего *желѣзныя издѣлія* (стрѣлы, клещи, огниво и пр.), рѣже золотыя и серебряныя, и иногда конскія головы. Эти холмы очевидно принадлежатъ позднѣйшей эпохѣ, чѣмъ курганы, и по всей вѣроятности насыпаны татарами или киргизами. Кромѣ того, въ оренбургскомъ краѣ встрѣчаются старыя могилы съ небольшими холмами изъ набросаннаго камня, повидимому, принадлежащія тоже къ этой послѣдней категоріи.

Чудскіе курганы, какъ извѣстно, разсѣяны по всей сибирской степи. Начиная съ Алтая, они идутъ по Енисею, Иртышу, Тоболу, Исети, Міясу до Уральскаго хребта. Они встрѣчаются также, хотя и въ меньшемъ числѣ, въ самарской и оренбургской степяхъ, напр. въ уѣздахъ бузулукскомъ, верхнеуральскомъ, троицкомъ, челябинскомъ. Повидимому, ихъ больше всего по Тоболу, Исети и Міясу, около этихъ рѣкъ, въ привольныхъ плодородныхъ мѣстахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они воздвигнуты однимъ и тѣмъ же неизвѣстнымъ народомъ, повидимому давно исчезнувшимъ съ лица земли, но во всякомъ случаѣ не монголами и не башкирами. Тѣ и другіе въ самыя отдаленныя времена умѣли находить и плавить желѣзо, но обработка мѣди имъ и до сихъ поръ почти неизвѣстна. Суля по металлическому производству

и по отдѣлкѣ находимыхъ въ этихъ курганахъ вещей, такъ-называемая чудь въ культурномъ отношеніи очевидно стояла выше башкиръ и вѣроятно была ими вытѣснена изъ предѣловъ югозападной Сибири, а можетъ быть и совсѣмъ истреблена.

По названіямъ рѣкъ, озеръ, горъ, урочищъ можно было бы съ значительнымъ основаніемъ судить объ аборигенахъ данной страны, такъ какъ при замѣщеніяхъ одного народа другимъ эти названія большею частію остаются прежними, хотя произношеніе ихъ нерѣдко извращается сообразно съ свойствами и духомъ языка новыхъ поселенцевъ. Этотъ признакъ могъ бы многое выяснить относительно исторіи первоначальныхъ жителей не только Башкиріи, но вообще всѣхъ провинцій нашего отечества; но, къ сожалѣнію, я не могу считать себя судьей при рѣшеніи такихъ сложныхъ лингвистическихъ вопросовъ, требующихъ основательнаго знанія не только татарскаго и монгольскаго языка, но и языка многихъ другихъ финскихъ инородцевъ. Относительно Башкиріи и вообще оренбургскаго края все-таки можно сказать, что здѣсь въ названіяхъ рѣкъ встрѣчается весьма много словъ не тюркскаго корня, напр., Самара, Сакмара, Уфа, Икъ, Уй, Сокъ, Чагра, Міясъ, Иремель, Увелька, Изеръ, Кана, Дёма, Юрезань, Ильмень (озеро въ ильменскихъ горахъ), Орь и т. под. Я не могу сказать, какому языку принадлежатъ эти названія, можетъ быть, финскому, или даже булгарскому, но во всякомъ случаѣ ихъ едвали можно считать исковерканными татарскими словами. Въ послѣднемъ случаѣ башкиры произносили бы ихъ по-своему, какъ это и бываетъ съ другими названіями, напр., рѣчку, называемую русскими Худолазъ, они называютъ *Тюлязъ*, Уртазымъ—*Уртазазымъ*, Иргизъ — *Ыркысъ* (сытность, довольство), Эмба—*Джимъ* (кормъ) и т. д.

Рѣки, озера и урочища южныхъ оренбургскихъ и киргизскихъ степей, напротивъ, большею частію носятъ названія татарскія или киргизскія, напр., *Джимъ* (Эмба—кормъ), *Илекъ* (сито), *Иркысъ* (иргизъ), *Яикъ* (отъ *яикмакъ*—расширяться, разливаться?), *Тоболъ* (табылъ — находка), *Иртышъ* (иръ-мужъ, тышъ — наружность?), *Сагисъ* (сѣра), *Сары-су* (желтая вода), *Исыкъ-куль* (ссы-куль — горячее озеро) и т. д. Названіе уральскихъ горъ, а можетъ быть въ связи съ ними и Аральскаго озера (аралъ), вѣроятно, тоже татарское, отъ слова *уралмакъ* — кружиться, извиваться (повел. накл. уралъ — извивайся). Изъ сѣверныхъ рѣкъ *Кама* (камá—выдра), *Исеть* (исетъ—татарское имя), вѣроятно, тоже названы татарами. Собственно въ Башкиріи и вообще въ мѣстахъ, населенныхъ татарами, больше татарскихъ словъ встрѣчается въ на-

званіяхъ поселеній, нежели рѣкъ и озеръ, что совершенно понятно, потому что первые большею частію не перенимались отъ прежнихъ туземныхъ жителей, а давались новыми поселенцами, какъ, напр., *Казань* (казанъ—котелъ, котловина), *Бугульма* (отъ бугульмакъ—изгибаться), *Бугульчанъ* (изгибъ,—поселеніе при изгибѣ рѣки), *Бузулукъ* (телячій), *Бугурусланъ*, *Стерлитамакъ* (томакъ,—горло, устье), *Мензелинскъ* (мензяля — становище, мѣсто поселенія,—арабское слово), *Элабуга* (алабуга—окунь) и т. п.

На основаніи вышеприведенной лингвистической попытки объяснить происхожденіе географическихъ названій башкирскихъ рѣкъ и мѣстностей, мнѣ кажется, есть нѣкоторая доля вѣроятія считать башкиръ не аборигенами своей страны, а народомъ пришлымъ, водворившимся на мѣстахъ, прежде занятыхъ другими народностями. Иначе нельзя объяснить тѣхъ чуждыхъ татарскому языку названій рѣкъ и озеръ, которыя очевидно были усвоены отъ другого народа и сохранились до сихъ поръ, какъ сохранились, напр., нерусскія названія многихъ великорусскихъ рѣкъ и озеръ (Сура, Цна, Упа, Ока, Мста, Ильмень и пр.). Если бы аборигенами страны были башкиры, то, конечно, ихъ языкомъ обозначались бы названія не только городовъ и поселеній, но и рѣкъ, и озеръ. Это отчасти согласуется и съ историческими указаніями на заселеніе за-уральскаго края. Къ XVI столѣтію между уральскими горами и Иртышемъ широкую полосу земли занимали вогулы, оттѣсняемые впослѣдствіи татарскими племенами все болѣе и болѣе къ сѣверу; на Ишимѣ и Тоболѣ распространялись калмыки, владѣнія которыхъ къ сѣверу простирались даже до челябинскаго и шадринскаго уѣздовъ [1]).

Еще прежде въ предѣлахъ теперешней самарской губерніи обитали булгары. Наконецъ, многочисленныя финскія племена, остатки которыхъ въ Башкиріи существуютъ до сихъ поръ, тоже, вѣроятно, когда-нибудь считали эту территорію своей собственной. Въ видахъ всего этого разрѣшить вопросъ о первенствѣ заселенія или занятія башкирскихъ земель, а тѣмъ болѣе рѣшить этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ въ пользу башкиръ, нѣтъ никакого основанія.

Теперь я считаю не лишнимъ коснуться физической и нравственной характеристики башкиръ, такъ какъ, сколько я замѣ-

---

[1]) Въ шадринскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Течѣ существуетъ теперь большое село Бродокалмыцкое (калмыцкій бродъ), въ которомъ еще сохраняется преданіе о существованіи на этомъ мѣстѣ калмыцкихъ кочевокъ, по коимъ и было дано названіе теперешнему русскому поселенію.

тилъ, многіе даже изъ лицъ, близко поставленныхъ къ этому народу, имѣютъ о немъ смутное, даже извращенное понятіе.

По типу лица башкиры не представляютъ рѣзкаго отличія отъ татарскаго племени вообще. Если поставить ихъ рядомъ съ казанскими, крымскими и астраханскими татарами, даже съ типическими венгерцами, то едвали возможно по одному складу головы и лица отличить башкира отъ остальной татарской толпы. Та же круглая, довольно большая голова, сѣрые или каріе, большею частію плоскіе и довольно узкіе глаза, прямой и небольшой лобъ, оттопыренныя большія уши, рѣдкая, небольшая борода [1]). Выраженіе лица у башкиръ не только не безобразно, но нерѣдко даже очень красиво. Я не знаю, въ силу чего укоренилось общее предубѣжденіе относительно красоты башкиръ. Большая часть рисуютъ ихъ (въ своемъ воображеніи) съ звѣрскимъ монгольскимъ типомъ, съ угловатыми чертами лица, съ косыми глазами. Можетъ быть, поводомъ къ этому послужилъ ихъ національный костюмъ, въ которомъ они, въ качествѣ башкиро-мещерякскаго войска, представлялись нашему наблюденію; можетъ быть, многіе не различали ихъ отъ киргизовъ, или, еще чаще, представляли ихъ себѣ по усвоеннымъ съ дѣтства понятіямъ о монгольскихъ ордахъ. Правда, костюмъ много измѣняетъ человѣка. Французъ, наряженный зуавомъ, легко можетъ быть принятъ за инородца; точно также и башкиръ въ своемъ національномъ костюмѣ, съ оригинальной посадкой на своей степной лошади, съ перваго взгляда скорѣе можетъ показаться киргизомъ, нежели мирнымъ татариномъ. Но посмотрите на него въ домашнемъ быту, особенно въ европейскомъ или русскомъ костюмѣ, впечатлѣніе тогда будетъ совсѣмъ другое. Мнѣ приходилось много разъ видѣть образованныхъ башкиръ и башкирокъ въ русскомъ платьѣ и при хорошей обстановкѣ; въ этихъ случаяхъ обыкновенно не такъ легко было угадать ихъ башкирское происхожденіе. Если что̀ выдаетъ ихъ національность, то развѣ глаза и уши, въ остальномъ башкира не легко отличить отъ смѣшанныхъ ти-

---

[1]) Можетъ быть, рѣдкая борода у башкиръ отчасти зависитъ и оттого, что у нихъ изстари существовалъ обычай выщипывать волоса. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ Лепехинъ: „молодые башкирцы, не привыкшіе еще имѣть мохнатое рыло и будучи отдалены отъ сообщества голобородыхъ, смѣшное къ бритью бороды употребляютъ средство. Они натираютъ себѣ бороду каленой золой и, ссучивъ крутую нитку, съ отмѣннымъ проворствомъ и искусствомъ вкручиваютъ волоса по два и вырываютъ“ (стр. 267, т. 2). Если такой обычай существовалъ очень долго, то онъ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ башкиръ могъ произвести отличающую ихъ теперь жидкую и рѣдкую бороду.

повъ русскаго племени. Ростъ башкиры имѣютъ большею частію средній, сложеніе не очень крѣпкое, но тѣмъ не менѣе они довольно сильны и способны переносить большіе труды и лишенія. До какой степени они закалены воспитаніемъ противъ климатическихъ и экономическихъ невзгодъ, въ этомъ я имѣлъ много случаевъ убѣдиться во время своего путешествія. На работѣ, напр., при уборкѣ полей, на золотыхъ пріискахъ, на заводахъ, гдѣ я видѣлъ ихъ цѣлыми сотнями, они, по общему отзыву, трудолюбивы, аккуратны, но *не споры*, т.-е. не имѣютъ той выдержки и умѣлости, какая замѣтна у русскихъ. Поэтому заработная плата имъ дешевле, а урочную работу они выполняютъ по крайней мѣрѣ на треть меньше, нежели крестьяне. За то тамъ, гдѣ въ работѣ требуется не масса труда, а аккуратность, башкирами очень довольны; поэтому, напр., на золотыхъ пріискахъ имъ нерѣдко поручаютъ конецъ промывки, такъ-называемую головку, гдѣ золотой песокъ отдѣляется отъ марганца и другихъ металлическихъ примѣсей. На заводахъ деликатныя части работъ рѣдко поручаются башкирцамъ, потому что здѣсь требуется не только сила и аккуратность, но и умѣнье, котораго у нихъ еще недостаетъ; поэтому, тамъ они большею частью исполняютъ чисто механическій трудъ: рубятъ и возятъ дрова, приготовляютъ уголь, доставляютъ руду и пр.

Я слышалъ, что о башкирахъ въ умахъ мѣстной нашей администраціи составилось такое понятіе, что они, съ дѣтства пріученные къ наѣздничеству, почти не умѣютъ ходить, или по крайней мѣрѣ съ трудомъ переносятъ многоверстные переходы. Это несправедливо. Въ силу родовой привычки, дѣйствительно, они предпочитаютъ ѣздить верхомъ и съ дѣтства лихіе наѣздники и великолѣпные ямщики, но при всемъ томъ они въ состояніи ходить пѣшкомъ больше и скорѣе русскаго мужика. При крайней нищетѣ, у многихъ башкиръ въ настоящее время даже совсѣмъ нѣтъ лошадей, и уже по этому самому они всѣ передвиженія принуждены дѣлать пѣшкомъ. Органы чувствъ у башкиръ развиты до замѣчательной тонкости. Ночью и днемъ они въ состояніи различать предметы на недосягаемомъ для насъ разстояніи, равно какъ уловить звуки, далеко не долетающіе еще до нашего уха.

Здоровье у башкиръ можно считать очень хорошимъ въ томъ смыслѣ, что организмъ ихъ гораздо болѣе закаленъ противъ всѣхъ стихійныхъ невзгодъ, нежели организмъ другихъ инородцевъ и русскихъ, привыкшихъ къ бо́льшимъ жизненнымъ удобствамъ и, такъ-сказать, болѣе изнѣженныхъ. Башкиры не зна-

ютъ, что такое простуда или неудобоваримая пища. Если они вымираютъ отъ эпидемическихъ болѣзней, напр., отъ голоднаго тифа, то это происходитъ не отъ слабости ихъ организаціи, а отъ нищеты и крайне тяжелой жизненной обстановки вообще. Ниже, при вопросѣ о вырожденіи башкиръ, я укажу подробнѣе на эти бичи и на тѣ страшныя опустошенія, которыя они производятъ въ рядахъ населенія.

Говорили также, что между башкирами сильно развитъ сифилисъ, для противодѣйствія которому въ оренбургскомъ краѣ, или правильнѣе въ Оренбургѣ, содержали даже спеціальный врачебный составъ, довольно дорого стоившій и совершенно непримѣнимый къ практическимъ цѣлямъ. Чтобы имѣть доступъ къ искорененію этой болѣзни въ женскомъ населеніи, щадя при томъ мусульманскіе обычаи и предразсудки, правительство озаботилось даже приготовить для башкирокъ врача-женщину; но всѣ эти мѣропріятія успѣли просуществовать въ теченіе 7 — 8 лѣтъ только на бумагѣ. Въ настоящее время, когда вопросъ о башкирскомъ сифилисѣ пересталъ быть вопросомъ дня и не стоитъ ужасающимъ привидѣніемъ предъ глазами администраціи, невольно спрашиваемъ себя: откуда взялся этотъ минувшій страхъ? Дѣйствительно ли у башкиръ сифилисъ принялъ ужасающіе размѣры и вынудилъ правительство прибѣгать къ экстраординарнымъ средствамъ? Мнѣ кажется, что все это было преувеличено. Я объѣхалъ большую часть Башкиріи въ 4-хъ губерніяхъ, по трактамъ и проселкамъ, и могу сказать, что ни разу не видалъ ни одного сифилитическаго пятна или знака. Между тѣмъ извѣстно, что сифилисъ не такая болѣзнь, которую легко было бы скрыть отъ взоровъ врача наблюдателя. Не отвергая возможности единичныхъ случаевъ, мнѣ кажется, можно утверждать, что повальное распространеніе этой болѣзни въ Башкиріи едвали существовало. Я позволяю себѣ сомнѣваться въ этомъ, потому что въ такой короткій срокъ сифилисъ не могъ исчезнуть самъ собой; точно также, какъ не могъ онъ и быть уничтоженнымъ медицинскими мѣрами, въ несостоятельности и непрактичности которыхъ сознается и сама администрація, закрывъ госпитали и уничтоживъ спеціальный штатъ медиковъ.—Нравственныя качества башкиръ характеризуются такъ: «они подозрительны, скрытны, легковѣрны, хитры, мстительны, склонны къ воровству, лѣни праздности, любятъ заводить тяжбы съ сосѣдями» (Списки населенныхъ мѣстъ россійской имперіи, оренб. губ.—1871 года, стр. 87). Мнѣ кажется, въ этой характеристикѣ авторъ впадаетъ въ крайность, порицая башкиръ и не находя въ нихъ ни одной

порядочной нравственной черты. Я согласенъ, что они подозрительны, скрытны, склонны къ лѣни и праздности; но все это легко объясняется ихъ слабымъ гражданскимъ развитіемъ и отношеніями къ остальному населенію. И прежде, и до сихъ поръ башкиръ эксплуатировали со всѣхъ сторонъ, какъ неразумныхъ дѣтей, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что они подозрительны и скрытны. Легковѣрность, праздность и лѣнь обусловливаются неразвитостью и сохраняющимися еще привычками къ прежней полукочевой жизни. Но я бы никогда не рѣшился сказать, что они мстительны и склонны къ воровству. Напротивъ, мнѣ они показались до наивности добрыми, очень услужливыми, переносливыми въ обидахъ и оскорбленіяхъ. Это — дѣти природы, несчастные, забитые, но по природѣ кроткіе и едвали способные, по крайней мѣрѣ теперь, на какія бы то ни было рѣзкія оппозиціи и мстительныя выходки. Сколько разъ приходилось мнѣ слышать ихъ жалобы на стѣсненное положеніе, на явные обманы, особенно по поводу продажи земель и угодій. Пользуясь ихъ простотой, у нихъ покупали превосходныя земли по полтинѣ или по рублю за десятину, и имъ же отдавали эту землю, назначая ту же цѣну, какъ арендную плату въ годъ. Башкиры поймутъ сдѣланную ими глупость, сожалѣютъ о своей простотѣ, но не злобствуютъ. То же самое относительно властей. Несмотря на самыя крутыя мѣры, предпринимавшіяся для ихъ цивилизаціи, они совершенно безропотно подчинялись всѣмъ ломкамъ и нововведеніямъ, несмотря на то, что совершенно не понимали и не признавали ихъ пользы и значенія. Отъ всѣхъ чиновниковъ я слышалъ одинъ общій отзывъ, что башкиры очень смирны, и съ ними, какъ съ дѣтьми, можно дѣлать все, что угодно. Духъ вѣрноподданства у нихъ развитъ ничуть не менѣе, чѣмъ у коренныхъ русскихъ жителей. И это понятно. У нынѣшнихъ башкиръ, повидимому, не осталось даже воспоминанія о своей прежней политической исторіи, слѣдовательно нѣтъ ни разочарованій, ни стремленій къ какому бы то ни было лучшему политическому идеалу. Все слышанное ими отъ стариковъ и ихъ предковъ говоритъ о подчиненіи русскому царю; вопросъ о подчиненіи вошелъ въ ихъ плоть и кровь, и едвали оставляетъ въ умахъ башкиръ мѣсто для идеи о какой бы то ни было другой политической зависимости или независимой свободѣ. Оттого на всѣ государственныя повинности, въ томъ числѣ и на воинскую, они смотрятъ, какъ на дѣло законное и неизбѣжное, и если подчасъ внутренно тяготятся ими, то единственно по поводу своего разореннаго состоянія. Я замѣтилъ даже, что башкиры гордятся

своими военными заслугами, съ удовольствіемъ вспоминая тѣ или другіе эпизоды изъ жизни существовавшихъ прежде башкиро-мещерякскихъ полковъ. Точно также не только послушно, но и сочувственно они относятся къ предстоящей всесословной воинской повинности. Мнѣ кажется, имъ даже пріятно сознаніе, что ихъ не обошли, а сравняли съ остальными элементами населенія, и въ ихъ воображеніи уже рисуются подвиги лихого наѣздника, въ которыхъ они не только сравняются, но даже превзойдутъ своихъ давнишнихъ соперниковъ—казаковъ. Башкиръ охотнѣе идетъ въ военную службу, потому что онъ не имѣетъ такой привязанности къ дому, такой хозяйственной осѣдлости, какъ крестьянинъ, которому воинская повинность, кромѣ грустной разлуки, даетъ еще чувствительный экономическій ущербъ. Башкиръ же отъ природы авантюристъ, весьма плохой хозяинъ, бѣднякъ, и скитальческая жизнь ему болѣе по вкусу. Къ тому же, онъ весьма любитъ внѣшнія отличія. Старые воины и до сихъ поръ съ гордостію щеголяютъ между своими однодеревенцами нашивками и значками, которые остались имъ отъ прежней службы.

Объ умственныхъ качествахъ башкиръ судить довольно трудно, потому что сфера ихъ дѣятельности не такова, чтобы дать возможность проявиться этимъ качествамъ во всей ихъ природной силѣ. Здѣсь можетъ быть вопросъ не о талантахъ, а о народномъ смыслѣ, находчивости, понятливости, однимъ словомъ, о тѣхъ задаткахъ, на основаніи которыхъ можно ожидать будущаго развитія прирожденныхъ способностей. Въ этомъ смыслѣ, мнѣ кажется, башкиръ можно считать людьми очень способными, по крайней мѣрѣ далеко превосходящими тупыхъ и умственно неповоротливыхъ инородцевъ финскаго племени. Въ дорогѣ, напр., при крайнихъ неудобствахъ сообщенія и при всевозможныхъ препятствіяхъ и случайностяхъ, они оказывались предусмотрительными и находчивыми. То же замѣтно и всюду на работахъ, особенно на тѣхъ, къ которымъ они чувствуютъ влеченіе [1]). Здѣсь

---

[1]) Большую часть домашнихъ работъ у башкиръ производятъ женщины. Онѣ портняжатъ, сапожничаютъ, кожевничаютъ и валяютъ войлоки. Приготовленіе кожъ у нихъ до сихъ поръ еще производится по старому, собственному способу. Сырую кожу туго растягиваютъ на солнцѣ колышками и соскабливаютъ съ нея шерсть обломкомъ косы, обдѣланнымъ въ дерево на подобіе скобеля. На другую весну кожу коптятъ въ особенныхъ закрытыхъ ямахъ. Сюда напускаютъ дыму отъ тлѣющихъ гнилушекъ и держатъ въ этомъ дыму развѣшенныя кожи 2—3 недѣли. Изъ такой кожи они, кромѣ обуви, приготовляютъ и всю домашнюю утварь, какъ-то: ведра, кадушки, турсуки (родъ бутылки). Турсуки большею частію приготовляются изъ цѣль-

въ пріемахъ башкиръ виденъ не только здравый смыслъ, но даже нѣкоторый родъ изобрѣтательности. Вообще умъ ихъ отличается живостью и подвижностью, какъ и вообще весь характеръ; оттого они чувствуютъ большую склонность къ такого рода занятіямъ, гдѣ требуется не одна механическая и рутинная привычка, а разнообразіе пріемовъ и личное соображеніе. Мнѣ кажется, изъ башкиръ могли бы выдти хорошіе скотоводы, ремесленники, фабриканты, купцы. Личный вкусъ и разнообразіе въ занятіяхъ, кажется, имъ всегда будутъ пріятнѣе монотоннаго хлѣбопашества, — это особенность подвижной натуры. Чтó могла бы выработать изъ башкиръ цивилизація въ будущихъ поколѣніяхъ—рѣшить трудно; но, мнѣ кажется, есть основаніе думать, что они не были бы хуже, напр., одноплеменныхъ имъ венгерцевъ. При существующихъ географическихъ и политическихъ условіяхъ для башкиръ, конечно, немыслимо какое бы то ни было самостоятельное развитіе, въ смыслѣ отдѣльной народности; но тѣмъ не менѣе для насъ весьма важенъ вопросъ объ успѣхахъ ихъ будущей интеллигенціи, потому что они рано или поздно должны цѣликомъ войти въ составъ русскаго племени. Для насъ не безразлично, какіе элементы поглощаетъ въ себя русское племя, чѣмъ оно пополняется, изъ чего растетъ. Ассимилируя въ обширныхъ размѣрахъ разныя народности, весьма легко можно ослабить даже самую способную и крѣпкую расу, если только входящіе вновь въ составъ ея элементы будутъ гораздо слабѣе и хуже. Относительно Россіи такія опасенія были уже высказываемы нѣсколько разъ, причемъ особенно указывали на входящія въ составъ ея татарскія племена, съ которыми, дѣйствительно, помѣсь у насъ происходитъ весьма давно и весьма дѣятельно. Мнѣ кажется, эти опасенія не имѣютъ никакого основанія. Натура тюркскихъ племенъ сама по себѣ не имѣетъ ничего дурного; напротивъ, это способная, сильная и энергическая натура. Если эти племена въ самобытномъ видѣ дали мало историческихъ результатовъ развитія, въ этомъ виновата не натура ихъ, а вліяніе политическихъ и религіозныхъ условій. Если бы на пути развитія тюркскаго племени не стояли магометанскій фанатизмъ и деспотическіе принципы управленія, при полномъ отчужденіи этихъ народовъ отъ европейской культуры, то по всей вѣроятности исторія ихъ въ настоящее время представляла бы совсѣмъ другую картину. Поэтому, мнѣ кажется, что асси-

ной (неразрѣзной) кожи, снятой съ верхней части коровьей или лошадиной ноги. Въ узкое отверстіе этой конической трубки вшивается дно, тоже изъ кожи. Шьютъ башкиры большею частію не нитками, а тоже тонкими ремешками или сухожиліями.

милляція башкиръ и татаръ вообще для господствующей русской народности не только не вредна, но можетъ быть даже полезна, именно потому, что эти инородцы могутъ внести въ типъ русскаго характера больше живости и подвижности. Другое дѣло финскія племена. Отъ природы вялыя, съ ограниченными умственными задатками, они не могутъ прибавить живой силы въ славянскую расу, а скорѣе въ состояніи разжидить, ослабить ея энергію. Помѣсь съ ними, еслибы она совершалась въ крупныхъ размѣрахъ, могла бы отразиться вредно, питая вялость и апатію, и безъ того не чуждую (можетъ быть именно вслѣдствіе этой помѣси) нашему народу.

Образъ жизни башкиръ—по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, кочевой или полу-кочевой. На этомъ выраженіи я долженъ остановиться, потому что здѣсь, мнѣ кажется, вкралось или смѣшеніе понятій, или слово «кочевой» употребляется въ оффиціальныхъ бумагахъ только по старой привычкѣ. Подъ выраженіемъ «кочевыя племена» мы привыкли разумѣть такое народонаселеніе, которое не имѣетъ осѣдлости, т.-е. опредѣленнаго мѣста жительства, не имѣетъ домовъ и земельныхъ надѣловъ, а *перекочевываетъ* съ своими пожитками и стадами съ мѣста на мѣсто. Таковы, напр., киргизы, располагающіе свои палатки тамъ, гдѣ найдутъ кормъ для своего скота и, по мѣрѣ истребленія этого корма или по времени года, перекочевывающіе дальше, иногда на очень большія пространства. Ихъ можно бы было назвать *полукочевыми* въ томъ случаѣ, если бы они вышеупомянутыя передвиженія дѣлали только въ извѣстное время года, а затѣмъ, напр., зимой, устраивались бы на опредѣленныхъ, однихъ и тѣхъ же зимнихъ помѣщеніяхъ. Ни того, ни другого условія башкиры не представляютъ. Всѣ они безъ исключенія имѣютъ дома, живутъ въ деревняхъ, пользуются опредѣленными земельными надѣлами, на которыхъ занимаются хлѣбопашествомъ или другими промыслами и ремеслами и въ этомъ отношеніи отличаются отъ крестьянъ или другихъ осѣдлыхъ инородцевъ развѣ только степенью своего благосостоянія [1]). Одно, что̀ могло бы дать поводъ къ закрѣпленію за башкирами названія полукочевого племени, это—обычай съ на-

---

[1]) Оригинально опредѣляетъ ихъ въ этомъ отношеніи академикъ Лепехинъ (1770 г.), называя башкирцевъ по роду жизни „*межеумками между дикими и градолюбивыми народами*". „Суровость зимы", говоритъ онъ, „глубокіе снѣга и сильные буруны принуждаютъ ихъ, по обыкновенію другихъ татаръ, препровождать зиму въ деревняхъ и въ деревянныхъ худохиженныхъ дворахъ, гдѣ они также малолѣтній скотъ и ѣздалыхъ лошадей содержатъ, а прочая скотина шатается всю зиму въ полѣ". (Дневн. Зап. Путеш. т. 2, стр. 36, 1772 г.)

ступленіемъ весны переселяться на такъ-называемые *коши*, т.-е. въ войлочныя кибитки, которыя они, въ видѣ лагеря, разбиваютъ на своихъ поляхъ или лугахъ. Въ мѣстахъ безлѣсныхъ эти лѣтнія помѣщенія дѣлаются изъ войлочныхъ палатокъ, а въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсомъ, они состоятъ изъ деревянныхъ избушекъ или берестяныхъ шатровъ, остающихся всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ. Впрочемъ, эти лѣтнія переселенія существуютъ далеко не у всѣхъ башкиръ, а много если у половины, именно только тамъ, гдѣ осталось еще очень много луговъ и гдѣ эти луга расположены далеко отъ деревни. И въ этомъ случаѣ такъ-называемая перекочевка не служитъ выраженіемъ прежнихъ кочевыхъ привычекъ, а просто обусловливается хозяйственными соображеніями и удобствами. Въ многоземельныхъ мѣстностяхъ не только башкиры, но и русскіе крестьяне нерѣдко переселяются на отдаленныя поля и покосы, и живутъ тамъ съ дѣтьми и скотомъ по цѣлымъ недѣлямъ въ особенно устроенныхъ избушкахъ. Это совершенно понятно, потому что крестьянину и башкиру не удобно и не выгодно каждый день возвращаться въ деревню съ отдаленнаго поля. Башкиры въ своихъ лѣтнихъ палаткахъ и избушкахъ занимаются сѣнокосомъ, гонкой дегтя и смолы, рубкой дровъ, смотря по мѣстности. Здѣсь же, по близости, у нихъ пасется скотъ. Такимъ образомъ, лѣтнія кочевки у нихъ не имѣютъ ни одного признака полу-кочевого состоянія. Если бы даже допустить, что нѣкоторыя башкирскія семейства выѣзжаютъ на коши только для приволья и удобства, и тогда они были бы настолько же кочевымъ народомъ, насколько можно назвать этимъ именемъ, напр., новодеревенскихъ дачниковъ, уже не говоря о дачникахъ оренбургскихъ, которые лѣтомъ изъ душнаго города буквально поселяются въ башкирскихъ кибиткахъ (юламейкахъ), въ такъ-называемой «рощѣ», за рѣкой Ураломъ. Такихъ претензій до удобствъ и приволья у башкиръ и нѣтъ. У кого нѣтъ скота и лѣтней полевой работы, другими словами, кто окончательно разоренъ, тотъ обыкновенно лѣтомъ остается дома, въ деревнѣ, или идетъ куда-либо на заработки. Такихъ деревень я видѣлъ очень много и, бывало, спросишь: отчего они не выѣхали на коши? обыкновенный отвѣтъ: нѣтъ скота, земля не обработывается, или отдана въ аренду, стало-быть, въ полѣ и дѣлать нечего. Кромѣ этихъ бѣдняковъ, есть между башкирами немало деревень зажиточныхъ, тоже не выѣзжающихъ на коши: это всѣ тѣ, у которыхъ земельные надѣлы расположены близко около села. Такихъ башкиръ, которые выѣзжали бы на лѣтнія кочевки только изъ любви къ лѣсамъ и лугамъ, гдѣ они въ

лѣни и праздности любовались бы природой, питаясь кумысомъ отъ своихъ табуновъ, словомъ, изображали бы собой типъ кочующаго номада, я ни разу не видалъ, да ихъ и нѣтъ во всей Башкиріи. Поэтому, мнѣ кажется, что для избѣжанія запутанности понятій и представленій, слѣдовало бы давно перестать именовать башкиръ кочевымъ или полу-кочевымъ народомъ. Это поддерживаетъ только ложное представленіе объ ихъ гражданскомъ бытѣ, ставитъ ихъ на полу-дорогѣ къ киргизамъ и заставляетъ подчасъ принимать совсѣмъ не тѣ мѣры, которыя были бы наиболѣе полезны и для интересовъ Россіи, и для ихъ собственнаго благосостоянія.

Въ прежнее время, напр. въ концѣ прошлаго столѣтія, когда было больше простору, башкиры со всѣмъ скотомъ перекочевывали иногда верстъ на 100 и болѣе отъ своихъ деревень, сохраняя ближайшіе луга для осенняго сѣнокоса. Лѣтомъ они питались исключительно своими стадами, не употребляя хлѣба. Несмотря на это, даже и тогда у нихъ до нѣкоторой степени было уже развито хлѣбопашество и была полная осѣдлость. Академикъ Лепехинъ говоритъ, что прежде чѣмъ отправляться на коши, башкирцы сѣяли около деревни хлѣбъ, сколько нужно для своей зимней надобности и убирали его осенью, возвращаясь въ деревню. Тогда же производили они и сѣнокосъ. Землю они пахали сабаномъ, сѣно косили горбушами, подобно всѣмъ сибирскимъ крестьянамъ (Зап. Пут. 1772 г., т. 2, стр. 37). При Лепехинѣ большинство башкиръ жило богато и привольно. Не говоря о громадныхъ табунахъ скота, даже осѣдлое землепашество во многихъ деревняхъ было развито очень хорошо. Вотъ какъ онъ, напр., описываетъ деревню Казылбаеву: «по рѣкѣ Ай до Красноуфимска живутъ хлѣбопашцы (башкиры) и не втунѣ пользуются привольными мѣстами; да и самые башкирцы на Аѣ *переродились*. Они столько же хорошіе хлѣбопашцы, какъ и ихъ сосѣди. На ключахъ, изъ горъ бѣгущихъ, построена у нихъ изрядная мучная мельница. Домашняя чистота не менѣе у нихъ примѣчается, такъ и у мещеряковъ и другихъ ясашныхъ татаръ, а которые позаживнѣе,—держутъ и виноградные напитки, чай и кофе». Правда, это относилось только къ нѣкоторымъ деревнямъ, но уже давало Лепехину надежду, что «всю башкирскую орду наши внучата въ такомъ увидятъ порядкѣ» (стр. 244). Надежды его, къ сожалѣнію, не оправдались.

Постройка домовъ у башкиръ по наружной архитектурѣ ничѣмъ не отличается отъ русскихъ или татарскихъ деревень. Типъ избы тотъ же самый, равно какъ и расположеніе улицъ, но при

всемъ томъ опытный глазъ большею частію съ перваго же раза отличитъ башкирскую деревню отъ русской, даже если не брать во вниманіе мечеть. Дома башкиръ всюду носятъ отпечатокъ какой-то неоконченности, или полуразрушенія: въ одномъ мѣстѣ недостаетъ воротъ, въ другомъ крыши, почти всюду полуразрушенныя хозяйственныя постройки; однимъ словомъ, въ нихъ не видно той хозяйственной уютности и заботливости, какъ въ русскихъ домахъ. Это, съ одной стороны, объясняется и бѣдностью, плохимъ хозяйствомъ, съ другой — и нерадивостью, отсутствіемъ той любви къ своему жилищу, съ которой обряжаетъ его русскій крестьянинъ. Даже въ деревняхъ богатыхъ, гдѣ башкиры очень успѣшно занимаются земледѣліемъ, или другими промыслами, не выѣзжаютъ на коши и живутъ зажиточно, и тамъ дома ихъ все-таки оказываются какими-то оголенными, неприбранными. Если вы среди этихъ домовъ увидите нѣсколько вполнѣ благоустроенныхъ, съ хорошими стеклянными окнами, тесовыми воротами и цѣльной крышей на пристройкахъ, то навѣрное можете сказать, что здѣсь живутъ русскіе крестьяне. Отсутствіе домовитости и любви къ своему жилищу есть отличительная черта башкиръ и, можетъ быть, слѣдствіе ихъ прежнихъ кочевыхъ привычекъ.

Внутреннее устройство домовъ тоже представляетъ нѣкоторыя особенности. Первое, что́ здѣсь бросается въ глаза,—это устройство печи или *чувала*, который напоминаетъ собою каминъ, съ прямой трубой и огромнымъ отверстіемъ для дровъ. На эти чувалы нельзя не обратить вниманія, потому что они весьма часто служатъ причиной гибели дѣтей. При зимней стужѣ ребенокъ близко подходитъ къ большому огню, воспламеняетъ свое платье, или даже просто падаетъ въ чувалъ. При безпечности родителей и при множествѣ дѣтей въ тѣсномъ помѣщеніи, такіе несчастные случаи сгоранія бываютъ весьма часто; поэтому было бы далеко не лишней мѣрой прямо запретить такое устройство печей.

Далѣе, меблировку избы составляютъ нары, расположенныя вокругъ стѣнъ и покрытыя войлоками; здѣсь же, у болѣе зажиточныхъ, лежатъ перины и подушки. Наконецъ, вы найдете одинъ или нѣсколько сундуковъ, нерѣдко самоваръ съ чайнымъ приборомъ,—вотъ и все богатство башкирской избы. Въ чувалѣ находится котелъ, гдѣ приготовляютъ пищу, тутъ же и стираютъ бѣлье, если этимъ словомъ можно назвать грязныя и дырявыя тряпки. При употребленіи пищи башкиры не знаютъ ни ножей, ни вилокъ, которые замѣняются пальцами. При такомъ образѣ жизни, конечно, нельзя и думать о чистоплотности, тѣмъ болѣе,

что употребленіе мыла и бани къ башкирамъ до сихъ поръ еще не привилось. Оттого въ ихъ платьѣ и жилищахъ разводится несмѣтное количество плотоядныхъ насѣкомыхъ.

Относительно башкирской пищи существуетъ много ходячихъ басенъ, которыя если не въ современной печати, то въ устахъ разсказчиковъ пользуются кредитомъ достовѣрности. Я, напр., слышалъ нѣсколько разъ, будто башкиры ѣдятъ сырое конское мясо, даже полусгнившую падаль, что они имѣютъ обычай класть это мясо подъ сѣдло, на спину лошади, и ѣздятъ на немъ, чтобы такимъ образомъ подготовить его удобосъѣдаемость. Все это—чистый вымыселъ. Правда, что пища башкиръ незатѣйлива, своеобразна; но эта не пища дикаря. Они имѣютъ даже свою національную кухню, довольно разнообразную и, по ихъ понятіямъ, очень вкусную. Главнымъ питательнымъ матеріаломъ у нихъ служитъ конское и баранье мясо, затѣмъ молоко и его продукты, и наконецъ разная крупа и мука. Изъ этихъ матеріаловъ у нихъ приготовляется: *чуръ-паря*—маленькіе пирожки съ изрубленнымъ мясомъ, сваренные въ водѣ или маслѣ; *бишъ-бармдкъ*—вареное тѣсто съ мясомъ и саломъ; *крутъ*—засушенный творогъ, родъ сыра; *коймдкъ*—топленое молоко со сметаной, *катыкъ* — квашеное молоко; *баламыкъ* — отваръ мяса съ натертымъ крутомъ и крупой; *курмдчъ* — поджаренный ячмень съ конопляннымъ сѣменемъ и коровьимъ масломъ; *салмд* — отварное тѣсто, кусочками, съ солью; *юрá*—родъ ячменной похлебки съ кислымъ молокомъ; болѣе деликатное кушанье—*пловъ*—вареный рисъ, перемѣшанный съ мелкими кусочками мяса и облитый масломъ или молокомъ. Къ самымъ распространеннымъ напиткамъ принадлежитъ извѣстный всѣмъ *кумысъ;* онъ же служитъ и отличнымъ питательнымъ средствомъ.

Надобно замѣтить, однакоже, что перечисленныя національныя кушанья появляются на столѣ только у болѣе зажиточныхъ башкиръ, слѣдовательно, у очень немногихъ и очень рѣдко; большинство ихъ довольствуется крутомъ и салмóй, а то и просто ячменной или ржаной болтушкой, которую изъ экономіи употребляютъ въ весьма умѣренномъ количествѣ, лишь бы только чуть-чуть утолить свой голодъ. Лѣтомъ еще, при подножномъ кормѣ скота, продовольствіе идетъ порядочно; но съ наступленіемъ зимы большинство башкиръ, равно какъ и ихъ скотъ, начинаютъ голодать и принуждены бываютъ брать муку у русскихъ мужиковъ или промышленниковъ въ счетъ будущей аренды своихъ угодій, или въ счетъ будущихъ заработковъ. Такимъ образомъ они закабаляются на заводы, золотые пріиски, или на полевыя

работы. Тѣ изъ нихъ, которые лѣтомъ запасли какіе-либо продукты промышленности, напр. деготь, медъ, лѣсъ, звѣриныя шкуры, даже сѣно, принуждены бываютъ, чтобы не умереть съ голоду, продавать это за половинную цѣну, если еще не успѣли отдать за прежніе долги. Вообще экономическое положеніе башкиръ чрезвычайно плохо. Мы сильно ошибемся, если будемъ рисовать ихъ, какъ дѣтей счастливой Аркадіи, среди своихъ табуновъ наслаждающимися красотами природы и упивающимися своимъ вкуснымъ національнымъ напиткомъ — кумысомъ. Табуновъ этихъ давно уже нѣтъ; кумысъ остался кое-гдѣ, у самыхъ богатыхъ. Сплошь и рядомъ у башкиръ нѣтъ ни овцы, ни лошади, никакого имущества, кромѣ дырявой рубахи и лаптей. Я видѣлъ даже такихъ, которые лѣтомъ ходятъ (на работахъ) совсѣмъ безъ рубахи, босые, съ непокрытой головой, прикрывъ нижнюю часть тѣла дырявыми тряпками, въ родѣ панталонъ. Нужно быть башкиромъ, чтобы безропотно переносить такую бѣдность, мириться съ ней и не сдѣлаться нищимъ-попрошайкой или преступникомъ (просящихъ милостыню я ни разу не встрѣчалъ). Нѣкоторые говорятъ, что башкиры переносятъ лишенія потому, что они не привыкли къ лучшему, что кругъ ихъ потребностей слишкомъ ограниченъ. Если въ этомъ и есть доля правды, то весьма не большая. Что они знаютъ и понимаютъ лучшую жизнь, этому доказательствомъ служитъ ихъ недавнее прошлое, когда, дѣйствительно, у нихъ было много всякаго скота и пищи, были и деньги. Воспоминаніе объ этой жизни свѣжо въ ихъ памяти. Затѣмъ, они видятъ лучшую жизнь у крестьянъ и другихъ инородцевъ, и естественно желали бы подражать имъ, еслибы была возможность. Наконецъ, у зажиточныхъ башкиръ потребности къ удобству и комфорту проявляются ничуть не хуже, чѣмъ у всякаго другого. Чуть завелись деньги, первымъ дѣломъ явится чай, ситцевая рубаха, съ крупными цвѣтными разводами, на себѣ и на женскомъ полѣ, суконный или нанковый халатъ, шапка съ мѣховымъ околышемъ, кожаные сапоги и многое другое. Вмѣстѣ съ тѣмъ является комфортъ и въ домѣ: бухарскіе ковры, кое-какая посуда, больше чистоты, лучшая пища, хорошій скотъ. Стало-быть, не отсутствіе стремленія къ удобству и эстетическимъ поползновеніямъ, а одна только бѣдность заставляетъ башкиръ быть такими, каковы они въ настоящее время. Что̀ служитъ причиной этой бѣдности, и ка̀къ поправить существующее зло,—это вопросы настолько сложные и даже до нѣкоторой степени щекотливые, что я предпочитаю обойти ихъ молчаніемъ. Одно бы я сказалъ еще здѣсь, что едва ли разумно и справедливо раскупать у баш-

киръ свободныя земли такъ, какъ это дѣлается теперь. Пятнадцати-десятинный надѣлъ можетъ достаточно обезпечивать крестьянина—хорошаго работника, умѣющаго взяться за дѣло, но башкиръ съ этимъ надѣломъ попадаетъ въ кабалу и бѣдность, потому что система его хозяйства (скотоводство и лѣсные промыслы) не даетъ ему пока возможности удовлетвориться этимъ. На продажу земель нельзя смотрѣть, какъ на средство заставить башкиръ приняться за правильное землепашество. Для этого прежде слѣдовало бы пріучать ихъ къ нему, но не принудительной силой, какъ до сихъ поръ дѣлалось, а развитіемъ, постепенной привычкой, чрезъ подражаніе сосѣднимъ крестьянамъ, и практическимъ убѣжденіемъ въ выгодахъ земледѣлія. Въ этомъ смыслѣ продажа башкирскихъ земель могла бы имѣть и свою хорошую сторону, еслибы только эти земли заселялись русскими хлѣбопашцами, а не скупались бы монополистами для раздачи тѣмъ же башкирамъ въ аренду. Нельзя не пожалѣть и о томъ, что право продажи земель было предоставлено самимъ башкирскимъ обществамъ, а не правительству. Полудикіе башкиры, естественно, не понимаютъ цѣнности своихъ угодій, не понимаютъ даже своихъ экономическихъ потребностей, потому неизбѣжно эксплуатируются покупателями. Въ прошломъ столѣтіи, напр., Авзяно-Петровскій и Кагинскій заводы окортомили у башкиръ *на вѣчныя времена* 180 тысячъ десятинъ лѣсу по 20 руб. въ годъ, а Преображенскій заводъ 100 тысячъ десятинъ за 100 р. Бѣлорѣцкій заводъ купилъ 300 тысячъ десятинъ строевого лѣсу за 300 руб.!! (Списки насел. мѣстъ оренбургской губ. 1871 г., стр. XLI). Въ болѣе близкое къ нашему время башкирскія земли продавались немногимъ дороже. За десятки тысячъ десятинъ случалось платить нѣсколько ведеръ водки, нѣсколько фунтовъ чаю и кусокъ дешеваго ситцу. Даже въ послѣдніе годы башкирскія земли покупались по полтинѣ или рублю за десятину, когда годовая арендная плата была выше этой цѣны. Земли большею частью скупались мѣстными купцами и чиновниками, и сдавались потомъ въ аренду тѣмъ же башкирамъ. Понятно, что при такомъ порядкѣ экономическое положеніе башкиръ не только не могло улучшаться, но было существенно подорвано.

Глядя на нынѣшнихъ башкиръ трудно представить, что еще такъ недавно они составляли многочисленный и сильный народъ. Во второй половинѣ XVI-го столѣтія имъ принадлежала, за небольшимъ исключеніемъ, вся земля между Камой и Волгой до Самары, Оренбурга и Орска (тогда еще не существовавшихъ), и на востокъ по Міясу, Исети, Пышмѣ, Тоболу и Иртышу до Оби.

Начинавшія проникать сюда съ сѣверо-запада русскія поселенія всѣ основывались на земляхъ башкирскихъ, пріобрѣтаемыхъ частью завоеваніемъ, частью покупкой. Съ конца XVI-го и въ XVII-мъ столѣтіи русское племя стало надвигаться сплошной стѣной съ сѣверо-запада на юго-востокъ, постепенно оттѣсняя башкиръ къ югу или проникая между ними широкими полосами и захватывая ихъ кольцомъ своихъ поселеній. Конечно, это дѣлалось не вдругъ, а шагъ за шагомъ, при продолжительной борьбѣ за обладаніе лучшими сибирскими угодьями. Почти каждое русское поселеніе должно было играть роль крѣпости и было вынуждено ежедневно сторожить себя отъ сильныхъ набѣговъ. Многіе изъ вновь возникавшихъ городовъ были выжигаемы и опустошаемы башкирами по нѣскольку разъ. Такъ-называемые башкирскіе бунты продолжались по нѣскольку лѣтъ, напр. Сеитовскій (1662—1683) и Алдаровскій (1704—1708). Во время Сеитовскаго бунта башкиры подступали къ Уфѣ, грабили казанскій уѣздъ, доходили до Верхотурья, Тюмени и Кунгура, опустошали всю Камскую провинцію. При Алдаровскомъ бунтѣ они осаждали Уфу, Бирскъ и Мензелинскъ, выжгли села по рѣкамъ: Бѣлой, Камѣ и Самарѣ, и угрожали самой Казани. Подобныя возстанія, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ повторялись неоднократно и въ послѣдующее время, напр. въ 1737 по 1740 годъ.

Какъ вліяли на башкировъ эти возстанія, можно видѣть изъ того, что при одномъ послѣднемъ бунтѣ они потеряли, по оффиціальнымъ рапортамъ, убитыми 16,634 человѣка, высланными въ разныя мѣста до 4000; кромѣ того, было наказано отрѣзываніемъ носовъ и ушей 301 человѣкъ, разорено жилыхъ деревень 696. Эти цифры вѣроятно еще ниже дѣйствительныхъ. Несмотря на почти безпрерывную войну, съ неизбѣжными опустошеніями, продолжавшуюся съ небольшими перерывами почти цѣлое столѣтіе, башкиры сохраняли еще свою силу до конца прошлаго вѣка. Въ 1770 году противъ нихъ принуждены еще были поддерживать укрѣпленныя линіи. Въ проѣздъ Лепехина въ этомъ году по нынѣшнему сибирскому тракту еще существовали укрѣпленія во многихъ селахъ и городахъ. Самый Екатеринбургъ, несмотря на то, что имѣлъ уже 1426 домовъ, а ближайшіе окрестные заводы были значительно населены русскимъ народомъ,— былъ обнесенъ землянымъ валомъ и глубокимъ рвомъ съ деревянными рогатками. Отсюда укрѣпленная линія шла вдоль по Исети до Тобола, Иртыша и далѣе въ Сибирь, также на югъ по Синарѣ и староисетскому тракту до Челябинска и на западъ, по главному сибирскому тракту до Камы. Всѣ сибирскія слободы

были обнесены оплотомъ съ башнями, гдѣ находились пушки и всякій воинскій припасъ. Большая часть уральскихъ заводовъ, выдающихся за оборонительную линію, тоже были укрѣплены и снабжены оружіемъ. По нынѣшнему тракту между Екатеринбургомъ и Кунгуромъ въ 1770 году существовали: Гробовская крѣпость (Гробово-поле); въ 26 верстахъ за ней слѣдовала Киргишанская крѣпость; потомъ черезъ 36 верстъ Кленовская, черезъ 25 верстъ Бисертская, черезъ 20 верстъ—Ачитаская. Кунгуръ былъ обнесенъ земляным валомъ, съ палисадомъ и деревянными башнями; внутри крѣпости стоялъ деревянный кремль, тоже съ башнями [1]). Нынѣшній Красноуфимскъ тоже былъ крѣпостью, и неоднократно подвергался башкирскимъ разореніямъ. Во время одного изъ нападеній здѣсь, у Титечныхъ горъ, башкиры перерѣзали двѣ драгунскія роты и, переодѣвшись въ платье драгунъ и на ихъ лошадяхъ, съ ихъ значками и оружіемъ направились на ачитскую крѣпость, разсчитывая такимъ образомъ обмануть гарнизонъ послѣдней (Лепехинъ).

При взглядѣ на нынѣшнихъ башкиръ эти недавнія сказанія про ихъ силу и воинственный духъ кажутся почти невѣроятными. Чрезъ сто лѣтъ нельзя узнать этого буйнаго и отважнаго народа. Оттѣсненныя въ узкія долины уральскихъ горъ или окруженныя на равнинахъ размножившимся русскимъ населеніемъ, нынѣшнія башкирскія села имѣютъ видъ небольшихъ островковъ среди разлившагося русскаго моря. Забыты всѣ притязанія на безконечный просторъ богатыхъ зауральскихъ степей; безслѣдно исчезъ воинственный національный духъ, вмѣстѣ съ многочисленными стадами и привольемъ отдаленныхъ кочевокъ. Полуголодные, едва существующіе изо дня въ день, забитые и запуганные, башкиры въ настоящее время представляютъ только тѣнь своего прежняго облика.

Чтобы судить о вліяніи экономическихъ невзгодъ на духъ и характеръ народа, стоитъ взглянуть на башкиръ въ деревнѣ и на кошѣ. Подъ конецъ зимы они бродятъ въ деревняхъ, какъ тѣни, изнуренные, апатичные, съ одной надеждой на близкое лѣто. Въ такомъ видѣ, съ полумертвымъ скотомъ, они выѣзжаютъ на коши при первомъ проблескѣ весны. Здѣсь они какъ-

---

[1]) Кунгуръ былъ основанъ въ 1647 году по просьбѣ первыхъ русскихъ поселенцевъ, купившихъ земли у иренскихъ татаръ. Во время сеитовскаго бунта, въ 1662 году, онъ былъ совершенно опустошенъ и выжженъ башкирами, такъ что немногіе жители успѣли спастись въ лѣсахъ и пещерахъ. По просьбѣ ихъ въ 1663 году городъ (острогъ) выстроенъ снова, и снова подвергался два раза опустошенію, такъ что нынѣшній городъ стоитъ уже на третьемъ мѣстѣ.

бы просыпаются отъ летаргическаго сна, становятся веселѣе, подвижнѣе. Черезъ 2—3 недѣли коши ихъ уже нельзя узнать. Въ нихъ просыпаются старые инстинкты и склонности, является юморъ, отвага, юркость въ движеніяхъ, сообразительность, самый наружный видъ измѣняется. Поэтому, чтобы составить правильное понятіе о башкирахъ, необходимо наблюдать ихъ лѣтомъ на привольныхъ кошахъ. Такихъ, впрочемъ, въ настоящее время очень немного, а можетъ быть скоро и совсѣмъ не будетъ. Большинство ихъ, какъ сказано выше, безъ скота и земельнаго приволья, вмѣсто кошей молчаливо и понуро идутъ на заводы и золотые пріиски, или остаются лѣниво копошиться въ деревнѣ около своего полуразвалившагося хозяйства.

Разсматривая экономическій бытъ башкиръ, кстати коснуться здѣсь вопроса объ ихъ образованіи. Послѣ того, что́ было говорено выше о бѣдственномъ положеніи этого народа, казалось бы, что вопросъ о башкирскомъ образованіи можетъ существовать развѣ только въ проектѣ, на дѣлѣ же, къ удивленію, это оказывается совсѣмъ не такъ. Разоренные, почти полудикіе башкиры оказываются грамотнѣе русскихъ мужиковъ, такъ какъ большинство изъ нихъ умѣютъ читать и писать, но только по-татарски. Этотъ фактъ будетъ совершенно понятенъ, когда мы вспомнимъ, что башкирскимъ, равно какъ и вообще татарскимъ, или правильнѣе мусульманскимъ образованіемъ завѣдуетъ мусульманское духовенство. Оно чрезвычайно ревностно относится къ своему дѣлу, и нѣтъ мечети, гдѣ бы муллы не учили не только дѣтей, но и взрослыхъ. А мечетей у нихъ оказывается гораздо болѣе, нежели православныхъ церквей. Напримѣръ, въ 11-ти губерніяхъ казанскаго учебнаго округа на 12.134,000 православнаго населенія церквей считается 6,082, а на 2.125,000 магометанъ 3,557 мечетей, т.-е. одинъ православный храмъ приходится на 1,995 православныхъ, тогда какъ одна мечеть на 633 мусульманина; слѣдовательно, по соразмѣрности съ народонаселеніемъ, мечетей слишкомъ втрое больше, чѣмъ православныхъ церквей. При всемъ томъ, при нашихъ церквахъ школа составляетъ рѣдкость, а у магометанъ она не только существуетъ при каждой мечети, но, сверхъ того, множество школъ устроено и отдѣльно отъ нихъ. По опубликованнымъ свѣдѣніямъ, въ 11-ти губерніяхъ казанскаго учебнаго округа въ 1865 г. мусульманскихъ школъ считалось 1068, учащихся въ нихъ 60,888, т.-е. по разсчисленію 1 учащійся—на 15 человѣкъ. Но принимая въ разсчетъ, что число мечетей и муллъ превышаетъ число училищъ, надо полагать, что при бо-

лѣе точныхъ данныхъ, число учащихся къ населенію будетъ относиться какъ 1 къ 9. Въ 35 коренныхъ русскихъ губерніяхъ, гдѣ введено земство, одна школа приходится на 4, 7 тысячъ жителей и 1 учащійся на 168 человѣкъ, а въ трехъ коренныхъ губерніяхъ безъ земства одна школа приходится на 10,3 тысячи жителей и одинъ учащійся на 371 человѣкъ. Въ трехъ югозападныхъ губерніяхъ кіевскаго учебнаго округа число учащихся приходится 1 на 537 человѣкъ, а въ Сибири 1 на 664 (Военно-статистич. сборникъ 1871 года, стр. 884). Мудрено ли послѣ этого, что башкиры далеко перещеголяли насъ *народнымъ* образованіемъ.

Такъ широко распространенное у башкиръ мусульманское народное образованіе нельзя однакоже сравнивать съ русскимъ школами. Татарскія школы, имѣя чисто религіозный характеръ, скорѣе приносили вредъ народонаселенію, чѣмъ пользу, фанатизируя народъ и отвращая его отъ стремленій истинной цивилизаціи. Строго воспитанные въ духѣ ислама, магометане воображаютъ, что коранъ есть альфа и омега всѣхъ наукъ и всякой нравственности, и не считаютъ для себя нужнымъ знать что-либо внѣ сферы его догматовъ. Оттого магометане коснѣютъ въ невѣжествѣ, живутъ своею собственною, изолированною жизнію, мертвые ко всему образованному міру. Оттого и башкиры, несмотря на свою грамотность, не только не двигаются впередъ, а остаются полудикарями, дичатся русскаго цивилизующаго вліянія и охотнѣе, при такихъ условіяхъ, будутъ изучать арабскій языкъ, нежели читать русскую народную образовательную книжку. Сталобыть, для будущаго ихъ развитія не только не нужны татарскія школы, а напротивъ, онѣ по возможности должны быть замѣняемы русскими. Мирная пропаганда христіанства и русской грамотности, —вотъ единственныя основы хорошей будущности башкирскаго народа. Въ мусульманской оболочкѣ онъ неизбѣжно осужденъ будетъ оставаться in statu quo своего нравственнаго и культурнаго быта, или, еще хуже, подчиняясь порабощающему вліянію высшихъ окружающихъ его элементовъ, принужденъ будетъ, рано или поздно, сойти со сцены, выродиться, погибнуть. Слѣдовательно, всѣ наши гуманныя стремленія относительно этого народа должны клониться къ тому, чтобы поскорѣе распространить въ немъ русскую грамоту и, въ связи съ ней, христіанскую религію. Тогда только башкиры не будутъ чуждаться русскаго населенія, не будутъ тяготѣть къ татарамъ и другимъ мусульманскимъ народамъ, и охотнѣе воспримутъ благодѣтельныя начала русско-европейской цивилизаціи.

Посмотримъ теперь, сдѣлали ли мы что-либо въ этомъ направленіи, или, по крайней мѣрѣ, избирается ли нами этотъ благой путь для осуществленія нашихъ задачъ относительно башкиръ, равно какъ и другихъ инородцевъ, находящихся въ подобномъ отношеніи. Къ сожалѣнію, нѣтъ. Прошлыя мѣропріятія, напротивъ, нерѣдко клонились къ противоположнымъ цѣлямъ, т.-е. не охристіанить, а омусульманить инородцевъ, слѣдовательно, подчинить ихъ не русскому оживляющему вліянію, а мертвящему—татарскому. Въ 1782 году, киргизы, не имѣвшіе опредѣленной религіи, подвергаются насильственному обращенію въ магометанство!! Для этого былъ изданъ указъ о построеніи мечетей въ киргизъ-кайсацкой ордѣ [1]). Въ 1784 году это повелѣніе было подтверждено, въ 1797 году отпечатанъ алкоранъ въ числѣ 3,600 экземпл. для раздачи киргизамъ. Все это дѣлалось не по желанію ихъ, а въ силу какихъ-то соображеній цивилизаціи, что́ видно, между прочимъ, изъ того, что еще въ 1830 году киргизы энергически протестовали противъ направленной на нихъ магометанской пропаганды. Отправляя въ Петербургъ депутацію, они просили «мечетей и школъ у нихъ не заводить, айхуновъ и указныхъ муллъ не опредѣлять». Несмотря на все это, магометанская пропаганда продолжалась съ усиленной ревностью, такъ что теперь во всѣхъ окружныхъ городахъ и укрѣпленіяхъ киргизской степи имѣются поставленныя правительствомъ мечети и магометанскія училища («Московскія Вѣдомости», 1867 года, № 101). Теперь у киргизовъ магометанство совершенно упрочилось и окончательно закрѣпило не только племенную, но и нравственную связь и симпатію къ татарамъ и другимъ мусульманскимъ народамъ. Нѣчто подобное совершается и теперь на нашихъ глазахъ. Правда, инородцы насильственно не обращаются въ магометанство, но при дозволеніи свободной и настойчивой пропаганды этой религіи, путемъ безчисленныхъ мечетей и школъ, мы достигаемъ того, что многіе изъ новообращенныхъ въ православіе снова отторгаются отъ нашей церкви въ пользу мусульманства. Этой пропагандѣ, кромѣ школы, много помогаетъ единство языка у всѣхъ тюркскихъ племенъ. Религія и языкъ,—это два такихъ могущественныхъ фактора объединенія, что они спо-

---

[1]) „Милосердуя, мы, великая государыня, о всемъ нашемъ подданномъ киргизъ-кайсацкомъ народѣ, всемилостивѣйше повелѣли построить киргизъ-кайсацкому народу для отправленія богослуженій, на границахъ, прилеглыхъ къ кочевью средней киргизъ-кайсацкой орды, мечети, выбравъ къ тому удобныя мѣста". (Полное Собраніе Законовъ, Т. IX, № 15,352).

собны весьма сильно и долго противодѣйствовать всѣмъ нашимъ миссіонерскимъ и ассимиляторскимъ стремленіямъ.

Стремленіе къ русской грамотности у башкиръ не должно быть меньше, чѣмъ у русскихъ крестьянъ, и русскія школы они не только не обѣгали бы, но вѣроятно даже предпочитали бы татарскимъ. Къ сожалѣнію, русскихъ школъ въ краѣ весьма мало, а татарскія на каждомъ шагу, и обученіе въ нихъ фанатически поощряется мусульманскимъ духовенствомъ. Только въ самое последнее время правительство обратило на этотъ важный вопросъ свое вниманіе, проектируя обученіе татаръ и башкиръ въ русскихъ школахъ, или по крайней мѣрѣ въ русскомъ духѣ. Проекты этихъ школъ обсуждались во всѣхъ инстанціяхъ учебнаго вѣдомства, и вѣроятно близки къ осуществленію.

Будущія башкирскія школы, учреждаемыя правительствомъ, должны потерять національный татарскій характеръ, хотя, можетъ быть, это будетъ достигнуто и не вдругъ. На первое время въ нихъ допускаются нѣкоторыя отступленія отъ типа чисто русскихъ школъ, нѣкоторыя льготы для инородцевъ, съ цѣлью облегченія для нихъ перваго знакомства съ русской грамотой. Такъ, напримѣръ, отъ поступающихъ учениковъ не предполагается безусловно требовать знанія русскаго разговорнаго языка; учителя будутъ обязаны знать татарскій языкъ и при помощи его передавать башкирамъ русскую грамотность. Эта переходная мѣра считается необходимой, потому что многіе изъ башкирскихъ мальчиковъ недостаточно понимаютъ русскій языкъ, слѣдовательно, для нихъ было бы неудобно открывать настоящія русскія школы, въ которыхъ бы игнорировалось все татарское; можно однакожъ надѣяться, что необходимость этой переходной мѣры будетъ существовать недолго. Такъ-какъ большинство башкирскихъ и татарскихъ селеній окружено русскими, потому самая жизнь и ежедневныя столкновенія давно уже заставили башкиръ и татаръ научиться русскому языку. Почти всѣ мужчины и теперь довольно порядочно говорятъ по-русски, а съ устройствомъ русскихъ школъ знаніе русскаго языка, конечно, распространится еще болѣе. Едва ли можно опасаться, что въ настоящую русскую школу башкиры не пойдутъ изъ религіозныхъ принциповъ, т.-е. изъ страха утратить здѣсь національный духъ и даже религію. Такія соображенія неоднократно были высказываемы со стороны мусульманскаго духовенства, и вѣроятно будутъ пропагандироваться и впередъ, но башкиры не такіе фанатики, не такіе мечтатели о самобытномъ процвѣтаніи своей народности, чтобы изъ-за опасенія слиться съ русскимъ населеніемъ стали отказываться отъ

прямыхъ своихъ выгодъ по образованію. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ, тамъ, гдѣ было возможно пристроиться въ русскую школу (къ сожалѣнію, такая возможность представлялась очень рѣдко), они дѣлали это очень охотно, безъ всякой задней мысли.

Башкирскія школы нельзя приравнивать къ киргизскимъ и туркестанскимъ, или инородческимъ школамъ, устраиваемымъ англичанами въ Индіи. Тамъ школа служитъ для ознакомленія съ господствующимъ европейскимъ языкомъ, предназначается для лицъ, *незнающихъ* этого языка, поэтому тамъ преподаваніе по необходимости должно происходить при содѣйствіи языка туземнаго, инородческаго. Башкирскія же школы должны имѣть другую задачу—сближеніе съ русской культурой и содѣйствіе къ воспріятію православной религіи,—такъ-какъ изученіе разговорнаго русскаго языка достигается и безъ школъ, само собой. Въ видахъ этого, татарскій языкъ въ башкирскихъ школахъ вѣроятно въ скоромъ времени можно будетъ совершенно игнорировать. Такой прямой и рѣшительный образъ дѣйствій скорѣе приведетъ къ цѣли, обоюдно-выгодной и для насъ, и для башкиръ, т.-е. къ постепенному сліянію ихъ съ русскимъ господствующимъ населеніемъ.

Вопросъ о будущей судьбѣ башкирскаго народа есть важный государственный вопросъ. Съ расширеніемъ нашихъ предѣловъ въ Средней Азіи, на юговосточной окраинѣ Россіи въ настоящее время сосредоточивается болѣе шести милліоновъ населенія тюркскихъ племенъ, исповѣдующихъ одну религію и говорящихъ почти однимъ языкомъ. Такая масса одноплеменнаго инородческаго населенія, сплошь занимающаго громадныя, совершенно открытыя области и примыкающаго къ странамъ съ такимъ же мусульманскимъ населеніемъ, при возможныхъ вспышкахъ мусульманскаго фанатизма, если не можетъ считаться опасной, то во всякомъ случаѣ требуетъ осторожности и предусмотрительности. Если бы даже мы были убѣждены, что многомилліонная масса одноплеменнаго народа не въ состояніи ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ причинить Россіи никакихъ политическихъ опасеній и замѣшательствъ, чтó весьма вѣроятно, то все-таки мы обязаны весьма серьёзно отнестись къ судьбѣ этихъ инородцевъ по чувству гуманности, по сознанію того историческаго призванія, которое выпало на долю Россіи по отношенію къ тюрко-татарскимъ племенамъ. Вслѣдствіе географическихъ и историческихъ комбинацій, славяно-русскому племени пришлось выполнять міровую историческую задачу—сначала защищенія европейской цивилизаціи отъ мусульманскаго фанатизма и восточнаго

варварства, а потомъ проведенія къ этимъ варварамъ европейской культуры и христіанской религіи. Стоя на рубежѣ между Европой и Азіей, славяно-русское племя съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего политическаго бытія должно было стать лицомъ къ лицу съ тюркскими и финскими племенами, вынести на себѣ всю силу ихъ враждебнаго натиска и въ борьбѣ за существованіе — побѣдить или умереть. Эта борьба, длившаяся столѣтія, извѣстна каждому. Православіе восторжествовало надъ мусульманствомъ и язычествомъ; финскія племена разсѣялись и ослабѣли до ничтожества; монголо-татарскія орды, когда-то грозныя несмѣтной численностью и силой, лежать въ прахѣ; христіанское русское племя, торжествуя побѣду надъ врагами, знаменуетъ ее не истребленіемъ и опустошеніемъ, а возрожденіемъ полудикихъ народовъ въ духѣ христіанства и цивилизаціи. Такъ понимала Россія свою историческую задачу, и въ этомъ направленіи дѣйствовала и дѣйствуетъ до сихъ поръ. Наши пріемы въ этомъ отношеніи гораздо человѣчнѣе и разумнѣе, нежели пріемы другихъ европейскихъ цивилизаторовъ по отношенію къ полудикому населенію своихъ колоній. Англичанинъ смотритъ на индуса, какъ на получеловѣка, никогда не сольется съ нимъ, не приравняетъ себя къ нему и, вслѣдствіе этого, является лишь эксплуататоромъ, но не проводникомъ европейскаго просвѣщенія. То же самое въ Америкѣ относительно туземнаго населенія, то же самое вездѣ. Одна Россія составляетъ исключеніе. Подчиняя себѣ азіатскія области, она принимаетъ новыхъ своихъ подданныхъ въ свою семью съ правами равенства и объединенія. Возникающія въ этихъ областяхъ русскія поселенія не чуждаются инородцевъ, вступаютъ съ ними въ близкія отношенія, и такимъ образомъ мало-по-малу свыкаются другъ съ другомъ и, наконецъ, при содѣйствіи языка и религіи, сливаются въ одну господствующую народность. Такой образъ дѣйствій, конечно, главнымъ образомъ зависитъ оттого, что въ Россіи инородческія области не представляютъ собой отдаленныхъ колоній, а смежны съ коренной русской территоріей, вслѣдствіе чего они легче заселяются русскимъ народомъ, что̀ и даетъ возможность болѣе легкаго и обширнаго сближенія и ассимиляціи. Затѣмъ и культурное развитіе нашего простого народа стоитъ ближе къ инородцамъ, нежели развитіе другихъ европейскихъ народовъ къ населенію ихъ колоній. Такъ или иначе, но ассимиляція въ Россіи азіатскихъ инородческихъ племенъ можетъ идти гораздо успѣшнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Эта послѣдняя мысль многимъ можетъ показаться парадоксальной. Почему-то у насъ сложилось убѣжденіе, будто бы Россія,

едва способная управляться сама съ собой, не въ состояніи выполнять культурныя задачи относительно своихъ инородцевъ. При господствующемъ въ настоящее время пессимистическомъ взглядѣ на свое отечество, многіе, въ подтвержденіе вышеприведенной мысли, указываютъ на вѣковую неприкосновенность татарскаго культа, на слабость миссіонерской дѣятельности, на нерѣдкіе примѣры перехода инородцевъ изъ православія въ мусульманство и т. под. Эти частные факты, по моему мнѣнію, не имѣютъ историческаго значенія, такъ какъ въ общемъ ходѣ ассимиляція продолжается у насъ сравнительно весьма успѣшно. Если бы была возможность сравнить численность народонаселенія тюркскихъ и финскихъ племенъ, обитающихъ въ предѣлахъ русскаго царства, за столѣтіе и болѣе назадъ, съ численностью нынѣшняго народонаселенія, то разница не въ пользу инородцевъ была бы слишкомъ очевидна. Безъ точныхъ вычисленій бросается въ глаза, что инородцы уменьшаются въ числѣ, какъ бы таютъ въ средѣ русскаго населенія. Это уменьшеніе отчасти зависитъ отъ неблагопріятныхъ условій жизни, усиленной смертности и слѣдовательно вырожденія, но едвали не болѣе того отъ сліянія съ русскимъ народомъ (ассимиляціи). Не заходя въ глубокую древность, когда первые русскіе подвижники съ большимъ успѣхомъ распространяли христіанскую вѣру между сосѣдями-язычниками: половцами, болгарами, чудью, вотяками, черемисами, корелами и пр., и такимъ образомъ расширяли предѣлы русскихъ княжествъ, и въ послѣднее время нельзя упрекнуть нашу миссіонерскую дѣятельность ничтожными результатами. Великое дѣло творится не вдругъ, а шагъ за шагомъ, капля по каплѣ; но въ общемъ результатѣ ежегодно мы видимъ сотни обращенныхъ къ православію и на дальнемъ востокѣ между корейцами, и въ сѣверныхъ тундрахъ между остяками, якутами, бурятами и въ центрѣ Россіи между всевозможными инородцами. Распространеніе христіанства особенно успѣшно идетъ между финскими племенами. По показаніямъ пермскаго статистическаго комитета, крещеныхъ вогулъ въ этой губерніи считается 1,667, некрещеныхъ 237; крещеныхъ пермяковъ 61,555, некрещеныхъ нѣтъ ни одного; 411 человѣкъ зырянъ тоже всѣ крещены. Въ пензенской губерніи крещеныхъ мещеряковъ считается 36,994; а въ саратовской 3,000, некрещеныхъ нѣтъ. Въ вятской губерніи крещеныхъ пермяковъ 7,650, некрещеныхъ нѣтъ; крещеныхъ вотяковъ 205,169, некрещеныхъ 14,143. Въ казанской губерніи крещеныхъ вотяковъ 5,258, некрещеныхъ 2,459; въ самарской крещеныхъ вотяковъ 1,257, некрещеныхъ нѣтъ. Въ уфимской губерніи некрещеныхъ

вотяковъ 18,000, крещеныхъ только 1,994. Во всѣхъ губерніяхъ крещеныхъ вотяковъ считается 213,678, а некрещеныхъ 37,555; крещеныхъ пермяковъ 68,763, мещеряковъ 39,994; изъ тѣхъ и другихъ некрещеныхъ нѣтъ. Крещеной мордвы 687,985, некрещеной только 1,563; крещеныхъ чувашъ 552,045, некрещеныхъ 14,928; крещеныхъ черемисъ 201,585, некрещеныхъ 67,048. Изъ этихъ данныхъ, доставленныхъ губернскими статистическими комитетами, видно, что наибольшая часть финскихъ племенъ исповѣдуетъ христіанство и, слѣдовательно, находится на полъ-пути къ полной ассимиляціи. Въ этомъ счисленіи, конечно, берутся въ разсчетъ только тѣ инородцы, которые сохранили свой языкъ и національные признаки, но масса ихъ, окончательно ассимилированныхъ, безъ сомнѣнія считается уже въ рядахъ русскаго населенія. Небольшой остатокъ вогулъ и зырянъ ясно показываетъ, что эти племена, подъ вліяніемъ ассимиляціи, почти растворились уже въ русской народности.

Не такъ успѣшно распространяется христіанство между магометанами. Въ 11 губерніяхъ казанскаго учебнаго округа татаръ-магометанъ считается 970,649, а крещеныхъ 83,244; башкиръ-магометанъ 999,818, а крещеныхъ 837; на 155,845 магометанъ-киргизовъ (этого же округа) крещеныхъ показано только 24. Крещеныхъ татаръ больше всего въ вятской губерніи, именно 12,780 на 76,617 магометанъ, и въ уфимской губерніи—18,876 на 68,271 магометанина. Въ казанской губерніи на 438,598 татаръ-магометанъ,—крещеныхъ 44,111; въ симбирской на 91,562,—крещеныхъ 2,045. Въ остальныхъ губерніяхъ процентъ крещеныхъ татаръ еще менѣе. Между крещеными татарами различаютъ: старокрещенъ, новокрещенъ и отступники. Къ первымъ причисляются принявшіе христіанство около второй половины прошлаго столѣтія, когда была учреждена контора новокрещенскихъ дѣлъ (центральное миссіонерское учрежденіе на 8 епархій) для утвержденія въ вѣрѣ инородцевъ. Старокрещены большею частію живутъ отдѣльными селами и сосредоточиваются въ уѣздахъ: мамадышскомъ, лаишевскомъ, чистопольскомъ и частію казанскомъ—казанской губерніи;—въ буинскомъ и ардатовскомъ—симбирской; въ бугульминскомъ и самарскомъ—самарской губерніи; въ елабужскомъ и малмыжскомъ уѣздахъ — вятской губерніи. Отступники чаще встрѣчаются между новокрещенами и преимущественно тамъ, гдѣ не утвердившіеся въ вѣрѣ татары-христіане живутъ въ небольшомъ числѣ между магометанами. При этихъ условіяхъ иногда отпадаютъ въ магометанство и финскія племена, какъ христіане, такъ и язычники (Маловъ, «Статисти-

ческія свѣдѣнія о крещеныхъ татарахъ казанской и нѣкоторыхъ другихъ епархій въ волжскомъ бассейнѣ»).

Принявшіе православіе, рано или поздно, входятъ въ русскую семью, сливаются съ русскимъ народомъ до такой степени, что не остается возможности отличить ихъ прежнія инородческія черты. Какъ на примѣръ этого превращенія, совершающагося на нашихъ глазахъ, можно указать на мещеряковъ пензенской губерніи. Исповѣдуя православную вѣру (нѣкоторые въ чембарскомъ уѣздѣ сдѣлались раскольниками), они всѣ говорятъ русскимъ языкомъ, только не такъ чисто произносятъ нѣкоторые звуки. Изрѣдка встрѣчающіяся у нихъ не-русскія слова, уцѣлѣвшія изъ прежняго ихъ языка, въ разговорѣ измѣняются по законамъ русской рѣчи. Свой языкъ мещеряки совсѣмъ почти забыли и обрусѣли настолько, что едва можно ихъ отличить отъ русскихъ крестьянъ. Вмѣстѣ съ вѣрою и языкомъ, они усвоили себѣ и нравы и обычаи русскаго народа. Въ одеждѣ осталась разница въ мужскихъ рубашкахъ, которыя у мещеряковъ длинныя и бѣлыя, съ красными и синими каймами по вороту, рукавамъ и подолу. Нѣкоторые изъ мещеряковъ называются полумещерой. Это названіе, вѣроятно, когда-то дано было имъ въ отличіе отъ своихъ собратій, менѣе обрусѣвшихъ. Въ одномъ чембарскомъ уѣздѣ, въ 30 селеніяхъ, обрусѣвшихъ мещеряковъ находится болѣе 17 т. душъ. То же самое можно сказать про мещеряковъ саратовскихъ, про зырянъ, вогулъ и другихъ финскихъ инородцевъ.

Если мы будемъ всматриваться въ анатомическій типъ русскаго народа, то ясно увидимъ въ замѣчательномъ множествѣ примѣсь такихъ особенностей, какія совершенно не свойственны славянской расѣ, а напоминаютъ признаки тюркскаго или финскаго типа. Недаромъ высказывалось мнѣніе, что славяно-русское племя представляетъ собой конгломератъ народностей, слившихся въ одно цѣлое при помощи языка и религіи. Въ этомъ нельзя не признать доли правды. У насъ есть цѣлыя, чисто русскія, провинціи, отличающіяся особымъ внѣшнимъ складомъ, особымъ говоромъ и крайне оригинальнымъ народнымъ костюмомъ, особенно женскимъ Здѣсь невольно приходитъ въ голову, что эти особенности (напр. цо́канье, цаканье и другія странности народнаго го́вора) суть слѣды другой народности, окончательно затерявшейся въ славянской расѣ. Точно также между мордвой, черемисами, зырянами нерѣдко можно встрѣтить чисто русскія деревни съ населеніемъ, сохранившимъ рѣзкій анатомическій типъ окрестныхъ инородцевъ. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что

славяно-русская раса ассимилируетъ своихъ инородцевъ съ значительнымъ успѣхомъ, до нѣкоторой степени пополняется и размножается на ихъ счетъ. Это было съ самаго основанія русскаго царства, и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока задачи объединенія не будутъ доведены до конца, т.-е. всѣ инородцы не войдутъ въ составъ русскаго племени.

Тюркскія племена, въ томъ числѣ и башкиры, конечно, не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. По историческимъ и географическимъ условіямъ, они не могутъ разсчитывать на самостоятельное политическое возрожденіе своей народности; слѣдовательно, должны неизбѣжно покориться историческому закону или вырожденія, или слиянія съ господствующей расой. Чѣмъ скорѣе произойдетъ послѣднее, тѣмъ лучше, даже въ видахъ ихъ собственной пользы. Гораздо человѣчнѣе желать этого слиянія и содѣйствовать ему, нежели, отстаивая принципы національной самостоятельности, ускорять черезъ это ихъ вырожденіе. Въ смѣшанномъ населеніи предотвратить борьбу за существованіе двухъ неравносильныхъ народностей—невозможно. Сильное племя неизбѣжно будетъ истощать и вытѣснять слабѣйшее. Иначе и быть не можетъ, потому что физическое усовершенствованіе и размноженіе расы, даже при отсутствіи посторонней эксплуатаціи и борьбы за право размноженія, идетъ пропорціонально культурному развитію.

Въ подтвержденіе этого мы должны бы были сослаться на статистическія данныя, но, анализируя ихъ, нашли столько неточностей и очевидныхъ ошибокъ, что сочли невозможнымъ опереться на эти цифры. Такъ, напримѣръ, по Кеппену (по 8—9 ревизіи), около 1834 года башкиръ считалось въ самарской, вятской, пермской и оренбургской губерніяхъ 392,072. По спискамъ населенныхъ мѣстностей и другимъ источникамъ 60-хъ годовъ ихъ насчитывается уже 974,714, что́, конечно, никакъ нельзя объяснить естественнымъ приростомъ населенія, а очевидной ошибкой счисленія. По статистическимъ свѣдѣніямъ, относящимся къ 1869 году, число башкиръ крещеныхъ и некрещеныхъ опредѣляется въ 1,000,655; слѣдовательно, сравнительно съ предыдущей цифрой показывается прибыль населенія въ 25,941. Башкиръ и татаръ въ совокупности, по даннымъ 60-хъ годовъ, въ 11 губерніяхъ казанскаго учебнаго округа опредѣляется 2,082,207, а по свѣдѣніямъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ за 1869 г. ихъ считается 2,054,598; слѣдовательно на 27,609 меньше. По Кеппену, башкиръ и татаръ въ тѣхъ же губерніяхъ около 1834 г. считалось 1,282,875. Сравнивая эту цифру съ данными 60-хъ

годовъ, мы видимъ черезъ 26 лѣтъ прибыль населенія почти въ 800 тысячъ, чего допустить невозможно. Ошибка въ счисленіи инородцевъ, кромѣ общей неаккуратности и путаницы статистическихъ данныхъ, вѣроятно, происходитъ и оттого, что самая классификація народностей не имѣетъ прочнаго основанія. Относительно башкиръ, напримѣръ, ихъ то причисляютъ къ финскимъ племенамъ, показывая вмѣстѣ съ чувашами и мещерой, то этихъ послѣднихъ, подъ именемъ тептярей и бобылей, причисляютъ къ башкирамъ. Общіе итоги отъ этого, конечно, будутъ существенно страдать.

Вырожденіе башкиръ, равно какъ и другихъ слабѣйшихъ инородцевъ, можно было предполагать по теоретическимъ соображеніямъ и по примѣру другихъ народностей, стоящихъ въ подобныхъ условіяхъ. Чтобы провѣрить это по дѣйствительнымъ фактамъ, я, во время путешествія, старался, гдѣ возможно, разспрашивать о прибыли или убыли башкирскаго населенія. Почти вездѣ, отъ самихъ башкиръ, получался одинъ отвѣтъ, что прежде ихъ было значительно больше. Напримѣръ, если 10 лѣтъ назадъ въ волости считалось 5 тысячъ, то теперь насчитываютъ 4 или даже 3 тысячи. Это по изустнымъ разсказамъ, которые, конечно, не могутъ быть точны; оффиціальныхъ же данныхъ по этому вопросу я получить не могъ. Интересуясь смертностью башкиръ, я нашелъ весьма интересныя данныя по этому вопросу въ статьѣ г. медицинскаго инспектора оренбургскаго края, В. В. Лотина «Возвратныя горячки въ оренбургскомъ краѣ» («Медицинскій Вѣстникъ» 1866 года, № 23—25), совершенно подтверждающія вышеприведенныя соображенія и слухи. Я позволяю себѣ привести здѣсь небольшія извлеченія изъ этой статьи. На стр. 14-й г. Лотинъ говоритъ: «въ самыхъ большихъ размѣрахъ эпидемія возвратной горячки была въ Башкиріи. Въ иныхъ мѣстностяхъ какъ болѣзненность, такъ и смертность отъ возвратной горячки достигала громадныхъ размѣровъ... Изъ имѣющихся у меня документовъ я могу указать только на нѣкоторыя мѣстности двухъ уѣздовъ: оренбургскаго и орскаго, гдѣ я былъ самъ во время эпидеміи. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ этихъ уѣздовъ болѣзненность была колоссальная и смертность въ теченіи 1865 года доходила *до 26—44⁰/о по отношенію къ общему числу народонаселенія*». Далѣе подробно перечисляется смертность по волостямъ и деревнямъ. Напр., во 2-й усяргонской волости изъ 8529 душъ умерло 1019; въ 3-й усяргонской волости изъ 7116 умерло 808; въ 1-й бурзянской волости изъ 8544 человѣкъ народонаселенія умерло 977 и т. д. «Эти цифры,—прибавляетъ г. Лотинъ,—не-

смотря на ихъ оффиціальный источникъ, можетъ быть еще не вполнѣ точны, потому что лица, представлявшія ихъ, сами говорятъ, что свѣдѣнія собирались ими наскоро, при проѣздѣ черезъ извѣстныя мѣстности. Но что болѣзненность и смертность между башкирами доходила до ужасающихъ размѣровъ,—это фактъ. Причиною страшнаго развитія эпидеміи и смертности были весьма дурныя діэтико-гигіеническія условія, т.-е голодъ и дурныя жилища этихъ полудикихъ азіатцевъ, при каковыхъ условіяхъ всякая, даже легкая, эпидемія должна неизбѣжно производить такія же печальныя послѣдствія». Интересны въ той же статьѣ и нѣкоторыя экономическія указанія, относящіяся къ 1865 году. «Вотъ, для примѣра,—говоритъ Лотинъ,—положеніе одной изъ башкирскихъ волостей, а именно 4-й усяргонской. Въ 1865 году въ этой волости пало: лошадей 2774, рогатаго скота 2272, овецъ и козъ 3272. Неимѣющихъ совершенно скота и не сѣявшихъ хлѣба въ этой волости—до 214 домохозяевъ, что̀ равняется почти 960 душамъ обоего пола. И такихъ мѣстностей, конечно, не мало между башкирами. Бѣдные башкиры питаются зимой вообще очень скудно. Въ 1866 году, при поѣздкѣ моей по Башкиріи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оренбургскаго и орскаго уѣздовъ я былъ пораженъ ужасающей нищетой. Были жилища, гдѣ не было рѣшительно ничего съѣстного и сами жители заявляли, что они не ѣли ничего по нѣскольку дней, чему можно было вѣрить, глядя на ихъ истощенныя фигуры. Большая часть бѣдныхъ довольствовалась испеченными въ золѣ лепешками изъ толченаго проса или лебеды. Эти лепешки имѣли отвратительный промзглый запахъ, непріятный вкусъ и съ виду были похожи на засушенную глину. Другое кушанье—болтушка изъ воды съ мукой или отваръ проса въ водѣ. Проѣзжая множество деревень, лошадиное мясо я видѣлъ только въ одномъ домѣ». Не болѣе приглядно описывается жилище и одежда башкиръ. Относительно послѣдней авторъ замѣчаетъ: «многіе бѣдные не носятъ рубахъ ни зимой, ни лѣтомъ: верхняя одежда—халатъ или армякъ—надѣвается на голое тѣло. Во многихъ жилищахъ я видѣлъ взрослыхъ дѣвушекъ безъ рубахъ, вся одежда̀ ихъ заключалась въ однихъ лохмотьяхъ. Дѣти у большей части бѣдныхъ башкиръ и зимой и лѣтомъ держатся совершенно голыми».

При такомъ экономическомъ положеніи народа, который и въ настоящее время едва ли лучше, чѣмъ въ 1866 году, нельзя и думать о приращеніи населенія. Какъ результатъ бѣдности, чаще или рѣже, но неизбѣжно будутъ повторяться эпидеміи въ родѣ вышеописанной, и народонаселеніе будетъ обре-

чено къ вымиранію, если только оно не оставитъ своего полудикаго образа жизни. Поднять экономическій бытъ и благосостояніе башкиръ до уровня русскихъ крестьянъ, не посягая на ихъ народность и азіатскія привычки, едва ли возможно. Башкиръ-магометанинъ всегда будетъ придерживаться своего склада жизни, и, вслѣдствіе этого, какъ элементъ болѣе слабый въ средѣ народонаселенія съ высшей культурой, будетъ нести на себѣ всѣ невыгоды борьбы за существованіе. Несмотря на водвореніе осѣдлости, и даже нѣкоторыя гражданскія преимущества, несмотря на богатство земельныхъ угодій, башкиры не будутъ въ состояніи конкуррировать съ русскими крестьянами, пока сами не превратятся въ такихъ же крестьянъ. Это мы видимъ на всѣхъ азіатскихъ инородцахъ. Инородческія деревни, принявшія христіанство, представляютъ уже гораздо лучшій экономическій бытъ, чѣмъ деревни языческія или магометанскія. Чѣмъ больше они утрачиваютъ инородческіе признаки и приближаются къ крестьянамъ, тѣмъ выше поднимается и ихъ благосостояніе. Это видно, напримѣръ, на тептярскихъ и мордовскихъ деревняхъ, или у зырянъ, принявшихъ православіе. По складу жизни, экономическимъ привычкамъ и зажиточности нерѣдко ихъ трудно даже отличить отъ русскаго крестьянина. Поэтому, мнѣ кажется, что въ видахъ прямой пользы для самихъ инородцевъ, всѣ мѣропріятія для коренного улучшенія ихъ быта, должны быть направляемы къ тому, чтобы возможно скорѣе достигнуть сліянія ихъ съ русскимъ народонаселеніемъ, путемъ языка, русской грамотности и религіи. Всѣ остальные способы будутъ временными полумѣрами. Въ концѣ-концовъ, судьба башкирскаго народа можетъ быть двоякая—или вырожденіе, или ассимиляція русской народностью. Послѣдній изъ этихъ путей, конечно, самый гуманный и выгодный какъ для насъ, такъ и для нихъ.

В. Флоринскій.

ИСПЫТАНІЕ ЖЕНЪ

Изъ «Orlando furioso» Аріосто *).

[В. В. Марковъ].

I.

Съ владѣльцемъ зáмка за столомъ не разъ
Рѣчь заводилъ Ринальдо, и порою
Его пытался вызвать на разсказъ
Обѣщанный; но герцогъ былъ тоскою
Исполненъ тайной: онъ вздыхалъ, томясь,
И, на руку поникнувъ головою,
Молчалъ печально, и, казалось, онъ
Былъ въ грустныя мечтанья погруженъ.

II.

Узнать причину тайную печали
Желалъ Ринальдо; но спросить о томъ
И вѣжливость, и скромность воспрещали.
Когда-жъ обѣдъ былъ конченъ и вдвоемъ
Съ хозяиномъ они остались въ залѣ,
Явился пажъ: онъ чашу несъ съ виномъ,
На ней по золоту пестрѣли въ блескѣ
Изъ драгоцѣнныхъ камней арабески.

---

*) Въ настоящемъ году, 8-го сентября, Италія торжественно праздновала 400-лѣтній юбилей Лудовико Аріосто (ум. 6-го іюня 1533 г.), на мѣстѣ его рожденія, въ Реджіо, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жилъ поэтъ. Юбилей Аріосто прошелъ, впрочемъ, и въ Италіи менѣе громко, чѣмъ отпразднованный незадолго передъ тѣмъ юбилей

III.

На рыцаря печальный бросивъ взглядъ,
Владѣлецъ зàмка молвилъ: «Для тебя я
Теперь открою то, чтó часъ назадъ
Ты знать желалъ. Вотъ чаша, налитая
Виномъ кипящимъ: каждый, кто женатъ,
Ее имѣть бы долженъ. Вещь такая
Неоцѣненна, вѣрь мнѣ, для мужей:
Волшебное таится свойство въ ней.

IV.

Мужьямъ, конечно, нужно убѣжденье
Въ любви прямой и вѣрности ихъ женъ.
Мужъ долженъ вѣдать — честь иль посрамленье
Его союзъ; жены владыка онъ,
Иль жалкій шутъ. Кто носитъ украшенье
Постыдное, тотъ кажется смѣшонъ,
А между тѣмъ почти всегда бываетъ,
Что мужъ своихъ роговъ не замѣчаетъ.

V.

Отрадно быть увѣреннымъ въ женѣ:
Тогда ее мы цѣнимъ вдвое болѣ;
Мучительно—не вѣрить ей вполнѣ,
Подозрѣвать, терзаясь противъ воли.
Одни ревнуютъ женъ, хотя онѣ —
Примѣры вѣрности въ семейной долѣ;
Другіе, гордостью ослѣплены,
Не видятъ явнаго паденія жены.

Петрарки, а у насъ онъ почти не былъ замѣченъ ни прессою, ни публикою. Желая сколько-нибудь напомнить читателямъ объ одномъ изъ величайшихъ поэтовъ новой цивилизаціи, и притомъ произведеніемъ его же генія, мы предлагаемъ переводъ эпизода изъ его знаменитой поэмы «Orlando furioso». Эта поэма до сихъ поръ не имѣетъ не только полнаго стихотворнаго, но даже и прозаическаго перевода въ нашей литературѣ. Сколько намъ извѣстно, кромѣ перевода Ранча, переложившаго «балладнымъ» размѣромъ первыя пѣсни «Неистоваго Орланда», кромѣ незначительнаго отрывка изъ XXIII пѣсни, набросаннаго Пушкинымъ, другихъ переводовъ нѣтъ. Избранный нами эпизодъ составляетъ совершенно отдѣльное цѣлое; онъ образуетъ собою конецъ XLII и начало XLIII пѣсни, и считается однимъ изъ наиболѣе блестящихъ мѣстъ поэмы. Въ первый разъ поэма была напечатана въ 1514—16 гг.

VI.

Коль убѣдиться хочешь ты, вѣрна ли
Тебѣ жена — любя ее душой,
Ты сомнѣваться можешь въ ней едвали —
Отпей изъ этой чаши золотой.
Узнать жестокой ревности печали,
Иль счастья безмятежнаго покой
Ты долженъ тотчасъ, если есть желанье
Въ тебѣ судьбы извѣдать испытанье.

VII.

Изъ этой чаши пить не можетъ тотъ,
Чей лобъ жена украсила рогами:
Вино ему не попадаетъ въ ротъ
И разливается на грудь струями.
Но чья жена безгрѣшна и блюдетъ
Святыню долга — жадными устами
Тотъ выпиваетъ чашу всю до дна:
Итакъ, узнай, вѣрна-ль тебѣ жена».

VIII.

Онъ, кончивъ рѣчь, взглянулъ на паладина
И ожидалъ, какъ тотъ прольетъ вино...
Корысть проклятая! людскихъ скорбей причина!
Въ своихъ когтяхъ терзаешь ты равно
И низкаго раба, и властелина,
Чье имя было бы въ вѣкахъ озарено
Лучами славы, еслибы душою
Не пресмыкался онъ передъ тобою.

IX.

Ты губишь всѣхъ: мудрецъ, чей вѣщій взоръ
Измѣрилъ землю, небеса и воды,
Извѣдалъ бездны, гдѣ ведется споръ
Силъ зиждущихъ и рушащихъ природы, —
Онъ жаждетъ денегъ, будто мотъ иль воръ,
Онъ копитъ ихъ, пока могилы своды
Его навѣкъ не скроютъ: уязвленъ
Корысти жаломъ ядовитымъ онъ.

X.

Могучій вождь, кого полки страшатся,
Кто рушитъ въ прахъ твердыни городовъ
И входитъ въ нихъ, чтобъ лаврами вѣнчаться,
Кто ударяетъ первымъ на враговъ, —
И тотъ предъ алчностью готовъ смиряться,
Готовъ сносить позоръ ея оковъ;
И ты, художникъ, небомъ вдохновенный,
Нерѣдко чтишь ея кумиръ презрѣнный.

XI.

Вы, женщины, предъ чьею красотой
Все клонится съ невольнымъ обожаньемъ,
Чья добродѣтель кажется святой
И недоступной предъ земнымъ желаньемъ, —
Кто-бъ вѣрить могъ! — и вашею душой
Корысть владѣетъ: золота сіяньемъ
Порокъ сѣдой и безобразный васъ
Заманивалъ въ объятія не разъ.

XII.

Я могъ бы здѣсь потолковать объ этомъ
Подробнѣе, но предпочту молчать
И удержу, чтó знаю, подъ секретомъ.
Къ тому же, намъ пора вернуться вспять,
Чтобъ разсужденья этихъ строфъ съ сюжетомъ
Исторіи, мной начатой, связать.
Итакъ, Ринальдо взялъ съ напиткомъ чашу—
На этомъ мы нрервали повѣсть нашу—

XIII.

Взялъ, и затѣмъ... задумался надъ ней
И молвилъ герцогу: «Безумно знанье
Того, чтó можетъ для души моей
Принесть печаль и вѣчное терзанье.
Моя Клариса—женщина, и ей
Доступна слабость женщинъ. Испытанье
Мою любовь погубитъ вдругъ—какъ знать?
И что-жъ оно взамѣнъ мнѣ можетъ дать?

XIV.

Да, съ счастіемъ прощуся навсегда я,
А радость жизни не найду опять.
О, нѣтъ, не можетъ власть небесъ благая
Подобную пытливость одобрять,
И потому—прочь чаша золотая!
Я не хочу уста къ ней приближать,
Не пріобщусь ея чудеснымъ чарамъ,
Чтò для меня печальнымъ будутъ даромъ.

XV.

Мы знаемъ всѣ, какъ нѣкогда Адамъ,
Запретный плодъ отвѣдавши, изъ рая
Навѣкъ былъ изгнанъ, обреченъ скорбямъ
И жизнь влачилъ, и плача и страдая;
Объ этомъ помнить надобно мужьямъ
И женъ любить, напрасно не пытая
Ихъ тайныхъ чувствъ, и мыслей, и рѣчей,
Чтобъ не утратить рай любви своей».

XVI.

Такъ говоря, порывистымъ движеньемъ
Онъ отодвинулъ чашу отъ себя.
Владѣлецъ зáмка съ горестнымъ томленьемъ
Ему внималъ и молвилъ такъ, скорбя:
«Проклятье той, чьимъ лживымъ убѣжденьямъ
Повѣрилъ я, кто, жизнь мою губя,
Зажегъ во мнѣ безумное желанье
Мою жену обречь на испытанье.

XVII.

О, если бы я десять лѣтъ назадъ
Могъ внять твои разумныя сужденья,
Не зналъ бы слезъ я, чтò теперь мрачатъ
Мои глаза, не вѣдалъ сожалѣнья
О счастіи, къ которому возвратъ
Ужъ невозможенъ. Всѣ мои мученья
Я разскажу тебѣ. Меня не разъ
Ты пожалѣешь, выслушавъ разсказъ.

XVIII.

От благородныхъ предковъ родился я
Въ сосѣднемъ городѣ, у гардскихъ водъ,
Гдѣ, озеро родное покидая,
Стремится По волнистая впередъ.
Меня судьба преслѣдовала злая:
Въ то время обѣднѣлъ нашъ знатный родъ,
И въ дѣтствѣ я, съ нуждой тяжелой споря,
Немало вынесъ и труда, и горя.

XIX.

Но рокъ, меня богатствомъ обдѣливъ,
Почтилъ за то наградою иною:
Я выросъ статенъ и лицомъ красивъ,
Я благороденъ, пылокъ былъ душою,
И потому въ любви весьма счастливъ.
Да, женщины плѣнялись часто мною:
Хвалиться мнѣ неловко, но привѣтъ
Красавицъ я встрѣчалъ отъ юныхъ лѣтъ.

XX.

Въ родимомъ городѣ моемъ въ тѣ годы
Жилъ мудрый старецъ; умъ его проникъ
Въ пучину знанья, въ таинства природы.
Сто-двадцать лѣтъ онъ видѣлъ солнца ликъ;
Но старости недуги и невзгоды
Не изсушили силъ его родникъ:
Почти всю жизнь проживъ вдали отъ свѣта,
Любовь узналъ въ преклонныя онъ лѣта.

XXI.

Его плѣнила дѣвушка одна;
Купивъ ее своихъ богатствъ цѣною,
Онъ прижилъ дочь. Боясь, что суждена
Ей участь матери судьбиной злою,
Воздвигъ онъ этотъ зàмокъ, гдѣ она
Жила въ уединеньи, за стѣною
Высокою. Хоть обойди весь свѣтъ,
Нигдѣ еще такого зàмка нѣтъ.

XXII.

Здѣсь воспиталъ ее онъ подъ надзоромъ
Женъ добродѣтельныхъ, и къ ней сюда,
За стѣны крѣпкихъ башенъ, даже взоромъ
Не проникалъ мужчина никогда.
Здѣсь изваянья женщинъ тѣхъ, которымъ
Была любовь запретная чужда,
Поставилъ онъ, чтобъ дѣва молодая
Всегда ихъ видѣла, о нихъ мечтая.

XXIII.

И, кромѣ женъ, чья слава донеслась
Отъ древнихъ дней, мудрецъ воздвигнулъ лики
Еще другихъ, что̀ будутъ послѣ насъ
Суровой добродѣтелью велики.
Ты видишь тамъ, гдѣ бьетъ фонтанъ, струясь,
Средь зелени жемчужной павилики
Стоятъ, подобны снѣгу въ бѣлизнѣ,
Семь изваяній женскихъ—то онѣ.

XXIV.

Когда созрѣла чудной красотою
Дочь мудреца, я избранъ былъ въ мужья
Красавицѣ. Привѣтливой судьбою
Былъ надѣленъ безмѣрнымъ счастьемъ я,
И погубилъ его своей виною....
Все, что̀ ты видишь здѣсь—лѣса, поля
И за̀мокъ съ паркомъ пышнымъ и пространнымъ,
Старикъ мнѣ далъ за дочерью приданымъ.

XXV.

Моя жена была чиста душой,
И красоты небесной обольщенья
Все въ ней являло: взглядъ очей живой
И стройный станъ и легкія движенья;
Подъ звуки лютни сладкіе порой
Она любила пѣть, и это пѣнье,
Звучавшее, какъ ангела привѣтъ,
Мнѣ не забыть на склонѣ позднихъ лѣтъ.

XXVI.

И не одна краса въ ней чаровала:
Воспитана съ любовью мудрецомъ,
Она богатствами души плѣняла—
Искусствами, любезностью, умомъ.
Она меня на мигъ не покидала,
Она жила душой во мнѣ одномъ
И, мнѣ казалось, каждый новый день я
Съ ней новыя встрѣчаю наслажденья.

XXVII.

Пять сладкихъ лѣтъ прошло быстрѣе сна;
Мой добрый тесть тогда былъ взятъ землею;
И въ это время женщина одна
Меня узнала и плѣнилась мною.
Владѣла тайнымъ волшебствомъ она:
По волѣ солнце омрачала тьмою,
Вздымала бурю, и покоренъ былъ
Ея велѣньямъ сонмъ ночныхъ свѣтилъ.

XXVIII.

Хотя она была лицомъ и станомъ
Милѣй Венеры, хотя въ любви своей
Она огнемъ пылала неустаннымъ,—
Я отвѣчать не могъ любовью ей,
За тѣмъ, что это было бы обманомъ,
Обидой низкой для жены моей.
И тщетно силъ волшебныхъ чарованьемъ
Она влекла меня къ своимъ желаньямъ.

XXIX.

Счастливъ любовью страстною къ женѣ,
Я не имѣлъ и мысли объ измѣнѣ.
И еслибы тогда явилась мнѣ
Красавица, подобная Еленѣ,
Я равнодушенъ былъ бы къ ней вполнѣ.
И обольщенья, и мольбы, и пени
Волшебницы я гордо пренебрегъ
И тѣмъ, увы, въ ней страсть сильнѣй разжегъ.

XXX.

Съ Милиссою (такъ называли фею)
Я на охотѣ повстрѣчался разъ;
Мнѣ въ разговоръ вступить пришлося съ нею;
Волшебница лукаво принялась
Меня хвалить за то, что я умѣю
Быть вѣрнымъ той, которая клялась
Сама мнѣ въ вѣрности святой, и вѣчной,
И сохраняетъ клятву ту, конечно.

XXXI.

— «Но ты еще жену не испыталъ:—
Сказала фея, сердце мнѣ смущая—
Ты никогда ее не покидалъ,
Она живетъ, другихъ мужчинъ не зная.
Вотъ, еслибы ты ей свободу далъ,
Тогда, любовь подруги восхваляя,
Ты могъ бы смѣло говорить о ней,
Что въ этомъ мірѣ нѣтъ жены вѣрнѣй.

XXXII.

Покинь ее, и ложною молвою
О томъ, что ты далеко—обмани.
Пусть къ ней придутъ поклонники толпою,
Пусть лесть любви и золото они
Разсыплютъ щедро, и когда душою
Она тверда останется—храни
Въ нее увѣренность: она по праву
Заслужитъ древней Пенелопы славу».

XXXIII.

Такъ убѣждала фея; ей отвѣтъ
Съ довѣрчивостью я сказалъ слѣпою:
— «Положимъ, я исполню твой совѣтъ,
Я испытанье сдѣлаю съ женою:
Кто скажетъ мнѣ, обманутъ я иль нѣтъ?
Какъ я измѣну тайную открою?
Въ сомнѣньи тяжкомъ я не буду знать
Любить ли мнѣ жену, иль презирать?»

XXXIV.

Волшебница на это возразила:
— «Могу тебѣ я чашу подарить;
Сокрыта въ ней таинственная сила:
Ее до дна ты долженъ осушить,
Когда тебѣ жена не измѣнила;
Но если ты обманутъ, то отпить
Тебѣ вина и капли не придется:
Оно на грудь тотчасъ же разольется».

XXXV.

Я попросилъ, чтобъ принесла она
Мнѣ эту чашу. Опытъ сдѣланъ мною
И удался: я не разлилъ вина.
— «Теперь, попробуй, разлучись съ женою,—
Сказала фея:—будетъ ли вѣрна
Ея любовь и грудь твоя сухою
Останется-ль, коль вздумаешь опять
Ты испытанье съ чашей повторять».

XXXVI.

Съ женой разстаться тяжело мнѣ было:
Въ разлукѣ съ ней пробыть не могъ я часъ.
Тогда Милисса средство предложила
Коварное: она мой видъ взялась
Перемѣнить волшебства тайной силой,
Затѣмъ чтобъ я, передъ женой явясь,
Съ чужимъ лицомъ и голосомъ и взоромъ,
Могъ насладиться самъ своимъ позоромъ!

XXXVII.

Близъ устьевъ По, гдѣ за волной волну
Она бросаетъ въ брызгахъ пѣны бѣлой,
Высокій зaмокъ виденъ. Въ старину
Воздвигнутъ онъ троянцевъ ратью смѣлой,
Искавшей здѣсь спасенія въ войну
Съ Аттилою. Какъ стóрожъ посѣдѣлый,
Онъ на скалѣ стоитъ береговой,
Любуясь окрестною страной.

XXXVIII.

Могучій рыцарь правилъ той страною.
Онъ молодъ былъ, онъ былъ хорошъ лицомъ.
Охотясь разъ, онъ встрѣтился съ женою,
И къ ней любовь зажглась мгновенно въ немъ;
И съ той минуты страстною мечтою
Томился онъ и думалъ лишь о томъ,
Чтобъ, внявъ любви моленьямъ и страданьямъ,
Она къ его склонилася желаньямъ.

XXXIX.

Но у жены онъ цѣли не достигъ:
Исканія его не удалися,
Онъ былъ отвергнутъ. И его-то ликъ
Мнѣ придала коварная Милисса.
Отъ чаръ ея я измѣнился въ мигъ:
Мои глаза инымъ огнемъ зажглися,
И голосъ мнѣ, и цвѣтъ волосъ и станъ
Соперника волшебницей былъ данъ.

XL.

Увѣривши жену, что удалился
Надолго я въ предѣлъ страны иной,
Я въ образѣ обманномъ воротился;
Волшебница была моимъ слугой;
Сокровища—кто-бъ ими не прельстился!—
Безцѣнныя она несла за мной.
И съ умысломъ преступно-лживымъ въ домъ мой
Вступили мы дорогою знакомой.

XLI.

Томясь разлукою, жена моя
Искала во дворцѣ уединенья;
Къ ней въ комнату проникъ нежданно я.
Я высказалъ ей страсти увѣренья;
Моихъ желаній пылкихъ не тая,
Открылъ предъ нею дивныя каменья,
Сверкнувшія волшебнымъ блескомъ вдругъ:—
Рубины, бриліанты и жемчугъ.

XLII.

Я ей сказалъ, что много я имѣю
Такихъ богатствъ, и все, ей, все отдамъ,
Что мужъ ее не цѣнитъ, если съ нею
Онъ добровольно разлучился самъ;
Ужель любовью пламенной моею
И въ этотъ часъ, благопріятный намъ,
Она не тронется, ужели нѣтъ награды
Столь долгому томленью безъ отрады?

XLIII.

Она была возмущена душой
И замолчать велѣла мнѣ сначала;
Но, драгоцѣнности увидѣвъ предъ собой,
Затихла вдругъ и любоваться стала
Ихъ дивнымъ блескомъ, и потомъ съ мольбой
Прерывисто и тихо мнѣ сказала,
Что не откажетъ мнѣ ни въ чемъ она,
Коль тайна будетъ мной сохранена.

XLIV.

Мнѣ въ грудь стрѣлой отравленной впилися
Ея слова, мнѣ сердце сжалъ испугъ,
Въ устахъ моленья страсти прервалися,
Я замеръ, блѣденъ отъ душевныхъ мукъ;
И въ этотъ мигъ коварная Милисса
Мнѣ прежній образъ возвратила вдругъ.
Представь жены внезапное смущенье,
Когда свершилось это превращенье!

XLV.

И гнѣвъ и стыдъ черты ея лица
Суровою недвижностью сковали.
Казалося, два блѣдныхъ мертвеца
Другъ передъ другомъ молча мы стояли,
Не чувствуя, какъ бились въ насъ сердца...
И наконецъ воскликнулъ я въ печали:
— «Такъ вотъ какъ ты хранишь любви обѣтъ!»
Но лишь рыданья услыхалъ въ отвѣтъ.

XLVI.

Стыдъ, овладѣвшій ею на мгновенье,
Смѣнился скоро злобою: она
Была обманомъ, полнымъ подозрѣнья,
До глубины души оскорблена.
Въ ней ненависть проснулась, жажда мщенья,
И въ часъ ночной, когда покоемъ сна
Объятъ былъ замокъ, тайно удалилась
Она къ рѣкѣ и, сѣвъ на лодку, скрылась.

XLVII.

Она бѣжала къ рыцарю тому,
Чей образъ принялъ я для испытанья
Ея любви. Безумью моему
И низкому обману въ наказанье
Она навѣки отдалась ему,
И я одинъ остался, чтобъ сознанье
Невыносимое вины моей
Меня терзало съ каждымъ днемъ живѣй.

XLVIII.

Она живетъ счастливо, надо мною
Она смѣется въ счастіи, а я
Терзаюся раскаянья тоскою,
И день и ночь ее въ груди тая.
И, вѣрь, давно могилой роковою
Я былъ бы взятъ, но злая скорбь моя
Порой себѣ находитъ облегченье
Въ одномъ, довольно грустномъ утѣшеньи.

XLIX.

Ужъ десять лѣтъ страдаю я, и вотъ
До сей поры мнѣ видѣть не случалось,
Чтобъ осушить могъ эту чашу тотъ,
Кто бралъ ее: вино на грудь сливалось
У всѣхъ мужей. Мнѣ бодрость придаетъ
Мысль горькая, что и другимъ досталась
Въ удѣлъ судьба печальная моя,
И этой мыслью оживляюсь я.

L.

Да, я сгубилъ безумнымъ испытаньемъ
Любовь жены; и счастье и покой
Я навсегда утратилъ, и страданьемъ
Ихъ замѣнилъ. Обманъ Милиссы злой
И для нея былъ горькимъ наказаньемъ:
Волшебница не овладѣла мной,
Я въ ней несчастія причину видѣлъ,
И отъ души ее возненавидѣлъ.

LI.

Къ ея любви былъ равнодушенъ я,
Она холодностью моей терзалась,
И непонятна ненависть моя
Ея душѣ тоскующей казалась.
Томима горемъ, здѣшніе края
Она покинула, и что съ ней сталось,
И гдѣ она теперь живетъ—Богъ вѣсть:
Съ тѣхъ поръ о ней не доходила вѣсть».

LII.

Онъ кончилъ рѣчь, и съ горькою слезою
Поникъ челомъ. Сочувствуя ему,
Молчалъ Ринальдо съ тайною тоскою,
И наконецъ сказалъ: «По-моему,
Ты былъ неостороженъ, ты душою
Настойчиво стремился самъ къ тому,
Чего желать мы не должны. Жестоко
Ты былъ за то наказанъ мщеньемъ рока.

LIII.

«Что блескъ сокровищъ овладѣлъ душой
Твоей жены—я не дивлюсь ни мало:
Не сыщется средь женщинъ и одной
Изъ десяти, чтобъ твердо устояла
Предъ золотомъ; и меньшею цѣной
Корысть не разъ ихъ вѣрность покупала;
Да и мужчины—мало-ль есть такихъ,
Что продаютъ легко друзей своихъ?

LV.

«Вотъ почему тебѣ не должно биться
Съ оружіемъ [illegible] острымъ [illegible]
На жизненномъ [illegible] есть сила.
Что [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]
И [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
Живетъ въ тебѣ: ты могъ-ли устоять?
Размыслить было бы [illegible] объ этомъ
И [illegible] [illegible] [illegible]».

В. Буренинъ.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ

въ

НОВОМЪ РОМАНѢ УЙДА

Pascarel. Only a story, by *Ouida*, author of Tricotrin, Chandos etc.

(Окончаніе).

VIII *).

Вторая часть «Паскарелли», дорисовывая въ разсказахъ и воспоминаніяхъ Неллы артистическую натуру героя романа, приводитъ въ прикосновеніе его жизнь съ политическими волненіями Италіи въ эпоху австрійскаго господства. Паскарелли и Нелла продолжаютъ свое прежнее странничество; Нелла все болѣе и болѣе сближается съ своимъ покровителемъ и силится уяснить себѣ его нравственный обликъ. Пораженная высказываемымъ постоянно презрѣніемъ Паскарелли къ земному величію, къ практической жизни, Нелла обращается, наконецъ, къ нему съ вопросомъ:

— Какой же образъ жизни считаете вы идеальнымъ?

— Жизнь, которую велъ Гвинъ-Араунъ,—отвѣчалъ, не задумавшись, Паскарелли.—Вы не знаете, кто былъ Гвинъ-Араунъ? Слушайте же. Онъ принадлежитъ къ области миѳовъ и существовалъ въ глубокой древности. Онъ понималъ языкъ звѣздъ, цвѣтовъ, облаковъ, деревьевъ и бабочекъ. Онъ блуждалъ невидимкою

*) См. выше: нояб., 306 стр.

и могъ перенестись въ одинъ мигъ всюду, куда бы ни захотѣлъ. Онъ обладалъ безграничною властью и всегда употреблялъ эту власть на спасеніе, утѣшеніе и радость людей. Онъ жилъ въ золотой вѣкъ миѳовъ, и, сколько мнѣ помнится, въ самой непроницаемой глубинѣ Скандинавскихъ лѣсовъ. Онъ окончилъ свое идеальное существованіе слѣдующимъ образомъ: ему пришлось встрѣтиться съ весьма прозаическимъ мудрецомъ; онъ позвалъ его къ себѣ на сказочный пиръ, приготовленный изъ благовонныхъ яствъ и напитковъ, которые были поданы на жемчужныхъ блюдахъ и въ золотыхъ чашахъ; но мудрецъ взглянулъ на всю эту прелесть тѣлесными очами и сталъ упорно утверждать, что вся эта роскошь состоитъ изъ желтыхъ, завядшихъ листьевъ и воды, зачерпнутой изъ ручья. Эта настойчивость старика до того разочаровала Гвинъ-Арауна, что онъ навсегда покинулъ землю; но иногда онъ возвращается къ намъ на своемъ крылатомъ конѣ, въ образѣ поэта, и снова готовитъ свой божественный пиръ, и снова свѣтъ, въ образѣ прозаическаго мудреца, повторяетъ ту же самую горькую насмѣшку, и опять Гвинъ-Араунъ улетаетъ, убитый горемъ и презрѣніемъ.

Паскарелли поклонялся таланту,—это была его религія. Онъ самъ былъ талантливый человѣкъ, и всѣ его легкія произведенія, которыя онъ расточалъ такъ великодушно передъ народомъ, были драгоцѣнные перлы. Полу-насмѣшливо, полу-ласково, онъ скоро разрушилъ мои собственныя мечты о талантливости моей натуры.

— Въ васъ нѣтъ ни искры геніальности, cara mia,—вскричалъ онъ, и благодарите за это судьбу. На чтó вамъ геній, когда въ васъ столько красоты? Самое лучшее, чтó можно вамъ предвѣщать, это то, что вы будете, подобно мандолинѣ, издавать вѣрные аккорды подъ пальцами искуснаго музыканта; но вы сами по себѣ, также какъ и мандолина, не будете въ состояніи издать ни одного звука. А самое худшее, чтó можно вамъ предвѣщать,—то, что вы можете попасть въ руки какого-либо артиста, который захочетъ извлекать изъ васъ одни только громкіе аккорды и фіоритуры, которые въ настоящее время принимаются за хорошую музыку; и какъ знать, можетъ быть, вы примете этого кропателя руладъ за великаго маэстро! Такъ обыкновенно бываетъ съ женщинами: онѣ всегда болѣе любятъ наружныя краски, чѣмъ внутреннія достоинства, реторику — больше логики, хитросплетенія патера—больше философіи. Но объ этомъ уже было говорено сотни разъ!

Паскарелли бросилъ на меня быстрый взглядъ и, думая, что онъ меня обидѣлъ, прибавилъ:

— Но вы не печальтесь, donzella, въ васъ много достоинствъ: у васъ свѣтлый умъ и безподобный голосъ; однако геніальности въ васъ все-таки нѣтъ; поблагодарите за это мадонну у первой встрѣчной часовни. Вы хотите знать, что такое геній? На это не легко отвѣтить. Геній вѣчно стремится къ высокому идеалу, созданному изъ воспоминаній о другихъ, лучшихъ людяхъ и временахъ, такъ что рядомъ съ этими увлекательными воспоминаніями все на свѣтѣ кажется пустымъ и ничтожнымъ; имѣя вѣчно передъ собою божественный идеалъ, геній не удовлетворяется искусствомъ, художественными произведеніями и привязанностями этого міра, которыми такъ восторгаются другіе, обыкновенные люди. Геній вѣчно витаетъ въ раю эпикурейскаго философа Федра, — тамъ, гдѣ больше не будетъ обыкновенныхъ женщинъ, но будетъ одинъ типъ цѣльной, идеальной женщины; гдѣ, вмѣсто друзей, будетъ только одна идеальная дружба, вмѣсто стиховъ, будетъ вѣчная поэзія; тамъ, въ этомъ раю, нѣтъ возможности предаваться раскаянію или несбыточнымъ желаніямъ. На землѣ же генія можетъ нѣсколько удовлетворять только одно—музыка. Музыка не имѣетъ ничего общаго съ землею и вѣчно вздыхаетъ по невѣдомымъ странамъ, лежащимъ гдѣ-то далеко, за синими морями.

Я слушала Паскарелли съ сознаніемъ собственнаго ничтожества; въ самомъ дѣлѣ, во мнѣ не было искры геніальности, но у меня все-таки былъ музыкальный талантъ, хотя, можетъ быть, не больше того, какимъ обладаетъ птичка, поющая въ кустахъ. Однако мой гибкій и звучный голосъ приводилъ въ восторгъ простой народъ, меня звали по-прежнему «птичкой».

Паскарелли не позволялъ мнѣ играть на своей сценѣ, но изрѣдка не противился тому, чтобы я спѣла что-нибудь передъ его публикой. Это всегда приводило меня въ восторгъ, и я, не долго думая, выходила на сцену, быстро оглядывала толпу смуглыхъ, нетерпѣливыхъ лицъ и съ радостнымъ, самодовольнымъ видомъ начинала пѣть. И эта сцена, гдѣ я дебютировала передъ итальянскимъ народомъ, могла служить мнѣ хорошею школою,— такъ непогрѣшима была критика этой публики: она шикала при малѣйшемъ промахѣ и восторженно привѣтствовала меня при сколько-нибудь успѣшномъ исполненіи. Одобреніе этой толпы служило мнѣ стимуломъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, хотя, съ другой стороны, для моего самолюбія было невыносимо слышать безцеремонное шиканье какого-либо смуглаго горшечника, или гарсона изъ гостинницы за какой-нибудь невѣрный полу-тонъ. Во многомъ моими учителями были эти люди, одаренные пе-

обыкновенно вѣрнымъ слухомъ и легкостью исполненія; самая грубость ихъ безпощадной критики и искренность ихъ восторговъ послужили мнѣ въ пользу и усовершенствовали мое музыкальное воспитаніе, такъ хорошо начатое моимъ старымъ учителемъ Амброджіо. Иногда мнѣ случалось возбуждать въ нихъ такой восторгъ, что они, по окончаніи представленія, врывались на сцену и уносили меня на рукахъ, осыпая меня цвѣтами и провожая меня домой съ восторженными криками. Это одобреніе толпы крестьянъ возбудило во мнѣ страстное желаніе пѣть на нашей сценѣ и въ большихъ городахъ, передъ несмѣтною, молчаливою толпой болѣе строгихъ цѣнителей. Но въ этомъ случаѣ Паскарелли былъ неумолимъ. Онъ не очень противился моему желанію пѣть передъ сельскими жителями, или каменьщиками въ ущельяхъ горъ, или на полянахъ Тосканы, но всегда былъ противъ моего намѣренія пѣть на площади св. Марка или въ Миланѣ.

— Нѣтъ, donzella, это для васъ не годится,—говорилъ Паскарелли, и онъ былъ настолько итальянецъ, что не могъ обойтись безъ извѣстной доли упрямства при всей мягкости его натуры.

— Но почему же,—возразила я нетерпѣливо,—это не годится только для меня, тогда какъ Брюнотта можетъ безнаказанно играть на сценѣ?

Краска бросилась въ лицо Паскарелли, и онъ началъ съ сердцемъ сбивать высокій камышъ, росшій между камнями у береговъ быстрой рѣки, вдоль которой мы шли. Мы направлялись къ Пистойѣ,—маленькому скромному городку, гдѣ мы уже останавливались съ мѣсяцъ тому назадъ и гдѣ большая толпа народа собиралась подъ моимъ окномъ, привлеченная моимъ пѣніемъ, и слушала меня, восторженно апплодируя, до полуночи.

— Я уже вамъ сказалъ, donzella,—возразилъ, наконецъ, Паскарелли,—что пѣть на сценѣ въ городахъ для васъ не годится. Брюнотта не болѣе какъ глупенькое существо, умѣющее только танцовать въ тактъ на сценѣ; она не умѣетъ ни писать, ни читать, и довольна собою и своею жизнью; но что касается васъ, то вы сдѣлаетесь со временемъ великою пѣвицею, если желаете,—въ этомъ вамъ ничто не препятствуетъ, но я не хочу вамъ позволить дебютировать на моей сценѣ, пока вы еще слишкомъ молоды для того, чтобы понять, чѣмъ вы рискуете и какую тѣнь вы можете набросить на ваше доброе имя. Кромѣ того, я полагаю, что вашъ отецъ еще живъ и я не желаю услышать отъ него упрека въ томъ, что я позволилъ его дочери по-

являться на сценѣ странствующихъ актеровъ, когда она еще такое дитя, что не помышляетъ о невыгодѣ этого положенія.

Я шла рядомъ съ нимъ; сердце мое кипѣло гнѣвомъ, вся гордость моя возмущалась. Потомъ, съ инстинктивнымъ чувствомъ кокетства, врожденнымъ каждой недурной собою женщинѣ, я посмотрѣла ему прямо въ глаза и сказала:

— Дитя! — Но я на цѣлую голову выше Брюнотты. Да и сами вы не прочь иногда обращаться со мною, какъ съ взрослою женщиною!

Его глаза сверкнули, и онъ бросилъ на меня быстрый, краснорѣчивый взглядъ, который обжегъ меня какъ огнемъ. Онъ простоялъ нѣсколько минутъ молча около меня, потомъ быстро схватилъ мои руки и покрылъ ихъ горячими поцѣлуями.

О радостные дни! Я люблю останавливаться на нихъ, потому что они были лучшими днями во всей моей жизни. Никогда больше не наслаждалась я такъ запахомъ цвѣтовъ, пѣніемъ птицъ и говоромъ рѣки, какъ въ эту весеннюю пору моей жизни.

IX.

Паскарелли иногда получалъ приглашеніе отъ какого-нибудь герцога или владѣтеля одного изъ старыхъ бѣлыхъ зáмковъ, высоко стоявшихъ на горахъ, придти развеселить его отъ томительной скуки во время тѣхъ безконечно жаркихъ дней, когда даже ящерицы какъ будто бы задыхались въ своихъ каменныхъ щеляхъ и камни какъ бы страдали оттого, что мохъ не защищалъ ихъ отъ солнечныхъ лучей и роса не смачивала ихъ. Но Паскарелли никогда не принималъ этихъ приглашеній.

— Пусть синьоръ потрудится самъ придти ко мнѣ, — говорилъ онъ посланному, и тотъ ни съ чѣмъ уходилъ обратно по облитому полуденнымъ солнцемъ, не защищенному деревьями крутому подъему, ведущему къ старой виллѣ.

— Благодарю покорно, — горячился Паскарелли, — подняться по этой горѣ подъ жгучими лучами солнца, для того, чтобы отвѣсить поклонъ какому-нибудь синьору Антонію или Лоренцо, желающему позабавиться послѣ своей полуденной сіесты; трудиться и убивать себя надъ какимъ-нибудь французскимъ фарсомъ, или флорентинскимъ каламбуромъ, для того, чтобы получить въ вознагражденіе снисходительную похвалу, гласящую, что моя игра еще не такъ дурна для странствующаго актера! Если illustrissimi желаютъ посмѣяться, то пусть они пожалуютъ ко

мнѣ, въ мой деревянный домикъ, но я самъ никогда не пойду къ нимъ.

И онъ въ самомъ дѣлѣ твердо держалъ свое слово, тѣмъ болѣе, что онъ обладалъ нѣкоторою долею настойчивости и, кромѣ того, смутно сознавалъ, что не годится ему, послѣднему изъ рода могущественныхъ когда-то Паскарелли, являться въ качествѣ комедіанта туда, гдѣ его предки были принимаемы какъ равные, или какъ побѣдители. Случалось иногда, что illustrissimi въ самомъ дѣлѣ добродушно принимали приглашеніе Паскарелли, сходили внизъ изъ своихъ горныхъ зàмковъ и являлись между своими крестьянами въ театрѣ Паскарелли. Они платили за входъ, какъ и всѣ остальные, и смѣялись вмѣстѣ съ другими, хотя крестьяне не особенно радовались ихъ присутствію. Въ числѣ этихъ синьоровъ приходили иногда молодые люди, лица которыхъ напоминали миніатюрные портреты Аттаванте; эти молодые синьоры неизмѣнно приходили къ намъ за кулисы, расточали любезности передо мною и Брюноттою и потомъ посылали намъ большіе букеты камелій или маньолій и бутылки монтепульчіано. Паскарелли обыкновенно гнѣвно срывалъ пробки съ бутылокъ и выливалъ дорогое вино въ стаканы сельскихъ жителей, не дотрогиваясь до него самъ.

— Чего имъ нужно отъ насъ?—говорилъ онъ сердито:—они заплатили за входъ, и пусть идутъ своею дорогою. Я самъ могу заплатить за свое вино, а если я не въ состояніи купить вина, то и слава Богу: я могу утолить жажду изъ любого колодца на лугахъ.

Когда же синьоры заговаривали съ Паскарелли, то онъ имъ отвѣчалъ съ своею обычною откровенною небрежностью, никогда не покидавшею его какъ въ присутствіи князя, такъ и въ разговорѣ съ крестьяниномъ; онъ былъ только молчаливѣе и холоднѣе съ первымъ, чѣмъ съ послѣднимъ.

Что же касается меня самой, то я не могла вполнѣ отказаться отъ мысли, что рано или поздно эти высоко поставленные люди, къ классу которыхъ несомнѣнно принадлежалъ и мой отецъ, признàютъ знатность моего происхожденія; хотя, съ другой стороны, я отчасти даже боялась встрѣчи съ моимъ отцемъ, и все болѣе и болѣе наслаждалась прелестью нашей страннической жизни. Но женщины уже такъ созданы, что онѣ предпочитаютъ почести душевному спокойствію и свободѣ совѣсти. Когда я видѣла передъ собою Паскарелли, стоящаго подъ тѣнью каштановаго дерева, подъ звѣзднымъ небомъ, говорящаго народу на своемъ звучномъ тосканскомъ нарѣчіи, я страстно желала, чтобы

весь свѣтъ восхищался имъ и чтобы, вмѣсто жителей горныхъ селеній, его слушателями были великіе люди этого міра. Увы! почти безсознательно для меня самой во мнѣ зрѣло страстное желаніе прикрѣпить золотую цѣпь къ ногѣ моего свободнаго и безстрашнаго сокола, вмѣсто того, чтобы, напротивъ, дать ему широко раскрыть свои могучіе крылья и полетѣть на встрѣчу солнцу; однимъ словомъ, хотя я была еще ребенокъ, но уже была женщиной. Я не скрывала отъ Паскарелли моихъ честолюбивыхъ мечтаній о его будущемъ. Но Паскарелли отвѣчалъ мнѣ по-прежнему:

— Нѣтъ, donzella, оставьте эти мысли,—вы меня не передѣлаете; я рожденъ цыганомъ, и такимъ останусь на всю жизнь. Могу васъ увѣрить, что жизнь Менигеллы была счастливѣе жизни Микель-Анджело. Вы знаете о комъ я говорю? Менигелла былъ не болѣе какъ простой, веселый малый, которымъ восхищался Микель-Анджело; онъ странствовалъ по селамъ съ литографированными изображеніями и статуетками святыхъ; на его лоткѣ красовались также восковыя изображенія Христа, модели для которыхъ онъ получалъ отъ своего знаменитаго друга. Сколько счастливыхъ дней провелъ онъ, переходя изъ селеній въ города и обратно, съ своею легкою ношей! Вездѣ онъ былъ принятъ съ любовью, — на всѣхъ свадьбахъ, крестинахъ: ему то приходилось радоваться по случаю крестинъ, для которыхъ требовалось изображеніе святой Анны, то плакать по поводу похоронъ, и тутъ же сбывать св. Петра для охраны могилы. Да, повѣрьте, онъ во сто разъ былъ счастливѣе своего могучаго друга, несмотря на то, что этотъ послѣдній заслужилъ благословеніе папы и вниманіе знатныхъ патроновъ; я думаю, кромѣ того, что нашъ странствующій художникъ былъ не совсѣмъ глупъ, и даже, вѣроятно, обладалъ великою душою, иначе онъ никогда не былъ бы такъ дорогъ сердцу Микель-Анджелло.

— Но,—возразила я нерѣшительно,—нѣкоторые великіе люди, которыхъ вы ставите очень высоко, не пренебрегали славою; возьмемъ для примѣра Аріоста. Я увѣрена, что и вы такой же великій поэтъ, какъ и онъ; только, къ сожалѣнію, вы никогда не хотите набрасывать на бумагу вашихъ сочиненій.

Паскарелли засмѣялся тихимъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое,—возразилъ онъ,—вы ошибаетесь, я умѣю только подобрать довольно сносно нѣсколько стиховъ, но эта способность къ риемоплётству врождена намъ, итальянцамъ. Жюль-Жаненъ гдѣ-то говоритъ: «совершенно излишне употреблять выраженіе: итальянецъ—поэтъ; скажите—итальянецъ, и уже само

собою разумѣется, что онъ поэтъ». Я не хочу сказать, чтобъ онъ былъ правъ; но я нахожу, что есть доля истины въ его миломъ комплиментѣ. Мы всѣ отчасти поэты, и всѣ похожи на Ромео при лунномъ свѣтѣ. Наши крестьяне не умѣютъ читать, но они умѣютъ подбирать риѳмы; они не въ состояніи глубоко обсудить какой-либо фактъ, но сочиняютъ стихи; они не могутъ написать своего собственнаго имени, но на ихъ сердцахъ глубоко начертаны имена тѣхъ, которые возвеличили ихъ націю. Поэзія и художество въ нихъ не болѣе, какъ инстинктъ, наслѣдуемый ими. Правда, что въ силу этого распространенія наслѣдственной талантливости въ массѣ народа теперь уже рѣдко выступаетъ индивидуальное совершенство, но за то эта, присущая всему народу, талантливость поддерживаетъ въ немъ стремленіе къ идеаламъ и душевную юность, и, повѣрьте, со временемъ осуществитъ наши мечты о возрожденіи Италіи.

X.

Съ нѣкотораго времени я замѣтила, что Брюнотта обходилась со мной холоднѣе; она уже не услуживала мнѣ по прежнему и становилась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе недружелюбной ко мнѣ, какъ ни старалась я поддержать наши добрыя отношенія. Я замѣчала, кромѣ того, что она часто подозрительно слѣдила за мною и начала чаще и чаще отлучаться изъ дому, то за покупкою провизіи, или чтобы поболтать отъ души съ молодыми парнями, которые строили ей разные комплименты и дарили ей различныя дешевыя вещицы. Слѣдствіемъ этого неудовольствія Брюнотты противъ меня и Паскарелли было то, что мы съ нимъ еще больше оставались наединѣ и могли безпрепятственно предаваться своимъ мечтамъ, гуляя подъ тѣнью виноградныхъ лозъ и темныхъ аркадъ старинныхъ городовъ. Я часто удивлялась противоположному характеру этихъ двухъ личностей, которыя жили вмѣстѣ и дѣлили между собою заботы и радости своей жизни, но никогда не заглядывали другъ другу въ душу. Какъ-то разъ Паскарелли былъ особенно грустно настроенъ; эти минуты меланхоліи рѣдко тяготѣли надъ нимъ, но если разъ онѣ находили на него, то ничто уже не могло его разсѣять. Однажды онъ былъ сильно разстроенъ ежедневными столкновеніями съ мелочной натурой Брюнотты; онъ часто взглядывалъ на меня съ невыразимою сердечною болью и тоскою. Въ

то время мы жили въ старомъ Ареццо, столь славномъ во времена этрусковъ и въ эпоху возрожденія.

— Я думаю,—сказалъ мнѣ Паскарелли,—что эта мѣстность мало измѣнилась послѣ того, какъ здѣсь жилъ Меценатъ и разсуждалъ Плиній подъ тѣнью деревьевъ на этихъ горахъ. Городъ уже два раза превращался въ пепелъ и былъ вновь выстроенъ; хотя новый городъ теперь такъ уже старъ, что мы не могли бы отыскать могилы Спинелло; но я сомнѣваюсь въ томъ, что самая мѣстность сильно измѣнилась съ тѣхъ поръ, когда объ ней писалъ Ливій. Какое богатое сочиненіе можно было бы составить объ Ареццо. Въ немъ можно было бы привести столько великихъ именъ, что ихъ трудно было бы перечесть. Исторія этого города могла бы служить типомъ для исторіи всей Италіи. Кстати, donzella, я слышалъ сегодня, что здѣсь отрыта этруская могила въ этой оливковой рощѣ, — могила короля, какъ говорятъ, если судить по найденнымъ украшеніямъ. Что же касается меня, то меня больше интересуютъ тѣ мастера, которые выдѣлывали эти золотыя украшенія такъ искусно, что они приводятъ въ отчаяніе современныхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, желающихъ подражать имъ. Я бы желалъ знать, чтó за люди были они: работали ли они изъ любви къ искусству, или только ради корысти. Какъ грустна судьба этой бѣдной Этруріи! Цѣлая нація стерта съ лица земли и оставила послѣ себя только нѣсколько труповъ, которые обращаются въ прахъ отъ малѣйшаго прикосновенія воздуха; въ разрываемыхъ могилахъ остается только по нѣскольку золотыхъ цѣпей, на которыя не дѣйствуютъ ни ржавчина, ни время. Храмы, дворцы, зàмки, войска, даже лѣтописи этрусковъ — все исчезло безслѣдно, и только эти золотыя игрушки увидали вновь дневной свѣтъ! Пойдемте, синьорина, посмотримъ на эту этрускую могилу. Могилы же Спинелло нечего и искать,—она вѣрно гдѣ-нибудь скрыта, вмѣстѣ съ своею славною латинскою надписью, подъ этой почвою, на которой пасутся стада. Но чтó въ этомъ,—онъ счастливо прожилъ свои девяносто лѣтъ, и этого достаточно. Онъ несомнѣнно былъ счастливъ въ своей жизни. Подумайте, сколько счастья было для живописца въ эти младенческіе годы живописи; современные художники не могутъ даже понять этого: тогда только-что начали сознавать возможность изображать на полотнѣ дальніе предметы; искусство изображенія свѣта и тѣни было почти неизвѣстно, только-что возникала мысль о воздушной перспективѣ со всѣми ея чудесами и во всей ея силѣ; въ то время считалось неслыханной смѣлостью рисовать естественныя формы не по принятому способу, а съ

натуры. Какое это было счастливое время для художника! На каждомъ шагу онъ могъ стяжать новую славу, съ каждымъ ударомъ кисти онъ могъ отважиться на что-либо дотолѣ неизвѣстное и прекрасное; художникъ въ то время во многомъ былъ похожъ на изслѣдователя,—не покидая своей родины, онъ испытывалъ радости Колумба. Создаваемое имъ его кистью казалось ему дѣйствительностью. Спинелло упалъ въ обморокъ передъ изображеннымъ имъ сатаной; а Анджелико считалъ оскорбленіемъ божества, богохульствомъ измѣнить черты ангеловъ, которыхъ онъ изобразилъ на полотнѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ они явились ему въ видѣніи въ его монастырѣ. Францискъ Валуа, рѣшившись взять въ руки кисть живописца, подчинился духу времени, въ которомъ онъ жилъ. Теперь же, въ наши дни, что̀ могутъ сдѣлать люди для искусства? — Ничего; все уже написано кистью, все спѣто, все высказано; все уже изображено въ стихахъ, въ камнѣ и на полотнѣ. Нѣтъ уже болѣе невѣдомыхъ морей, куда бы манило новаго Колумба. Все это грустно, очень грустно. Нельзя не позавидовать этимъ людямъ, которые собирали еще не распустившіеся райскіе цвѣты и могли слѣдить за раскрытіемъ ихъ лепестковъ. Искусство только можетъ существовать подъ сѣнію вѣры, а во что̀ вѣруемъ мы? Вмѣсто искусства, правда, мы обладаемъ наукою; но наука не даетъ намъ прочныхъ радостей, такъ какъ она во всемъ сомнѣвается и желаетъ, во что бы то ни стало, все доказать фактами; но сомнѣнія безконечны и уже безъ того свойственны человѣку, а доказательства обманчивы и измѣнчивы.

Паскарелли умолкъ; вокругъ насъ стояла невозмутимая тишина. Подъ тѣнью виноградныхъ лозъ блестѣли золотыя тыквы и близъ нихъ сверкали изумрудныя ящерицы. Вокругъ насъ все было свѣтло и тихо; лѣто щедрою рукою разсыпало здѣсь множество невыразимыхъ прелестей.

— Какъ легко себѣ представить,—продолжалъ Паскарелли,— жизнь этихъ раннихъ художниковъ. Какъ естественно, что въ такихъ тихихъ уголкахъ, какъ Ареццо, Модена, Урбино, Кортона и Перуджія, появлялись на свѣтъ кроткіе юноши, уже съ дѣтства любившіе подолгу всматриваться въ картины, висѣвшія въ монастыряхъ и съ трудомъ вымаливавшіе у своихъ родныхъ позволеніе отправиться къ какому-либо художнику учиться живописи. Какъ понятно, что одинъ изъ такихъ юношей, ставъ уже взрослымъ мужчиной, могъ стяжать себѣ славу и пріобрѣсти любовь народа! Такой молодой человѣкъ выбиралъ себѣ пристанище тутъ же, въ родномъ городкѣ; онъ работалъ безъ устали въ ба-

зиликѣ или въ монастырѣ, окруженный своими учениками; его жена служила ему моделью для Мадонны, а ребенокъ—моделью для ангела; онъ уходилъ въ поле, приносилъ съ собою колосья пшеницы, вѣтку оливковаго дерева и душистые цвѣты, и съ любовью рисовалъ ихъ на голубомъ или золотомъ фонѣ, для того чтобы они могли служить символами тѣмъ, кто умѣлъ понимать ихъ таинственное значеніе. За то работа ихъ рукъ дожила и до нашихъ дней; маленькіе городки совершенно опустошены и мертвы, городскія стѣны обросли мхомъ, знаменитые монастыри едва могутъ содержать пять-шесть монаховъ, величественныя старинныя церкви обдаютъ входящаго въ нихъ сыростью и могильнымъ холодомъ, но тамъ, надъ алтаремъ, любимая нѣкогда женщина живетъ и дышетъ, воплощенная въ прекрасномъ образѣ Мадонны, ангелъ-ребенокъ улыбается чудною улыбкою, и оливковая вѣтка и колосъ пшеницы не увядаютъ на голубомъ или золотомъ фонѣ. И когда церковный сторожъ входитъ въ склепъ, гдѣ стоитъ завѣтная гробница художника, онъ обыкновенно закрываетъ свѣтъ своего фонаря рукою и тихо шепчетъ съ благоговѣніемъ и нѣжностью: «здѣсь покоится его прахъ»!

Паскарелли всталъ съ своего мѣста, погруженный въ думы, и сорвалъ мнѣ пукъ цвѣтущихъ гранатовъ.

XI.

Паскарелли долженъ былъ, по обыкновенію, играть на своей сценѣ въ тотъ вечеръ въ Ареццо. Но ему пришла странная фантазія: въ самую послѣднюю минуту, когда онъ долженъ былъ уже выдти на сцену, онъ сбросилъ съ себя свой разноцвѣтный костюмъ, взялъ свою мандолину и накинулъ на себя черный флорентинскій плащъ. Имъ овладѣлъ духъ импровизаціи, и его слова сами собою укладывались въ риѳму. Говорить стихами для итальянца такъ же легко, какъ легки смѣхъ для ребенка и слезы для женщины. Тэма его импровизаціи была навѣяна воспоминаніями объ умершемъ этрускомъ королѣ, покоющемся подъ оливковыми деревьями. Давно исчезнувшій съ лица земли народъ безвѣстной Этруріи ожилъ вновь въ его горячемъ воображеніи:

«Въ Ареццо, въ очень древнія времена, жилъ бѣдный и одинокій золотыхъ дѣлъ мастеръ», импровизировалъ Паскарелли; и гибкій металлъ въ его искусныхъ рукахъ истончался какъ нить паутины; онъ работалъ по цѣлымъ днямъ, подъ тѣнью стараго оливковаго дерева, и былъ совершенно счастливъ и доволенъ;

онъ любовался своими золотыми нитями, сравнивалъ ихъ съ прядями волосъ дѣвы, заплеталъ свое золото и любилъ свои произведенія.

«Разъ какъ-то мимо его дома проѣзжала дочь короля и попросила его напоить ея лошадь у колодца; она поѣхала дальше и позабыла объ его существованіи; но онъ уже не находилъ больше душевнаго покоя подъ тѣнью своего оливковаго дерева. Онъ бродилъ вокругъ ея дворца, пока его не прогнали оттуда съ бранью; работа вываливалась изъ его рукъ, и онъ впалъ въ большую бѣдность; старое оливковое дерево завяло и наконецъ совсѣмъ зачахло. Въ это время настал великій голодъ по всей Тосканѣ и Умбріи,—тамъ, гдѣ обыкновенно колыхались необозримыя золотыя волны пшеницы; весь народъ собрался вокругъ храма и началъ молиться богамъ, прося ихъ снять проклятіе съ ихъ голыхъ, безплодныхъ полей. Тогда оракулъ храма изрекъ: «Если будетъ сдѣланъ снопъ изъ золотыхъ колосьевъ, и если этотъ снопъ будетъ перевязанъ двѣнадцатью тысячами золотыхъ нитей, которыя должны быть тоньше нитей паутины, то земля станетъ снова плодородною и дастъ богатый урожай».

«Въ Этруріи было множество искусныхъ работниковъ, и сотни людей принялись за дѣло, но никто не достигъ потребованнаго оракуломъ, да и кто, въ самомъ дѣлѣ, могъ бы сдѣлать золотую нить, болѣе тонкую и нѣжную, чѣмъ нить, сотканная паукомъ. Тогда бѣдный, голодный человѣкъ, полюбившій дочь короля, покинулъ свою жалкую лачугу и напомнилъ о своемъ прежнемъ искусствѣ. Ему дали золота; шесть дней онъ не выходилъ изъ своего жилища, а на седьмой день онъ явился передъ измученнымъ голодомъ народомъ, держа въ рукахъ двѣнадцать тысячъ золотыхъ нитей, столь тонкихъ и гибкихъ, что рядомъ съ ними паутина казалась грубой тканью. Народъ его встрѣтилъ въ безмолвіи, въ трепетномъ ожиданіи; громадная толпа народа провожала его до храма оракула; тогда оракулъ снова изрекъ: «золото спасло Этрурію, да возрадуется эта земля и да станетъ она вновь плодородною». И вскорѣ вся высохшая земля этруская покрылась сочными зелеными колосьями. Народъ вскричалъ въ одинъ голосъ: «повеземъ нашего спасителя во дворецъ и посадимъ его на тронъ рядомъ съ королемъ! Дадимъ ему все, что только онъ пожелаетъ, такъ какъ онъ освободилъ насъ отъ голодной смерти!» Но бѣднякъ продолжалъ стоять на колѣняхъ на порогѣ храма; онъ обратился къ народу и сказалъ: «мнѣ ничего не нужно, но скажите, улыбнулась ли она, дочь короля, когда узнала обо всемъ?» Потомъ онъ тихо простеръ свои руки

къ солнцу и умеръ. Дочь короля такъ ничего и не узнала о томъ, что онъ изъ любви къ ней соткалъ золотую паутину. Но объ этомъ стало извѣстно богамъ, и они сказали: «любовь этого человѣка была такъ велика, что память о ней будетъ вѣчно жить въ Этруріи даже тогда, когда самое воспоминаніе объ этомъ царствѣ испарится, какъ облако на небѣ». Съ тѣхъ поръ этрускія золотыя издѣлія сохраняются въ полномъ блескѣ своихъ достоинствъ и поражаютъ всѣхъ своимъ изяществомъ, когда онѣ выходятъ на свѣтъ божій изъ могилъ тамъ, гдѣ листья оливковыхъ деревьевъ дрожатъ отъ лѣтняго вѣтерка и гдѣ перья маиса цвѣтутъ надъ погребеннымъ въ землѣ городомъ»...

Эта сказка, переданная мною, можетъ показаться блѣдною, или малозначащею, но въ краснорѣчивыхъ устахъ Паскарелли, въ тихую лунную ночь подъ голубымъ небомъ и близъ разрытой могилы этрускаго короля, она дышала поэзіей и была такъ трогательна, что глаза слушателей наполнились слезами.

Кончивъ свою сказку, Паскарелли перешелъ отъ прошедшаго къ настоящему, и легкія, быстрыя слова его рѣчи сами собою укладывались въ звучную риѳму сонетовъ Петрарки. Онъ говорилъ о теперешней Италіи, къ которой перешла въ наслѣдство вся грація этрускаго искусства и латинскаго могущества; объ ея умершихъ славныхъ сынахъ; воодушевившись вѣрою въ будущее своей страны, онъ взывалъ къ этому великому прошедшему Италіи и умолялъ его стать предвозвѣстникомъ будущей ея славы; онъ умолялъ разрозненныхъ сыновъ Италіи соединиться братски, проникнуться единствомъ стремленій, скрѣпить свои сердца вѣчною связью и союзомъ любви. Когда же онъ кончилъ свою страстную импровизацію, все существо его, казалось, было проникнуто сверхъестественною силою; народъ безмолвствовалъ и сознавалъ, что Паскарелли могъ въ эту минуту властвовать надъ нимъ, какъ патріотъ, и вдохновлять его, какъ поэтъ.

Такъ прошло нѣсколько мгновеній; потомъ народъ тихо разошелся по своимъ домамъ, по улицамъ Ареццо, гдѣ виталъ духъ Петрарки.

XII.

Мы бродили довольно долго по старой Умбріи. Могучіе дубовые лѣса были какъ нельзя болѣе кстати во время жаркихъ августовскихъ дней; оттуда мы направили свой путь въ Тоскану, на время сбора винограда. Тамъ, въ виноградникахъ, мы веселились отъ души, мы видѣли, какъ выжимали виноградный сокъ

по старинному, убыточному классическому способу, и какъ тяжелые возы, нагруженные пурпуровымъ сокровищемъ, тянулись по узкимъ горнымъ тропинкамъ и мирнымъ долинамъ. По вечерамъ, по окончаніи работъ, крестьяне собирались веселою толпою около нашего театра и составляли оригинальную публику съ окрапенными виноградным соком здоровыми, загорѣлыми руками. Такимъ образомъ мы переходили изъ одного городка къ другому и не видали, какъ прошелъ весь октябрь съ его золотистыми колоритами, зноемъ, запахомъ осеннихъ розъ и съ его полями, покрытыми разноцвѣтными дикими анемонами. Въ первыхъ дняхъ новаго мѣсяца мы спустились съ высотъ горъ, гдѣ становилось уже холодно, и направились къ Флоренціи, гдѣ мы хотѣли провести зиму. Но прежде чѣмъ войти въ городъ, Паскарелли раскинулъ на время свой шатеръ у подошвы горы, на которой стоитъ Фіезоле, желая доставить развлеченіе бѣдному народу, разсѣянному по склонамъ горы. Какъ памятенъ мнѣ тотъ день, когда мы взошли на гору въ ясное раннее морозное утро, и слышали, какъ во Флоренціи, лежащей внизу въ туманѣ, звонили колокола къ заутрени. Какъ памятенъ мнѣ этотъ день! Я шла впереди съ Паскарелли; черезъ его плечо была перекинута его мандолина, струнъ которой онъ касался по временамъ. Брюнотта слѣдовала за нами съ молодымъ парнемъ и громко спорила съ нимъ. Мы шли весело и беззаботно, останавливаясь съ благоговѣніемъ, когда мимо насъ проходилъ священникъ съ дарами, спѣшившій къ больному, въ сопровожденіи мальчика въ бѣломъ одѣяніи, съ колокольчикомъ въ рукахъ. Да, я помню малѣйшія подробности этого дня, этого послѣдняго дня нашей счастливой, полной поэзіи, беззаботной страннической жизни, которой суждено было такъ скоро прекратиться навсегда. А между тѣмъ на душѣ у насъ было легко, ее не томило ни малѣйшее предчувствіе бѣдъ; все было свѣтло, все улыбалось и я не подозрѣвала, что я въ послѣдній разъ слышу тихій смѣхъ моего возлюбленнаго Паскарелли. Да, я знала, что онъ меня любитъ, хотя онъ никогда не выражалъ своей любви словами, но говорилъ о ней другимъ языкомъ, — самымъ опаснымъ, но въ то же время самымъ искреннимъ, — онъ выражалъ мнѣ свою любовь тысячу разъ въ день своими краснорѣчивыми взглядами и сладостнымъ, но почтительнымъ прикосновеніемъ. Мы поселились, какъ я уже сказала, на нѣкоторое время въ Фіезоле, и тамъ устроили нашу походную сцену. Едва ли гдѣ можно найти болѣе живописную мѣстность: на югѣ отъ насъ возвышались этрускія горы; на западѣ—могучія вершины Сальвіати, покрытыя виноградниками и

оливковыми деревьями; у ихъ подножія виднѣлись скромныя виллы, тонувшія въ морѣ изъ розъ и обрамленныя ивами, маньоліями и лимонными деревьями; туда приходили вельможи по вечерамъ на свиданье съ своими возлюбленными, у нашихъ ногъ возвышалась мрачная Солитудине, а внизу лежала Флоренція, подобная бѣлому лебедю, покоющемуся на рѣкѣ; оттуда доносился до насъ колокольный звонъ. Мѣсто было въ самомъ дѣлѣ очаровательное, но Паскарелли находилъ, что съ его стороны очень смѣло раскинуть нашъ скромный шатеръ на этой исторической почвѣ, съ которою связано столько воспоминаній о великихъ сынахъ Италіи. Сюда приходилъ грустный Данте отдохнуть отъ городского шума и успокоить свое истерзанное сердце; сюда приходилъ Саванарола, который, несмотря на свою жизнь, полную бурь, торжества и душевныхъ мукъ, находилъ все-таки время ухаживать за кустомъ алыхъ розъ, — Саванорола, который простился со всѣми мірскими радостями и сказалъ имъ: «прочь, сатана»!

— Понятно,—говорилъ Паскарелли,—что люди съ нервнымъ темпераментомъ, вдохновляемые великими идеями, должны были тяготиться окружающимъ міромъ, когда онъ представлялъ собою только одно обширное поле битвъ; когда путь къ тронамъ открывался ядомъ и кинжаломъ, когда религія проповѣдывалась народу съ пылающаго костра и не было выбора между развратною жизнью среди великолѣпныхъ дворцовъ, и солдатскою жизнью въ палаткахъ. Какое наслажденіе было для этихъ людей уединиться въ какомъ-нибудь тихомъ монастырѣ и тамъ проводить свои дни въ занятіяхъ и молитвѣ, гдѣ ничто не нарушало окружавшую ихъ тишину и ихъ думъ о лучшемъ, болѣе счастливомъ мірѣ!

Въ этотъ вечеръ Паскарелли не давалъ представленія въ своемъ шатрѣ, и потому мы спустились по склону горы во Флоренцію; по случаю любимаго народнаго празника «Всѣхъ святыхъ», весь городъ былъ необыкновенно оживленъ; на улицахъ играла музыка; даже таможенные солдаты у городскихъ воротъ были въ веселомъ расположеніи духа. Флорентинцы толпились на улицахъ: кто спѣшилъ въ церковь, кто въ театръ, на гулянье. Мы усѣлись близъ стараго дворца Строцци и пили черный кофе съ спѣлыми винными ягодами. Такъ просидѣли мы до поздней ночи, пока на темномъ небѣ не начали сверкать звѣзды.

Паскарелли сталъ вдругъ задумчивъ и печаленъ.

— Завтра день поминовенія усопшихъ,—сказалъ онъ,—и во всей Флоренціи будутъ раздаваться печальные звуки «Miserere».

Нѣтъ другого города, который долженъ такъ оплакивать своихъ усопшихъ, какъ Флоренція, потому что она похоронила многихъ великихъ людей.

Въ то время мы проходили по via della Morte, и Паскарелли съ благоговѣніемъ снялъ съ головы шляпу. Мы прошли молча до воротъ Санъ-Галло, откуда мы должны были подняться на гору.

— И все удовольствіе этого вечера обошлось намъ въ четыре сольди,—сказалъ Паскарелли:—за фрукты, кофе и музыку мы заплатили столько же, сколько какой-нибудь богачъ заплатитъ за свою сигару или за грушу въ Парижѣ. Скажите, на что́ намъ богатство, donzella? Правда, если бы мы были богаты, то кофе былъ бы намъ поданъ въ китайскихъ чашкахъ; мы имѣли бы свою ложу въ театрѣ, но, Богъ знаетъ, были ли бы мы счастливы! Какъ вы на это смотрите, donzella, и желаете ли вы по прежнему быть богатой?

— Нѣтъ,—отвѣчала я мечтательно,—нѣтъ, мы не могли бы быть счастливѣе, чѣмъ теперь.

Паскарелли шелъ задумчиво, рядомъ со мною; взглянувъ на него, я замѣтила на его лицѣ какое-то безпокойство, котораго я еще никогда не видала прежде; этотъ невыразимо-грустный взглядъ заставилъ сжаться мое сердце, какъ-бы отъ предчувствія неминуемой бѣды; но у меня не хватило смѣлости спросить у моего друга, что́ такъ волновало его. Я любила его со всею горячностью и наивностью ребенка, никогда еще незнавшаго глубокой привязанности къ близкимъ роднымъ, или къ кому бы то ни было, но у меня недоставало той чуткой симпатіи, той чистой, безкорыстной любви и терпѣнія, которыя могутъ научить насъ понимать каждое душевное движеніе, каждую сердечную боль любимаго существа. Да, еслибы только я спросила тогда у него, отчего онъ такъ грустенъ, еслибы я съумѣла своими мольбами вызвать его на откровенность, о! тогда, можетъ быть, мы не извѣдали бы горя и несчастія, потому что въ ту минуту я простила бы ему все!

Мы поднимались на гору; Паскарелли поддерживалъ меня за талію и помогалъ мнѣ всходить на крутизну. Небо было усѣяно звѣздами, кругомъ насъ стояла невозмутимая тишина; воздухъ былъ напитанъ запахомъ розъ; кто-то вдали наигрывалъ на лютнѣ; Паскарелли крѣпко прижалъ меня къ своему сердцу и покрылъ мое лицо поцѣлуями.

Есть ли на свѣтѣ люди, которые въ своей жизни никогда не

испытывали такихъ минутъ? Если есть, то они не жили полною жизнію.

Мы говорили немного, и къ чему тутъ послужили бы слова! Все на свѣтѣ казалось мнѣ прекраснымъ; мое сердце было переполнено такою радостью, какую можетъ человѣкъ испытывать только разъ въ теченіе всей своей жизни.

Мы пришли домой, и я прямо поднялась къ себѣ на верхъ; Паскарелли ходилъ передъ домомъ, и я слышала звукъ его шаговъ подъ деревьями.

Я не могла спать и всецѣло отдалась тѣмъ прекраснымъ мечтамъ, которыя вызываютъ въ насъ воспоминанія о пережитомъ, и которыя всегда сладостнѣе чистыхъ фантазій. Нашъ домикъ былъ очень не высокъ, и у моего окна росло фиговое дерево. Паскарелли взглянулъ на мое окно и, увидавши меня, въ одно мгновеніе, съ быстротою и ловкостью дикой козы, взобрался по сучьямъ фиговаго дерева и очутился рядомъ со мною у моего окна, взялъ мои руки, положилъ ихъ на свои плечи и сталъ нашептывать мнѣ сладостныя слова любви, тѣ слова, которыя нѣкогда изливались изъ устъ Ромео, Тасса и Франчески. На насъ смотрѣла чудная ночь своими мерцающими звѣздами, и мы, здѣсь, въ этой старой Бадіи, обрѣли тотъ же рай, который открывался для прежнихъ мечтателей, искавшихъ въ Бадіи душевнаго покоя.

XIII.

Я провела почти безсонную ночь и утромъ выбѣжала изъ дома, едва дыша отъ счастія, которымъ было переполнено мое сердце. Я, какъ ребенокъ, отдалась вся радостной минутѣ, не хотѣла мыслить, разсуждать, но желала только одного—снова услышать изъ устъ Паскарелли, что онъ меня любитъ. Вокругъ меня зеленѣли луга и деревья, зарумянившіеся отъ дыханія осени и позлащенные лучами осенняго солнца; предо мною возвышались древнія, побурѣвшія отъ времени стѣны старой Бадіи. Флоренція скрылась изъ виду, объятая густымъ бѣлымъ туманомъ. Я сѣла на камень и ждала... Я думала, что онъ также нетерпѣливо, какъ и я, ожидалъ наступленія утра, чтобы выбѣжать ко мнѣ на встрѣчу. Но вдругъ мимо меня прошла тихо плакавшая женщина. Я посмотрѣла на нее вопросительно: развѣ можетъ быть страданіе на свѣтѣ, когда мнѣ такъ радостно?

— Я иду помолиться за умершихъ дѣтей,—сказала она, вѣ-

роятно въ отвѣтъ на мой удивленный взглядъ:—сегодня—день поминовенія усопшихъ. Да минуетъ васъ всякое горе, моя красавица!

По тѣлу у меня пробѣжала холодная дрожь.

Такъ вотъ почему Флоренція надѣла бѣлый саванъ: она оплакиваетъ своихъ усопшихъ! Вотъ почему оттуда, сквозь густой туманъ, доносился печальный призывъ ея колоколовъ къ молитвѣ. Радость, переполнявшая мою душу, понемногу вытѣснялась безотчетнымъ страхомъ и грустью.

Ко мнѣ подбѣжалъ маленькій Токко, держа въ рукахъ записку отъ Паскарелли. «Я долженъ идти во Флоренцію, но къ ночи буду дома», писалъ онъ. Мною овладѣло чувство невыносимой тоски и разочарованія. Я такъ разсчитывала провести именно этотъ день вмѣстѣ съ Паскарелли; я такъ жаждала его присутствія! Мои размышленія были прерваны крикливымъ голосомъ Брюнотты, доносившемся до меня изъ открытаго окна.

— Онъ ушелъ съ утра въ городъ,—кричала она,—и я ничего не знала объ этомъ, а мнѣ нужно столько вещей изъ лавокъ. Мнѣ нужны кофе, тесемки, провизія къ обѣду...

Я встала и ушла дальше, чтобы не слыхать этого голоса, рѣзавшаго мои уши; я подозвала къ себѣ Токко и тоскливо спросила у него:

— Не знаешь ли ты, зачѣмъ онъ ушелъ въ городъ?

— Нѣтъ, синьора, я не знаю, но только замѣтилъ, что онъ былъ разстроенъ, когда уходилъ изъ дома. Можетъ быть, онъ пошелъ помолиться о комъ-нибудь изъ умершихъ. Вѣдь сегодня день поминовенія усопшихъ.

Я пошла дальше по оливковой рощѣ, предпочитая скорѣе голодать, чѣмъ слышать крики и негодованіе Брюнотты, и мечтала о Паскарелли. Не ушелъ ли онъ помолиться о какой-либо любимой имъ усопшей женщинѣ? Я ревновала его даже къ его прошедшему, но не долго. Онъ любитъ меня теперь, думала я, что же мнѣ за дѣло до его прошлаго? Не самъ ли онъ мнѣ сказалъ, что много нѣжныхъ рукъ украшали его мандолину лентами, но во мнѣ была сладостная увѣренность, что только я одна съумѣла коснуться ея струнъ.

Наконецъ, солнце стало склоняться къ западу; я стала ожидать возвращенія Паскарелли. Проходя домой мимо деревни, я видѣла, что Брюнотта, въ красной юбкѣ и бѣломъ корсажѣ съ большими бусами на шеѣ, весело танцовала съ смуглымъ кузнецомъ. Крестьяне, послѣ молитвъ о своихъ усопшихъ, веселились, пѣли и танцовали подъ звуки флейты. Я ушла въ

нашъ садъ и сѣла тамъ, откуда были видны мостъ и бѣлая пыльная дорога, ведущая внизъ ко Флоренціи. Мое утреннее грустное настроеніе духа совершенно исчезло вмѣстѣ съ туманомъ. Вся моя будущность представлялась мнѣ безконечно-радостной и прекрасной. Въ послѣдній разъ въ моей жизни я испытывала ту безпредѣльную радость, возможную только въ ранней молодости. Спустя нѣсколько минутъ мимо меня прошла Брюнотта. Она посмотрѣла на меня искоса и съ недовольною миною. Но я въ этотъ день была расположена любить всѣхъ и находить всѣхъ милыми и добрыми; хотя она въ послѣднее время была очень невнимательна ко мнѣ, но я никогда не забывала всей ея доброты ко мнѣ въ началѣ нашего знакомства. Я улыбнулась ей привѣтливо и спросила, весело ли она провела свой вечеръ и довольна ли танцами съ кузнецомъ Доменико?

Брюнотта посмотрѣла на меня подозрительно и возразила, что нѣтъ еще ничего дурного въ томъ, что она себѣ позволяетъ немного повеселиться послѣ всѣхъ ея заботъ и трудовъ по хозяйству.

— Конечно,— продолжала она,— я не могла бы веселиться сегодня вечеромъ, если бы не была утромъ у обѣдни. Все какъ-то покойнѣе, когда помолишься объ умершихъ родителяхъ. Я, напримѣръ, всегда нѣсколько боюсь, что мой отецъ приснится мнѣ, потому что передъ самою его смертію я съ нимъ крупно повздорила изъ-за какихъ-то денегъ, и онъ мнѣ сказалъ: «погоди же, злая дѣвчонка, если я умру, то не дамъ тебѣ покоя послѣ смерти».

Я слушала ее съ нѣкоторымъ удивленіемъ; она еще въ первый разъ говорила мнѣ о своемъ отцѣ, и эти предсмертныя слова казались мнѣ несовмѣстными съ гордымъ, саркастическимъ характеромъ отца Паскарелли, о которомъ онъ часто мнѣ говорилъ.

— Вѣроятно, вы говорите о мужѣ вашей кормилицы,— сказала я разсѣянно, не отрывая взглядовъ отъ бѣлой дороги и ожидая, что вотъ сейчасъ тѣнь столь любимаго мною человѣка упадетъ на мостъ, освѣщенный заходящимъ солнцемъ. Какъ часто я, бывало, и прежде нетерпѣливо ожидала этого человѣка съ его смуглымъ историческимъ лицомъ, но никогда мое сердце не билось отъ такого трепетнаго, порывистаго ожиданія, какъ теперь.

— Я говорю о моемъ родномъ отцѣ,— упрямо возразила Брюнотта, и посмотрѣла на меня такимъ явно-непріязненнымъ и хитрымъ взглядомъ, что я невольно обратила вниманіе на нее и взглянула на нее пристально и вопросительно. Тогда она вдругъ закрыла свое лицо руками и начала громко рыдать. На меня

напалъ какой-то ужасъ, я вообразила, что что-нибудь случилось съ Паскарелли.

— Ради Бога, Брюнотта, говорите скорѣе, чтó такое съ нимъ случилось? Какое-нибудь несчастіе? Да?

Вмѣсто отвѣта, она упала къ моимъ ногамъ и обѣими руками ухватилась за мое платье.

— Нѣтъ, онъ здоровъ; чтó съ нимъ можетъ случиться! Не о немъ мнѣ нужно поговорить съ вами, синьора, а о васъ самихъ. Прошу васъ, уйдите отъ насъ. Мы были такъ счастливы, когда васъ не было съ нами. Я это говорила уже сотни разъ Паскарелли, но онъ давно не обращаетъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Вы приковали его къ себѣ какими-то чарами, но будьте великодушны, уйдите, бросьте насъ! Вамъ вездѣ будетъ хорошо, вы такая красавица и сводите съ ума всѣхъ мужчинъ. Мнѣ стало жаль васъ, когда я увидѣла васъ въ лѣсу въ первый разъ; я васъ полюбила, синьора, и теперь я васъ люблю, только уйдите, ради Бога, отъ насъ совсѣмъ. Я буду молиться о васъ Мадоннѣ, и она сохранитъ васъ. Вамъ нечего бояться: вы можете сдѣлать изъ мужчинъ все, чтó только захотите. Да, Паскарелли былъ правъ, сказавъ мнѣ при первой нашей встрѣчѣ: «зачѣмъ ты хочешь связать съ нашею судьбой эту прекрасную тепличную розу?» А я была такъ глупа, что и не подумала тогда о томъ, чтó могло случиться. Теперь онъ меня убьетъ, непремѣнно убьетъ, когда узнаетъ о томъ, чтó я съ вами говорила. Но мнѣ ужъ все равно, я не могу терпѣть долѣе.

Я встала, высвободила свое платье изъ ея рукъ, посмотрѣла на нее съ крайнимъ удивленіемъ и сказала:

— Брюнотта, я васъ не понимаю, говорите яснѣе, чтó такое у васъ на умѣ?

— А то на умѣ, что я хочу, чтобы вы ушли отъ насъ, какъ я вамъ уже сказала. Паскарелли васъ полюбилъ, какъ только увидалъ васъ—въ этомъ я увѣрена. Иначе, зачѣмъ было ему тогда такъ неутомимо заняться тяжелымъ кузнечнымъ мастерствомъ, чтобы принести вамъ ваши двѣнадцать флориновъ, которые будто бы возвратилъ самъ воръ. А вы готовы были вѣрить всякому вздору, который онъ вамъ сочинялъ! Посмотрите, чтó вы съ нимъ сдѣлали,—онъ съ ума сходитъ по васъ. Прежде онъ любилъ выпить вина съ товарищами и ухаживать за хорошенькими женщинами, а теперь онъ и не взглянетъ ни на одну женщину, кромѣ васъ; онъ сидитъ по цѣлымъ часамъ и все только думаетъ, думаетъ, а на меня онъ давно не обращаетъ никакого вниманія.

Брюнотта замолчала, раскраснѣвшись и запыхавшись отъ наплыва своихъ чувствъ, а я стояла рядомъ съ нею съ сильно бьющимся сердцемъ, и чувствовала только одно,—что Паскарелли меня любитъ, и была несказанно счастлива. Онъ—странствующій актеръ,—это правда; онъ сынъ мѣдника, но для меня онъ былъ царемъ между людьми. Между тѣмъ Брюнотта крикливымъ голосомъ продолжала:

— Онъ меня убьетъ, можетъ быть, когда узнаетъ, что я вамъ все открыла, но я больше не могу и не хочу молчать.

Я все еще не понимала ея намековъ и снова повторила свой прежній вопросъ, прибавивъ, что я не понимаю, зачѣмъ она меня гонитъ и недовольна тѣмъ, что ея братъ обращаетъ на меня вниманіе.

Брюнотта оглядѣлась кругомъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что ее никто не слышитъ, и хитро улыбнулась какъ ребенокъ, когда онъ собирается разбить какую-нибудь дорогую игрушку.

— Синьорина,—сказала она запинаясь,—онъ мнѣ не братъ. Какъ могли вы повѣрить этой выдумкѣ? Но вы еще такой ребенокъ, что вамъ нужно прямо называть вещи по имени; я бы никогда, впрочемъ, и не сказала вамъ объ этомъ, но я вижу, что вы его любите и что онъ васъ любитъ какъ безумный. Но уходите только поскорѣе, и Паскарелли васъ навѣрно скоро забудетъ. Когда мы встрѣтили васъ въ лѣсу, Паскарелли спросилъ у меня: «за кого donzella принимаетъ тебя?» и я отвѣтила:—она думаетъ, что я твоя сестра.—«Пусть будетъ такъ», сказалъ онъ. «Смотри же, Брюнотта, я не хочу, чтобы ея слуха коснулось что-либо нечистое. Обѣщай мнѣ это». Я ему поклялась всѣми святыми, что сдержу слово, но это было свыше моихъ силъ; и вчера, когда онъ посмотрѣлъ на васъ такимъ влюбленнымъ взглядомъ, я сказала себѣ, что я сегодня же вамъ все открою и попрошу васъ или оставить насъ навсегда, или же остаться здѣсь, вмѣсто меня, съ Паскарелли; но вмѣстѣ намъ жить нельзя.

Я была ошеломлена какъ послѣ сильнаго удара, не могла ни говорить, ни двигаться. Въ первый разъ въ моей жизни я была обманута—и кѣмъ же? Человѣкомъ, за котораго я съ радостью отдала бы мою жизнь. И онъ ее любилъ, а потомъ полюбилъ меня! Ничтожною и низкою казалась я самой себѣ послѣ этого. Я инстинктивно чувствовала, что во мнѣ все умерло. Вѣроятно, въ моемъ лицѣ было что-то страшное въ то мгновеніе, когда я почувствовала, что вся прелесть моей молодой жизни погибла, потому что Брюноттой овладѣло чувство раскаянія и сожалѣнія ко мнѣ; она бросилась ко мнѣ, но я ее съ силою от-

толкнула и убѣжала въ свою комнату наверхъ: я боялась каждую минуту услышать голосъ Паскарелли. У моего окна цвѣли розы, птицы громко распѣвали кругомъ, но я была холодна ко всему окружающему. Моя любовь умерла, и съ нею умерло все для меня.

Я бросилась на свою кровать и вся отдалась безвыходному горю. Если бы я была старше, то я, можетъ быть, была бы въ состояніи все понять и, можетъ быть, простить Паскарелли. Но я не знала тогда, что мужчина можетъ отдаться женщинѣ, не чувствуя къ ней любви, и не знала, какъ тяжела можетъ быть такая связь и какъ трудно иногда разорвать ее. Я думала, что Паскарелли любилъ эту женщину, столь ничтожную въ моихъ глазахъ; при этой мысли возмущалась вся моя гордость. Ея ревность унижала меня въ собственныхъ моихъ глазахъ. Время шло, и я сознавала, что скоро наступитъ ночь, и тогда онъ вернется домой, — ко мнѣ и къ ней. Нѣтъ! Одну изъ насъ, по крайней мѣрѣ, онъ уже не найдетъ въ своемъ домѣ! Я услышала шумъ чьихъ-то шаговъ на моей лѣстницѣ. Мнѣ не оставалось больше времени для размышленія—я бросилась въ окно, ухватилась за вѣтви дерева, росшаго у моего окна, и быстро спустилась по нимъ внизъ. Въ то же время я слышала голосъ Брюнотты, которая вошла въ мою комнату и искала меня. Было совершенно темно на дворѣ; я быстро удалилась изъ дома; маленькій Токко внизу у ограды распѣвалъ какую-то пѣсню и смотрѣлъ внизъ по направленію къ мосту, ожидая Паскарелли. Я подошла къ нему и вложила ему въ руку кольцо съ ониксомъ.

— Отдай это Паскарелли, когда онъ вернется,—сказала я, и въ одно мгновеніе оставила его и пустилась бѣжать. Я слышала за собою голосъ Брюнотты, и мною еще болѣе овладѣло отчаянное желаніе скрыться куда-нибудь отъ всѣхъ нихъ. Я бѣжала безъ оглядки, спотыкаясь и падая; наконецъ я вышла на дорогу и услышала стукъ колесъ и лошадиныхъ копытъ: ѣхалъ въ телѣжкѣ какой-то старикъ; я подбѣжала къ нему и такъ усердно умоляла его взять меня въ телѣжку, что онъ согласился на мою просьбу. Горная дорога, ведущая отъ Фіезоле внизъ къ Флоренціи, извилистая и трудная, казалась мнѣ нескончаемой; телѣжка прыгала по каменистой дорогѣ; я была вся изранена, разбита, но моя душевная тоска была такъ велика, что я не чувствовала физической боли. Въ моихъ ушахъ раздавалась еще музыка рѣчей Паскарелли — эта музыка, которой я теперь больше не услышу. Я чувствовала, что я вдругъ постарѣла, и была вся истерзана душевно и физически, когда старикъ высадилъ меня

во Флоренціи. Было еще очень рано; начинали собираться къ заутрени, и я находилась около церкви Санта-Кроче. Едва я съ трудомъ сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ услышала за собою голоса и лошадиный топотъ. Я бросилась къ дверямъ церкви какъ раненая лань, ищущая спасенія отъ преслѣдующихъ ее охотниковъ. Голоса священниковъ глухо раздавались по обширному пространству церкви и подъ высокими ея сводами. Въ этой церкви покоится прахъ Микель-Анджело и Джіотто. До меня доносились голоса въ открытую дверь церкви; вдругъ предо мною пронеслась толпа людей, на которыхъ сверкало оружіе; снова раздался быстрый топотъ лошадей и все исчезло изъ виду; но я все-таки успѣла разглядѣть посреди этой суматохи блескъ смѣлыхъ, прекрасныхъ глазъ, тѣхъ глазъ, которые такъ недавно мнѣ улыбались въ тихую лунную ночь. Я быстро выбѣжала изъ церкви и схватила за руку перваго встрѣчнаго.

— Чтó съ вами, мой прекрасный ребенокъ?—спросилъ онъ, и тотчасъ же отвѣтилъ на мой нетерпѣливый, отчаянный взглядъ.

— Не бойтесь, моя красавица! Все дѣло въ томъ, что австрійская полиція схватила Паскарелли и ведетъ его въ тюрьму, а народъ пытался освободить его. Паскарелли говорилъ иногда горькія истины, и легко придраться къ его рѣчамъ. Вчера здѣсь было волненіе въ народѣ, которое усмирилъ Паскарелли, а это именно и поставлено ему въ вину. Какое право имѣетъ онъ распоряжаться самовольно? За это въ мое время колесовали людей. Его арестовали вчера ночью, а теперь повели въ Подеста на судъ. Я думаю, что все дѣло кончится тѣмъ, что его посадятъ мѣсяца на три въ тюрьму.

Я потеряла всякое сознаніе того, чтó вокругъ меня происходило, и упала за-мертво на камни мостовой.

XIV.

Многимъ показалось бы невыносимо скучно въ старомъ Ольтрарно,— въ этомъ историческомъ кварталѣ Флоренціи: онъ весь искрещенъ высокими стѣнами, не позволяющими проникать въ него лучамъ солнца; его улицы такъ узки, что двумъ экипажамъ нельзя проѣхать рядомъ; его дома похожи на скалы; мрачно смотрятъ громадныя арки надъ воротами его домовъ; но въ этомъ кварталѣ столько святыхъ воспоминаній о прошломъ, что всѣ тѣ, кому дороги памятники давно-прошедшихъ временъ, найдутъ въ немъ особенную прелесть.

Я сдѣлалась невольною обитательницею этого историческаго квартала. Въ то время, когда я упала за-мертво на улицѣ, ко мнѣ подошла, какъ я узнала послѣ, старушка и отвела меня въ свою комнату, которую она занимала въ одномъ изъ домовъ въ кварталѣ Ольтрарно. Она была очень бѣдна и заработывала свой хлѣбъ единственно тѣмъ, что штопала шелковые чулки для танцовщицъ и богатыхъ барынь; она жила въ томъ маленькомъ кривомъ переулкѣ, гдѣ старикъ Тосканелли мечталъ о путешествіи въ невѣдомый міръ черезъ океанъ, и веселый Боккачіо съ своею прекрасною, но циническою улыбкою любовался красотою флорентинскихъ дамъ, когда ихъ проносили въ ихъ раззолоченныхъ носилкахъ, одѣтыхъ въ драгоцѣнныя платья, на балы, дававшіеся въ дворцахъ Барди и Фрескобальди.

Это была маленькая и опрятная старушка семидесяти лѣтъ; весь день она просиживала у окна съ чулкомъ въ рукахъ, и только по временамъ смотрѣла изъ окна на улицу. Тамъ, въ этой убогой комнаткѣ лежала я и боролась со смертью въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, безпрестанно бредя о цвѣтахъ, птицахъ, о лунной ночи; тамъ я снова понемногу пріобрѣтала свои силы, какъ это всегда бываетъ въ юности, даже когда этого вовсе не желаешь. Со своей постели я видѣла добрую старушку, постоянно сидѣвшую у окна, за своею работой; она штопала чулокъ и разговаривала вполголоса сама съ собою. Она дѣлала свои замѣчанія о каждой парѣ чулокъ, вынимая ихъ изъ корзинки, высказывала прекрасныя задушевныя мысли; это была одна изъ тѣхъ поэтическихъ натуръ, которыя хотя и не въ состояніи выражать на бумагѣ своихъ чувствъ, но могутъ сочувствовать всему прекрасному и чувствовать сильно. Но ея голосъ не утѣшалъ, а только раздражалъ меня,—я была неблагодарна къ ней, жестоко неблагодарна! Такъ часто поступаютъ очень молодые люди; но по мѣрѣ же того, какъ мы становимся старше, столько ранъ открывается въ нашемъ сердцѣ, что мы съ благодарностью жмемъ руку даже тѣмъ, которые окажутъ намъ самую незначительную услугу, хотя знаемъ навѣрное, что не найдемъ исцѣленія для нашей душевной скорби.

Старая Джіудетта продолжала штопать свои чулки у окна и горячо молилась за меня своей мадоннѣ, раскрашенной голубою и ярко-красною красками, хотя я и не выказывала ей ни малѣйшей признательности и только лежала и стонала по цѣлымъ часамъ и днямъ. Да, она была добра, какъ ангелъ, эта бѣдная старушка! Она умерла, какъ мнѣ потомъ сообщили, черезъ годъ послѣ этого тяжелаго для меня времени, о которомъ я пишу,—

умерла, улыбаясь и держа свою штопальную иголку въ старческой рукѣ! Узнавъ объ ея смерти, я велѣла поставить надъ ея могилой бѣлоснѣжный крестъ, какой едва ли когда-либо бывалъ воздвигаемъ подъ тѣнью темныхъ кипарисовъ на вершинахъ Миніато, гдѣ покоится ея прахъ. Холодная и запоздалая благодарность!—скажутъ многіе, и будутъ правы. Но чѣмъ хуже была моя благодарность той, которую выражаютъ націи, измѣряющія степень своей благодарности высотою и стоимостью своихъ каменныхъ монументовъ?

Нѣтъ на свѣтѣ ничего болѣе эгоистическаго, какъ великое душевное горе. Я принимала все, что̀ дѣлала для меня эта бѣдная женщина, совершенно равнодушно и какъ должное. Она была такъ бѣдна, что отказывала себѣ въ своей скудной пищѣ для того, чтобы купить мнѣ фруктовъ и вывести меня изъ моей апатіи ихъ видомъ и запахомъ. Я была такъ молода и такъ несчастна, что это ее тронуло, и она ухаживала за мною со всею самоотверженною любовью родной матери. Очень непроницательны тѣ люди, которые въ прекрасной улыбкѣ итальянокъ не видятъ отраженія доброты ихъ сердца!

Не знаю, извѣстно ли всѣмъ моимъ читателямъ имя—Синья Роза? Она была вдова, и жила сорокъ лѣтъ на морскомъ берегу около Ниццы. Это была щедушная, маленькая, очень красивая старушка; она носила головной уборъ и платье простой крестьянки и сама смотрѣла за всѣмъ своимъ хозяйствомъ; она выходила за ограду своего дома только за тѣмъ, чтобы идти къ обѣднѣ; но деревенскіе жители приходили къ ней толпами, ища у нея утѣшенія и прося совѣтовъ; въ ней, въ самомъ дѣлѣ, были сопряжены кротость горлицы и мудрость змѣи; она прекращала всякіе раздоры, и никто не уходилъ отъ нея, не почувствовавъ себя добрѣе и лучше. Такъ жила она около полустолѣтія, окруженная святостью монастыря, но сохраняя въ своемъ сердцѣ горячую любовь къ человѣчеству, трогательную вѣрность къ памяти умершаго мужа и пылкую материнскую любовь. Такъ жила она на берегу вѣчно голубого моря и подъ сводомъ вѣчно голубого неба, а когда она умерла, то десять тысячъ итальянцевъ провожали ее до могилы, и до сихъ поръ Италія благоговѣйно чтитъ ея имя, потому что Синья Роза была матерью Гарибальди! Италія никогда не имѣла бы такихъ сыновей, если бы въ ней не было такихъ матерей!

Уже наступила зима со всѣми ея увеселеніями и суетою. Разъ утромъ насъ навѣстила знакомая Джіудетты; она подошла къ моей кровати и сказала.

— Вставайте, бѣдняжка, вы слишкомъ молоды для того, чтобы лежать тутъ, какъ покинутая матерью овечка; теперь начинается карнавалъ, и я сама всегда бываю весела въ это время, хотя мнѣ уже за семьдесять лѣтъ.

На ней была надѣта новая юбка, и пунцовая лента красовалась въ ея серебристыхъ волосахъ.

Но я только содрогнулась и отвернулась отъ нея. Въ моей памяти воскресло вновь воспоминаніе о прошломъ, столь памятномъ для меня карнавалѣ, и я была рада, что шумъ и веселье нынѣшняго карнавала не касаются моего слуха, такъ какъ центръ всѣхъ увеселеній былъ на той сторонѣ Арно. Наконецъ прошелъ и карнавалъ, и прошло еще много времени, прежде чѣмъ наступила весна, такая же весна, какъ та, которая встрѣтила меня такъ радушно, когда я вступала во Флоренцію.

Три мѣсяца уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ я лежала больная у Джіудетты. Я такъ сильно перемѣнилась, что едва можно было бы узнать въ мнѣ того счастливаго ребенка, который такъ беззаботно наслаждался жизнью въ обществѣ Паскарелли. Мои золотистыя кудри были обстрижены, щеки впали и глаза сдѣлались еще больше, чѣмъ прежде. Разъ какъ-то тишина, царствовавшая въ старомъ Ольтрарно, была нарушена звуками множества веселыхъ голосовъ.

— Что́ бы это могло значить,—воскликнула Джіудетта:—всѣ кричатъ и бѣгутъ куда-то; въ рукахъ у многихъ трехцвѣтныя знамена, за которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ разстрѣливали народъ, и которыхъ такъ не любятъ патеры. Но вотъ идетъ маленькій Тиста; онъ намъ разскажетъ въ чемъ дѣло. Слушай, Тиста, что́ это дѣлается на улицѣ? Ужъ не папа ли ѣдетъ сюда?

Съ улицы донесся до насъ звучный голосъ мальчика.

— Это мы веселимся, — сегодня выпускаютъ изъ тюрьмы Паскарелли. Смотрите же, матушка Джіудетта, не забудьте къ вечеру вывѣсить фонарь у вашего окна, а то мы непремѣнно разобьемъ стекла въ вашемъ окнѣ!

Я вскочила съ постели и подбѣжала къ окну; мое сердце билось какъ у пойманной птицы, но я ничего не видала, кромѣ веселой толпы, куда-то спѣшившей; съ тѣхъ поръ, какъ я услышала давно знакомое мнѣ имя, я не могла оторваться отъ окна и все ждала, ждала, сама не знаю чего. Я—горячо любила Паскарелли, но въ то же время я почти ненавидѣла его: онъ обманулъ меня, вотъ что́ меня терзало!

Какъ много мужчинъ поступаетъ подобнымъ же образомъ: они обманываютъ женщинъ иногда даже изъ любви къ нимъ,

иногда же изъ малодушнаго страха услышать упреки любимой женщины, — страха, который не чуждъ самымъ храбрымъ въ другихъ отношеніяхъ людямъ. Мужчина иногда обманываетъ женщину не потому, что у него низкая натура, но потому, что боится оскорбить ее правдою, или боится сцены. Этотъ недостатокъ, къ сожалѣнію, часто встрѣчается у мужчинъ, и всегда влечетъ за собою плачевныя послѣдствія.

Къ вечеру Джіудетта зажгла фонарь, повѣсила его у окна и, по своему обыкновенію, ушла къ вечернѣ; я же не отходила отъ окна и ждала возвращенія народа, забывая о томъ, что свѣтъ отъ фонаря падалъ мнѣ прямо на лицо. Наконецъ, я услышала еще вдали голоса ликующаго народа, они становились все громче, и наконецъ послышался шумъ множества шаговъ и голосовъ; вотъ, наконецъ, проходитъ мимо моего окна пестрая толпа народа, распѣвая веселыя пѣсни и держа надъ головами трехцвѣтныя знамена, а посреди ихъ идетъ Паскарелли со своимъ поэтическимъ, мечтательнымъ взглядомъ. Я вся высунулась изъ окна и слѣдила за ними, освѣщенная свѣтомъ фонаря. Паскарелли улыбался въ отвѣтъ на привѣтствія толпившихся у оконъ. Вдругъ его взглядъ упалъ на меня, онъ со страстнымъ крикомъ вырвался изъ толпы, взбѣжалъ по лѣстницѣ и очутился рядомъ со мною. Онъ вскричалъ отъ радости и крѣпко-крѣпко обнялъ меня......

Много ли прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ снова со мною — я не знаю; бываютъ годы, въ которые не живешь ни одной минуты настоящею жизнью, и есть минуты, когда переживаешь цѣлую вѣчность. Я впала въ какое-то забытье и сознавала только одно, что я желала умереть тогда же на его груди. Но этотъ восхитительный порывъ страсти прошелъ; я высвободилась изъ его объятій и вся вздрогнула. Онъ посмотрѣлъ на меня со страхомъ, и просилъ меня не глядѣть такъ на него. Чтó я ему сказала въ отвѣтъ — я уже не помню: я осыпала его жгучими упреками, я была ослѣплена негодованіемъ и жестокостью; я забыла всю его безконечную доброту, забыла все, все. Онъ меня обманулъ, — вотъ только о чемъ я помнила. Я жаждала его присутствія, его взгляда, его голоса, но затѣмъ гордость моей натуры взяла верхъ надъ моимъ чувствомъ, и я показала ему одно только презрѣніе. Я не помню также, чтò отвѣчалъ мнѣ онъ, но онъ началъ цѣловать мои руки, мое платье и со всею краснорѣчивою страстностью своей порывистой натуры — описалъ мнѣ всю душевную боль, которую онъ ощущалъ, и муки раскаянія.

— Дитя моя, радость моя,—говорилъ Паскарелли,—выслушайте меня, если вы только меня любите; ревнуйте меня скорѣе къ солнцу, которое меня грѣетъ, къ воздуху, которымъ я дышу, но не ревнуйте меня къ этой бездушной женщинѣ,—Брюноттѣ. Повѣрьте, что я самъ себя ненавижу за то, въ чемъ вы меня упрекаете.

Паскарелли сталъ на колѣни у моихъ ногъ и продолжалъ:

— Развѣ я могъ быть съ вами вполнѣ откровененъ, cara mia, — вы были такъ невинны и въ то же время такъ безпомощны и молоды; мнѣ не оставалось другого выбора, какъ взять васъ съ собою. Я знаю, что я виноватъ передъ вами, что я согрѣшилъ передъ вами; но, радость моя, вспомните, что я старался какъ только могъ усладить вашу жизнь. Простите же меня и забудьте мою ошибку.

Я слушала его и готова была простить ему все; толпа народа громко кричала и звала Паскарелли. Я колебалась одну минуту, но гордость и эгоизмъ снова заговорили во мнѣ, и я отвернулась отъ него.

— Да, сказала я, вы краснорѣчивы, — это я знаю. Нѣтъ, идите къ ней, къ вашей возлюбленной; я вамъ больше не вѣрю. Правда, не трудно было меня обмануть, — я вамъ такъ безгранично вѣрила, и вы меня обманывали съ того самаго дня, когда вы возвратили мнѣ будто-бы мои деньги. Если вы любили бы меня въ самомъ дѣлѣ, то поступили бы иначе: вамъ слѣдовало бы отыскать моихъ родныхъ и возвратить меня въ ихъ кругъ, гдѣ я была бы окружена людьми хорошаго общества. Вы не должны были бы имѣть ни минуты покоя, не сдѣлавъ этого, и тогда я была бы увѣрена, что вы меня любите.

Мужчины великодушны; они спокойно выслушиваютъ отъ насъ, женщинъ, иногда страшныя оскорбленія. Паскарелли спокойно выслушалъ всѣ мои горькіе, несправедливые упреки, не возражалъ мнѣ, не напомнилъ мнѣ всѣ его нѣжныя, незаслуженныя мною заботы о мнѣ! Онъ вдругъ поблѣднѣлъ; долго и пристально смотрѣлъ на меня: въ его глазахъ уже не было прежней страсти, въ нихъ выражалось только нѣмое отчаяніе. Я готова была броситься ему на шею и забыть все; но я дошла до крайности и не хотѣла уступить; я была обманута въ своемъ самомъ священномъ чувствѣ и стояла около Паскарелли молчаливая, съ презрѣніемъ на устахъ.

— Какъ я могу вѣрить вашему раскаянію, — вы обманули меня. Да! вы говорите хорошо, но вѣдь это ваше ремесло; кто

знаетъ, можетъ быть ваши рѣчи—одна изъ тѣхъ ролей, которыя вы играли на вашей сценѣ!

Паскарелли поднялся съ своего мѣста; все лицо его покрылось краскою, и онъ выпрямился съ свойственною ему одному граціею.

— Даже вамъ,—сказалъ онъ,—я не позволю повторить то, что́ вы сейчасъ сказали. Я услужу еще, можетъ быть, инымъ образомъ, но вы уже больше не увидите меня. Прощайте!

Прежде чѣмъ я могла хорошенько понять весь смыслъ этого рокового слова, онъ уже выбѣжалъ изъ комнаты. Народъ, такъ долго ожидавшій его, тотчасъ подхватилъ его и понесъ на своихъ рукахъ. Я звала его назадъ, но напрасно, — онъ не могъ даже услышать звуковъ моего голоса.

XV.

Лѣто было въ полномъ разгарѣ, но я была равнодушна ко всему и желала одного—умереть какъ можно скорѣе; а смерть, какъ и другія блага, именно тогда-то и не приходитъ, когда ее ищешь.

Разъ утромъ ко мнѣ подошла Джіудетта, сѣла около меня и сказала:

— Знаете ли вы, что было время, когда я желала смерти, какъ, вѣроятно, вы ждете ее теперь; тогда все на свѣтѣ для меня было постыло. Слушайте же, что́ я вамъ разскажу: когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, я была танцовщицей въ здѣшнемъ театрѣ, который недалеко отсюда. Я была весела, счастлива, но очень бѣдна. Говорили, что я была недурна собою. Разъ вечеромъ, возвращаясь домой, я оступилась и упала на мосту; какой-то прохожій поднялъ меня и принесъ меня домой на своихъ рукахъ, такъ какъ я вывихнула ногу и не могла ходить. Я нѣкоторое время должна была отказаться отъ своихъ танцевъ. Незнакомецъ вскорѣ зашелъ ко мнѣ, чтобы узнать о моемъ здоровьѣ; послѣ этого онъ часто заходилъ ко мнѣ. Онъ былъ изъ знатнаго французскаго семейства и служилъ въ военной службѣ. Прежде чѣмъ началъ цвѣсти виноградъ, мы уже любили другъ друга. Знакомые и сосѣди начали перешептываться и укорять меня; но это меня не смущало, — я любила въ первый разъ въ моей жизни, и до тѣхъ поръ ни одинъ мужчина не касался даже моей руки. Я благодарю Бога за этотъ счастливый годъ: воспоминаніями объ одномъ такомъ годѣ можно потомъ прожить всю

жизнь. Мой возлюбленный хотѣлъ подарить мнѣ много разныхъ дорогихъ вещей, но я постоянно отказывалась отъ нихъ и сказала ему разъ навсегда: «если я возьму отъ васъ хоть одинъ скудо, то чѣмъ же лучше буду я другихъ женщинъ, которыя продаютъ себя за деньги?» И онъ никогда ничего мнѣ не дарилъ, кромѣ букета розъ. Эти розы до сихъ поръ у меня, онѣ будутъ лежать въ моемъ гробу. Когда этотъ годъ прошелъ,— отъ всего сердца благодарю Бога за этотъ годъ, — начались война и великія смуты, и тотъ великій человѣкъ, котораго звали Наполеономъ, началъ, какъ говорили, свою послѣднюю войну на жизнь и на смерть. Тогда мой возлюбленный пришелъ ко мнѣ и сказалъ: «Джіудетта, Наполеонъ — мой императоръ, я обязанъ ему многимъ и не могу спокойно сидѣть здѣсь, когда дѣло идетъ объ его жизни или смерти. Ты для меня — дороже всего на свѣтѣ, но я не могу заглушить въ себѣ голоса чести».

Я всѣми силами старалась уговорить его остаться со мною. Честь! Это слово звучитъ такъ холодно для насъ, женщинъ, и эта честь всегда выставляется мужчинами противъ насъ, женщинъ. Чтó я ни говорила, ничего не помогло. Онъ мнѣ сказалъ: «помни одно, что если я не возвращусь къ тебѣ черезъ годъ, то значитъ, что я убитъ на войнѣ? Онъ поцѣловалъ меня въ послѣдній разъ, и уѣхалъ. Наполеонъ, какъ мнѣ говорили, былъ разбитъ и посаженъ въ тюрьму; но онъ, мой возлюбленный, онъ уже больше не возвратился ни къ концу года, ни послѣ того, и я не получила отъ него ни одной строчки. Вотъ теперь уже прошло пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ это случилось. Тогда-то начали всѣ смѣяться надо мною: «хорошъ же твой жéнихъ», говорили они, «онъ уѣхалъ отъ тебя, потому что ты ему наскучила, и онъ обманулъ тебя». Я ничего не отвѣчала; я знала, что онъ умеръ, потому что иначе онъ возвратился-бы ко мнѣ. Да и что это была-бы за любовь, если-бы я ему не вѣрила безгранично»!

Она остановилась на нѣсколько минутъ, склонила свою сѣдую голову и потомъ продолжала:

— Было время, когда я думала, что я сойду съ ума; я почти уже рѣшилась броситься въ рѣку и тѣмъ покончить съ своимъ горемъ; но потомъ я подумала, что, можетъ быть, я тогда ужъ не увижусь съ нимъ тамъ, на небесахъ, и я рѣшилась жить. Я больше уже не танцовала на сценѣ, я не была бы въ состояніи танцовать, потому что не хотѣла, чтобъ послѣ его ласкъ мною любовались другіе. Я начала тогда штопать чулки, чтó я продолжаю и теперь. Моя мать жила вмѣстѣ со мною, въ этой

самой комнаткѣ. Она сердилась на меня за то, что я отталкивала отъ себя всѣхъ молодыхъ людей, и говорила, что я должна забыть о человѣкѣ, который самъ вѣроятно позабылъ о мнѣ, или же, можетъ быть, давно умеръ. Я хочу здѣсь же умереть, въ этой комнаткѣ. Онъ хотѣлъ, чтобъ я переѣхала жить на какую-нибудь красивую виллу, окруженную садами, но я вегда отказывалась отъ этого предложенія. Если бы я взяла отъ него хоть бездѣлицу, мнѣ бы все казалось, что онъ какъ-будто купилъ мою любовь, мои поцѣлуи. Я взяла отъ него однѣ только розы. Сколько-сколько лѣтъ я сидѣла у этого окна и все ждала, что онъ пройдетъ ко мнѣ вотъ по этой улицѣ, въ полночь, когда всходила луна; и если-бы онъ былъ живъ, то навѣрное пришелъ бы ко мнѣ. Я иногда смотрю съ этою мыслью на улицу и теперь, и мнѣ все кажется, что я сейчасъ увижу его такимъ же молодымъ и прекраснымъ, какимъ онъ былъ тогда. А съ тѣхъ поръ прошло уже пятьдесятъ лѣтъ!

Она замолкла и принялась опять за свой чулокъ. Прошло уже пятьдесятъ лѣтъ! На меня напалъ ужасъ. Неужели и я буду жить столько же лѣтъ и буду сидѣть, какъ она, всегда одна сама съ собою и съ своими воспоминаніями, и также какъ она доживу до того, что буду въ состояніи спокойно разсказывать грустную повѣсть моей жизни. Мнѣ во сто разъ казалось привлекательнѣе поддаться искушенію, которому подвергалась Джіудетта,—обрѣсти себѣ успокоеніе въ быстротечной Арно.

— Неужели вы никогда, ни разу, не усомнились въ немъ; никогда не подумали, что, можетъ быть, онъ живъ и любитъ другую,—спросила я, выведенная, наконецъ, изъ моей тупой апатіи разсказомъ старушки?

Она посмотрѣла на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ и даже съ упрекомъ.

— Усомниться въ немъ! Вы вѣрно меня не поняли, дитя мое. Я любила его, и отдалась ему — какъ же я могла сомнѣваться въ немъ послѣ этого?

Ея отвѣтъ заставилъ меня покраснѣть за себя. Она, простая, неученая женщина, неумѣющая ни читать, ни писать, она жила здѣсь, одна, въ затворничествѣ, занимаясь штопаньемъ чулковъ, и въ ея чистой, старческой душѣ, сокрытая отъ всѣхъ, жила божественная, непоколебимая вѣра въ ея умершаго друга. Я чувствовала, что моя любовь ничтожна въ сравненіи съ ея великою любовью. Вотъ для меня примѣръ той великой, всепрощающей, вѣрующей любви, о которой когда-то мечталъ Паскарелли! И во мнѣ не было этой любви, — моя любовь была ничто ря-

домъ съ самоотверженною любовью этой бѣдной, одинокой старушки, у которой осталась теперь одна только мечта, одно желаніе,—чтобы ее похоронили вмѣстѣ съ розой, завядшей уже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ!

XVI.

Джіудетта была проворна и бодра; она постоянно хлопотала по своему хозяйству, или помогала сосѣдямъ. Разъ какъ-то она упала на лѣстницѣ и ушибла себѣ ногу; это ее очень огорчило, тѣмъ болѣе, что въ этотъ вечеръ она должна была отнести чулки къ одной танцовщицѣ, которая безъ нихъ не могла бы появиться на сценѣ. Моя совѣсть, наконецъ, заговорила во мнѣ, и я взялась отнести чулки, укутавшись предварительно въ темный плащъ старушки.

Въ первый разъ послѣ шести мѣсяцевъ болѣзни я вышла на воздухъ. Вышедши изъ дома, я была почти оглушена. Я какъ будто въ первый разъ видѣла столь знакомыя мнѣ улицы, по которымъ я шла. Темные кипарисы на Оливето съ удивительною отчетливостью выступали на пурпурномъ небѣ. По дорогѣ шли крестьянки, возвращаясь съ работы домой. На встрѣчу мнѣ ѣхала, сидя на мулѣ, крестьянка, которая гнала передъ собою цѣлую стаю молодыхъ индѣекъ, и была вся поглощена своимъ дѣломъ; но вдругъ она остановила свой взглядъ на мнѣ, и вся поблѣднѣла: это была Брюнотта.

— Вы ли это, donzella! Да, въ самомъ дѣлѣ, это вы,—вскричала она.—Но какъ вы перемѣнились! Вы вѣрно очень бѣдны и голодны. Гдѣ же ваше прекрасное желтое платье, ваши золотые локоны и гордая, прелестная осанка, какъ у маленькой принцессы, которою всѣ такъ восхищались? Не сердитесь на меня, синьорина, за то, что̀ я тогда вамъ сказала: какъ было мнѣ знать, что̀ изъ всего этого выйдетъ? Я не знала, что Паскарелли былъ посаженъ въ тюрьму, и уже никакъ не думала, что вы убѣжите отъ насъ, какъ сумасшедшая. Какъ сердилась хозяйка за то, что вы сломали дерево у вашего окна! Приходите ко мнѣ; я не имѣю ничего противъ васъ; я васъ накормлю и дамъ вамъ комнатку у себя. Между мною и Паскарелли теперь уже давно все кончено; онъ такъ долго пробылъ въ тюрьмѣ, что я понемногу позабыла о немъ; а теперь я уже замужемъ за Коко; онъ, правда, не особенно уменъ, но это-то и хорошо въ мужѣ; онъ очень

добръ ко мнѣ и, вѣроятно, будетъ тоже радъ, если вы поселитесь у насъ и поможете мнѣ по хозяйству.

Я посмотрѣла на нее въ упоръ и отвернулась отъ нея со словами:

— Вы вѣроятно желаете мнѣ добра, благодарю васъ; но если вы себя сколько-нибудь бережете, то не показывайтесь мнѣ на глаза никогда!

И есть люди, которые мучатся изъ-за такихъ женщинъ! На одну Гретхенъ, умирающую въ темницѣ, приходятся сотни женщинъ, которыя кончаютъ, какъ Брюнотта, и живутъ довольныя своею судьбой.

Я пошла дальше и вспомнила о томъ, какъ я ходила здѣсь, по этимъ самымъ улицамъ, рука объ руку съ Паскарелли, и была такъ счастлива!

Возвращаясь домой я увидала, что окна въ комнатѣ Джіудетты были освѣщены и оттуда доносились до меня звуки голосовъ; когда я вошла въ комнату, то какая-то темная фигура бросилась къ моимъ ногамъ и начала цѣловать край моей старой юбки.

— Милая, милая donzella,—вскричалъ Флоріо, своимъ старческимъ, давно знакомымъ мнѣ голосомъ,—наконецъ-то я васъ вижу передъ собою! Какъ долго я васъ искалъ, и все понапрасну. Какія новости у меня для васъ, синьорина! Подумайте только, вашъ отецъ теперь богатъ, страшно богатъ! Онъ получилъ въ наслѣдство громадное богатство, старинный домъ и титулъ. Когда мы были тамъ, на сѣверѣ, и вступали во владѣніе всѣмъ этимъ богатствомъ, когда мы думали о васъ и хотѣли во что бы то ни стало отыскать васъ, вдругъ къ намъ приходитъ бѣдный странствующій актеръ, тотъ самый, котораго я видѣлъ сотни разъ здѣсь, въ Италіи, на его маленькой сценѣ; онъ пришелъ усталый и весь въ пыли, но при всемъ томъ держалъ себя съ гордостью принца и потребовалъ тотчасъ же, не переодѣвшись, аудіенціи у вашего батюшки, милорда. Чтó они говорили между собою, мнѣ неизвѣстно, но, кажется, между нами шелъ крупный разговоръ, потому что Паскарелли вышелъ изъ комнаты милорда съ такимъ презрѣніемъ и гордостью на лицѣ, что мы, слуги, хотѣли его вытолкать, но побоялись его гнѣва. Черезъ нѣсколько времени вашъ батюшка позвалъ меня къ себѣ и велѣлъ отыскать васъ; и вотъ я здѣсь, синьорина, и могу васъ увѣрить въ томъ, что вы богаты теперь, какъ королева. Но что же вы не промолвите ни одного словечка вашему вѣрному, старому Флоріо; вы

смотрите на меня съ такою грустью, что сердце разрывается глядя на васъ!

Я слушала его молча; мое пламенное желаніе сбылось—я теперь, наконецъ, богата. Я высвободилась изъ рукъ Флоріо и упала на полъ, обливаясь слезами. На чтó мнѣ теперь богатство королевы? Одного, только одного я желаю теперь,—я хочу гулять, какъ прежде, радостная и беззаботная, подъ жгучими лучами тосканскаго солнца, въ ту пору, когда на склонахъ горъ подъ тѣнью виноградныхъ лозъ цвѣтутъ голубыя лиліи и благоухаютъ маньоліи; я хочу идти рука объ руку съ нимъ, съ моимъ Паскарелли, смотрѣть въ его прекрасные глаза.

Меня оставили на время у Джіудетты, и Флоріо приносилъ мнѣ туда сотни дорогихъ бездѣлушекъ, шелковыя и атласныя платья, дорогія украшенія и разныя лакомства, для того, чтобы я могла на дѣлѣ убѣдиться въ томъ, что я теперь, въ самомъ дѣлѣ, богата. Флоріо не могъ понять моего равнодушія при видѣ этихъ вещей, и очень оскорблялся имъ. Я оживлялась только тогда, когда онъ мнѣ говорилъ о Паскарелли.

— Какъ это странно, donzella, — говорилъ Флоріо,—что вы напали на этого умнаго бродягу. Я его зналъ давно; многіе говорили, что изъ него выйдетъ знаменитый актеръ; но онъ самъ не захотѣлъ этого. Онъ бродяга по природѣ, и никогда не могъ ужиться съ кѣмъ бы то ни было. Но вѣрно онъ поступалъ съ вами не дурно, такъ какъ вы не жалуетесь на него. Общество Паскарелли было очень неподходящее для васъ, молоденькой аристократки, и вашъ отецъ строго запретилъ вамъ говорить о томъ, чтó съ вами было. Паскарелли велъ себя у насъ очень дерзко и надменно; но все-таки мы всѣ были тронуты тѣмъ, что онъ потратилъ столько времени и труда, чтобы отыскать вашего отца и пріѣхать къ нему такъ далеко на сѣверъ. А это было не легко, увѣряю васъ. Да, кромѣ того, другой на его мѣстѣ, пожалуй, захотѣлъ бы припрятать васъ и показывалъ бы ваше прекрасное личико на своей сценѣ, или же запросилъ бы большую награду за то, что нашелъ васъ. Что же касается Паскарелли, то вотъ чтó я вамъ скажу, donzella: вашъ отецъ — знатный господинъ и не трусъ, но онъ никогда не посмѣлъ бы предложить какую-либо награду Паскарелли.

— Не плачьте, дорогая синьорина,—продолжалъ Флоріо:—вы совсѣмъ захирѣли отъ голода и бѣдности, но скоро розы опять зацвѣтутъ на вашихъ щекахъ. Вы все еще прекрасны, donzella, хотя ваши глаза и смотрятъ такъ печально.

Такъ говорилъ Флоріо, и все, о чемъ онъ разсказывалъ, я

видѣла передъ собою такъ ясно, какъ будто это совершалось въ моихъ глазахъ. Я все поняла, и мысль о томъ, чтó Паскарелли сдѣлалъ для меня, убивала меня. Несмотря на мои горькіе упреки и безразсудныя слова, онъ все-таки бросилъ свою родину, свой народъ, свободную жизнь и отправился по бурному, сѣверному морю къ моему отцу, поддерживая свое существованіе тяжелымъ трудомъ, — онъ былъ такъ бѣденъ! И у меня нашлось столько духу, чтобъ прогнать его съ презрѣніемъ отъ себя,—и все это произошло изъ-за той крикливой, пустой женщины, которая теперь утѣшилась такъ прозаически.

Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Флоренціи Флоріо оставилъ меня наединѣ съ Джіудеттой. Я сѣла у окна и глубоко задумалась; она подошла ко мнѣ и положила свои добрыя руки на мою склоненную голову.

— Вы уѣзжаете въ большой свѣтъ,—сказала она,—и будете теперь богаты. Но я вижу, что васъ это не радуетъ. Чтó такое съ вами — я не знаю, но скажу вамъ одно: если вы любили кого-нибудь, то не старайтесь забыть его и полюбить другого. Никогда не дѣлайте этого. Только тогда можете вы прожить и умереть спокойно, съ чистою душою и незапятнаннымъ тѣломъ, когда вы останетесь вѣрны человѣку, котораго вы любили.—Это я знаю, въ этомъ я увѣрена, хотя я и простая, неученая женщина и всю свою жизнь только штопала чулки здѣсь, во Флоренціи.

Она поручила меня покровительству мадонны и ушла къ вечернѣ. Когда же совсѣмъ стемнѣло, у дверей послышался легкій стукъ, и въ комнату вошла босоногая дѣвочка, держа въ рукахъ большой букетъ розъ. Она положила ихъ ко мнѣ на колѣни и быстро удалилась. Это были такія же душистыя бѣлыя розы, какъ тѣ, которыя мнѣ были присланы въ Веронѣ. Вокругъ нихъ былъ обернутъ лоскутокъ бумаги и на немъ было написано: «Будьте счастливы. Addio!»

Я прижала ихъ къ своему сердцу и облила ихъ горячими слезами, какъ это дѣлаютъ матери съ своими умирающими дѣтьми.

И это былъ конецъ, конецъ всему, — моей юности и всѣмъ моимъ радостямъ!

XVII.

Но для романа тутъ только начинается его развязка, — въ формѣ двухъ дневниковъ, которые ведутся параллельно, какъ Неллою, такъ и Паскарелли. Авторъ приводитъ отрывки изъ этихъ дневниковъ.

....Сегодня я посѣтилъ—записываетъ Паскарелли—въ горахъ виллу, которой больше четыреста лѣтъ. Тамъ поселился одинъ знакомый мнѣ извѣстный художникъ; его студія—подъ зеленою листвою передъ виллою; на каменной лѣстницѣ лежитъ безпорядочная кипа рисунковъ и кистей; въ разбросанныхъ книгахъ открываются сами собой тѣ страницы, на которыхъ напечатаны извѣстные стихи Данте или выдержки изъ Боккачіо. Внизу стоитъ крестьянинъ съ лавровымъ вѣнкомъ въ рукѣ; онъ служитъ моделью для героя изъ Декамерона. Кто-то вблизи звонкимъ голосомъ поетъ неаполитанскую рыбачью пѣсню. Я иду къ художнику и становлюсь рядомъ съ нимъ.

— Вы могли бы служить лучшею моделью для моего Памфиліо,—говоритъ онъ.—Становитесь-ка на мѣсто Джіаконе, а онъ пусть идетъ къ своимъ виноградникамъ.

Я беру лавровый вѣнокъ и говорю:

— Я не довольно молодъ для вашего Памфиліо!

— Вы,—отвѣчаетъ художникъ,—да вы будете вѣчно молоды!

Художникъ молча продолжаетъ свою работу, а я задумался надъ его словами. Неужели я никогда не состарѣюсь душою? Не знаю, правъ ли онъ? На головѣ у меня лавровый вѣнокъ, пожелтѣвшій отъ наступающей зимы; такими всегда слѣдовало бы изображать лавровые вѣнки, потому что никто не пожинаетъ ихъ во время своей весны. Вотъ и я пріобрѣлъ извѣстность и славу, но чтó мнѣ въ нихъ? Мой юморъ не имѣетъ для меня самого своей прежней соли. Меня называютъ великимъ артистомъ; пусть называютъ,—но я самъ навѣрно знаю, что я былъ великъ именно тогда, когда игралъ подъ своимъ изорваннымъ полотнянымъ шатромъ. Артистъ дѣйствительно великъ только тогда, когда онъ живетъ идеальною жизнью, созданною его воображеніемъ; но когда его душа ноетъ, то развѣ возможна такая жизнь? Теперь я слышу похвалу моему таланту; великіе міра сего носятъ меня на рукахъ; мой портретъ продается на улицахъ вмѣстѣ съ портретомъ модной куртизанки и человѣка, недавно обвиненнаго въ убійствѣ. Это ли не слава! Да, правъ мой другъ, художникъ, рисуя лавры не зелеными, а желтыми;

лавры какъ-то не вяжутся со счастіемъ. И эти лавры въ рукахъ Памфиліо хотя были сорваны въ садахъ наслажденія, но мнѣ чудится, что въ нихъ гдѣ-нибудь гнѣздится зародышъ безпощадной чумы. Неужели эти веселые разсказчики въ «Декамеронѣ» Боккачіо никогда не содрагались отъ ужаса, заливаясь во время чумы своимъ веселымъ смѣхомъ?

Я знаю самъ, что я безразсуденъ, невѣроятно безразсуденъ. Чтó такое я нашелъ въ этой дѣвочкѣ, съ ея золотыми волосами и съ голосомъ, какъ у лютни? Что такое было въ ней, чтó заставляетъ меня теперь не походить на самого себя и не встрѣчать больше радости въ сообществѣ людей?

— Теперь пора намъ отдохнуть,—говоритъ мой другъ, художникъ.—Идите ко мнѣ, покурите; я сейчасъ вамъ велю подать вина и фруктовъ; а пока, не хотите ли взглянуть на мою послѣднюю работу?

Мы идемъ въ комнату, и художникъ отдергиваетъ тяжелый занавѣсъ: предо мною портретъ женщины; за нею алѣютъ олеандры; она облокотилась на легкія перила балкона; ея платье какого-то необыкновеннаго, блѣдно-золотистаго цвѣта; въ корсажъ платья, у ея бѣлой открытой шеи, воткнутъ пучокъ алой гвоздики; у ея ногъ лежитъ разбитая лютня; ея глаза не улыбаются; глядя на нее, можно подумать, что она знаетъ, отчего струны порвались, отчего умолкла музыка! — Лицо женщины поразительно прекрасно посреди этого блеска; оно какъ бы говоритъ, что послѣдняя, дорогая ея сердцу пѣснь любви была сыграна на этой разбитой лютнѣ. Глядя на это задумчивое лицо, можно тотчасъ же угадать, что вокругъ этой женщины царствуетъ таинственная, мертвая тишина.

Смотря на портретъ, я погрузился въ думы; а мой другъ уже во второй разъ спрашиваетъ у меня: какъ мнѣ нравится портретъ? Я ему отвѣчаю на удачу, что, по моему мнѣнію, его олеандры слишкомъ ярки, что Тиціанъ всегда писалъ ихъ довольно блѣдными и что у него они кажутся холодными и безжизненными, рядомъ съ розами на щекахъ его женщинъ; такъ отвѣчаю я моему другу, но все думаю о другомъ, а глаза этой женщины смотрятъ прямо на меня. Художникъ что-то говоритъ мнѣ, но я смутно понимаю его слова. Можетъ быть, онъ хочетъ мнѣ разсказать исторію этого портрета; но развѣ тутъ нужно что-либо разсказывать? Достаточно взглянуть на разбитую лютню.

— Какъ зовутъ эту женщину?—вдругъ спрашиваю я, и чувствую, что говорю какъ будто объ умершей.

Художникъ громко засмѣялся:

— Такъ вы ничего не слышали изъ моего разсказа? Эту картину почти-что нельзя назвать портретомъ, хотя онъ поразительно похожъ на оригиналъ; такою она стояла передомною здѣсь, во Флоренціи, когда она сюда пріѣзжала въ послѣдній разъ. Я ничего не прибавилъ; я писалъ только то, что́ видѣлъ передъ собою. Я знаю, что тиціановскія розы всегда блѣдны, но эти олеандры, освѣщенные заходящимъ солнцемъ, такъ же ярко горѣли вокругъ нея, какъ они изображены здѣсь. Несмотря на весь этотъ блескъ, вы видите, что красота ея отъ этого не пострадала: она только-что одѣлась, готова ѣхать въ маскарадъ и въ ожиданіи чего-то вышла на балконъ, освѣщенный золотистыми лучами заходящаго солнца; я тотчасъ же набросилъ всю эту сцену такъ, какъ видѣлъ ее, и такимъ образомъ у меня родилась мысль нарисовать эту картину. Пришедши къ этой молодой женщинѣ на другое утро, я принесъ съ собою старую лютню и просилъ ее сыграть что-нибудь въ то время, пока я постараюсь уловить выраженіе ея лица; она протянула руку за лютней, но лютня упала и разбилась о мраморный полъ. «Рисуйте ее такъ, какъ она есть», сказала она, указывая на лютню. Но какъ мнѣ назвать портретъ? Мнѣ пришло въ голову назвать картину именемъ возлюбленной Джіорджіоне; такъ представлялась мнѣ она всегда на балконѣ, въ Венеціи; тутъ же кстати лежитъ разбитая лютня; а вотъ тутъ, налѣво, надъ этимъ цвѣткомъ, вы увидите голову оседа, который можетъ служить символомъ чумы. Но когда я спросилъ у нея, не назвать ли мнѣ такъ картину, то она отвѣчала: «какъ хотите, это ужъ ваше дѣло; но мнѣ кажется, что возлюбленную Джіорджіоне слѣдовало бы нарисовать съ улыбкою на устахъ; она знала, что смерть будетъ милостива къ нимъ обоимъ и не разлучитъ ихъ; но, впрочемъ, дѣлайте, какъ знаете сами». И я рѣшился назвать свою картину такъ, какъ хотѣлъ, тѣмъ болѣе, что она подходитъ ближе къ венеціанскому стилю, чѣмъ къ флорентинскому.

Тутъ художникъ быстро опустилъ занавѣсъ и скрылъ отъ моего взгляда весь этотъ огненный свѣтъ; его самолюбіе было задѣто тѣмъ, что́ я сказалъ о тиціановскихъ розахъ. А я стою и все еще вижу передъ собою алые олеандры и разбитую лютню, и глаза этой женщины, уже безъ той улыбки, которая должна была бы свѣтиться въ глазахъ возлюбленной Джіорджіоне. Мой другъ говорилъ что-то такое о томъ, что эта особа — знатная дама. Да, конечно, это такъ и должно было случиться: я долженъ былъ увидѣть ее вновь, ее, мою прежнюю Неллу, не

иначе какъ одѣтою въ золотыя одежды, съ ривьеромъ бриліантовъ на ея шеѣ и въ ея волосахъ; у ея ногъ — разбитая лютня, и всего ея богатства недостанетъ для того, чтобы лютня вновь издавала свою старую, прелестную, нѣжную и простую мелодію! Вспоминаетъ ли она когда-нибудь о тѣхъ дняхъ, проведенныхъ нами на облитыхъ солнцемъ горныхъ склонахъ, у мелкихъ горныхъ ручьевъ и подъ виноградною листвою? Неужели она забыла все это такъ скоро, или же, можетъ быть, она вспоминаетъ съ краскою стыда на лицѣ о томъ, что я осмѣлился когда-то любить ее и ласкать ея маленькую ручку! Но никто по крайней мѣрѣ не узнаетъ отъ меня, что я все это помню. Я старался любить другихъ женщинъ; я клялся имъ даже въ своей любви; но не думаю, чтобы онѣ мнѣ вѣрили, и я самъ не вѣрилъ себѣ. Нѣтъ, я уже не молодъ душою, какъ прежде! Напротивъ, я чувствую, что я старикъ. На свѣтѣ есть вещи, забыть которыя долженъ заставить себя человѣкъ, или же по крайней мѣрѣ онъ долженъ считать ихъ какъ-бы забытыми. А забвеніе и всепрощеніе не суть ли аттрибуты старости?..

Разъ какъ-то, уже нѣсколько времени тому назадъ, я гулялъ поздно вечеромъ по улицамъ Флоренціи. На душѣ у меня было необыкновенно тяжело. Едва ли не въ первый разъ еще я смотрѣлъ на Флоренцію другими глазами, не находя въ ней прежней красоты. Вѣдь способность восхищаться внѣшнею красотою почти всегда зависитъ отъ нашего душевнаго настроенія! Я шелъ безъ цѣли и не думая ни о чемъ особенномъ. Вдругъ моего слуха коснулась какая-то грустная, прелестная, фантастическая мелодія, которую кто-то игралъ на скрипкѣ. Я подошелъ ближе, и увидалъ болѣзненнаго, красиваго мальчика; онъ былъ очень бѣдно одѣтъ и страшно блѣденъ; вокругъ него собралась небольшая кучка народа, и я сталъ слушать его игру вмѣстѣ съ другими. Мелодія была необыкновенно хороша и трогательна. Вдругъ игра на скрипкѣ оборвалась, мальчикъ упалъ и выронилъ изъ рукъ скрипку. Я быстро подбѣжалъ къ нему, приподнялъ его голову и положилъ ее къ себѣ на колѣни. Судя по его лицу, можно было догадаться, что онъ ослабѣлъ отъ голода. Я снесъ мальчика въ ближайшую ресторацію и привелъ его въ чувство; онъ открылъ свои большіе, выразительные глаза и поразилъ меня своею красотою. Оправившись совсѣмъ, онъ разсказалъ мнѣ исторію своей жизни. Его звали Рафаэлино Бонтиста.

— Я пришелъ сюда изъ Вероны, мой добрый синьоръ,—сказалъ онъ.—Въ послѣднее время я былъ совсѣмъ одинокъ въ этомъ городѣ, такъ какъ моя мать умерла, а одна милая синьорина,

которая была подругою моего дѣтства, еще раньше исчезла самымъ необыкновеннымъ образомъ; она была очень знатнаго происхожденія, но ея родные покинули ее на произволъ судьбы. У насъ поговаривали, что она утопилась въ Эчѣ, такъ какъ тамъ былъ найденъ трупъ молодой дѣвочки, около того же времени, какъ она исчезла; но я былъ убѣжденъ, что она жива, и у меня родилась мысль отыскать ее. Вотъ, съ тѣхъ поръ я брожу и все напрасно ищу ее. Разъ какъ-то въ Романьѣ мнѣ говорили объ одной дѣвушкѣ съ золотыми волосами, которую народъ называлъ «птичкою»; тогда я ободрился и сказалъ себѣ: «это-она, такой другой дѣвушки нѣтъ на свѣтѣ»! И я шелъ дальше. Я не очень нуждался, потому что народъ былъ добръ ко мнѣ; но три послѣдніе дня я почти-что ничего не ѣлъ, и ослабѣлъ отъ голода. Теперь вы знаете все».

Да, я дѣйствительно зналъ все! Развѣ я не слыхалъ о немъ сотни разъ отъ самой Неллы! Я не могъ не отнестись къ Рафаэлино, какъ къ человѣку близкому и дорогому моему сердцу. Въ то время, когда я встрѣтился съ нимъ, я самъ очень нуждался, но я не могъ оставить его и началъ обдумывать, какимъ бы образомъ пристроиться и этимъ помочь Рафаэлино. Я былъ тогда совершенно одинъ; даже маленькій Токко оставилъ меня и началъ заработывать хлѣбъ самъ по себѣ. Я былъ такъ одинокъ, что у меня не было ни одной души, для кого я желалъ бы работать; а не легко найти итальянца, который желалъ бы работать изъ одной только любви къ труду. Нѣтъ, такая работа не по насъ. Дайте намъ цѣль, и мы будемъ работать не хуже другихъ. Если мы, итальянцы, счастливы, мы лежимъ на солнцѣ и мечтаемъ объ этомъ счастьѣ; если же мы несчастливы, то и тогда ничего не можемъ придумать лучше этого far niente. Въ несчастьи итальянцы никогда не прибѣгаютъ къ самоубійству, почему — я не знаю; можетъ быть они боятся дантовскихъ «круговъ», а можетъ быть просто изъ привязанности къ прозябанію. Когда же на меня легла забота объ этомъ мальчикѣ, я началъ обдумывать, за какую-бы работу взяться мнѣ. Я почти уже рѣшился отправиться съ Рафаэлино въ Каррару, гдѣ горный воздухъ возстановилъ бы его силы и гдѣ я всегда могъ бы разсчитывать получить работу въ мраморныхъ каменоломняхъ. Но судьбѣ угодно было распорядиться мною иначе. Я въ это время случайно встрѣтился съ однимъ моимъ старымъ знакомымъ, разбогатѣвшимъ въ послѣднее время и получившемъ мѣсто директора въ театрѣ Гольдони. Онъ очень обрадовался встрѣчѣ со мною и сказалъ, что сама судьба посылаетъ меня къ нему въ

эту минуту, такъ какъ первый и знаменитый въ то время актеръ его труппы внезапно захворалъ. Въ тотъ день, когда я съ нимъ встрѣтился, былъ назначенъ спектакль, на который были ожидаемы принцы и другія знатныя особы. Онъ такъ началъ умолять меня занять мѣсто заболѣвшаго актера, что я, думая о бѣдномъ Рафаэлино, рѣшился принять его предложеніе. Двери театра Гольдони открываются въ восемь часовъ вечера; но я не нуждался въ репетиціи, такъ какъ зналъ хорошо предлагаемую мнѣ роль въ пьесѣ. Этотъ вечеръ рѣшилъ мою дальнѣйшую судьбу. Когда занавѣсъ упалъ, моя слава была упрочена. Съ этого вечера слава обо мнѣ распространилась не только по всей Италіи, но и въ другихъ странахъ. Меня заранѣе приглашали на зимніе сезоны и предлагали гораздо больше золота, чѣмъ сколько я заслуживалъ; но лѣтомъ я свободенъ и всегда возвращаюсь назадъ сюда, и играю для моихъ дорогихъ флорентинцевъ. Здѣсь я вновь принадлежу народу. Если бы я въ теченіе полугода не слыхалъ звучныхъ вибрацій итальянскаго грудного смѣха, то я, кажется, потерялъ бы всю свою бодрость духа и мужество. Кромѣ того, я желаю быть свободенъ лѣтомъ, когда по дорогѣ сверкаютъ свѣтляки и маньоліи покрываются бѣлыми цвѣтами. Можетъ быть, я немного лѣнивъ, но итальянецъ непремѣнно лѣнивъ по своей природѣ.

Въ одинъ лѣтній жаркій день я какъ-то встрѣтился съ почтальономъ, который заперъ свой кожаный мѣшокъ, наполненный письмами, въ шкафъ, а самъ торопился на ярмарку, отложивъ разноску писемъ до слѣдующаго дня. На мой вопросъ, не упрекаетъ ли его совѣсть въ томъ, чтó онъ дѣлаетъ, онъ спокойно и съ нѣкоторымъ удивленіемъ отвѣчалъ: «Che diamine signore! Ярмарка меня ждать не будетъ, а письма легко могутъ полежать въ шкафѣ. Никто не знаетъ, чтó такое въ нихъ написано, и, слѣдовательно, никто ничего не ожидаетъ отъ нихъ; да, кромѣ того, въ нихъ вѣрно все дурныя извѣстія, какъ всегда во всѣхъ письмахъ; слѣдовательно, тѣмъ еще лучше будетъ для бѣдныхъ людей, что они проведутъ лишній денёкъ въ покоѣ». И онъ съ весьма довольнымъ видомъ поспѣшилъ на ярмарку.

Я самъ дѣлаю почти то же самое: я отказываюсь отъ блестящихъ предложеній на лѣтній сезонъ, и прихожу сюда, на свою ярмарку,—на лѣто...

Тамъ, на сѣверѣ, начинается война, и я доволенъ этимъ. Я иду къ себѣ домой, открываю ветхій комодъ и вынимаю оттуда мой старый ранецъ и старое ружье. Въ концѣ-концовъ, они всегда остаются нашими вѣрными друзьями, и когда человѣкъ

рожденъ флорентинцемъ, то онъ въ то же время и солдатъ. Нѣкоторые изъ моихъ друзей въ это время входятъ въ мою комнату; они всѣ заняты извѣстіемъ о войнѣ.

— Неужели вы собираетесь на войну, Паскарелли?—восклицаютъ они.

Я имъ отвѣчаю, что я, въ самомъ дѣлѣ, иду сражаться; они уговариваютъ меня оставить эту мысль, приводятъ краснорѣчивыя доказательства въ подтвержденіе ихъ доводовъ, но я имъ отвѣчаю одно: «Италія требуетъ себѣ обратно Венецію и Верону». Къ ночи я остаюсь одинъ. Весь народъ погруженъ еще въ сонъ. Но скоро заблаговѣстятъ къ заутрени, и набожныя женщины встанутъ съ своихъ постелей, пойдутъ въ полуосвѣщенныя восходящимъ солнцемъ церкви и будутъ тамъ съ истерзанными сердцами молиться о своихъ возлюбленныхъ и мужьяхъ, собирающихся на войну. О мнѣ некому помолиться. Это всегда бываетъ такъ, когда человѣкъ любилъ слишкомъ многихъ. Мы спѣшимъ собирать розы, а вѣтеръ разноситъ ихъ лепестки и мы остаемся съ пустыми руками. Но что за дѣло до этого; передо мною мое ружье и у меня все-таки остается моя возлюбленная—Италія!....

XVIII.

Въ это же самое время, писала Нелла:

....Какое спокойствіе и тишина здѣсь, на горахъ, у церкви св. Маргариты! Видъ отсюда восхитительный! Флоренція лежитъ далеко внизу, вся облитая солнцемъ; отсюда можно окинуть взглядомъ снѣговыя вершины Валломброза, и виденъ голубоватый оттѣнокъ Каррарской горной цѣпи. Я прихожу сюда иногда для того, чтобы насладиться тишиною и смотрѣть на закатъ солнца за синія Каррарскія горы и на то, какъ обширная зеленая долина обращается въ цѣлое море литого золота. Я часто приходила сюда съ Паскарелли! Немного еще лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ прислалъ мнѣ бѣлыя розы, а кажется, что съ тѣхъ поръ будто бы прошла цѣлая вѣчность. Послѣ того, какъ я получила эти розы, въ моей жизни наступилъ періодъ полной безсознательности. Когда я пришла въ себя, я очутилась въ совершенно новой для меня обстановкѣ; вся прежняя жизнь во Флоренціи исчезла, какъ сонъ. Я была окружена золотомъ и серебромъ и дорогими платьями; предо мною были каштановыя деревья и сирени въ полномъ цвѣту. Около меня былъ Флоріо и шепталъ мнѣ добродушно:

— Смотрите, donzella, это Парижъ. Постарайтесь укрѣпиться въ силахъ. Подумайте, не хотите ли вы чего-нибудь. Теперь всѣ ваши желанія могутъ быть исполнены. Постарайтесь только не умирать, а жить, carina mia!

Я смотрѣла на него въ недоумѣніи. Жить, зачѣмъ мнѣ жить? Развѣ голубыя лиліи не умерли всѣ въ Тосканѣ?

Разъ какъ-то, въ домѣ моего отца, мнѣ принесли большіе футляры съ драгоцѣнными украшеніями изъ сапфировъ и бриліантовъ.

— Ты слишкомъ молода для того, чтобы носить ихъ,—сказалъ мой отецъ,—но все-таки, мнѣ кажется, что они пойдутъ къ тебѣ, какъ къ тебѣ шли эти старые, желтые и лиловые бархатные наряды въ Веронѣ. Постарайся одѣться получше сегодня вечеромъ, такъ какъ тебѣ будетъ нужно выѣхать въ свѣтъ.

Я не могла не послушаться отца. Свѣтъ увидалъ меня и началъ восторгаться мною. Я обрадовалась этому, такъ какъ этотъ шумъ и блескъ служили для меня лихорадочнымъ развлеченіемъ.

Мой отецъ по-своему добръ ко мнѣ; онъ гордится тѣмъ, что въ свѣтѣ меня называютъ красавицей; онъ расточаетъ для меня свое богатство. Мужчины влюбляются въ меня или, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ меня въ своей любви; я кокетничаю съ ними, и они называютъ меня безсердечной. Женщины завидуютъ мнѣ и, кажется, ненавидятъ меня за мои успѣхи въ свѣтѣ. Многіе просили моей руки; мой отецъ смотритъ на меня какъ-то загадочно и говоритъ: «Срывай розы, пока онѣ цвѣтутъ около тебя; это хорошій совѣтъ, хотя онъ былъ высказанъ поэтомъ». Но я не желаю ихъ срывать. Паскарелли поцѣловалъ меня въ Фіезолѣ, и послѣ этого ни одинъ мужчина не дотронется до моей щеки. Между окружающими меня есть одинъ, который постоянно преслѣдуетъ меня и желалъ бы заставить меня выдти за него замужъ. Мой отецъ тоже уговариваетъ меня выдти за него; этотъ человѣкъ—нашъ родственникъ и наслѣдникъ всего нашего богатства. Онъ ухаживаетъ за мною, какъ это умѣютъ дѣлать свѣтскіе люди; онъ красивъ и граціозенъ, но въ то время, когда онъ употребляетъ все свое краснорѣчіе, чтобы прельстить меня, мнѣ слышится другой голосъ, который шепчетъ мнѣ на своемъ звучномъ тосканскомъ нарѣчіи: „Gioja mia!“

Я еще такъ молода, а чувствую себя уже старой съ тѣхъ поръ, какъ я похоронила свою молодость въ могилѣ изъ увядшихъ розовыхъ лепестковъ, прошло только три года,—но это время кажется мнѣ цѣлою вѣчностью!....

XIX.

Опять отрывокъ изъ дневника Паскарелли:

...Это не войска, идущія на бой, это—цѣлая нація, пробудившаяся отъ сна и взявшаяся за оружіе! Одна моя родина высылаетъ нѣсколько тысячъ тосканцевъ. Я пришелъ въ Геную въ маѣ; все здѣсь мрачно,—и море, и небо, и воздухъ, и тѣни отъ горъ! Собирается буря. По улицамъ Генуи, по ея набережнымъ, толкутся по цѣлымъ днямъ тысячи и десятки тысячъ усталыхъ ногъ—вся Италія и половина Франціи собрались сюда. Несмотря на дождь и туманъ, воиновъ привѣтствуютъ букетами цвѣтовъ, бросаемыми съ балконовъ. Старыя аркады и галлереи у морского берега наполнены войсками, остановившимися здѣсь на краткій отдыхъ. Маленькія дѣти мелькаютъ то здѣсь, то тамъ; на каждомъ изъ нихъ непремѣнно надѣты или трехцвѣтный бантикъ, или шарфъ, и они кричатъ своими тоненькими голосами виваты королю и Италіи! Дождь льетъ цѣлый день, не переставая,—небо какъ будто бы подкуплено Австріею; но на этотъ разъ дождь никого не гонитъ съ улицъ домой; хотя знамена уныло повисли, смоченныя дождемъ, но сердца не унываютъ; толпа суетится на улицахъ и посылаетъ громкія привѣтствія войскамъ. Генуя служитъ мѣстомъ сборища для цѣлой возставшей націи. Здѣсь можно встрѣтить и зуавовъ съ загорѣлыми отъ африканскаго солнца лицами, неаполитанцевъ въ ихъ рыбацкихъ одеждахъ; тосканскихъ новобранцевъ съ едва пробивающимся пушкомъ надъ верхней губой; кирасировъ въ ихъ блестящихъ мундирахъ, итальянскихъ аристократовъ съ ихъ тиціановскими лицами и стройными фигурами въ простой одеждѣ волонтеровъ; французы безпрестанно смѣются и весело болтаютъ; итальянцы не отстаютъ отъ нихъ, но по временамъ вдругъ становятся очень серьёзными: для нихъ дѣло идетъ не о томъ, чтобы только выиграть или проиграть сраженіе, но рѣшается вопросъ о жизни цѣлой націи.

Разъ я сидѣлъ, задумавшись, на улицѣ, держа въ рукѣ ружье; вдругъ ко мнѣ приблизился маленькій, щедушный человѣкъ; я узналъ въ немъ Рафаэлино: «Дорогой другъ, не опоздалъ ли я?», сказалъ онъ: «я иду съ вами».—Ты,—вскричалъ я,—ты, на эту кровопролитную войну! Послѣ этого намъ остается только вербовать женщинъ и дѣтей.—Это было грубо съ моей стороны, но я не могъ хладнокровно видѣть его здѣсь. «Если мужчины упадутъ духомъ», отвѣчалъ онъ, «то, пожалуй, вооружатся жен-

щины и дѣти. Не сами ли вы сказали: не войско, а вся нація идетъ на войну!» Я замолчалъ. Какъ могъ я его упрекать за его любовь къ Италіи? Но я былъ почти увѣренъ, что послѣ перваго дня марша подъ палящимъ солнцемъ въ немъ изсякнутъ всѣ его слабыя жизненныя силы. Рафаэлино смотрѣлъ на меня блестящими отъ радости глазами, и сказалъ:

— Другъ мой, она жива, я видѣлъ ее и говорилъ съ нею во Флоренціи; она приходила разъ въ нашу палатку во время представленія, но мы ничего не знали объ этомъ».

Я зналъ о комъ онъ говорилъ, и отвѣчалъ ему холодно:

— Твоя donzella жива. Ну, что она, какъ ты ее нашелъ? Вѣроятно, она уже совсѣмъ не та, какая была прежде?

— Она перемѣнилась,—сказалъ Рафаэлино,—да, это вѣрно: она во сто разъ прекраснѣе, чѣмъ прежде, но мнѣ кажется, что она все-таки такая же, какою была тогда, когда я игралъ съ нею на улицахъ Вероны. Но она теперь—знатная дама; пожалуй, такая перемѣна—та же смерть; и эта смерть можетъ быть тяжелѣе для тѣхъ, у которыхъ она похищаетъ дорогое для нихъ существо. Она увидала меня на нашей сценѣ и послала за мною; я пошелъ къ ней, не зная, кто меня зоветъ къ себѣ; но когда она протянула мнѣ руки и вскричала: «Ино, Ино, неужели ты забылъ о нашихъ прошлыхъ дняхъ въ старой Веронѣ?» и засмѣялась, хотя по ея щекамъ струились слезы, тогда я узналъ ее и упалъ къ ея ногамъ. Я не думаю, чтобъ она измѣнилась въ душѣ; она такая же непокорная, повелительная, но великодушная и нѣжная дѣвушка, какою она была и прежде въ Веронѣ. Она меня называла братомъ, товарищемъ и другомъ. Съ виду она горда и неприступна, но со мною она была безконечно добра и ласкова. Она удержала меня цѣлый вечеръ и просила разсказать ей о моей жизни. Я ей все разсказалъ, и мнѣ кажется, что она васъ знаетъ, потому что когда я началъ говорить о васъ и разсказалъ ей, какъ вы снискали славу и почесть для того, чтобы помочь мнѣ, то слезы закапали изъ ея глазъ на цвѣты, которые она держала въ рукахъ. Потомъ она спросила у меня, гдѣ вы теперь, и когда я ей отвѣчалъ, что вы бросили славу и богатство и ушли съ войсками сюда въ Генную, то она сверкнула своими большими, гордыми глазами и посмотрѣла на меня такъ, что я никогда не забуду этого взгляда. «Какъ, — вскричала она,—онъ ушелъ, а ты здѣсь, и ты могъ его отпустить одного,—ты, который умеръ бы на улицѣ отъ голода, какъ собака, безъ его помощи!» Она не знала, какъ больно мнѣ было это слышать, и я увѣренъ, что она не хотѣла меня огорчить;

какое-то другое чувство волновало ее въ эту минуту. Я сказалъ ей, что я умѣю только играть на скрипкѣ. «Какъ», возразила она, «неужели ты думаешь, что талантъ долженъ дѣлать человѣка трусомъ! Во всякомъ случаѣ, не такъ думаетъ Леліо Пасварелли, и не онъ могъ проповѣдовать тебѣ это!» Она говорила такъ же, какъ говаривала, бывши ребенкомъ, — гордо и порывисто. Но никто не въ состояніи хладнокровно слышать такія слова отъ женщины, и не перенесетъ повторенія ихъ! На прощанье она протянула мнѣ съ любовью обѣ свои руки, которыя я поцѣловалъ...

Я записался въ волонтеры; мнѣ дали это платье и тяжелое ружье, и сегодня я пришелъ въ Генуую вмѣстѣ съ другими волонтерами. Я знаю, что я не принесу особенной пользы, но donzella права, — если я годенъ только на то, чтобы умереть, то мнѣ сладко будетъ умереть за Италію!

Рафаэлино задумался, и мы оба молча пошли къ центру города. Факелы и фонари освѣщали старые, мрачные дворцы; на каждомъ шагу намъ попадались подъ ногами лавры и цвѣты; съ террасъ доносились до насъ звуки голосовъ, пѣвшихъ гимнъ Гарибальди.

— Послушайте,—говорилъ мнѣ Рафаэлино;—она была права, совершенно права! Нѣтъ выше счастья, какъ умереть за Италію!

Да, это была не армія, а цѣлая нація, которая стремилась черезъ Минчіо, чтобы схватиться съ своимъ старымъ, закоренѣлымъ врагомъ! Когда сердца милліоновъ людей воодушевлены однимъ желаніемъ, одною мыслью, тогда нація непоколебима; человѣкъ не можетъ побороть ее, а Богъ не допуститъ этого. Эта борьба между двумя непримиримыми врагами, — Италіей и Австріей, уже стара, старѣе желѣзной короны Ломбардіи. «Идемъ воевать съ имперіей!» это — давнишній, всѣмъ знакомый боевой кличъ Италіи. И мы, можетъ быть, покажемъ себя достойными нашихъ отцовъ, нѣкогда защищавшихъ свою прекрасную Италію отъ когтей имперскаго орла.

Міръ уже видѣлъ столько подвиговъ героизма, что они утомили его, и онъ больше не удивляется имъ; но нельзя было не подивиться тому страшному потоку людей, который стремился въ долину Минчіо съ такою же быстротою и обуреваемый такимъ же гнѣвомъ, какъ и сама Минчіо, когда она выступаетъ изъ береговъ и бурно несется изъ Гардскаго озера. Аристократъ сражался рядомъ съ простолюдиномъ; молодой маркизъ покидалъ свою мраморную виллу, сапожникъ—свою мастерскую, князь шелъ рядомъ съ кузнецомъ. Вотъ почему мы, итальянцы, такъ сильны, сильны какъ цѣпь, каждое звено которой было закалено въ огнѣ; но даже итальянцы начинаютъ нѣсколько хмуриться, когда имъ

приходится шагать по сырой, пропитанной осенними дождями землѣ, съ ружьемъ на плечахъ, пить воду грязнаго ручья, когда муравьи ползаютъ по ихъ несовсѣмъ зажившимъ ранамъ. Я могъ бы ободрить ихъ стихомъ изъ Леопарди или Джьусти, или же напомнить имъ мирную сельскую жизнь мотивомъ старой деревенской пѣсни, и я старался это дѣлать, но у меня самого было не легко на сердцѣ. У насъ была страшная схватка при Монтебелло. Въ воздухѣ было жарко и душно; грустно было смотрѣть на помятые виноградники и притоптанныя нивы. По временамъ зеленые луга покрывались облаками дыма, сквозь которыя виднѣлись черныя массы двигавшагося впередъ войска; все поле было покрыто сражавшимися. Мы укрѣпились въ покинутой виллѣ и отбивались отъ австрійцевъ; мы дрались отчаянно, такъ-какъ насъ было немного; ружейные залпы не умолкали; дымъ клубился столбами повсюду. Около меня стоялъ Рафаэлино; его полудѣтское, красивое лицо не гармонировало съ обстановкой. Мы ждали подкрѣпленія, но никто не шелъ къ намъ на выручку. Непріятель все ближе и ближе подступалъ къ намъ. Къ концу этого страшнаго дня, вокругъ меня тѣснѣе и тѣснѣе смыкалась толпа сражавшихся; на меня стали смотрѣть, какъ на начальника. Мое платье было пронизано пулями, но, странно, ни одна изъ нихъ даже не оцарапала моего тѣла. Намъ приходилось плохо; мы еще могли нѣсколько времени продержаться на внутреннемъ дворѣ и на лѣстницѣ виллы. За мостомъ, съ милю отъ того мѣста, гдѣ мы укрѣпились, стояли сардинцы, которые могли бы насъ выручить; но слѣдовало дать знать имъ о нашемъ положеніи. Рафаэлино, слѣдившій за выраженіемъ моего лица, понялъ мою мысль и сказалъ:

— Я могу незамѣтно пробраться подъ деревьями и добѣжать до моста.

Я ему не отвѣтилъ ни слова; по дорогѣ стояли тирольцы, которые такъ же мѣтко стрѣляютъ въ людей, какъ и въ дикихъ козъ на горахъ.

— Нѣтъ,—сказалъ я наконецъ, обращаясь къ Рафаэлино,—это слишкомъ опасно,—я запрещаю тебѣ идти.

— А я,—вскричалъ Рафаэлино,—не послушаюсь васъ; хоть вы и дороги мнѣ, но для меня дороже Италія!

Онъ быстро побѣжалъ и исчезъ изъ виду въ густой зелени; я инстинктивно прошепталъ молитву объ его спасеніи... Австрійцы уже заняли дворъ, который мы отстаивали, и мнѣ оставалось сдѣлать послѣднее распоряженіе,—собрать моихъ товарищей въ тѣсный кружокъ и держаться въ нижнемъ этажѣ виллы, сколько

было возможно. Наступилъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ и ужасныхъ моментовъ въ моей жизни! Если сардинцы скоро не подоспѣютъ, думалъ я, тогда все кончено для насъ!

Австрійцы нашли какую-то лѣстницу съ другого фасада виллы; нѣкоторые изъ нихъ взбѣжали по ней, отбрасывая насъ внизъ по лѣстницѣ, на огонь тирольцевъ, толпившихся съ противоположной стороны; такимъ образомъ, мы очутились между двухъ огней. Черезъ нѣсколько минутъ, если бы не подоспѣла помощь, мы должны были погибнуть всѣ; но я думалъ не о томъ, мои мысли стремились къ смѣлому юношѣ, пробиравшемуся между тростникомъ, подъ липами. Вдругъ я увидалъ его въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ. Онъ бѣжалъ, выпрямившись во весь ростъ, сбросивъ съ своихъ ногъ обувь, мѣшавшую его быстрому бѣгу; онъ поднялъ какое-то разорванное знамя съ цвѣтами свободной Италіи, махалъ этимъ знаменемъ и громко кричалъ: «продержитесь еще десять минутъ и вы спасены, къ вамъ идутъ на помощь»! Въ то время, какъ онъ говорилъ, надъ его головой посыпались зеленые листья, потомъ онъ схватился за голову, зашатался и упалъ. Я не знаю, что́ тогда сдѣлалось со мною; помню только то, что я почувствовалъ въ себѣ всю ярость и силу раненаго льва. Смерть этого ребенка заставила меня отчаянно ринуться къ нему впередъ, подъ громомъ выстрѣловъ. Мое отчаяніе и жажда мести сообщились всѣмъ моимъ товарищамъ, и мы еще до прихода сардинцевъ выбили враговъ изъ виллы и окружающаго ее сада; ихъ ожидала вѣрная погибель отъ сабель сардинской кавалеріи. Я поспѣшилъ тогда къ дорогому мальчику, лежавшему на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ палъ, на восемъ изорванномъ знамени. Я поднялъ его; онъ былъ еще живъ, открылъ свои голубые глаза и улыбнулся; но я понялъ, глядя на него, что смерть уже была готова взять эту молодую жизнь. Онъ прошепталъ слабымъ голосомъ:

— Отдайте мою скрипку ей отъ моего имени; можетъ быть, она вспомнитъ обо мнѣ когда-нибудь!

Его глаза сомкнулись навсегда...

XX.

Романъ кончается дневникомъ Неллы:

...Мой отецъ велѣлъ мнѣ надѣть мое дорогое платье изъ пунцовой матеріи, усѣянной мелкими бриллiантами; это платье въ самомъ дѣлѣ прекрасно; но все-таки мнѣ кажется, что ко мнѣ

больше шло мое старое желтое платье. На душѣ у меня было тяжело, несмотря на весь этотъ блескъ бриллiантовъ. Я узнала, что Паскарелли стяжалъ себѣ славу на полѣ битвы; но меня безпокоила участь маленькаго Рафаэлино; я ничего не могла узнать о немъ, несмотря на всѣ мои старанія; я мучила себя мыслью, что мои безразсудныя слова, можетъ быть, заставили его идти на войну. Мое сердце сжималось при этой мысли.

Вечеромъ пришелъ къ намъ мой родственникъ; онъ въ сотый разъ говорилъ мнѣ о своей любви; мнѣ наконецъ надоѣли эти приторныя рѣчи, и я просила его оставить меня, сказавъ ему разъ навсегда, что я его не люблю. Онъ мрачно улыбнулся и сказалъ: «берегитесь! Не отворачивайтесь отъ меня такъ презрительно. Знайте, наконецъ, что вы, несмотря на всю вашу гордость, не больше, какъ незаконнорожденная дочь вашего отца, который никогда и не думалъ жениться на флорентинской пѣвицѣ—вашей матери».

— Это ложь!—вскричала я, вспыхнувъ отъ гнѣва.

Онъ слегка поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Подите къ вашему отцу; отъ него вы узнаете всю правду.

Я не отвѣтила ему ни слова, и поспѣшно пошла къ отцу; лицо мое горѣло, я была сильно взволнована и смутно страшилась чего-то.

Мой отецъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Правда-ли,—спросила я у него,—что моя мать не была вашею женою?

Онъ холодно улыбнулся и сказалъ:

— На что тебѣ знать это? Думай объ этомъ, какъ хочешь; другимъ же ничего неизвѣстно. Но, впрочемъ, если ты непремѣнно желаешь знать, то правда,—я никогда не былъ мужемъ твоей матери. Она была пѣвица, зачѣмъ мнѣ было жениться на ней? Но ты бы ничего не узнала объ этомъ, еслибы не оттолкнула отъ себя твоего родственника; ему одному извѣстна эта тайна; такія вещи скрываются легко въ семействѣ, между своими; скрыть же ихъ отъ чужихъ гораздо труднѣе. Но пока свѣтъ ничего не знаетъ объ этомъ. Будь же благоразумна, Нелла, и не отказывай въ твоей рукѣ нашему родственнику. Я говорю это, желая тебѣ добра, потому что я тебя люблю; ты прекрасна какъ картина; твоя необузданность очаровательна и ты умѣешь кружить головы мужчинамъ. Выходи же замужъ поскорѣе, и все уладится; послушайся моего совѣта и не принимай этого такъ къ сердцу, Нелла. Теперь твоя участь въ рукахъ человѣка, который тебя любитъ, но можетъ все-таки жестоко отмстить тебѣ; подумай о томъ, что̀ я сказалъ тебѣ, и поступи благоразумно.

Мой отецъ всталъ и ушелъ въ другую комнату, утомившись отъ этой неинтересной для него темы разговора. Я же возвратилась въ свою комнату, сгорая отъ стыда; я не виню моей бѣдной матери; нѣтъ, я увѣрена въ томъ, что ея любовь была чиста, безкорыстна и невинна. Въ моей комнатѣ меня ждалъ мой родственникъ. Онъ встрѣтилъ меня со словами:

— Вы видите, что я вамъ сказалъ правду. Что-жъ, согласны вы быть моею женою теперь, или нѣтъ»?

Мною овладѣло страстное желаніе ударить его въ эту минуту.

— Нѣтъ,—вскричала я,—тысячу разъ нѣтъ! Неужели вы думаете, что мой страхъ сильнѣе моей ненависти въ вамъ? Скорѣе я умру, чѣмъ буду когда-нибудь вашею женою!

Я ушла отъ него, заперлась въ своей спальнѣ и начала срывать и сбрасывать съ себя мои наряды и брилліанты; я смотрѣла на нихъ съ отвращеніемъ и негодованіемъ. Какъ мой отецъ отрекся отъ меня во время моего дѣтства, такъ теперь отрекалась отъ него я. Между нами было все кончено. Я стыдилась, что ѣла его хлѣбъ и тратила его золото. Мною овладѣло желаніе бѣжать изъ его роскошныхъ палатъ. Я — нищая, но у меня все-таки остается мой голосъ. Имъ восхищались во дворцахъ, пусть же теперь имъ восторгается вся нація; я могу снова быть «птичкой» для народа. Между мною и моимъ отцомъ легла цѣлая пропасть,—могила моей бѣдной, покинутой матери!

Я оставила въ спальнѣ всѣ мои драгоцѣнности,—все, что у меня было, надѣла темный плащъ, накинула вуаль на лицо и вышла изъ дома. Я была свободна! До утра никто не замѣтитъ моего отсутствія, думала я, а утромъ я уже буду далеко отсюда, и должна найти себѣ какое-нибудь занятіе, такъ какъ у меня не на что было купить себѣ кусокъ хлѣба. Какъ недавно тутъ же, во Флоренціи, я горевала о томъ, что не имѣла ни гроша денегъ. Но насколько же я была тогда счастливѣе! Тогда я была богата моими мечтами, а теперь у меня нѣтъ даже ни одной свѣтлой надежды!

Весь городъ въ этотъ вечеръ былъ иллюминованъ и блисталъ тысячами огней; длинныя гирлянды цвѣтовъ соединяли одну сторону улицы съ другой; цвѣты падали сверху на улицы; жители Флоренціи толпились на улицахъ, празднуя побѣду надъ своимъ врагомъ,—австрійцами. Я инстинктивно чувствовала, что возбуждала удивленіе своимъ мрачнымъ костюмомъ, не гармонировавшимъ со всѣмъ этимъ весельемъ. Предо мною сторонились съ почтеніемъ; вѣроятно думали, что я оплакиваю кого-нибудь изъ павшихъ на полѣ битвы; да, въ самомъ дѣлѣ, я оплакивала умер-

шаго, убитаго моею же собственною рукою, и я была справедливо наказана. Но какъ жестока всегда бываетъ эта справедливость! Я шла впередъ и замѣтила, что толпа начала густѣть; вдругъ изъ толпы раздались радостные крики: «Паскарелли, Паскарелли!!» Мимо меня пробѣжала женщина, проговоривъ торопливо: «Паскарелли будетъ сегодня говорить рѣчь народу, на площади де-ла-Синьорія; онъ прославился на войнѣ!»

Я еще больше закуталась въ свой плащъ и поспѣшила туда вмѣстѣ съ другими. Вся площадь уже была полна народомъ; на лѣстницѣ галлереи Орканьи, между двумя львами, стоялъ Паскарелли; онъ былъ въ простой одеждѣ тосканскихъ волонтеровъ, съ крестомъ на груди; у ногъ его лежали лавровые вѣнки и букеты лилій, которые ему бросалъ народъ. Паскарелли говорилъ, и народъ его слушалъ безмолвно; онъ всегда былъ любимцемъ народа, который смотрѣлъ теперь на него съ почтеніемъ. Я сѣла тутъ же и жадно ловила каждый звукъ его голоса.

«Не забудемъ, что мы итальянцы; велико наше наслѣдіе, но и великъ нашъ долгъ!» такъ Паскарелли заключилъ свою рѣчь и, простоявъ нѣсколько минутъ съ обнаженной головой, молча сошелъ съ лѣстницы галлереи; народъ встрѣтилъ его громкимъ, восторженнымъ крикомъ. Когда онъ проходилъ мимо меня, я схватила его руку и поцѣловала ее; но такъ какъ многіе цѣловали ему руки, когда онъ проходилъ, то онъ не обратилъ вниманія на мой поцѣлуй.

Я осталась одна на опустѣвшей площади, сѣла на лѣстницу и погрузилась въ думы. Я не думала о себѣ, о своей судьбѣ, о своей будущности; я думала только о немъ одномъ. Вдругъ я услышала чьи-то шаги; я встрепенулась, и увидала Паскарелли; онъ шелъ задумчивый и блѣдный; замѣтивъ меня, онъ остановился и сказалъ:

— Что́ съ вами, отчего вы сидите здѣсь такая печальная, когда весь городъ радуется?

Я ему не отвѣтила, хотѣла бѣжать отъ него, но ноги мои какъ будто приросли къ мрамору, на которомъ я сидѣла.

— Вы вѣрно грустите о комъ-нибудь изъ друзей, погибшемъ на войнѣ?

Я громко вскрикнула, и обняла его колѣни. Да, въ самомъ дѣлѣ, я плакала объ умершемъ для меня другѣ! Паскарелли сорвалъ вуаль съ моего лица,—онъ меня узналъ. Съ той минуты для меня началась новая жизнь: мы больше не разлучались съ Паскарелли...

М. Ловцова.

ВЪ ЛѢСУ

«Живу, и вѣчно буду жить»!—
Зеленый лѣсъ поетъ.
А сердце:—Я едва дышу,
И смерть меня зоветъ!

Въ отвѣтъ ему зеленый лѣсъ:
«Скорѣе умирай,—
Своимъ стенаньемъ моему
Веселью не мѣшай!

«Что мнѣ за дѣло до тебя?!
Мнѣ надоѣлъ твой стонъ,
Ты слышишь? хоръ моихъ пѣвцовъ
Звучитъ со всѣхъ сторонъ.

«Мнѣ скученъ самый образъ твой,
Мнѣ скученъ,—видишь ты,
Какой красой блестятъ мои
Деревья и цвѣты!?

«Могилой вѣетъ отъ тебя,
Могилой, а вокругъ.....
Ты чуешь ли? какъ хорошо
Цвѣты запахли вдругъ!

«Такъ умирай же поскорѣй,
Не стану я тужить:
Вѣдь смерть постигнетъ лишь тебя,
А я останусь жить!»

А сердце, слушая его,
Въ отвѣтъ ему поетъ:
— Ты не умрешь, но красота
Твоя со мной умретъ!

Померкнетъ зрѣніе мое,—
И солнца лучъ живой
Не заиграетъ надъ твоей
Безцвѣтною листвой.

Зеленый бархатъ муравы
Не будетъ нѣжить взоръ,
И полиняетъ безъ меня
Цвѣтовъ твоихъ узоръ.

Ты не умрешь, но съ той поры,
Когда замретъ мой слухъ,—
Умолкнетъ чудный говоръ твой,
Ты станешь нѣмъ и глухъ:

Не зашумятъ твои листы,
Ручей не зажурчитъ,
Не свистнетъ трелью соловей,
Пчела не зажужжитъ.

И будешь ты—живой хаосъ,
Безцвѣтный и слѣпой,
И бездыханный и, какъ гробъ,
Холодный и нѣмой!

Александръ Орловъ.

РѢЧЬ ТИНДАЛЛЯ

ПРОФЕССОРА ВЪ КОРОЛЕВСКОМЪ ИНСТИТУТѢ

въ собраніи Британскаго Общества поощренія наукъ, въ БельфастѢ.

Нашъ лондонскій корреспондентъ, г. R., въ прошедшемъ мѣсяцѣ, говоря о собраніяхъ различныхъ обществъ въ Англіи за нынѣшнее лѣто, упомянулъ между прочимъ и о рѣчи пр. Тиндалля, обратившей на себя весьма серьёзное вниманіе всей печати и заслужившей похвалу въ самыхъ разнообразныхъ лагеряхъ. Пр. Тиндалль, какъ предсѣдатель, открылъ этою рѣчью ежегодное собраніе Британскаго Общества поощренія наукъ въ Бельфастѣ, 7/19 августа нынѣшняго года. Тэма рѣчи носитъ на себѣ, повидимому, весьма общій характеръ: ораторъ поставилъ себѣ цѣлью въ сжатой картинѣ изобразить весь ходъ философской мысли отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, и показать, какъ задачи современной науки занимали умъ человѣка уже болѣе 2000 лѣтъ тому назадъ. И при всемъ такомъ общемъ характерѣ, эта рѣчь можетъ служить образцомъ простоты, ясности и общедоступности, безъ пониженія научнаго достоинства мысли,—качества, которыми обладаетъ, можно сказать, исключительно англійскій умъ,—умъ, по преимуществу, практическій. Глубокая и всесторонняя ученость, при отличномъ знакомствѣ съ исторіею философіи, дала возможность оратору быть простымъ безъ сухости, и обнять на нѣсколькихъ страницахъ то, для чего повидимому требуется нѣсколько томовъ. Тиндалль обнаружилъ въ своей рѣчи и другую черту, свойственную однимъ англійскимъ ученымъ; онъ говоритъ объ отдаленныхъ временахъ Греціи, и въ ту же минуту смотритъ на то, чтó совершается теперь въ Англіи, а потому рѣчь его неожиданно пріобрѣтаетъ интересъ дня. Католическій фанатизмъ въ Ир-

ландіи, тревожащій Англію и въ настоящее время, служитъ поводомъ пр. Тиндаллю къ тому, чтобы показать, какія услуги могутъ оказать успѣхи наукъ къ умиротворенію людей, и какъ клерикализмъ, усматривающій въ успѣхѣ наукъ опасгость для спокойствія совѣсти людей, самъ въ свою очередь дѣлается несравненно болѣе опаснымъ для авторитета государственной власти и общественнаго благоденствія. Съ личными взглядами самого Тиндалля можно не соглашаться, но нельзя не вѣрить ихъ искренности и нельзя отвергать ихъ чисто-научнаго интересса; его среднее положеніе между крайностями двухъ противоположныхъ лагерей, матеріалистическаго и метафизическаго, является результатомъ полнаго безпристрастія и беззавѣтной вѣры въ то, что назначеніе науки состоитъ въ примиреніи: „между тѣмъ, что̀ сдѣлано, и тѣмъ, что̀ остается сдѣлать (въ области человѣческой мысли), вовсе не существуетъ непреодолимаго антагонизма“ — вотъ къ чему клонятся выводы Тиндалля. Прошедшее годно не для одного истребленія, и будущее приближается вовсе не съ тѣмъ только, чтобы истреблять.

Стремленіе, присущее первобытному человѣку, издревле побуждало размышлять о различныхъ явленіяхъ природы, и допытываться ихъ причинъ. То же самое стремленіе, наслѣдованное въ усиленной степени, является двигателемъ всѣхъ научныхъ занятій нашего времени. Въ силу ѐго и путемъ выводовъ изъ опыта, мы составляемъ естественно-историческія теоріи, которыя опережаютъ опытъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяютъ стремленію ума доказать, что всякое естественное явленіе происходитъ отъ извѣстной причины. Составляя себѣ понятія о происхожденіи вещей, наши историческіе (и, мы смѣло можемъ прибавить, наши до-историческіе) предки шли тѣмъ же путемъ, насколько то позволяли имъ умственныя ихъ средства. Они также опиралиcь на опытъ, но съ тою только разницею, что различные опыты, ложившіеся въ основаніе ихъ теорій, были извлекаемы не изъ изученія природы, но изъ болѣе доступнаго человѣку наблюденія надъ самимъ собою. Въ силу этого, ихъ теоріи облекались въ антропоморфическую форму. Управленіе и руководство явленіями природы язычники приписывали сверхъестественнымъ существамъ, которыя, по выраженію Юма, „были не чѣмъ инымъ, какъ типами человѣческихъ существъ, сохранявшими всѣ человѣческія страсти и вкусы“.

Провѣренныя наблюденіемъ и размышленіемъ, эти первобытныя понятія перестали съ теченіемъ времени удовлетворять проницательнѣйшіе умы человѣческаго рода. Въ самыя отдаленныя историческія времена мы находимъ людей исключительнаго ума, выдѣляющихся изъ толпы; они не останавливаются на антропоморфическихъ понятіяхъ, и стремятся прежде всего связать явленія природы съ ихъ непосредственными физическими началами. Но задолго до этихъ высокихъ усилій разума, купцы уже начали посѣщать чужія страны и расчистили путь философамъ; торговля развивалась, богатства накоп-

ляясь, обезпечивался досугъ для путешествія и умозрѣній, между тѣмъ какъ племена, воспитавшіяся при различныхъ условіяхъ и вслѣдствіе того обладавшія различными свѣдѣніями и способностями, взаимно подстрекали и развивали другъ друга, приходя въ столкновеніе. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ торговая аристократія древней Греціи сталкивалась съ своими восточными сосѣдями, родились науки, взрощенныя и развитыя свободно мыслящими и отважными умами. Порядокъ вещей, который предстояло тогда измѣнить, можно характеризовать отрывкомъ изъ Эврипида, цитируемымъ Юмомъ: „въ мірѣ ничто не существуетъ: ни слава, ни счастіе; боги все ставятъ вверхъ дномъ, ко всему примѣшиваютъ зло, дабы всѣ мы, благодаря своему невѣжеству и неувѣренности, относились къ нимъ тѣмъ съ бо́льшимъ трепетомъ и благоговѣніемъ". Но такъ какъ наука требуетъ, чтобы произволъ былъ совершенно устраненъ и все опиралось на законахъ природы, то съ расширеніемъ научныхъ понятій возросло желаніе и рѣшимость удалить съ теоретической арены толпу боговъ и демоновъ, и поставить явленія природы на соотвѣтствующее имъ основаніе.

Задача, къ которой прежде приступали сверху, теперь стала рѣшаться снизу; теоретическія усилія перенеслись съ сверхъестественнаго на доступное человѣческимъ чувствамъ. Люди поняли, что для того, чтобы возсоздать вселенную въ идеѣ, необходимо имѣть понятіе объ ея составныхъ частяхъ, — о томъ, что́ Лукрецій впослѣдствіи называлъ „первичныя начала". Дѣлая выводы изъ опыта, вожди научныхъ умозрѣній дошли, наконецъ, до ученія объ атомахъ и частицахъ, богатаго послѣдствіями. Человѣческая мысль долго витала надъ этимъ ученіемъ, прежде чѣмъ она достигла той опредѣленности и полноты, съ какими усвоилъ это ученіе умъ Демокрита, философа, заслуживающаго, чтобы мы остановились на немъ.

„Немногіе великіе люди,—говоритъ Ланге [1]) въ своей „Исторіи матеріализма," — сочиненіи, оказавшемся для меня весьма полезнымъ какъ по своему духу, такъ и по содержанію,—такъ пострадали отъ исторической несправедливости, какъ Демокритъ. Смутный образъ, дошедшій до насъ въ ненаучныхъ преданіяхъ, почти ничего не сохранилъ отъ него, кромѣ названія „смѣющагося философа", между тѣмъ какъ фигуры, несравненно менѣе значительныя, въ полной ясности сохранились до нашего времени". Ланге говоритъ о высокомъ мнѣніи Бэкона о Демокритѣ; — подробными же свѣдѣніями насчетъ этого пункта я обязанъ моему дорогому другу, м-ру Спеддингу, ученому издателю и біографу Бэкона. Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что Бэконъ считалъ Демокрита умомъ болѣе солиднымъ, чѣмъ Платона или Аристотеля, хотя философія послѣднихъ „прославлялась и превозносилась въ школахъ, велерѣчивыми и высокопарными профессорами". Не они, конечно, но Гензерихъ и Аттила съ варварами убили атомистическую философію; „потому что въ то время, когда все человѣческое знаніе потерпѣло крушеніе, обломки Аристотелевской и Платоновской философіи, будучи болѣе доступнымъ матеріаломъ, со-

---

[1]) Наши читатели знакомы подробно съ содержаніемъ упоминаемаго сочиненія Ланге по спеціальной статьѣ, помѣщенной въ „В. Е." 1873, декабрь.

хранились и дошли до насъ, между тѣмъ какъ вещи, болѣе вѣскія, погрузились на дно и были почти совсѣмъ забыты".

Начала, изложенныя Демокритомъ, доказываютъ его безусловный антагонизмъ съ тѣми, кто произволомъ языческихъ боговъ объяснялъ явленія природы. Вотъ въ краткихъ словахъ эти начала: 1-е. Изъ ничего ничего не бываетъ. Ничто изъ того, что́ существуетъ, не можетъ быть уничтожено Всѣ перемѣны происходятъ отъ сцѣпленія и распаденія частицъ. 2-е. Ничто не бываетъ случайно. Всякое явленіе имѣетъ свои причины, изъ которыхъ оно необходимо проистекаетъ. 3-е. Единственныя существующія вещи суть: атомы и пустое пространство. 4-е. Атомы безчисленны и безконечно разнообразны по формѣ; они сталкиваются другъ съ другомъ, и движеніе и круговращеніе, которыя отъ того происходятъ, являются началомъ міровъ. 5-е. Разнообразіе всѣхъ вещей зависитъ отъ разнообрззія ихъ атомовъ въ числѣ, объемѣ и аггрегаціи. 6-е. Душа состоитъ изъ свободныхъ, гладкихъ, круглыхъ атомовъ, подобныхъ атомамъ огня. Эти атомы—самые подвижные изъ всѣхъ. Они наполняютъ все тѣло, и ихъ движенія вызываютъ жизненныя явленія. Такимъ образомъ, атомы Демокрита индивидуально лишены ощущенія; они соединяются въ силу механическихъ законовъ, и не только органическія формы, но и явленія ощущенія и мышленія суть также результаты ихъ сцѣпленія.

Демокритъ не пытался разрѣшить великой задачи объ „удивительномъ приспособленіи одной части какого-нибудь организма къ другой и къ условіямъ жизни", и объяснить подробности строенія человѣческаго тѣла. Эмпедоклъ, человѣкъ съ болѣе страстной и поэтической натурой, ввелъ понятіе о любви и ненависти между атомами, въ видахъ объясненія ихъ сцѣпленія и распаденія. Замѣтивъ этотъ пробѣлъ въ ученіи Демокрита, онъ глубокомысленно задумался надъ нимъ, но задался нѣсколько смѣлой мыслью, что самой природѣ этихъ комбинацій, приспособленныхъ къ ихъ цѣли (другими словами: въ гармоніи ихъ съ средой), присуща способность сцѣпленія, между тѣмъ какъ негодныя комбинаціи, не имѣя настоящаго сродства, должны быстро распадаться. Такимъ образомъ, слишкомъ за 2000 лѣтъ назадъ было впервые выражено, хотя въ частности, ученіе объ „естественномъ подборѣ", которое въ наши дни получило такое необыкновенное развитіе, на основаніи положительнаго знанія, а не гипотезъ [1]).

Эпикуръ, по показаніямъ исторіи, сынъ бѣднаго школьнаго учителя въ Самосѣ, является третьей выдающейся фигурой въ исторіи атомистической философіи. Онъ изучалъ сочиненія Демокрита, слушалъ лекціи въ Аѳинахъ, вернулся въ Самосъ и впослѣдствіи путешествовалъ по различнымъ странамъ. Въ концѣ-концовъ онъ основался въ Аѳинахъ, гдѣ купилъ садъ и окружилъ себя учениками, среди которыхъ проводилъ чистую и мирную жизнь и мирно скончался. Философія его почти тожественна съ философіей Демокрита; но у него не было въ привычкѣ цитировать ни друга, ни недруга. Главною цѣлью Эпикура было освободить міръ отъ суевѣрія и страха смерти. Къ смерти онъ относился безразлично. Смерть, говорилъ онъ,

[1]) Lange, 2-nd edit. p. 23.

только лишаетъ насъ ощущенія. До тѣхъ поръ, пока мы живемъ, смерти нѣтъ; а когда смерть наступаетъ, насъ больше нѣтъ. Жизнь утрачиваетъ все зло для того, кто убѣдился, что прекращеніе существованія не составляетъ зла. Эпикуръ поклонялся богамъ, но не на обычный ладъ. Онъ считалъ высокою идею о божественной силѣ, въ ея чистѣйшемъ видѣ. Но тѣмъ не менѣе онъ говорилъ язычникамъ: „не тотъ безбожникъ, кто отвергаетъ боговъ толпы, но скорѣе тотъ, кто признаетъ ихъ". Боги были, по его мнѣнію, вѣчныя и безсмертныя существа, блаженное состояніе которыхъ исключало всякую мысль о какихъ-нибудь мірскихъ заботахъ и дѣлахъ. Природа совершаетъ свое теченіе въ силу вѣчныхъ законовъ, въ которые боги никогда не вмѣшиваются. Они витаютъ въ свѣтлыхъ пространствахъ міровъ, куда никогда не проникаетъ ни одно облако и гдѣ не дуетъ ни малѣйшаго вѣтерка, гдѣ не падаетъ ни одной снѣжинки, гдѣ не слыхать раскатовъ грома, и куда не долетаютъ отголоски людскихъ печалей и не нарушаютъ ихъ священнаго вѣчнаго покоя" [1]).

Ланге считаетъ отношеніе Эпикура къ богамъ язычества субъективнымъ, и доказывающимъ по всей вѣроятности этическія требованія его собственной природы. Если читать исторію съ открытыми глазами или изучать человѣческую природу во всей ея полнотѣ, то нельзя не признать вообще такого стремленія. Человѣкъ никогда не былъ и никогда не будетъ удовлетворенъ дѣйствіемъ и результатами одного разума; вслѣдствіе этого естественныя науки не могутъ удовлетворить всѣхъ требованій его природы. Но самая исторія попытокъ, клонившихся къ удовлетворенію этихъ требованій, можетъ представить собою исторію ошибокъ; причемъ ошибка всегда будетъ состоять въ томъ, что неподвижность приписывалась тому, чтó подвижно, чтó измѣняется вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы сами измѣняемся; чтó бываетъ великимъ, когда мы сами велики, и становится все отвлеченнѣе и возвышеннѣе, по мѣрѣ того, какъ расширяются наши способности. Относительно одного важнаго пункта умъ Эпикура былъ спокоенъ: онъ не искалъ и не ожидалъ никакой личной выгоды отъ сношеній съ богами, ни въ здѣшней, ни въ будущей жизни. И нельзя, конечно, не признать за фактъ, что понятія, не связанныя съ идеей о пользѣ такого рода, порождаютъ возвышенность и ясность мысли. „Еслибы я не вѣрилъ", говорилъ мнѣ однажды одинъ великій человѣкъ, „что разумность лежитъ въ основаніи всѣхъ вещей, жизнь на землѣ была бы для меня нестерпимой". Говорившій эти слова не менѣе благороденъ на мой взглядъ, оттого, что замѣчаніе его было вызвано не потребностью въ этической гармоніи здѣсь на землѣ и не мыслью о личной выгодѣ за гробомъ.

---

[1]) «The lucid interspace of world and world
Where never creeps a cloud of moves a wind,
Nor ever falls the least white star of snow,
Nor ever lowest voll thunder moans,
Nor sound of human sorrow mounts to mar
Their sacred everlasting calm».

Tennyson's *Lucretius*.

Полтора столѣтія спустя по смерти Эпикура, Лукрецій написалъ свою великую поэму: „О природѣ вещей", въ которой онъ, римлянинъ, съ чрезвычайнымъ жаромъ развивалъ философію своего греческаго предшественника. Онъ желаетъ завербовать своего друга Меленія въ школу Эпикура, и хотя не можетъ предложить награды въ будущей жизни, хотя цѣль его представляется чисто отрицательной, но онъ обращается къ своему другу со всѣмъ пыломъ миссіонера. Цѣль его, какъ и у его великаго предшественника, заключается въ разсѣяніи суевѣрія, и принимая во вниманіе, что язычники трепетали передъ каждымъ явленіемъ природы, какъ передъ прямымъ заявленіемъ воли боговъ, и что впереди ожидались муки Аида, свобода, проповѣдуемая Лукреціемъ, можетъ, конечно, считаться положительнымъ добромъ. „Этотъ трепетъ и мракъ ума", говоритъ онъ, „должны быть разсѣяны не лучами солнца и яркимъ сіяніемъ дня, но зрѣлищемъ и законами природы". Онъ, какъ и Эпикуръ, отвергаетъ мнѣніе, будто изъ ничего можетъ произойти что-нибудь, или что-то, чтó разъ существовало, можетъ обратиться въ ничто. Начала вещей—атомы не уничтожаются, и на нихъ распадаются, въ концѣ-концовъ, всѣ вещи. Тѣла суть частію атомы, а частію комбинаціи атомовъ; но атомы ничто не можетъ уничтожить. Они прочны уже сами по себѣ, и, образуя плотныя комбинаціи, придаютъ прочность всѣмъ вещамъ. Онъ отрицаетъ, что матерія дѣлима до безконечности. Въ концѣ-концовъ, по ученію Лукреція, мы обращаемся въ атомы, безъ которыхъ, какъ безъ вѣчнаго начала, уничтожился бы всякій порядокъ въ появленіи и развитіи вещей.

Такъ какъ механическое столкновеніе атомовъ, по его мнѣнію, служитъ вполнѣ достаточной причиной вещей, то онъ послѣдовательно опровергаетъ мысль о созданіи природы. Взаимодѣйствіе атомовъ, въ теченіи безконечно долгаго времени, сдѣлало возможнымъ всякаго рода комбинаціи. Изъ этихъ комбинацій тѣ, которыя пригодны, остались, а негодныя исчезли. Атомы остановились на пригодныхъ комбинаціяхъ не въ силу разумнаго разсужденія: они не обсуждали также и движенія, принятаго ими. Отъ вѣка они привлекаются другъ къ другу, и, перепробовавъ различныя движенія и соединенія, они наконецъ дошли до такой комбинаціи, изъ которой образовалась существующая система вещей. Величественное представленіе объ атомахъ, молчаливо двигающихся въ безконечномъ рядѣ пространствъ и вѣковъ, внушило Канту его извѣстную гипотезу о туманныхъ пятнахъ. „Если вы вникнете", говорилъ Лукрецій, „въ суть вещей и усвоите ее себѣ, то природа, сразу освобожденная и избавленная отъ своихъ гордыхъ господъ, представится вамъ творящей всѣ вещи произвольно изъ самой себя, безъ всякаго вмѣшательства боговъ".

Въ теченіи столѣтій, раздѣлявшихъ перваго изъ этихъ трехъ философовъ отъ послѣдняго, умъ человѣческій работалъ совсѣмъ на другихъ поприщахъ. Софисты въ это время пробили себѣ дорогу. Въ Аѳинахъ появились за это же время три генія: Сократъ, Платонъ и Аристотель, вліяніе которыхъ чувствуется и по сіе время. Въ тотъ же періодъ времени основалась Александрійская школа. Эвклидъ написалъ свои „Элементы", и онъ, равно какъ и другіе, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ въ оптикѣ; Архимедъ распро-

странилъ теорію о рычагѣ и начала гидростатики. Пиѳагоръ произвелъ свои опыты о гармоническихъ интерваллахъ, между тѣмъ какъ астрономія обогатилась открытіями Гиппарха, за которымъ слѣдовалъ исторически болѣе знаменитый Птолемей. Анатомія легла въ основаніе ученой медицины, и положено начало вивисекціи. Въ сущности наука древней Греціи уже очистила міръ отъ фантастическихъ образовъ божествъ, своенравно проявляющихъ себя въ явленіяхъ природы. Она освободилась отъ безплодныхъ усилій, руководившихся „однимъ лишь внутреннимъ свѣтомъ ума", и помощью которыхъ тщетно стремились обойти опытъ и достичь знанія конечныхъ причинъ. Вмѣсто случайнаго наблюденія, она ввела наблюденіе съ цѣлью; въ помощь чувствамъ стали употреблять инструменты, и научный методъ достигъ значительной степени совершенства, благодаря соединенію индукціи съ опытомъ.

Но что́ же остановило такое успѣшное развитіе науки? Почему научный разумъ, словно истощенная почва, вынужденъ былъ около двухъ тысячелѣтій пролежать подъ паромъ, прежде чѣмъ могъ снова собрать всѣ элементы, необходимые для его плодородія и силы? Бэконъ уже сообщилъ намъ одну изъ причинъ; Уэвель приписываетъ этотъ періодъ застоя четыремъ причинамъ: сбивчивости понятій, подобострастію, нетерпимости нрава и восторженности характера, и приводитъ поразительные примѣры на каждую изъ нихъ [1]. Но эти характеристическія черты должны же были имѣть свои причины, которыя скрывались въ условіяхъ того времени. Римъ и всѣ другіе города римской имперіи нравственно разлагались. Появилось христіанство, предлагавшее евангеліе неимущимъ и протестовавшее противъ безнравственности своей эпохи умѣренною и даже аскетической жизнью. Страданія первыхъ христіанъ и восторженность ума, позволявшая имъ восторжествовать надъ дьявольскими пытками, которымъ они подвергались, должны были оставить свои слѣды. Они не могли не презирать земное въ виду того „зданія Господня, того дома, нерукотворнаго и вѣчнаго, уготовленнаго для нихъ на небесахъ". Священное писаніе удовлетворило вполнѣ душевнымъ потребностямъ, потому, естественно, должно было сдѣлаться мѣриломъ знанія. Когда, напримѣръ, поднялся знаменитый вопросъ объ антиподахъ, то Библія была для многихъ послѣдней аппелляціонной инстанціей. Августинъ, процвѣтавшій въ 400 г. по Р. Х., не отрицалъ шарообразности земли, но отвергалъ возможность существованія жителей на другомъ полушаріи, „такъ какъ о такой расѣ не упоминается въ Писаніи въ числѣ потомковъ Адама". Архіепископа Бонифація возмущала мысль о цѣломъ „мірѣ человѣческихъ существъ, для которыхъ недоступны пути къ спасенію". Наука при этомъ не могла, конечно, дѣлать большихъ успѣховъ. Позднѣе, политическая и богословская распря между католическою церковью и свѣтскими правительствами не могла не содѣйствовать тому, чтобы пытливость ума заглохла.

Уэвель дѣлаетъ многія мѣткія и смѣлыя замѣчанія касательно духа средневѣкового католичества. То былъ раболѣпный духъ. Лю-

[1] „Исторія индуктивныхъ наукъ", т. I.

ди, стремившіеся къ познанію природы, отвернулись отъ источника живой воды, отъ непосредственнаго обращенія къ природѣ путемъ наблюденія и опыта, и занялись пережевываніемъ понятій своихъ предшественниковъ. То было время, когда мысль стала презрѣнной, и когда слѣпое поклоненіе исключительно однимъ авторитетамъ привело, какъ это и всегда бываетъ въ наукѣ, къ умственной смерти. Вмѣсто того, чтобы отнести явленія природы къ физическимъ причинамъ, ихъ приписывали нравственнымъ; причемъ развитіе фантазіи, почти столь же разслабляющее, какъ и спиритуализмъ нашихъ временъ, заняло мѣсто научнаго умозрѣнія. Затѣмъ выступили мистицизмъ среднихъ вѣковъ, магія, алхимія, неоплатоническая философія, съ ея призрачными, хотя и возвышенными отвлеченностями, которыя заставили людей стыдиться собственнаго тѣла, усматривая въ немъ препятствіе къ блаженству. Наконецъ, появилась схоластическая философія,—сліяніе, по мнѣнію Ланге, самыхъ незрѣлыхъ понятій Аристотеля съ папизмомъ. Умственный застой былъ ея слѣдствіемъ. Подобно тому, какъ путешествующій безъ компаса среди тумана можетъ долго блуждать, воображая, что подвигается впередъ, и по истеченіи долгихъ часовъ вдругъ увидитъ себя на мѣстѣ отправленія, такъ и схоластики, завязывая и развязывая одни и тѣ же узлы, и собирая и разсѣевая одни и тѣ же призраки, очутились по истеченіи столѣтій на прежнемъ мѣстѣ.

Что касается вліянія, которое Аристотель оказывалъ на средніе вѣка и которое, хотя и въ меньшей степени, онъ оказываетъ до сихъ поръ, то я попрошу позволеніе сдѣлать одно замѣчаніе. Когда какой-нибудь человѣческій умъ совершилъ великое и доказалъ свою чрезвычайную мощь въ одной какой-нибудь сферѣ, то люди всегда бываютъ склонны приписывать ему такое же могущество и во всѣхъ другихъ областяхъ. Такъ, католическіе богословы находили успокоеніе и утѣшеніе въ мысли, что Ньютонъ занимался вопросомъ объ откровеніи, упуская изъ виду, что тотъ фактъ, что онъ посвящалъ всѣ свои силы въ теченіи лучшихъ годовъ жизни совсѣмъ другому разряду идей,—не говоря уже о разстройствѣ здоровья,—дѣлалъ его менѣе, а не болѣе, способнымъ обсуждать богословскіе и историческіе вопросы. Гёте, благодаря установленной за нимъ славѣ, какъ поэта, и благодаря своимъ положительнымъ открытіямъ въ естественныхъ наукахъ, произвелъ сильную сенсацію между живописцами Германіи, когда обнародовалъ свое *Farbenlehre,* въ которомъ пытался опровергнуть теорію Ньютона о цвѣтахъ. Эта теорія казалась ему такой нелѣпой, что онъ считалъ ея творца шарлатаномъ, и въ силу того весьма рѣзко нападалъ на него. Гёте въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ значительныя открытія въ естественной исторіи, и мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что еслибы онъ посвятилъ себя совсѣмъ этой отрасли наукъ, то достигъ бы въ ней точно такого же совершенства, какъ и въ сферѣ поэтической. Въ зоркости наблюденія, и въ умѣньи открывать аналогіи, какъ бы онѣ ни были на видъ отдаленны, равно какъ въ дѣлѣ классификаціи и организаціи фактовъ, Гёте выказывалъ чрезвычайныя способности. Эти элементы научнаго изслѣдованія совпадали со складомъ ума поэта. Но, съ другой стороны, умъ, столь богато одаренный въ сферѣ естествен-

ной исторіи, былъ почти лишенъ всякихъ способностей къ наукамъ физическимъ и механическимъ, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова. Таковъ былъ Гёте. Онъ не могъ формулировать отчетливыхъ механическихъ понятій; не могъ усматривать силы механической логики, и въ сферахъ, гдѣ такая логика царитъ безусловно, онъ сталъ не болѣе, какъ *ignus fatuus* для тѣхъ, кто слѣдовалъ за нимъ.

Я не разъ позволялъ себѣ сравнивать Аристотеля съ Гёте. Я признаю за Стагиритомъ почти сверхъестественную способность собирать и систематизировать факты, но считаю его по природѣ лишеннымъ тѣхъ способностей ума, недостатокъ которыхъ былъ выше признанъ за Гёте. Уэвель объясняетъ ошибки Аристотеля не пренебреженіемъ къ фактамъ, но „пренебреженіемъ къ идеѣ, связывающейся съ фактами,—идеѣ о механической причинѣ, которая есть сила, и замѣною ея смутными и непримѣнимыми понятіями, заключающими въ себѣ только отношенія пространства и восторги удивленія". Это, безъ сомнѣнія, справедливо; но слово „пренебреженіе" указываетъ скорѣе на ложное направленіе ума, между тѣмъ какъ у Аристотеля. равно какъ и у Гёте, тутъ играло роль, полагаю, не ложное направленіе ума, но просто природная неспособность, которая и была причиной ихъ ошибокъ. Какъ физикъ, Аристотель проявлялъ такія качества, какія мы считаемъ самыми непригодными для современнаго естествоиспытателя: сбивчивость понятій, неясность ума и самоувѣренность рѣчи, которая породила обманчивое мнѣніе, будто онъ на самомъ дѣлѣ владѣлъ своимъ предметомъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности ему не удалось усвоить себѣ его азбуку. Онъ ставилъ слова на мѣсто дѣла, субъекты вмѣсто объектовъ. Онъ проповѣдывалъ индукцію, самъ не прибѣгая къ ней, и перевернулъ истинный порядокъ изслѣдованія, переходя отъ общаго къ частному, вмѣсто того, чтобы переходить отъ частнаго къ общему. Онъ объявилъ вселенную замкнутой сферой, въ центрѣ которой помѣстилъ землю, доказывая на основаніи общихъ принциповъ, къ своему собственному удовольствію и удовольствію всего міра въ теченіи 2000 почти лѣтъ, что никакой другой вселенной существовать не могло. Его понятія о движеніи шли въ разрѣзъ съ физикой. Они могли быть естественны или неестественны, хороши или худы, спокойны или рѣзки,—но въ головѣ его не было настоящаго механическаго представленія на этотъ счетъ. Онъ утверждалъ, что пустое пространство не могло существовать, и доказывалъ, что, если бы оно существовало, движеніе было бы невозможно. Онъ опредѣлялъ *a priori*, сколько родовъ животныхъ должно существовать, и доказывалъ на основаніи общихъ принциповъ, почему животныя должны имѣть такія-то и такія-то части. Если современный философъ, который весьма далекъ отъ заблужденій подобнаго рода, припомнитъ о такомъ злоупотребленіи апріористической методы, онъ найдетъ извиненіе нежеланію физиковъ признавать такъ-называемыя апріористическія истины. Ошибки Аристотеля въ частностяхъ были важны и многочисленны. Онъ утверждалъ, что только у человѣка сердце бьется; что лѣвая сторона тѣла холоднѣе правой, что у мужчинъ больше зубовъ, чѣмъ у женщинъ, и что существуетъ пустота въ черепѣ каждаго человѣка не въ передней, но въ задней части головы.

Для физическихъ представленій необходимо одно существенное качество, котораго совершенно недоставало Аристотелю и его послѣдователямъ. Я желалъ бы обозначить это качество такимъ словомъ, которое было бы вполнѣ свободно отъ сближеній: я разумѣю способность ума вызывать въ умѣ отчетливый образъ извѣстной вещи. Нѣмцы выражаютъ дѣйствіе этой образности словомъ *vorstellen*, а самый образъ зовутъ *Vorstellung*. У насъ нѣтъ слова на англійскомъ языкѣ, которое бы ближе подходило къ нашей мысли, какъ слово *воображеніе*, и, взятое въ самомъ строгомъ смыслѣ, это слово вполнѣ подходяще, но, какъ уже выше сказано, оно подаетъ поводъ къ сближеніямъ и поэтому кажется неудовлетворительнымъ многимъ умамъ. Сравните, относительно этой способности дѣлать умственныя представленія, складъ ума Аристотеля, приписывающаго подниманіе воды въ насосѣ отвращенію природы отъ пустоты, со складомъ ума Паскаля, предложившаго рѣшить вопросъ объ атмосферномъ давленіи путемъ восхожденія на Пюи-де-Домъ. Въ первомъ случаѣ, выраженіе, въ которомъ дано объясненіе, рѣшительно не вызываетъ матеріальнаго образа; въ другомъ—образъ ясенъ, такъ какъ паденіе и повышеніе барометра отчетливо рисуются, какъ колебанія двухъ различныхъ и противоположныхъ давленій.

Въ средневѣковую засуху въ католическомъ мірѣ одинъ арабскій умъ не дремалъ. Со вторженіемъ мавровъ въ Испанію, умственный ихъ порядокъ, ученость и образованіе даютъ примѣръ прямо противоположныхъ качествъ въ католичествѣ. Въ то время, какъ простолюдинъ-католикъ, снѣдаемый болѣзнью, прибѣгалъ къ ладонкамъ, мавританскій простолюдинъ обращался къ ученому врачу. Арабы поощряли переводы греческихъ философовъ, но не греческихъ поэтовъ. Они съ отвращеніемъ отворачивались „отъ безнравственности классической миѳологіи и называли непростительнымъ богохульствомъ всякое сближеніе между развратнымъ Юпитеромъ Олимпійскимъ и Господомъ Богомъ". Дрэперъ прослѣдилъ гораздо дальше, чѣмъ Уэвель, арабскіе элементы въ нашей научной терминологіи. Онъ приводитъ примѣры того, что̀ сдѣлано арабскими учеными, напирая въ особенности на Альгозена, который первый исправилъ ошибочное понятіе Платона о томъ, будто лучи свѣта испускаются глазомъ. Онъ открылъ атмосферическую рефракцію и указалъ на то, что мы видимъ солнце и луну уже послѣ того, какъ они зашли. Онъ объясняетъ этой рефракціей уменьшеніе и увеличеніе вертикальнаго діаметра солнца и луны, когда оба эти небесныя тѣла находятся на горизонтѣ. Онъ замѣтилъ, что плотность атмосферы уменьшается съ увеличеніемъ высоты, и опредѣлилъ ея высоту въ $58^{1}/_{2}$ миль. Въ книгѣ „Вѣсы Мудрости", онъ указываетъ на связь между тяжестью атмосфернаго воздуха и его увеличивающейся плотностью. Онъ показываетъ, что вѣсъ тѣла будетъ различенъ въ разрѣженномъ и въ сгущенномъ воздухѣ. Онъ разсматриваетъ силу, съ которой погруженныя въ жидкость тѣла поднимаются черезъ болѣе плотную среду. Онъ знаетъ ученіе о центрѣ тяжести, и примѣняетъ его къ испытанію вѣрности вѣсовъ и безменовъ. Онъ признаетъ силу притяженія, хотя впадаетъ въ ту ошибку, что предполагаетъ, будто она уменьшается съ разстояніемъ, и ограничиваетъ ея дѣйствіе одной землей. Онъ

правильно понимаетъ отношеніе между скоростью, пространствомъ и временемъ паденія тѣлъ, и имѣетъ ясное понятіе о волосности. Онъ улучшаетъ гидрометръ. Опредѣленіе плотности различныхъ тѣлъ, сдѣланное Альгозеномъ, подходитъ очень близко къ опредѣленіямъ нашего времени. „Я присоединяюсь", говоритъ Дрэперъ, „къ благочестивой молитвѣ Альгозена, чтобы въ день судный милосердый Богъ пощадилъ душу Абуръ-Райхана, за то, что онъ первый изъ всего человѣческаго рода составилъ таблицу удѣльнаго вѣса". Если все это историческая истина (а я имѣю полное довѣріе къ д-ру Дрэперу), то онъ въ правѣ „оплакивать систематическое пренебреженіе, съ какимъ европейская литература упускала изъ виду научныя заслуги, оказанныя маврами".

Къ концу эпохи застоя, нравственное утомленіе все болѣе и болѣе овладѣвало умами людей. Христіанскому міру сдѣлалась невыносима схоластическая философія съ ея пустыми словоизверженіями, которыя не приводили ни къ какому результату, но держали умъ въ вѣчныхъ потемкахъ. „Время отъ времени стали раздаваться голоса, нетерпѣливо взывавшіе въ пустынѣ; не къ Аристотелю, не къ его хитроумнымъ гипотезамъ, должны мы обратиться за знаніемъ, но къ непосредственному изслѣдованію природы, путемъ наблюденія и опыта". Въ 1543 г. появилось сочиненіе Коперника: „О движеніи небесныхъ тѣлъ", отмѣтившее новую эру въ исторіи. Послѣдствіемъ его было окончательное паденіе замкнутой вселенной Аристотеля съ землей въ центрѣ, и „земля движется"—стало въ нѣкоторомъ родѣ лозунгомъ интеллигентныхъ и свободномыслящихъ людей. Коперникъ былъ каноникомъ въ Фрауенбургѣ, въ Эрмеландской епархіи. Тридцать-три года провелъ онъ въ уединеніи и посвятилъ себя разработкѣ своей великой задачи о солнечной системѣ. Въ послѣдній годъ жизни Коперника появилась его книга: говорятъ, старикъ получилъ одинъ ея экземпляръ за нѣсколько дней до смерти, и могъ умереть спокойно.

Итальянскій философъ, Джіордано Бруно, былъ однимъ изъ первыхъ послѣдователей новой астрономіи. Слѣдуя по стопамъ Лукреція, онъ воскресилъ понятіе о безчисленности міровъ и, связавъ его съ ученіемъ Коперника, пришелъ къ чудесному обобщенію, что неподвижныя звѣзды суть солнца, разсѣянныя въ безчисленномъ множествѣ въ пространствѣ въ сопровожденіи спутниковъ, которые стоятъ къ нимъ въ такомъ же отношеніи, какъ наша земля къ солнцу или наша луна къ землѣ. Это обобщеніе было первѣйшей важности, но Бруно еще ближе подошелъ къ нашему теперешнему образу мыслей. Заинтересованный задачей о зарожденіи и продолженія организмовъ, и углубившись въ нее, онъ пришелъ къ заключенію, что природа въ своихъ произведеніяхъ не подражаетъ техникѣ человѣка. Ея процессъ заключается въ расчищеніи и развитіи. Разнообразіе формъ, въ которыхъ проявляется матерія, не были навязаны ей: своей собственной силой и способностью она создаетъ эти формы. Матерія не есть голая, пустая „*capacity*", какъ ее изображали философы, но всеобщая мать, которая производитъ всѣ вещи изъ своей собственной утробы.

Этотъ смѣлый человѣкъ былъ первоначально доминиканскимъ

монахомъ. Онъ былъ обвиненъ въ ереси и вынужденъ искать убѣжища въ Женевѣ, Парижѣ, Англіи и Германіи. Въ 1592 г. онъ попалъ въ руки венеціанской инквизиціи. Его продержали многіе годы въ заточеніи, судили, лишили монашескаго сана, отлучили отъ церкви и передали въ руки гражданской власти съ просьбой, чтобы съ нимъ было поступлено по возможности милосердно и „безъ пролитія крови". Это значило, что его слѣдуетъ сжечь и, согласно этому, онъ былъ сожженъ 16-го февраля 1600. Во избѣжаніе подобной же участи Галилей тридцать-три года спустя, отрекся, стоя на колѣняхъ и положивъ руку на евангеліе, отъ геліоцентрической теоріи. За Галилеемъ явился Кеплеръ, который въ своемъ нѣмецкомъ отечествѣ не боялся папской власти, свирѣпствовавшей по-ту сторону Альпъ. Онъ вывелъ, на основаніи предыдущихъ намековъ, законы движенія планетъ. Такимъ образомъ, задача была подготовлена для Ньютона, который объединилъ всѣ эти эмпирическіе законы закономъ тяготѣнія.

Въ средніе вѣка атомистическое ученіе, повидимому, совсѣмъ затерялось. По всей вѣроятности, оно жило среди трезвыхъ и мыслящихъ людей, но ни католичество, ни его общество не были готовы отнестись къ нему съ терпимостью. Однажды, въ 1348 г., эта теорія была ясно высказана. Но вслѣдъ затѣмъ немедленно послѣдовали отреченіе и гоненіе, и подавленное ученіе заглохло до XVII-го столѣтія, когда оно было воскрешено къ жизни современникомъ Гоббеса и Декарта, отцомъ Гассенди.

Аналитическія и синтетическія стремленія человѣческаго ума проявляются черезъ всю исторію; великіе писатели порою становятся на одну, порою на другую сторону. Люди съ впечатлительными чувствами и умы, которымъ доступны высокія воззрѣнія, вызываемыя природою въ ея цѣломъ,—люди, которымъ требуется скорѣе этическое, чѣмъ логическое удовлетвореніе, стояли за синтезисъ; между тѣмъ, аналитическій методъ болѣе гармонировалъ съ точными и механическими наклонностями, которыя нужны для удовлетворенія разума. Одни принимали обыкновенно какую-нибудь форму пантеизма, между тѣмъ какъ другіе признавали личное божество, дѣйствующее болѣе или болѣе на подобіе людей. Гассенди врядъ ли можетъ быть причисленъ къ тому или другому разряду умовъ. Признавъ Бога за великую причину, онъ не возвращается больше къ этой идеѣ, прилагаетъ извѣстные механическіе законы къ атомамъ, и отсюда выводитъ всѣ жизненныя явленія. Богъ, создавшій землю и воду, растенія и животныя, произвелъ прежде всего извѣстное число атомовъ, которые составляли сѣмена всѣхъ вещей. Затѣмъ началась та серія соединеній и распаденій, которая дѣйствуетъ и понынѣ, и будетъ дѣйствовать и впереди. Начало всѣхъ перемѣнъ заключается въ матеріи. Въ искусственныхъ произведеніяхъ созидающее начало отлично отъ матеріала, надъ которымъ работаетъ; но въ природѣ факторы дѣйствуютъ за-одно, будучи самой дѣятельной и подвижной частью самой матеріи. Такимъ образомъ, этотъ смѣлый патеръ, избѣжавъ порицанія своей теоріи со стороны церкви, предвосхитилъ Дарвиновскую идею. Тотъ же самый складъ ума, заставившій Гассенди отдѣлить Творца отъ его же вселенной, побудилъ его отдѣ-

лить душу отъ тѣла, хотя тѣлу онъ приписываетъ громадное вліяніе, которымъ можно объяснить все. Умственное разстройство бываетъ, по его мнѣнію, дѣломъ вещественнаго мозга. Душевныя болѣзни суть болѣзни мозга. Но при этомъ безсмертный разумъ засѣдаетъ отдѣльно и не подверженъ болѣзни. Заблужденія безумія суть заблужденія орудія, но не самого дѣятеля.

Быть можетъ, не одно только воспитаніе является причиной того, что вышеупомянутая идея Гассенди существенно сходна съ идеей, выраженной профессоромъ Клеркомъ Максвеллемъ въ заключеніи лекціи, прочитанной имъ въ прошломъ году въ Брэдфордѣ: причина того, по всей вѣроятности, находится въ связи съ умственнымъ складомъ этихъ двухъ людей.

По мнѣнію обоихъ философовъ, — если я правильно понимаю ихъ, — атомы суть *готовый матеріалъ*, „мануфактурный продуктъ", который, будучи созданъ искусствомъ Всевышняго, производитъ своимъ послѣдующимъ дѣйствіемъ всѣ явленія вещественнаго міра. Но между Гассенди и Максвеллемъ существуетъ, однако, слѣдующее различіе. Одинъ *предполагаетъ*, другой *заключаетъ* о первой причинѣ. Въ своихъ мануфактурныхъ продуктахъ профессоръ Максвелль находитъ основаніе для индукціи, которое дозволяетъ ему взобраться на философскія высоты, которыя Кантъ считалъ недостижимыми, и логически перейти отъ атомовъ къ ихъ творцу.

Атомистическое ученіе, въ цѣломъ или въ частностяхъ, принималось Бэкономъ, Декартомъ, Гоббесомъ, Локке, Ньютономъ и Бойлемъ и ихъ преемниками, пока химическій законъ кратныхъ отношеній не далъ возможности Дальтону придать этому ученію совершенно новое значеніе. Въ наше время многіе отказались отъ этой теоріи, но она все-таки крѣпко держится. Всего годъ или два тому назадъ, сэръ Вилльямъ Томсонъ, съ свойственной ему проницательностью, пытался опредѣлить объемъ атомовъ или, скорѣе, предѣлы, между которыми заключаются ихъ объемы. А не далѣе какъ въ прошломъ году, рѣчи Вилльяма и Максвелля доказали, какъ крѣпко утвердилась эта теорія въ умахъ ученыхъ. Въ настоящую минуту ученые стремятся опредѣлить роль и значеніе атомовъ, обладающихъ самостоятельнымъ движеніемъ въ жизненныхъ явленіяхъ! Я сомнѣваюсь въ основательности логики Максвелля; но невозможно не чувствовать этическаго блеска, съ которымъ онъ заканчиваетъ свою рѣчь. Кромѣ того, описаніе прочности, устойчивости атомовъ дышетъ величіемъ, достойнымъ Лукреція:—„силы природы, какъ намъ извѣстно, находятся постоянно въ дѣйствіи, которое влечетъ за собой измѣненіе, и даже, въ концѣ-концовъ, уничтоженіе всего строя и размѣровъ земли и всей солнечной системы. Но хотя съ теченіемъ вѣковъ происходили и могутъ еще произойти перевороты; хотя древнія системы могутъ распадаться и изъ ихъ развалинъ возникать новыя,—частицы, изъ которыхъ построены эти системы, краеугольные камни вещественнаго міра, остаются нетронутыми и несокрушимыми".

Девяносто лѣтъ спустя послѣ Гассенди, теорія „о тѣлесныхъ орудіяхъ" (*bodily instruments*), какъ ее можно назвать, получила громадное значеніе въ выводахъ епископа Бутлера, который, въ своемъ

знаменитомъ сочиненіи „Апологія религіи", развивалъ съ собственной точки зрѣнія и съ поразительной ловкостью подобную же идею. Епископъ до сихъ поръ оказываетъ вліяніе на возвышенные умы, и мы не будемъ въ проигрышѣ, если займемся его воззрѣніями. Онъ проводитъ рѣзкое различіе между нашимъ дѣйствительнымъ *я* и нашими тѣлесными орудіями. Онъ, сколько мнѣ помнится, не употребляетъ слово „душа"; но онъ говоритъ о „жизненныхъ силахъ", „ощущеніи", „чувствующей силѣ", „побудительныхъ факторахъ", „нашемъ *я*", въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ мы употребили бы слово „душа". Онъ напираетъ на тотъ фактъ, что члены могутъ быть отняты, и смертельныя болѣзни посѣщаютъ тѣло, тогда какъ умъ сохраняетъ ясность почти до самаго момента смерти. Онъ приводитъ въ примѣръ сонъ и обморокъ, когда „жизненная сила "пріостанавливаетъ свое дѣйствіе, но не уничтожается. Онъ считаетъ, что такъ же легко представить себѣ существованіе внѣ нашего тѣла, какъ и въ немъ; что мы можемъ послѣдовательно оживлять цѣлый рядъ тѣлъ, такъ какъ распаденіе всѣхъ ихъ такъ же мало можетъ разложить наше настоящее „я" или „лишить насъ жизненныхъ силъ—способности ощущать и дѣйствовать,—какъ и разложеніе посторонняго вещества, черезъ посредство котораго мы можемъ получать впечатлѣнія, или которое мы можемъ употреблять для житейскихъ дѣлъ". Вотъ ключъ къ положенію епископа: „наши организованныя тѣла такъ же мало составляютъ часть насъ самихъ, какъ и всякое другое вещество, окружающее насъ". Въ доказательство этого онъ указываетъ на употребленіе стеколъ, которое „подготовляетъ объекты" для чувствующей силы точно такъ же, какъ и глазъ. Глазъ самъ по себѣ не болѣе чувствителенъ, чѣмъ и стекло; съ такимъ же основаніемъ можетъ назваться орудіемъ нашего настоящаго „я", и такъ же чуждъ нашему истинному „я", какъ и стекло. „А если наши глаза служатъ намъ такимъ же точно образомъ, какъ и стекла, то то же самое можно заключить по аналогіи обо всѣхъ нашихъ чувствахъ".

Лукрецій, какъ вамъ извѣстно, пришелъ какъ разъ къ противоположному результату, и для всѣхъ насъ, конечно, было бы интересно, если не полезно, выслушать то, что́ онъ сказалъ бы въ опроверженіе разсужденій епископа.

Приводя гипотетическую бесѣду между послѣдователемъ Лукреція и Бутлера, лекторъ замѣчаетъ, что въ одномъ отношеніи епископъ былъ продуктомъ своего времени. Задолго до него природа души была любимымъ и распространеннымъ сюжетомъ для преній, такъ что когда слушатели парижскаго университета желали узнать направленіе новаго профессора, то прежде всего просили его прочитать имъ лекцію о душѣ. Во времена епископа Бутлера вопросъ не только обсуждался, но и расширился. Проницательные люди, выступавшіе на этомъ поприщѣ, увидѣли, что всѣ ихъ аргументы могутъ одинаково относиться къ животнымъ и людямъ. Аргументы епископа Бутлера были такого же свойства. Онъ увидѣлъ это, допустилъ послѣдствія и смѣло включилъ весь животный міръ въ свою схему о безсмертіи.

Епископъ Бутлеръ признавалъ съ непоколебимой вѣрой хроноло-

гію ветхаго завѣта, говоря о ней, „что она подтверждается естественной и гражданской исторіей міра, почерпнутой изъ обыкновенныхъ историковъ, изъ состоянія земли и изъ позднѣйшихъ изобрѣтеній искусствъ и наукъ". Эти слова знаменовали тогда прогрессъ. Съ тѣхъ поръ, конечно, область естественныхъ наукъ необыкновенно расширилась—создалась цѣлая наука геологія, съ ея изумительными открытіями, касательно жизни древней земли. Рѣзкость старыхъ понятій смягчилась, такъ какъ умъ людей сталъ мало по-малу съ терпимостью относиться къ идеѣ, что наша земля была театромъ жизни и смерти, въ теченіи громаднаго ряда тысячелѣтій. Загадка, скрытая въ скалахъ и утесахъ, была разгадана геологами и палеонтологами отъ нѣдръ Валлійской котловины до пластовъ отложившихся на днѣ морей нашего времени. А событія, отпечатавшіяся на страницахъ этой каменной книги, достовѣрнѣе, какъ вамъ извѣстно, тѣхъ, которыя записаны чернилами исторіи, и уносятъ умъ въ такую даль прошлыхъ временъ, въ сравненіи съ которой періоды времени, удовлетворявшіе епископа Бутлера, становятся совсѣмъ ничтожными. Теперь каждый знаетъ это; всѣ допускаютъ это; между тѣмъ, когда эти научныя истины впервые были высказаны, они встрѣтили ярыхъ гонителей, которые провозгласили не только ихъ научную несостоятельность, но и безнравственность относительно этическихъ и религіозныхъ вопросовъ.

Разъ дорожка для открытій была протоптана, окаменѣлыя формы, въ которыхъ нѣкогда жизнь кипѣла, возросли до безконечности и потребовали классификаціи. Вскорѣ сталъ очевиденъ одинъ общій фактъ, что на глубинѣ встрѣчаются только простѣйшія формы жизни, и что по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся выше, среди наслоенныхъ пластовъ, мы встрѣчаемъ болѣе совершенныя формы. Совсѣмъ тѣмъ переходъ отъ одной формы къ другой не былъ равномѣренъ, но шелъ иногда мелкими, иногда крупными шагами. „Если мы разрѣжемъ пластъ въ сто футъ толщины,—говоритъ м-ръ Гёксли, то увидимъ дюжину различныхъ родовъ аммонитовъ, изъ которыхъ ни одного не найдемъ ни пластомъ выше, ни пластомъ ниже того спеціальнаго пласта глины или известняка, въ которомъ они находятся". Въ виду такихъ фактовъ невозможно избѣжать вопроса:—неужели эти формы, доказывающія, хотя и съ перерывами и многими неправильностями, безспорный всеобщій прогрессъ, не были подчинены постоянному закону развитія или перемѣны? Будь наше воспитаніе чисто научнымъ, нашъ научный разумъ никогда бы не могъ уклониться отъ изслѣдованія закона такого развитія или рѣшиться признать антропоморфизмъ, который усматриваетъ въ каждомъ пластѣ родъ механическаго станка для фабрикаціи новыхъ породъ, безъ всякой связи съ предыдущими.

Но этого не случилось, и потому большинство натуралистовъ утверждало спеціальную силу, чтобы объяснить появленіе каждой группы организмовъ. Безъ сомнѣнія, между ними было много такихъ проницательныхъ людей, которые понимали, что это вовсе не объясненіе; что на дѣлѣ это просто попытка ввести бо́льшее затрудненіе для объясненія ме́ньшаго. Но не имѣя въ наличности никакого иного объясненія, они по большей части молчали. Между тѣмъ раз-

мышленія болѣе зоркихъ людей естественно и необходимо вертѣлись около этого вопроса. Профессоръ Гёксли упоминаетъ о де-Майлье, современникѣ Ньютона, какъ о человѣкѣ, „имѣвшемъ понятіе объ измѣнчивости живыхъ формъ". Покойный сэръ Бенжаменъ Броди, человѣкъ высокаго философскаго ума, съ которымъ я часто бесѣдовалъ, много разъ обращалъ мое вниманіе на тотъ фактъ, что еще въ 1794 г. дѣдъ Чарльза Дарвина былъ піонеромъ послѣдняго. Въ 1801 г. и въ послѣдующіе годы, знаменитый Ламаркъ, произведшій такое глубокое впечатлѣніе на общественное мнѣніе, благодаря энергическому изложенію его взглядовъ авторомъ *Vestiges of Creation*, сталъ доказывать, что развитіе породъ произошло отъ измѣненія привычекъ и внѣшнихъ условій. Въ 1813 г. д-ръ Уэльсъ, творецъ нашей настоящей теоріи о расѣ, читалъ въ Королевскомъ Обществѣ статью, въ которой онъ, употребляя выраженія м-ра Дарвина, „ясно признаетъ принципъ естественнаго подбора". Глубокомысліе и ловкость, съ какими Уэльсъ преслѣдовалъ свою цѣль и извѣстная независимость его характера, долгое время дѣлали его моимъ любимцемъ, и мнѣ было очень пріятно услышать новое свидѣтельство объ его проницательности. Профессоръ Грантъ, м-ръ Патрикъ Матью, фонъ-Бухъ и авторъ „Vestiges", d'Halloy и другіе [1]), высказывая мнѣнія болѣе или менѣе ясныя и правильныя, доказали, что вопросъ долго зрѣлъ до наступленія 1858 г., когда м-ръ Дарвинъ и м-ръ Уэльсъ одновременно, но независимо другъ отъ друга, высказали свои родственные взгляды объ этомъ предметѣ въ Обществѣ Линнея.

За этими статьями послѣдовало, въ 1859 г., первое изданіе „О происхожденіи видовъ". Всѣ великія вещи медленно рождались. Коперникъ, какъ я сообщилъ вамъ, тридцать-три года выработывалъ свое великое твореніе. Ньютонъ около двадцати лѣтъ обдумывалъ идею о тяготѣніи. Около двадцати лѣтъ медлилъ онъ также обнародовать открытые имъ дифференціалы, и, безъ сомнѣнія, еще долѣе промедлилъ бы, еслибы не открылъ, что Лейбницъ идетъ по его слѣдамъ. Дарвинъ двадцать-два года работалъ надъ задачей о происхожденіи видовъ, и безъ сомнѣнія проработалъ бы еще долѣе, еслибы не открылъ, что Уэльсъ идетъ по его слѣдамъ [2]). Слѣдствіемъ этого было сжатое, но полное и убѣдительное *resumé* его трудовъ. Книга была отнюдь не изъ удобопонятныхъ, и по всей вѣроятности никто изъ толпы тѣхъ же людей, которые нападали въ то время на нее, не читали ее отъ доски до доски, или не вполнѣ уяснили себѣ ея значеніе. Я не съ тѣмъ говорю это, чтобы бросить на нихъ тѣнь: въ тѣ дни многіе дѣйствительно замѣчательные ученые, стоявшіе выше ходячихъ предразсудковъ и готовые принять всякій выводъ, къ которому можетъ привести наука, лишь бы онъ подкрѣплялся фактами

---

[1]) Въ 1855 г. м-ръ Гербертъ Спенсеръ (*Principles of Psychologie*, *2-nd edit. vol. I. p. 465*) выражалъ „увѣренность, что жизнь, во всѣхъ ея формахъ, возникала путемъ непрерывнаго измѣненія и при содѣйствіи того, что называется естественными силами".

[2]) Образъ дѣйствія м-ра Уэльса въ этомъ дѣлѣ заслуживаетъ полнаго уваженія.

и аргументами, совсѣмъ не поняли взглядовъ м-ра Дарвина. Въ самомъ дѣлѣ, сочиненіе нуждалось въ комментаторѣ, и нашло его въ м-рѣ Гёксли. Я ничего не знаю превосходнѣе, по части научнаго изложенія, его первыхъ двухъ статей о происхожденіи видовъ. Онъ выставилъ впередъ дѣйствительно важные пункты этого предмета, высказалъ глубокія и оригинальныя замѣчанія и размышленія, зачастую резюмируя въ одной энергической сентенціи аргументъ, который менѣе точный умъ развелъ бы на нѣсколькихъ страницахъ. Но въ книгѣ есть одна сторона, производящая сильное впечатлѣніе, и котораго не можетъ передать никакое изложеніе, какъ бы оно ни было блестяще; и впечатлѣніе это вызывается громадностью труда, какъ со стороны наблюденія, такъ и со стороны мысли, положенныхъ въ основаніе этого сочиненія. Займемся его принципами.

Прежде всего утверждается, что то, что называется разновидностями, постоянно возникаетъ. Правило это, по всей вѣроятности, не имѣетъ исключенія. Ни одинъ цыпленокъ не бываетъ вполнѣ и безусловно похожъ на своихъ братьевъ и сестеръ, и въ этихъ отличіяхъ мы имѣемъ зарожденіе „разности". Ни одинъ натуралистъ не можетъ сказать, какъ далеко можетъ развиться эта разность; но огромное большинство ихъ считаетъ, что никогда и никакія внутреннія и внѣшнія перемѣны, хотя бы и вмѣстѣ взятыя, не могутъ настолько повліять, чтобы дѣти одного и того же родича настолько разнились между собой, чтобы образовать два различныхъ вида. Дѣло экспериментальнаго философа состоитъ въ томъ, чтобы соединить условія природы и производить ея результаты, и такова была метода Дарвина [1]). Онъ ознакомился, насколько могъ, со всѣмъ, что можетъ быть сдѣлано, устраняя всякую тѣнь сомнѣнія по части произведенія разновидности. Онъ водился съ любителями голубей, покупалъ, выпрашивалъ, содержалъ и наблюдалъ каждую помѣсь, какую могъ добыть. Хотя происхожденіе у нихъ было общее, но различіе между этими голубями было такъ велико, что „можно было бы подобрать по крайней мѣрѣ дюжину такихъ голубей, которыхъ каждый орнитологъ призналъ бы за отдѣльные виды, еслибы ему показать ихъ, и сказалъ бы, что это дикія птицы". Простое правило, которымъ руководствуются любители голубей, равно какъ и скотоводы, заключается въ выборѣ какой-нибудь разности, которая ему полюбилась, и распространеніе этой разности путемъ наслѣдственности. Имѣя постоянно въ виду ту особенность, которую онъ желаетъ развить въ сильнѣйшей степени, онъ отбираетъ ее, по мѣрѣ того, какъ она проявляется въ птенцахъ, и такимъ образомъ накопляетъ отличія одно за другимъ, пока, наконецъ, не получится изумительная разновидность родственнаго типа. Человѣкъ въ этомъ случаѣ не производитъ *элементовъ* разности. Онъ просто наблюдаетъ ихъ и путемъ подбора накопляетъ ихъ одно за другимъ, пока не получится желаемаго результата. „Человѣку", говоритъ м-ръ Дарвинъ, „не пришла бы въ голову попытка создать трубастаго голубя, еслибы ему не попадались голуби

---

1) До сихъ поръ сдѣланъ еще только первый шагъ въ способѣ экспериментальныхъ доказательствъ. Опыты, предпринятые теперь, могутъ черезъ сотни двѣ лѣтъ дать неоцѣненный матеріалъ, который слѣдуетъ доставить наукѣ будущаго.

съ хвостами, представляющіе легкія особенности; или дутыша, еслибы иногда не встрѣчались голуби съ необыкновенно развитымъ зобомъ. Такимъ образомъ, природа даетъ намекъ, человѣкъ ухватывается за него, и, благодаря закону наслѣдственной передачи, развиваетъ въ сильнѣйшей степени природное уклоненіе.

Убѣдивши себя такимъ образомъ неоспоримыми фактами, что организація животнаго или растенія есть до нѣкоторой степени вещь измѣнчивая, онъ переходитъ отъ прирученныхъ разновидностей до разновидностей, производимыхъ самой природой. До сихъ поръ мы видѣли накопленіе мелкихъ измѣненій путемъ сознательнаго подбора, производимаго человѣкомъ. Можетъ ли природа дѣлать такой подборъ? М-ръ Дарвинъ отвѣчаетъ: „разумѣется, нѣтъ". Число производимыхъ природою живыхъ существъ значительно превосходитъ число тѣхъ, которыя могутъ выжить; поэтому, въ тотъ или другой періодъ ихъ жизни, неизбѣжно должна происходить борьба за существованіе; а какой несомнѣнный результатъ даетъ она? Еслибы каждый организмъ былъ совершенной копіей другихъ по силѣ, искусству и проворству,—внѣшнія условія рѣшали бы все дѣло. Но это не такъ. Здѣсь мы имѣемъ передъ глазами фактъ разности, съ которой приходится имѣть дѣло природѣ, подобно тому какъ въ первомъ случаѣ съ ней имѣлъ дѣло человѣкъ, и тѣ разности, которыя наименѣе способны бороться съ окружающими условіями, неизбѣжно уступятъ мѣсто болѣе способнымъ. Выражаясь просто: слабѣйшій погибаетъ. Но восторжествовавшая часть снова обуздываетъ чрезмѣрное размноженіе, передавая качества, которыя обезпечили ея существованіе, не въ одинаковой степени. Затѣмъ снова наступаетъ борьба за пищу, и тѣ, которымъ переданы наиболѣе благопріятныя качества въ наисильнѣйшей степени, непремѣнно восторжествуютъ. Легко понять, что въ этомъ случаѣ накопленіе благопріятныхъ качествъ будетъ еще рѣшительнѣе для особи, чѣмъ въ ручномъ состояніи, потому что неспособные экземпляры не только не отбираются природою, но уничтожаются. Вотъ то, что́ м-ръ Дарвинъ называетъ „естественнымъ подборомъ", который „дѣйствуетъ путемъ сохраненія и накопленія мелкихъ наслѣдственныхъ измѣненій, изъ которыхъ каждое выгодно для сохранившагося существа". Этой идеей онъ освѣщаетъ обширный запасъ фактовъ, собранныхъ имъ и другими. Мы не можемъ не видѣть, если только страхъ или предразсудокъ не заставятъ насъ закрыть глаза, что Дарвинъ имѣетъ тутъ дѣло не съ воображаемыми, но достовѣрными фактами; мы не можемъ также не понять, какія обширныя измѣненія могутъ быть произведены естественнымъ подборомъ въ достаточно долгій періодъ времени. Каждое индивидуальное качество можетъ походить на то, что́ математики называютъ „дифференціаломъ" (количество безконечно малое), но опредѣленныя и великія перемѣны, очевидно, могутъ быть произведены интегрированіемъ безконечно малыхъ количествъ, въ теченіи безконечно долгаго времени.

Книга м-ра Дарвина служитъ хранилищемъ самыхъ поразительныхъ фактовъ этого рода. Возьмемъ замѣчательное сообщеніе касательно оплодотворенія орхисовъ. У этихъ растеній существуетъ при основаніи цвѣтка пустой мѣшочекъ; на днѣ этого мѣшечка собирается

сладкая жидкость, которою питаются пчелы. Для того, чтобы пробраться въ мѣшочекъ, пчелѣ необходимо протиснуться черезъ верхнее его отверстіе. Возвращаясь черезъ то же отверстіе, пчела не можетъ миновать липкой поверхности рыльца, нависшаго надъ этимъ отверстіемъ. Вступая же въ отверстіе, она не можетъ миновать и тѣхъ массъ плодотворной пыли, которыя помѣщаются надъ рыльцемъ. Такимъ образомъ, при вступленіи въ мѣшочекъ, пчела уноситъ на своей спинѣ плодотворную пыль, а при выходѣ оттуда оставляетъ эту пыль на липкомъ рыльцѣ. Когда же она отлетаетъ, то переноситъ пыль на рыльце другихъ цвѣтовъ того же орхиса. И вотъ какимъ образомъ оплодотворяются орхидеи. Или возьмемъ другой случай съ *Catasetum*: пчелы посѣщаютъ этотъ цвѣтокъ и грызутъ его губку, но при этомъ онѣ неизбѣжно дотрогиваются до длиннаго, чувствительнаго отростка. Этотъ послѣдній, когда до него дотронутся, передаетъ сотрясеніе плёнкѣ, которая немедленно разрывается, причемъ эластическое вмѣстилище цвѣтка внезапно сокращается и выбрасываетъ массы цвѣтня, которыя пристаютъ къ спинкѣ пчелы. Вотъ какимъ образомъ разносится оплодотворяющая пыль.

Все это, по мнѣнію м-ра Дарвина, свидѣтельствуетъ о методѣ природы. Красота цвѣтовъ является результатомъ естественнаго подбора. Тѣ, которые отличаются своими яркими цвѣтами отъ окружающихъ зеленыхъ листьевъ, больше бросаются въ глаза, чаще посѣщаются насѣкомыми, чаще оплодотворяются и, вслѣдствіе того, больше поощряются естественнымъ подборомъ. Окрашенныя ягоды также скорѣе привлекаютъ вниманіе птицъ и звѣрей, которые питаются ими, разсѣваютъ ихъ сѣмена въ удобреніи, давая такимъ образомъ деревьямъ и кустамъ, приносящимъ такія ягоды, больше шансовъ въ борьбѣ за существованіе.

Съ великимъ аналитическимъ и синтетическимъ искусствомъ, м-ръ Дарвинъ изслѣдуетъ инстинктъ обыкновенной пчелы, побуждающій ее дѣлать ячейки. Его методъ обработки этого вопроса—методъ демонстративный. Онъ переходитъ отъ болѣе развитаго къ менѣе развитому инстинкту, отъ обыкновенной пчелы къ шмелю, который употребляетъ свой собственный коконъ вмѣсто сота, и затѣмъ къ тѣмъ родамъ пчелъ, которыя по своему искусству занимаютъ среднее мѣсто между обыкновенной пчелой и шмелемъ. Экономія воска самый важный пунктъ въ хозяйствѣ пчелъ; говорятъ, что нужно отъ двѣнадцати до пятнадцати фунтовъ сухого сахару для образованія одного фунта воска. Поэтому, количество нектара, необходимаго для воска, очень велико, и всякое улучшеніе въ строительномъ инстинктѣ, результатомъ котораго является сбереженіе воска, составляетъ прямую выгоду для жизни насѣкомаго. Время, которое въ противномъ случаѣ пошло бы не на выдѣлку воска, теперь употребляется на собираніе и запасаніе нектара для пищи на зиму. Онъ переходитъ отъ шмеля, съ его грубыми ячейками, черезъ пчелу мелипону, съ ея болѣе артистическими ячейками, къ обыкновенной пчелѣ и ея удивительной архитектурѣ. Пчелы размѣщаются на воскѣ въ равномъ разстояніи одна отъ другой, выравниваютъ и выгрызаютъ равныя сферическія углубленія вокругъ избранныхъ пунктовъ. Сферы пересѣкаются, и плоскости пересѣченія состоятъ изъ тонкихъ стѣнокъ. Такимъ обра-

зомъ образуются шестигранныя ячейки. Такой способъ разработывать подобные вопросы—способъ демонстративный, какъ я уже выше сказалъ. Онъ обыкновенно ведетъ отъ болѣе совершеннаго и сложнаго, къ менѣе совершенному и болѣе простому, проводитъ васъ черезъ фазисы *усовершенствованія*, прибавляетъ дифференціалъ къ дифференціалу безконечно малыхъ измѣненій, и такимъ образомъ мало по-малу вынуждаетъ допустить, что совершенство верхней степени можетъ быть результатомъ естественнаго подбора.

М-ръ Дарвинъ не отступаетъ передъ затрудненіями, и такъ какъ онъ вполнѣ владѣетъ своимъ предметомъ, то лучше, чѣмъ его критики, знаетъ какъ слабыя, такъ и сильныя стороны своей теоріи. Это было бы, конечно, не важно, еслибы онъ имѣлъ въ виду временную діалектическую побѣду, а не установленіе истины, на прочность которой разсчитываетъ. Но онъ не даетъ себѣ труда маскировать замѣченныя имъ слабыя стороны; напротивъ того, онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы выставить ихъ какъ можно рельефнѣе. Его громадные рессурсы позволяютъ ему бороться съ возраженіями, высказываемыми имъ самимъ и другими, такъ что окончательное впечатлѣніе, остающееся въ умѣ читателя, таково, что если эти возраженія и не вполнѣ устранены, тѣмъ не менѣе они не разрушаютъ теоріи. Разъ ихъ отрицательная сила ослаблена такимъ образомъ, громадная положительная вѣроятность, которую онъ въ состояніи вамъ указать, не можетъ не повліять на васъ. Обширность знанія и запасъ фактовъ дѣлаютъ м-ра Дарвина самымъ страшнымъ соперникомъ. Превосходные натуралисты подвергали его усердной критикѣ—причемъ не всегда имѣли въ виду одну строгую оцѣнку его теоріи—съ рѣшительнымъ намѣреніемъ выставить одни слабые пункты. Это не раздражаетъ его. Онъ обсуждаетъ каждое возраженіе съ трезвостью и добросовѣстностью, которымъ могъ бы позавидовать самъ епископъ Бутлеръ. Онъ подробно разбираетъ каждый фактъ, указываетъ ему должное мѣсто въ ряду другихъ, и обыкновенно придаетъ ему значеніе, котораго за нимъ нельзя было признать, пока онъ стоялъ особнякомъ. Это дѣлается безъ всякой досады. Онъ проносится по предмету съ безстрастной силой ледника и, отрывая утесы, порою стираетъ въ порошокъ логику своего противника. Но, хотя при обработкѣ этой могучей тэмы всякая страсть была подавлена, однако умственное волненіе, неразлучное съ открытіемъ новой истины, зачастую окрашиваетъ и согрѣваетъ страницы м-ра Дарвина. Успѣхъ его былъ великъ, и это доказываетъ не только основательность его сочиненія, но и подготовку общественнаго мнѣнія къ принятію такой теоріи. Въ этомъ отношени одно замѣчаніе Агассиса произвело на меня болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ что́ другое. Происходя изъ духовной семьи, этотъ знаменитый человѣкъ оспаривалъ до конца теорію естественнаго подбора. Одно изъ моихъ свиданій съ нимъ въ Соединенныхъ Штатахъ происходило на великолѣпной дачѣ м-ра Уинтропа, въ Бруклинѣ, близъ Бостона. Вставъ изъ-за стола, мы всѣ подошли къ окошку и возлѣ него продолжали споръ, начатый за обѣдомъ, наблюдая за красотой ландшафта, открывавшагося передъ нашими глазами и который дѣйствовалъ на нашъ умъ, не мѣшая теченію мысли. Агассисъ обратился къ господамъ, стоявшимъ вокругъ,

и сказалъ: „сознаюсь, что я не ожидалъ, чтобы эта теорія была такъ благосклонна принята лучшими умами нашего времени. Успѣхъ ея оказался гораздо значительнѣе, чѣмъ я считалъ это возможнымъ".

Въ наше время дѣйствительно дошли до широкихъ обобщеній. Теорія о происхожденіи видовъ—одно изъ таковыхъ. Другое обобщеніе, еще болѣе обширное, есть ученіе о сбереженіи силы, крайніе философскіе выводы котораго представляются довольно еще смутно,—ученіе, которое объединяетъ дѣйствіе природы въ неслыханной дотолѣ степени, требуя, чтобы каждый антецедентъ сопровождался соотвѣтствующимъ ему послѣдствіемъ и чтобы каждому послѣдствію предшествовалъ соотвѣтствующій антецедентъ, и ставя всѣ жизненныя, равно какъ и физическія явленія въ зависимость отъ того закона причинной связи, который, насколько его разглядѣлъ человѣческій разумъ, проявляется повсемѣстно въ природѣ. Задолго до всякаго опредѣленнаго опыта касательно этого предмета, признано было за фактъ постоянство и вѣчность матеріи, и всѣ послѣдующіе опыты подтвердили это положеніе. Позднѣйшія изслѣдованія распространили свойство вѣчности и на силу. Эта идея, примѣняемая сначала къ неорганической природѣ, быстро охватила и органическую. Растительный міръ,—хотя онъ и извлекаетъ все свое питаніе изъ невидимыхъ источниковъ,—былъ признанъ неспособнымъ вновь произвести матерію или силу. Матерія его состоитъ главнымъ образомъ изъ переработаннаго воздуха; его сила—преобразованная солнечная сила. Животный міръ точно также былъ признанъ лишеннымъ творческой способности, тогда какъ всѣ его силы обращены на сжиганіе пищи. Доказано было, что дѣятельность каждаго животнаго въ цѣломъ есть не что иное, какъ результатъ его отдѣльныхъ частицъ. Доказано было, что мускулы суть кладовыя механической силы, скрытой, пока она не вызвана нервами, а затѣмъ проявляющейся въ мускульныхъ сокращеніяхъ. Скорость, съ какой впечатлѣнія передаются нервами, была опредѣлена, и оказалось, что она не только не равна скорости свѣта и электричества, какъ прежде думали, но даже меньше скорости орлинаго полета.

Это было дѣломъ физики; затѣмъ наступило торжество сравнительной анатоміи и физіологіи, открывшихъ строеніе каждаго животнаго и функцію каждаго органа во всей біологической серіи, начиная съ низшаго зоофита и кончая человѣкомъ. Нервная система стала предметомъ глубокаго и напряженнаго изученія, такъ какъ все болѣе и болѣе выяснялся изумительный и въ сущности вполнѣ таинственный контроль, который она оказываетъ на весь организмъ, физическій и нравственный. Мысль не могла не остановиться на такомъ крайне занимательномъ предметѣ. Кромѣ физической жизни, которою занимался м-ръ Дарвинъ, существуетъ еще и психическая, представляющая такія же градаціи и также требующая разрѣшенія. Чѣмъ объяснить различныя степени и качества ума? Въ чемъ начало развитія этой таинственной силы, которая на нашей планетѣ выразилась въ окончательномъ своемъ результатѣ въ разумѣ? Вотъ вопросы, которые хотя и не представляются ежечасно уму публики, но они занимали собою многихъ мыслящихъ людей, и были даже

ясно выражены однимъ изъ нихъ до появленія сочиненія „О происхожденіи видовъ“.

Имѣя въ рукахъ массу матеріала, выработаннаго физиками и физіологами, м-ръ Гербертъ Спенсеръ, двадцать лѣтъ тому назадъ, задумалъ на немъ возвести систему психологіи; а два года тому назадъ появилось второе и значительно дополненное изданіе его сочиненія. Тѣ, которымъ знакомы изумительные опыты Плато́, помнятъ, что если двѣ капли оливковаго масла, плавающія въ смѣси алкоголя и воды такой же плотности, какъ и масло, приводятся въ соприкосновеніе, то онѣ не сразу сливаются въ одну каплю. Нѣчто въ родѣ тонкой оболочки какъ-бы образуется вокругъ нихъ, и разрывъ ея немедленно сопровождается сліяніемъ капель въ одно цѣлое. Есть организмы, жизненныя отправленія которыхъ отличаются такимъ же точно чисто физическимъ характеромъ. Они приходятъ въ соприкосновеніе между собою и сливаются въ одно цѣлое. М-ръ Спенсеръ ведетъ свою аргументацію, переходя отъ такихъ организмовъ къ другимъ, ступенью выше, и отъ этихъ послѣднихъ къ новымъ, еще ступенью выше, и такимъ образомъ проходитъ черезъ цѣлый рядъ все повышающихся ступеней. Существуютъ два очевидныхъ фактора, которые слѣдуетъ принять во вниманіе—существо и среда, въ которой оно живетъ или, какъ это часто говорится: организмъ и его среда. Основной принципъ м-ра Спенсера заключается въ томъ, что между этими двумя факторами происходитъ постоянное взаимодѣйствіе. Организмъ выработывается средою и измѣняется согласно требованіямъ среды. Жизнь, по его опредѣленію, есть „непрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ“.

Въ низшихъ организмахъ мы находимъ чувство осязанія, распространенное на все тѣло; затѣмъ, вслѣдствіе впечатлѣній, получаемыхъ извнѣ и соотвѣтствующихъ имъ приспособленій, отдѣльныя части поверхности дѣлаются чувствительнѣе къ извѣстнымъ впечатлѣніямъ, чѣмъ другія. Зарождаются отдѣльныя чувства, такъ какъ основаніемъ имъ служитъ то простое чувство осязанія, которое за 2,000 лѣтъ передъ симъ Демокритъ призналъ ихъ общимъ прародителемъ. Дѣйствіе свѣта первоначально выражается, повидимому, просто измѣненіемъ химическихъ процессовъ въ животномъ организмѣ, подобныхъ тому, которое происходитъ въ листьяхъ растеній. Мало помалу дѣйствіе сосредоточивается на немногихъ окрашенныхъ клѣточкахъ, болѣе чувствительныхъ къ свѣту, чѣмъ окружающая ткань. Вотъ зачатокъ глаза. Сначала онъ способенъ только передавать измѣненія свѣта и тѣни, совершающіяся на близкихъ разстояніяхъ. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ преграждение свѣта сопровождается соприкосновеніемъ близко лежащаго темнаго тѣла, то зрѣніе при этихъ условіяхъ становится какъ бы „упреждённымъ осязаніемъ“. Приспособленіе продолжается; появляется незначительная выпуклость—эпидерма надъ скопленіемъ пигментныхъ шариковъ. Является зачатокъ хрусталика, который, путемъ безконечныхъ приспособленій, достигаетъ наконецъ того совершенства, какимъ онъ отличается у сокола и у орла. То же самое происходитъ и съ остальными чувствами; они не что иное, какъ дифференцированіе ткани, которая первоначально вся сплошь была надѣлена неопредѣленной чувствительностью.

Съ развитіемъ чувствъ, приспособленія между организмомъ и средой постепенно расширяются въ пространствѣ; слѣдствіемъ чего является умноженіе опытовъ и соотвѣтствующихъ измѣненій. Приспособленія также расширяются во *времени*, захватывая постоянно все бóльшіе промежутки. Вмѣстѣ съ этимъ расширеніемъ въ пространствѣ и времени, приспособленія также растутъ относительно спеціализаціи и сложности, проходя черезъ различныя степени животной жизни и достигая наконецъ сферы разума. Замѣчанія м-ра Спенсера о вліяніи чувства осязанія на развитіе ума весьма поразительны. Послѣднее является, такъ-сказать, роднымъ языкомъ всѣхъ чувствъ, на который они должны быть переведены, чтобы стать полезными для организма. Отсюда его значеніе. Попугай—самая умная птица, и чувство осязанія развито въ немъ больше, чѣмъ у другихъ. При посредствѣ этого чувства онъ пріобрѣтаетъ знанія, недоступныя для птицъ, немогущихъ употреблять своихъ ногъ, какъ руки. Слонъ—умнѣйшее изъ четвероногихъ; такъ какъ умъ его основанъ на тонко-развитомъ чувствѣ осязанія, которымъ онъ обязанъ своему удивительно приспособленному хоботу. По той же причинѣ животныя изъ рода кошекъ умнѣе, чѣмъ копытныя; и исключеніемъ изъ этого правила является только лошадь, благодаря крайне чувствительнымъ губамъ. У *приматовъ* развитіе ума и чувствительности оконечностей идетъ рука объ руку. У умнѣйшихъ человѣкообразныхъ обезьянъ мы находимъ сильно развитое чувство осязанія, чтó облегчаетъ имъ пріобрѣтеніе наибольшей суммы знанія. Здѣсь человѣкъ завершаетъ лѣстницу, не только въ силу своего сильно развитаго чувства осязанія, но и въ силу громаднаго расширенія запаса его опыта, благодаря изобрѣтенію инструментовъ, которые служатъ какъ дополнительныя чувства и дополнительные члены. Взаимодѣйствіе этихъ послѣднихъ описано прекрасно. То сдержанное умственное волненіе, о которомъ я упоминалъ, говоря о м-рѣ Дарвинѣ, замѣчается также и у м-ра Спенсера. Его доказательства дышатъ порою чрезвычайной живостью и силой, и по его слогу въ этихъ случаяхъ можно заключить о присутствіи въ его разумѣ зачаточнаго поэтическаго таланта.

Крайне важенъ тотъ фактъ, что дѣйствія, выполненіе которыхъ требуетъ первоначально даже болѣзненнаго усилія и обдуманности, могутъ вслѣдствіе привычки сдѣлаться автоматическими. Посмотрите, какъ медленно выучиваетъ буквы ребенокъ, и какъ легко читаетъ взрослый впослѣдствіи, когда каждая группа буквъ, образующихъ слово, немедленно и безъ всякаго усилія сливается въ одно впечатлѣніе. Обратите вниманіе на игрока на билліардѣ: у него мускулы ру́ки и гла̀за безсознательно дѣйствуютъ за-одно. Обратите вниманіе на музыканта, который, благодаря практикѣ, способенъ соединять въ одинъ процессъ механической манипуляціи множество приспособленій звуковыхъ, осязательныхъ и мускульныхъ. Связуя эти формы съ ученіемъ о наслѣдственной передачѣ, мы получаемъ теорію инстинкта. Цыпленокъ, вылупившись изъ яйца, какъ слѣдуетъ, сохраняетъ равновѣсіе, бѣгаетъ, клюетъ пищу, показывая такимъ образомъ способность направлять свои движенія къ опредѣленной цѣли. Какимъ образомъ научился цыпленокъ такому весьма

сложному совмѣстному дѣйствію глаза, мускуловъ и клюва? Лично его не учили этому: его личная опытность *nil*, но онъ воспользовался наслѣдственной опытностью. Въ наслѣдованной имъ организаціи таятся всѣ силы, которыя онъ проявляетъ при рожденіи. Здѣсь мы видимъ, слѣдовательно, то же самое, чтó проявляется въ инстинктѣ обыкновенной пчелы, о которой упоминали выше. Разстояніе, на которомъ насѣкомыя размѣщаются, когда выдалбливаютъ свои сферы и строятъ свои ячейки, „запоминается органически".

Человѣкъ также приноситъ съ собой физическое строеніе своихъ предковъ, равно какъ и наслѣдственный умъ, связанный съ нимъ. Недостатокъ ума во время дѣтства и юношества происходитъ не столько отъ отсутствія личнаго опыта, сколько отъ того обстоятельства, что въ первомъ періодѣ жизни организація мозга все еще несовершенна. Время, необходимое для его усовершенствованія, измѣняется вмѣстѣ съ расой и индивидами. Подобно тому, какъ круглая пуля обгоняетъ нарѣзную пулю при вылетѣ изъ дула ружья, такъ и низшая раса въ дѣтствѣ можетъ обогнать высшую. Но высшая раса, въ концѣ-концовъ, обгоняетъ низшую и занимаетъ высшее мѣсто. Что касается индивидовъ, то мы не всегда находимъ, чтобы скороспѣлые юноши оставались умными въ зрѣлые годы; между тѣмъ какъ тупые мальчики иногда поражаютъ силой ума, когда возмужаютъ. Ньютонъ, будучи мальчикомъ, былъ слабъ и не выказывалъ особыхъ способностей въ школѣ; но на восемнадцатомъ году поступилъ въ кэмбриджскій университетъ и вскорѣ затѣмъ изумилъ своихъ учителей способностью къ рѣшенію геометрическихъ задачъ. Во время его тихаго отрочества мозгъ его медленно готовился стать органомъ тѣхъ силъ, которыя онъ впослѣдствіи выказалъ.

Посредствомъ миріады ударовъ (употребляю фразу изъ Лукреція) внѣшній видъ и явленія внѣшняго міра отпечатываются, какъ сознательныя впечатлѣнія въ организмѣ, причемъ глубина впечатлѣнія зависитъ отъ числа ударовъ. Когда два явленія или больше постоянно проявляются вмѣстѣ въ средѣ, то они отпечатываются равно глубоко или равно рельефно, и неразрывно связаны между собою. И вотъ, здѣсь мы вступаемъ на порогъ великаго вопроса. Кантъ, увидѣвъ, что онъ никакимъ образомъ не можетъ отдѣлаться отъ сознанія пространства и времени, призналъ ихъ непремѣнными „формами мысли", тѣми формами, въ которыя вливаются впечатлѣнія, считалъ, что онѣ принадлежатъ исключительно нашему „я" и не имѣютъ объективнаго существованія. Съ неожиданной силой и успѣхомъ м-ръ Спенсеръ выставляетъ теорію о наслѣдственной опытности для разрѣшенія этого вопроса. „Если существуетъ извѣстное число внѣшнихъ отношеній, которыя испытываются всѣми организмами во всѣ моменты ихъ существованія,—отношенія, безусловно постоянныя и всеобщія,—то должны существовать установленныя соотвѣтствующія внутреннія отношенія, которыя будутъ тоже постоянными и всеобщими. Такія отношенія мы имѣетъ въ отношеніяхъ пространства и времени. Какъ *substratum* всѣхъ другихъ отношеній *non-ego*, имъ должны соотвѣтствовать такія концепціи, которыя являются *substratum* всѣхъ другихъ отношеній въ *ego*. Будучи постоянными и безконечно повторяющимся элементами мысли, они должны сдѣ-

латься автоматическими элементами мысли, отъ которыхъ невозможно отдѣлаться—„формами созерцанія".

Примѣненіемъ и расширеніемъ „закона о нераздѣльной ассоціаціи", м-ръ Спенсеръ становится совсѣмъ на иную точку зрѣнія, чѣмъ м-ръ Джонъ Стюартъ Милль, опираясь на скопленный опытъ расы, вмѣсто опыта особи. Онъ, мнѣ кажется, вполнѣ опровергъ ограниченіе, поставленное м-ромъ Миллемъ опыту. Ставя это ограниченіе, м-ръ Милль не признаетъ силу организаторской опытности, получаемой каждой особью при рожденіи; онъ не признаетъ различныхъ степеней этой способности, которыми надѣлены различныя расы и различныя особи одной и той же расы. Если бы мозгъ человѣка не обладалъ способностью, опережающей всякій опытъ, то собака или кошка были бы такъ же способны къ образованію, какъ и человѣкъ. Эти предопредѣленныя внутреннія отношенія независимы отъ опытности особи. Человѣческій мозгъ есть „организованный складъ безчисленныхъ опытовъ, полученныхъ въ теченіи жизни или, скорѣе, въ теченіи жизни такого ряда организмовъ, путемъ которыхъ произошелъ человѣческій организмъ". Дѣйствія самыхъ однообразныхъ и частыхъ изъ этихъ опытовъ постепенно передавались по наслѣдству, и мало по-малу привели къ тому высокому уму, который находится въ скрытомъ состояніи въ мозгу ребенка. Такимъ образомъ мы видимъ, что европеецъ наслѣдуетъ отъ двадцати до тридцати кубическихъ дюймовъ мозга больше, чѣмъ папуасъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что извѣстныя способности, какъ, напр., къ музыкѣ, которыя едва существуютъ у нѣкоторыхъ низшихъ расъ, становятся прирожденными въ высшихъ. Такимъ же образомъ мы видимъ, что изъ дикарей, неспособныхъ сосчитать свои пальцы и говорящихъ на языкѣ, содержащемъ одни существительныя и глаголы, появляются наконецъ Ньютоны и Шекспиры.

Въ началѣ этой рѣчи было сказано, что физическія теоріи, которыхъ нельзя провѣрить на опытѣ, произошли путемъ вывода изъ опыта. Поучительно прослѣдить съ этой точки зрѣнія постепенное введеніе новыхъ понятій. Идеѣ о силѣ притяженія предшествовало наблюденіе того факта, что желѣзо притягивается магнитомъ, а мелкія тѣла натертымъ янтаремъ. Полярность магнетизма и электричества доступна чувствамъ, и такимъ образомъ явилось *substratum* представленія, что атомы и частицы снабжены опредѣленными, положительными и отрицательными полюсами, дѣйствіемъ которыхъ произошли опредѣленныя формы кристаллическаго строенія. Такимъ образомъ, молекулярная сила становится строительной. Не требовалось большой смѣлости мысли, чтобы распространить ея дѣйствія и на органическую природу, и признать въ молекулярной силѣ тотъ фосфоръ, посредствомъ котораго построены какъ растенія, такъ и животныя. Такимъ образомъ, путемъ опыта возникаютъ представленія, которыхъ нельзя провѣрить на опытѣ.

Проявленіе органической жизни—такой пунктъ, который лишь слегка затрогивается м-ромъ Дарвиномъ и м-ромъ Спенсеромъ. Уменьшая постепенно число прародичей, м-ръ Дарвинъ приходитъ наконецъ къ одной „первобытной формѣ", но онъ не говоритъ, сколько мнѣ помнится, чтобы эта форма была введена въ міръ

готовой. Онъ съ удовольствіемъ цитируетъ слова одного знаменитаго автора изъ духовныхъ, который „постепенно научился думать, что вѣра въ то, чтó Богъ создалъ нѣсколько оригинальныхъ формъ, способныхъ къ саморазвитію, такъ же возвышенна, какъ и вѣра въ то, что ему нужно было прибѣгать къ творчеству всякій разъ, когда требовалось пополнить пробѣлы, оставленные дѣйствіемъ его законовъ". Чтó думаетъ м-ръ Дарвинъ о такомъ взглядѣ на происхожденіе жизни, я не знаю. Приписываетъ ли онъ или нѣтъ свою „первобытную форму" „творческой силѣ",—я не знаю. Но вопросъ возникаетъ неизбѣжно: какимъ образомъ появилась эта форма? Что касается сокращенія числа созданныхъ формъ, нельзя сказать, чтобы этимъ много выигрывалось. Антропоморфизмъ, который повидимому имѣлъ цѣлью устранить м-ръ Дарвинъ, такъ же присущъ идеѣ о созданіи немногихъ формъ, какъ и идеѣ о созданіи множества формъ. Здѣсь намъ нужны ясность и послѣдовательность, тутъ возможны два пути, и *только* два. Или, допустимъ смѣло представленіе о творческой силѣ, или, устранивъ его, радикально измѣнимъ наши понятія о матеріи. Если мы будемъ смотрѣть на матерію такъ, какѣ на нее смотрѣлъ Демокритъ и какъ ее опредѣляютъ цѣлыя поколѣнія нашихъ учебниковъ, то абсолютная невозможность того, чтобы какая-нибудь форма жизни произошла изъ нея, сдѣлаетъ всякую другую гипотезу предпочтительной; но опредѣленія матеріи, даваемыя нашими учебниками, имѣютъ въ виду объяснить исключительно ея физическія и механическія свойства. И, привыкнувъ считать эти опредѣленія законченными, мы естественно и справедливо отбрасываемъ чудовищную мысль, чтобы изъ *такой* матеріи могла произойти какая-нибудь форма жизни. Но развѣ эти опредѣленія законченныя? Все зависитъ отъ отвѣта, который мы дадимъ на этотъ вопросъ. Прослѣдите цѣль жизни въ обратномъ отношеніи и поглядите, какъ она все болѣе и болѣе приближается къ тому, чтó мы называемъ чисто физическимъ состояніемъ. Мы достигаемъ наконецъ тѣхъ организмовъ, которые я сравнивалъ съ каплями масла, впущенными въ смѣсь алкоголя съ водой. Мы достигаемъ *protogenes* Геккеля, въ которыхъ мы имѣемъ „типъ, отличающійся отъ кусочка бѣлковины только своимъ красивымъ зернистымъ сложеніемъ". Можемъ ли мы на этомъ остановиться? Мы переламываемъ магнитъ, и находимъ два полюса въ каждомъ изъ обломковъ. Мы продолжаемъ ломать его, но какъ бы ни были малы части, каждая сохраняетъ въ себѣ, хотя и въ слабѣйшей степени, полярность цѣлаго. А когда намъ уже нельзя больше продолжать ломать магнитъ, то мы переносимъ умственное представленіе на частицы магнита. Не слѣдуетъ ли намъ предпринять нѣчто подобное и относительно жизни? Развѣ не является при этомъ охота повторить слова Лукреція, который утверждаетъ, что „природа, какъ мы это видимъ, творитъ все произвольно изъ самой себя", или слова Бруно, когда онъ объявляетъ, что матерія не есть „та чисто пустая *capacity*, какъ ее изображали философы, но всеобщая мать, которая производитъ всѣ вещи изъ своей собственной утробы?" Вопросы, возникающіе при этомъ, неизбѣжны. Они надвигаются на насъ съ усиленной скоростью, и для насъ небезразлично, будутъ ли они поставлены такъ или иначе.

Оставляя въ сторонѣ всякія недомолвки, я считаю себя обязаннымъ высказать свое признаніе, а именно, что я храню въ себѣ убѣжденіе, передаваемое изъ вѣка въ вѣкъ, относительно очевидности, основанной на опытѣ, и усматриваю въ матеріи, которую мы въ своемъ невѣжествѣ, сохраняя однако благоговѣніе къ ея Творцу, презираемъ, — усматриваю въ этой матеріи обѣтъ и залогъ всякой формы и качества жизни.

Это назовутъ „матеріализмомъ", но такой матеріализмъ весьма отличается отъ того, о которомъ у васъ составилось понятіе, а потому и прошу васъ выслушать меня до конца. „Вопросъ о внѣшнемъ мірѣ", говоритъ м-ръ Джонъ Стюартъ Милль, „является великимъ театромъ битвъ для метафизиковъ". Самъ м-ръ Милль ограничиваетъ внѣшнія явленія „возможностью ощущенія". Кантъ, какъ мы видѣли, считалъ время и пространство „формами" нашихъ собственныхъ созерцаній. Фихте, доказавъ себѣ сначала путемъ неумолимой логики разума, что онъ простое звено въ цѣпи вѣчныхъ причинностей, которыя такъ строго связаны другъ съ другомъ въ природѣ, насильственно разорвалъ цѣпь, признавъ природу и „все, что ей присуще", представленіемъ его собственнаго ума [1]). И вовсе не легко оспаривать подобныя мнѣнія; ибо, когда я говорю: я вижу васъ, и утверждаю, что нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь,—мнѣ отвѣчаютъ: что то, что̀ я на самомъ дѣлѣ сознаю, есть впечатлѣніе, воспринимаемое сѣтчатой оболочкой вашего глаза. Если же я возражу: я могу провѣрить то, что вижу васъ, дотронувшись до васъ, то мнѣ отвѣтятъ, что я опять переступаю за предѣлы факта; потому что то, что̀ я дѣйствительно сознаю, это не то, что вы тутъ находитесь, но то, что нервы моей руки ощутили перемѣну. Все, что̀ мы слышимъ, видимъ, ощущаемъ, осязаемъ и обоняемъ — станутъ намъ доказывать—есть не что иное, какъ простыя измѣненія въ нашемъ собственномъ состояніи, за предѣлы котораго мы не можемъ отступать ни на волосъ. Что то, что̀ нѣчто отзывается на наши впечатлѣнія извнѣ насъ самихъ, есть не *фактъ*, но *заключеніе*, законность котораго будетъ отрицаться идеалистомъ, какъ Бэркели, или скептикомъ, какъ Юмъ. М-ръ Спенсеръ избираетъ другой путь. Онъ, подобно любому необразованному человѣку, не заявляетъ сомнѣнія или вопроса касательно существованія внѣшняго міра. Но онъ отличается отъ необразованнаго человѣка, который думаетъ, что міръ дѣйствительно таковъ, какимъ онъ его сознаетъ.

Состоянія нашего сознанія суть не что иное, какъ *символы* внѣшней сущности, которая производитъ ихъ и опредѣляетъ тотъ порядокъ, въ какомъ они слѣдуютъ, но истинную природу ихъ мы никогда не можемъ узнать. На дѣлѣ весь процессъ развитія есть проявленіе силы, безусловно недоступной изслѣдованію человѣческаго разума. Въ наши дни такъ же, какъ и во дни Іова, человѣку невозможно открыть, что̀ это за сила. Если мы будемъ разсматривать сущность вещей, то должны признать, что жизнь возникаетъ, виды дифференцируются, а умъ развивается изъ предыдущихъ элементовъ, накопленныхъ въ теченіи неизмѣримаго ряда вѣковъ дѣйствіемъ

---

[1]) Bestimmung des Menschen.

неразгаданной таинственной силы. Въ этомъ, какъ видите, еще не видно очень грубаго матеріализма.

Значеніе ученія о постепенномъ развитіи заключается не въ экспериментальныхъ доказательствахъ (потому что этотъ предметъ едва ли доступенъ такому способу доказательства), но въ его общей гармоніи съ методомъ природы, доселѣ намъ извѣстномъ. Мы имѣемъ представленіе, что все, что̀ мы видимъ вокругъ себя и ощущаемъ внутри себя—явленія физической природы, равно какъ и человѣческаго ума—имѣютъ свои скрытые отъ изслѣдованія корни въ космической жизни (если я смѣю употребить этотъ терминъ),—безконечно малый моментъ которой доступенъ изслѣдованію человѣка. И даже этотъ моментъ извѣстенъ лишь отчасти. Мы можемъ прослѣдить развитіе нервной системы и связать съ нею параллельныя явленія ощущенія и мысли. Мы видимъ съ несомнѣнной достовѣрностью, что они идутъ рука объ руку. Но мы блуждаемъ въ пустотѣ, когда стремимся понять связь между ними. Тутъ нужна Архимедова точка опоры, которой умъ человѣческій не въ состояніи найти. И, заимствуя сравненіе у одного изъ моихъ знаменитыхъ друзей, желаніе разрѣшить эту задачу напоминаетъ усилія человѣка, который бы пытался поднять самого себя за собственный поясъ. Все, что̀ здѣсь сказано, слѣдуетъ принимать въ связи съ этой основной истиной. Когда говорится о „зачаточныхъ чувствахъ", о „дифференцированіи ткани, вначалѣ чувствительной сплошь", и когда эти процессы связываются съ „измѣненіемъ организма подъ вліяніемъ его среды", то при этомъ проводится такая же точно параллель, безъ соприкосновѐнія или даже попытки къ соприкосновенію. Между этими двумя классами фактовъ не можетъ быть никакого слiянія, — въ умѣ человѣческомъ не имѣется достаточно силы, чтобы совершить это безъ логическаго перерыва между ними!

Далѣе: ученіе о развитіи объясняетъ происхожденіе человѣка взаимодѣйствіемъ организма и среды въ теченіи безчисленнаго ряда вѣковъ. Человѣческій разумъ, напримѣръ, есть такой же результатъ взаимодѣйствія между организмомъ и средой въ теченіи космическаго ряда вѣковъ. Никогда, безъ сомнѣнія, давность не предъявляла такія неоспоримыя права. Но, между тѣмъ оказывается, что, кромѣ разума, есть много другихъ вещей, присущихъ человѣку, права которыхъ на давность такъ же сильны, какъ и права самого разума. Такъ, напримѣръ, то, что сахаръ сладокъ, а алоэ горько, что запахъ бѣлены отличается отъ запаха розы, есть взаимодѣйствіе организма и его среды. Такіе факты сознанія (которые, говоря мимоходомъ, до сихъ поръ еще не объяснены, какъ слѣдуетъ) такъ же почти стары, какъ и самъ разумъ, и многія другія вещи могутъ претендовать на одинаково древнее происхожденіе. М-ръ Спенсеръ въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ о самой сильной изъ всѣхъ страстей—половой любви—какъ о такой, которая тамъ, гдѣ она появилась, предшествуетъ всѣмъ опытамъ, относящимся до нея. И мы можемъ допустить, что ея права по крайней мѣрѣ такъ же древни и такъ же законны, какъ и права самого разума. Затѣмъ, въ характерѣ человѣка сказываются такія чувства, какъ страхъ, благоговѣніе, изумленіе—и не только вышеупомянутая половая любовь, но и любовь

къ красотѣ, физической и нравственной, въ природѣ, поэзіи и искусствѣ. Въ немъ живетъ также то глубокое чувство, которое съ самыхъ первыхъ историческихъ временъ и, по всей вѣроятности, задолго до всякой исторіи воплотилось въ религіяхъ міра.

Вы, которые стали выше этихъ древнихъ религій и витаете въ гордой и свѣтлой сферѣ разума, — вы можете смѣяться надъ ними; но, дѣлая это, вы смѣетесь только надъ случайностями формы, и не въ силахъ поколебать неизмѣнныхъ основъ религіознаго чувства въ чувствовательной природѣ человѣка. Найти для этого чувства разумное удовлетвореніе—есть труднѣйшая изъ задачъ настоящаго времени. И какъ бы ни были нелѣпы, по отношенію къ научной культурѣ, многія изъ древнихъ религій міра, и какъ бы опасны и разрушительны онѣ ни были для драгоцѣннѣйшаго блага свободы—мы поступимъ раціонально, если признаемъ ихъ формами силы, способной, подъ руководствомъ здравой мысли, привести къ возвышеннымъ результатамъ въ области чувства, которая и есть ея настоящая сфера. Безполезно бороться съ этой силой, съ цѣлью ея искорененія. Но противъ чего мы будемъ бороться, если нужно,—это именно противъ всякой попытки основать на стихійныхъ стремленіяхъ человѣческой природы такую систему, которой бы предоставлено было деспотическое господство надъ умомъ человѣка. Я не боюсь такого исхода. Наука уже до нѣкоторой степени овладѣла міромъ, и будетъ овладѣвать имъ все болѣе и болѣе. Я надѣюсь, что кроткій свѣтъ науки, озаривъ умы ирландской молодежи и постепенно укрѣпивъ ихъ, будетъ служить оплотомъ противъ умственной или духовной тиранніи, которая можетъ угрожать этому острову, лучше, чѣмъ вооруженная сила. Какое основаніе имѣемъ мы бояться? Мы боролись и одолѣли папизмъ даже въ среднихъ вѣкахъ: почему станемъ мы сомнѣваться въ исходѣ теперешней борьбы?

Несокрушимая позиція науки можетъ быть очерчена въ немногихъ словахъ. Всѣ схоластическія теоріи, схемы и системы, должны, рано или поздно, подчиниться контролю науки и отказаться отъ всякой мысли контролировать ее. Противоположный образъ дѣйствія оказался гибельнымъ въ прошломъ и просто неразуменъ въ настоящее время. Всякая система, желающая избѣжать участи организма, слишкомъ неподатливаго на приспособленія къ средѣ, должна быть пластична въ томъ размѣрѣ, какого требуетъ развитіе знанія. Когда эта истина будетъ вполнѣ признана, неподатливость смягчится, исключительность ограничится, вещи, признаваемыя нынѣ существенными, будутъ оставлены, и элементы, нынѣ отвергаемые, будутъ признаны. Главная задача заключается въ повышеніи житейскаго уровня. Уэвель считаетъ энтузіазмъ въ характерѣ помѣхой наукѣ; но онъ имѣетъ въ виду энтузіазмъ слабыхъ головъ. Энтузіазмъ встрѣчается и у сильныхъ и рѣшительныхъ людей, и въ немъ наука находитъ себѣ союзника. И, вообще, скорѣе ослабленію этого огня, чѣмъ уменьшенію умственныхъ силъ слѣдуетъ приписать ослабленіе производительности ученыхъ въ зрѣлые годы. М-ръ Бокль думалъ отдѣлить умственное развитіе отъ нравственной силы. Онъ впалъ въ серьёзную ошибку: безъ нравственной силы, которая бы толкала на дѣйствіе, развитіе ума будетъ безсильно.

Говорили, что наука обособляется отъ литературы: это утвер: деніе, подобно многимъ другимъ, порождено недостаткомъ знан: Стóитъ взглянуть на болѣе популярныя сочиненія вождей наук Гельмгольца, Гёксли и Дюбуа-Реймона,—чтобы увидѣть, какой обши ной литературной культурой обладаютъ они. Кто изъ современны: писателей превосходитъ ихъ по ясности и энергіи литературна слога? Наука не желаетъ изолироваться, но свободно присоединяет ко всякому усилію, клонящемуся къ улучшенію быта людей. Свои собственными усиліями, не поддерживаемая внѣшней симпатіей, черпая силы въ самой себѣ, она вывела, наконецъ, одинъ больш флигель того много-этажнаго зданія, которое требуется въ общ сложности человѣку. И если голыя стѣны и выдающіеся концы (локъ показываютъ, что съ одной стороны зданіе не достроено, то і можемъ надѣяться достроить его лишь путемъ мудраго соединен тѣхъ частей, которыя еще предстоитъ выстроить, съ тѣми. котор уже построены. Между тѣмъ, чтó сдѣлано, и тѣмъ, чтó остается сд лать, вовсе не существуетъ непреодолимаго антагонизма. Нравстве ный ореолъ Сократа, который мы всѣ сознаемъ, не имѣетъ въ се ничего несовмѣстимаго съ физикой Анаксагора, которую онъ та презиралъ, но врядъ ли бы сталъ презирать въ настоящее врем И тутъ мнѣ приходитъ на память одинъ изъ насъ, устарѣвшій, все еще сильный, пророческій голосъ котораго, лѣтъ тридцать то назадъ, болѣе чѣмъ чей другой въ этомъ столѣтіи, высказалъ, сколь жизни и благородства скрывается въ одареннѣйшихъ умахъ,—чел вѣкъ, достойный стоять на ряду съ Сократомъ или съ Элеазаро Маккавеемъ, и дерзать и выстрадать все то, чтó они дерзали и в страдали, — способный, какъ онъ однажды сказалъ о Фихте, „бы учителемъ въ *Stoa*, и обсуждать красоту и добродѣтель въ роща академіи". Онъ былъ одаренъ способностью схватывать физичесі начала, которой не обладалъ его другъ Гёте, и даже полное отс ствіе упражненія этой способности не могло довести ее до атроф Міръ много потерялъ отъ того, что онъ, будучи во цвѣтѣ лѣтъ, направилъ своего ума и симпатій къ наукѣ и не счелъ своей м сіей относительно человѣчества представить послѣднему ея вывод Богато одаренный, какъ со стороны сердца, такъ и со стороны у онъ могъ бы сдѣлать многое въ дѣлѣ обученія насъ тому, кàкъ п мирить требованія того и другого и помочь имъ на будущее вре дѣйствовать за-одно, съ полнымъ единствомъ духа и миролюбіе

А теперь пора кончить. Человѣкъ, у котораго было бы въ распо женіи больше времени и болѣе даровитый и знающій, могъ бы лучі сказать то, чтó здѣсь высказано, и дать надлежащее выраженіе тѣ вопросамъ, которые здѣсь пропущены. Но онъ не уклонился существенно отъ изложенныхъ здѣсь взглядовъ. Что касается ме самого, то я пріобрѣлъ эти взгляды не въ одинъ день; и что і сается васъ, то, мнѣ кажется, вамъ слѣдуетъ знать среду, котор хотите вы этого или нѣтъ, быстро измѣняется вокругъ васъ и по (ношенію къ которой съ вашей стороны требуется нѣкоторое п способленіе. Одинъ намекъ Гамлета, впрочемъ, научилъ насъ, ка должны окончиться треволненія обыденной жизни; и какъ для ва(такъ и для меня совершенно возможно купить умственное спок(

ствіе цѣною умственной смерти. Міръ не безъ убѣжищъ такого рода; нѣтъ недостатка также и въ людяхъ, которые ищутъ въ нихъ пріютъ и стараются убѣдить другихъ послѣдовать ихъ примѣру. Но въ наукѣ, какъ бы то ни было, есть жизнь, а потому и надежда. Я касался спорныхъ вопросовъ и ставилъ васъ на опасную почву—и это частью затѣмъ, чтобы сказать вамъ и черезъ васъ міру, что относительно этихъ вопросовъ наука требуетъ неограниченной свободы изслѣдованія. Не затѣмъ это нужно, чтобы сказать, что воззрѣнія Лукреція и Бруно, Дарвина и Спенсера могутъ бы ошибочны. Я допускаю возможность, предполагаю несомнѣннымъ даже, что эти воззрѣнія измѣнятся. Дѣло же въ томъ, ошибочны они или нѣтъ, но наука требуетъ права обсуждать ихъ. Почва, которую они попираютъ, есть почва научная, и право, котораго наука требуетъ, добыто путемъ страданій и треволненій, перенесенныхъ въ болѣе мрачныя времена, чѣмъ наши, но окончившихся безсмертными побѣдами, которыя наука одержала для человѣческаго рода. Я укажу также на неизбѣжное развитіе человѣческаго разума, на пути знанія и неутолимыя требованія его этической природы, которой разумъ никогда не можетъ удовлетворить. Вселенная обнимаетъ не только Ньютона, но и Шекспира, не только Бейля, но и Рафаэля, не только Канта, но и Бетховена, не только Дарвина, но и Карлейля. Не отдѣльныя изъ этихъ личностей являются представителями человѣческой природы во всей ея полнотѣ, но всѣ онѣ вмѣстѣ. Онѣ не противуположны другъ другу, но дополняютъ другъ друга,—не исключаютъ одинъ другого, но примиряютъ. И если человѣческій умъ, все еще неудовлетворенный, испытывая томленіе странника по далекой отчизнѣ, обратится къ тайнѣ, изъ которой онъ произошелъ, стремясь проникнуть ее, настолько, чтобы имѣть возможность объединить мысль и вѣру,—то, пока сюда не примѣшивается нетерпимости или ханжества, а напротивъ, допускается просвѣщенное воззрѣніе, что въ этой области невозможно установить окончательной неподвижности взглядовъ и что каждое поколѣніе вольно понимать тайну въ согласіи съ своими собственными нуждами,—я стану утверждать наперекоръ всѣмъ ограниченіямъ матеріализма, что здѣсь открывается поле для благороднѣйшаго упражненія того, что́, въ противоположность *знанію*, можетъ быть названо *творческой* способностью человѣка. Тутъ однако я долженъ покончить съ задачей слишкомъ великой для меня, но которая будетъ занимать благороднѣйшіе умы, цѣлые вѣка спустя послѣ того, какъ мы съ вами, подобно полосамъ утренняго тумана, разсѣемся въ безконечной лазури прошлаго.

А. Э.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е декабря, 1874.

Уравненіе гражданскихъ правъ.—Узаконеніе раскольничьихъ браковъ.—Вопросъ о юридическомъ бракѣ.—Военная служба донскихъ казаковъ.—Перепись евреевъ.—Отпускъ новобранцевъ по домамъ.—Вопросъ объ учрежденіи новой, одесской губерніи.

Совершенствованіе законодательства, при всемъ разнообразіи его путей и обнимаемыхъ имъ сторонъ народнаго быта, можетъ быть подведено подъ одну общую формулу, выражено однимъ простымъ и яснымъ девизомъ: цѣль совершенствованія законовъ всегда одна и та же — предоставить всѣмъ гражданамъ и личнымъ единицамъ въ государствѣ равную защиту, равное покровительство и пособіе съ его стороны, и разложить между ними равномѣрно всѣ государственныя тягости. Учрежденія, то-есть какъ законы, такъ и óрганы государственной власти, представляютъ только средства для достиженія этой непреложной цѣли, и совершенствованіе ихъ совершается для приближенія къ ней. Если мы взглянемъ на дѣятельность нашего законодательства за періодъ, начавшійся освобожденіемъ крестьянъ, то убѣдимся, что всѣ значительнѣйшія его усилія происходили именно въ такомъ направленіи, и что для приближенія къ этой цѣли сдѣлано было, въ относительно короткое время, весьма много. Законодательствомъ устранены многія весьма важныя препятствія равноправности, имъ самимъ прежде созданныя, а обществу были даны нѣкоторые óрганы для уравненія тягостей и равномѣрнаго удовлетворенія потребностей народа въ благоустройствѣ, образованіи и пособіяхъ разнаго рода. Нѣтъ спору однако, остаются еще и доселѣ на этомъ пути многія препятствія, грани, и изъятія, подлежащія устраненію. Остается еще пока дѣленіе сословій на податныя и неподатныя—различіе, держащееся только до преобразованія системы прямыхъ налоговъ; западныя окраины государства остаются пока въ положеніи исключительномъ, не имѣя ни земскихъ учрежденій, ни

судебныхъ установленій, основанныхъ на общихъ началахъ, а частью неся еще контрибуціонный процентный сборъ; ихъ уроженцы польскаго происхожденія ограничены въ нѣкоторыхъ правахъ въ пріобрѣтеніи земель, поступленіи на службу и даже въ доступѣ къ образованію. Въ самыхъ внутреннихъ губерніяхъ, подлежавшихъ полному дѣйствію реформъ послѣдняго времени, этими реформами еще не были устранены весьма крупныя условія неравноправности: государство, которое въ дѣлѣ образованія сосредоточило свои заботы главнымъ образомъ на среднемъ и отчасти на высшемъ образованіи, сдѣлало пока для народной школы весьма мало, сравнительно съ важностью ея въ общей системѣ народнаго быта; кромѣ того, многіе милліоны великорусскаго племени, отпавшіе отъ православной церкви, находились какъ-бы въ отлученіи отъ государства или, по меньшей мѣрѣ, отъ утверждаемыхъ имъ правъ гражданскихъ, считались поголовно незаконнорожденными и живущими въ прелюбодѣяніи; изъятія цѣлыхъ сословій отъ воинской повинности были отмѣнены важнѣйшею реформою истекающаго нынѣ года, но оставались еще сословія, обязанныя долгосрочною военною службой. Наконецъ, въ составѣ русскихъ гражданъ находятся еще милліоны евреевъ, лишенныхъ общаго права всѣхъ гражданъ селиться по всей имперіи. Такимъ образомъ, оставалось или остается еще немало людей, стоящихъ внѣ общаго права или въ неравныхъ съ своими согражданами условіяхъ по отношенію къ общему праву. Дальнѣйшая работа законодательства, очевидно, должна состоять прежде всего въ устраненіи этихъ крупныхъ неравноправностей, имъ же созданныхъ въ прежнее время по разнымъ временнымъ соображеніямъ или просто по ошибкѣ. Предметы, о которыхъ намъ предстоитъ говорить на этотъ разъ, относятся именно къ категоріи неравноправностей, подлежащихъ устраненію. Но прежде чѣмъ обратиться къ нимъ въ отдѣльности, нелишне было напомнить объ общей цѣли, какую имѣетъ и должно имѣть совершенствованіе законодательства; затѣмъ, уже само собою разумѣется, что еслибы, стремясь къ доставленію гражданамъ въ равной мѣрѣ своей защиты и пособія, и къ уравненію ихъ въ тягостяхъ, допущены были бы еще вновь какія-либо отступленія отъ этого принципа, то это не представлялось бы раціональнымъ, такъ-какъ нельзя стремиться къ уравненію всѣхъ въ правахъ, подвергая при этомъ кого-либо изъятію.

Совершенно своеобразное положеніе раскольниковъ въ Россіи передъ гражданскими законами подверглось значительному измѣненію законодательнымъ актомъ, который былъ утвержденъ еще въ апрѣлѣ и обнародованъ въ половинѣ минувшаго октября. Сколько

раскольниковъ въ Россіи въ дѣйствительности—неизвѣстно, и останется неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, пока хотя бы только значительное меньшинство ихъ будетъ избѣгать сношеній съ властями. Одни принимаютъ общее число раскольниковъ въ 11—15 милліоновъ душъ; другіе идутъ еще дальше; всего менѣе достовѣрными здѣсь, по самому свойству дѣла, могли быть, конечно, цифры оффиціальныя, по которымъ общее число раскольниковъ въ европейской Россіи не доходило и до 1 милліона душъ. Все это, во всякомъ случаѣ огромное, населеніе находилось внѣ гражданскихъ правъ, потому что акты о состояніи, метрическія книги ведутся духовенствомъ господствующаго и признанныхъ исповѣданій. Теперь раскольникамъ открывается доступъ къ пріобрѣтенію гражданскихъ правъ посредствомъ свѣтскихъ метрикъ; 19 апрѣля утверждено было мнѣніе государственнаго совѣта объ установленіи метрическихъ книгъ для записи браковъ, рожденія и смерти раскольниковъ и правила объ этой метрической записи для нихъ. Мнѣніе государственнаго совѣта опредѣлило условія перехода отъ прежняго положенія раскольниковъ къ дѣйствію новаго закона, а потому необходимо сперва изложить главныя, относящіеся сюда, опредѣленія. Ими постановлено, что тѣ раскольники, которые записаны мужемъ и женою въ ревизскихъ сказкахъ десятой ревизіи, признаются состоявшими въ законномъ бракѣ супругами, и показанныя по ревизіи дѣти ихъ почитаются законными дѣтьми, доколѣ правильность ревизскихъ показаній не будетъ опровергнута по суду, для чего однако, какъ будетъ сейчасъ сказано, установляется срокъ давности. Дѣти, которыя родились отъ такихъ браковъ, удостовѣренныхъ ревизіею уже послѣ ея производства, могутъ быть вносимы во вновь установляемыя метрическія книги, по просьбамъ родителей и опекуновъ, на основаніи показаній двухъ свидѣтелей. Раскольничьи браки, заключенные послѣ десятой ревизіи, и происходящія отъ нихъ дѣти записываются въ метрическія книги для раскольниковъ; при этомъ для внесенія въ книгу брака требуется, чтобы оба супруга были еще въ живыхъ, а для внесенія въ книгу дѣтей требуется просьба ихъ родителей и опекуновъ или ихъ самихъ, а если одного или обоихъ родителей уже нѣтъ въ живыхъ, требуется заявленіе именъ и состоянія родителей мѣстному полицейскому или волостному управленію и удостовѣреніе двухъ свидѣтелей. Оспариваніе брака и законности дѣтей раскольниковъ, признанныхъ на основаніи ревизскихъ сказокъ, въ огражденіе правъ третьихъ лицъ, предоставляется каждому, но съ тѣмъ, чтобы оспаривающій доказалъ, что между записанными по ревизіи мужемъ и женой не существовало постояннаго супружескаго союза по обрядамъ ихъ вѣрованія, или онъ противорѣчилъ общимъ гражданскимъ зако-

намъ, или что дѣти не родились отъ тѣхъ лицъ. Притомъ, всѣ споры по этому предмету должны быть предъявлены суду не позже двухъ лѣтъ со дня обнародованія закона и въ нѣкоторыхъ случаяхъ со дня метрической записи дѣтей. Наконецъ, оговорено еще, что постановленія этого закона о признаніи дѣйствительности браковъ и законности рожденія дѣтей раскольниковъ за прошедшее время не имѣютъ обратной силы по дѣламъ объ имуществѣ, и не могутъ служить основаніемъ для какого бы то ни было иска по имуществу за время, предшествовавшее изданію закона. Необходимо удержать въ памяти, что тѣ изъ приведенныхъ постановленій, которыя относятся собственно къ бракамъ, которые могутъ быть удостовѣрены сказками 10-й ревизіи, обнимаютъ только незначительное, сравнительно, число раскольниковъ; ревизскія показанія служили источникомъ для оффиціальныхъ статистическихъ цифръ, по которымъ раскольниковъ въ Россіи оказывалось менѣе милліона душъ; сверхъ того, далеко не всѣ раскольники, состоявшіе въ бракѣ, были по ревизіи показаны мужемъ и женой. Не совсѣмъ ясно, почему постановленія эти не предоставляютъ раскольникамъ, вступившимъ въ бракъ до 10-й ревизіи, но не записаннымъ въ ней мужемъ и женой, заносить свои браки въ метрическія книги на такомъ же основаніи, какъ то установляется для раскольниковъ, вступившихъ въ бракъ послѣ 10-й ревизіи. Затѣмъ, по отношенію къ прошедшему времени вообще, главная сила новыхъ постановленій заключается въ примѣненіи ихъ именно къ бракамъ этой послѣдней категоріи, то-есть къ бракамъ, заключеннымъ послѣ 10-й ревизіи.

Перейдемъ теперь къ самымъ правиламъ о метрической записи браковъ, рожденія и смерти раскольниковъ; значеніе эти правила имѣютъ какъ для узаконенія браковъ между раскольниками послѣ послѣдней ревизіи и дѣтей, прижитыхъ въ бракахъ, удостовѣренныхъ ревизіею, и рожденныхъ послѣ нея, такъ—и въ особенности—для будущаго времени, конечно, для открытія всему раскольничьему населенію, принимающему бракъ въ смыслѣ союза постояннаго—доступа къ пользованію общими гражданскими правами. Сущность всей этой реформы выражается въ первой статьѣ „правилъ“, въ которой постановляется, что „браки раскольниковъ пріобрѣтаютъ въ гражданскомъ отношеніи, чрезъ записаніе въ установленныя для сего особыя метрическія книги, силу и послѣдствія законнаго брака“. Но, допуская такое узаконеніе браковъ, заключенныхъ на основаніи религіозныхъ церквей, государствомъ непризнанныхъ, новый законъ однако примѣняетъ къ нимъ условія, установленныя общими гражданскими законами, которыя въ этомъ отношеніи основались на правилахъ церкви православной. Такимъ образомъ, новый законъ не

допускаетъ узаконенія такихъ браковъ между раскольниками, которые воспрещены гражданскими законами, то-есть не только по недостиженію супругами установленнаго возраста, по умопомѣшательству и доказанной неспособности къ брачному сожитію, но и по степенямъ родства и свойства, указаннымъ въ гражданскихъ законахъ, именно на основаніи правилъ православной церкви; въ случаѣ сомнѣнія въ отношеніи степеней родства и свойства, служащихъ препятствіемъ къ браку, предоставляется даже обращаться за разъясненіемъ къ духовнымъ властямъ, то-есть къ православнымъ. Стало-быть, если по обычаямъ какой-либо секты вдовецъ можетъ вступить въ бракъ съ свояченицей, то законъ ему этого не дозволитъ или откажетъ въ своемъ признаніи такого брака, а также и въ признаніи брака между двоюроднымъ братомъ и сестрой, между тѣмъ, какъ законъ гражданскій вполнѣ признаетъ тотъ и другой бракъ, если они заключены между протестантами, безусловно, и между католиками съ особаго разрѣшенія ихъ духовной власти. Недостатокъ новаго закона здѣсь очевиденъ, но устраненъ онъ быть не могъ, такъ какъ государство продолжаетъ не признавать за раскольниками права самостоятельныхъ церквей. То, чтó сейчасъ замѣчено о вступленіи въ бракъ, примѣняется и къ расторженію его; хотя въ разныхъ видахъ раскола разводъ можетъ быть гораздо легче, чѣмъ въ православіи, даже легче, чѣмъ у протестантовъ, но по смыслу новаго закона къ расторженію браковъ между раскольниками будутъ примѣняемы тѣ гражданскіе законы, которые основаны на правилахъ православной церкви.

Что касается способа регистраціи раскольничьихъ браковъ, то она происходитъ слѣдующимъ образомъ: метрическія книги ведутся въ городахъ и уѣздахъ полицейскими управленіями, а въ столицахъ—участковыми и частными приставами. Книги эти поступаютъ на ревизію въ губернское правленіе, управу благочинія или управленіе градоначальства, и въ эти же управленія, представляющія вторую инстанцію, приносятся жалобы на неправильныя дѣйствія полицейскихъ управленій; высшею же инстанціею служитъ 1-ый департаментъ сената. Для записи брака дѣлается заявленіе полицейскому или волостному управленію, въ которомъ выставляется при дверяхъ объявленіе въ теченіе 7-ми дней, которое и служитъ временемъ для заявленія препятствій противъ брака; затѣмъ, брачущимся выдается свидѣтельство, что такое объявленіе было сдѣлано и препятствій ни съ какой стороны не заявлено. Съ этимъ свидѣтельствомъ брачущіеся являются лично въ полицейское или волостное управленіе и приводятъ двухъ поручителей въ томъ, что бракъ не принадлежитъ къ числу запрещенныхъ гражданскими законами. По записаніи въ

книгу, бракъ признается дѣйствительнымъ, независимо оттого, были ли или нѣтъ исполнены религіозные обряды, по ученіямъ раскольниковъ, и можетъ быть расторгнутъ уже только окружнымъ судомъ (или соединенными палатами прежняго суда внѣ предѣловъ судебной реформы), на основаніи гражданскихъ законовъ, какъ уже замѣчено выше.

Но здѣсь весьма важно одно ограниченіе, которое прямо устраняетъ отъ дѣйствія новаго закона всѣхъ лично уклонившихся въ расколъ отъ православія. Само собою разумѣется, что такъ какъ законъ этотъ имѣлъ въ виду установить гражданскій бракъ только для раскольниковъ, то онъ долженъ былъ воспретить и объявить незаконнымъ и недѣйствительнымъ внесеніе въ метрическія книги, установленныя для раскольниковъ, браковъ, заключенныхъ кѣмъ-либо изъ лицъ, принадлежащихъ къ православной церкви или къ другимъ, признаннымъ въ государствѣ исповѣданіямъ. Но законъ этимъ не ограничился: онъ запрещаетъ еще внесеніе въ эти метрическія книги и браки такихъ лицъ, которыя не состоятъ въ расколѣ отъ рожденія, то-есть браки лицъ, которыя сами уклонились въ расколъ; такіе браки, еслибы и были записаны въ метрическія книги, новый законъ все-таки объявляетъ незаконными и недѣйствительными и, согласно тому, требуетъ, чтобы предварительно записи брака въ метрическую книгу отъ обоихъ супруговъ отбиралась подписка въ томъ, что они принадлежатъ къ расколу отъ рожденія.

Дѣти раскольниковъ записываются въ метрическую книгу, если бракъ ихъ родителей записанъ въ ней, или если они родились до изданія настоящаго закона и въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ по его изданіи, хотя бы родились до внесенія самого брака въ книгу, но съ удостовѣреніемъ ихъ происхожденія отъ брака, записаннаго впослѣдствіи двумя свидѣтелями. Записанныя въ метрической книгѣ дѣти раскольниковъ признаются законными. Запись дѣтей производится тѣми же полицейскими управленіями; но по прошествіи одного года со дня рожденія, дитя уже не записывается въ метрическую книгу, и законность его можетъ быть затѣмъ доказываема уже только судебнымъ порядкомъ. Здѣсь необходимо упомянуть еще, что хотя заявленія раскольниковъ, живущихъ въ селеніяхъ, о вступленіи въ бракъ и рожденіи могутъ быть принимаемы въ волостныхъ правленіахъ, но метрической книги волостныя правленія не ведутъ, такъ что внесеніе въ нее производится и въ уѣздахъ, внѣ городовъ, по сообщенію волостныхъ правленій полицейскими же управленіями. Запись о смерти раскольниковъ вносится въ метрическую книгу по заявленію родственниковъ или и постороннихъ лицъ, съ подтвержденіемъ двумя свидѣтелями.

Изложивъ главныя положенія новаго закона, обратимся къ оцѣнкѣ его дѣйствительнаго значенія по отношенію къ раскольничьему населенію и къ веденію актовъ состоянія прочихъ сословій въ государствѣ. Замѣтимъ прежде всего, что въ отношеніи раскольниковъ *отъ рожденія*, законъ у насъ теперь осуществляетъ полное отдѣленіе церкви и государства, духовныхъ и свѣтскихъ властей. Государство, которое доселѣ только не преслѣдовало раскольниковъ отъ рожденія, за извѣстными ограниченіями, но отказывало имъ въ гражданскихъ правахъ, теперь распространяетъ на нихъ гражданскую равноправность, пріемлетъ ихъ подъ защиту всѣхъ своихъ гражданскихъ законовъ, и при этомъ совершенно не входитъ въ требованія ихъ духовныхъ властей, продолжая не признавать эти власти. Такимъ образомъ, раскольники *отъ рожденія* будутъ единственными гражданами Россіи, для которыхъ осуществляется принципъ отдѣленія свѣтской области отъ духовной, со всѣми послѣдствіями такого отдѣленія, какъ-то: свободою перемѣнять вѣру, исполнять ея требованія безъ всякаго принужденія со стороны свѣтскаго законодательства и быть вполнѣ независимыми отъ духовныхъ властей вообще. За преступленія противъ брачнаго союза, раскольники, на основаніи новаго закона, подвергаются только свѣтскимъ карамъ, изложеннымъ въ уложеніи о наказаніяхъ, но не подвергаются ни заключенію въ монастырѣ, ни церковному покаянію. Это совершенно естественно, по самому свойству ихъ положенія въ отношеніи православной церкви. Но этому встрѣчается противорѣчіе въ тѣхъ ограниченіяхъ относительно права вступленія въ бракъ раскольниковъ, при извѣстныхъ степеняхъ родства и относительно расторженія ихъ браковъ, которыя, какъ уже сказано выше, опредѣлены гражданскими законами по правиламъ православной церкви, а между тѣмъ будутъ примѣняемы къ раскольникамъ. Итакъ, новымъ закономъ могутъ воспользоваться раскольники отъ рожденія и притомъ тѣхъ сектъ, которыя признаютъ бракъ, какъ онъ опредѣляется гражданскими законами, то-есть въ смыслѣ постояннаго, пожизненнаго союза. И въ этомъ объемѣ законъ 19-го апрѣля, конечно, представляетъ весьма важное и благодѣтельное преобразованіе. Но, рядомъ съ узаконеніемъ гражданскаго положенія раскольниковъ отъ рожденія, и по сравненію съ этимъ первымъ послѣдствіемъ новаго закона, является другое послѣдствіе, менѣе благопріятное, и именно—ухудшеніе въ общественномъ положеніи во всякомъ случаѣ немалочисленнаго класса людей, которые не родились въ расколѣ, но сами уклонились въ него. Ихъ браки, заключенные въ расколѣ, ихъ дѣти, рожденныя въ расколѣ, теперь будутъ незаконны, какъ считались и прежде. Но различіе въ томъ, что прежде и всѣ раскольники, жившіе кругомъ ихъ, въ ихъ

обществѣ, были въ равномъ съ ними положеніи. Теперь же буду[тъ] случаи, что въ цѣломъ обществѣ, издавна исповѣдующемъ раскол[ъ] единичные новые члены въ него вступающіе будутъ почитаться ж[и]вущими въ прелюбодѣяніи и дѣти ихъ незаконными, если бракъ [за]ключенъ въ расколѣ. Въ первое время, по свѣжему еще преданію [о] недавнемъ, общемъ для всѣхъ раскольниковъ, положеніе это еще [не] будетъ особенно чувствительно, но съ теченіемъ времени, когда м[е]трическія книги войдутъ въ силу и обычай, положеніе такихъ без[]правныхъ людей должно сдѣлаться невыносимо. Право наслѣдств[а] послѣ нихъ можетъ принадлежать только дѣтямъ, рожденнымъ от[ъ] брака, заключеннаго въ православіи, но рожденныя въ расколѣ дѣт[и] вдовца, вступившаго въ расколъ, и вновь женившагося, будутъ ли[]шены всякаго права наслѣдства и правъ по состоянію, какъ неза[]коннорожденныя.

Это еще не все. По отношенію лично къ самимъ уклонившимся въ расколъ, законъ 19-го апрѣля создаетъ нѣчто въ родѣ мѣры свѣтскаго понужденія, свѣтской кары за отпаденіе отъ православія. Постановленіе, которое въ настоящее время служитъ основою для отношеній свѣтской власти къ раскольникамъ вообще, есть особое „наставленіе" 1858 года. Имъ положительно установлено, что и въ отношеніи вновь совращающихся въ расколъ не должно быть употребляемо никакихъ свѣтскихъ мѣръ понужденія, а только мѣры духовнаго увѣщанія. Между тѣмъ, новый законъ, предоставляя раскольникамъ отъ рожденія всѣ гражданскія права и лишая этихъ правъ лицъ, уклоняющихся въ расколъ, установляя, что и браки послѣднихъ, заключенные въ расколѣ, и дѣти, отъ нихъ рожденныя, будутъ незаконными, проводитъ въ раскольничью среду такую тяжкую неравноправность, которая не можетъ не представляться свѣтскою мѣрой понужденія противъ совращающихся въ расколъ.

По отношенію къ прочимъ сословіямъ въ государствѣ, законъ 19-го апрѣля не измѣнилъ, разумѣется, ничего, но, установивъ для раскольниковъ бракъ юридическій, онъ тѣмъ самымъ поставилъ ихъ въ томъ смыслѣ, какъ уже было сказано выше, въ нѣсколько привилегированное положеніе. Естественно, что привилегія, однажды данная, должна быть со временемъ или отмѣнена—что̀ въ этомъ случаѣ невозможно—или же распространена на всѣхъ—что̀ весьма возможно и желательно. Внѣ этой альтернативы нѣтъ ничего, и ходъ законодательства во всѣхъ странахъ не указываетъ возможности сохраненія навсегда привилегіи для одного сословія въ государствѣ въ отношеніи пользованія гражданскими правами, безъ распространенія ея на всѣ прочія сословія. Передача веденія актовъ о состояніи въ руки свѣтской власти по отношенію ко всѣмъ гражданамъ, къ ка-

кому бы исповѣданію они ни принадлежали, не могли бы встрѣтить серьёзныхъ возраженій, а между тѣмъ въ пользу такой мѣры говорятъ соображенія весьма серьёзнаго свойства. Того требуетъ уже самая правильность веденія метрическихъ книгъ и выдачи выписей изъ нихъ. Духовенство, которому совершенно чужда юридическая подготовка, не можетъ вести этого дѣла такъ правильно, какъ бы его вели особые судебные чиновники—это во всякомъ случаѣ не требуетъ доказательствъ. При веденіи метрическихъ записей и выдачи метрическихъ свидѣтельствъ духовенствомъ, какъ то существуетъ нынѣ, важнѣйшіе въ частномъ быту акты, акты о состояніи, удостовѣряющіе и право́ наслѣдства, составляются въ дѣйствительности безъ всякаго соблюденія юридическихъ требованій, а просто на основаніи показаній супруговъ съ свидѣтелями родителей, съ воспріемниками, и родственниковъ, случайно заявляющихъ о смерти. Судебныя же должностныя лица дѣлали бы записи и выдавали бы свидѣтельства не иначе, какъ по предъявленіи предшествующихъ актовъ или по надлежащей справкѣ въ книгахъ: для брака они требовали бы свидѣтельство о рожденіи, для записи рожденія—свидѣтельство о бракѣ, для записи о смерти—свидѣтельство врача и документы, удостовѣряющіе личность. Веденіе метрическихъ книгъ свѣтскими должностными лицами давно существуетъ во Франціи, а недавно введено и въ Пруссіи. Оно предполагаетъ и юридическое утвержденіе брака, независимо отъ церковнаго обряда, что́ весьма важно, такъ какъ при этомъ могутъ быть совершаемы акты, обезпечивающіе въ томъ или другомъ видѣ участь вдовы, дѣтей отъ разныхъ браковъ и т. д. Правда, выраженіе „гражданскій бракъ“ сдѣлалось у насъ, благодаря какому-то идіотическому водевилю и стараніями клерикальныхъ свѣтскихъ журналистовъ лѣтъ 8 тому назадъ, синонимомъ временнаго незаконнаго сожительства, просто прелюбодѣянія. Но вѣдь водевильныя понятія не могутъ измѣнить сущности дѣла, которая заключается въ томъ, что юридическій бракъ есть именно бракъ, узаконенный и *неразрывный* иначе, какъ путемъ юридическаго же расторженія. Опасенія, что при существованіи юридическаго брака, независимо отъ брака церковнаго, перестанутъ вѣнчаться въ церкви, не основаны ни на опытѣ, ни на правильномъ умозрѣніи. Опытъ многихъ лѣтъ во Франціи и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, а также годовой опытъ въ Пруссіи доказываютъ, что установленіе обязательнаго юридическаго брака нисколько не вредитъ заключенію брака церковнаго, и это совершенно согласно съ общимъ опытомъ, что законъ не можетъ измѣнять религіозныхъ воззрѣній или обычаевъ, установившихся въ обществѣ, даже еслибы онъ былъ направленъ къ тому, чего вовсе нѣтъ въ установленіи обязательнаго юридическаго брака. Въ названныхъ странахъ супруги

могутъ обходиться безъ церковнаго обряда; ихъ бракъ будетъ и безъ него законнымъ, если онъ внесенъ въ метрическія книги, но супруги—за ничтожными по числу исключеніями—все-таки вѣнчаются въ церкви, потому ли, что того требуетъ внутреннее ихъ убѣжденіе, или потому, что того требуетъ „приличіе", т.-е. могущественный законъ обычая, зависящаго отъ сохраненія обществомъ религіозныхъ понятій. Даже въ тѣхъ исключеніяхъ, о которыхъ только-что упомянуто, юридическій бракъ является все-таки средствомъ узаконенія сожительства прежде незаконнаго. Большинство такихъ исключеній относится именно къ тѣмъ лицамъ, которыя, проживъ долгое время въ незаконной связи, стѣсняются пойти торжественно вѣнчаться въ церковь и, при несуществованіи брака юридическаго, оставались бы въ незаконномъ сожительствѣ. Что касается до умозрительныхъ предположеній, будто введеніе обязательнаго юридическаго брака, независимо отъ брака церковнаго, можетъ поколебать основы нравственности, то такія предположенія обличаютъ только невѣжество, незнаніе дѣла. Какимъ образомъ существованіе юридическаго брака, неразрывнаго иначе, какъ юридическимъ же разводомъ въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ, могло бы способствовать безнравственности—это едва ли возможно объяснить самыми хитрыми умозрѣніями: расторженіе юридическаго брака можетъ встрѣтить себѣ не менѣе, если не болѣе, серьёзныя препятствія, какія представляетъ церковный бракъ.

Но передача всего метрическаго дѣла въ руки свѣтскихъ властей представила бы еще многія существенныя выгоды, кромѣ правильности веденія метрикъ. Когда такому веденію метрикъ подлежали бы всѣ граждане въ государствѣ, то не было бы нужды дѣлать изъятій для раскольниковъ или не-христіанъ; не могло бы возникать сомнѣній относительно подлинности метрикъ евреевъ, не было бы никакого повода дѣлать различій между раскольниками по рожденію и лицами уклонившимися въ расколъ. Одно общее право дѣйствовало бы для всѣхъ и обнимало бы всѣхъ, сообщая актамъ о состояніи всѣхъ національностей и сословій въ государствѣ ту юридическую несомнѣнность, какую они должны имѣть. Когда для веденія метрическихъ книгъ и выдачи выписей изъ нихъ существовали бы въ государствѣ особые органы судебной власти, особые судебные чиновники, тогда не было бы нужды поручать составленіе актовъ о состояніи нѣсколькихъ милліоновъ гражданъ, а именно раскольниковъ—полицейскимъ чинамъ, что само по себѣ можетъ быть сопряжено съ важными практическими неудобствами, и противорѣчитъ общему строю законодательства, такъ какъ полиція можетъ только удостовѣрять подлинность подписей, но никакихъ гражданскихъ актовъ совершать не

можетъ, хотя бы то на запродажу какой-нибудь вещи; а тутъ ей предстоитъ совершать акты о пожизненномъ союзѣ лицъ и другіе акты, на которыхъ основываются всѣ права состоянія.

Мы хотимъ теперь сказать нѣсколько словъ о постановленіи, утвержденномъ въ минувшемъ октябрѣ, которое приближаетъ цѣлое населеніе одной изъ областей государства къ уравненію со всѣмъ народомъ въ несеніи общеобязательной воинской повинности: 14-го октября утверждено положеніе военнаго совѣта о военной службѣ донскихъ казаковъ и правила о ней, изложенныя въ особомъ „положеніи о военной службѣ казаковъ донского войска". Извѣстно, что доселѣ донскіе казаки были обязаны продолжительною службой. Порядокъ примѣненія къ нимъ общихъ основъ воинской повинности будетъ со временемъ опредѣленъ особымъ положеніемъ о воинской повинности донского войска. Но впредь до изданія такого положенія и установляются законоположенія, утвержденныя 14-го октября. По смыслу ихъ, служилый составъ донского войска раздѣляется на три разряда: приготовительный, строевой и запасной; всѣ казаки, по достиженіи 18-ти лѣтняго возраста, зачисляются въ приготовительный разрядъ, въ которомъ и обучаются военному дѣлу въ своихъ станицахъ и въ сборныхъ пунктахъ, въ теченіи трехъ лѣтъ. Такимъ образомъ, въ приготовительномъ разрядѣ будутъ состоять три младшихъ возраста казаковъ. Затѣмъ они поступаютъ на 12 лѣтъ въ строевой разрядъ, въ которомъ будутъ числиться 12 возрастовъ казаковъ, слѣдующихъ за тремя первыми; изъ этого строевого разряда и будутъ составляться казачьи полки, находящіеся на дѣйствительной службѣ; затѣмъ, казаки зачисляются въ третій — запасной разрядъ, который будетъ представлять собою войсковое ополченіе. Итакъ, полный срокъ дѣйствительной службы опредѣленъ для донскихъ казаковъ въ 12 лѣтъ; но въ мирное время они будутъ дѣйствительно несть ее меньшіе сроки, въ составѣ строевыхъ частей первой очереди, а остальное время будутъ находиться въ войскѣ, въ составѣ льготныхъ строевыхъ частей. А такъ какъ для армейскихъ донскихъ полковъ установляютъ три очереди, то, значитъ, казаки будутъ находиться на дѣйствительной службѣ только 4 года. Для гвардейскихъ частей очередь установляется по числу дивизіоновъ, изъ которыхъ одинъ въ полку будетъ очереднымъ. Итакъ, положеніе 14-го октября, какъ переходное, удачно совмѣстило въ себѣ краткосрочность, введенную новымъ уставомъ о воинской повинности, съ системою очередной службы частей, существовавшею и доселѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на случай войны, оно даетъ возможность призвать на службу 12 возрастовъ донского населенія.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ изданія новаго устава о воинской повинности, въ газетахъ стали появляться слухи о стремленіи евреевъ къ уклоненію отъ отбыванія ея и о разныхъ употребляемыхъ ими, съ этой цѣлью, ухищреніяхъ, какъ-то: объ исправленіи ревизскихъ сказокъ, пріобрѣтеніи фальшивыхъ метрическихъ свидѣтельствъ, и т. п. Насколько такіе случаи были многочисленны, объ этомъ не представлялось сколько-нибудь опредѣлительныхъ свѣдѣній. Такъ какъ при новомъ устройствѣ воинской повинности отбываніе ея лежитъ уже не на обществахъ, а на лицахъ, и цифра призыва опредѣляется безусловно, то было совершенно естественно, что извѣстіе объ уклоненіи евреевъ вызвало въ христіанскомъ населеніи опасенія, какъ бы ему не пришлось несть повинность за уклоняющихся евреевъ. Опасенія подобнаго рода всегда вызываютъ особую подозрительность, которая легко возводитъ частные случаи въ фактъ общій, примѣняемый къ цѣлому племени или цѣлому сословію. Въ настоящемъ дѣлѣ, весьма важно было бы знать, были ли собраны положительныя данныя относительно уклоненій евреевъ и, затѣмъ, свидѣтельствовали ли эти данныя, въ общемъ результатѣ, по сравненію съ численностью еврейскаго населенія, о значительномъ недостаткѣ среди евреевъ молодыхъ людей призывного возраста. Только въ такомъ случаѣ, очевидно, отдѣльныя явленія и представляли бы фактъ съ значеніемъ общимъ. Между тѣмъ, еще въ началѣ лѣта, стало извѣстно, что министерствами внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и министерствомъ военнымъ были сдѣланы предположенія о принятіи особыхъ предупредительныхъ мѣръ для пресѣченія евреямъ возможности уклоняться отъ призыва. Стало-быть, администрація имѣла въ виду какіе-либо поводы къ тому, чтобы придавать уклоненіямъ евреевъ именно значеніе общаго факта. Но нельзя не выразить сожалѣнія, что относящіяся къ этому предмету положительныя данныя, которыя одни могли служить основаніями для принятія особыхъ мѣръ, относящихся ко всѣмъ евреямъ, не были опубликованы. Если такія данныя были собраны и имѣли именно указанный выше характеръ, то опубликованіе ихъ объяснило бы степень необходимости мѣръ исключительнаго свойства, которыя всегда нуждаются въ объясненіи. Безъ этого является вопросъ: не послужили ли основаніемъ для принятія такихъ мѣръ именно только одни опасенія, тѣ же самыя опасенія, которыя среди населенія, обязаннаго, въ случаѣ уклоненія евреевъ отъ повинности, отбывать ее за нихъ, естественно должны были получить преувеличенное значеніе? Что тѣ, кому самимъ пришлось бы служить за евреевъ, могли впасть въ преувеличенную подозрительность—нисколько не удивительно. Но сами по себѣ, и безъ надлежащей провѣрки стороною, лично въ дѣлѣ незаинтересованною,

эти опасенія, очевидно, служили бы весьма неудовлетворительнымъ матеріаломъ для чрезвычайныхъ мѣръ.

Предположенія о такихъ мѣрахъ, первоначально внесенныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, заключались въ сущности въ томъ, чтобы для огражденія правильнаго исполненія евреями воинской повинности, производить перепись еврейскаго населенія, до 25-лѣтняго возраста включительно,—въ городахъ посредствомъ полиціи, и внѣ городовъ посредствомъ волостныхъ старшинъ и подъ наблюденіемъ полицейскихъ властей, съ тѣмъ, чтобы въ случаяхъ сомнительныхъ возрастъ евреевъ опредѣлялся по наружному виду, независимо отъ документовъ, и чтобы возникающіе при этомъ вопросы рѣшались присутствіемъ по воинской повинности. Легко предвидѣть тѣ злоупотребленія, какія могли отсюда возникнуть. Если уже министерство финансовъ признало невозможнымъ полагаться на казенныя палаты относительно тѣхъ исправленій въ ревизскихъ спискахъ, которыя были произведены этими мѣстами, какъ говорятъ въ большомъ числѣ, за послѣдніе годы, по просьбамъ, поступившимъ отъ евреевъ, то насколько же мѣстные полицейскіе чины и волостные старшины, руководимые писарями, могли представлять болѣе нравственныхъ ручательствъ, чѣмъ казенныя палаты? Мѣра, въ томъ видѣ, какъ она была предположена министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, вызвала возраженіе со стороны министерствъ финансовъ и военнаго именно съ этой точки зрѣнія, а именно — „опасенія въ томъ, что возложеніе переписи евреевъ внѣ городовъ на волостныхъ старшинъ, при содѣйствіи еврейскихъ же сборщиковъ податей, и только подъ контролемъ полиціи, не представляетъ достаточныхъ гарантій къ безпристрастному и успѣшному исполненію столь важнаго порученія“.

Опасенія эти раздѣлилъ и комитетъ министровъ, на разсмотрѣніе котораго предположенія по этому предмету министерства внутреннихъ дѣлъ поступили въ началѣ сентября. Разсужденія комитета приведены въ мотивахъ къ закону, рѣшившему этотъ вопросъ и утвержденному 2-го октября. Но изъ этихъ мотивовъ не видно, былъ ли поднятъ и рѣшаемъ въ комитетѣ вопросъ въ самомъ его основаніи, т.-е. были ли положены въ основаніе изысканія такихъ мѣръ, которыя самимъ комитетомъ признаются чрезвычайными—такія данныя, которыя удовлетворяли бы документальнымъ образомъ необходимость вообще принятія подобныхъ мѣръ, или же необходимость ихъ считалась внѣ вопроса, въ виду одного изъ пунктовъ мнѣнія государственнаго совѣта, утвержденнаго 1-го января, о введеніи новаго устава воинской повинности, а именно того пункта, которымъ предоставлено было принять мѣры къ болѣе правильному счисленію евреевъ. Но вѣдь мѣры для болѣе правильнаго счисленія могли и

не имѣть характера чрезвычайныхъ; онѣ могли заключаться въ установленіи какого-либо новаго способа веденія метрическихъ книгъ для евреевъ, а не въ переписи. Такъ, для раскольниковъ установлено нынѣ веденіе метрическихъ книгъ гражданскими властями, но переписи раскольникамъ, въ виду призыва къ воинской повинности, не дѣлается, хотя она объяснялась бы уже тѣмъ, что у огромнаго числа раскольниковъ никакихъ метрикъ нѣтъ. Правда, на это могутъ возразить, что переписи раскольникамъ не дѣлаются потому, что они не уклоняются отъ воинской повинности, а перепись евреевъ дѣлается, потому что они уклоняются отъ повинности. Но, стало быть, все-таки дѣло въ томъ, имѣлось ли достаточно данныхъ, чтобы признать общимъ или значительнымъ фактъ уклоненій евреевъ отъ повинности? Вотъ, именно этотъ вопросъ и остается въ тѣни.

Какъ бы то ни было, но комитетъ не нашелъ возможнымъ допустить мѣры, предположенныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ видѣ дѣйствующихъ повсемѣстно относительно евреевъ. Комитетъ принялъ во вниманіе, что „вообще приведеніе въ извѣстность мужского еврейскаго населенія до 25-ти лѣтняго возраста включительно, представляетъ, какъ видно изъ собранныхъ по сему предмету свѣдѣній, особыя затрудненія, и что потому едва ли можно разсчитывать на точное и скорое осуществленіе этой мѣры чрезъ обыкновенные органы полицейской власти въ тѣхъ губерніяхъ имперіи, которыя назначены для постояннаго пребыванія еврейскаго населенія"... „Мѣра эта, какъ чрезвычайная, требовала, по мнѣнію комитета, и средствъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ распоряженій въ порядкѣ полицейскаго управленія". Но затѣмъ, по изысканіи болѣе удовлетворительныхъ способовъ для исполненія этого дѣла, комитетъ остановился только на правилахъ о мѣстной повѣркѣ ревизскихъ сказокъ, указанныхъ въ уставѣ о 10-й ревизіи, и предоставляющихъ губернаторамъ командировать для такой повѣрки состоящихъ при немъ чиновниковъ и вообще всѣхъ служащихъ въ губерніяхъ лицъ. Относительно же переписи евреевъ въ губерніяхъ внѣ черты постояннаго ихъ жительства, комитетъ нашелъ возможнымъ допустить возложеніе переписи на органы полицейской власти по тому соображенію, что въ такихъ губерніяхъ число евреевъ не велико. Вслѣдствіе того, закономъ, состоявшимся 2-го октября, положено произвесть перепись евреямъ мужского пола по всей имперіи, за исключеніемъ царства польскаго, по мѣсту ихъ жительства и пребыванія въ день переписи, съ тѣмъ, что въ губерніяхъ, находящихся въ чертѣ постоянной осѣдлости еврейскаго населенія, перепись и повѣрка возраста евреевъ производится особо-командируемыми для этого чиновниками губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, по назначенію губерна-

торовъ, не исключая и учрежденій иныхъ вѣдомствъ, т.-е. не состоящихъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, кромѣ судебнаго вѣдомства и нѣкоторыхъ особо-указанныхъ чиновъ. При этомъ, всѣ приготовительныя распоряженія по переписи и опредѣленіе участія въ ней полиціи, волостного и сельскаго управленій и еврейскаго духовенства возложены на губернаторовъ. Возрастъ евреевъ въ переписи будетъ означаемъ по ревизскимъ сказкамъ, паспортамъ, метрическимъ и другимъ документамъ о рожденіи и личности, а при неимѣніи документовъ—по наружному виду. Но, сверхъ того, и независимо отъ означенія возраста по документамъ, онъ все-таки долженъ быть означаемъ еще и по наружному виду, когда лѣта, выставленныя въ документѣ, „не соотвѣтствуютъ наружности" и вообще въ случаяхъ сомнѣнія въ дѣйствительности и правильности документовъ; причемъ предписывается „обращать особое вниманіе на подавшихъ о себѣ съ 1871 года дополнительныя сказки и заявленія объ измѣненіи показаній о возрастѣ". Всѣ лица, которымъ возрастъ будетъ показанъ по наружному виду, вносятся въ особый списокъ. Всѣ списки, составленные при переписи, поступаютъ затѣмъ въ присутствія по воинской повинности, которыя и опредѣляютъ окончательно по наружному виду возрастъ тѣмъ евреямъ, которымъ первоначально возрастъ былъ опредѣленъ тѣмъ же способомъ, и всѣмъ тѣмъ евреямъ, которые съ 1871 года подали о своемъ возрастѣ дополнительныя заявленія.

Все это касается только до переписи евреевъ въ губерніяхъ, гдѣ еврейское населеніе имѣетъ постоянную осѣдлость. Въ прочихъ же губерніяхъ, находящихся внѣ черты постоянной осѣдлости евреевъ, перепись возлагается на полицію, и лѣта выставляются по паспортамъ, и—въ случаяхъ сомнительныхъ—еще и по наружному виду.

Въ такомъ видѣ, мѣра представляется, безспорно, удовлетворительнѣе, чѣмъ какъ она предположена была первоначально. Тѣмъ неменѣе, въ ней легко замѣтить неудобства, свойственныя всякой исключительной мѣрѣ, принимаемой по отношенію къ цѣлому племени или цѣлому сословію, но гораздо труднѣе усмотрѣть возможность достиженія ею предположенныхъ результатовъ. При переписи возрастъ будетъ означаться по документамъ, и только въ случаяхъ сомнительныхъ — по наружному виду. Сомнѣнія могутъ возникать двоякія: въ правильности самыхъ документовъ и въ несоотвѣтствіи „наружности" показанію дукумента. Но въ томъ случаѣ, если сомнѣнію подвергается показаніе ревизской сказки, возрастъ, на основаніи самаго устава о воинской повинности (ст. 112) долженъ быть опредѣляемъ по наружному виду и для христіанъ; для не-христіанъ же и въ случаѣ сомнѣній въ правильности метрикъ. Но по уставу

(та же статья) въ томъ случаѣ, если ревизская сказка и метрика согласны, возрастъ не-христіанамъ долженъ быть опредѣляемъ по документамъ, а не по наружному виду Стало-быть, все назначеніе переписи заключается только въ устраненіи этой послѣдней оговорки и въ переопредѣленіи, по наружному виду, возраста всѣмъ тѣмъ евреямъ, которые съ 1871 года подали дополнительныя заявленія о возрастѣ. Но приведенная оговорка могла быть устранена новымъ постановленіемъ и безъ переписи, а для перевѣрки возраста лицамъ, подавшимъ съ 1871 г. дополнительныя заявленія, достаточно было выписать ихъ имена изъ ревизскихъ дѣлъ и вызвать ихъ въ присутствія по воинской повинности, на основаніи устава, такъ какъ ревизскія показанія о нихъ признаны сомнительными. Затѣмъ, неясно, для какой цѣли будетъ произведена общая перепись евреямъ? Чиновникамъ, командируемымъ губернаторами, все равно не будетъ принадлежать власть—рѣшать вопросы о возрастѣ по наружному виду; рѣшать эти вопросы должны все-таки присутствія по воинской повинности, какъ то постановлено и въ уставѣ 1-го января, и въ законѣ 2-го октября. Поэтому неясно, какіе практическіе результаты можетъ обѣщать сама перепись. Если видѣть цѣль переписи не столько въ провѣркѣ показаній документовъ, сколько въ повѣркѣ такъ сказать натурою, всѣ ли евреи, проживающіе въ данной мѣстности и подходящіе къ призывному возрасту, приписались къ призывнымъ участкамъ, — то и для этого не требовалось особой мѣры, въ виду изданныхъ лѣтомъ нынѣшняго года правилъ, которыми возложена на полицію обязанность общаго наблюденія за неуклоненіемъ отъ воинской повинности всѣхъ гражданъ, ей подлежащихъ. А между тѣмъ, вполнѣ ясно, что выраженіе недовѣрія цѣлому племени, какъ можетъ быть понята перепись евреевъ, и среди ихъ, и среди христіанъ, представляетъ неудобства. Общеобязательная воинская повинность главнымъ своимъ значеніемъ имѣетъ именно равноправность гражданъ въ государствѣ, и, стало-быть, по поводу ея, менѣе чѣмъ по какому-либо иному поводу, непослѣдовательно ставить цѣлые милліоны людей въ положеніе совершенно особое. Хотя на дѣлѣ результаты переписи для евреевъ едва ли могутъ, какъ выше сказано, быть сколько-нибудь значительны, но самое производство ея неминуемо отзовется на нихъ немаловажными стѣсненіями и хлопотами, а главное—ставитъ ихъ въ положеніе рельефно-исключительное, именно по поводу отмѣны всѣхъ исключеній передъ повинностью военной службы государству. Если реальные результаты переписи и будутъ незначительны для евреевъ, то этимъ нельзя будетъ объяснять, что перепись все равно можно было сдѣлать,—наоборотъ,

въ этомъ будетъ аргументъ противъ самаго принятія исключительной мѣры, не оправданной послѣдствіями.

Недостовѣрность метрикъ, въ какой бы средѣ она ни проявлялась, можетъ служить доказательствомъ только необходимости передачи въ руки судебныхъ чиновниковъ составленія вообще актовъ состоянія и веденія метрическихъ книгъ. Наше законодательство, къ сожалѣнію, все еще недостаточно прониклось убѣжденіемъ, что опредѣленность и твердость закона въ исполненіи возможны только при общности опредѣленій его, подъ которыя подходятъ *всѣ* частные случаи. Законъ долженъ состоять изъ точныхъ по смыслу, но по возможности всеобъемлющихъ положеній, которыя примѣнялись бы по возможности равно какъ ко всѣмъ сословіямъ и лицамъ, такъ и ко всѣмъ отдѣльнымъ случаямъ. Затѣмъ, надо полагаться на добросовѣстное и раціональное примѣненіе его всѣми мѣстными óрганами власти. Для этого полезнѣе заботиться объ улучшеніи ихъ состава, чѣмъ подвергать изъятіямъ, неудобствамъ и хлопотамъ частныя лица и сословія потому только, что мѣстныя присутственныя мѣста не внушаютъ высшей администраціи достаточнаго довѣрія, или что она довѣряетъ однимъ изъ нихъ болѣе, чѣмъ другимъ.

Противоположный этому путь представляется излишней спецификаціею положеній закона, ошибочно стремящейся придать ему бóльшую опредѣленность, предусмотрѣніемъ всевозможныхъ отдѣльныхъ случаевъ, чтó само собою, разумѣется, немыслимо. Такимъ образомъ, при повтореніи случаевъ, не означенныхъ прямо въ такомъ специфицированномъ законѣ, является логически потребность дополнять его, до безконечности, новыми, еще болѣе спеціальными постановленіями. Отсюда происходитъ въ одно время и многосложность, и неопредѣленность закона, такъ какъ жизнь не перестаетъ производить еще новые случаи, требующіе новыхъ отдѣльныхъ опредѣленій законодательства. Наконецъ, идя по этому пути и встрѣчаясь съ злоупотребленіями, мы, если не дорожимъ однообразіемъ, простотою и неприкосновенностью общихъ положеній закона, станемъ противополагать и злоупотребленіямъ или упущеніямъ—не заботливость объ улучшеніи состава исполнителей закона и о строгомъ привлеченіи ихъ къ отвѣтственности, но новыя законодательныя усилія; станемъ дѣйствовать противъ злоупотребленій не живою силою старательнаго присмотра и поучительнаго примѣра, но буквою новыхъ частныхъ законоположеній, изъятій, регламентовъ и циркуляровъ. Въ концѣ окажется, что за общими положеніями закона не осталось почти никакой практической силы, что вся сила заключается именно въ этихъ дополнительныхъ, одно другое дополняющихъ предположеніяхъ. При этомъ иногда даже правá большинства могутъ быть отодвинуты на задній

планъ въ пользу какого-либо отдѣльнаго случая, который въ данное время, почему-либо, представлялся на первомъ планѣ.

Нѣчто въ родѣ такого примѣра представилъ опубликованный въ прошломъ мѣсяцѣ циркуляръ по земскому отдѣлу отъ 21 октября, о которомъ тѣмъ болѣе кстати упомянуть здѣсь, что распоряженіе это опять имѣетъ предметомъ уклоненія евреевъ отъ отбыванія воинской повинности. Дѣло въ томъ, что по уставу, то-есть по *общему* закону о воинской повинности, новобранцы, принятые въ постоянныя войска, могутъ быть временно распущены по домамъ, по распоряженію присутствія по воинской повинности, дѣйствующаго въ этомъ отношеніи согласно указаніямъ министерствъ военнаго и внутреннихъ дѣлъ. Законъ имѣлъ въ этомъ случаѣ въ виду облегчить новобранцамъ переходъ отъ ихъ занятій къ военной службѣ, давъ имъ время для устройства своихъ дѣлъ. Такъ какъ выниманіе жеребья происходитъ около 2 мѣсяцевъ ранѣе 1-го января, т.-е. срока, съ котораго считается служба, то такая льгота представляетъ немаловажное облегченіе для людей и въ то же время сбереженіе для казны, которая не несетъ расхода на ихъ содержаніе. Между тѣмъ, вдругъ представляется отдѣльный случай „въ виду постоянно повторявшихся въ минувшіе наборы укрывательствъ и уклоненій евреевъ отъ исполненія рекрутства", а также „проявляющихся со стороны ихъ и въ нынѣшнемъ году злоупотребленій, клонящихся къ возможному избѣжанію отъ воинской повинности". Въ виду такого отдѣльнаго обстоятельства принимается *отдѣльная* мѣра, и притомъ такая мѣра, что вся имперія раздѣляется на двѣ части: одну, въ которой оказывается населенію довѣріе въ исполненіи воинской повинности, и другую, въ которой такого довѣрія населенію не оказывается. Въ циркулярѣ предписывается: „роспускъ новобранцовъ по домамъ изъ призывныхъ участковъ не допускать вовсе въ губерніяхъ сѣверо- и юго-западнаго края, царства польскаго, а также минской, могилевской и бессарабской"; „новобранцевъ же, принятыхъ въ прочихъ мѣстностяхъ имперіи, распустить по домамъ, причемъ однако предоставить губернскимъ и областнымъ по воинской повинности присутствіямъ воспретить роспускъ по домамъ новобранцевъ тѣхъ участковъ или уѣздовъ (безъ различія въ отношеніи національностей), въ средѣ которыхъ обнаружено стремленіе къ уклоненію отъ воинской повинности". Намъ говорятъ, что нынѣшняя воинская повинность не то, что прежняя рекрутчина; что всѣ граждане призываются къ исполненію общей обязанности по защитѣ государства, и потому государство довѣряетъ имъ, и уже нѣтъ нужды смотрѣть на призванныхъ къ повинности какъ на арестантовъ; въ то же время изъ этого дѣлается исключеніе для половины европейской Россіи. Лишеніе людей возможности при-

готовиться къ перерыву своей дѣятельности на нѣсколько лѣтъ есть лишеніе весьма чувствительное; но оно особенно чувствительно въ виду допущенія такой льготы для другихъ. Сверхъ того, какъ должно объяснять себѣ эту мѣру христіанское населеніе всего западнаго края, составляющаго въ немъ огромное большинство? Оно можетъ сказать себѣ, что лишается важнаго удобства *по винѣ* евреевъ. Здѣсь является новый источникъ для ненависти къ евреямъ, а стало-быть, и новое препятствіе къ солидарности ихъ съ обществомъ. Но христіанское населеніе можетъ инстинктивно пойти далѣе того, что̀ въ циркулярѣ сказано, и усмотрѣть въ этой мѣрѣ недовѣріе не къ однимъ евреямъ, но и къ другимъ инородцамъ и даже не къ инородцамъ только. Вотъ невыгоды исключительныхъ мѣръ и усилій создавать дополнительными постановленіями тотъ контроль за точнымъ исполненіемъ закона, котораго можно въ дѣйствительности ожидать не отъ лишней буквы, но отъ живой силы—отъ добросовѣстныхъ и разумныхъ стараній мѣстной администраціи. Газета „Голосъ“ поняла циркуляръ именно въ такомъ смыслѣ, что онъ можетъ вызвать усиленіе непріязни къ евреямъ въ христіанскомъ населеніи: „такимъ образомъ“, замѣтила это газета, „почти вся западная половина Россіи обязана еще новою *благодарностью* евреямъ. За пользованіе всѣми пріятностями совмѣстнаго съ ними жительства населеніе западныхъ окраинъ поголовно лишается довѣрія“ и т. д. Но кто же, какъ не мы сами ставимъ христіанское населеніе западнаго края въ исключительныя условія совмѣстнаго жительства со скученнымъ, замкнутымъ въ немъ населеніемъ еврейскимъ? Если такая скученность евреевъ и близость границы даютъ имъ средства къ укрывательству отъ воинской повинности, то вотъ новое доказательство необходимости разрѣшить имъ свободу поселенія во всей имперіи. Разсѣянное среди 80-ти-милліоннаго народа, 2½-милліонное еврейское населеніе не было бы замкнуто въ трудно-доступные кружки для повѣрки общества; было бы если не въ большинствѣ своемъ, то въ значительной части удалено отъ границы; наконецъ, въ силу разбросанности, лишилось бы той замкнутости въ себѣ и отчужденности отъ русскаго народа, въ которыхъ мы обвиняемъ евреевъ и которыя сами поддерживаемъ, заставляя евреевъ жить вмѣстѣ исключительно въ губерніяхъ, близкихъ къ границѣ. Они слились бы съ массою населенія у насъ, какъ сливаются съ нею въ другихъ странахъ, гдѣ не существуетъ подобнаго обязательнаго „водворенія“ для цѣлой національности. Примѣра отведенія особой области для водворенія въ ней еврейскаго народа мы не найдемъ въ исторіи Европы; за нимъ слѣдуетъ обратиться развѣ къ исторіи древняго Египта, въ которомъ евреямъ была указана

для жительства страна Гозенъ. Такой порядокъ, повидимому, считается газетою „Голосъ" идеальнымъ; но пусть эта газета припомнитъ, что за то исторія и не говоритъ намъ, чтобы отъ замкнутаго такимъ образомъ народа египтяне требовали солидарности съ собою и призывали ихъ къ защитѣ государства. Принятая нынѣ мѣра можетъ вызвать еще одно опасеніе, опасеніе, что различіе для уроженцевъ разныхъ губерній или лицъ разныхъ національностей не ограничится вопросомъ о предварительномъ отпускѣ, но можетъ проявиться и въ разрѣшеніи отпуска служащимъ уже въ арміи; такъ какъ отпуски будутъ предоставляемы, по прошествіи 5 лагерныхъ сборовъ, по усмотрѣнію военной администраціи, то спрашивается, не будетъ ли и при этомъ случаѣ дѣлаемо различіе между уроженцами той и другой полосы имперіи или различными національностями, что̀ могло бы сдѣлать общеобязательную воинскую повинность менѣе равномѣрною въ дѣйствительности, чѣмъ была прежняя рекрутчина.

Еще въ октябрѣ мы читали извѣстіе изъ Херсона, что тамошнее губернское земское собраніе постановило почти единогласно—ходатайствовать о нераздѣльности херсонской губерніи. Слухи же о раздѣленіи ея носились давно и повторялись въ газетахъ болѣе или менѣе пространно; никто при этомъ однако не задался вопросомъ: насколько подобное дѣленіе соотвѣтствуетъ мѣстнымъ интересамъ и государственнымъ нуждамъ? Конечно, при этомъ предполагается повысить Одессу въ рангъ губернскаго города; но и тутъ является вопросъ: имѣетъ ли повышеніе въ рангъ что-нибудь общаго для города съ повышеніемъ его благосостоянія, и не придется ли будущему губернатору Одессы, на привѣтствія губернскихъ одесситовъ, повторить извѣстныя слова изъ эпохи реставраціи: „ничего новаго не случилось—однимъ жителемъ въ Одессѣ больше, вотъ и все!"

Остановимся ближе на разсмотрѣніи этого вопроса. Въ пользу раздѣленія херсонской губерніи, или, вѣрнѣе сказать, въ пользу возведенія Одессы въ рангъ губернскаго города, для чего пришлось бы херсонской губерніи раздѣлиться, нельзя привести ничего, кромѣ развѣ того, что объ этомъ думали-молъ уже давно. Еще въ 1850 году, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій составилъ соображенія объ образованіи въ прибрежной къ Черному и Азовскому морямъ мѣстности двухъ новыхъ губерній—одесской и таганрогской—для „наилучшаго пособія торгово-промышленнымъ успѣхамъ мѣстностей". Но такая давность мысли вовсе не служитъ въ ея пользу; двадцать-пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и конечно правительство не осуществляло его вовсе не потому, что оно не заботилось о торгово-

промышленныхъ успѣхахъ мѣстностей, а потому именно, что оно нашло не воображаемое, а дѣйствительно „наилучшее пособіе“ къ тому, и потому оставило безъ послѣдствій ту мысль, по которой стóитъ будто завести двухъ губернаторовъ тамъ, гдѣ былъ прежде одинъ, — и мѣстность процвѣтетъ! Такими наилучшими пособіями торговлѣ и промышленности оказались въ наше время земскія учрежденія, городовое положеніе, новые суды. Какимъ же образомъ въ наше время можно думать, что увеличеніемъ числа губерній можно принести пользу краю, когда и въ эпоху, не знавшую ни одной изъ реформъ нынѣшняго царствованія, подобная мысль объ улучшеніи края, при помощи двухъ губернаторовъ, вмѣсто одного, была оставлена безъ послѣдствій?

Слухъ о томъ, что существуетъ предположеніе сдѣлать Одессу губернскимъ городомъ, и притомъ не иначе, какъ подъ условіемъ раздѣленія херсонской губерніи на двѣ, распространился еще нынѣшней весною, вскорѣ послѣ пріѣзда въ Одессу чиновника, командированнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для ревизіи по дѣламъ бывшаго генералъ-губернаторства. Изъ частныхъ свѣдѣній, которыя проникли въ печать и затѣмъ подтверждены были оффиціальнымъ письмомъ, недавно напечатаннымъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“, одесскаго городского головы, оказывается, что возникшее предположеніе превратилось въ фактъ, и вопросъ объ учрежденіи одесской губерніи внесенъ уже въ государственный совѣтъ и поставленъ „въ числѣ первыхъ очередныхъ вопросовъ“.

Судя по газетнымъ извѣстіямъ, при раздѣленіи херсонской губерніи на двѣ, къ половинѣ ея, которая образуетъ новую одесскую губернію, отойдутъ уѣзды: одесскій, тираспольскій, ананьевскій и одесское градоначальство. Въ составѣ херсонской губерніи останутся уѣзды: херсонскій, елисаветградскій и александрійскій. Къ нимъ предполагается присоединить уѣздъ верхнеднѣпровскій, екатеринославской губерніи.

Но при такомъ передѣленіи дѣло идетъ вовсе не объ одной картографической работѣ; съ нимъ связанъ весьма жизненный вопросъ: не измѣнятся ли отъ такого новаго размежеванія экономическія условія края въ ущербъ его интересамъ? Возможно ли будетъ поддержаніе и даже простое существованіе всего того, чтó сдѣлано до настоящей минуты тамошнимъ земствомъ для экономическихъ выгодъ мѣстнаго населенія? Безъ сомнѣнія, на эти вопросы пришлось бы дать отрицательный отвѣтъ, и вотъ почему херсонское губернское земское собраніе рѣшилось ходатайствовать о томъ, чтобы и нынѣ мысль о раздѣленіи губерніи была оставлена такъ, какъ она была оставлена въ 1850 году. Конечно, основанія для рѣшенія подоб-

ныхъ вопросовъ не могутъ быть отыскиваемы въ такъ-называемомъ patriotisme du clocher; тутъ нужно обратиться къ цифрамъ, которыя въ подобныхъ случаяхъ представляются неотразимо краснорѣчивыми.

Въ херсонской губерніи, въ ея настоящихъ границахъ, заключается безъ малаго 6 милл. 300 тыс. десят. земли, несущихъ налоги. При предполагаемомъ раздѣленіи губерніи — число это уменьшится на 2,350,000 десятинъ. Если къ этому присоединить верхнеднѣпровскій уѣздъ (это пока одинъ слухъ), заключающій въ себѣ 600 т. десятинъ, то все-таки территорія губерніи уменьшится болѣе чѣмъ на 1,750,000 десятинъ.

Городскія и посадскія недвижимыя имущества херсонской губерніи представляютъ собою цѣнность для налога въ 52,000,000 рублей. При раздѣленіи губерніи, сумма эта уменьшится на 45,000,000 руб., такъ что въ новой херсонской губерніи имуществъ уменьшится на 7,000,000 рублей.

По раскладкѣ на будущій годъ, херсонская губернская управа предполагаетъ губернскаго земскаго сбора съ разныхъ торговыхъ документовъ безъ малаго 72,800 руб. При раздѣленіи, губернскій сборъ этотъ уменьшится на сумму до 40,000 руб., если взять тѣ цифры, какія стоятъ въ проектѣ губернской смѣты на 1875 годъ; но очень возможно, что такое уменьшеніе будетъ гораздо значительнѣе.

По губернской земской смѣтѣ расходовъ на текущій 1874 годъ назначено губернскимъ земскимъ собраніемъ до 307 тыс. руб. расхода. Изъ этой суммы, для мѣстныхъ потребностей уѣздовъ, отпущено до 68 тыс. руб. и, слѣдовательно, для потребностей такъ-сказать обще-губернскихъ приходится до 240 тыс. рублей.

Вычтя изъ первой суммы—сумму, ассигнуемую для одесскаго, ананьевскаго и тираспольскаго уѣздовъ (до 23,000 руб.) и произведя такой же вычетъ изъ второй суммы (дорожныя сооруженія въ этихъ трехъ уѣздахъ—до 22,000 руб.), получимъ въ остаткѣ сумму губернскаго сбора, которая подлежитъ (или, лучше сказать, подлежала бы) къ расходу и раскладкѣ по губернской смѣтѣ херсонской губерніи въ предполагаемыхъ новыхъ границахъ. Сумма эта составитъ до 264 тыс., не считая расходовъ по верхнеднѣпровскому уѣзду.

Если мы вычтемъ изъ этой суммы соотвѣтственное количество доходовъ, остатковъ, разныхъ поступленій и проч., то все-таки сумма эта уменьшится не болѣе какъ тысячъ на 20—30, такъ что разложить придется на всѣ предметы обложенія никакъ не менѣе 234 т. руб., не считая опять-таки расходовъ по верхнеднѣпровскому уѣзду.

По проекту губернской смѣты, на будущій 1875 годъ предположено къ расходу до 336 т. руб. Если исключить изъ этой цифры всѣ

суммы, приходящіяся на одесскій, тираспольскій, ананьевскій уѣзды и г. Одессу (до 55 тыс. руб.), то получимъ сумму раскладки, приходящуюся на херсонскую губернію въ ея новыхъ границахъ; сумма эта — 281 тыс. рублей.

При разсмотрѣніи отдѣльныхъ предметовъ обложенія по смѣтѣ 1874 года, увидимъ слѣдующее.

Въ настоящее время, по дѣйствующей губернской раскладкѣ, въ губернскій земскій налогъ платится съ десятины въ уѣздахъ: херсонскомъ — $1\frac{1}{4}$ коп., елисаветградскомъ — $1\frac{3}{4}$ коп., александрійскомъ — $2\frac{1}{2}$ к. и верхнеднѣпровскомъ (включая и этотъ уѣздъ) $\frac{1}{3}$ коп.

При раздѣленіи губерніи, эти уѣзды будутъ платить среднимъ числомъ: херсонскій — 3 коп., елисаветградскій — 4 коп., александрійскій — 4 коп. и верхнеднѣпровскій — 5 коп. [1]) съ десятины.

Городскія и посадскія недвижимыя имущества, платящія теперь, по смѣтѣ 1874 года, въ общей сложности, 0,110 съ оцѣночнаго рубля, должны будутъ платить до 0,260 съ рубля.

Это относительно налоговъ только земскихъ! Возьмемъ теперь сумму всѣхъ налоговъ.

Всѣхъ сборовъ (земскихъ, государственныхъ, частныхъ) взимается въ настоящее время съ десятины земли:

Въ елисаветградскомъ уѣздѣ . .	16	коп.
„ херсонскомъ „ . .	10	„
„ александрійскомъ „ . .	$18\frac{1}{4}$	„

Для вычисленія процента налога, который упадаетъ на доходный рубль, при раздѣленіи губерніи, мы можемъ взять среднюю арендную плату съ десятины земли: для александрійскаго уѣзда въ 2 р. 50 к., елисаветградскаго — 2 р. и херсонскаго — 1 р. 50 коп [2]). Окажется, уѣзды будутъ платить:

Елисаветградскій	болѣе	9%
Александрійскій	болѣе	8%
Херсонскій	до	8%

съ доходнаго рубля [3]). Налогъ этотъ слишкомъ значителенъ, слиш-

---

[1]) Изъ губернской смѣты екатеринославской губерніи видно, что верхнеднѣпровскій уѣздъ несетъ теперь губернскаго сбора 2000 руб. съ небольшимъ; при присоединеніи этого уѣзда къ будущей херсонской губерніи, онъ будетъ платить (собственно земля его, не считая другихъ предметовъ) болѣе 30,000 руб., т.-е. въ 15 разъ болѣе!

[2]) Это опредѣленіе не фиктивное, а *фактическое*.

[3]) Съ рубля *валового*, а не чистаго дохода! — Для опредѣленія *чистаго* дохода, имѣя въ виду, что изъ 100 имѣній землевладѣльцевъ — 85 заложены и обременены частными долгами и уплатою слѣдовательно срочныхъ процентовъ, — придется арендную плату уменьшить *на половину*. А въ такомъ случаѣ налогъ долженъ быть увеличенъ вдвое, т.-е. будетъ 18% съ чистаго доход. рубля въ елисаветградскомъ уѣздѣ, 16% въ александрійскомъ и проч.

комъ тяжелъ для того, чтобы не обратить на него вниманія. Что же еще будетъ въ случаѣ переложенія на землю подушной подати?

Еще въ 1871 году утвержденъ херсонскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ докладъ коммиссіи, разсматривавшей правительственный „проектъ о замѣнѣ подушной подати подворнымъ налогомъ и поземельною податью"; по убѣжденію этой коммиссіи, норма налога съ десятины земли, для всѣхъ налоговъ вмѣстѣ взятыхъ, не можетъ быть выше 6% съ доходнаго рубля: иначе земля не вынесетъ обложенія. А мы видѣли, что при раздѣленіи губерніи норма эта сразу увеличивается до 9%. Итакъ, вотъ чтó говорятъ цифры по отношенію вопроса, какое можетъ имѣть вліяніе раздѣленіе губерніи на экономическій бытъ края. Нельзя также имѣть увѣренности, чтобы раздѣленіе губерніи полезно было въ видахъ общегосударственныхъ. При прежнихъ порядкахъ, когда не было ни земскихъ, ни судебно-мировыхъ учрежденій, когда все сосредоточивалось въ рукахъ губернскаго начальства,—бóльшій или меньшій районъ губерніи могъ имѣть вліяніе на ходъ административныхъ и другихъ дѣлъ. Но въ настоящую минуту, при земскомъ, городскомъ самоуправленіи и мировомъ судѣ, при проведеніи желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, дающихъ возможность къ быстрымъ сношеніямъ и распоряженіямъ губернскаго начальства, уменьшеніе района губерніи едва ли окажетъ какое-либо вліяніе на ходъ дѣлъ правительственныхъ. Нѣтъ надобности при этомъ говорить о томъ, что образованіе новой губерніи, учрежденіе новой губернской администраціи увеличитъ крупной суммой государственный бюджетъ, увеличивъ и размѣръ государственныхъ налоговъ.

Теперь обратимся къ интерессамъ Одессы. Одесса въ настоящее время составляетъ и безъ того центръ многихъ округовъ и управленій: военнаго, инженернаго, артиллерійскаго, учебнаго, судебнаго, питейно-акцизнаго, епархіальнаго, таможеннаго, контрольнаго и др. Какое же можетъ получить значеніе фактъ присоединенія ко всему этому (теперь тамъ градоначальникъ со многими правами губернатора) губернскаго правленія? Раздѣленіе херсонской губерніи скорѣе окажется бременемъ для жителей города, и вотъ почему. По дѣйствующей губернской смѣтѣ 1874 года назначено къ расходу 306,402 р. 68 к.; изъ этой суммы на долю собственно *недвижимыхъ имуществъ* г. Одессы приходится платить 33,305 р. 86 к. Слѣдовательно, на нихъ падаетъ нѣсколько выше *девятой части* губернскихъ налоговъ.

При раздѣленіи херсонской губерніи, общая цѣнность земель новой губерніи одесской (уѣзды: тираспольскій, одесскій, ананьевскій) представитъ собою сумму около 35,000,000 рублей въ то время, какъ

однѣ только недвижимыя имущества г. Одессы оцѣнены безъ малаго въ 44 милл. руб.

Если къ цѣнности земель прибавить цѣнность земель балтскаго уѣзда, который, по слухамъ, можетъ быть присоединенъ къ одесской губерніи, и взять для него среднюю оцѣнку, то цѣнность земель возвысится никакъ не болѣе какъ милліоновъ на 10-ть, и представитъ сумму до 45 милл. руб. Но въ такомъ случаѣ нельзя не обратить вниманіе и на то, что болѣе половины налоговъ съ разныхъ торговыхъ документовъ предполагаемой одесской губерніи падетъ опять-таки на лицъ, торгующихъ въ г. Одессѣ; слѣдовательно на тѣхъ же самыхъ жителей Одессы.

Впрочемъ, если принять въ разсчетъ балтскій уѣздъ, то цѣнность земель новой одесской губерніи будетъ до 45 милл., а цѣнность недвижимыхъ имуществъ г. Одессы до 44 милл. Прибавивъ же къ этой послѣдней суммѣ цѣнность земли, принадлежащей г. Одессѣ, мы получимъ сумму болѣе 44,600,000 руб., съ которой г. Одессѣ придется платить губернскій земскій налогъ.

Изъ всего этого ясно, что если г. Одесса участвуетъ въ настоящее время въ 9—10-й долѣ земскихъ расходовъ херсонской губерніи, то при учрежденіи губерніи одесской на г. Одессу ляжетъ никакъ *не менѣе половины всѣхъ земскихъ губернскихъ сборовъ*. Вотъ во что обойдется Одессѣ возведеніе ея въ рангъ губернскихъ городовъ! Къ языку цифръ намъ ничего не остается прибавлять.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е декабря, 1874.

Современное настроеніе въ Европѣ. — Національный принципъ и его увлеченіе. — Рѣчь Дизраэли. — Выборы въ Соединенныхъ Штатахъ. — Президентъ Грантъ и его партія.—Настроеніе умовъ въ Америкѣ.

Чрезмѣрная раздражительность національнаго чувства и преобладаніе безплодныхъ споровъ національнаго тщеславія никогда еще не были такъ сильны, какъ въ настоящее время. Политическія рѣчи и статьи разумѣются нынѣ не какъ оцѣнка той или другой политической системы, того или другого отдѣльнаго дѣйствія, такихъ или иныхъ учрежденій или потребностей, интересующихъ все человѣчество, но какъ памфлеты, имѣющіе цѣлью уколоть самолюбіе той или другой націи. Ненависть между французами и нѣмцами, недовѣріе итальянцевъ и испанцевъ къ французамъ, нерасположеніе скандинавскихъ народностей къ нѣмцамъ, взаимная напряженная наблюдательность между нѣмцами и славянами, однимъ словомъ—всеобщія рекриминаціи въ прошедшемъ и опасенія насчетъ будущаго, вотъ что смѣнило то сознаніе общей солидарности реальныхъ интересовъ, которое уже мало по-малу установлялось въ Европѣ и котораго, въ прежнее время, не могли поколебать даже и войны. Это сознаніе общей солидарности, дѣйствительно, поощрялось и укрѣплялось въ Европѣ долговременнымъ миромъ въ періодъ съ 1815 по 1853 годъ. Но его не поколебали ни восточная война 1853—1856 гг., ни итальянская война 1859 года. Образованное общество во всѣхъ странахъ откликалось на одни и тѣ же призывы, согласно привѣтствовало либеральныя реформы въ Германіи, согласно оскорблялось государственнымъ переворотомъ во Франціи, единодушно привѣтствовало возрожденіе Италіи. Результаты крымской войны не установили въ Россіи ненависти ко всему англійскому и французскому. Совсѣмъ напротивъ: тѣ національные предразсудки, та слѣпая вражда національнаго тще-

славія къ иноземному, которые теперь такъ видимо стали преобладать въ Европѣ, у насъ существовали отчасти до крымской войны, когда Западъ преклонялся передъ Россіею, существовали въ полуобразованныхъ слояхъ, въ силу нездороваго положенія общества и благодаря искусственнымъ возбужденіямъ нѣкоторыхъ недобросовѣстныхъ журналистовъ. Послѣ войны, несмотря на наши потери, мы трезвѣе и безпристрастнѣе стали судить о западной Европѣ, стали проникаться убѣжденіемъ въ солидарности реальныхъ интересовъ русскаго и западно-европейскаго общества. Война 1869 года, въ которой одна изъ великихъ державъ Германіи понесла огромныя потери, утратила преобладаніе въ Италіи и богатую область, не вызвала среди нѣмцевъ національнаго озлобленія. Несмотря на то, что побѣдители были французы, германская нація не сочла оскорбленною себя, не взглянула на утрату Ломбардіи, какъ на собственность, отнятую французами у нѣмцевъ. Но въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ произошло нѣчто такое, что́ послужило началомъ совершенной перемѣны во взаимномъ настроеніи народовъ. Сознаніе сходства, если не тождества, общественныхъ интересовъ уступило мѣсто взаимному раздраженію, подозрительности и несомнѣнному усиленію шовинизма во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ. Связь общественныхъ интересовъ поставлена была на задній планъ, а напередъ была выдвинута рознь національнаго самолюбія и тщеславія.

Какія же причины вызвали такую перемѣну въ настроеніи европейскихъ народовъ? Для того, чтобы выяснить ихъ вполнѣ, пришлось-бы бросить взглядъ на всю исторію Европы за нынѣшнее столѣтіе. Здѣсь достаточно будетъ замѣтить, что продолжительный періодъ мира искусственнымъ образомъ прервалъ исторію текущаго столѣтія, какъ ея ходъ былъ предопредѣленъ событіями, ознаменовавшими начало вѣка. Онъ внушилъ европейскому обществу ошибочное мнѣніе, что международная драма XIX вѣка уже сыграна, что вѣкъ этотъ уже совершилъ и покончилъ свои битвы. Отсюда явилась общность стремленій ко внутреннимъ улучшеніямъ, стремленій плодотворныхъ, стремленій, въ которыхъ и заключается истина; но ошибка состояла въ предположеніи, что отнынѣ исторія Европы замкнется именно въ этихъ стремленіяхъ. Французская революція создала не только элементъ связи для народовъ, но и элементъ раздора. Рядомъ съ стремленіемъ къ политической свободѣ явился такъ-называемый національный принципъ: стремленіе къ національной независимости. Пока онъ представлялся только стремленіемъ къ независимости народовъ покоренныхъ, онъ шелъ рука объ руку со стремленіемъ къ политической свободѣ, но когда онъ былъ усвоенъ правительствами сильныхъ государствъ, какъ новое орудіе для дѣйствія на умы народовъ, подобно тому, которымъ

прежде, въ эпоху тридцатилѣтней войны, являлась религія, когда національный принципъ сталъ выражаться не только въ стремленіи слабыхъ народовъ къ независимости, сколько въ содѣйствіи могущественныхъ народовъ своимъ правительствамъ для совершенія завоеваній подъ видомъ объединенія и возсоединенія, тогда національный принципъ совершенно измѣнилъ свой характеръ.

Пробужденіе національнаго принципа въ Италіи при войнахъ первой французской республики отозвалось въ Германіи, при первой французской имперіи, и проявилось весьма сильно въ 1813 году. Стремленіе къ единству стало съ тѣхъ поръ проникать массы въ Италіи и Германіи. Но искусственная система мира, извѣстная подъ именемъ священнаго союза, съ одной стороны связала дѣйствія тѣхъ правительствъ, которыя могли усвоить себѣ стремленіе къ національному единству и обратить его въ орудіе для увеличенія своего могущества; съ другой стороны, та же искусственная система мира, представляя собою относительно внутренняго развитія полную реакцію, связала народы континента, то-есть образованную часть ихъ, въ одно преобладавшее стремленіе—стремленіе къ внутреннимъ улучшеніямъ, къ общественной свободѣ. Національные инстинкты, казалось, задремали. Альфіери и Уго Фосколо, страстные, чистые національі, измѣнились въ Мадзини. „Vater“ Янъ и Арндтъ, тевтономанія и Franzosenfresserei вышли изъ моды, такъ что Гейне могъ смѣло бичевать ихъ, смѣшивая ихъ (совершенно справедливо) съ реакціею, которая обратила ихъ въ свое орудіе, могъ даже (нѣчто непонятное нынѣ) ставить нѣмцамъ вѣчно въ примѣръ Францію, и все-таки быть популярнѣйшимъ въ Германіи поэтомъ. Совершенно въ этомъ родѣ было настроеніе у насъ непосредственно послѣ крымской войны; это былъ нашъ 1848 годъ, и, къ счастью Россіи, хорошо понятый правительствомъ, это было наше „февральское“ и „мартовское“ время, счастливо вызвавшее преобразованія безъ потрясеній.

Но огонь національныхъ страстей не потухъ; онъ только скрывался подъ пепломъ и порою вспыхивалъ именно тамъ, гдѣ впервые возникъ—въ Италіи, надъ которою тяготѣло невыносимое давленіе. Понятно, что когда крымская война окончательно потрясла систему, созданную священнымъ союзомъ, когда исчезли искуственныя опоры, на которыхъ держался миръ въ Европѣ, когда сама реакція, въ лицѣ Наполеона III, изъ личныхъ разсчетовъ коснулась того очага, гдѣ давнѣе и упорнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, горѣла національная страсть,—все настроеніе должно было перемѣниться или, лучше сказать, движеніе, возникшее въ началѣ вѣка и искусственно остановленное на время, должно было проявиться съ новою силой. Исторія имѣетъ свою логику; самыя противорѣчія ея часто бываютъ только повто-

реніями того, что не успѣло совершиться въ свое время и отчасти уже забылось. Въ началѣ второй половины вѣка, какъ передъ началомъ первой половины его, примѣръ пробужденія національныхъ стремленій былъ данъ Италіею. Національный принципъ въ ней, уже не сдерживаемый системою искусственнаго мира, а наоборотъ, поддержанный новымъ представителемъ реакціи, Наполеономъ III, одержалъ полную, блестящую побѣду; онъ осуществился сперва въ независимости, затѣмъ въ единствѣ. Тогда эпидемія національнаго принципа вновь быстро охватила Европу, и прежде другихъ странъ— Германію, какъ было и прежде. Національный союзъ (Nationalverein) поставилъ открыто въ своей программѣ предводительство Пруссіи— германскаго Пьемонта. Примѣръ Италіи увлекъ нѣмцевъ съ неудержимою силой. Но возбужденіе національнаго принципа не ограничилось Италіею и Германіею. Въ Англіи началось движеніе волонтеровъ, для охраненія страны отъ мнимой опасности иностраннаго вторженія. Всѣ національности австрійской имперіи, которыхъ движеніе въ 1849 и 1850 годахъ было подавлено системою искусственнаго мира, снова подняли головы и предъявили вновь венгерскій, чешскій, кроатскій и другіе національные вопросы. Произошло возстаніе въ Герцеговинѣ противъ Турціи и борьба съ нею черногорцевъ; въ Сербіи произошло столкновеніе съ турками въ самомъ Бѣлградѣ; наконецъ, произошелъ мятежъ въ царствѣ польскомъ, а за нимъ возникло и въ Россіи весьма замѣтное, сперва справедливое, потомъ крайнее и излишнее возбужденіе національнаго чувства, національной страсти.

Естественно, что изъ всѣхъ этихъ движеній и стремленій народныхъ достигли своей цѣли только тѣ, которыя опирались на реальную силу. Въ ряду ихъ первое мѣсто принадлежало унитарному движенію Германіи. Какъ только нашелся человѣкъ, которому удалось убѣдить прусскаго короля въ дѣйствительной возможности осуществить единство Германіи въ пользу Пруссіи, дѣло уже было на половину сдѣлано. Духъ времени рѣшительно наталкивалъ Бисмарка на это предпріятіе, а въ обстоятельствахъ не было уже тѣхъ неустранимыхъ препятствій, какія имѣлись прежде. Сближеніе съ Россіею было готово съ 1863 года, то-есть со времени возстанія въ Польшѣ; Франція была занята и въ дѣйствительности обезсилена мексиканскою войной, Австрія и Англія были изолированы. Дѣло было рѣшено съ тѣхъ поръ, съ 1863 года, и пошло впередъ исполинскими шагами: въ 1864, 1866 и 1870 годахъ! Удержать его было невозможно. Ни на одномъ изъ этихъ этаповъ не могъ остановить его Наполеонъ III, какъ то ошибочно думаютъ многіе. Онъ возбудилъ противъ себя общее недовѣріе въ Европѣ и вмѣстѣ проигралъ

свою силу въ Мексикѣ; присоединеніемъ Савойи и Ниццы онъ возбудилъ противъ себя національное чувство въ Италіи и недовѣріе Англіи; представленіями по польскому дѣлу, когда мексиканская экспедиція ручалась за то, что онъ не предприметъ войны, онъ уронилъ свой престижъ; на этомъ же дѣлѣ, а затѣмъ на датскомъ вопросѣ окончательно разошелся съ Англіею, въ 1866 году поставленъ былъ въ альтернативу: или повѣрить неопредѣленнымъ намекамъ о вознагражденіи со стороны Пруссіи, или начать войну съ тѣмъ, чтоби сломать все сдѣланное имъ же въ Италіи. Вынужденный допустить все происходившее въ 1864 и 1866 годахъ, онъ выступилъ съ войною, неприготовленный, въ 1870 году, когда только этого и требовалось, чтобы сплотить югъ Германіи съ сѣверомъ въ порывѣ національнаго чувства. Сомнительно, чтобы онъ сдѣлалъ это охотно; трудно предположить такое ослѣпленіе въ человѣкѣ, хотя бы и необыкновеннаго ума — какимъ онъ слылъ прежде — но всетаки въ человѣкѣ опытномъ, съумѣвшемъ сдѣлать такія дѣла, какъ восточная война и освобожденіе Италіи. Но сила имъ вызванная оказалась могущественнѣе его. Наполеонъ III, въ своемъ подражаніи дядѣ, оказался похожимъ на того ученика, который зналъ отъ учителя формулу вызывать духовъ, но не зналъ слова для заклинанія ихъ. Въ 1859 году онъ прозрѣлъ возможность возобновленія противъ него коалицій; виллафранкскій миръ, оставлявшій неоконченнымъ изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи, былъ ошибкой, конечно, такъ какъ онъ далъ впослѣдствіи въ распоряженіе Пруссіи средство переманить Италію на свою сторону; но есть основаніе думать, что передъ Наполеономъ явилась въ то время опасность болѣе непосредственная. Пруссія могла сдѣлать въ то время, въ союзѣ съ Австріею, на его счетъ то, чтó впослѣдствіи она сдѣлала, въ союзѣ съ Австріею, на счетъ Даніи. Увидавъ съ 1859 года возможность утверждать власть своей династіи во Франціи войнами въ Европѣ, Наполеонъ III вступилъ на путь совершенно фальшивый. Съ одной стороны, онъ сталъ дѣлать уступки либерализму внутри Франціи, уступки крайне-недостаточныя и безплодныя, такъ какъ либерализмъ никогда не могъ простить ему государственнаго переворота, и пользовался этими уступками только для того, чтобы пробивать бреши въ самомъ зданіи второй имперіи; съ другой стороны, онъ хотѣлъ занять Францію внѣшней войной по прежнему, но уже не въ Европѣ, гдѣ она казалась опасною. Разложеніе Сѣверо-американскаго Союза въ 1861 году, которое онъ считалъ окончательнымъ, подало ему мысль о завоеваніяхъ за океаномъ. На обоихъ этихъ путяхъ онъ неминуемо шелъ къ обезсиленію и паденію. Предпріятіе въ Мексикѣ лишило его возможности выступить съ войною въ Европѣ, когда бы онъ былъ вы-

нужденъ къ войнѣ и когда могъ надѣяться на поддержку своей власти порывомъ національнаго чувства въ самой Франціи. Когда онъ увидѣлъ свою ошибку относительно распаденія Соединенныхъ Штатовъ, Наполеонъ сталъ уже помышлять о возвращеніи своихъ войскъ изъ Мексики, сознавая, что мексиканское дѣло не можетъ имѣть успѣха, не можетъ поддержать его династіи, а наоборотъ, даетъ старымъ партіямъ во Франціи оружіе въ видѣ реальныхъ интересовъ, терпящихъ отъ несбыточной заатлантической затѣи. Но пока ему удалось устроить отступленіе изъ Мексики такимъ образомъ, что оно прикрыто трономъ несчастнаго Максимиліана, въ Европѣ уже прогремѣли событія 1864 и 1866 годовъ. Пруссія пренебрегла имъ, сама Италія если не ослушалась его, то все-таки нашла иного союзника. Наполеонъ прибѣгнулъ вновь къ лекарству, которое было противно самой природѣ второй имперіи: онъ далъ Франціи новую дозу либерализма въ 1870 году, чтобы утѣшить ее относительно упадка внѣшняго могущества. Но духъ времени, возбужденіе національнаго чувства, не остались чужды и самой Франціи. Успѣхи Пруссіи, упадокъ авторитета Франціи, вызвали въ этой послѣдней странѣ глубокое и живое озлобленіе, котораго не могло излечить такое средство, какъ назначеніе министерства Олливье́; либералы продолжали оставаться почти сплошь врагами самаго существованія имперіи. Несмотря на успѣхъ плебисцита, всѣ въ Европѣ и въ самой Франціи предчувствовали, что династія Бонапартовъ непремѣнно падетъ, если Наполеонъ III не вызоветъ Бисмарка на поединокъ и не выйдетъ побѣдителемъ изъ новой европейской войны. Только въ такомъ случаѣ, имперія могла бы утвердиться во Франціи на неопредѣленное время, даже имперія либеральная. Вызовъ послѣдовалъ со стороны Наполеона, хотя предлогъ былъ данъ со стороны Бисмарка.

Тогда совершилось германское единство; германская имперія была провозглашена въ Версалѣ. Полнѣйшее удовлетвореніе себѣ нашло національное чувство нѣмцевъ, и возбужденіе его осталось доселѣ такъ сильно, что интересы внутренняго развитія остаются въ Германіи на второмъ планѣ, несмотря на всѣми сознаваемую необходимость расширенія политическихъ правъ народа. Но время—не въ пользу подобныхъ вопросовъ. Мольтке сказалъ правду, что со всѣхъ сторонъ Германію окружаетъ недовѣріе или зависть. Среди общества европейскихъ народовъ произошло то, что̀ случается среди частныхъ людей, когда кто-либо вдругъ и не безъ ущерба для другихъ разбогатѣетъ. Національный принципъ продолжаетъ преобладать въ Европѣ, отодвигая на задній планъ мысль о внутреннихъ политическихъ улучшеніяхъ; мысль объ общей солидарности исчезла; націо-

пальное раздраженіе чувствуется повсюду. Французы и скандинавскіе народы ненавидятъ Германію, нѣмцы, несмотря на свой полный успѣхъ, ненавидятъ французовъ, славяне не довѣряютъ нѣмцамъ и нѣмцы славянамъ, итальянцы и испанцы съ раздраженной подозрительностью относятся къ Франціи. Мало того, народъ, имѣющій повидимому всѣ причины быть довольнымъ своей судьбой, англичане не избѣгли общаго зараженія: несмотря на постепенное облегченіе налоговъ, на блестящее финансовое хозяйство и успѣшное совершеніе важныхъ преобразованій, министерство Гладстона пало главнымъ образомъ вслѣдствіе недовольства тѣмъ, что оно „уронило" внѣшнее значеніе Великобританіи. Датская война, принятая англичанами довольно близко, принесла имъ первое разочарованіе въ этомъ отношеніи; исходъ элебемскаго дѣла возбудилъ въ нихъ глубокое, хотя и недостаточно выражаемое неудовольствіе; наши успѣхи въ Средней Азіи сдѣлали остальное. Въ любой англійской статьѣ о внѣшнихъ дѣлахъ, встрѣчаются выраженія горькой ироніи, въ родѣ слѣдующихъ: „когда Великобританія имѣла еще вліяніе на политику иныхъ державъ", „когда слово англійскаго министра имѣло еще значеніе" и т. д.

Вотъ очеркъ того настроенія, въ какомъ нынѣ находятся европейскіе народы; ему соотвѣтствуетъ, въ сферѣ матеріальныхъ фактовъ, удвоеніе съ 1859 года вооруженій. Долго ли продержится нынѣшнее настроеніе въ Европѣ—предвидѣть нельзя; но одно можно, кажется, предусматривать съ нѣкоторой увѣренностью, а именно, что преобладаніе такъ-называемаго „принципа національностей" или „національнаго принципа" должно повесть къ новымъ войнамъ. Далѣе, онъ произвелъ только одно послѣдствіе, благопріятное для дѣла свободы: найдя случайно опору въ реальной силѣ, онъ освободилъ Италію. Далѣе, онъ могъ бы, также опираясь на реальную силу, повесть къ освобожденію турецкихъ славянъ. Болѣе онъ ничего произвесть не можетъ, потому что за этими двумя исключеніями не предвидится такого вопроса, въ которомъ могли бы соединиться два условія, необходимыя для того, чтобы принципъ національностей осуществился и, осуществясь, принесъ дѣйствительную пользу культурѣ. Повсемѣстное осуществленіе принципа національностей, то-есть перестройка всей Европы на основаніи его, разумѣется, невозможна. Весьма вѣроятно, что, произведя еще нѣсколько войнъ, усиливъ сильныхъ и окончательно лишивъ надежды слабыхъ, національный принципъ, наконецъ, утомитъ Европу. Настанетъ вѣроятно время, когда европейское общество—какъ это обыкновенно бываетъ—вдругъ откроетъ простую истину, которая очевидна уже и теперь и была достаточна ясна для всѣхъ лѣтъ двадцать тому назадъ, а

именно, что весь ходъ матеріальнаго и нравственнаго развитія въ Европѣ противорѣчитъ принципу національностей, потому что ведетъ къ постепенному уравненію условій жизни въ разныхъ мѣстностяхъ Европы, къ сближенію и знакомству другъ съ другомъ, къ утратѣ національныхъ особенностей въ бытѣ, одеждѣ, обычаяхъ, даже въ языкѣ; что здравое направленіе политическаго развитія должно быть согласно съ этимъ ходомъ, а не противорѣчить ему. Тогда національный принципъ, съ сопровождающимъ его безплоднымъ тщеславіемъ и раздраженіемъ, будетъ сданъ въ архивъ. Поэты, подобные Виктору Гюгó, который провозглашаетъ священными права человѣчества, но подъ условіемъ, чтобы оно стояло на колѣняхъ предъ Франціей; философы, подобные Штраусу, который отрицалъ Христа, но поклонялся Бисмарку, уже не будутъ выразителями народныхъ стремленій. Новый Кузенъ во Франціи заставитъ своихъ соотечественниковъ познать и уважать умственную жизнь Германіи, новый Гейне въ Германіи повторитъ слова прежняго, что если суждено быть борьбѣ, то она должна быть не изъ-за цвѣта рейтузъ. Мыслители, готовые стать посредниками и примирителями, быть можетъ, есть и теперь. Но философъ и поэтъ—ничто безъ аудиторіи, расположенной внимать имъ; въ этомъ смыслѣ их дѣлаетъ эпоха. Еще три-четыре тяжкихъ войны, еще перемѣщеніе нѣсколькихъ десятковъ мильярдовъ, съ разореніемъ для побѣжденныхъ, безъ всякой пользы для побѣдителей,—и Европа устанетъ. Тогда аудиторія, о которой мы говоримъ, будетъ готова. Чувство общей солидарности реальныхъ интересовъ, общее стремленіе къ внутреннимъ улучшеніямъ проявятся вновь и установятся уже прочнѣе, чѣмъ въ эпоху системы искусственнаго поддержанія мира, стоющаго хорошей войны.

Недавно „Сѣверогерманская газета“ сравнила два заявленія о видахъ Европы въ ближайшемъ будущемъ: отзывъ тронной рѣчи императора Вильгельма и замѣчаніе перваго министра Великобританіи на банкетѣ въ гильдейской залѣ по поводу вступленія въ должность новаго лорда-мэра въ Лондонѣ. Дизраэли сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „не могу утверждать, что при настоящемъ положеніи дѣлъ на континентѣ нѣтъ поводовъ къ безпокойству. Но могу заявить вамъ, что, по мнѣнію министровъ ея величества, со стороны великихъ державъ, въ настоящую минуту, имѣется единодушное желаніе поддержать миръ, и что миръ этотъ будетъ поддержанъ“. „Сѣверогерманская газета“ нашла, что это замѣчаніе несогласно съ отзывомъ тронной рѣчи германскаго императора, въ которой заявлено было, что миръ обезпеченъ союзами великихъ державъ, и, сравнивая два эти заявленія, оффиціозный органъ князя Бисмарка находилъ послѣднее болѣе авторитетнымъ, чѣмъ слова г. Дизраэли, и болѣе

справедливымъ. Между тѣмъ, увѣренность въ непосредственномъ сохраненіи мира была выражена и въ словахъ англійскаго министра; а что касается до поводовъ къ безпокойству, то и въ рѣчи императора они не были пройдены молчаніемъ, такъ какъ въ ней упоминалось о постоянномъ заподозриваніи намѣреній германскаго правительства, и даже указывалось на такой случай, когда всѣ государи и народы Германіи возстали бы снова на защиту чести имперіи. По справедливости слѣдуетъ сказать, что отзывъ Дизраэли былъ даже благопріятнѣе надеждамъ мира, чѣмъ отзывъ германской тронной рѣчи, въ которой слышалось нѣчто весьма похожее на угрозу. Но рѣчь, произнесенная премьёромъ въ Гильдъ-голлѣ не понравилась германской оффиціозной печати не однимъ приведеннымъ выше мѣстомъ. Въ рѣчи Дизраэли едва ли были особыя намѣренія; рѣчи въ подобныхъ случаяхъ обусловливаются характеромъ собранія; издавна англійскіе министры за ежегоднымъ банкетомъ въ гильдейскомъ залѣ хвалили благополучіе англійскаго народа въ сравненіи съ народами континента, выставляли преимущества свободныхъ учрежденій Великобританіи, выражали сочувствіе тѣмъ странамъ, которыхъ представители, присутствующіе на банкетѣ, почему-либо обращали на себя особенное вниманіе. Рѣчи эти, какъ неоффиціальныя, никогда не отличались оффиціальной сдержанностью, и лордъ Пальмерстонъ давалъ въ нихъ свободное теченіе своему саркастическому юмору, которымъ никто не думалъ обижаться. Но это было въ то время, когда народы не были одушевлены той раздражительностью и самолюбивой нетерпимостью, которыя нынѣ преобладаютъ въ ихъ умахъ. За нынѣшнимъ банкетомъ произнесъ рѣчь французскій посолъ, графъ де-Жарнакъ, воспитывавшійся въ Англіи, имѣющій въ ней родственныя связи и дружественныя связи съ покойными сэромъ Робертомъ Пилемъ, лордомъ Эбердиномъ, и съ самимъ Дизраэли. Рѣчь его не была особенно блестяща, но она была произнесена на чистѣйшемъ англійскомъ языкѣ и выражала глубокое уваженіе къ учрежденіямъ и государственнымъ людямъ Великобританіи, и увѣренія въ сочувствіяхъ французской націи къ этой странѣ. Естественно, что Дизраэли долженъ былъ отвѣтить на это увѣреніями личнаго и народнаго сочувствія къ Франціи. Выразивъ французскому послу, что чувства, имъ заявленныя, взаимно раздѣляются Англіею и упомянувъ о положеніи дѣлъ на континентѣ, премьеръ сказалъ: „не входя въ соображенія, которыя могли бы быть перетолкованы невѣрно, скажу, что, по моему убѣжденію, въ нашей странѣ имѣется общее чувство удивленія къ эластичности и внутренней силѣ, выказаннымъ Франціею послѣ неслыханныхъ бѣдствій; я имѣю такое довѣріе къ мудрой умѣренности и благоразумному великодушію, обнаруженнымъ

нынѣшними ея правителями, что, по моему мнѣнію, въ ихъ образѣ дѣйствій представляется еще другой поводъ къ надеждѣ на сохраненіе мира, въ которое мы вѣримъ".

Это мѣсто рѣчи Дизраэли крайне не понравилось въ Германіи; тамъ въ его словахъ усмотрѣли такое значеніе, будто дѣйствія германскаго правительства не внушаютъ Англіи увѣренности въ мирѣ, и она ожидаетъ его сохраненія только отъ долготерпѣнія Франціи. Другое мѣсто въ рѣчи англійскаго премьера, хвалившаго учрежденія своей страны и права своихъ согражданъ, было принято нѣмецкою печатью за явное оскорбленіе Германіи. Дизраэли сказалъ: „рабочія сословія нашей страны унаслѣдовали многія такія преимущества, права и вольности, какими не пользуется даже аристократическій классъ въ иныхъ государствахъ; имъ нечего опасаться ни произвольныхъ арестованій, ни домовыхъ обысковъ". Эти слова перваго министра Англіи вызвали цѣлую бурю негодованія въ оффиціозной и національно-либеральной печати Германіи. Хотя, повторяемъ, они не заключали въ себѣ ничего такого, что́ бы не было сказано въ разныхъ видахъ неопредѣленное число разъ за тѣмъ же банкетомъ и въ другихъ внѣ-парламентскихъ рѣчахъ министрами Великобританіи (особенно часто повторялъ это Пальмерстонъ), но настроеніе народовъ нынѣ таково, что они были примѣнены прямо къ дѣлу графа Арнима, и въ нихъ усмотрѣно было порицаніе образа дѣйствій германскаго правительства, несмотря на то, что слова эти въ прямомъ своемъ смыслѣ могли въ равной и даже въ бо́льшей степени относиться и къ Испаніи, и къ Турціи, и къ самой Франціи. Характеристично для нынѣшняго настроенія Европы то обстоятельство, что въ самой Англіи слова Дизраэли были поняты не въ общемъ ихъ смыслѣ, но именно въ смыслѣ намека на дѣло Арнима, въ смыслѣ выходки противъ образа дѣйствій Бисмарка. Чтобы привесть примѣръ, сошлемся на отзывъ газеты „Pall Mall". Послѣ обычнаго введенія, что „хотя въ настоящее время слова англійскаго министра и не имѣютъ прежняго вѣса на континентѣ", „Pall Mall" замѣчалъ: „англичане отличаются между націями своимъ уваженіемъ къ власти, а среди англичанъ этимъ особенно отличаются тори; между тѣмъ вождь англійскихъ тори, выражая, какъ въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться, общее чувство своей партіи и своихъ соотечественниковъ, можетъ такъ прямо выражать неодобреніе послѣднему проявленію силы князя Бисмарка. И если германскій канцлеръ пойметъ то мѣсто (рѣчи), въ которомъ говорится о томъ, какимъ образомъ держитъ себя Франція, такъ, какъ это мѣсто непремѣнно будетъ понято у насъ, если онъ усмотритъ въ этомъ отзывѣ подразумѣваемое осужденіе (an implied rebuke) высокомѣрной (overbearing)

политики Германіи относительно Франціи, то можетъ быть увѣренъ, что и въ этомъ отношеніи англійскій министръ только выразилъ чувство огромнаго большинства своихъ согражданъ. Изъ этого онъ можетъ узнать, если это можетъ имѣть какую-нибудь для него цѣну, что онъ вступилъ на такой политическій путь, на которомъ онъ лишается сочувствій даже и тѣхъ иноземныхъ зрителей, которые наилучшимъ образомъ расположены къ управляемой имъ націи, и которые доселѣ смотрѣли на возвышеніе ея къ величію не только безъ зависти, но даже съ удовольствіемъ".

Оффиціозная „Сѣверо-германская газета" выразила крайнее раздраженіе по поводу рѣчи Дизраэли; стала доказывать, что намекъ на внутреннія дѣла иностраннаго государства въ устахъ министра былъ неприличенъ, что, впрочемъ, арестованіе графа Арнима не было произвольнымъ дѣйствіемъ, такъ какъ оно послѣдовало по распоряженію судебной власти; что дѣйствія германскаго правительства направлены къ охраненію мира, и миръ вполнѣ обезпеченъ могущественными союзами; что внутреннее положеніе Англіи далеко не такъ удовлетворительно, какъ его выставлялъ ея министръ; что многочисленныя стачки рабочихъ свидѣтельствуютъ о противномъ, и что, „однимъ словомъ мы радикально расходимся въ воззрѣніяхъ съ г. Дизраэли, находя, что спокойствіе вполнѣ обезпечено на континентѣ, а напротивъ въ Англіи есть элементы, способные внушить серьёзное безпокойство". Когда такъ выражалась печать оффиціозная, то легко представить себѣ, какою полемикой разразилась печать преданная, то-есть *національно*-либеральная. Что личность и собственность не обезпечены въ Англіи, такъ какъ дороговизна и медленность судопроизводства въ ней предоставляютъ защиту закона только богатымъ, что безсиліе побѣжденной Франціи лучше всего ручается за сохраненіе мира, что іезуиты и папская непогрѣшимость не могутъ поколебать его въ Германіи (обыкновенно тѣ же органы утверждаютъ противное), что застольныя рѣчи и въ томъ числѣ банкетные спичи въ Гильдъ-голлѣ—пустая болтовня, которой предшествовало уже опорожненіе нѣсколькихъ стакановъ вина — все это можно было прочесть въ одной статьѣ „Кёльнской газеты". Само собою разумѣется, что и во Франціи рѣчь Дизраэли была понята съ точки зрѣнія національнаго тщеславія. Величіе Франціи, хотя оно и разгромлено при Седанѣ, пріятно было найти возстановленнымъ въ рѣчи „знаменитаго государственнаго мужа Великобританіи".

Но дѣло этимъ не кончилось. Національная раздражительность такъ велика въ наше время, что рѣчь Дизраэли вызвала, повидимому, дипломатическія представленія изъ Берлина. По крайней мѣрѣ, въ „Times" появилась замѣтка, что газета эта уполномочена опро-

вергнуть отношеніе словъ г. Дизраэли къ дѣлу графа Арнима. Это опроверженіе было сочтено отреченіемъ британскаго министра отъ своихъ словъ, и такъ какъ въ „Times“, которой отношенія къ Бисмарку извѣстны, замѣтка эта обставлена была объясненіями въ такомъ родѣ, что напрасно французы обрадовались, что извѣстный писатель „Journal des Débats“, Джонъ Лемуаннь, указалъ въ замѣткѣ, помѣщенной въ „Times“, „извиненія, поднесенныя отъ имени британскаго министра германскому канцлеру“. Это въ свою очередь вызвало неудовольствіе въ англійской печати, не только на французскаго публициста, но и преимущественно на самого Дизраэли. Газета „Spectator“ сказала по этому новоду: „никогда еще человѣкомъ въ положеніи г. Дизраэли не было сдѣлано столь необыкновеннаго отреченія, и трудно допустить, чтобы оно могло явиться безъ легкаго давленія изъ Берлина... Этотъ случай производитъ самое неблагопріятное для насъ послѣдствіе въ самой Германіи. Тамъ скажутъ себѣ, какъ въ иныхъ словахъ уже сказалъ г. Джонъ Лемуаннь, что безопаснѣе для германскаго депутата нападать на князя Бисмарка въ Берлинѣ, чѣмъ для англійскаго министра произнесть въ Лондонѣ осужденіе какого-либо дѣйствія германскаго канцлера“.

Мы остановились на этомъ эпизодѣ потому, что въ немъ очень хорошо отражается нынѣшнее настроеніе Европы. Народы, если можно такъ выразиться, заняты личною перебранкой, и каждый политическій вопросъ въ одномъ государствѣ разсматривается печатью другой стороны не съ точки зрѣнія общихъ политическихъ принциповъ, но съ узкой точки какого-то провинціальнаго тщеславія и сводится въ сущности на вопросъ о томъ, кто лучше, умнѣе, храбрѣе, богаче. Завидное время для успѣховъ человѣческаго ума, нечего сказать! Этою общею характеристикой настроенія Европы мы и ограничимся въ отношеніи къ ней на этотъ разъ, тѣмъ болѣе, что въ фактическомъ положеніи дѣлъ за прошлый мѣсяцъ не успѣло еще выясниться ничего новаго. Германскій сеймъ по открытіи своемъ прошелъ только чрезъ первое чтеніе проектовъ судебнаго преобразованія, которые переданы въ коммиссію и къ которымъ мы возвратимся при возвращеніи ихъ въ собраніе. Французское національное представительство успѣло еще только возобновить свое бюро, избравъ вновь своимъ президентомъ г. Бюффè и герцога д'Одиффрè-Пакьè своимъ вице-президентомъ. Обратимся пока къ Америкѣ, гдѣ въ послѣднее время произошло событіе первостепенной важности.

Въ мартѣ будущаго года истекаетъ срокъ полномочій членовъ 43-го конгресса Соединенныхъ Штатовъ, и потому въ истекшемъ ноябрѣ происходили выборы. Они дали такой результатъ, что съ будущаго конгресса, то-есть съ 4-го марта 1875 года, преобладаніе

должно перейти изъ рукъ республиканской партіи, управлявшей союзомъ тринадцать лѣтъ, въ руки партіи демократической, побѣжденной на выборахъ 1860 года, побѣжденной на полѣ междоусобной войны 1861—1865 годовъ, снова побѣжденной на президентскихъ выборахъ 1868 и 1872 годовъ, и казавшейся окончательно утратившею довѣріе и вліяніе. Въ палатѣ представителей, которой срокъ наступитъ въ будущемъ мартѣ, на 280 членовъ республиканская партія располагала большинствомъ до 100 голосовъ; въ сенатѣ ей принадлежало болѣе двухъ третей голосовъ. Это положеніе дѣлъ теперь измѣнилось такимъ образомъ, что въ будущей палатѣ представителей большинствомъ около 50 членовъ будутъ располагать демократы, а въ сенатѣ республиканское большинство останется, но будетъ состоять всего изъ 10 голосовъ. Президентъ Грантъ сохранитъ свою власть до марта 1877 года, но въ теченія двухъ послѣднихъ лѣтъ правленія ему придется имѣть дѣло съ враждебнымъ большинствомъ въ палатѣ представителей,—фактъ, котораго не было со времени случайнаго президентства Андру Джонсона съ 1865 по 1869 г. Всѣ согласны въ томъ, что результатъ нынѣшнихъ выборовъ представляетъ протестъ большинства избирателей противъ политики генерала Гранта. Но въ этомъ результатѣ проявляются еще и другія мѣстныя обстоятельства, а отчасти и нѣчто общее съ духомъ, господствующимъ въ настоящее время въ Европѣ.

Нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ создано войною между югомъ и сѣверомъ и ближайшими послѣдствіями этой войны: освобожденіемъ рабовъ и дополненіями къ конституціи, которыя предоставили неграмъ политическое право и уравненіе въ правахъ гражданскихъ. Чтобы выяснить нынѣшнее положеніе дѣлъ, необходимо, стало-быть, бросить хоть бѣглый взглядъ на положеніе, бывшее до войны. Республика Соединенныхъ Штатовъ создалась колонизаціею изъ Англіи и изъ Европы черезъ Англію, не только въ томъ смыслѣ, что эмигранты съ европейскаго континента отправлялись въ Америку изъ англійскихъ портовъ, но еще и въ томъ, что, переѣхавъ въ Америку, они всѣ подчинялись вліянію британскаго элемента, становились англійскими американцами, не перенося въ новое отечество своихъ національныхъ стремленій. Такимъ образомъ, хотя на сѣверѣ съ теченіемъ времени все усиливался элементъ ирландскій и нѣмецкій, но о племенной розни съ югомъ, гдѣ бѣлое населеніе было чисто-англійскаго происхожденія, не могло быть рѣчи. Особенности британскаго характера, англо-саксонскій духъ и англійскій языкъ, нѣсколько американизированный, преобладали здѣсь и тамъ.

Но рознь между югомъ и сѣверомъ имѣла первоначальные корни все-таки въ самомъ характерѣ заселенія обѣихъ странъ. Первые англійскіе колонисты, утвердившіеся въ Виргиніи, были добровольные выходцы, состоятельные младшіе сыновья богатыхъ, даже аристократическихъ фамилій, и фермеры, перенесшіе свой капиталъ на новую, богатую почву для занятій прежнимъ своимъ дѣломъ—земледѣліемъ. Эти англійскіе колонисты образовали на югѣ чисто-помѣщичій классъ, съ земледѣльческими интересами и аристократическими понятіями; они стали пріобрѣтать себѣ рабочихъ въ неграхъ, вывозимыхъ изъ Африки, и это рабство, естественно, только усилило аристократическій духъ въ южанахъ. Иной характеръ имѣла позднѣйшая колонизація, утвердившаяся въ сѣверо-восточныхъ и среднихъ штатахъ; это были англійскіе диссиденты, бѣжавшіе отъ преслѣдованій, пролетаріи изъ большихъ городовъ и изъ Ирландіи, бѣжавшіе для прокормленія, рабочіе изъ разныхъ странъ, имѣвшихъ излишекъ населенія. Эта колонизація имѣла характеръ чисто-демократическій; рабство могло возникнуть на сѣверѣ только въ немногихъ мѣстностяхъ, потому что колонисты являлись не съ деньгами, для покупки рабочихъ, а съ руками, привыкшими къ работѣ и требовавшими работы. Негры-рабы для нихъ могли быть только опасными конкуррентами, понижающими заработную плату. Сѣверъ получилъ мануфактурный и демократическій характеръ.

Такимъ образомъ, въ борьбѣ между югомъ и сѣверомъ отразилось не племенное различіе, но естественный антагонизмъ интересовъ земледѣльческихъ и аристократическихъ понятій съ интересами мануфактурными и понятіями демократическими. Югу нужно было рабство, сѣверу оно угрожало; югу нужна была свобода торговли, сѣверу—высокое обложеніе ввозныхъ продуктовъ. До 1850 года, союзомъ управляли преимущественно люди юга или демократы сѣвера. Изъ двадцати президентскихъ избраній, бывшихъ до Линкольна, на долю одной Виргиніи выпало девять, въ томъ числѣ двукратное избраніе Уашингтона. Партія, носящая названіе «демократической», партія юга, была демократическою развѣ только въ томъ, что находилась въ союзѣ съ такъ-называемой „черньюˮ Нью-Іорка; въ дѣйствительности же именно она была партіею аристократическою.

Побѣда сѣвера въ войнѣ привела къ тому, что помѣщичье населеніе юга не только было лишено преобладанія въ союзѣ, но и господства въ южныхъ штатахъ. Негры пріобрѣли равный съ прежними своими владѣльцами голосъ, а сверхъ того, въ переходное время южане, участвовавшіе въ возстаніи, были лишены участія въ мѣстныхъ должностяхъ, а надъ исполненіемъ законовъ относительно освобожденія негровъ наблюдали на югѣ особые комитеты, состав-

ленные изъ республиканцевъ сѣвера. Хотя формальное устраненіе бывшихъ инсургентовъ отъ занятія общественныхъ должностей продолжалось недолго, но южане сами долго устранялись отъ нихъ добровольно, изъ ненависти къ новому порядку. Этимъ устраненіемъ южанъ воспользовались разные и весьма многочисленные искатели наживы, являвшіеся съ сѣвера, подъ именемъ республиканцевъ, для занятія должностей на югѣ. Они увлекали негровъ увѣреніями въ преданности своей дѣлу освобожденія, пріобрѣтали ихъ голоса на выборахъ, попадали въ члены законодательныхъ собраній и губернаторы южныхъ штатовъ, и затѣмъ грабили круговою порукой, декретируя и исполняя общественныя работы, раздавая подряды, и заключая займы. Въ теченіи какихъ-нибудь десяти лѣтъ, они обременили южные штаты значительными долгами, изъ которыхъ высасывали по возможности бо́льшую часть въ свою пользу, а такъ какъ въ Уашингтонѣ правила республиканская партія, которая удобно могла прикрывать ихъ подъ политическимъ предлогомъ, то они внесли и въ среду федеральныхъ властей, съ которыми дѣлились добычею, сильное развращеніе. Эти люди, „либеральные" пришельцы съ сѣвера, искавшіе мѣстъ и наживы на югѣ, получили прозваніе carpet-baggers, отъ слова carpet-bag, т.-е. дорожный мѣшокъ или чемоданъ, въ которомъ „укладывалось все ихъ имущество", когда они являлись на югъ, гдѣ они затѣмъ обращались въ богачей. Изъ поддержки такихъ людей во имя аболиціонизма и уравненіе негровъ въ правахъ нѣкоторые политики сѣвера, и главный между ними—генералъ Ботлеръ, сдѣлали систему такой эксплуатаціонной стачки въ самомъ союзномъ конгрессѣ, что вся администрація и даже отчасти законодательство (по вопросамъ экономическимъ, напр. о бумажно-денежномъ обращеніи и возстановленіи платежей звонкою монетой) получили эксплуатаціонное направленіе, то-есть направлялись въ интересахъ могущественной клики Ботлера, его приверженцевъ и цѣлой арміи ихъ агентовъ и креатуръ. На президента легла, конечно, отвѣтственность за эту систему; многіе обвиняли его даже въ содѣйствіи ей, но, и устранивъ это подозрѣніе, остается фактъ, что онъ долженъ былъ явиться пассивнымъ ея сообщникомъ именно потому, что эксплуатація велась вліятельнѣйшими людьми той партіи, которой онъ былъ обязанъ своимъ двукратнымъ избраніемъ.

Само собою разумѣется, что въ республиканской партіи оставалось все-таки немало людей, чистыхъ республиканцевъ по убѣжденію, а не по стачкѣ, съ цѣлью наживы; во главѣ ихъ былъ сенаторъ Сомнеръ, продолжавшій проводить въ законодательныхъ палатахъ мѣры для дѣйствительнаго, полнаго уравненія негровъ, а не занимавшійся поддержкою мнимо-республиканскихъ губернаторовъ

юга, дѣлившихся добычею съ „либералами" сѣвера. Въ Сомнерѣ, умершемъ въ нынѣшнемъ году, республиканская партія потеряла человѣка, котораго одно имя напоминало о великомъ прошедшемъ этой партіи. Сомнеръ и лучшая часть республиканцевъ еще въ 1872 году, при послѣднихъ президентскихъ выборахъ, не хотѣла избирать Гранта. Грантъ зналъ, что республиканская партія распадается, что она теряетъ популярность, что уже въ 1872 году онъ былъ избранъ вновь, только благодаря несостоятельности демократическаго кандидата и при помощи значительнаго числа голосовъ юга, который цѣнилъ и цѣнитъ въ Грантѣ умѣренное употребленіе, какое онъ сдѣлалъ изъ своей побѣды надъ югомъ, скорое возстановленіе мѣстныхъ управленій, наконецъ полную амнистію, дарованную прежнимъ инсургентамъ.

По всему видно, что Грантъ намѣревался, въ противность обычаю, установленному Джорджемъ Уашингтономъ, явиться кандидатомъ на президентство союза въ третій разъ. Таково, по крайней мѣрѣ, было общее убѣжденіе въ Соединенныхъ Штатахъ, и Грантъ не опровергалъ его до тѣхъ поръ, пока результатъ послѣднихъ выборовъ не показалъ ему, какъ слаба вѣроятность успѣха; только тогда онъ заявилъ, что „никогда не искалъ почестей", но и тутъ не сказалъ положительно, что кандидатства въ третій разъ не приметъ. Очень вѣроятно, что онъ надѣялся и теперь на содѣйствіе голосовъ юга, ожидая, что при слабости демократической партіи ей не удастся провесть своего кандидата, и демократы скорѣе подадутъ голоса за него, Гранта, чѣмъ за какого-нибудь друга Ботлера. Но, при этомъ, Грантъ поставленъ былъ въ необходимость лавировать между разными партіями. Въ удовлетвореніе лучшей части республиканской партіи, онъ положилъ свое veto въ нынѣшнемъ году на вотированный конгрессомъ, подъ вліяніемъ Ботлера, такъ-называемый inflation-bill, то-есть на законъ, увеличивавшій, подъ видомъ ограниченія нормою, количество бумажно-денежнаго обращенія, котораго добивалась спекуляція. Онъ поддержалъ губернатора Келлога въ Луизіанѣ, при недавнемъ мятежѣ въ Новомъ-Орлеанѣ, дѣйствуя при этомъ, какъ глава республиканской партіи, къ которой принадлежитъ мулатъ Келлогъ. Но скандалы въ администраціи и самая необычайность третьяго избранія слишкомъ сильно говорили противъ видовъ Гранта въ средѣ самихъ республиканскихъ избирателей. Тогда Грантъ, повидимому, сталъ возлагать надежду главнымъ образомъ на югъ: органъ президента, новая газета „Republic" заявила недавно, что президентъ сожалѣетъ, что воспротивился увеличенію бумажно-денежнаго обращенія (котораго желаетъ и югъ) и намѣренъ не допускать внесеннаго еще Сомнеромъ билля объ уравненіи негровъ

въ правахъ общежитія (civil-rightl' bill, воспрещающій подъ штрафами всякое исключеніе негровъ изъ общественныхъ школъ, собраній, и т. п.). Но разсчеты Гранта на югъ, повидимому, разстроены, во-первыхъ, покровительствомъ, которое онъ оказалъ Келлогу, а во-вторыхъ—и это главное—тѣмъ, что демократическая партія, партія юга, на новыхъ выборахъ сознала свою силу. Теперь она, по всей вѣроятности, проведетъ на будущихъ президентскихъ выборахъ въ ноябрѣ 1876 года своего собственнаго кандидата.

Упомянувъ о возстаніи въ Новомъ-Орлеанѣ противъ губернатора Луизіаны республиканца Келлога, мы коснемся той черты, замѣчаемой нынѣ во внутренней жизни Соединенныхъ Штатовъ, въ которой какъ-бы отражается духъ, господствующій нынѣ въ Европѣ. До самаго послѣдняго времени, въ Америкѣ была извѣстна только борьба между демократами и республиканцами, рабами и бывшими ихъ владѣльцами, борьба реальныхъ интересовъ и политическихъ принциповъ. Презрѣніе къ неграмъ въ общежитіи совершенно въ одинаковой степени проявлялось и на сѣверѣ, какъ на югѣ; но бѣлые совершенно расходились между собой въ политическомъ отношеніи къ неграмъ. Теперь же, съ тѣхъ поръ, какъ негры, по невѣжеству и неопытности, явились орудіемъ эксплуататоровъ и расхитителей, на югѣ явилась „бѣлая лига", которая состоитъ не изъ однихъ демократовъ. Большинство бѣлыхъ, живущихъ на югѣ, стало стремиться къ ниспроверженію господства черныхъ, которымъ пользовались carpet-baggers. Возникла настоящая борьба расъ, которой не было прежде, когда негры не имѣли политическихъ правъ. Противъ бѣлой лиги, столь могущественной, что въ Луизіанѣ она собрала войско, болѣе многочисленное, чѣмъ армія Соединенныхъ Штатовъ, составилась лига черная, состоящая исключительно изъ цвѣтныхъ людей, со стороны которыхъ слышатся теперь жалобы, что не только враждебные имъ бѣлые, но и друзья ихъ—республиканцы,—обманули негровъ, пользуясь ихъ голосами для собственнаго обогащенія, но заботливо исключая негровъ отъ дѣлежа и должностями, и наживой. Такимъ образомъ, раздраженію національностей въ Европѣ соотвѣтствуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ вражда расъ, которая только теперь проявляется на полѣ политикѣ въ чистомъ видѣ, безъ прикрасы политическими принципами и наименованіями.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24/12 ноября.

УЛЬТРАМОНТАНЫ, ЗАКОНЪ О ЛАНДШТУРМѢ, И ДѢЛО ГР. АРНИМА.

Политическая жизнь въ ея различныхъ фазисахъ напоминаетъ порою горный потокъ. Потокъ вытекаетъ изъ горной стремнины, съ пѣной и шумомъ катится между утесами, но мало по-малу становится все спокойнѣе и спокойнѣе, и наконецъ лѣниво катитъ свои волны. То же самое бываетъ и съ политическими вопросами. Въ моментъ своего возникновенія, они производятъ много шума, но мало по-малу шумъ стихаетъ, и все принимаетъ спокойный видъ. Но бываютъ случаи, когда именно въ этотъ спокойный періодъ ходъ событій оказывается особенно важнымъ.

Въ настоящую минуту виды нѣмецкой внутренней политики текутъ очень вяло, и можно подумать, что ихъ безумную юношескую прыть уходили великія рѣшенія нынѣшней весны. Мысль, что военный вопросъ можетъ снова вызвать внутреннее столкновеніе, произвело въ то время такую панику въ массѣ населенія, что оно, конечно, оставило бы рейхстагъ безъ поддержки, если бы послѣдній не рѣшился уступить. Либералы сознавались, что правительство могло тогда провести *все*, что́ бы ни пожелало. Консерваторы были того же мнѣнія и не могли простить князю Бисмарку, что онъ тогда уступилъ. Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что правительство отлично знало о настроеніи страны, и канцлеръ лишь на основаніи высшихъ политическихъ соображеній воздержался отъ празднованія побѣдъ надъ парламентской оппозиціей. Но даже самые умѣренные изъ консерваторовъ все еще не могутъ отдѣлаться отъ устарѣвшихъ политическихъ воззрѣній, въ силу которыхъ либерализмъ и оппозиція вообще считаются *политическимъ зломъ*, а главнымъ призваніемъ королевской власти—доказывать свою силу сокрушеніемъ того и другой, подобно тому какъ рыцарь сокрушилъ дракона. Но какія изъ того вытекаютъ послѣдствія для государства, это доказали 1848 г., и печальный періодъ съ 1850 г. по 1859 г. Мы видѣли, что результатомъ оказалось абсолютное безсиліе государства, отъ котораго всего болѣе теряетъ королевская власть. Новѣйшая наука признаетъ, что всѣ прежнія схематическія дѣленія государствъ, сообразно ихъ правительственнымъ формамъ, есть дѣло чисто внѣшнее. Каждое государство есть *индивидуумъ*, который преслѣдуетъ извѣстныя задачи, и каждый отдѣльный человѣкъ содѣйствуетъ этимъ цѣлямъ

государства, частію сознательно, частію безсознательно. Это либеральное воззрѣніе на государство раздѣляетъ также и князь Бисмаркъ, и слова, съ которыми онъ обратился въ прошломъ году къ Ласкеру и которыя тогда сочтены были за парадоксъ, сказанный съ сердцовъ, найдутъ позднѣе болѣе справедливую оцѣнку. Въ то время Ласкеръ (дѣло происходило въ засѣданіи рейхстага 16 іюня 1873 г.) сказалъ, что рейхстагъ достаточно долго занимался финансовыми вопросами и пора ему заняться такими, которые касаются правъ народа, на что̀ Бисмаркъ, внѣ себѣ отъ гнѣва, возразилъ: „народными представителями должны считаться всѣ господа, засѣдающіе здѣсь, и къ народу принадлежимъ всѣ мы; я также пользуюсь народными правами; и императоръ тоже принадлежитъ къ народу. Всѣ мы народъ, а не одни только господа, которые представляютъ старыя, традиціонныя притязанія, носящія названія либеральныхъ, но не всегда либеральныя по духу. Я воспрещаю монополизировать названіе народа и исключать меня изъ народа“. Слово *воспрещаю*, конечно, совсѣмъ не въ парламентскомъ духѣ или, лучше сказать, оно звучитъ деспотично, но въ дѣйствительности воззрѣнія князя Бисмарка все же либеральны.

Въ томъ же родѣ, какъ и князь Бисмаркъ, высказался недавно посланникъ при французской республикѣ, князь Гогенлоэ, въ рѣчи къ своимъ избирателямъ, сказавъ, что онъ считаетъ себя представителемъ не только императора, но и нѣмецкаго народа. За это выраженіе реакціонная пресса жестоко на него напала. Но на дѣлѣ оно доказываетъ, что благородное свободомысліе распространяется даже и въ высшихъ классахъ, гдѣ его всего меньше можно было бы ожидать.

Мысль, руководившая княземъ Бисмаркомъ, когда онъ посовѣтовалъ императору согласиться на компромиссъ, мотивировалась двумя обстоятельствами: во-первыхъ, желаніемъ не оставлять непріятнаго впечатлѣнія у либеральной партіи, на которую ему приходилось главнымъ образомъ опираться; а во-вторыхъ, и тѣмъ соображеніемъ, что военный законъ нельзя больше взять изъ рейхстага, не приготовивъ серьёзныхъ опасностей на будущее время; потому что безъ права утверждать военный бюджетъ конституціонное право рейхстага обратится въ пустое слово. Когда принято было семилѣтнее предварительное положеніе, то дѣло представлялось въ такомъ свѣтѣ, какъ будто бы рейхстагъ выпустилъ изъ своихъ рукъ всѣ свои права, уже благодаря назначенію наличнаго состава, но и въ то время возражали, да и теперь это подтверждается: назначеніе наличнаго состава вовсе не рѣшаетъ вопроса о бюджетѣ, а послѣдній повлечетъ за собой пренія, изъ которыхъ правительство не вы-

путается, не упразднивъ нѣкоторыхъ постовъ или не ограничивъ ихъ значительно. Это будетъ очень непріятно для военныхъ, и они по всей вѣроятности будутъ горько жаловаться; но такой исходъ совершенно неизбѣженъ. Если желаютъ удержать конституціонныя учрежденія, которыя представляютъ много преимуществъ и для самого правительства, то надо примириться и съ ихъ непріятными сторонами, въ числѣ которыхъ самымъ рельефнымъ является антипатія парламента (по крайней мѣрѣ въ Англіи и въ Германіи) къ военному налогу. Но, говоря безпристрастно, въ настоящее время нельзя упрекнуть въ совершенномъ равнодушіи къ военнымъ дѣламъ даже и прогрессивную партію: она только расходится съ правительствомъ во мнѣніи касательно размѣра того, что́ считается необходимымъ; но подъ вліяніемъ послѣдней войны и опасенія, что Франція непремѣнно затѣетъ войну возмездія, общественное мнѣніе гораздо скорѣе уступитъ въ настоящее время желаніямъ правительства, въ дѣлѣ рѣшенія военнаго вопроса, чѣмъ этого можно будетъ ожидать впослѣдствіи. Но первое рѣшеніе тутъ какъ разъ самое важное, потому что будетъ служить прецедентомъ для всѣхъ послѣдующихъ. Этотъ прецедентъ естественно будетъ выгоденъ для правительства, въ томъ случаѣ, конечно, если снова образуется правительственная партія. Въ настоящую минуту, съ этой стороны, дѣло еще не налажено, потому что, съ распаденіемъ старой консервативной партіи, никакъ не можетъ образоваться никакой прочной организаціи партій, и правительство собственно никогда не можетъ разсчитывать на большинство и, слѣдовательно, можетъ опасаться пораженій, которыя очень роняютъ его достоинство, а между тѣмъ никакой иной комбинаціи нельзя придумать съ тѣмъ, чтобы обезпечить за министерствомъ большинство. Чтобы выставить вполнѣ всѣ аномаліи настоящаго положенія, надо сказать, что князь Бисмаркъ, въ настоящее время, какъ и въ 1870 г., считается незамѣнимымъ всѣми патріотическими партіями страны, какъ бы онѣ ни были радикальны, и никому въ голову не приходитъ желать его удаленія изъ министерства.

Ультрамонтанскія газеты продолжаютъ приходить въ ярость, если толкуютъ о національной и антинаціональной партіи, и подъ этой послѣдней подразумѣваютъ ихъ. Порою даже имъ присвоиваютъ еще прозвище: „враговъ имперіи". При этомъ они, какъ водится, забываютъ о томъ, какими словами *они* сами обзываютъ своихъ противниковъ. Но въ одномъ отношеніи они правы, когда возстаютъ противъ выраженія „враги имперіи", а именно, когда говорятъ о томъ, какое впечатлѣніе долженъ производить за-границей тотъ фактъ, если значительную часть жителей государства называютъ „врагами

имперіи". Затѣмъ они указываютъ на то, что католики во время послѣдней войны выказали такой же патріотизмъ и такъ же проливали свою кровь, какъ и протестанты. Это, конечно, справедливо, но также вѣрно и то, что *вожди* ультрамонтанъ (которые отнюдь не тожественны съ католиками) громко и открыто заявляютъ о своей враждѣ къ Пруссіи и къ основанной Пруссіей германской имперіи. Большинство нѣмецкихъ и въ особенности прусскихъ католиковъ вовсе не рады настоящей распрѣ между церковью и государствомъ, и желаютъ, чтобы она прекратилась возможно скорѣе; но молодымъ и честолюбивымъ капланамъ, прямо заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ, вовсе не желателенъ такой конецъ. Для патріотизма ультрамонтанъ весьма характеристично, напримѣръ, слѣдующее обстоятельство, имѣвшее мѣсто въ Бреславлѣ. Тамъ происходило ежегодное генеральное собраніе силезскаго католическаго общества. Это общество вмѣщаетъ въ себѣ всѣ ультрамонтанскіе элементы. Всѣ умѣренные католики, которые иначе, чѣмъ іезуиты, относятся къ свѣтской власти и ея правамъ, изгоняются изъ него. Итакъ, это общество собралось на генеральное засѣданіе, и его предсѣдатель, графъ Боллештремъ, провозгласилъ прежде всего «ура» въ честь императора, причемъ мотивировалъ это слѣдующимъ образомъ: „насъ выдаютъ за враговъ имперіи, потому что мы оказываемъ открытое, законное, честное сопротивленіе законамъ, которымъ не можемъ сочувствовать. Мы открыто признаемъ, что король получилъ свою корону отъ Бога. Но этому не противорѣчитъ то, что мы не согласны съ правительствомъ на счетъ нѣкоторыхъ пунктовъ. Мы апеллируемъ къ королю, который худо насъ знаетъ, но долженъ насъ лучше узнать, и объявляемъ, выражаясь употребительнымъ въ Англіи выраженіемъ, что мы всеподданнѣйшая его величества оппозиція". Отъ васъ конечно не ускользнетъ софизмъ, скрытый въ этомъ разсужденіи „вѣрноподданнѣйшая оппозиція" состоитъ въ томъ, что добрый подданный отнюдь не дѣлаетъ оппозиціи (то-есть не оказываетъ сопротивленія) законамъ, которыхъ не одобряетъ, но стремится законнымъ путемъ добиться отмѣны этихъ законовъ. Но этой казуистикой дѣло не кончилось: непосредственно за провозглашеніемъ «ура» въ честь императора, папы и кронпринца, произнесена была рѣчь однимъ изъ членовъ объ исторіи силезской церкви (т.-е. католической), которая будто бы со времени присоединенія Силезіи къ Пруссіи „представляется непрерывной цѣпью страданій". Глазамъ своимъ не вѣришь, читая такія вещи. Терпимость прусскихъ государей была всегда образцовой, и именно въ Силезіи католики и протестанты жили въ совершенномъ мирѣ и согласіи со времени присоединенія; множество католиковъ успѣшно подвизались на службѣ,

и никогда не могли пожаловаться на притѣсненія до тѣхъ поръ, пока ультрамонтанскій духъ не овладѣлъ католической церковью.

Вражда къ имперіи баварскихъ ультрамонтанъ, и въ особенности баварской ультрамонтанской прессы выражается еще рѣзче. Особенно отличается въ этомъ отношеніи издаваемая д-ромъ Зиглемъ газета „*Baierisches Vaterland*". Къ числу баварскихъ особенностей принадлежитъ, какъ извѣстно, еще и то, что публика читаетъ только тѣ газеты, которыя издаются въ небольшомъ форматѣ. „*Augsburger Allgemeine Zeitung*" хотя и космополитическая газета и даже меньше распространена въ Баваріи, чѣмъ въ другихъ частяхъ Германіи, не могла отдѣлаться отъ формата in-quarto. Самая распространенная баварская газета, либеральная и антиклерикальная „*Neuesten Nachrichten*" издается даже въ форматѣ in-octavo, да притомъ не очень большомъ. Отчасти небольшой форматъ газетъ и невѣроятная скудость ихъ содержанія зависитъ отъ ихъ низкой цѣны, потому что главная масса баварскаго народа признаетъ газеты за роскошь, и желаетъ, если ужъ приходится за нихъ платить, платить какъ можно дешевле; хотя „*Vaterland*" издается въ небольшомъ форматѣ in-quarto, но печатается такими крупными буквами, что вся газета даетъ едва ли больше матеріала, чѣмъ мои четыре исписанныхъ листа! Но никакой переводъ не можетъ дать вѣрнаго понятія о ней, потому что языкъ ея пересыпанъ баварскими терминами, придающими ей особенный колоритъ. Такъ, напр., пруссаковъ называетъ эта газета не иначе, какъ „Der Preuss", что̀ придаетъ непередаваемый презрительный оттѣнокъ. Какъ это зачастую бываетъ, противуположности здѣсь сходятся, потому что поэты въ высокомъ слогѣ употребляютъ единственное число для обозначенія цѣлаго народа и, наоборотъ, въ низкомъ слогѣ это становится ругательствомъ. Но въ данномъ случаѣ оно становится особенно оскорбительнымъ вслѣдствіе сокращенія (*der Preuss*, вмѣсто *der Preusse*—та же газета, которая послѣ пруссаковъ ненавидитъ всего сильнѣе евреевъ, говоритъ: *der Jud*, вмѣсто *der Jude*). Стремленія баварской „*Vaterland*" заключаются въ томъ, чтобы вызвать, какимъ бы то ни было способомъ, распаденіе германской имперіи, вслѣдствіе чего Пруссія сдѣлалась бы безсильной, а Баварія снова пріобрѣла бы свою прежнюю самостоятельность. Какъ извѣстно, Баварія и теперь самостоятельна и участвуетъ лишь въ союзѣ, который доставляетъ ей большія выгоды, но за то, разумѣется, требуетъ отъ нея и нѣкоторыхъ жертвъ; напримѣръ, онъ не допускаетъ, чтобы Баварія, въ случаѣ еслибы во главѣ ея стало ультрамонтанское правительство, обратилось бы, въ союзѣ съ Франціей и Австріей, противъ остальной Германіи. Поэтому „*Vaterland*" съ край-

нимъ цинизмомъ возстаетъ противъ всякаго проявленія нѣмецкаго національнаго чувства. Когда, напр., нѣмецкій военный корреспондентъ въ Испаніи, отставной капитанъ Шмидтъ, былъ разстрѣлянъ карлистами и эта, ничѣмъ неоправдываемая, жестокость возбудила во всей Германіи живѣйшее негодованіе, „*Vaterland*" выразила свое удовольствіе и радость, что карлисты разстрѣляли *прусскаго шпіона*, и когда двѣ канонирскихъ лодки нѣмецкаго флота „*Альбатросъ*" и „*Наутилусъ*" посланы были къ испанскимъ берегамъ, „*Vaterland*" насмѣхалась надъ „прусскими скорлупками" и выражала надежду, что „Фрицхена (уменьшительное отъ Фрица, Фридрихъ, употребляемое „*Vaterland*'омъ" въ насмѣшку надъ германскимъ кронпринцемъ) постигнетъ та же участь, какъ и „*шпіона Шмидта*". Когда Кульманнъ выстрѣлилъ въ князя Бисмарка, „*Vaterland*" утверждала, что это не что иное, какъ комедія, разыгранная за тѣмъ, чтобы оживить ослабѣвающую популярность канцлера. Когда недавно въ Мюнхенѣ совершено было убійство съ цѣлью грабежа, и у убійцы, котораго вскорѣ затѣмъ открыли, найдена была пара запонокъ съ портретомъ императора Вильгельма, то этого было достаточно для „*Vaterland*", чтобы объявить убійцу либераломъ и свалить вину за убійство на либераловъ. Но верхомъ цинизма со стороны „*Vaterland*" было, по моему мнѣнію, то, что вскорѣ послѣ пожара, случившагося въ Мейнингенѣ, она объявила, что ей предлагаютъ открыть подписку въ пользу погорѣльцевъ, но она этого не сдѣлаетъ, потому что протестанты могутъ помогать погорѣвшимъ протестантамъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе послали въ рейхстагъ „жида Ласкера", который существенно содѣйствовалъ проведенію законовъ противъ католической церкви.

Нѣкоторое время позорнѣйшія изъ выходокъ „*Vaterland*'а" перепечатывались здѣшними газетами, такъ какъ старинный взглядъ, будто газеты не имѣютъ права перепечатывать, даже съ цѣлью опроверженія, противозаконныя выходки другихъ газетъ, давно уже оставленъ, да и вообще различныя стѣсненія исчезаютъ одно за другимъ. Само собой разумѣется, что приличные и умѣренные католики осуждаютъ образъ дѣйствія „*Vaterland*" и подобныхъ газетъ. Епископъ нассаускій неоднократно заявлялъ объ этомъ, но за то „*Vaterland*" осыпаетъ его неслыханными ругательствами. Какъ извѣстно, въ Парижѣ Вейльо такимъ же точно образомъ поступалъ съ епископомъ Дюпанлу, осмѣлившемся протестовать противъ его вольностей. Это вообще характеризуетъ образъ дѣйствій ультрамонтанъ, которые всегда проповѣдуютъ уваженіе къ власти, но сами отказываются ей повиноваться, какъ только эта власть поступаетъ противъ ихъ желаній. Ультрамонтаны вообще напоминаютъ мнѣ народныя орды въ эпоху переселенія народовъ. Вся орда проникнута однимъ

общимъ желаніемъ завоеванія, добычи и господства. Избираются предводители и имъ повинуются до тѣхъ поръ, пока они исполняютъ то, чего не столько сознательно, сколько инстинктивно желаетъ весь народъ; но какъ скоро они поступятъ наперекоръ этимъ инстинктамъ или попробуютъ ихъ сдержать, такъ власти ихъ наступаетъ конецъ. Эта организація несомнѣнно весьма могущественна, но въ ней есть также и своя слабая сторона. Продолжая начатую параллель, скажу, что подобно тому, какъ средневѣковыя орды послѣ чрезвычайныхъ удачъ и побѣдъ распадались удивительно быстро, не оставивъ никакого слѣда тѣхъ завоеваній, которыя были сдѣланы ими, между тѣмъ, какъ страны, по которымъ они прошли побѣдоносно, сново оправлялись—такъ и ультрамонтаны въ настоящее время должны ожидать той же участи, и ихъ воинственный жаръ и жажда къ завоеванію и господству, одушевляющая ихъ полчища, должны такъ же безслѣдно потухнуть. Мнѣ сдается, что это воспослѣдуетъ гораздо раньше, чѣмъ это желательно для либераловъ, которые весьма справедливо находятъ, что католическая церковь, которая по существу своему является рѣшительнымъ врагомъ всякаго прогресса и въ политической сферѣ, никогда сильнѣе не вредила себѣ, какъ въ послѣднее время, благодаря своей борьбѣ съ государствомъ. Правительство каждую минуту готово примириться, хотя бы уже потому, что разладъ, вслѣдствіе новаго законодательства, необыкновенно быстро растетъ и въ евангелической церкви. Новый законъ, по которому церковный бракъ и крещеніе перестаютъ быть обязательными, вступилъ, какъ извѣстно, въ силу 1-го октября, и евангелическое населеніе оказалось, противъ всякаго ожиданія, индифферентнымъ. Въ одномъ изъ берлинскихъ приходовъ, въ теченіе октября мѣсяца, изъ 63-хъ брачныхъ паръ, только 12 прибѣгнули къ церковному браку, а изъ 150-ти новорожденныхъ младенцевъ только 12 были окрещены. Духовенство, получающее главный доходъ свой отъ совершенія этихъ требъ, испугалось уменьшенія своихъ доходовъ и такого доказательства равнодушія къ церкви. Поэтому оно недовольно правительствомъ, и не знаетъ, какъ ему быть. Оно склоняется главнымъ образомъ къ тому, чтобы усилить церковную дисциплину, и въ различныхъ синодахъ предполагается принять цѣлый рядъ мѣръ: предостереженіе черезъ пастора, предостереженіе черезъ консисторію, лишеніе правъ быть крестнымъ отцомъ, лишеніе церковнаго избирательнаго права, причащенія и погребенія. Но, по всѣмъ вѣроятіямъ, эти дисциплинарныя мѣры лишь окончательно оттолкнутъ индифферентныхъ отъ церкви. Отмѣной же закона, въ силу котораго церковный бракъ и крещеніе перестали быть принудительными, само собой разумѣется, ничего бы не достигли, потому

что принудительныя дѣйствія не имѣютъ никакой нравственной цѣны. Ультрамонтаны торжествуютъ и видятъ въ этихъ печальныхъ явленіяхъ признакъ распаденія евангелической церкви, и выводятъ изъ нихъ то слѣдствіе, что отнынѣ возможны только два исхода: или совершенное невѣріе, или абсолютное подчиненіе папской власти, которое сплачиваетъ католическую церковь.

Парламентскія дѣла поглощаютъ все вниманіе страны, такъ какъ рейхстагу предстоитъ провести цѣлый рядъ законовъ, кромѣ бюджета; а именно: законъ о ландштурмѣ, о банкахъ, законъ о натуральныхъ повинностяхъ на содержаніе вооруженной силы въ мирное время и великіе судебные законы. Законъ о ландштурмѣ подалъ поводъ къ интереснымъ и оживленнымъ преніямъ. Что касается фактической стороны закона, то необходимо прослѣдить исторію его возникновенія. Когда, въ силу конституціи сѣверо-германскаго союза, упразднился знаменитый прусскій военный законъ, изданный 4-го сентября 1814 г., ландштурмъ пересталъ существовать законно даже и въ идеѣ. Но воспослѣдовавшій вскорѣ затѣмъ законъ 9-го ноября 1867 г. о воинской повинности снова вызвалъ его къ жизни, какъ предварительное законное учрежденіе, упомянувъ о немъ, какъ о составной части вооруженной силы и спеціально оговоривъ, что ландштурмъ состоитъ изъ всѣхъ обязанныхъ военной службой (т.-е. изъ всѣхъ нѣмцевъ, за исключеніемъ членовъ царствующаго дома), имѣющихъ отъ роду отъ 17-ти до 42-хъ лѣтъ, и которые не принадлежатъ ни къ войску, ни къ флоту. Кромѣ того, въ этомъ законѣ стоитъ еще слѣдующее: ландштурмъ собирается лишь по повелѣнію главнокомандующаго союзными войсками, когда какой-нибудь части союзной территоріи угрожаетъ непріятельское вторженіе. При обсужденіи военнаго закона принято было рѣшеніе,—главнымъ образомъ по настоянію центра (ультрамонтанской партіи),—что служебныя отношенія членовъ ландштурма регулируются закономъ и этотъ законъ, послѣ того, какъ онъ безъ особеннаго затрудненія прошелъ въ союзномъ совѣтѣ, внесенъ былъ въ рейхстагъ въ засѣданіе in-plenum. Въ силу этого законопроекта ландштурмъ призывается только императорскимъ манифестомъ, которымъ опредѣляется и его численность, и мѣстности, въ которыхъ производится призывъ. По призывѣ ландштурма, къ нему будутъ примѣняемы всѣ военные законы и постановленія ландвера. Хотя изъ ландштурма будутъ формируемы отдѣльныя части, но въ случаѣ невозможности сформировать кадры этихъ частей, или въ случаѣ чрезвычайной надобности, ландштурмъ можетъ служить для пополненія ландвера. Наконецъ, ландштурму долженъ быть присвоенъ значокъ, который можно видѣть на разстояніи выстрѣла. Первое впечатлѣніе, произведенное законопроек-

томъ, когда онъ былъ обнародованъ, было весьма благопріятное, и именно благодаря эффектному мѣсту, въ которомъ приводятся его мотивы, и которое, конечно, вышло изъ-подъ пера Мольтке:

„Призывъ ландштурма въ той формѣ, какую устанавливаетъ законопроектъ, не даетъ права нашимъ противникамъ ни даже предлога къ мѣропріятіямъ, которыя бы не соотвѣтствовали принципамъ народнаго права. Но черезъ это измѣненіе не долженъ ослабнуть тотъ духъ, который одушевлялъ прусскій указъ о ландштурмѣ отъ 21-го апрѣля 1813 г. Пагубно было бы такое дѣйствіе законодательства, которое могло бы ослабить желаніе народа всѣмъ пожертвовать, въ случаѣ необходимости, для чести. Поэтому цѣль проекта заключается вовсе не въ томъ, чтобы поставить преграду тому, чтобы нація и на будущее время въ минуту крайняго бѣдствія и *съ сознаніемъ неизбѣжныхъ послѣдствій* принимала крайнія мѣры для пораженія врага. Но для призыва ландштурма не слѣдуетъ дожидаться этого момента, и война должна сохранить долѣе, чѣмъ это было бы возможно при другихъ обстоятельствахъ, гуманный характеръ“.

Это мѣсто, какъ уже выше сказано, чрезвычайно понравилось общественному мнѣнію, и въ самомъ дѣлѣ оно носитъ геройскій характеръ. Конечно, можно при этомъ замѣтить, что по введеніи ландштурма останутся лишь весьма ничтожныя силы, которыя могли бы предпринять что-нибудь противъ непріятеля. Мало по-малу въ прессѣ поднялись возраженія противъ проекта, въ которомъ многіе видѣли возстановленіе ландвера второго призыва, но не того ландштурма, который учрежденъ былъ закономъ 1813 г. и который во всякомъ случаѣ былъ гораздо слабѣе организованъ, чѣмъ можетъ быть теперешній ландштурмъ. Въ то время прусскіе патріоты имѣли въ виду примѣръ Испаніи и Россіи, гдѣ Наполеонъ былъ, въ концѣ-концовъ, побѣжденъ ополченіемъ цѣлаго народа. Съ духомъ, — въ какомъ былъ созванъ тогдашній ландштурмъ, который его творцы гораздо правильнѣе называли народнымъ возстаніемъ—можно познакомиться всего лучше по первоначальному проекту Гнейзенау, который Перцъ приводитъ въ своей біографіи Гнейзенау. При этомъ особенно замѣчательно то, что король Фридрихъ-Вильгельмъ III сдѣлалъ замѣчанія о проектѣ, на которыя въ свою очередь возражалъ Гнейзенау: когда Пруссіи угрожаетъ вторженіе непріятеля, т.-е. погибель, то королевская власть ищетъ помощи и содѣйствія въ народномъ возстаніи. (На это король замѣчаетъ: отчаянная борьба, которая такимъ образомъ завяжется, конечно предпочтительнѣе и почтеннѣе, чѣмъ добровольное подчиненіе непріятельскому игу). Народное возстаніе должно вспыхнуть какъ въ тѣхъ провинціяхъ, ко-

торыя не оторваны отъ монархіи, такъ и въ тѣхъ, которыя уже отрѣзаны непріятелемъ, въ первыхъ по приказу, въ послѣднихъ по требованію короля. Во главѣ возстанія становится предводитель, который вербуетъ патріотически настроенныхъ и энергическихъ людей. Между членами возстанія не существуетъ никакихъ письменныхъ сношеній; мало того: они даже не должны знать другъ друга. Какъ видно, Гнейзенау изучилъ искусство заговоровъ. Но еще страннѣе этой организаціи звучатъ въ устахъ стараго солдата совѣты, которые онъ даетъ странствующимъ предводителямъ. Они избираютъ въ члены такихъ людей, патріотизмъ которыхъ имъ извѣстенъ. Они сначала стараются заслужить ихъ довѣріе, затѣмъ заводятъ рѣчь о несчастной участи, постигшей отечество. Затѣмъ говорятъ, что распоряженія правительства показываютъ, что оно намѣрено въ крайнемъ случаѣ оказать отчаянное сопротивленіе, что на обязанности каждаго лежитъ взяться за оружіе, что извѣстно, что во многихъ мѣстахъ населеніе готово это сдѣлать, и что этотъ моментъ можетъ стать роковымъ для враговъ Пруссіи и германской независимости. Такими и тому подобными способами стараются оживить любовь къ отечеству и стремленіе къ свободѣ и независимости, и возбудить ослабѣвшую національную гордость Пруссіи. Только тогда, когда чувства патріотизма и самопожертвованія будутъ возбуждены, заговорятъ о средствахъ къ приведенію въ исполненіе задуманнаго возстанія. Съ людьми рьяными нужно обращаться крайне осмотрительно, но стараться привлекать ихъ къ себѣ; они, такъ же какъ и мечтатели, весьма полезны; съ эгоистами, которые заботятся только о личныхъ интересахъ, надо обращаться весьма вѣжливо и снисходительно, чтобы они не могли повредить. Въ противномъ случаѣ они могутъ стать доносчиками той или другой стороны. Никогда не должно говорить о начальствѣ, о предводителяхъ, иначе сейчасъ начнутся распри, потому что честолюбивыя и горячія головы захотятъ быть предводителями.

На это король замѣчаетъ весьма основательно: „совершенно вѣрно; но когда начнется возстаніе, тогда кàкъ? Возстаніе и хаосъ—синонимы. Каждый захочетъ провести свой планъ, и всеобщій безпорядокъ дастъ возможность непріятелю быстро покончить со всѣмъ дѣломъ“.

Въ опредѣленіяхъ, касательно милиціи, проектъ Гнейзенау отличается драконовскимъ характеромъ: „ни одно изъ требованій непріятеля касательно поставки провіанта и фуража не должно исполняться, подъ страхомъ конфискаціи имущества. Тѣ изъ государственныхъ чиновниковъ, которые окажутъ въ этомъ отношеніи содѣйствіе непріятелю, будутъ казнены. Никто не смѣетъ поставить что-нибудь

непріятелю прежде нежели непріятельскій солдатъ появится у его дверей. Только тогда можетъ онъ уступить силѣ. Кто сдѣлаетъ это раньше, тотъ тѣмъ самымъ докажетъ свое единомысліе съ непріятелемъ, и будетъ наказанъ конфискаціей имущества. Относительно этого пункта отъ каждаго подданнаго отбирается присяга. Кто, повинуясь непріятельскому насилію, отдастъ свои деньги и имущество, тотъ дѣлаетъ это на собственный страхъ и не можетъ ожидать вознагражденія ни со стороны частныхъ лицъ, ни со стороны общины. Кто окажетъ содѣйствіе при совершеніи займа или хотя бы уплаты его, тотъ будетъ признанъ виновнымъ въ государственной измѣнѣ. Принципъ участія другихъ провинцій въ убыткахъ, понесенныхъ одной какой-нибудь провинціей, особенно пострадавшей отъ непріятеля, неполитиченъ, ибо даетъ возможность непріятелю налагать такимъ образомъ контрибуцію изъ завоеванной области монархіи и на всѣ остальныя".

Какъ извѣстно, въ 1813 г. лишь на нѣкоторыхъ пунктахъ были произведены попытки къ организаціи ландштурма. Неорганизованная военная сила Пруссіи и Германіи не играла никакой роли въ дѣлѣ изгнанія французовъ. Король былъ вполнѣ правъ, относясь скептически къ проекту Гнейзенау. Двѣ-три экзекуціи, и всему дѣлу наступалъ конецъ. Тамъ, гдѣ вспыхивало мѣстное возстаніе, въ области, занятой французскими войсками, французы дѣйствовали огнемъ и мечомъ. Совершенно справедливо, что подобныя дѣйствія возбуждаютъ гнѣвъ и ненависть угнетенныхъ, но это можетъ повести къ чему-нибудь лишь при содѣйствіи вооруженной силы, и чѣмъ совершеннѣе будетъ вездѣ военная организація, тѣмъ труднѣе будетъ судьбу страны, рѣшенную проигранными сраженіями, измѣнить путемъ воззванія къ оставшимся въ ней одиночнымъ силамъ.

Того, чего желалъ въ 1813 г. Гнейзенау, того хотѣлъ и Гамбетта во Франціи въ 1871 г. Одинъ изъ способнѣйшихъ прусскихъ офицеровъ, полковникъ баронъ фонъ-деръ-Гольцъ, въ прусскомъ ежегодникѣ дѣлаетъ добросовѣстную оцѣнку чрезвычайнымъ усиліямъ послѣдняго. Планъ Гамбетты, говоритъ баронъ фонъ-деръ-Гольцъ, состоялъ не столько въ томъ, чтобы организовать болѣе или менѣе хорошую армію, которая могла бы противодѣйствовать вторженію, но въ томъ, чтобы превратить весь народъ въ войско, пустить въ ходъ всѣ элементы борьбы противъ Германіи. „Первымъ дѣломъ, французы", говорилъ Гамбетта въ прокламаціи, которую онъ выпустилъ къ французскому народу изъ Тура, „слѣдуетъ, чтобы вы ничѣмъ другимъ не занимались, какъ войной, борьбой до послѣдней крайности; мы должны пустить въ дѣло всѣ наши средства, которыя громадны, и начать народную войну. Нѣтъ! невозможно, чтобы геній Франціи

навѣки померкъ, чтобы цѣлая великая нація допустила лишить себя своего мѣста въ мірѣ, благодаря вторженію 500,000 человѣкъ. Встанемъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ, и скорѣе умремъ, чѣмъ допустимъ позоръ отторженія нашихъ областей!"

Баронъ фонъ-Гольцъ весьма остроумно группируетъ обстоятельства, благопріятствовавшія „новому Карно", и тѣ, которыя въ концѣ-концовъ послужили для него камнемъ преткновенія. Къ числу первыхъ относится и то, что нѣмецкія арміи занимали только одну часть французской территоріи, такъ что Гамбетта имѣлъ достаточно времени на то, чтобы сформировать новыя арміи, а кромѣ того, и громадные рессурсы Франціи. Не могу не привести двухъ пунктовъ изъ аргументаціи нѣмецкаго писателя. Гамбетта, какъ извѣстно, утверждалъ, что судьба Франціи была бы иная, еслибы Базенъ съ своимъ 50,000 войскомъ пробился сквозь нѣмецкую армію. Фонъ дерь-Гольцъ, напротивъ того, утверждаетъ, и, какъ мнѣ кажется, совершенно основательно, что для нѣмцевъ было бы гораздо выгоднѣе, еслибы Базенъ пробился. Само собой разумѣется, что Базенъ могъ бы достичь этого лишь цѣною величайшихъ жертвъ, и вслѣдствіе этого для обложенія крѣпости понадобились бы самыя ничтожныя силы. Остальныя обращены были бы на преслѣдованіе Базеновской арміи, которая естественно терпѣла бы недостатокъ въ хорошихъ лошадяхъ, въ кавалеріи, артиллеріи и вообще обозѣ. Преслѣдуемая и окруженная со всѣхъ сторонъ нѣмецкой кавалеріей, Базеновская армія, еслибы даже ей удалось взять выгодное направленіе къ югу, могла бы добраться до юга Франціи лишь ничтожными отрядами. Вслѣдъ за бѣглецами пришла бы армія, освободившаяся изъ-подъ Меца, и организація луарской арміи сдѣлалась бы невозможной. Именно вслѣдствіе того, что Базенъ со всей своей арміей оставался въ Мецѣ и этимъ самымъ удерживалъ близъ Меца всю армію Фридриха-Карла, стала возможнымъ организація армій въ средней и южной Франціи. Быть можетъ, диктаторъ никому такъ много не обязанъ, какъ человѣку, котораго онъ всего болѣе преслѣдовалъ и позорилъ.

Вотъ чтó говоритъ баронъ фонъ-деръ-Гольцъ о Базенѣ, и это сужденіе кажется мнѣ основательнымъ.

Я не могу привести цѣликомъ дальнѣйшихъ разсужденій Гольца о причинахъ, благодаря которымъ чрезвычайныя усилія Гамбетты не увѣнчались успѣхомъ, но упомяну только объ одномъ пунктѣ, который имѣетъ отношеніе къ моей настоящей задачѣ. Авторъ разсуждаетъ о томъ, какимъ образомъ случилось, что Гамбеттѣ повиновались, что сотни тысячъ людей послѣдовали за его знаменами и усматриваетъ причину этому въ слѣдующемъ: во Франціи народныя массы легче подвигаются на всякія фактическія демонстраціи, чѣмъ

въ какой бы то ни было другой странѣ въ Европѣ. Къ этому присоединялось обаяніе только-что основанной республики, которую французы считаютъ непобѣдимой. Образованіе арміи въ полмилліона въ какихъ-нибудь нѣсколько недѣль казалось каждому величественнѣйшей демонстраціей, путемъ которой республика снова станетъ первѣйшей державой въ мірѣ. Каждому французу желательно было имѣть участіе въ этой воинской славѣ, или, по крайней мѣрѣ, не отставать отъ другихъ. Все двинулось въ походъ. Вдобавокъ, у француза *несравненно больше досуга, чѣмъ у нѣмца*. Онъ работаетъ съ напряженнымъ рвеніемъ, чтобы скопить въ нѣсколько лѣтъ небольшой капиталъ, который даетъ ему затѣмъ на всю остальную жизнь средства, хотя бы и скудныя для существованія. Самъ поселянинъ далеко не такъ прикованъ къ своему дому и работѣ, какъ нашъ нѣмецкій крестьянинъ. Нѣсколькихъ недѣль труда весною въ виноградникахъ, а осенью въ фруктовыхъ садахъ достаточно, чтобы его пропитаніе было обезпечено на цѣлый годъ. Вотъ почему сотни тысячъ отвѣчали на призывъ Гамбетты.

Далѣе, нашъ военный авторъ указываетъ на то, что одушевленіе не долго продолжалось и послѣ первыхъ пораженій уступило мѣсто унынію. Я не послѣдую за нимъ въ эту сторону. Сущность вопроса заключается по моему въ томъ, что Франція очень богатая страна, Германія же, въ особенности сѣверная, сравнительно бѣдная. Подумайте только о доходѣ, который даетъ одно вино, дѣлающее весь міръ данникомъ Франціи. Два хорошихъ урожайныхъ года, и французы вернули всѣ убытки, даже громадную военную контрибуцію. Даже на самый худой конецъ и тамъ, гдѣ война свирѣпствуетъ всего безпощаднѣе, она не можетъ опустошить почвы и климата, которыя снова несутъ свои сокровища, какъ только жаркое солнце пригрѣетъ виноградную лозу. Въ Германіи, напротивъ того, требуется самый напряженный трудъ, чтобы добыть необходимое, и всякій перерывъ въ повседневной дѣятельности тяжко сказывается на всемъ народѣ. Побѣдители 1870—71 гг. лично понесли гораздо бóльшіе убытки, чѣмъ побѣжденные. Поэтому все въ Германіи стрéмится къ возможно скорѣйшему окончанію войны, чего бы это ни стóило, и поэтому для нея всегда будутъ играть важную роль *первые* результаты войны. Какую бы форму ни принялъ законъ о ландштурмѣ, народное ополченіе, послѣ пораженія регулярныхъ силъ, не приведетъ къ желанной цѣли. Его главная польза будетъ заключаться именно въ томъ, что имъ могутъ пополняться ряды ландвера,— но этотъ-то самый пунктъ и служитъ цѣлью нападокъ его противниковъ, утверждающихъ, что это обстоятельство фактически удлинняетъ срокъ службы въ ландверѣ и является вторымъ призывомъ

ландвера. Вслѣдствіе этого требуютъ сокращенія срока службы въ постоянномъ войскѣ, для того, чтобы всеобщая воинская повинность и равномѣрно была облегчена на самомъ дѣлѣ, и равномѣрно распредѣлялась между всѣмъ населеніемъ. Теперь же дѣло обставлено такъ, что тотъ, кто разъ не попалъ на службу въ постоянное войско (кадры котораго недостаточно велики, чтобы включить всѣхъ способныхъ къ военной службѣ), тотъ можетъ быть почти увѣренъ, что останется свободенъ на всю жизнь, потому что военныя власти, по весьма понятнымъ причинамъ, призываютъ опять тѣхъ, которые уже разъ служили. Но при обсужденіи въ коммиссіи это затрудненіе было весьма легко устранено.

Умолчать въ письмѣ изъ Берлина о процессѣ Арнима невозможно, хотя читателямъ „Вѣстника Европы это дѣло уже извѣстно изъ иностраннаго обозрѣнія, помѣщеннаго въ ноябрьской книжкѣ, гдѣ факты освѣщены по-моему совершенно вѣрно. Я упомяну лишь о нѣкоторыхъ пунктахъ этого эпизода, смыслъ которыхъ гораздо яснѣе для мѣстнаго жителя. Послѣ перваго столкновенія между графомъ Арнимомъ и княземъ Бисмаркомъ, люди изъ лагеря Бисмарка разсказывали, во-первыхъ, что графъ Арнимъ держится въ Парижѣ своей собственной политики, которая совершенно противоположна политикѣ Бисмарка, и, во-вторыхъ, что онъ интригуетъ противъ Бисмарка. Я долженъ сознаться, что самъ считалъ эти разсказы преувеличенными, потому что въ нихъ Арнимъ обвинялся въ тяжкомъ проступкѣ, какъ чиновникъ, и въ большой безхарактерности, какъ человѣкъ. Чрезвычайный посолъ ничѣмъ не отличается по отношенію къ *своему* правительству отъ обыкновеннаго посла: онъ подчиненъ министру иностранныхъ дѣлъ, долженъ исполнять его инструкціи и писать ему донесенія, потому что иначе министръ не можетъ нести на себѣ конституціонной отвѣтственности. Конечно, могутъ возникать столкновенія. Посланникъ, напримѣръ, можетъ быть убѣжденъ, что министръ находится въ полномъ заблужденіи относительно той страны, гдѣ находится посланникъ; онъ тщетно стремится раскрыть глаза министру и, послѣ ряда неудачныхъ попытокъ, можетъ быть вынужденъ прибѣгнуть къ крайнему средству: то-есть обратиться къ монарху, конечно, не иначе, какъ представивъ просьбу объ отставкѣ и сообщивъ министру о своемъ образѣ дѣйствій. Что графъ Арнимъ поступилъ не такъ, что онъ интриговалъ противъ князя Бисмарка, требуя, чтобы этотъ послѣдній относился къ его поступкамъ добродушно, и продолжая съ княземъ дружескія сношенія, — все это обнаружилось изъ переписки графа Арнима съ государственнымъ министромъ фонъ-Бюловомъ, публикованной друзьями Арнима, конечно, при его собственномъ содѣйствіи. Нѣтъ также ни малѣйшаго со-

мнѣнія, что графъ Арнимъ способствовалъ паденію Тьера, обманывалъ канцлера относительно своей политики и положенія дѣлъ и, въ концѣ-концовъ, заподозрилъ его въ симпатіи къ республикѣ.

Вникните въ это подозрѣніе, и вамъ станетъ понятнымъ положеніе канцлера, поистинѣ незавидное. Со времени войны 1866 года Бисмаркъ впервые сталъ—скажу попросту—непріятенъ своимъ прежнимъ друзьямъ и единомышленникамъ. Реакціонная партія готова была переносить всякія униженія для Пруссіи со стороны Австріи, пока эта послѣдняя противодѣйствовала всякому свободному развитію въ Пруссіи. Со дня Кёнигсгреца наступило движеніе, въ которомъ Бисмарку сама *логика событій* указывала до нѣкоторой степени каждый шагъ, который ему слѣдовало дѣлать. Это движеніе продолжается вотъ уже восемь лѣтъ, въ теченіи которыхъ германскій народъ сдѣлалъ поразительные успѣхи на пути внутренняго политическаго развитія. Непріязнь староконсерваторовъ къ Бисмарку превратилась тѣмъ временемъ въ злѣйшую ненависть, и они пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы только свергнуть канцлера. Не чрезмѣрное напряженіе по дипломатическимъ занятіямъ подкосило здоровье этого желѣзнаго человѣка, а непрерывныя подпольныя интриги, которыя противъ него велись и которыя по временамъ бывали для него довольно опасны. Самымъ удобнымъ средствомъ повредить князю всегда считалось, во-первыхъ, выставить его либераломъ, а во-вторыхъ, возбудить мысль, что онъ, гордый своими заслугами, не знаетъ болѣе границъ своей власти и недостаточно почтителенъ къ государю. Вамъ, конечно, извѣстна прекрасная сказка Гримма, какъ одинъ рыбакъ освободилъ волшебника, и волшебникъ обѣщалъ ему за это исполненіе всѣхъ его желаній. Рыбакъ удовлетворился бы исполненіемъ немногихъ, весьма скромныхъ желаній, но жена его постоянно подбиваетъ требовать больше и когда, наконецъ, онъ слишкомъ многаго запросилъ, а именно стать самимъ Богомъ, то вся роскошь разомъ исчезла и рыбакъ съ женой очутились снова въ своей убогой хижинѣ. Въ этомъ родѣ выставляли князя Бисмарка. Такъ же дѣйствительна оказалась и пущенная молва, что онъ симпатизируетъ либераламъ. Слово «либералъ» равняется проклятію у сельскаго населенія. До 1848 года и съ осени того же года, когда революція затихла, до новой эры и затѣмъ снова во времена внутренняго столкновенія достаточно было назвать кого-нибудь либераломъ, чтобы его сочли опаснымъ для государства человѣкомъ. Либералъ недалеко ушелъ отъ демократа, а демократъ не что иное, какъ притаившійся революціонеръ, а слѣдовательно либералъ есть революціонеръ. Въ силу этой логики немалому числу честныхъ людей и хорошихъ патріотовъ солоно приходилось порою.

Можно ли придумать что-нибудь эффектнѣе: Бисмаркъ, во главѣ республиканцевъ, стремится къ утвержденію республики во Франціи, чтобы заразить Европу республиканскимъ духомъ. На заднемъ планѣ уже готово, конечно, президентское кресло, на которое канцлеръ германской имперіи бросаетъ жадные взоры.

Такія подозрѣнія не требуютъ, конечно, серьёзнаго опроверженія. Что же касается вопроса о республикѣ и монархіи, то онъ, насколько мы знаемъ исторію, никогда не исчезалъ съ лица земли и никогда, конечно, не исчезнетъ, потому что шансы той и другой формы правленія почти одинаковы; въ Германіи же монархическій принципъ за послѣднее время пустилъ столь глубокіе корни, что существованіе одной или двухъ республикъ въ Европѣ для него нисколько не опасно.

Въ поведеніи графа Арнима непристойно то самохвальство, съ которымъ онъ рекомендуетъ себя публикѣ. Графъ Арнимъ сдѣлалъ весьма обыкновенную дипломатическую карьеру, ничѣмъ не обративъ на себя особеннаго вниманія. Бисмаркъ предложилъ его въ посланники въ Римъ, всячески способствовалъ его карьерѣ и наконецъ поручилъ ему дѣло, заслуживающее благодарности; а именно: завершить миръ съ Франціей, дѣло, которое при существовавшихъ обстоятельствахъ не представляло непреодолимыхъ трудностей, такъ какъ французское правительство вынуждено было заключить миръ. Съ этого момента графъ Арнимъ, обольщенный такимъ выгоднымъ положеніемъ дѣлъ, начинаетъ приписывать себѣ права, безспорно принадлежащія князю Бисмарку, которому удалось создать настоящее положеніе дѣлъ послѣ упорной восьмилѣтней дипломатической дѣятельности. Кажется, австрійскія газеты первыя сравнили споръ между Арнимомъ и Бисмаркомъ съ знаменитой дуэлью между Питтомъ и Фоксомъ, хотя между этими двумя событіями нѣтъ ничего общаго. Сравненіе это приводилось и разбиралось безчисленное множество разъ, но лучшая критика его принадлежитъ, по моему мнѣнію, самому князю, который, какъ разсказываютъ, называетъ въ интимномъ кружкѣ, всю эту исторію „Потъ и Фикъ" (перемѣщая гласныя буквы). Питтъ и Фоксъ боролись много лѣтъ въ парламентѣ передъ цѣлой Англіей, и каждый изъ нихъ былъ представителемъ большой политической партіи и великихъ политическихъ принциповъ. *Ничего* подобнаго нѣтъ въ дѣлѣ графа Арнима, который дѣйствовалъ не изъ-за какихъ нибудь политическихъ принциповъ, а изъ-за своихъ личныхъ интересовъ и тщеславія. Въ Германіи въ наше время нѣтъ надобности ни для какой оппозиціи прибѣгать къ потаеннымъ путямъ. Никто не препятствуетъ графу Арниму искать

депутатства въ рейхстагѣ. Ему стóитъ только открыто присоединиться къ какой-нибудь партіи, и найдутся избиратели, которые почтутъ за честь послать отъ себя въ рейхстагъ графа, который будетъ служить представителемъ ихъ политическихъ убѣжденій и—если сможетъ—докажетъ всю несостоятельность политики Бисмарка. Эта арена открыта для всякаго: князь Бисмаркъ не пользуется никакими особыми привилегіями, онъ долженъ отвѣчать на всякій запросъ касательно его дѣйствій. Но графъ Арнимъ ни за что не изберетъ этотъ путь, потому что для этого необходимо открыто заявить себя принадлежащимъ къ какой-нибудь партіи, тогда какъ теперь его поддерживаютъ самыя противоположныя партіи, ультраконсерваторы и либералы.

Для полноты картины слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ: о гнѣвѣ аристократіи за оскорбленіе одного изъ ея членовъ. Въ Помераніи, какъ говорятъ, въ извѣстныхъ кружкахъ, настроеніе умовъ противъ Бисмарка дошло до того, что тамошнее юнкерство готово было идти походомъ на Берлинъ: на него смотрятъ тамъ какъ на какую-то нечистую силу. То обстоятельство, что графу Арниму пришлось провести нѣсколько дней въ тюрьмѣ, ставится также на счетъ князю Бисмарку, хотя въ этомъ дѣлѣ онъ совершенно неповиненъ, потому что вопросъ о необходимости заключенія въ тюрьму разрѣшается судомъ, и въ данномъ случаѣ судъ поступилъ особенно осторожно, для избѣжанія всякаго подозрѣнія, въ пристрастіи его дѣйствій.

Весьма курьёзно, что демократическая партія, не пропускающая никакого случая оппонировать Бисмарку, выражаетъ свое глубокое сожалѣніе объ обращеніи, какому подвергся столь знатный человѣкъ, какъ графъ Арнимъ. Какъ только представится случай мало-мальски повредить канцлеру, со всѣхъ сторонъ собираются противники его политики и протягиваютъ другъ другу руки. Виндгорстъ не пропустилъ, конечно, удобнаго случая выразить свое порицаніе образу дѣйствій относительно графа Арнима, распространяя, разумѣется, свое неодобреніе и на обращеніе съ епископами. Совершенно несправедливо упрекать правительство въ чрезмѣрной жесткости и жестокости. Напротивъ того, борьба ведется со всевозможной осмотрительностью. Епископы, отказывающіеся наотрѣзъ повиноваться государственнымъ законамъ, заключаются въ тюрьму, но въ такую тюрьму, гдѣ стараются облегчить имъ ихъ пребываніе доставленіемъ возможнаго комфорта. Конечно, кажется жестокимъ, что духовныя лица могутъ быть изгнаны даже за предѣлы страны, но не слѣдуетъ забывать, что такое крайнее средство всего менѣе чувствительно для

католическаго духовенства, холостого, безъ семьи и отечества, кромѣ Рима, и вполнѣ обезпеченнаго въ средствахъ къ жизни. Дѣйствительно, нельзя обвинять ни князя Бисмарка, ни правительство въ жестокости, подобной той, какой отличалось прежнее реакціонное правительство временъ Мантейфеля.

Исходъ процесса Арнима — по крайней мѣрѣ въ первой инстанціи — будетъ извѣстенъ раньше, чѣмъ настоящее письмо будетъ напечатано. Воздержусь отъ всякихъ предсказаній: одно несомнѣнно, что процессъ этотъ не будетъ имѣть никакихъ политическихъ послѣдствій, и что положеніе князя Бисмарка останется такимъ же прочнымъ, какимъ было и до него. Императоръ заявлялъ неоднократно въ теченіи послѣдняго времени о своемъ полномъ довѣріи къ князю Бисмарку. Самымъ рельефнымъ въ этомъ смыслѣ было заявленіе, сдѣланное императоромъ президенту рейхстага. Президентъ рейхстага, по окончаніи выборовъ, представляется обыкновенно императору; при этомъ случаѣ императоръ между прочимъ замѣтилъ, что то, что̀ Бисмаркъ предскажетъ, всегда сбывается. По всей вѣроятности, это замѣчаніе относилось прямо къ существующему отношенію между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Арнимомъ.

Изъ другихъ вопросовъ, которыми занятъ рейхстагъ, обсуждался пока только проектъ закона о банкахъ. На очереди стоитъ законъ о судопроизводствѣ, и затѣмъ военный бюджетъ.

Проектъ закона о банкахъ имѣлъ странную участь. Еще до начала преній было совершенно ясно, что большинство рейхстага не приметъ этого проекта, если въ него не будетъ включено учрежденіе имперскаго центральнаго банка, и представители національ-либеральной и обѣихъ консервативныхъ фракцій внесли предложеніе въ этомъ смыслѣ. Пренія, весьма оживленныя, продолжались три дня, и въ нихъ принимали участіе всѣ лучшіе финансисты имперіи.

Размѣры корреспонденціи не позволяютъ мнѣ изложить съ достаточной полнотой этотъ вопросъ; всѣ упомянутые финансисты оспаривали другъ друга въ наиважнѣйшихъ пунктахъ, и пренія не разрѣшили вопроса, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ привести настоящее неблагопріятное положеніе финансоваго дѣла. Въ золотѣ чувствуется громадный недостатокъ; обвиненіе министра финансовъ въ сдѣланныхъ имъ промахахъ не подвигаетъ дѣла нисколько впередъ. Предложенный проектъ имѣетъ цѣлью предварительное рѣшеніе вопроса: посредствомъ налога на билеты частныхъ банковъ уменьшить число такихъ билетовъ въ обращеніи, и тѣмъ самымъ облегчить на будущее время учрежденіе имперскаго банка. Большинство рейхстага считаетъ необходимымъ возможно скорѣйшее учрежденіе имперскаго банка, потому что только такой банкъ можетъ конкуррировать

съ громадными центральными банками во Франціи и Англіи и помѣшать вывозу золота. Съ другой стороны, интересы прусскаго государства, имѣющаго значительное участіе въ прусскомъ банкѣ, а также акціонеровъ этого банка, заставили министра финансовъ уклониться отъ проекта имперскаго банка. Во время дебатовъ въ рейхстагѣ произошелъ рѣдко повторяющійся случай. Сторонники имперскаго банка внесли поправку, по которой правительственное предложеніе, раньше передачи его въ коммиссію—относительно коммиссіи существовало полное единодушіе — должно быть дополнено, включеніемъ въ законъ имперскаго банка. Виндгорстъ, который отличается весьма тонкимъ чутьемъ относительно того, когда можно одержать парламентскую побѣду, заявилъ, что принятіе подобной поправки несовмѣстно съ парламентскимъ дѣловымъ порядкомъ. Это заявленіе вызвало весьма бурныя пренія; въ рядахъ національ-либераловъ произошелъ полнѣйшій безпорядокъ, и въ заключеніе заявленіе Виндгорста было принято незначительнымъ большинствомъ палаты, поправка въ проектѣ закона была признана несогласною съ парламентскимъ дѣловымъ порядкомъ и тѣмъ самымъ результаты трехдневныхъ дебатовъ сведены на нуль. Президентъ усмотрѣлъ въ такомъ рѣшеніи недовѣріе къ его руководству ходомъ преній, и сложилъ съ себя свое званіе. На слѣдующій день, впрочемъ, онъ былъ снова единодушно выбранъ. Это происшествіе произвело сильное впечатлѣніе на національ-либераловъ, ярко показавъ недостатокъ единодушія въ средѣ ихъ. Ультрамонтаны же праздновали свою побѣду.

За исключеніемъ парламентскихъ дѣлъ и скандала съ Арнимомъ, здѣсь царствуетъ затишье, которое бы могло парижскаго или вѣнскаго хроникера довести до самоубійства, между тѣмъ какъ здѣсь никто этому не удивляется, потому что всѣ къ этому привыкли. Никакой даже скандалёзной исторіи въ высшемъ обществѣ не происходило. Къ мѣстнымъ комическимъ явленіямъ, которыя, быть можетъ, не особенно интересны для васъ, принадлежитъ борьба въ собраніи городскихъ представителей. Это учрежденіе постепенно принимало все болѣе и болѣе прогрессивный характеръ. Послѣ того, какъ ослабѣла реакція пятидесятыхъ годовъ, политическіе дѣятели начали баллотироваться въ городскіе представители: сначала Гнейстъ, затѣмъ года два спустя Вирховъ. Каждый изъ нихъ пользовался въ свое время огромнымъ вліяніемъ. Господствующее большинство получило названіе браминовъ, между тѣмъ, какъ небольшая кучка оппозиціи окрестила себя *горой* (въ воспоминаніе конвента французской революціи). Ежегодно треть городскихъ представителей должна быть избираема за-ново, и на этотъ разъ возникла ожесточенная избирательная борьба, во время которой «гора» и умѣренные отчаянно нападали

другъ на друга. Но, къ сожалѣнію, борьба эта ограничилась только предварительными собраніями; на настоящіе же выборы собралось не болѣе 10% избирателей. Такъ велико равнодушіе этихъ людей, которые очень хорошо знаютъ, что весьма многое зависитъ отъ дѣльнаго собранія городскихъ представителей. Мнѣ это равнодушіе представляется какимъ-то китаизмомъ, а не то напоминаетъ фатализмъ турокъ. Люди жалуются на увеличеніе налоговъ, на худую мостовую и темныя улицы и сотню другихъ вещей, но помочь самимъ себѣ, хотя бы путемъ отправленія избирательнаго права, которое займетъ у нихъ полчаса времени, кажется имъ неблагодарнымъ дѣломъ. Кромѣ того, они полагаются на правительство въ томъ, что оно озаботится, чтобы монтаньяры не принесли большого вреда.

О художественной выставкѣ я упоминалъ вскользь въ моемъ прошедшемъ письмѣ. Теперь она давно закрыта, и по общему приговору считается одной изъ неудачнѣйшихъ выставокъ за послѣднее время. Это тѣмъ прискорбнѣе, что всѣ надѣялись, что за великимъ національнымъ развитіемъ въ періодъ времени отъ 1866—1871 г. наступитъ также цвѣтущій періодъ для искусства. Но послѣдняго нѣтъ и слѣда, и историки-философы открыли, что эпохи умственнаго процвѣтанія націи не всегда совпадаютъ съ эпохами политическаго преуспѣянія. Что литература также не производитъ ничего замѣчательнаго—это вамъ хорошо извѣстно.

Единственное событіе, по части драматическаго искусства, о которомъ стóитъ упомянуть, это новое произведеніе Линдау: „*Ein Erfolg*", которое, не взирая на нападки критики, встрѣтило весьма лестный пріемъ у публики. Поль Линдау, талантливый и остроумный редакторъ „*Der Gegenwart*", уже нѣсколько лѣтъ какъ пишетъ для сцены, и его „Марія Магдалина" была одной изъ лучшихъ вещей въ репертуарѣ здѣшняго королевскаго театра. Со всѣмъ тѣмъ критики сильно нападали на нее, и Линдау, который очень обидчивъ, не только отпарировалъ ихъ удары въ „*Gegenwart*", но и написалъ новую драму, въ которой вывелъ самихъ критиковъ на сцену и жестоко ихъ отдѣлалъ. Въ пьесѣ „*Der Erfolg*" дѣйствительно идетъ рѣчь объ успѣхѣ одной пьесы, которая сначала встрѣчаетъ враждебный пріемъ, но затѣмъ производитъ рѣшительный фуроръ. Что рядомъ съ этимъ развивается на сценѣ и любовная исторія — понимается само собой. Вообще, впрочемъ, драматическій интересъ въ пьесѣ не великъ и успѣхомъ своимъ она обязана, главнымъ образомъ, оживленному діалогу и сценической ловкости автора. Критики, знавшіе, чтó ихъ ожидаетъ, само собой, не пощадили пьесы и радовались, видя, что на первомъ представленіи публика, всегда особенно разборчивая, довольно холодно принимала пьесу. Но уже на

второмъ представленіи стало ясно, что пьеса будетъ пользоваться большимъ успѣхомъ, и съ тѣхъ поръ она не сходитъ съ репертуара. Публика приняла сторону автора, а не критики, что́ послѣдней особенно непріятно, потому что она вообще считаетъ себя непогрѣшимой, а въ этомъ частномъ случаѣ разсчитывала на вѣрную побѣду.

Общественная жизнь сводится до сихъ поръ на *нѣтъ*, и общество жалуется, что съ 1848 г. ему не приходилось еще переживать такой скучной зимы. Теперь идетъ третій годъ послѣ переполоха, произведеннаго „жатвой мильярдовъ", которая, конечно, играетъ во всемъ этомъ косвенную роль. Прямой же причиной является биржевая игра и мошенническія акціонерныя предпріятія, на которыхъ разорилось много народа.

Хорошо, если миръ обезпеченъ на долгое время, потому что онъ одинъ можетъ исправить зло, причиненное экономическою оргіей!

К.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособия нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 21-го октября 1874 г.

1) Положено отпускать ежегодно по 120 руб. на воспитаніе дѣтей недавно скончавшагося писателя.

2) Выдано по 50 р. тремъ писателямъ, находящимся въ затруднительномъ положеніи.

3) Отклонены ходатайства семи лицъ.

4) Въ виду крайне бѣдственнаго положенія извѣстнаго писателя, выдано ему 300 р.

5) Отпущено 150 р. на воспитаніе дочери писателя.

6) Выдано 50 руб. больному молодому человѣку, въ видахъ предоставленія ему способовъ къ окончанію образованія.

7) Изъявлена благодарность Общества П. Е. Басистову и В. А. Манассеину за содѣйствіе ихъ комитету.

8) Согласно просьбѣ Ѳ. М. Уткина, обратившагося въ комитетъ за содѣйствіемъ къ полученію отъ редакціи журнала „Всемірная Иллюстрація" 16 руб. 10 коп. за помѣщенные въ этомъ журналѣ статью и рисунокъ, но при всемъ томъ не получившаго удовлетворенія, положено: заявить объ этомъ дѣлѣ въ печатномъ извлеченіи изъ журналовъ комитета.

Засѣданіе комитета 4-го ноября 1874 г.

1) Выдано 40 р. на покупку необходимой для питомца Общества одежды.

2) Выдано 250 р. неимѣющему никакого состоянія писателю, въ видахъ предоставленія ему средствъ къ окончанію его труда.

3) Отпущено 100 р. писателю, временно находящемуся въ затруднительномъ положеніи.

4) За силою § 5 устава Общества, отклонены ходатайства двухъ лицъ о пособіи.

Отчетъ казначея за октябрь.

Къ 1-му октября въ кассѣ было 58,141 р. 52 к. [1]); поступило:

[1]) За 1872 и 1873 г. отъ Г. А. Гизетти 20 р.; за 1872 и 1874 г. отъ А. А. Сабурова и А. Т. Серебрякова по 30 р.; за 1874 г. отъ П. В. Граве, И. Ѳ. Золотарева, И. Д. Зубарева, Б. А. Комарова, Н. А. Неклюдова, Е. Ѳ. Рѣпинской, П. П. Семенова, В. Д. Спасовича и Н. Н. Харламова по 10 р. и отъ О. И. Квиста 15 р.

отъ 13 членовъ 185 р.; процентовъ съ капитала 686 р. 40 к. и единовременно отъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго 15 р. 30 к.; израсходовано: на пенсіи 220 р.; на пособія 775 р., на воспитаніе 332 р. 50 к. и госуд. банку за храненіе бумагъ и за чековыя книжки 4 р. 60 к.—Къ 1-му ноября въ кассѣ 57,696 руб. 12 коп.

II. Бюллетень общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, по дѣлу о мореходныхъ классахъ.

На Бѣломъ морѣ, съ 1833 года, существуютъ двѣ мореходныя школы въ гг. Кеми и Архангельскѣ, которыя вмѣстѣ стоютъ казнѣ около 5,000 рублей, и гдѣ, какъ въ существовавшихъ прежде школахъ въ Кронштадтѣ и Херсонѣ, поступаютъ преимущественно не взрослые люди отъ 16—30 лѣтъ, какъ во всѣхъ обыкновенныхъ мореходныхъ школахъ, а дѣти-мальчики. Затѣмъ, въ Сумскомъ посадѣ съ 1870 года существуетъ одинъ обыкновенный мореходный классъ, а теперь будутъ учреждены таковые еще мореходные классы въ патракѣевской волости архангельскаго, и кушнерѣцкой волости онежскаго уѣздовъ (уставы сихъ классовъ отпечатаны въ № II „Извѣщеній").

Что касается Ледовитаго моря, то № 213 „Голоса" о немъ передалъ извѣстіе, что 30 іюля сего года скончался въ С.-Петербургѣ лопарь кильдинскаго погоста Павелъ Михайловичъ Зубовъ, завѣщавшій все свое небольшое имущество троицкому печенскому приходу на открытіе тамъ школы мореплаванія.

Только что поступившій въ Общество докладъ его члена и энергичнаго дѣятеля, уважаемаго защитника интересовъ русскихъ мореходовъ на сѣверныхъ моряхъ, М. К. Сидорова, приводитъ изъ № 58 „Арх. Губ. Вѣдом." с. г. свѣдѣнія мѣстнаго статистическаго комитета, по исчисленію котораго къ 1874 году въ архангельской губерніи числится всего 1,297 разнаго рода судовъ, плавающихъ по Бѣлому и Ледовитому морямъ, отчасти до Норвегіи и Новой земли. „На всѣхъ этихъ судахъ экипажа считалось 4,482 человѣка" (въ томъ числѣ лишь 9 иностранцевъ). „Судостроителей полагается 644". Итакъ, мы видимъ, что, несмотря на незначительность населенія всей архангельской губерніи, все-таки число мѣстныхъ каботажниковъ мало уступаетъ числу ихъ въ петербургской губерніи. Изъ сего слѣдуетъ, что вышеприведенное число мореходныхъ школъ для сѣверныхъ прибрежій еще недостаточно; оно должно удвоиться; 10 мореходныхъ школъ при громадномъ пространствѣ этой губерніи вовсе не будетъ много. Вслѣдствіе многихъ школъ, если они организуются какъ слѣдуетъ, должно совершенно измѣниться судохозяйство на сѣверныхъ моряхъ; значительная часть судовъ должна въ зимнее время совершать плаванія, какъ финляндскій крестьянскій флотъ въ теплыхъ моряхъ, а то эти суда не могутъ давать достаточный дивидендъ владѣльцамъ. Экономическія условія края способствуютъ этому перевороту; заработная плата не высока, народъ, каботажники, закаленные

какъ едва ли бываетъ на другихъ прибрежьяхъ; необходимо только, чтобы школа и литература сдѣлали свое. Упомянутый докладъ Сидорова говоритъ, напр., что въ случаѣ проложенія желѣзной дороги изъ вятской губерніи къ рѣкѣ Двинѣ едва ли даже одно русское судно будетъ участвовать въ перевозѣ нашихъ хлѣбовъ заграницу; между тѣмъ изъ другихъ его данныхъ видно, что въ настоящее время нѣсколько русскихъ бѣломорскихъ судовъ перевозятъ грузы рыбы въ Петербургъ и другіе русскіе порты Балтійскаго моря—гдѣ говорятъ по русски, гдѣ существуютъ русскіе законы, обычаи, мѣры, вѣсы, деньги;—хлѣбъ же покупается заграницу, а тутъ бѣдный коренной русскій морякъ совершенно потерянъ. Не усвоивъ себѣ ни въ школѣ, ни изъ русской литературы самыя необходимыя понятія о Западѣ, онъ разоряется непремѣнно, и, пріѣзжая домой, поддерживаетъ дикую басню невѣждъ, толкующихъ, что будто бы всѣ западные народы составляютъ какой-то заговоръ противъ возникновенія русскаго торговаго флота. Между тѣмъ существуетъ лишь одинъ опасный заговоръ: неграмотность нашихъ 600,000 рыболововъ и каботажниковъ.

На рѣкѣ Волгѣ самый удобный пунктъ для учрежденія мореходнаго класса есть или Нижній-Новгородъ, или недалекій оттуда г. Балахна. Болѣе $^4/_5$ всѣхъ судовъ дальняго плаванія по Каспійскому морю построены въ нижегородской губерніи. Учрежденіе этой школы уже имѣется въ виду, но оффиціальныя бумаги Обществу еще не доставлены. Путешествуя въ іюлѣ мѣсяцѣ с. г. по Волгѣ отъ Н.-Новгорода до Саратова, съ цѣлью отыскиванья годныхъ и обученныхъ учителей для нашихъ будущихъ мореходныхъ школъ изъ среды знающихъ по-русски моряковъ, командующихъ въ лѣтнее время волжскими пароходами—я узналъ, что дѣйствительно по крайней мѣрѣ 5—6 такихъ лицъ можно найти какъ для приволжскихъ, такъ и для приазовскихъ школъ. Итакъ, учители есть, а школъ нѣтъ.

Затѣмъ, занимаетъ важное мѣсто для судоходства астраханская губернія, гдѣ болѣе чѣмъ 40,000 человѣкъ (между ними немало калмыковъ) занимается рыболовствомъ, весьма выгоднымъ здѣсь. Въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, я передалъ, въ г. Астрахани, губернатору Николаю Николаевичу Биппену всѣ свѣдѣнія по дѣлу мореходныхъ школъ, и онъ полагалъ, что было бы полезно учредить таковыя не только въ г. г. Астрахани и Красномъ Яру, но и въ поселкахъ: Шишковѣ (у восточныхъ устьевъ р. Волги) и Вархамѣевкѣ (близъ главнаго входа въ р. Волгу у Бирючьей косы). Въ письмѣ отъ 21 августа его превосходительство заявилъ, что онъ внесъ уже проекти о послѣднихъ двухъ мореходныхъ классахъ въ министерство финансовъ, прося по сему дѣлу поддержку для нашего Общества. Теперь дѣлу этихъ послѣднихъ двухъ школъ уже данъ ходъ въ министерствахъ. Мореходная школа въ Гурьевѣ еще не открыта!

На Каспійскомъ морѣ, кромѣ того, желательно имѣть мореходную школу въ городѣ Баку для мѣстныхъ татаръ и персіянъ-судоходовъ, отличающихся въ этомъ водяномъ промыслѣ, несмотря на то, что они, за неимѣніемъ лѣса на мѣстѣ, должны всѣ суда заказывать въ нижегородской губерніи. Затѣмъ, впослѣдствіи, могутъ быть открываемы мореходныя школы въ Кизлярѣ и на устьѣ рѣки Куры.

Въ настоящее время парусное каботажное или дальнее плаваніе

на Каспійскомъ морѣ почти исключительно находится въ рукахъ персіянъ и татаръ—конечно, русскихъ подданныхъ, хотя многіе изъ персидскихъ подданныхъ положили свои капиталы въ этихъ судахъ. Вслѣдствіе процвѣтанія предполагаемыхъ мореходныхъ школъ въ губерніяхъ нижегородской и астраханской, вѣроятно часть русскихъ приметъ, при выгодныхъ для себя условіяхъ, участіе въ каспійскомъ судоходствѣ.—Персіяне и татары имѣютъ то важное преимущество въ каспійскомъ морскомъ дѣлѣ, что заработная плата у нихъ чрезвычайно низка; лучшій персидскій матросъ получаетъ не болѣе 10 рублей въ мѣсяцъ при своихъ собственныхъ харчахъ, между тѣмъ какъ первый встрѣчный русскій матросъ на Каспійскомъ морѣ требуетъ, по крайней мѣрѣ, 10 руб. въ мѣсяцъ при харчахъ хозяина. Поэтому нѣкоторые русскіе предприниматели, владѣльцы пароходовъ и пр. весьма враждебно смотрятъ на конкурренцію персіянъ и весьма склонны требовать огражденія морского промысла татаръ и персовъ. Но государственные интересы Россіи требуютъ возможно бо́льшаго развитія конкурренціи между мореходами на Каспійскомъ морѣ, такъ какъ зависящая отъ конкурренціи дешевая доставка, напр., нефти не только увеличитъ ея потребленіе, но и вытѣснитъ американскую.

Перейдемъ теперь къ главнѣйшему центру будущей дѣятельности нашего Общества, къ Азовскому и Черному морямъ. Не безызвѣстно, что устья рѣки Дона составляютъ громадный центръ русскаго каботажнаго плаванія. Русскихъ каботажныхъ судовъ, приписанныхъ къ Ростову, считается до 600, къ Таганрогу до 300, къ Керчи до 150, такъ что все число каботажныхъ судовъ Азовскаго моря превышаетъ цифру 1,200. Громадное большинство этихъ судовъ вмѣщаетъ отъ 2,500 до 6,000 пудовъ груза; среднюю стоимость такихъ судовъ можно положить въ 2,500 рублей — такъ что стоимость всего флота доходитъ до трехъ милліоновъ рублей, между тѣмъ какъ число находящихся на немъ моряковъ, считая по 5 человѣкъ на судно, доходитъ до 6,000. Одно годовое жалованье этихъ шести тысячъ человѣкъ вѣроятно превышаетъ милліонъ рублей. Обществу приходилось уже нѣсколько разъ получать бумаги, подписанныя сотнями судовладѣльцевъ и шкиперовъ азовскаго флота; много если четвертая часть ихъ можетъ кое-какъ подписать свое имя. О степени образованія матросовъ уже нечего и говорить. Вотъ поле дѣйствій для нашего Общества! Причисляя семейства упомянутыхъ азовскихъ моряковъ, смѣло можно положить, что мореходное населеніе азовскихъ и донскихъ прибрежій дойдетъ до 20 — 30 тысячъ, не считая рыбаковъ, число которыхъ вѣроятно будетъ больше.

Сколько школъ нужно для этого населенія? Очевидно, что съ двумя-тремя школами тутъ ничего не подѣлаешь; нужно, по крайней мѣрѣ, отъ 10 до 20. Дѣло въ томъ, что слишкомъ малое число образованныхъ моряковъ не можетъ повліять на массу необразованныхъ; ничтожное меньшинство избѣгаетъ ненадежной борьбы съ дурными привычками массы и прячется куда-нибудь, хотя бы за границу, въ среду людей образованныхъ. Чѣмъ выше степень пріобрѣтаемаго въ мореходныхъ школахъ образованія, тѣмъ вѣроятнѣе, что молодой морякъ не останется въ кругу грубыхъ сопромышленниковъ,

если онъ не найдетъ нѣкотораго числа сочувствующихъ ему, т.-е. также образованныхъ другихъ моряковъ.

Таганрогскій мореходный классъ теперь утвержденъ съ достаточно большимъ бюджетомъ. (Смотр. № 1 „Извѣщеній"). Въ Ростовѣ-на-Дону, Гирловой Комитетъ обѣщаетъ выдавать ежегодно по 2500 рублей на мѣстную мореходную школу; съ 1000 рублями отъ казны здѣсь явился-бы почтенный бюджетъ, несомнѣнно полезный для столь важнаго центра судоходства [1]). Но по крайней мѣрѣ столь же важно учрежденіе низшихъ мореходныхъ классовъ въ казачьихъ станицахъ Аксайской, Старочеркаской, Елизаветовской и Гниловской; затѣмъ въ городахъ Азовѣ, Маріуполѣ, Бердянскѣ, Ейскѣ и Темрюкѣ. Изъ Керчи, правда, Общество уже имѣло возможность представить нужныя бумаги г. министру финансовъ, такъ какъ вмѣсто относительнаго равнодушія, которое мы встрѣтили, въ сентябрѣ прошлаго года, въ г. Керчи, теперь является общее сочувствіе: городъ даетъ по 500 рублей въ годъ, земство единовременно 500, одинъ мѣстный купецъ единовременно 100 руб., другой,—безплатное помѣщеніе для школы на два года.

Изъ Старочеркаска, гдѣ мѣстное населеніе даетъ для школы лишь помѣщеніе съ отопленіемъ, бумаги также доставлены въ министерство финансовъ; изъ другихъ мѣстъ, какъ-то: Аксай, Азовъ, Ейскъ, Бердянскъ, до сихъ поръ получились лишь письменныя и устныя заявленія, что мѣстные общественные приговоры и прочія бумаги будутъ изготовлены въ скоромъ времени.

По западному берегу Кавказа, въ городѣ Поти, мѣстное населеніе отнеслось съ особеннымъ сочувствіемъ къ дѣлу учрежденія мореходной школы. Вмѣсто указаннаго мною minimum'а 150 рублей въ годъ, теперь обѣщается изъ средствъ мѣстныхъ жителей не менѣе 600 рублей. Но бумаги еще не доставлены Обществу.—Изъ другихъ важныхъ пунктовъ этого прибрежья, какъ: Сухумъ-Кале, Новороссійска, Анапы населеніе еще вовсе не отозвалось по дѣлу учрежденія у нихъ мореходныхъ школъ. Между тѣмъ по западному прибрежью Кавказа, изобилующему лѣсами, крайне необходимо вызвать, въ возможно скорое время, мореходную дѣятельность всякаго рода, такъ какъ единственныя сообщенія съ этими, отрѣзанными отъ материка хребтомъ горъ, плодоносными прибрежьями, возможны только морскимъ путемъ.

На южномъ берегу Крыма, въ городѣ Ѳеодосіи, въ нынѣшнемъ году уже утвержденъ мореходный классъ; изъ Севастополя дѣйствительный членъ нашего Общества, Михаилъ Ильичъ Кази, заявилъ, что скоро будутъ изготовлены бумаги съ тѣмъ, чтобы въ этомъ классѣ познакомить молодежь преимущественно съ механическою частью судовъ, особенно пароходовъ.—Изъ городовъ Ялты, Балаклавы и Евпаторіи никакихъ заявленій мѣстныхъ жителей по дѣлу мореходныхъ школъ еще не поступало.

---

[1]) Прибывъ въ августѣ м. с. г. въ Ростовъ-на-Дону, я узналъ, что бумаги, составленныя здѣсь въ прошломъ году по дѣлу мѣстной мореходной школы, были для ускоренія дѣла отправлены въ канцелярію ген.-губернатора. Екатеринославскій губернаторъ извѣстилъ Общество наше (9 сентября, за № 3804), что онъ представилъ эти бумаги г. министру внутреннихъ дѣлъ.

Не менѣе важное мѣсто, чѣмъ Донъ, въ дѣлѣ русскаго мореходства, занимаетъ р. Днѣпръ; по этой рѣкѣ доставленіе всякаго рода лѣса въ громадномъ количествѣ обезпечиваетъ судостроеніе, какъ нельзя лучше, а центръ торговли, Одесса, находится недалеко отъ устьевъ рѣки. Постройка морскихъ судовъ производится около Херсона и, вслѣдствіе дешевизны тамъ рабочихъ рукъ, съ большимъ успѣхомъ также 2—300 верстъ выше по рѣкѣ, въ Александровскѣ и Никополѣ. Въ послѣднемъ пунктѣ, лежащемъ 200 верстъ выше Херсона, у рукава Днѣпра, считается теперь до 7000 душъ населенія; здѣсь считается болѣе 70 каботажныхъ судовъ, и вообще Никополь, какъ и гор. Алешки, противъ Херсона, давно извѣстные центры каботажнаго плаванія,—центры бывшаго цехового учрежденія. Но это цеховое учрежденіе вовсе не имѣло въ виду дать образованіе морякамъ; напротивъ того, оно, какъ чисто средневѣковая организація, значительно мѣшало образованію. Теперь оба упомянутые центра моряковъ, Никополь и Алешки, отчасти вслѣдствіе цеховой организаціи, стоятъ едвали не ниже другихъ при-днѣпровскихъ пунктовъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

Между тѣмъ извѣстно, что въ западныхъ государствахъ центры мореходства бываютъ также центрами образованія, такъ какъ мореходство, со времени старыхъ финикіянъ и грековъ, считается самымъ наилучшимъ путемъ цивилизаціи и всесторонняго промышленнаго развитія. Въ настоящее время при развитіи конкурренціи народовъ промышленный успѣхъ невозможенъ для народа, не могущаго пользоваться компасомъ, морскими картами, вспомогательными книжками, содержащими необходимѣйшій запасъ словъ и фразъ, нужныхъ моряку изъ чужихъ языковъ, а также объясненій иностранныхъ мѣръ, вѣсовъ, монетъ, торговыхъ обычаетъ, главнѣйшихъ морскихъ и торговыхъ законовъ и прочее. Напрасно составлять такія необходимыя для успѣшнаго мореплаванія книжки и брошюры, если народъ неграмотенъ или лишь полуграмотенъ; но также напрасно учреждать мореходныя школы, не заботясь вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворить первоначальнымъ литературнымъ потребностямъ.

Изданіе особыхъ брошюръ, объясняющихъ нѣкоторые вопросы о дальнихъ плаваніяхъ, требуется неотлагательно, какъ для донского, такъ и для днѣпровскаго главныхъ центровъ нашихъ южныхъ каботажниковъ.

Общество наше пока имѣетъ весьма лестную, но трудную задачу—покрыть своими средстами всѣ тѣ издержки для русскихъ мореходныхъ школъ и нашего мореходнаго населенія вообще, которыя не покрываются казною на основаніи закона отъ 27-го іюня 1867 г. и особенными распоряженіями правительственныхъ вѣдомствъ. Въ Финляндіи, какъ въ № III настоящихъ „Извѣщеній" показано, отпускается 4000 марокъ или 8% всего бюджета мореходныхъ школъ для разныхъ другихъ общихъ надобностей морского образованія народа, несмотря на то, что тамъ уже давно существуютъ мореходныя школы, у насъ же они должны быть созданы; что тамъ всѣ сословія понимаютъ сущность морскихъ вопросовъ, у насъ же еще нѣтъ. Земледѣльцы не понимаютъ и знать не хотятъ, что наше Общество въ сущности преслѣдуетъ ихъ жизненные интересы, что соперничество русскаго хлѣба съ сѣверо-аме-

риканскимъ на англійскихъ рынкахъ не шутка, и что не слѣдуетъ дорожить грошевыми издержками для поддержанія столь важныхъ общественныхъ интересовъ. Съ другой стороны многіе у насъ увѣрены, что великій русскій народъ на морѣ преслѣдуется англичанами, нѣмцами, французами, итальянцами, голландцами, датчанами, норвежцами, греками, турками, персіянами — слонъ жалуется, что его преслѣдуетъ муха. Мореходство же наше представляется въ лицѣ человѣка, ходящаго по снѣгу и ужасно страдающаго отъ холода, босоногаго, одѣтаго въ самую цѣнную енотовую шубу и съ бриллiантовыми перстнями на рукахъ.

Кстати приведемъ примѣръ. На-дняхъ наше Общество было удостоено интереснымъ подаркомъ отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, состоящимъ изъ 20 экземпляровъ большой книги: „Diccionario de marinha: portuguez-francez-inglez e vice versa na escola de marinha“, изданной въ Ріо-де-Жанейро въ 1872 г. насчетъ морского министерства. Итакъ, мы видимъ, что морскіе словари для мореходныхъ школъ и моряковъ существуютъ, за исключеніемъ одной Россіи, не только повсюду въ Европѣ [1]) и Сѣверной Америкѣ, но даже въ Бразиліи. Значительный объемъ книги свидѣтельствуетъ о томъ, что въ Бразиліи существуютъ уже другія необходимыя мореходцамъ книги, брошюры, карманныя книжки и пр., словомъ, что тамошнее мореходство нельзя сравнить съ страдающимъ босоногимъ богачемъ-великаномъ, плачущимъ, что его обижаютъ ребята.

Адресъ члена дѣло-производителя Общества: Москва, Мясницкая, Кривое Колѣно, д. Сытова, кв. № 3.

III. Коммиссія по постройкѣ новаго соборнаго храма въ г. Лугѣ.

Храмъ во имя св. великомученицы Екатерины, сооруженный въ г. Лугѣ въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II, по мѣрѣ того, какъ возрастало населеніе, оказывался все болѣе и болѣе невмѣстительнымъ, а нынѣ по величинѣ своей далеко уже не соотвѣтствуетъ числу прихожанъ (1,644 ж.); онъ былъ отстроенъ безъ купола, съ очень малою и некрасивою колокольнею, всего съ двумя и то довольно узкими окнами, вообще—тѣсный, мрачный и неудобный. Въ настоящее время признано необходимымъ отстроить другой храмъ, трехпрестольный, довольно обширныхъ размѣровъ, въ византійскомъ стилѣ. Смѣта простирается слишкомъ до 65 т. рублей, а строительная коммиссія располагала одною третью всей потребной суммы.

---

[1]) На югѣ, въ Турціи, правда, мореходныхъ школъ еще нѣтъ; трезвость и дешевая заработная плата достаточна, чтобы сдѣлать турковъ уважаемыми конкуррентами въ *каботажномъ* плаваніи по Черному и Азовскому морямъ. У грековъ уже есть мореходныя школы въ Галаксиде близъ Патраса (первомъ портѣ для судовладѣльчества Греціи); затѣмъ въ Сирѣ-Ермополисѣ, гдѣ 187¾ строилось до 20 новыхъ, конечно парусныхъ, судовъ; кажется также въ Пиреѣ и въ Специіи (Эгейское море).

Въ 1873 г. сдѣлана закладка храма, и имѣвшіяся деньги 22 т. р. издержаны всѣ на фундаментъ, нижнія части стѣнъ и на заготовленіе строительныхъ матеріаловъ, изъ коихъ одного кирпича запасено до 800 тысячъ. Для продолженія работъ и построенія собора вчернѣ потребно еще до 40 т. р. Прихожане, при всемъ своемъ усердіи, одними своими приношеніями никакъ не могутъ доставить такой суммы. Все вышеизложенное побуждаетъ строительную коммиссію обратиться ко всѣмъ съ покорнѣйшею и усерднѣйшею просьбою, помочь своими посильными пожертвованіями на построеніе новаго собора въ городѣ Лугѣ. Всякое приношеніе будетъ принято съ глубокою благодарностью. Просятъ адрессовать: „Въ г. Лугу, с.-петербургской губерніи, въ коммиссію по постройкѣ новаго соборнаго храма“. Имена благотворителей и сдѣланныя ими пожертвованія будутъ своевременно опубликованы въ газетахъ.

М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1874 году.

Въ 1874-мъ году, экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Акмолинская обл. (260,000 жит.)	экз.
Акмолли	3
Петропавловскъ	4
Кокчетовъ	1
Омскъ	19
	27

Амурская обл. (22,000 жит.)	
Благовѣщенскъ	8
Албазинъ	2
	10

Архангельская губ. (281,000 жит.)	
Архангельскъ, г. г.	19
Шенкурскъ	1
Кемь	2
Онега	2
Холмогоры	1
Пинега	1
	26

Астраханская губ. (593,000 жит.)	
Астрахань, губ. г.	21
Царевъ	1
Черный-Яръ	1
Вязовская	1
	24

Бакинская губ. (513,000 жит.)	экз.
Баку, губ. г.	15
Шемаха, г.	5
Ленкоранъ, кр.	1
Куба	4
	25

Бессарабская губ. (1.091,000 жит.)	
Кишиневъ г. г.	51
Хотинъ, г.	5
Сталинештенская, ст.	1
Липканы, ст.	1
Купчинская, ст.	1
Глинная, ст.	1
Бѣльцы, г.	6
Банештская, ст.	2
Оргѣевъ, г.	3
Сороки, г.	6
Скуляны, м.	1
Бричаны, ст.	2
Секурянская, ст.	1
Аккерманъ, г.	4
Байрамчевская, ст.	1
Камратъ, колонія	1
Бендеры, г.	4
	91

Варшавская губ. (1.004,000 жит.)	экз.
Варшава, губ. г.	59
Гройцы	2
Гура-Кальварія, г.	1
Новый-Дворъ, г.	5
Скерневицы, г.	2
Александровъ, погран.	2
Влоцлавскъ, г.	2
Кутно, г.	2
Ловичъ, г.	2
Минскъ, г.	2
	79

Виленская губ. (1,019,000 жит.)	
Вильно, губ. г.	31
Свенцяны, г.	2
Безданы, ст.	1
Дисна, г.	3
Лида, г.	1
Щучинъ, м.	2
Ошмяны, г.	2
Вилейка, г.	1
Заборье, ст.	1
Залѣсье, ст.	1
	45

Витебская губ. (884,000 жит.)	
Витебскъ, губ. г.	10
Невель, г.	2
Динабургъ, г.	11
Рѣжица, г.	1
Себежъ, г.	1
Антонополь, ст.	1
Креславль, м.	1
Полоцкъ, г.	6
Барковичи, ст.	1
Суражъ	1
	35

Владимірская губ. (1,259,000 жит.)	
Владиміръ, губ. г.	18

	экз.
Александровъ	3
Переяславль-Залѣскій	2
Судогда	1
Вязники	3
Муромъ	4
Никольское	1
Покровъ	1
Шуя	5
Иваново-Вознесенскъ	7
Гороховецъ	2
Суздаль	1
Юрьевъ-Польскій	2
Орѣховская	1
Второвская	1
Меленки	1
	58

Вологодская губ.
(1,008,000 жит.)

Вологда, губ. г.	16
Грязовецъ	1
Свѣтиловская	1
Никольскъ	1
Великій-Устюгъ	2
Устьсысольскъ	1
Синегодская	1
Вельскъ	2
Кадниковъ	1
Тотьма	3
	29

Волынская губ.
(1.737,000 жит.).

Житоміръ, губ. г.	22
Владиміръ, г.	2
Ковель, г.	1
Луцкъ, г.	2
Дубно, г.	3
Кременецъ, г.	2
Радзивиловъ, м.	2
Ровно, г.	3
Колки, м.	1
Новоградъ-Волынскъ	4
Любарская, ст.	2
Острогъ, г.	5
Староконстантиновъ	8
Купель, ст.	1
Волочискъ, м.	3
Полонное, ст.	1
Славута, ст.	1
Кривинъ, ст.	1
Рудня, ст.	1
Овручъ, г.	3
	68

Воронежская губ.
(2.184,000 жит.).

Воронежъ, губ. г.	31
Нижнедѣвицкъ, г.	1
Бутурлинская	4
Задонскъ	2
Новохоперскъ	4
Бестужевская	1
Бобровъ	6
Острогожскъ	9
Землянскъ	5
Валуйки	8
Бирючъ	5
Богучаръ	2
Шестаковская	1
Павловскъ	4
Бычковская	1
Калачъ	4
Михайловка	1
Россошь	2
	91

Выборгская губ.
(243,000 жит.).

Вильманстрандъ	1
Новая-Кирка	1
	2

Вятская губ.
(2.442,000 жит.).

Вятка, губ. гор.	11
Орловъ	1
Слободской	4
Глазовъ	2
Нолинскъ	2
Уржумъ	2
Усть-Лекомская	1
Царевосанчурскъ	1
Котельничъ	1
Малмыжъ	2
Сарапуль	6
Ижевскій заводъ	3
Елабуга	6
Сюмсиможгинская	1
	43

Гродненская губ.
(1.021,000 жит.).

Гродно, губ. г.	11
Соколка, г.	1
Друскеники	1
Россы, ст.	1
Слонимъ, г.	2
Пружаны, г.	1
Бѣлостокъ, г.	8
Свислочь, ст.	1
Бѣльскъ, г.	3
Семятичи	1
Высоколитовскъ, г.	2
Кобринъ, г.	1
Городецкая, ст.	1
Брестъ-Литовскъ, г.	6
Косово, ст.	1
	41

Дагестанская область.
(448,000 жит.).

Темиръ-Ханъ-Шура	12
Гунибъ	2
Дашлагаръ	1
Дербентъ	2
Петровское	3
Чиръ-Юртъ	3
	23

Екатеринославская губ.
(1.147,000 жит.).

Екатеринославъ	26
Топильная, ст.	1
Нейнбергъ ст.	1
Канцерополь, ст.	1
Александровскъ	12
Верхнеднѣпровскъ, г.	14
Никополь	2
Ростовъ	27
Чумбурская	1
Нахичевань	1
Азовъ	1
Бахмутъ	4
Благодатное	4
Луганскій заводъ	10
Михайловская	2
Славяносербскъ	2
Орѣховская	1
Таганрогъ	18
Маріуполь	5
Марченская	2
Константиновская	2
Павлоградъ	6
Новомосковскъ	5
Перещепино	5
Гришинская	3
Надеждино	3
Гавриловка	2
Михайловка	1
	162

Елисаветпольская губ.
(529,000 жит.).

Елисаветполь губ. г.	7
Нуха, г.	1
Герюсинская, ст.	1
Шуша, г.	4
Делижанъ	1
	14

Енисейская губ.
(350,000 жит.).

Красноярскъ, губ. г.	6
Ачинскъ	1
Минусинскъ	3
Корелино	1
Енисейскъ	2
Канскъ	1
	14

Забайкальская обл.
(419,000 жит.).

Кяхта	11
Троицкосавскъ	2
Верхнеудинскъ	3
Селенгинскъ	1
Чита	3
Кайдаловская	1

	экз.
Нерчинскъ	6
Нерчинскій заводъ	2
Стрѣтенская	1
Горбиченская	2
	32

Закатальскій округъ.
(56,000 жит.).

Закаталы, кр.	3
	3

Иркутская губ.
(372,000 жит.).

Иркутскъ, г. г.	26
Киренскъ	2
Витимскъ	4
Нижнеудинскъ	1
Черемховская	3
Тулуновская	2
Тельминская	1
Куйтунская	1
	40

Казанская губ.
(1.726,000 жит.).

Казань, губ. г.	72
Чебоксары	1
Козьмодемьянскъ	1
Свіяжскъ	2
Тетюши	1
Спасскъ	2
Мамадышъ	1
Метескинская	1
Чистополь	8
Лаишевъ	3
Алексѣевская	1
	93

Калишская губ.
(678,000 жит.).

Калишъ, губ. г.	6
Велюнь, г.	3
Верушевъ	2
Здунская-Воля	1
Серадзь, г.	1
Ленчица, г.	4
Коло, г.	1
Конинъ, г.	1
Слупцы, г.	1
	20

Калужская губ.
(1.008,000 жит.).

Калуга, г. г.	26
Таруса, г.	2
Боровскъ	2
Малоярославецъ	1
Медынь	2
Полотняный заводъ	2
Жиздра	5
Козельскъ	2
Мещовскъ	1
Мосальскъ	1
Брынь	1
Роговичи	1
	46

Кіевская губ.
(2.215,000 жит.).

	экз.
Кіевъ, губ. г.	126
Бердичевъ, г.	3
Самгородокъ, г.	1
Попельня, ст.	1
Казатинъ, ст.	1
Каневъ, г.	2
Радомысль, г.	9
Фасовка, ст.	1
Коростышевская, ст.	3
Липовецъ, г.	9
Васильковъ, г.	2
Смѣла, м.	5
Сквира, г.	4
Ружинъ, ст.	1
Бѣлая-Церковь, м.	4
Тараща, г.	7
Богуславъ, г.	6
Звенигородка, г.	5
Шпола, м.	6
Умань, г.	11
Тальное, м.	4
Чигиринъ, г.	5
	216

Ковенская губ.
(1.125,000 жит.).

Ковно, губ. г.	13
Тельши, г.	1
Поневѣжъ, г.	2
Шадовъ, м.	1
Юрбургъ, г.	1
Сяды, ст.	1
Ворненская, ст.	2
Россіены, г.	3
Таурогенъ, м.	2
Кейданы, м.	1
Шавли, г.	4
Вѣкшня, ст.	1
Ново-александровскъ	2
Уцяны, м.	1
Вилькомиръ, г.	1
	36

Костромская губ.
(1.132,000 жит.).

Кострома, губ. г.	20
Нерехта	4
Судиславль	2
Воронье	1
Макарьевъ	1
Евдокимово	1
Галичъ	3
Буй	2
Солигаличъ	1
Кологривъ	1
Кинешма	9
Колшевская	1
Вичуга	8
Юрьевецъ Повольскій	1
Ветлуга	2
Ивановская	1
	58

Кубанская область.
(672,000 жит.).

	экз.
Екатеринодаръ	14
Ейскъ	5
Коневское	1
Уманская	2
Тифлисская	1
Усть-Лабинская	3
Подмогильный постъ	1
Майкопъ	10
Кавказская	1
Прочный Окопъ	5
Крымское укр.	1
Темрюкъ	3
Кирпильская	1
Лабинская	1
	49

Куопіоская губ.
(210,000 жит.).

Куопіо, губ. г.	1
	1

Курляндская губ.
(620,000 жит.).

Митава, г. г.	6
Баускъ, г.	1
Гольдингенъ, г.	1
Либава, г.	4
Иллукста, м.	1
Фридрихштадтъ, г.	1
	14

Курская губ.
(1.955,000 жит.).

Курскъ, г. г.	28
Фатежъ, г.	5
Старый-Осколъ, г.	5
Бѣлгородъ, г.	8
Новый-Осколъ, г.	5
Борисовка, ст.	1
Короча, г.	2
Щигры, г.	8
Тимъ, г.	3
Обоянь, г.	2
Кочетки, ст.	1
Золотухино, ст.	1
Никольская, ст.	1
Марьино, ст.	1
Прохоровка, ст.	1
Крюково, ст.	1
Веселая-Лопань, ст.	1
Льговъ, г.	4
Дмитріевъ, г.	4
Суджа, г.	4
Рыльскъ, г.	5
Дьяконово, ст.	1
Иванино, ст.	1
Глушково, ст.	1
Тамаровская	1
	96

Кутаисская губ.
(605,000 жит.).

Кутаисъ, губ. г.	10
Поти, г.	5

	экз.
Озургеты, г.	1
Зугдиды, г.	1
	17

Кѣлецкая губ.
(529,000 жит.).

Кѣльцы, г. г.	5
Андреевъ, пос.	1
Бускъ, г.	1
Пинчевъ	1
Олькушъ, г.	1
Пилица, пос.	1
	10

Лифляндская губ.
(1.001,000 жит.).

Рига, г. г.	18
Дерптъ	7
Перновъ	1
Болдераа (Динаминдъ)	1
Венденъ	1
	28

Ломжинская губ.
(489,000 жит.).

Ломжа, г. г.	7
Остроленка, г.	1
Граево, посадъ	1
Пултускъ	2
	11

Люблинская губ.
(701,000 жит.).

Люблинъ, г. г.	10
Ивангородъ, кр.	2
Новая Александрія	2
Грубешовъ, г.	1
Замостье, кр.	1
Красноставъ, г.	8
Холмъ, г.	3
Бѣлгорай, г.	1
Щебржешинъ, м.	1
	24

Минская губ.
(1.178,000 жит.).

Минскъ, г. г.	19
Борисовъ, г.	2
Пинскъ, г.	2
Бобруйскъ, кр.	7
Мозырь, г.	1
Якимовская	1
Домоновичи	1
Слуцкъ, г.	3
Игуменъ, г.	1
Новогрудокъ, г.	3
Несвижъ, м.	1
Погорѣльцы, ст.	1
	42

Могилевская губ.
(958,000 жит.).

Могилевъ, г. г.	15
Чириковъ	3
Толочинъ	1
Орша	1
Горы-Горки	3
Сѣнно	2
Мстиславль	4
Копысъ	1
Гомель	5
Рогачевъ	2
Быховъ	1
Чечерскъ	1
Чечевичи	1
Сидоровичи	1
Климовичи	4
Кричевъ	1
Коханово, ст.	1
Толочино, ст.	1
Славяны	1
	49

Московская губ.
(1.757,000 жит.).

Москва:

Чрезъ газет. экспед.	98
Чрезъ книжн. магаз. Соловьева	320
	418
Серпуховъ, г.	5
Подольскъ, г.	4
Лукошкинская, ст.	1
Царицыно, ст.	1
Лопасня, ст.	1
Бронницы	3
Коломна	2
Раменское	1
Клинъ	4
Завидовская	2
Волоколамскъ	2
Воскресенскъ	1
Звенигородъ	1
Крюково	1
Сергіевскій посадъ	5
Пушкинская	1
Талицкая	1
Хотьковская	1
Богородскъ	3
Верея	2
Дмитровъ	2
Можайскъ	1
Руза	1
Шелковская	1
	465

Нижегородская губ.
(1.279,000 жит.).

Нижн.-Новгородъ, г. г.	40
Горбатовъ	2
Павлово	1
Лысково	2
Сергачъ	1
Мангушевская	1
Княгининъ	1
Лукояновъ	2
Починки	3
Арзамасъ	6
Воскресенское село	1
Семеновъ	1
Ардатовъ	2
Василь	1
Балахна	2
	66

Новгородская губ.
(1.011,000 жит.).

Новгородъ, г. г.	22
Чудовская	1
Торбино	2
Устюжна	1
Кириловъ	1
Тихвинъ	1
Спасская-полисть	2
Кукуйская	2
Валдай	2
Боровичи	4
Череповецъ	5
Бѣлозерскъ	3
Старая-Руса	2
Демянскъ	1
Крестцы	1
Медвѣдь	1
Сомино	3
	54

Нюландская губ.
(167,000 жит.).

Гельсингфорсъ, г. г.	10
Свеаборгъ	3
	13

Область Войска Донского.
(1.147,000 жит.).

Новочеркасскъ	40
Кагальницкая	1
Есауловская	2
Новониколаевка	1
Амвросіевка	1
Матвѣевъ-Курганъ	2
Ольховый-Рогъ	2
Шалаевская	1
Боковская	1
Урюпинская	2
Себряковка	1
Калачевскій хуторъ	1
Пятиизбянская	1
Устьмедвѣдицкая	6
Алексиково	1
Филоново	1
Иловля	1
Казанская	1
Тиховская	1
Константиновская	2
Грушевская	1
Каменская	3
Нижнечирская	1
Миллерово	1
Тарасовская	1
Сулинъ	2
	78

Олонецкая губ.
(297,000 жит.).

	экз.
Петрозаводскъ, г. г.	11
Повѣнецъ	1
Вознесенская пристань	1
Оштинскій погостъ	1
Олонецъ	1
Подпорожье	1
Вытегра	1
Каргополь	2
	19

Оренбургская губ.
(930,000 жит.).

Оренбургъ, г. г.	30
Челябинскъ	7
Троицкъ	2
Звѣриноголовская	1
Міасскій Заводъ	1
Коельская	1
Орскъ	2
Верхнеуральскъ	2
Кизильская крѣп.	1
	47

Орловская губ.
(1.589,000 жит.).

Орелъ, г. г.	27
Брянскъ, г.	4
Карачевъ г.	7
Хотынецъ, ст.	1
Трубчевскъ, г.	3
Дмитровскъ, г.	1
Кромы, г.	1
Котомки, ст.	1
Дросково, ст.	6
Мценскъ, г.	9
Болховъ, г.	4
Малоархангельскъ	8
Сѣвскъ, г.	8
Толстодубово, ст.	1
Становый-Колодезъ, ст.	3
Александровка, ст.	1
Ливны	8
Елецъ	14
Измалково	3
Русскій Бродъ	1
	106

Пензенская губ.
(1.173,000 жит.).

	экз.
Пенза, губ. г.	29
Керенскъ	2
Нижній-Ломовъ	6
Наровчатъ	1
Никольскій Понимъ	1
Чембаръ	2
Каменка	2
Городище	4
Борисовская	2
Саранскъ	6
Инсаръ	2
Исса	1
Краснослободскъ	1
Мокшаны	2
Нечаевскій-Уметъ	1
	62

Пермская губ.
(2.212,000 жит.).

Пермь, г. г.	26
Оханскъ	2
Оса	2
Екатеринбургъ	24
Богословскій заводъ	3
Верхотурье	2
Долматовъ	1
Ирбитъ	2
Каменскій заводъ	1
Кушвинскій заводъ	1
Невьянскій заводъ	3
Нижнетагильскій заводъ	7
Шадринскъ	4
Катайская	1
Сысертская	1
Билимбаевскій заводъ	1
Веретія	1
Соликамскъ	1
Красноуфимскъ	2
Чердынь	2
Камышловъ	1
Сугатская	3
Кунгуръ	5
Киргишанская	1
Ключевская	1
	98

Петроковская губ.
(696,000 жит.).

Петроковъ, г. г.	6
Лодзь, г.	1
Згержъ, м.	2
Новорадомскъ, г.	1
Ченстохово, г.	5
Сосновицы, ст.	1
Домброво, ст.	1
	17

Плоцкая губ.
(480,000 жит.).

Плоцкъ, губ. г.	6
Праснышъ	1
Млава	1
Липно	2
	10

Подольская губ.
(1.961,000 жит.)

	экз.
Каменецъ, г. г.	13
Гусятинъ, м.	1
Могилевъ, г.	5
Новая-Ушица, г.	3
Дунаевцы, м.	1
Ямполь, г.	4
Хмѣльникъ, г.	1
Проскуровъ, г.	4
Баръ, г.	3
Ярмолинцы, м.	3
Летичевъ, г.	2
Дережня, ст.	1
Брацлавъ, г.	1
Краснопольская, ст.	1
Гайсинъ, г.	4
Тульчинъ, м.	4
Ольгополь, г.	9
Винница, г.	8
Немировъ, м.	4
Вороновицкая, ст.	1
Литинъ, г.	1
Рахны, ст.	1
Круты, ст.	2
Вапнярка, ст.	1
Крыжополь, ст.	1
Попелюхи, ст.	2
Борщи, ст.	1
Кривое-Озеро, м.	2
Балта, г.	4
Жмеринка	1
	89

Полтавская губ.
(2.102,000 жит.).

Полтава, г. г.	43
Золотоноша, г.	12
Переяславъ, г.	4
Гадячъ, г.	7
Миргородъ, г.	5
Лохвица, г.	4
Зеньковъ, г.	3
Опошня, ст.	1
Хороль, г.	6
Пирятинъ, г.	5
Прилуки, г.	10
Яготино, г.	4
Лубны, г.	11
Рѣшетиловская, ст.	2
Бѣлоцерковка, м.	2
Бутенковская, ст.	1
Кобеляки, г.	6
Кременчугъ, г.	16
Градижскъ, ст.	1
Семеновская, ст.	3
Кочубеевка, ст.	1
Гановка, ст.	1
Голещино, ст.	1
Тирасполь, г.	4
Константиноградъ	10
Карловская	2
Ромны	8
	173

Приморская область.
(43,000 жит.).

Николаевскъ, обл. г.	5
Хабаровка	4
Владивостокъ	6
Новгородскій постъ	1
Софійскъ	1
	17

Псковская губ.
(786,000 жит.).

Псковъ, г. г.	26

	экз.
Порховъ, г.	7
Боровичи, ст.	3
Торошино, ст.	1
Островъ, г.	6
Холмъ, г.	2
Новоржевъ	2
Новгородка, ст.	1
Торопецъ, г.	4
Опочка, г.	5
Великіе-Луки, г.	3
Бѣжаницы, ст.	1
Жогово, ст.	1
	62

Радомская губ.
(540,000 жит.).

Радомъ, г. г.	8
Сандомиръ, г.	1
Пржисуха, пос.	1
Шидловецъ, г.	1
Конскъ, г.	1
Козеницы	1
	13

Рязанская губ.
(1.496,000 жит.).

Рязань, г. г.	19
Раненбургъ	1
Данковъ	3
Скопинъ	3
Пронскъ	4
Ряжскъ	3
Сапожокъ	4
Касимовъ	6
Михайловъ	3
Спасскъ	2
Ижевское	4
Ерахтурская	1
Егорьевскъ	3
Гавриловское	1
Зарайскъ	1
Окулово	1
Борки	2
Сараи	1
	62

Самарская губ.
(1.868,000 жит.).

Самара, г. г.	26
Бугурусланъ	3
Павловская	1
Сорочинская	1
Зимниково	2
Бугульма	2
Ставрополь	1
Мелекесъ	1
Чердаклинская	2
Николаевскъ	2
Красноярская	1
	42

С.-Петербургская губ.
(1.291,000 жит.). экз.

С.-Петербургъ:	
По городской почтѣ	850
Чрезъ книжный магазинъ Базунова	587
Чрезъ редакцію	68
	1505
Кронштадтъ	23
Царское Село	17
Гатчино	5
Луга	3
Бѣлая	1
Тупичино	1
Гдовъ	5
Ямбургъ	1
Нарва	4
Колпинская	1
Тосна	3
Новая-Ладога	1
Павловскъ	1
Стрѣльна	1
Петергофъ	4
Ораніенбаумъ	1
Красное Село	1
	1578

Саратовская губ.
(1,773,000 жит.)

Саратовъ, губ. г.	42
Балашовъ	2
Царицынъ	5
Сосновка	4
Аткарскъ	4
Колѣно	2
Турки	3
Ртищево	1
Салтыковка	1
Маріинская	1
Бѣково	1
Камышинъ	5
Дубовка-Посадъ	1
Таловка	1
Балаково	2
Петровскъ	4
Кузнецкъ	5
Каминкеръ	1
Сердобскъ	2
Кондаль	2
Ключи	1
Хвалынскъ	5
Вольскъ	5
	100

Семипалатинская обл.
(350,000 жит.)

Семипалатинскъ	3
Каракалы	1
Бухторма	2
Зайсанскій постъ	1
	7

Семирѣченская область.
(543,000 жит.). экз.

Вѣрный, областн. г.	4
Лепсинская	2
Копалъ	1
Токмакъ	1
Каракалъ	2
	10

С.-Михельская губ.
(155,000 жит.).

Іоройсъ	1
	1

Симбирская губ.
(1.222,000 жит.).

Симбирскъ, губ. г.	25
Краснососенская	2
Юрловская	4
Ардатовъ	4
Алатырь	3
Курмышъ	3
Пиловальные заводы	1
Русско-Кондаратская	1
Тагаевская	2
Корсунь	2
Сенгилей	1
Сызрань	9
Теренгульская	4
	61

Смоленская губ.
(1,121,000 жит.).

Смоленскъ, губ. г.	19
Рославль, г.	3
Разрытое, ст.	1
Знаменское, ст.	2
Юхновъ, г.	1
Починокъ, ст.	2
Ивановская, ст.	1
Рябцово, ст.	2
Бѣлый, г.	4
Духовщина, г.	5
Пречистенская, ст.	1
Полуево	1
Ечекстово, ст.	1
Порѣчье, г.	1
Дорогобужъ, г.	3
Ельня, г.	2
Красный, г.	3
Дубровка, ст.	1
Сычевка	2
Гжатскъ	2
Вязьма	8
Каменская	1
Уваровская	1
Батюшково	1
Александровская	1
	69

Ставропольская губ.
(437,000 жит.).

Ставрополь, губ. г.	18
Медвѣжинская	1
Песчанокопская	2

	экз.
Прасковея село	1
Пятигорскъ	11
	88

Сувалкская губ.
(531,000 жит.).

Сувалки, губ. г.	6
Кибарты, ст.	1
Маріамполь, г.	1
Кальварія, г.	1
Владиславовъ, г.	1
	10

Сухумскій округъ.
(70,000 жит.).

Сухумъ-Кале, кр.	5
	5

Сыръ-Дарьинская обл.
(835,000 жит.).

Ташкентъ, об. г.	14
Казалинскъ	4
Чимкентъ	1
Самаркандъ	9
Ходжентъ	2
Катты-Курганъ	2
Чиназъ	2
	34

Сѣдлецкая губ.
(542,000 жит.).

Сѣдлецъ, губ. г.	7
Бяла, г.	4
Яновъ, г.	1
Луковъ, г.	1
Мендзыржецъ, ст.	1
	14

Тавастгустская губ.
(185,000 жит.).

Ойсъ	1
	1

Таврическая губ.
(716,000 жит.).

Симферополь, г. г.	27
Судакъ, г.	1
Балаклава, г.	1
Евпаторія, г.	2
Алушта, м.	2
Севастополь, г.	14
Ѳеодосія, г.	5
Керчь-Еникоиь, г.	12
Ялта, г.	15
Карасубазаръ, г.	3
Орѣховъ	9
Каховка	2
Армянскъ	1
Алешки	2
Перекопъ	1
Мелитополь	5
Геническъ	1
Бердянскъ	5
Нагайскъ	1
	109

Тамбовская губ.
(2.157,000 жит.).

	экз.
Тамбовъ, губ. г.	32
Козловъ	9
Усмань	6
Липецкъ	3
Лебедянь	2
Шацкъ	2
Каргашино	2
Моршанскъ	7
Спасскъ	1
Проснянопольская	1
Грязи	3
Новочеркутино	1
Кулики	1
Муравьевская	1
Сенцовка	2
Борисоглѣбскъ	12
Мордово	1
Токаревка	1
Разсказово	1
Кирсановъ	9
Уметъ	1
Елатьма	2
Темниковъ	3
	108

Тверская губ.
(1,509,000 жит.).

Тверь, губ. г.	16
Торжокъ	10
Спировская	1
Калашниковская	1
Осташковская	1
Корчева	1
Кимры	1
Старица	6
Ржевъ	10
Зубцовъ	4
Красный-Холмъ	2
Мстинская	1
Троицкая	1
Максатиха	1
Бѣжецкъ	5
Весьегонскъ	1
Косово	1
Кашинъ	9
Калязинъ	3
Дѣдково	1
Вышній-Волочокъ	2
Осташковъ	1
Селижаровъ-посадъ	2
Выдропускъ	1
	82

Терская область.
(485,000 жит.).

Владикавказъ	21
Слѣпцовская	2
Прохладная	1
Кизляръ	3
Нальчикъ	1
Моздокъ	3
Грозный	8
Хасафъ-Юртъ	5
Шелкозаводская	2
Георгіевскъ	1
	47

Тифлисская губ.
(606,000 жит.).

	экз.
Тифлисъ г. г.	98
Царскіе-Колодцы	5
Лагодехская, ст.	2
Телавъ, г.	2
Бѣлый-Ключъ, уроч.	4
Ахалцыхъ, кр.	4
Ахалкалаки	1
Гори, г.	3
	119

Тобольская губ.
(1.105,000 жит.).

Тобольскъ, г. г.	7
Тюмень	6
Тара	1
Ялуторовскъ	1
Курганъ	1
Ишимъ	2
	18

Томская губ.
(784,000 жит.).

Томскъ, г. г.	11
Вознесенская ст.	1
Берская	1
Барнаулъ	6
Бійскъ	2
Змѣиногорскъ	4
Маріинскъ	2
	27

Тульская губ.
(1.176,000 жит.).

Тула, г. г.	22
Алексинъ, г.	2
Епифань, г.	3
Богородицкъ, г.	5
Никитское, село	2
Доробино, ст.	4
Лукояновка, ст.	1
Чернь, г.	5
Новосиль, г.	2
Одоевъ, г.	3
Крапивна, г.	1
Сергіевское	2
Ясенки, ст.	1
Кашира	2
Веневъ	6
Ефремовъ	4
Бѣлевъ	5
	70

Тургайская область.
(350,000 жит.).

Илецкая-защита	1
Уральское укрѣп.	1
	2

Уральская область.
(520,000 жит.).

Нижнеуральскъ	6
Гурьевъ	1
	7

Уфимская.
(1.395,000 жит.).

Уфа, г. г.	15

	экз.
Стерлитамакъ	6
Саткинскій заводъ	2
Златоустовскій заводъ	2
Бирскъ	1
Мензелинскъ	2
	28

Харьковская губ.
(1.820,000 жит.).

Харьковъ, губ. г.	94
Ахтырка, г.	7
Лебединъ, г.	6
Дергачи, ст.	1
Сумы, г.	16
Боромля, ст.	2
Бѣлополье, ст.	3
Ворожба, ст.	2
Валки, г.	2
Алексѣевка, г.	1
Зміевъ	4
Волчанскъ	8
Богодуховъ	2
Рогань	1
Чугуевъ	5
Малиновская	1
Волохоярская	3
Изюмъ	4
Купянскъ	6
Сеньковская	1
Новоекатеринославъ	4
Старобѣльскъ	6
Бѣловодскъ	1
Водолазская	1
Барвенково	2
Славянскъ	2
Голая-Долина	1
Мерефа	1
Алексѣевка	1
Дружково	1
	189

Херсонская губ.
(1.661,000 жит.).

Херсонъ, г. г.	21
Одесса	116
Николаевъ, г.	30
Очаковъ, г.	8
Джемурлеевская, ст.	1
Маяки, г.	1
Новая-Прага, м.	1
Песчаный-Бродъ	1
Вознесенскъ, г.	5
Березовка, ст.	6
Покровская, ст.	1
Александрія, г.	10
Липецкая, ст.	1
Максимовская, ст.	1
Водяная, ст.	1
Вейландово, ст.	1
Новогеоргіевскъ, г.	4
Ново-Украинка, ст.	3
Елисаветградъ, г.	25
Ольвіополь, г.	6
Новомиргородъ г.	8
Ананьевъ, г.	5
Яновская, ст.	1
Марьяновская, ст.	8
Пантаевка, ст.	1
Помошная, ст.	1
Любашевка, ст.	1
Жеребково, ст.	1
Чубовка, ст.	1
Затишье, ст.	1
Иванино, ст.	1
Раздѣльная, ст.	1
Бобринецъ	3
Куцовка, ст.	1
Новый-Бугъ, ст.	1
Искровка, ст.	1
Нововоронцовка	4
Бериславль	1
Тирасполь	4
	278

Черниговская губ.
(1.669,000 жит.).

Черниговъ, г. г.	19
Седневская, ст.	2
Новгородъ-Сѣверскъ	7
Стародубъ, г.	4
Погаръ, з. г.	4
Новозыбковъ, г.	1
Еліонское, ст.	3
Чуровичи	1
Климовъ-посадъ	1
Понуровская, ст.	1
Сосница, г.	4
Почепъ, м.	7
Мглинъ, г.	2
Суражъ, г.	2
Клинцы, посадъ	4
Красный-Рогъ, ст.	1
Козелецъ	3
Остеръ	1
Березна	2
Менская	2
Рѣпки	4
Шостка	2
Глуховъ, г.	5
Кролевецъ, г.	3
Воронежъ, ст.	1
Алтыновская, ст.	2
Конотопъ, г.	13
Карабутовская, ст.	1
Нѣжинъ, г.	16
Борзна, г.	5
Плиски, ст.	3
Бобровицы, ст.	3
Красное, ст.	2
Бровары, ст.	1
	182

Черноморскій округъ.
(15,000 жит.).

Туапсе	4
Новороссійскъ	2
	6

Эриванская губ.
(452,000 жит.).

Эривань, г. г.	7
Новый-Баязетъ, г.	2
Караклисская, ст.	2
Александрополь, кр.	6
Нахичевань, г.	1
Джульфы, г.	2
	20

Эстляндская губ.
(323,000 жит.).

Ревель	9
Везенбергъ, г.	1
Іевве, ст.	1
Гапсаль, г.	1
Тапсъ, ст.	1
	13

Якутская область.
(228,000 жит.).

Якутскъ, обл. гор.	3
Нохтуйскъ	9
Олекминскъ	1
	13

Ярославская губ.
(988,000 жит.).

Ярославль г. г.	29
Рыбинскъ	4
Романовъ - Борисоглѣб.	3
Пошехонье	2
Мышкинъ	1
Угличъ	1
Молога	1
Брейтово	1
Петровскъ	1
Ростовъ	3
Великое село	1
Даниловъ	1
Любимъ	1
Берендѣево	1
	50

За границу:

Германія	52
Франція	21
Италія	14
Швейцарія	4
Англія	7
Сербія	1
Турція	4
Греція	3
Бельгія	4
Швеція	2
Данія	1
Японія	2
Придунайскія княжес.	2
Китай	1
	118

ОБЩІЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ:

		экз.			экз.			экз.
1.	Херсонская.	278	32.	Костромск..	53	63.	Олонецкая .	19
2.	Кіевская . .	216	33.	Ярославская	50	64.	Тобольская.	18
3.	Харьковская	189	34.	Кубанск. об.	49	65.	Кутаиская .	17
4.	Полтавская.	173	35.	Могилевск..	49	66.	Петроковск.	17
5.	Екатериносл.	162	36.	Московская.	47	67.	Примор. об.	17
6.	Черниговск.	132	37.	Оренбургск.	47	68.	Елизаветп..	14
7.	Тифлисская.	119	38.	Терская об.	47	69.	Енисейская.	14
8.	Таврическая	109	39.	Калужская .	46	70.	Курляндск.	14
9.	Орловская .	106	40.	Виленская .	45	71.	Сѣдлецкая .	14
10.	Тамбовская.	103	41.	Вятская . .	43	72.	Нюландская	13
11.	Саратовская	100	42.	Минская . .	42	73.	Радомская .	13
12.	Курская . .	98	43.	Самарская .	42	74.	Эстляндская	13
13.	Пермская .	98	44.	Гродненск..	41	75.	Якутск. об.	13
14.	Казанская .	93	45.	Иркутская .	40	76.	Ломжинская	11
15.	Бессараб. об.	91	46.	Ковенская .	36	77.	Амурск. об.	10
16.	Воронежская	91	47.	Витебская .	35	78.	Кѣлецкая .	10
17.	Подольская.	89	48.	Сыръ-Д. об.	34	79.	Плоцкая. .	10
18.	Тверская. .	82	49.	Ставропол..	33	80.	Семирѣчен..	10
19.	Варшавская	79	50.	Забайк. об.	32	81.	Сувалкская.	10
20.	Обл. В. Дон.	78	51.	Вологодская	29	82.	Семипалат. об.	7
21.	С.-Петерб. .	73	52.	Лифляндск.	28	83.	Уральск. обл.	7
22.	Тульская. .	70	53.	Уфимская .	28	84.	Черномор. ок.	6
23.	Смоленская.	69	54.	Акмол. об.	27	85.	Сухумскій ок.	5
24.	Волынская .	68	55.	Томская . .	27	86.	Закатальск. о.	3
25.	Нижегород.	66	56.	Архангел. .	26	87.	Выборгская.	2
26.	Пензенская.	62	57.	Бакинская .	25	88.	Тургайская об.	2
27.	Псковская .	62	58.	Астраханск.	24	89.	Куопіоская.	1
28.	Рязанская .	62	59.	Люблинск. .	24	90.	С.-Михельская	1
29.	Симбирская.	61	60.	Дагест. об.	23	91.	Тавастгустская	1
30.	Новгородск.	54	61.	Калишская.	20			
31.	Владимірск.	53	62.	Эриванская.	20			4590

II. Въ С.-Петербургѣ	1505
III. Въ Москвѣ	418
IV. За границей	118
Всего: экз.	6631

А. Хомиховскій

Экспедиторъ редакціи.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1874 году.

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе. Январь: Начало сессіи петербургскаго земскаго собранія.—Отношеніе столичнаго общества къ интересамъ своего земства.—Рѣчь г. губернатора и предложеніе г. Шуберта.—Народное образованіе въ земскомъ бюджетѣ и земская учительская школа.—Вопросы народнаго здравія.—Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества.—Отчетъ комитета за 1872 годъ.—Post-scriptum: Отвѣтъ не на вопросъ петербургской „Nordische Presse" г-ну А. (398 стр.) — Февраль: Брачное торжество 11-го января.—Рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія.—Призывъ дворянства къ дѣлу народнаго просвѣщенія.—Адресъ московскаго дворянства и газетные толки. — Прошедшая судьба нашей народной школы и будущее ея развитіе. — Манифестъ о всеобщей воинской повинности.—Ея важное значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія.—Льготы и изъятія.—Очеркъ новаго устройства вооруженныхъ силъ.—Замѣтка по поводу вопроса о стипендіи баронета Вилліе (846 стр.). — Мартъ: Государственная роспись на 1874 г.—Отчетъ контроля за 1872 г.—Взглядъ на общее экономическое положеніе. — Вопросъ о бумажныхъ деньгахъ. — Металлическій фондъ.—Голодъ въ Самарской губерніи.—Выводы изъ фактовъ.—Облегченія обвиненныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ (384 стр.).—Апрѣль: Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1872 г.—Духовно-учебныя заведенія.—Отношенія къ расколу. — Узаконеніе раскольничьихъ браковъ.—Вопросъ о свѣтскихъ метрикахъ.—Безпорядки въ Холмской епархіи. — Учительскіе институты. — Клерикальные кружки (802 стр.)—Май: Правила о выдачѣ желѣзно-дорожныхъ концессій.—Новыя четыре дороги.—Уставы 18-го ноября.—Уставы 22-го февраля.—Безусловная гарантія.—Подписка и ея результаты. — Переоцѣнка недвижимыхъ имуществъ и проектъ очистки города въ Петербургѣ.—Проектъ городского налога въ Москвѣ.—Отчетъ Общества помощи при кораблекрушеніяхъ (340 стр.).—Іюнь: Вопросъ о продленіи срока службы мировыхъ судей.—Дѣло о подлогѣ.—Дѣло о мнимыхъ чудесахъ. — Дѣло о бритьѣ бороды.—Общія собранія Общества привислянской дороги. — Новыя предположенія о желѣзныхъ дорогахъ.—Образованіе акціонерныхъ обществъ.—Система государственной постройки желѣзныхъ дорогъ (773 стр.).—Іюль: Кто будетъ строить двѣ новыя желѣзныя дороги? — Вопросъ объ эксплуатаціи дорогъ.—Преобразованія гербоваго сбора.—Особенности новаго устава.—Новая воинская повинность и выселеніе.—Судебныя дѣла.—Вопросъ о замѣнѣ тѣлеснаго наказанія для ссыльныхъ женщинъ.—Результаты выпускного экзамена въ гимназіяхъ за 1873 г. (371 стр.).—Августъ: Положеніе о народныхъ училищахъ.—Число училищъ.—Вопросъ о надзорѣ.—Взглядъ на развитіе этого вопроса.—Новое устройство надзора.—Правила о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ.—Еще о способѣ постройки желѣзныхъ дорогъ.—Судьба двухъ новыхъ линій.—Октябрь: Преобразованіе мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.—Учрежденіе мировыхъ посредниковъ и ихъ дѣятельность.—Поземельныя дѣла и крестьянское управленіе.—Характеръ новаго устройства.—Издержки земства.—Проектъ закона о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ.—Преобразованіе квартирной повинности (817 стр.).—Ноябрь: Характеръ русскаго раскола.—Новыя секты.—Дѣленіе сектъ на два рода.—Сложность производства по дѣламъ раскола.—Процессъ игуменьи Митрофаніи. — Имущественныя права монастырскихъ начальствъ.—Призывъ къ воинской повинности на 1874 г. (875 стр.).—Декабрь: Уравненіе гражданскихъ правъ.—Узаконеніе раскольничьихъ браковъ.—Вопросъ о юридическомъ бракѣ.—Военная служба донскихъ казаковъ.—Перепись евреевъ.—Вопросъ объ учрежденіи одесской губерніи (865 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе. Январь: Начало парламентской сессіи въ Пруссіи (429 стр.).—Февраль: Распущеніе палаты общинъ.—Посланіе Гладстона

Храповицкаго, Н. Барсукова. — Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Вып. 3. Н. Костомарова.—Практическія замѣтки объ индивидуальномъ и общественномъ воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей, Адел. и Як. Симоновичъ.—Этнографическія наблюденія, И. С. Полякова.—Популярныя бесѣды о природѣ и человѣкѣ, Отто Улэ. — Исторія Бохары, или Трансоксаніи, Г. Вамбери.—Мартъ: Пугачевцы, Евг. Сальяса.—Международная научная библіотека. Вып. 1, Вальтеръ Беджготъ.—Сборникъ матеріаловъ, А. М. Байкова.—Исторія франкъ-масонства, I. Г. Финделя.—Сочиненія Генриха Гейне, П. Вейнберга.—Устройство человѣческаго тѣла, изд. редакціи „Природы".—Апрѣль: Путешествіе въ Туркестанъ, А. П. Федченко. — Полный хронологическій сборникъ законовъ, В. О. Леванда.—Международные словари, Н. Макарова.—Международная научная библіотека. Вып. 2. Гербертъ Спенсеръ, т I.—Опытъ статистическаго атласа Россійской имперіи, А. Ильина.—Май: Складчина.—Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Вып. 4. Н. Костомарова.—Путеводитель по Европѣ, П. Якубовичъ.—Курсъ гражданскаго судопроизводства, Кр. Малышева.—Собраніе трактатовъ и конвенцій, Ф. Мартенсъ.—Іюнь: Русская Библіотека. Томъ второй. М. Ю. Лермонтовъ.—Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Вып. 5. Н. Костомарова.—Парижъ въ Америкѣ, Эд. Лабуле.—Эскизы, П. Леонарда.—Антропобіологическія изслѣдованія, В. Я. Буняковскаго.—Іюль: Подъ тропиками, К. Ф. Аппуна.—Записки фельдмаршала графа Миниха, С. Н. Шубинскаго.—Полжизни, романъ, П. Д. Боборыкина. — Учебникъ пандектнаго права, проф. Виндшейда.—Уставъ о воинской повинности. — Путеводитель и собесѣдникъ, М. Владыкина.—Августъ: Исторія общаго государственнаго права и политики, I. К. Блунчли.—Славянская взаимность, I. Первольфа.—Руководство для типографщиковъ, Н. Ф. и Р.—Сентябрь: Русскія женщины новаго времени, Д. Мордовцева.—Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка, М. Владимірскаго-Буданова.—Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи.—Холерная эпидемія, Г. И. Архангельскаго. — Превращенія Публія Овидія Назона. — Калейдоскопъ воспоминаній.—Октябрь: А. С. Пушкинъ, П. Анненкова.—Историческія пѣсни малорусскаго народа, В. Антоновича и М. Драгоманова. — Руководство къ общей патологіи, др. Э. Вагнера.—Курсъ политической экономіи, Э. Вредена. — Сводъ матеріаловъ по кустарной промышленности въ Россіи, сост. А. А. Мещерскимъ и К. Н. Модзалевскимъ.—Романы Вальтеръ-Скотта.—Ноябрь: Законы и жизнь, М. И. Заруднаго. — Учебникъ химіи, С. Ковалевскаго. — Руководство къ педагогикѣ, И. Д. Бѣлова.—Варвары и средніе вѣка, Литтре.—Русская Библіотека. Т. III, Н. В. Гоголь.—Декабрь: Русская литература послѣ Гоголя, Ор. Миллера.—Натанъ Мудрый, В. Крылова.—Курсъ русскаго уголовнаго права, Н. Таганцева.—Гербертъ Спенсеръ, т. II: Изученіе соціологіи. — Указатель юридическимъ вопросамъ, Г. Трахтенберга.—Тарасъ Бульба, Гоголя. Н. фанъ-деръ-Флита и Кочетова.—Робинзонъ Крузе. А. Анненской.

V. **Извѣстія.** Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (янв. 478; фев. 962; мар. 454; апр. 904; май, 444; іюнь, 859; іюль, 427; окт. 883; нояб. 443; дек. 928). — Общество вспомоществованія студентамъ с.-петербургскаго университета. (янв. 479; апр. 916; май, 445).—Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній (янв. 480). — Уставъ саратовскаго общества вспомоществованія недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію (мар. 454).—Отчетъ саратовскаго Общества вспомоществованія недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію, за 1873 г. (апр. 918).—Отъ бердянской уѣздной управы: вызовъ сельскихъ учителей (іюнь, 862; іюль, 428). — Бюллетень общества русскаго мореходства (дек. 929).—Коммиссія по постройкѣ новаго собора въ г. Лугѣ (дек. 934).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 1874.

Книга одиннадцатая.—Ноябрь.

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

Конецъ девятаго года.

ская литература послѣ Гоголя. Публичныя лекціи *Ореста Миллера*. Спб. 1874. Стр. 190. Ц. 1 р. 25 к.

екціи эти читаны были пр. Миллеромъ въ тѣ и апрѣлѣ нынѣшняго года въ петербургъ собраніи художниковъ. Онѣ тогда же были ографированы, и нѣсколько исправленныя оромъ, печатались въ журналѣ „Недѣля", отъ и собраны въ настоящемъ изданіи. По нанію самого автора, въ нихъ остаются бѣли, остается нѣчто недосказанное; но нетря на то, они представляютъ удачный опытъ бразить всю новѣйшую нашу литературу, за люченіемъ драматической,—и многочисленная иторія, для которой читалъ г. Миллеръ и ую рѣдко собирали публичныя чтенія, достано свидѣтельствовала объ интересѣ его лек для большинства публики.

танъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе Лессинга. Перев. *В. Крылова*. Спб. 1875. Стр. 102+215. Ц. 2 р.

Переводъ текста самой драмы былъ помѣщенъ лась еще въ 1868 году; теперь она является особомъ изданіи исправленною и снабженною цѣлою монографіею о Лессингѣ и его драмѣ, примѣчаніями къ тексту. Появленіе русскаго ревода въ старое время могло, конечно, встрѣть себѣ препятствія, но менѣе понятно, пому самъ Лессингъ, отецъ литературной и художественной критики, такъ мало обращалъ на бя вниманія, что до сихъ поръ мы не имѣли одной самостоятельной монографіи, посвященной изслѣдованію реформаторской дѣятельсти Лессинга. Монографія В. А. Крылова няла въ соображеніе всю огромную литеру, которая возникла въ Германіи по поводу ссинга и его „Натана Мудраго"; мнѣнія и гляды критиковъ сравнены и провѣрены; внуенняя исторія творчества самой драмы проѣжена во всѣхъ подробностяхъ по сохранившейся перепискѣ Лессинга съ друзьями, и разъснено высокое нравственное значеніе драмы, торая, по замѣчанію Куно Фишера, справедво носитъ свое названіе: „она въ истинномъ глубокомъ смыслѣ слова — книга мудрости". собое изданіе драмы заставило себя долго дать, но за то оно сдѣлано теперь съ тѣмъ иманіемъ, какого заслуживаютъ и великое имя ессинга, и его классическое твореніе.

урсъ русскаго уголовнаго права, *Н. С. Таганцева*. проф. Спб. Унив. Часть общая. Книга 1-я, вып. 1. Спб. 1874. Стр. 284. Ц. 1 р. 75 к.

Полная программа курса будетъ состоять изъ рехъ главныхъ частей: введенія, общей части особенной. Вве… составитъ изложеніе обихъ понятій о содержаніи уголовнаго права и казаніе его источниковъ. Въ особенной части удутъ изложены и разобраны отдѣльные роды виды преступленій и ихъ наказуемости. Изъ бщей же ча… мы имѣемъ теперь предъ собою динъ перв… выпускъ ея первой книги, посвященной с…ціально преступленію; этотъ выпускъ обнимаетъ собою два первые отдѣла этой книги: о виновникѣ и о жертвѣ преступленія. Третій отдѣлъ, о преступномъ дѣяніи, составитъ предметъ второго выпуска первой книги. Наконецъ, вторая книга общей части обниметъ собою вопросы о наказаніи и его эквивалентахъ. Почтенный трудъ профессора, служа пособіемъ для академическаго преподаванія, послужитъ вмѣстѣ, благодаря богатымъ цитатамъ, полнымъ указателемъ всей литературы уголовнаго права, какъ

п. р. И. А. Гольдсмита. Т. II. Спб. 1875. Стр. 630. Ц. 1 р. 75 к.; два т. 3 р.

Въ дополненіе къ тому, что мы уже сказали недавно по поводу выпуска перваго тома Спенсера, присоединимъ, что во второмъ и послѣднемъ томѣ авторъ сначала разсматриваетъ подробно тѣ препятствія, какія встрѣчаетъ наука соціологіи въ патріотизмѣ, сословности, политикѣ и догматикѣ, и наконецъ въ односторонности умственной дисциплины; и въ заключеніе говоритъ о зависимости успѣховъ соціологіи отъ успѣховъ біологіи и психологіи. Общій выводъ у Спенсера тотъ, „что для всякаго общества и для всякой ступени его развитія существуетъ соотвѣтственный способъ чувствованія и мышленія, и что никакой способъ чувствованія и мышленія, не приспособленный къ степени развитія и къ условіямъ среды, прочно установиться не можетъ"... что „соціологія не можетъ быть вполнѣ признана наукой, пока остается вѣра въ общественный порядокъ, несогласный съ естественнымъ закономъ".

Указатель юридическимъ вопросамъ, разрѣшеннымъ уголовнымъ кассаціоннымъ и общимъ собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ Сената. Сост. об.-секр. *Г. И. Трахтенбергъ*. Спб. 1874. Стр. 1052. Ц. 4 руб.

Заглавіе настоящаго сборника, изданнаго министерствомъ юстиціи, достаточно объясняетъ его назначеніе. Содержаніе составляютъ всѣ рѣшенія, по 1 января 1874 г., какъ въ судебныхъ, такъ и въ распорядительныхъ засѣданіяхъ, равнымъ образомъ и приговоры уголовнаго кассаціоннаго департамента, въ его значеніи судебной инстанціи. Въ подобныхъ изданіяхъ, кромѣ полноты, особенно дорога простота самой системы; въ послѣднемъ отношеніи настоящій указатель безупреченъ: самые тезисы расположены въ алфавитномъ порядкѣ, и сверхъ того приложенъ постатейный указатель, гдѣ противъ статьи закона приведены нумера тезисовъ, разъясняющихъ законъ.

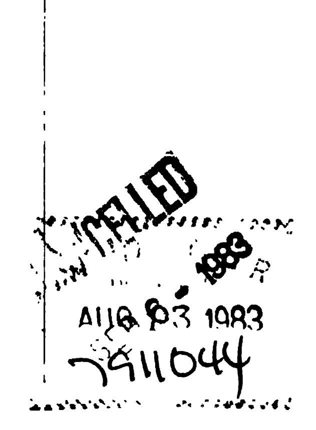
Тарасъ Бульба, Н. В. Гоголя, съ предисловіемъ Костомарова. Народное изданіе Н. фанъ-деръ-Флита и А. Кочетова. Спб. 1874. Стр. VI и 94. Ц. 20 к.

Мы уже указывали на это полезное изданіе съ цѣлью ознакомить нашъ народъ съ его же народными писателями, и теперь заявляемъ о выходѣ № 15, посвященнаго извѣстной малороссійской эпопеѣ Гоголя.

Робинзонъ Крузе. *А. Анненской*. Новая переработка темы де-Фоэ. Съ 10 картинами и 35 политипажами, рѣзанными на мѣди въ Лейпцигѣ. Изданіе Лесевича. Спб. 1874. Стр. 521. Ц. въ папкѣ 2 р.; въ пер. 2 р. 50 коп.

Классическое произведеніе де-Фоэ считаетъ за собою слишкомъ полтораста лѣтъ; въ концѣ прошлаго столѣтія, успѣхи педагогіи вынудили Кампе приступить къ первой его передѣлкѣ, которая и сдѣлалась съ того времени оригиналомъ для многочисленныхъ переводовъ; но и со времени Кампе прошло почти 100 лѣтъ, а потому новые успѣхи педагогіи потребовали снова не перевода, а передѣлки. Эту-то задачу и взяла на себя г-жа Анненская, и трудъ ея существенно отличенъ отъ переводовъ того же заглавія. Одобрительные отзывы, которыми этотъ трудъ былъ встрѣченъ въ журналахъ и газетахъ, вполнѣ заслужены этимъ изданіемъ.

3 2044 009 957 093

CANCELLED
AUG 03 1983
7911044